ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН

ПАМЯТЬ

ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН

ПАМЯТЬ

Владимир Чивилихин

Память

Роман-эссе

«Современник»
Москва
1982

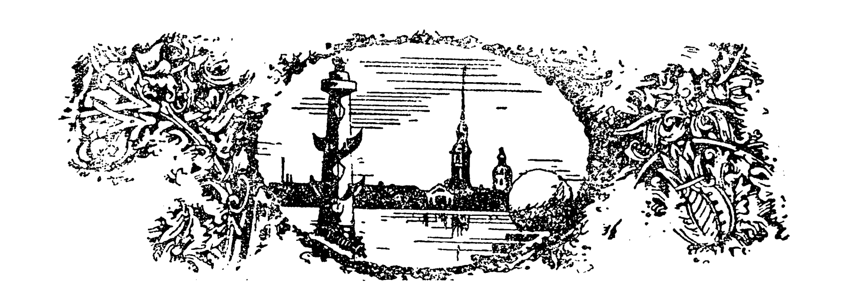
Р2
Ч-58

Чивилихин В. А.

Ч-58 Память: Роман-эссе.— М.: Современник, 1982.— 767 с.—(Новинки «Современника»).

Роман посвящен тысячелетней истории нашего Отечества, зарождению и становлению русской государственности и культуры, ратным и мирным его дням. Декабристы, ученые, воины, поэты, летописные герои-патриоты, подвижники всех сфер жизни оживают на страницах романа, пронизанного жизнеутверждающим мироощущением автора.

Ч $\frac{4702010200-034}{М106(03)-82}$ ББК84Р7
Р2

1 Сижу в полутьме архивного зала, кручу пленку; она время от времени мутнеет, и я прячу голову под черный чехол фильмоскопа, чтобы ученые соседи не увидели моих глаз...

Секретно, 8 октября 1844 года. От Главного управления Восточной Сибири, Иркутск. Его сиятельству графу А. Ф. Орлову. «Бывший Енисейский гражданский губернатор Копылов довел до сведения, что государственный преступник Николай Мозгалевский после болезни, продолжавшейся четыре дня, 14 июня сего года умер...»

«Четыре дня»... Зачем эта ложь? Уйти от суда истории? Николай Мозгалевский заболел чахоткой еще в Нарыме и — начальству это было известно — медленно, годами таял, пока не угас в Минусинске вечерней июньской зарей...

Может, всеподданнейший доклад Николаю I об этом происшествии нес сам Дубельт, подрагивая лосиными ляжками над зеркальным паркетом и мягкими коврами,— он уже был причислен к тем, кто мог входить в кабинет императора, не приподнимаясь на цыпочки. Или веленевую эту бумагу с вечера положили в кипу других документов государственного значения, однако царь, сидя поутру за просторным столом, еще пребывал в воспоминаниях о вчерашнем бале, о последней мазурке и о том, несравненно более приятном, что было после, когда императрица любезно удалилась в свои покои; но вот император вальяжно протянул руку к верхней сафьяно-

вой красной папке, и в перстне зажглась кровавая искорка.

На докладе о смерти Николая Мозгалевского есть помета: «Его Величество сие читать изволили». Только осталось неизвестным, по этому поводу или другому, раньше или позже император изрек свою сакраментальную фразу: «Их еще много».

Первым декабристом, умершим в том году, был Федор Вадковский, «северянин» и «южанин»; этот прапорщик Нежинского конно-егерского полка был также поэтом, композитором, пианистом и математиком. Незадолго до смерти лечился на сибирских минеральных водах, только это не спасло — 8 января 1844 года скончался в слободе Оёк под Иркутском. В последний путь его провожал товарищ по каторге и ссылке Алексей Юшневский, бывший генерал-интендант 2-й армии. После отпевания друга в слободской церкви он подошел к гробу проститься и упал замертво. 6-го июня на Енисее, в тысяче верст ниже Туруханска, скоропостижно скончался «славянин» Николай Лисовский.

Царю не приходилось слишком долго ждать очередного доклада о, как он выразился однажды, «mes amis de quatorze» («моих друзьях от четырнадцатого»). Через два месяца после смерти Николая Мозгалевского из Тобольской городской больницы вынесли холодное тело Александра Барятинского: рваное платье и прочие вещи бывшего князя и адъютанта главнокомандующего 2-й армией были оценены в одиннадцать рублей... 25 января следующего, 1845, года умер в Ялуторовске затравленный лживыми доносами и потерявший перед смертью рассудок Андрей Ентальцев. 10 мая Вильгельм Кюхельбекер, срочно приехавший в Курган из Смоленской слободы, записал в своем дневнике: «Сегодня в 3 часа ночи скончался на моих руках Иван Семенович Швейковский. При смерти его были фон-дер-Бригген и Басаргин». Товарищи похоронили Ивана Повало-Швейковского рядом с Иваном Фохтом, умершим за три года перед этим. 3 сентября 1845 года в Енисейске простился с жизнью Александр Якубович, ровно через три месяца, 3 декабря, не стало заточенного в Акатуе Михаила Лунина, а 11 августа 1846-го в Тобольске ушел из жизни ослепший поэт-декабрист Вильгельм Кюхельбекер...

Не сохранилось достоверных свидетельств об авгу-

стейших эмоциях при получении этих известий, но допускаю, что в те минуты царь мог даже скорбно вздохнуть и, как бы напоминая окружающим о бремени государственных забот, тотчас похолодеть глазами, которые Александр Герцен назвал «зимними», а Лев Толстой — «оловянными». Великий наш поэт Федор Тютчев написал вослед ему:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,—
Все было ложь в тебе, все призраки пустые.
Ты был не царь, а лицедей.

Продолжаю читать подсвеченные документы; застилает глаза, и я чувствую, что от давних «благодеяний» и «милостей» сиятельного графа Орлова, оказанных сиротам декабриста Николая Мозгалевского, бывшего члена общества Соединенных славян, вот-вот разрыдаюсь...

«...Семья его не имеет никаких средств к существованию...» «...Остались дети: сыновья: Павел 13, Валентин 11, Александр 9 лет и Виктор 9 месяцев, дочери: Варвара 17, Елена 6, Пелагея 4 и Прасковья 3 лет...» «Мать их просит отдачи их для призрения и воспитания в казенные учебные заведения с тем, чтобы сыновья не были зачислены в военные кантонисты...»

Секретно. 16 ноября 1844 года. С.-Петербург. 3-ье Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.

«Дети государственных преступников, родившихся в Сибири, записываются в ревизию для одного счета, и на них следует смотреть как на казенных поселян. Милость, оказанная в 1841 году детям преступников, рожденным от матерей-дворянок, последовавших за мужьями в Сибирь, помещением их, т. е. детей, в институты и корпуса, не может относиться к детям Мозгалевской, ибо она мещанка и тамошняя.

В кантонисты записываются дети преступников, поступивших в рядовые.— За сим детей Мозгалевской, по исключительному и беспомощному их положению, можно бы поместить в заведения приказа общественного призрения или приюты, буде таковые существуют в Сибири, по усмотрению генерал-губернатора».

Секретно. 25 декабря 1844 года. Его Сиятельству графу Алексею Федоровичу Орлову.

«Получив предписание Вашего Сиятельства от 16 минувшего ноября (№ 1418), долгом считаю довести до сведения Вашего, что воспитательных заведений, учрежденных от Приказов Общественного Призрения в вверенном управлению моему крае нет, кроме Иркутского училища, где воспитываются сыновья канцелярских смотрителей и бедных классных чиновников, где все вакансии заняты, и приемного дома при Иркутской гражданской больнице, куда поступают подкидываемые младенцы в первые дни по рождении, а потому, дабы дети умершего государственного преступника Мозгалевского не лишились изъявленной Вашим Сиятельством милости, я полагал бы необходимым испросить особое Высочайшее соизволение на помещение из числа их, трех старших сыновей его в Бухгалтерское отделение Коммерческого училища в С.-Петербурге, или же в школы: садоводства, шелководства, виноделия и земледелия, а младшего сына и дочерей, кроме старшей, в один из сиротских домов в Москве или других российских городах, на иждивении приказов общественного призрения существующих. Генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт».

Секретно. 29 января 1845 года, № 158. С.-Петербург. 3-ье Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.

«Милостивый Государь Вильгельм Яковлевич!

Обязываюсь ответствовать Вам, Милостивый Государь, что о подобном призрении детей государственного преступника, рожденных от жен сих последних из податного состояния, я нахожу с моей стороны невозможным предстательствовать. Граф А. Ф. Орлов».

Документы эти публикуются впервые, они говорят сами за себя, но сохранились от тех давних времен и другие, *декабристские.*

Александр Беляев — Михаилу Нарышкину:

«Мозгалевский умер. Может быть, вы уже знаете? Наше маленькое имущество мы все оставили вдове...»

Еще в 1840 году братья Александр и Петр Беляевы добились перевода на Кавказ в тяжкую, рисковую, но хоть в какой-то мере амнистирующую солдатскую службу. Это были настоящие русские люди. Они смолоду обладали свободным и широким взглядом на жизнь и, к слову сказать, не принадлежа к какому-либо тайному обществу, сочли своим гражданским долгом выйти 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь. Нелишне будет привести здесь слова Александра Беляева о том, чем для него стало сибирское изгнание: «Ссылка наша целым обществом, в среде которого были образованнейшие люди своего времени, при больших средствах, которыми располагали очень многие и которые давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была, так сказать, чудесной умственной школою...» И далее Александр Беляев пишет фразу, которая, при всей ее парадоксальности, отражает мнение определенной части сибирских изгнанников и многое говорит об авторе: «Если бы мне теперь предложили вместо этой ссылки какое-нибудь блестящее в то время положение, то я бы предпочел эту ссылку».

Навсегда прощаясь с Сибирью и зная, что едут под пули горцев, братья Беляевы, конечно, могли получить с какого-нибудь минусинского богатея крупную сумму за свои добротные постройки, племенной скот, ухоженную землю, сельскохозяйственные машины, семенной фонд, за все их отлично поставленное фермерское дело или же распродать хозяйство по частям, в том числе и на вывоз, и никто бы их, наверное, в том числе и самые строгие потомки, не осудил. Однако они поступили в соответствии со своими высокими идеалами и понятиями о подлинном *товариществе* — оставили все хозяйство Николаю Мозгалевскому, бедному, многодетному и больному декабристу, которому — быть может, они это понимали — уже недолго оставалось жить, разделив будущие доходы истинно по-братски, на три равные части.

...Время от времени я, проезжая центром Москвы, заруливаю на Смоленский бульвар и приостанавливаюсь на минутку близ дома № 12. Это двухэтажный угловой дом со старинными закруглениями окон по первому этажу, с неприхотливым карнизиком поверху второго, ржа-

выми водосточными и нечастыми уже в Москве печными трубами над железной крышей. В этом доме доживал свой век Александр Беляев, сюда приходил к нему из Хамовников Лев Толстой. Они подолгу беседовали, вспоминали-перебирали знакомых, молча размышляли, должно быть, всяк про себя и вслух друг для друга. Толстой позже написал: «Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов, и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всяческими почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проведшие жизнь в службе, обедах, картах были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым нечем хорошим было и помянуть свою жизнь; казалось, как несчастны были приговоренные и сосланные и как счастливы спасшиеся, а прошло 30 лет, и ясно стало, что счастье было не в Сибири и не в Петербурге, а в духе людей, и что каторга и ссылка, неволя было счастье, а генеральство и богатство и свобода были великие бедствия...»

Испытывая нижайшее почтение к гению русской литературы за все им передуманное, пережитое и написанное, я, однако, считаю, что приведенные выше слова из письма одному духобору вызваны были поиском лишних аргументов в пользу нравственных концепций Толстого тех лет, и, если б состоялся его роман о декабристах, он, будучи великим, а значит, честным художником, наверняка не обошел бы своим всеобъемлющим вниманием *и тех, кто не вернулся,* — его чуткая и мудрая душа сама бы потянулась к ним, повела перо и родила бы, могло статься, новые толстовские концепции, в том числе и политические...

Возможно, Александр Беляев рассказывал Льву Толстому и о Николае Мозгалевском — это было последнее и очень приметное *товарищество* братьев-декабристов в Сибири, которое должно бы запомниться на десятилетия. Будучи уже глубоким стариком, Александр Беляев вспоминал о своем отъезде из Сибири: «...хозяйство с лошадьми и скотом передали нашему многосемейному товарищу Н. О. Мозгалевскому из 3-й части дохода... Он пересылал нам на Кавказ нашу часть, т. е. две трети».

Попутно попрошу читателя обратить внимание на одно слово в этом отрывке — *«товарищ»*. Обращаясь так друг к другу сегодня, мы не задумываемся, из каких корней оно вошло в наш язык. За каждым русским словом, однако, есть историческая глубина; обращение «товарищ» явилось вроде бы в революцию, однако оно уже было в широком обиходе среди тех, кто готовил эту революцию, а впервые стало употребляться в почти сегодняшнем смысле среди декабристов,— чтобы убедиться в этом, прочтите их воспоминания, переписку, а также записки тех, кто имел счастье общаться с ними.

И у Толстого в приведенном выше отрывке внимательный читатель найдет это слово, и у Герцена, я же вспоминаю строчки Марии Волконской, от которых когда-то вздрогнул в самолете, летящем над Сибирью,— с этого началось мое путешествие в декабристское прошлое, и я их знаю наизусть: «...через Читу прошли каторжники; с ними было трое наших ссыльных: Сухинин, барон Соловьев и Мозгалевский. Все трое принадлежали к Черниговскому полку и были *товарищами* (курсив мой.— *В. Ч.*) покойного Сергея Муравьева». Значит, еще в том году, когда произошло это событие, слово «товарищ» уже жило в декабристской среде? Или, быть может, это слово-понятие вошло в «Записки» В. Н. Волконской позже, когда они писались? Но я где-то еще в документах декабристской поры встречал его!..

Долго вспоминал, рылся в своих карточках и блокнотах. Да, да, конечно,— вот оно, первое письмо Николая Мозгалевского, отправленное из Нарыма томскому другу 25 мая 1827 года. Мне посчастливилось найти его в архиве Октябрьской революции совсем в другом, не декабристском деле, и оно еще не опубликовано. Из тяжкой одиночной ссылки декабрист в упадке духа пишет, что лучше бы ему погибнуть «как Пестель с товарищами...».

И нельзя здесь, конечно, не вспомнить бессмертных строк Александра Пушкина, написанных за семь лет до восстания декабристов:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

А вот еще его же слова: «Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна...» Не все, правда, сибирские изгнанники попали на каторгу, не все были его друзьями — многих он никогда не встречал, однако всех считал своими братьями и *товарищами...*

В деле Николая Мозгалевского я обнаружил его последнее письмо в Петербург (графу Бенкендорфу от 22 мая 1842 года), тоже пока не напечатанное, из которого мы узнаем, что декабрист болен, работать на земле не может и не имеет «никаких дозволенных средств к своему существованию». Силы покидали его. Тихо покашливая, он бродил вокруг дома и, опираясь на палку, часто останавливался отдыхать; доставал из кармана платок, чтоб вытереть чахоточную испарину, потом другой — убрать подступающую из горла кровь.

Вишневый садик, что он развел по приезде в Минусинск, вымерз без укрытия, и уже не было сил его подновить, арбузная бахча без жирной навозной подсыпки, вырабатывающей тепло, перестала родить, хозяйство постепенно приходило в запустение, а минусинские обыватели самовольно прирезали себе полоски декабристских пашен, вымахивали травы «секлетных» лугов. Мозгалевский успел продать кой-чего, купил лесу и нанял плотников, чтоб расширить домишко — большому семейству стало совсем тесно в прежнем помещении. Отложил он также кое-какие деньги на лечение и дальнюю поездку. В последнем своем письме властям просил разрешения отлучиться из Минусинска. Нет, не на запад — в Карлсбад, Крым или на башкирский кумыс,— туда путь декабристу был заказан,— а на восток, в Тунку, где жил в ссылке один из основателей общества Соединенных славян Юлиан Люблинский. Пока бумага ходила туда-сюда медленной санной почтой, декабрист слег окончательно, а обострение болезни весной 1844 года доконало его — он уже не мог без помощи Авдотьи Ларионовны и старшей дочери Варвары спуститься с крыльца. На этом крыльце он и умер — хлынула горлом кровь, и декабрист ею захлебнулся; было ему от роду сорок три, из которых он полгода пробыл в Петропавловской крепости, а в сибирской ссылке — восемнадцать...

Александр Беляев — Михаилу Нарышкину:

«Хозяйство наше в Сибири рушилось со смертью Ник. Ос. Мозгалевского. Мы написали им, что не хотим никаких счетов, и что они нам ничего не должны. Вообразите: бедная женщина и 8 человек детей!..»

И ей, одной, надо было как-то подымать семью, потому что она была мать. Ссыльные минусинские декабристы Иван Киреев и Николай Крюков помогли убитой горем Авдотье Ларионовне деньгами и делом — оборудовали пристройку под заезжий дом. Минусинск в те годы становился опорной базой развивающейся в горах добычи золота. Более или менее состоятельные минусинцы столбили участки, нанимали рабочих. Кинулись мыть саянское золото купчики из дальних мест, красноярские чиновники в отставке, и даже крестьяне бросали хозяйства, чтобы испытать зыбкое старательское счастье.

По пути в тайгу и обратно этот пришлый люд должен был где-то останавливаться в Минусинске, чтобы переночевать, сменить бельишко, подпитаться.

Авдотья Ларионовна открыла в пристройке маленькую гостиницу и обслуживала вместе со старшими детьми постояльцев — топила баню и печи, стирала, готовила, таскала по многу раз на дню холодный или горячий, но всегда тяжелый двухведерный самовар. Зимними вечерами вся семья сидела вокруг стола и лепила пельмени — тысячи, десятки тысяч пельменей; мороженые пельмени заезжие брали в тайгу мешками и в мешках же везли белые диски молока, которое Авдотья Ларионовна с надою скупала у соседок, разливала по чашкам и морозила. Тяжелее всего доставалась стирка; горячий пар в избе, тяжелые сырые простыни, руки, стертые в суставах, разъеденные щелоком до крови-язвы. И вечный детский крик и плач, и вечное недосыпание, и вечное угожденье окружающим, и этот вечный домашний труд, самый неблагодарный на свете,— дрова, вода, зыбка и пеленки, посуда и кухонный чад; подвиг обыкновенной русской женщины, растянутый на десятилетия, едва ли уступает какому-нибудь ее яркому порывистому деянию — такая, познавшая все тяготы жизни, и коня, если надо, на скаку остановит, и войдет в горящую избу, свою и соседскую...

Александр Беляев — Михаилу Нарышкину:

«После смерти Николая Осиповича она с 8-ю детьми живет, содержит постоялый дом для золотопромышленников. Грустно, когда вспомнишь о них...»

«К счастью, он успел сделать пристройку к дому, куда пускают золотопромышленников, и таким образом, семейство его имеет, хоть по крайней мере, кусок насущного хлеба, хотя и скудного».

Один из постояльцев, немолодой уже крестьянин, приехавший в Минусинск «снизу», некто Степан Юшков, стал появляться у Мозгалевских все чаще, иногда вроде бы и совсем без надобности, приносил детишкам сласти.

Авдотье Ларионовне — неловкое уваженье, заговаривал со старшенькой, Варварой, оглаживая бороду, а она, вдруг зардевшись, убегала за ситцевую занавеску. Наконец сыграли свадьбу, и детей осталось семеро...

Достаю из шкатулки единственную нашу фамильную драгоценность — золотой медальон в виде сердца-замка и такого же сердечка-закрышки, висящего на цепи, с запечатанным отверстием. «ВНЮ» — тонко выгравировано на обороте. Если это «Варвара Николаевна Юшкова», значит, в Минусинске к тому времени уже был достаточно квалифицированный мастер, если он сделал эту изящную вещицу, с миниатюрной, действующей до сего дня защелочкой!.. Правнучка декабриста Мозгалевского Мария Михайловна Богданова, когда я показал ей эту реликвию, тоже сочла, что она несет некую символику, и предположила, что такую необычную форму мог придумать только декабрист Иван Киреев, самый близкий друг семьи Мозгалевских, помогавший вдове даже из своего скудного казенного пособия. Он был хорошим художником-любителем, и многие его работы сохранились, только очень жаль, что написанный им портрет Николая Мозгалевского, свято хранившийся у потомков декабриста, сгорел во время большого минусинского пожара 70-х годов вместе с письмами Павла Выгодовского, Павла Бобрищева-Пушкина, ссыльных поляков... О Юшковых мы еще вспомним позже, а о главе рода Степане надо бы тут сказать, что это, видать, не был особенно «фартовый» золотопромышленник.

Степан Юшков, должно быть, не располагал большим достатком, не мог оказать значительной помощи матери, братьям и сестрам своей жены, а «предприятие» Авдотьи Ларионовны, требуя каторжного труда, не было, знать, слишком доходным...

Секретно. 28 мая 1848 года. Иркутск. Его Сиятельству графу А. Ф. Орлову от генерал-губернатора Восточной Сибири Н. И. Муравьева.

«Состоящий в должности Енисейского Гражданского Губернатора от 27 апреля вошел ко мне с представлением, в котором объясняет, что жена умершего государственного преступника Мозгалевского Авдотья Ларионовна, имея при себе семь человек детей и находясь в крайне затруднительном положении в отношении их воспитания, содержания и будущности, желает воспользоваться предложением некоторых сострадательных людей, живущих в Омске — отдать одну из дочерей Пелагею к ним на воспитание, а сыновей: Павла, Валентина и Александра в услужение также частным лицам, занимающимся торговлею и золотопромышленностью в Минусинском округе и других местах, а посему и обратились к нему с просьбой разрешить местное начальство на выдачу законных видов ея детям для свободного проживания в других местах Сибири. К удовлетворению таковой просьбы вдовы Мозгалевского статский советник Падалка просит моего разрешения, хотя нет в виду ни прямого закона, ни распоряжения правительства о том, какими правами должны пользоваться в отношении отпуска детей государственных преступников».

Из этой бумаги вышла некая юридическая закавыка. Высшие сибирские чиновники, основываясь на том, что «дети государственных преступников, рожденные в Сибири во время состояния отцов их в работах и на поселении, должны поступать в казенные поселяне», разрешили выдать сиротам декабриста Николая Мозгалевского «виды на свободное проживание по всей Сибири, руководствуясь в этом случае соображением, что вообще казенные поселяне из свободного состояния и поступившие в это звание из детей обыкновенных ссыльнопоселенцев имеют право отлучаться по всей Империи».

Граф Орлов, очевидно, усмотрел в такой формулировке вероятную возможность в будущем послаблений потомкам декабристов и, дабы в дальнейшем не было никакого смешения разрешительных мер для сибирских детей разных категорий, 4 июня 1848 года отписал «по случаю возникновения в Восточной Сибири вопроса о том, можно ли дозволять детям государственных преступников отлучаться по Сибири и Российским губерниям». По Сибири — да, но в Россию! — «...не удобно ли будет Вам, Милостивый Государь, о подобной просьбе предварительно сообщить мне и ожидать разрешения».

...Далекое прошлое обладает своей притягательной силой, не меньшей подчас, чем самая жгучая современность, и я не могу прервать эту историю на смерти Николая Мозгалевского хотя бы потому, что ни один декабрист, погибший в Сибири, не оставил после себя такой многочисленной, малообеспеченной и одинокой, без родственных связей семьи. Напоминая о восклицании Александра Беляева в письмах Нарышкину: «Вообразите: бедная женщина и 8 человек детей!», призываю и читателя вообразить себе это с учетом того, что речь идет о семье государственного преступника, лишенной всех гражданских прав. А я лишь сообщу, что никакого «призрения» сибирские власти так и не осуществили, лишь вынесли решение «О дозволении вдове государственного преступника Мозгалевского отдать детей своих на пропитание и в услужение лицам, желающим взять их себе» и назначили годовое пособие в сто рублей, будто дети декабриста, получавшего от казны двести, были виноваты вдвое больше отца! Если же перевести ассигнации в серебро, за которое тогда только и можно было в Сибири что-либо купить, то это составляло 26 рублей 7 копеек; рубль на две недели! Однако и такое скудное пособие было вскоре отобрано...

Вообразите себе последующие годы жизни этого огромного осиротевшего семейства сами, я же умолчу об этом, но приведу несколько эпистолярных документов, относящихся к теме. Письма адресованы одному из самых ярких и достойных людей того времени. Еще в ранней юности его выделил из всех прочих друзей-однокашников Пушкин, умевший мгновенно проникать в души людские. Это к нему поэт обратился в Сибирь

со стихами: «Мой первый друг, мой друг бесценный...»

Позже Ивану Пущину удалось не только напечатать эти стихи, но и приобрести их драгоценный автограф, который он хранил как святыню, вместе с письмами своего великого друга и другим знаменитым его стихотворением «19 октября 1827 года», присланным директором лицея Энгельгардтом на забайкальскую каторгу:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы
И на пирах разгульной дружбы
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В стране чужой, в пустынном море
И в темных пропастях земли!

Первый, бесценный друг поэта на каторге был вернейшим товарищем всем, кто нуждался в помощи и участии. Непререкаемый моральный авторитет и полнейший альтруизм выделили Ивана Пущина даже из его прекрасного окружения, которое как-то естественно и совершенно единодушно признало в нем своего старосту. Таким он и остался, на всю ссыльную Сибирь один, издалека согревая *товарищей* жаром своего сердца.

Иван Пущин, оказывается, был «толст и красив», хотя мне всегда почему-то представлялось, что он как бы полукопия Пушкина — бакенбарды, чернявость, стройность, изящество. Поверим, однако, женщине, человеку, близко знавшему его на поселении: «Голубые глаза смотрели весело, светлые волосы никак не хотели лежать по указанию гребенки, но, поднявшись над прямым лбом, перекидывались аркой вперед, под широким носом светлые усы ложились на верхнюю губу тоже выгибом: из-за высокого галстука, небрежно повязанного, выходил широкий отложной воротничок рубашки». А вот другое о нем: «Где бы ни жил Иван Пущин, он был доступен каждому, кто искал человеческой доброты, сочувствия и помощи», «...Вскоре после его прибытия в город, устремились к нему все униженные и оскорбленные, предпочитая его всем дипломированным адвокатам. Уверившись, что дело, о котором его просят, законное или гуманное, Пущин брался за перо...», «Хлопотал он за других всю свою жизнь»...

После амнистии Иван Пущин жил в подмосковном имении Фонвизиных, женившись на вдове покойного декабриста Наталье Дмитриевне...

Василий Давыдов из Красноярска — Ивану Пущину в Ялуторовск: «...Вдова Мозгалевского побывала у нас. Она совсем простая женщина, но с природным умом и тактом. Порассказала о том, как живут они в Минусе, как Тютчев тяжко болен, а лечиться не хочет, хотя ему губернатор разрешил поехать в Красноярск и даже в Томск для совета с медиками. Но он из Курагино — никуда. Как тут помочь, ума не приложу».

Иван Киреев — Ивану Пущину:

«Спрашиваете об Авдотье Ларион. Мозгалевской... Она тоже не без нужды. Три сына. Хотя и служат по прийскам, но наемщик, которого они были вынуждены поставить за себя в рекруты, стал им свыше 1000 руб., и хотя они теперь уже заслужили свой долг, это их очень расстроило. Во время тяжкой заслуги ее сыновьями денег на наемщика семейство Мозгалевских могло только жить благодаря действенному участию в нем князей Костровых... Представляя, что спрашиваете об Авдотье Ларион. с желанием помочь ей в случае нужды, мы, т. е. Костровы и я, в общем совете порешили из 100 рублей, посланных Вами, одну половину выдать Тютчевым, а другую — помочь А. Л. Мозгалевской...»

А следующее письмо я приведу полностью, слово в слово. Оно писано 6 декабря 1857 года в Минусинске — и не кем иным, как самой Авдотьей Ларионовной. Безграмотная девушка-сибирячка, научившаяся читать, считать и писать у покойного мужа-декабриста, просто и безыскусственно рассказывает о своем прошлом житье-бытье, о детях, о новых больших заботах и маленьких радостях.

«Милостивый государь многоуважаемый Иван Иванович!

Вы совершенно опровергаете русскую пословицу «сытый голодного не разумеет», дай Вам бог много лет здравствовать с уважаемою Натальей Дмитриевною за то, что вспомнил нас, горьких далеких. Дорогое участие

Ваше дает мне право на полную откровенность перед Вами, я столько вынесла горя, не дай бог и врагу моему, детей растила трудами своими, наконец, повырастила, авось, думаю, теперь отдохну; нет, дети на рекрутскую очередь попали, что я пережила за это время, один бог знает, у какого порога не стояла; наконец, золотопромышленники сжалились, дали на рекрута 1200 руб. сер., и три сына за эти деньги четыре года служили из одного куска хлеба.— Это, думаю, пройдет, сто руб. казна давала, надо Вам сказать, что дочь у меня хорошенькая, подарила ей платье, и я повезла ее в гости, а у городничего две дочери; платье на моей оказалось лучшее, г. городничий сказал: как, на дочери поселенца платье лучше, чем на моих дочерях, представил, что я богата, и лишил меня вот уже четыре года ста целковых. Этому трудно верить, что может быть так, но весь Минусинск подтвердит мои слова.— С приездом сюда нового окружного начальника, вполне благородного человека, я не ожидала, что они, сами не богатые люди, но помогали мне, сколько могли, а участие и внимание иногда дороже денег; дочь моя постоянно у них живет, также и дочь Петра Ивановича Фаленберга.— Во все время моего бедствия Иван Васильевич Киреев был мой благодетель постоянный, не имея сам ничего, что трудами добывал, уделял моим детям.— Александру Александровичу Крюкову я пошла один раз попросить десять руб., он мне в них отказал, имея тысячи! — В настоящее время здешний окружной начальник представил обо мне, описав мое горькое положение, и ходатайствует, чтоб мне выдали деньги и снова назначили сто рублей в год, что будет, не знаю, надо терпеть и ждать. Благодарю Вас за пятьдесят руб. сер.— Иван Васильевич уделил мне из ста руб., которые Вы послали на истинно несчастных сирот Тютчева. Для нас всех помощь Ваша истинное благодеяние и нетягостное, отрадное. Один бог может за это Вас вознаградить; детей надо на службу определить, чтобы дворянства не потеряли, на все надо деньги; последнего сына Виктора просила определить в корпус, такую программу прислали, что ни один учитель здесь не выдержит такого экзамена, что делать, не знаю, буду писать и просить, чтобы хоть куда-нибудь определили на казенный счет; простите, что я Вас заняла долго моим письмом, Вы выз-

вали и дали волю высказать Вам свое горе, горе нескольких лет. Я и мои дети целуем ручки у Натальи Дмитриевны, а Вам кланяемся до земли. Ваши преданные и покорные слуги и все ее дети Мозгалевские».

Послание трогает своей искренностью, доверительностью и человечностью выражения чувств; кроме того, это единственный дошедший до нас документ, так полно и бесхитростно характеризующий декабристскую жену-сибирячку и ее вдовьи заботы. Он интересен и тем, что с новой стороны освещает выдающегося декабриста Ивана Пущина, друга Пушкина, и многих, многих иных... В нем названо три живущих в Минусинске декабриста — Иван Киреев, Петр Фаленберг, Александр Крюков, вокруг витают тени еще четверых — Николая Мозгалевского, Алексея Тютчева, Николая Крюкова, Михаила Фонвизина... Подлинник письма Авдотьи Ларионовны Мозгалевской Ивану Пущину находится ныне в одном из столичных государственных рукописных хранилищ, и его особая историческая ценность состоит в том, что оно из первых рук свидетельствует о тесных связях декабристов и после амнистии, о братской выручке нуждающихся семей, о деятельности Ивана Пущина на посту декабристского «старосты» и распорядителя политической кассы взаимопомощи.

Правда, был он человеком до щепетительности скромным: «Досадно, что Мозгалевская благодарит меня, когда я тут нуль...» Адресат возразил: «Назначение денег Мозгалевской совершенно зависит от Вас,— я, конечно, не буду против Вашего решения. Да и к тому же деньги есть — так и нет ни малейшей причины не помочь ей... Довольно ли ей послать еще 100 р. на нынешний год, т. е. до августа? Напишите».

Эти строки написаны в Москве 27 января 1858 года одним замечательным человеком, о котором непременно следует вспомнить. Молодой чиновник министерства государственных имуществ Евгений Иванович Якушкин, сын декабриста. Разделяя революционные идеалы отца и его товарищей, Евгений Якушкин стал тайным корреспондентом «Полярной звезды», и большая часть декабристских материалов попала к Герцену при его посредничестве. Он неотступно просил декабристов писать воспоминания, и настойчивости этого человека мы обязаны

многими драгоценными страницами былого, впервые напечатанными за границей и на родине...

Иван Пущин — Евгению Якушкину:

«Как быть! Надобно приняться за старину. От вас, любезный друг, молчком не отделаешься — и то уже совестно, что так долго откладывалось давнишнее обещание поговорить с вами на бумаге об Александре Пушкине, как, бывало, говаривали мы об нем при первых наших встречах...»

Евгению Якушкину благодарны не только историки — для потомков декабриста Николая Мозгалевского он сохранил единственное письмо их прародительницы Авдотьи Ларионовны.

Иван Пущин — Евгению Якушкину:

«Вот Вам, добрый мой Евгений Иванович, для прочтения письмо Мозгалевской. Значит, Вы можете убедиться, что ей можно назначить, как я вам об этом писал с Нарышкиным».

Именно Е. И. Якушкин стал практическим организатором и казначеем декабристской артели взаимопомощи, возглавляемой Иваном Пущиным, который, как мы убедились, был прекрасно осведомлен о положении всех нуждающихся декабристов, их вдов и детей.

А вот новые строки из писем, касающиеся нашей темы.

Иван Киреев — Ивану Пущину:

«А. Л. Мозгалевская просит благодарить Вас за память о ней, за помощь семейству».

«Без всякого пристрастия об нашей общине можно сказать по совести, что она (дочь П. И. Фаленберга — Мина.— *В. Ч.*) и две дочери-девицы Мозгалевские — лучшие девицы в Минусинске, за неимением блестящего светского образования, были бы таковыми и не в одном Минусинске».

Иван Киреев — Евгению Якушкину:

Деньги, которые будут назначены семейством Мозгалевских и Тютчева, можно пересылать в Минусинск на имя старшего сына Мозгалевского — Павла Николаеви-

ча... Считаю излишним прибавить, что в исправном распределении всего присылаемого из Малой артели можно совершенно положиться на честного и доброго Павла Николаевича».

Петр Фаленберг — Ивану Пущину:

«Я передал ему (И. В. Кирееву.— *В. Ч.*) Ваше поручение, а также и Авдотье Илларионовне лично. Последняя повторяет Вам и Наталье Дмитриевне свою благодарность за присланные ей деньги, способствовавшие ей к отправке ея сына в корпус. Она усердно просит Вас, когда будете в Петербурге, узнать о сыне, Викторе, принятом в том же 1-м Кад. корпусе, где мой Федя, и пригласить молодого человека писать почаще к матери, получившей только одно письмо от него».

Иван Киреев — Ивану Пущину:

«Если будете в Петербурге, загляните в 1-й Кадетский корпус, отыщите там *нашего* (курсив мой.— *В. Ч.*) Виктора Мозгалевского и пристыдите его за то, что он родной матери не пишет».

Как видим, жизнь большого семейства Мозгалевских вроде налаживалась — все дети выжили, становились взрослыми, самостоятельными; эта победа над голодом и нищетой была бы невозможной без героических усилий Авдотьи Ларионовны и помощи декабристов — братьев Беляевых, Ивана Пущина, Николая Крюкова, Ивана Киреева, сыновей декабриста Ивана Якушкина — Евгения и Вячеслава, минусинского окружного начальника Н. А. Кострова, человека прогрессивных взглядов, умного, добросердечного и деятельного, оставившего заметный след в сибирском краеведении,— за время своей минусинской и томской службы опубликовал в различных изданиях сто тридцать статей по этнографии, экономике, истории, статистике, географии Сибири...

Эта поддержка выходила далеко за рамки денежной помощи из средств декабристской Малой артели. Братья Беляевы, добившись перевода на Кавказ, безвозмездно передали вдове все свое минусинское достояние. Николай Крюков по-отечески опекал осиротевшую семью в самые трудные для нее годы. Дочь Николая Мозгалевского, Елена, несколько лет прожила в семье Костровых, получив хорошее воспитание и неплохое — по условиям

Минусинска — образование. Самого младшего сына Виктора, родившегося незадолго до смерти декабриста, подготовил к трудным вступительным экзаменам в корпус Иван Киреев, до конца оставшийся верным «славянскому» братству. Брат Евгения Якушкина Вячеслав во время своей поездки по Минусинскому округу помог трем старшим сыновьям избежать рекрутчины, официально вытребовав из степи «наемщика», семье которого был уже дан задаток, но местные власти по каким-то причинам его не отпускали.

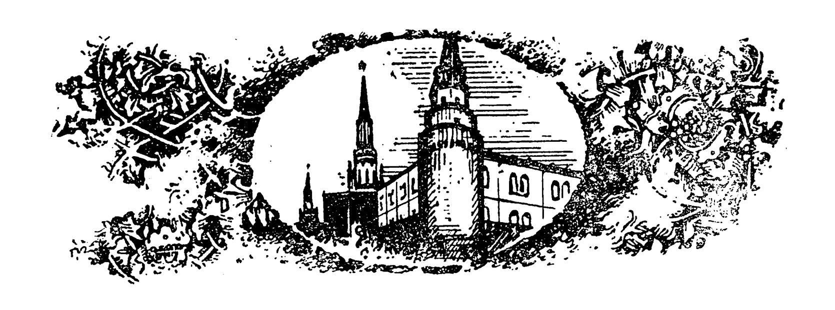
Эту ситуацию я поясню современному читателю.

Поставка наемного рекрута широко практиковалась в те годы состоятельными людьми, спасавшими таким способом от многолетней солдатчины своих сыновей. Однако в данном случае нужда накладывалась на нужду. Какая-то бедная степная семья, чтобы просуществовать, прикупив, скажем, скота, за деньги и вне срока отдавала молодого парня в солдаты, а вдова декабриста, чтобы надолго, если не навсегда, не расстаться с кормильцами, пошла «стоять у порогов», прося денег на подменного рекрута. Наконец минусинский золотопромышленник по фамилии Шемиот дал 1200 рублей серебром, закабалив сыновей декабриста,— четыре года они работали на его приисках без какого-либо жалованья, «из одного куска хлеба», как пишет А. Л. Мозгалевская Ивану Пущину. О судьбе наемного рекрута мы ничего не знаем — может, он вернулся на родину, а может, и сгинул в крымской или кавказской войне, став случайной и безвинной жертвой той жизни и все-таки не предотвратив этой жертвой ужасных трагедий в семье, от которой отвел рекрутчину...

Прежде чем рассказать о том, как великие беды вновь начали обрушиваться на Авдотью Ларионовну, накладываться одна на другую, чему, казалось, и конца не предвиделось, остановлюсь на судьбе третьей дочери декабриста.

Родилась она уже в Минусинске, с малолетства все звали ее ласкательно Полинькой — очень хороша собою была девочка, добра и нежна ко всем и всему. Это ее в 1848 году власти разрешили отдать в Омск, на пропитанье и воспитанье «добрым людям», которые вскоре переехали, увезя девочку от матери еще дальше, к самому Уралу. Они не виделись десять лет, и как все-таки жаль,

что сгорели в 70-х годах все бумаги Мозгалевских, в том числе письма Полиньки и ее воспитателей к Авдотье Ларионовне — в них могло отложиться немало весьма интересного. Дело в том, что «добрые люди» были не просто благотворителями из богатых мещан, купцов либо чиновников — воспитателем, вторым отцом Полиньки Мозгалевской стал чрезвычайно интересный человек, о котором, как и о его супруге и ее родне, я расскажу поподробнее. Но перед этим — о недавнем моем личном знакомстве с некоей юной москвичкой и заочном — с ленинградкой, прожившей, быть может, дольше всех других ее сограждан, и о том, как это странно-нежданно приключилось через посредство старых камней Москвы...

2 Когда увлечешься чем-нибудь искренне и надолго, то все окружающее как-то незаметно пропускаешь через призму этого настроя, а из встречных людей тебя больше интересуют те, кто способен понять твое состояние, но истинным праздником я стал считать день, когда кто-нибудь непреднамеренно и естественно вплетал хотя бы тончайшую ниточку в бесконечную цепочку прошлого, какая годами все туже скручивалась в моей памяти...

Вспоминаю о недавнем знакомстве с потомками декабристов Рылеева, Бечаснова, Раевского, Якушкина, вспоминаю, как мы с ландшафтным архитектором старой школы Михаилом Петровичем Коржевым неторопливо, не пропуская ничего, бродили по Кусковскому парку. Липовые аллеи, Оранжерея, Зеленый театр, Итальянский домик с нетрадиционными, излишне реалисти-

ческими, почти карикатурными барельефами патрициев, Эрмитаж — изящное двухэтажное каменное строение...

— Помню, незадолго до революции в этом Эрмитаже еще действовала подъемная машина,— рассказывал Михаил Петрович.— Хозяин мог пригласить гостей наверх и обойтись без присутствия слуг — блюда подавались снизу через отверстия в перекрытии и столе. Архитектор Карл Иванович Бланк.

— Из немцев небось? — спросил я, подумав, впрочем, что Бланк мог быть и из французов, если поначалу его звали Шарлем, а отца Жаном.

— Их тогда много обрусело, и не без пользы... Бланк тут в середине восемнадцатого века отделывал дворец, Оранжерею, устроил парк «Гай» со всеми павильонами, который ныне — видите? — оказался вне заповедной черты...

Эрмитаж был очень хорош, весь светился в липовых кронах! Позже я разыскал письмо П. Б. Шереметева московскому архитектору К. И. Бланку: «Государь мой Карл Иванович! Какие нынешним летом в селе Кускове у меня будут строения... Прошу, чтоб оные были начаты, не упуская время, а особливо армитаж».

А спустя год, когда мы с замечательным нашим реставратором-архитектором Петром Дмитриевичем Барановским вышли подышать в сад Новодевичьего монастыря, восьмидесятипятилетний архитектор, знаниям, памяти и горячности которого я не уставал поражаться, немедленно воспламенился:

— Карл Иванович? Это был выдающийся русский зодчий! Ново-Иерусалимский монастырь, конечно, знаете? Ну, ту феноменальную громаду, что патриарх Никон соорудил над Истрой...

— Бывал.

— Бухвостов, из крепостных архитекторов, все окружил камнем. Его — башни, надвратная церковь, и уж не знаю, кто виноват, что позже претяжеленный русский каменный шатер над романским ротондальным собором рухнул. Не предусмотрели прочных *связей*, о чем мы с вами не раз говаривали... Через сто лет после Никона шатер по проекту Растрелли восстановил в деревне Бланк. Это было сооружение высшей архитектурной кондиции, достояние общечеловеческой культуры. Его, как

вы знаете, взорвали фашисты... Жаль до слез, до боли вот тут.

Петр Дмитриевич тронул рукой грудь, задумался, и я тоже вспомнил жуткие руины Воскресенского собора, пытаясь вообразить, что собою представлял шатер Растрелли — Бланка. Мой собеседник был счастливее меня, потому что он его видел, и куда несчастнее, потому что острее чувствовал эту потерю, глубже понимал ее непоправимость. Правда, у меня давно были выписаны слова его покойного товарища, другого великого знатока академика Игоря Грабаря: «С точки зрения архитектурного типа здание было беспримерным и единственным во всей древней Руси. Его гигантский круглый зал с окружавшей его широкой галереей, наполненный светом, с исчезающим в высоте смело решенным шатром покрытия, тоже полным света и блеска, скульптурное и красочное одеяние стен собора — все это в превосходном синтезе производило потрясающее впечатление. Мощная романская ротонда Старого Иерусалима, соединенная с русской шатровой крепостной башней, и беспредельный в своих перспективных эффектах, огромной зодческой силы зал в духе барокко, насыщенный сиянием света, сверканием золота, морем лепки и росписей, слились в этом подмосковном соборе в единый ансамбль небывалой торжественности...»

С горечью я вспоминал также последнее свое посещение Нового Иерусалима. Шатер начали восстанавливать, однако это было гибелью памятника. Ошиблись в расчетах, не подняли всех документов, и шатер потерял два метра высоты. Бланк сделал с одной стороны его основания примыкающую заоваленность, а тут циркульный круг вытеснил, уничтожил балкон — неотъемлемую часть внешнего архитектурного убранства собора. Узкие люкарны, кроме того, не позволят по-старому впустить свет под шатровое пространство. Но главное — ребристый многогранник покрыли толстыми листами железа, которое уже начало ржаветь. Через два десятка лет они прохудятся насквозь и дождевые протеки загубят лепнину и весь памятник. Мы организовали на этот счет письмо в соответствующие инстанции, и решено пока прекратить работы по теперешнему проекту, который Петр Дмитриевич Барановский с самого начала называл невежественным и еще злее...

— А в Москве Бланк что-нибудь построил? — спросил я, заметив, что задумчивость покинула Петра Дмитриевича и он смотрит на меня, словно пытаясь вспомнить, на чем прервался разговор.— Где-то я встречал его постройку.

— Не спешите... На запад от Москвы, где я каждый камень помню, есть у него еще кое-что. Знаете Вышгород?

— Ну, Вышгород под Киевом был резиденцией Рюрика Ростиславича, который сразу после смерти князя Игоря разграбил и сжег Киев.

— Да нет, Вышгород под Вереей! Там стоит на восьмерике церковь Бланка прекрасных форм... А в Москве — Воспитательный дом на Солянке с казаковским фасадом сохранился, и тут же красовалась его прекрасная церковь Кира и Иоанна... Скажите, какое для вас имеет сейчас значение, по поводу чьих именин создавалась нетленная красота?

— Чаще никакого.

— Вот. Эту церковь возвела не Екатерина Вторая в честь своего воцарения, а московский архитектор Карл Бланк с мастерами-каменщиками!

— Мало кто его знает, только специалисты.

— Понятное дело... А он умел обойтись с камнем и скромно, сдержанно, в высшей степени благородно. Стояла такая церковка Бориса и Глеба у Арбатских ворот... Собственный сводчатый дом Бланка на Пятницкой. Несколько лет назад снесли, хотя я, кажется, сделал все, чтоб его спасти. И это Бланк, я его руку знаю. Мало ли, документы не найдены!.. Камень — тоже документ, да еще какой достоверный! Только его надо читать...

Вдруг я вспомнил, что знаю еще одну постройку Бланка в Москве. Когда попадаешь на Ново-Басманную, то непременно приостанавливаешься у церкви Петра и Павла под звоном. Вокруг нее великолепная кованая ограда XVIII века, охраняемая государством, а сама церковь чрезвычайно оригинальна и, кажется, одна такая на всю Россию — над ней вполне готический шпиль. Возведена была вскоре после основания Петербурга, когда строительство в Москве замирало, но самое интересное другое — проект-рисунок ее набросал не кто иной, как Петр, вспомнивший в тот момент, наверное, остро-

верхие голландские храмы, близ которых он в юности плотничал, осваивая корабельное дело. Колокольня стоит слитно с церковью и очень фундаментальна; второй ярус — восьмерик, а по углам ярусов мощные колонны дорического ордера.

— Петр Дмитрич,— сказал я.— Петра и Павла под звоном на Ново-Басманной помните, конечно?

— Как же! По эскизу Петра Великого строена. Только это не Бланк, он тогда еще не родился.

— Нет, я имею в виду колокольню.

— Бланк бесспорный, даже документы сохранились... Да, еще одна интересная постройка — Никола-в-Звонарях на Рождественке. Как эта улица теперь называется...

— Жданова.

На улице Жданова я бываю довольно часто, потому что там, неподалеку от Книжной лавки писателей и рядом с Архитектурным институтом, стоит Книжная лавка архитектора, где иногда можно застать что-нибудь интересное о зодчестве или парках. Однажды я решил заехать в этот магазин, забрав по пути дочь Иринку с консультации по истории — она готовилась к экзаменам в университет, занималась с утра до вечера, побледнела, вытянулась в штакетину, и я старался при любой возможности поэкономить ее время и силы. В машину вместе с ней села милая скромная девушка такого же заморенного вида и с такими же учебниками в руках.

— Удивительное совпадение! — сказала мне дочь.— Оказались рядом на консультации и живем рядом! Катя едет на проспект Мира.

— Правда что редкое совпадение,— пришлось согласиться мне.— Едем, только через улицу Жданова — потеряем несколько минут, прокатимся с Катей...

Девчонки засмеялись нежданному словосочетанию, и я был рад, что они услышали его, особенно за дочь рад, потому что она подала заявление на филологический. Как-то постепенно у нее это решилось — изучать сербскохорватский язык и литературу, с азов македонский, польский, древнегреческий и старославянский, продолжать английский...

— Сам же говорил, что из славянских языков сербскохорватский ближе всех древнерусскому!

— Это не я говорил. Это академик Корш говорил, когда разбирал ритмику и строй «Слова о полку Игореве».

— Тем более.

— А Пушкин насчет частицы «ли» в «Слове» писал, что доныне в сербском языке сохраняет она те же знаменования.

— Вот видишь!

В нашем небольшом семействе царит ничем не ограниченный культ «Слова» и его автора.

— И «Святославлич», «Гориславлич» — архаичные славянские лексические формы, идущие от сербскохорватского.

И она, конечно, знала, что ее дальняя родственница историк Мария Михайловна Богданова на Бестужевских курсах изучала языки, литературу и историю западнославянских народов.

— Кроме того, я разберусь в истории западных и южных славян, а то тебе все некогда! И родина сербскохорватского языка удивительно интересна, и наш предок принял когда-то в общество Соединенных славян единственного серба, и...

— Ну, это Иван Горбачевский считал Викентия Шеколлу сербом, а я не перепроверял.

— Хорошо, я найду время и проверю!

Что ж, у нее пятерочный аттестат и языки вроде бы идут; к концу нашего месячного пребывания в Польше она уже начала немного почитывать и поговаривать на польском, найдя этот язык мелодичным и красивым, несмотря на обилие шипящих и трудные в произношении группировки согласных.

— И еще наш предок со своими товарищами мечтал соединить всех славян в дружную семью...

Короче, аргументов в пользу выбора специальности набралось предостаточно, и — в добрый бы час!.. А пока едем по московским улицам к центру — они просторны еще, но вот поток встречных и попутных машин погустел, улицы словно сузились.

— Удивительное совпадение! — услышал я голос дочери.— Па! Катя, оказывается, тоже играет и у нее тоже есть собака.

Плохое совпадение — хорошо вроде бы живем, пиа-

нино и собак держим, но стандартно, даже в мелочах одинаково.

— Катя тоже на филфак мечтает? — спросил я, ожидая очередного удивительного совпадения.

— Нет, я на исторический.

— А что думаешь изучать?

— Конечно, русскую историю!

— Почему именно русскую?

Серый глаз в зеркальце исчез, ответа я не дождался.

Пересекли Садовое кольцо. Как всегда в таких случаях, мне хотелось мимоходом порассказывать Иринке, чего сам знал о памятных строениях по сторонам, на которых отложилась родная история — имена, даты, события, но за спиной слышался неостановимый девчоночий щебет об учителях, подружках, кино, гребле, лыжах и прочем, что мне было неинтересно, и я перестал слушать — пусть пощебечут, однако, отдохнут от событий и дат, скоро им станет не до щебета...

А я для себя решил объехать Кремль — это на досуге всегда прекрасный десятиминутный праздник.

С моста вырастают башни Антонио Солярио, потом на мгновенье околдовывает бессмертное творение Бармы Постника... Смотрю вперед, на дорогу, но уголком глаза вижу недавно раскрытые и уже неотъемлемые от Москвы архитектурные сокровища Зарядья — Варвара с классическими портиками на обе стороны, английское подворье — XVI век! Это Петр Дмитриевич Барановский, когда его привели сюда, на руины старых кирпичных стен, пощупал их руками, погорбился, пощурился и первым сказал: «Шестнадцатый, можете не проверять», а вскоре нашли нож английской работы и пломбы... Максим Блаженный, колокольня и собор Знаменского монастыря возвысились следом, братские кельи, палаты бояр Романовых, Георгий, Китайгородская стена, а за чужеродной гостиницей, загородившей полнеба, считай, почти не видно маленького белоснежного чуда со сложным именем — церкви Зачатия святой Анны, что в углу Зарядья...

Девчонки щебетали, не замечая ничего, кроме себя, и я, сделав большой круг, вернулся опять к Кремлю по Большому Каменному мосту. Вот за его выгибом возник, как старая умная сказка, непревзойденный Баженов, потом Бове, Казаков с Жилярди, Жолтовский, опять Каза-

ков, снова Бове, Шервуд, Мюр и Мерилиз, Валькот с мозаикой Врубеля, Монигетти, Померанцев... Площадь Дзержинского, Кузнецкий мост, улица Жданова.

— Ира,— не выдержал я под конец.— Вон за тем домом стоит, между прочим, Никола-в-Звонарях. Там интересный декор поверху, а в куполе круглые люкарны, как в первом, никоновском, шатре Воскресенского собора. Проектировал и строил русский архитектор Карл Иванович Бланк.

— Сейчас посмотрим.

— А его дочь Екатерина Карловна была матерью декабриста Николая Басаргина...

— Удивительное совпадение,— задумчиво проговорила Ирина.— Матерью нашего предка-декабриста, тоже Николая, была тоже Карловна, только Виктория. Француженка.

— *Этого не может быть!* — воскликнула вдруг Катя.

— Почему же? — удивилась дочь.

— Просто этого не может быть,— решительно встряхнула волосами Катя, но Иринка пообещала:

— Сейчас я тебе все объясню!

Оставив их объясняться, я зашел в магазин, чтоб взглянуть на книги, но так как интересных новинок не было, то быстро вернулся к машине.

— Ты сейчас узнаешь самое удивительное! — взволнованно сказала дочь.— Катя, оказывается, тоже четырежды правнучка одного из декабристов, погибших в Сибири!

— Н-но! Кого же?

— Василия Петровича Ивашёва.

— Ива́шева,— поправила Катя.

— *Не может этого быть!* — вскричал в свою очередь я.

— Может,— засмеялась девушка.— И он до самой смерти дружил с Николаем Басаргиным, который был крестным отцом всех его детей.

— Верно,— подтвердил я, трогая машину, в которой вдруг оказались два потомка декабристов, и все еще не веря в столь исключительный, редчайший случай.— Но какой же линии?

— Старшая дочь декабриста Мария Васильевна Ивашева-Трубникова — моя прапрапрабабушка.

Прапрапрабабушкой Иринки была тоже старшая

дочь декабриста — Варвара Николаевна Юшкова, урожденная Мозгалевская, и это, кажется, еще не все совпадения! Виктория де-Розет, мать «нашего предка», была из Франции, Камилла Ледантю, жена Василия Ивашева, тоже француженка... А Катя Зайцева продолжала говорить о Марии Васильевне Ивашевой-Трубниковой:

— Она была зачинательницей женского движения в России, открыла в Петербурге первый воспитательный дом для девушек, потом много сделала для создания Бестужевских курсов. Принимала у себя Веру Засулич и других революционеров.

— Знаешь, Катя, ты молодец! — сказал я.

— У меня целая папка о своих предках.

— Умница... Продолжай, пожалуйста.

— У нее было четыре дочери. Мария — в замужестве Вырубова, Екатерина — Решко, Ольга — Буланова и Елена — Никонова. Я иду от первой из них. Мужья этих внучек декабриста были «чернопередельцами», сидели в царских тюрьмах, а Ольга Буланова была сама политкаторжанкой и, кроме того, писательницей, издала «Роман декабриста» и «Три поколения»... А в Женеве есть могила — на плите написано «Мария Клавдиевна Решко, русская революционерка». Ее племянница Елена Константиновна Решко, дочь Екатерины Ивашевой-Решко, правнучка декабриста, живет в Москве...

— Спасибо, Катя. Разыщу.

— А я скоро еду в Ленинград. Там живет внучка декабриста Василия Ивашева.

— Внучка?! Но это, Катя, ведь невозможно! Сколько же ей может быть лет?

— Сто.

— Ровно?

— Да. Скоро сто один, поэтому я еду. Она была врачом педиатром. В начале войны, уже старушкой, она была назначена сопровождать эвакуированных школьников на Валдай, там тяжело заболела, а сообщение уже было прервано, и ее дочь Екатерина Семеновна — в нашем роду много Екатерин — с трудом доставила больную в Ленинград, откуда семья осенью сорок первого эвакуировалась в тыл... Екатерина Петровна еще сама на пятый этаж поднимается.

Будущий русский историк Катя Зайцева пообещала

мне показать свою папку, дала телефоны и адреса. Через несколько дней я связался с Еленой Константиновной Решко, а 10 сентября 1977 года отправил в Ленинград телеграмму Екатерине Петровне Ивашевой-Александровой: «Поздравляю Вас, старейшину декабристских потомков, с первым годом второго столетия Вашей прекрасной жизни. Доброго здоровья и сил».

А совсем недавно узнал, что в тот день ленинградцы доверху засыпали гвоздиками и розами скромную квартирку Екатерины Петровны.

Декабристов Николая Басаргина и Василия Ивашева действительно связывала крепкая дружба, начавшаяся еще в те времена, когда они были молодыми офицерами, адъютантами Витгенштейна. Василий Ивашев был скромным, чутким, чрезвычайно, как бы мы сейчас сказали, интеллигентным человеком. На каторге с ним произошел один примечательный эпизод, довольно известный, однако достойный того, чтоб повториться о нем, сделав здесь несколько шагов боковой тропкой нашего путешествия. В Чите Николай Басаргин получил известие о смерти своей маленькой дочки Софьи, это было его второе горе — мать девочки, урожденная княжна Мещерская, скончалась перед тем. Сам охваченный смертной тоской, декабрист, однако, находит в себе силы поддержать участливым словом друга, который незадолго до перевода декабристов на Петровский завод совсем упал духом, как-то странно замкнулся в себе, «был грустен, мрачен и задумчив». Только Басаргин никак не мог предположить, что Ивашев задумал в эти дни нечто особенное — изготовился рискнуть жизнью в безумном поиске свободы. Решение это, принятое в одиночку, было твердым и окончательным. Судя по всему, побег был уже подготовлен. В лесной глуши какой-то беглый каторжник, с которым Ивашев установил связь, будто бы вырыл для декабриста тайник, закупил и завез туда продуктов — Ивашев, оказывается, утаил от досмотров полторы тысячи рублей. И казематный тын уже подпилил соучастник Ивашева. Ночью они должны были встретиться у лаза, схорониться в тайнике, дождаться, когда прекратятся поиски, и направиться к китайской границе...

Николай Басаргин, узнав днем об этом плане, был уверен, что беглый каторжник либо убьет соучастника, чтоб завладеть деньгами, либо выдаст начальству, заслужив прощение себе. И он с трудом уговорил Ивашева подождать хотя бы неделю, еще раз взвесить все обстоятельства, подумать о возможных последствиях этого опасного замысла.

Три дня Николай Басаргин тревожно и заботливо опекал друга, надеясь, что тот все же не решится на непоправимый шаг, и, должно быть, не раз вспоминал, как ему самому предложили бежать из Петропавловской крепости. Унтер-офицер, стерегущий декабриста на прогулках, не только взялся устроить его на отплывающий ночью иностранный корабль, но «для примеру» доказал реальность этого дерзкого плана — однажды среди ночи вывел узника за крепостные ворота. Страж вознамерился бежать вместе с декабристом. Два обстоятельства помешали, одно серьезнее другого,— у Басаргина не было тех денег, что требовались для организации побега, и были нравственные обязательства перед товарищами. Кстати, он мог легко скрыться за границу еще из Тульчина — перед арестом в его руках случайно оказался чистый паспортный бланк, не востребованный к тому моменту каким-то французом, отбывающим на родину. Николай Басаргин уничтожил соблазнительную бумагу, чтобы пресечь мысли о побеге, которые — одни лишь мысли! — он счел бесчестьем...

А мне хотелось бы издалека проникнуть в душу того самого унтер-офицера; похоже, что это был не только рисковый и предусмотрительный, но и умный человек, внимательно присматривавшийся к трагедии, которая разворачивалась на его глазах, и, в отличие от его образованных, так сказать, подопечных, заранее увидевший ее финал. Дело в том, что он предполагал организовать побег еще одному декабристу, располагавшему и деньгами, и богатыми родственниками, способными материально поддерживать беглецов за границей. И тут ничего не сладилось, а этот вчерашний мужик тонко уловил, что все узники, как он сказал Басаргину, еще питают наивные надежды на милость молодого императора, хотя тот совсем «не такой человек», чтобы им можно было на что-то надеяться.

И еще я воображаю жертву, какою третий узник

Петропавловки мог обрести свободу. Генерала Михаила Фонвизина в бытность его на службе очень любили солдаты и офицеры за храбрость и доброту. В Отечественную войну он, оказавшись со своей воинской частью в плену, узнал о подходе русских войск к Парижу, поднял восстание и разоружил французский гарнизон одного городка в Бретани. Позже он запретил в своем полку телесные наказания. И вот декабрист Фонвизин однажды во время прогулки увидел, что охрану крепости несут его солдаты. Сразу узнав своего командира, они приблизились к нему и предложили немедленно скрыться за пределы цитадели, соглашаясь таким образом принять на себя царский гнев и понести неизбежную жестокую кару. Фонвизин поблагодарил их, но, разумеется, не мог принять этого самопожертвования, отказался избрать для себя судьбу, которая могла стать легче судеб его товарищей.

Наверное, легче и безопаснее других было бежать за границу Михаилу Лунину. Перед арестом о его судьбе шел затяжной, полумолчаливый спор между воцарившимся Николаем и его старшим братом, польским наместником Константином, отрекшимся от престола. Он отпустил Лунина к австрийской границе на медвежью охоту, однако Лунин предпочел другой маршрут и другую охоту...

Однако ближе всех к желанной цели оказался поручик Черниговского полка Иван Сухинов. После разгрома восстания, в котором он сыграл едва ли не самую активную роль, Сухинов бежал в Бессарабию, намереваясь перейти Дунай. Что он перечувствовал за полтора месяца скитаний, без гроша в кармане, что передумал, скрываясь от царских ищеек, посланных по его следу, один, как говорится, бог ведает, однако история сохранила свидетельство его состояния, когда он добрался наконец до пограничной реки; в тот переломный час он раскрывает свою душу, и, как любому из декабристов, ему нельзя не верить, нельзя не поклониться издалека его чувствам. «Горестно было мне расставаться с родиною. Я прощался с Россией, как с родной матерью, плакал и беспрерывно бросал взоры свои назад, чтоб взглянуть еще раз на русскую землю. Когда я подошел к границе, мне было очень легко переправиться... Но, увидя перед собою реку, я остановился... Товарищи, об-

ремененные цепями и брошенные в темницы, представились моему воображению... Какой-то внутренний голос говорил мне: ты будешь свободен, когда их жизнь пройдет среди бедствий и позора. Я почувствовал, что румянец покрыл мои щеки, лицо мое горело, я стыдился намерения спасти себя, упрекая себя за то, что хочу быть свободным... и возвратился назад в Кишинев...»

Как известно, Иван Сухинов покончил самоубийством на Зерентуйском руднике, когда его заговор был раскрыт, но мечта о восстании и побеге из Забайкалья была настолько соблазнительной и на первый взгляд легкоосуществимой, что задолго до Сухинова к ней коллективно пришли читинские декабристы, о чем рассказал в своих «Записках» Николай Басаргин. Семьдесят «молодых, здоровых, решительных людей», в большинстве своем военных, многие из которых имели богатый боевой опыт, могли легко обезоружить охрану и увлечь за собой часть солдат на Амур, чтобы сплавиться по нему и далее действовать в зависимости от обстоятельств. «Вероятности в успехе было много, более чем нужно при каждом смелом предприятии»,— воспоминательно писал Басаргин, и дерзкое дело вполне могло сладиться летом 1828 года, однако после неудавшегося заговора Сухинова власти усилили охрану читинского острога, и от этого плана пришлось отказаться навсегда.

Несколько позже задумал побег Михаил Лунин — изучал карты, приобрел компас, закалял себя воздержанием в пище; его могучая натура не устрашилась огромных трудностей, но трезвый ум все же устоял против рискованного соблазна. И вот через три года решился на одиночный побег Василий Ивашев...

Но среди недели, отпущенной ему другом на раздумье, комендант пригласил Василия Ивашева к себе, задержав на целых два часа, и Николай Басаргин с Петром Мухановым, тоже посвященным в тайну, подумали уже было о том, что она каким-то образом раскрыта. Ивашев, однако, вернулся и в бессвязных словах рассказал друзьям о нежданном, почти невероятном — француженка Камилла Ледантю, которая воспитывалась в доме Ивашевых вместе с сестрами декабриста, слегла и во время болезни призналась своей матери-гувернантке в давней любви к нему; она бы никогда этого не сделала, будь он в прежнем положении, но сей-

час, преступая светские приличия, предлагала ему свое сердце и руку, была готова приехать в Сибирь и разделить с любимым судьбу...

Ивашеву, когда он бывал в отпусках у матери, нравилась эта девушка, но в то время он, блестящий офицер и наследник огромного богатства, не помышлял о возможности столь неравного брака. И сейчас расценил необычное предложение девушки как жертву, которую он не сможет вознаградить. Басаргин и Муханов, однако, убедили его согласиться, отвращая одновременно невероятные опасности побега. Камилла Ледантю приехала на Петровский завод и стала вслед за Полиной Гебль-Анненковой второй француженкой-женой декабриста-изгнанника и последней из тех женщин, что в нашей памяти неотделимы от романтического героизма своих женихов и мужей, навсегда освящены святым ореолом подвижничества, сделались в России символом истинной любви и супружеской верности. На декабристской каторге Камилла Ивашева пришлась ко двору — легко подружилась с Марией Волконской и Полиной Анненковой, ее жизнерадостный нрав и открытость души сразу же были по достоинству оценены. И, должно быть, не случайно Александр Одоевский посвятил ей, француженке, стихи, пронизанные русской целомудренной интимностью, написанные в духе лирико-драматических народных песен и на старинный лад:

С другом любо и в тюрьме, —
В душе мыслит красна-девица:
Свет он мне в могильной тьме...
Встань, неси меня, метелица.
Занеси в его тюрьму;
Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу и я к нему.
Притаюсь, людьми забытая.

Камилла Ивашева и вправду целый год прожила с любимым в темной тюремной камере...

Давно пора переходить в нашем путешествии на новые пути-дороги, но с декабристами не так легко расстаться, потому что все сказанное о них до сих пор неполно!..

Перечитываю «Записки» Николая Басаргина. Это был очень скромный человек. Писал: «То, что случилось со мною по отъезде из Петровского во время

20-летнего пребывания моего в Западной Сибири, относится более ко мне одному и, следовательно, не может быть так интересно».

Наверное, декабрист действительно считал, что современникам «не может быть так интересно» знать о его личной жизни на поселении, мыслях, о людях, окружавших его, каких-либо переменах в судьбе. А мне, скажем, все это сейчас жгуче интересно, ввиду нескольких особых обстоятельств именно личной жизни этого «типичного» декабриста, а также потому, что так называемая личная жизнь каждого, где бы, когда и как он ни жил, не может быть полностью изолированной, являясь отражением-выражением неизбежного воздействия общества, побуждающего в человеке ответное, столь же неизбежное, и только это двуединство делает нас людьми и гражданами!

Заключают «Записки Басаргина» страницы о Сибири и ее судьбах — это мысли умного и знающего человека, глубоко заинтересованного в предмете разговора.

Между прочим, молодой Николай Басаргин по пути в Сибирь с ужасом думал о том, что ему предстоит до конца дней своих прожить в столь «отдаленном и мрачном краю», уже «не считал себя жильцом этого мира». Но «чем далее мы продвигались в Сибирь, тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленее, даже и образование наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими».

Пройдут десятилетия, и он напишет: «Сибирь на своем огромном пространстве представляет так много любопытного, ее ожидает такая блестящая будущность, если только люди и правительства будут уметь воспользоваться дарами природы, коими она наделена, что нельзя не подумать и не пожалеть о том, что до сих пор так мало обращают на нее внимания». Более ста лет назад декабрист считал, что когда б «дали ей возможность развить вполне свои силы и свои внутренние способы», она «мало бы уступала Соединенным Американским Штатам в быстрых успехах», а «в отношении достоинства и прав человека (я разумею здесь вопрос о невольничестве) превзошла бы эту страну...».

И далее Николай Басаргин развертывает обширней-

шую программу переустройства сибирских дел, исходя из особенностей того времени и того строя.

«Чего недостает Сибири?» — спрашивает он и отвечает с завидной обстоятельностью знатока и глубинной заинтересованностью российского гражданина: «...внутренней хорошей администрации, правильного ограждения собственных и личных прав, строгого и скорого исполнения правосудия как в общественных сделках, так и в нарушении личной безопасности; капиталов, путей сообщения и нравственности жителей, специальных людей по тем отраслям промышленности, которые могут быть с успехом развиты в ней, наконец, достаточного народонаселения». Добавлю, что Николай Басаргин стал первым в России человеком, который не только высказался о необходимости для Сибири железной дороги, но и предсказал направление первой сибирской трассы Пермь — Тюмень...

Басаргинская программа развития Сибирского края была исключена из первого дореволюционного издания книги, став общим достоянием лишь в 1917 году, и, несмотря на то что в ней было выражено немало наивных и несбывшихся надежд, она ценна убедительной критикой современных ему сибирских порядков, тонкими наблюдениями над бытом и общественным устройством сибиряков, толковыми предложениями и мыслями, часть которых не утратила своего значения и по сей день.

Перед новым нашим маршрутом в прошлое хочу, однако, все же приостановиться на минутку, чтоб коснуться хотя бы нескольких подробностей именно личной жизни Василия Ивашева и Николая Басаргина в Сибири, что позволит лучше узнать и понять декабристов, обнаружить скрытые от поверхностного взгляда связующие нити между ними, а также вместе со мной подивиться некоторым нежданным встречам на перекрестках людских судеб...

Помните, как в трудные, переломные моменты жизни декабриста Николая Басаргина у него умерла жена, затем дочь? Позже скончался его старший брат, а сам он заболел «воспалением в мозгу». Только стараниями товарищей по каторге, благодаря их леченью и уходу, он остался в живых, а Василий и Камилла Ивашевы окончательно выходили его вниманием и домашними

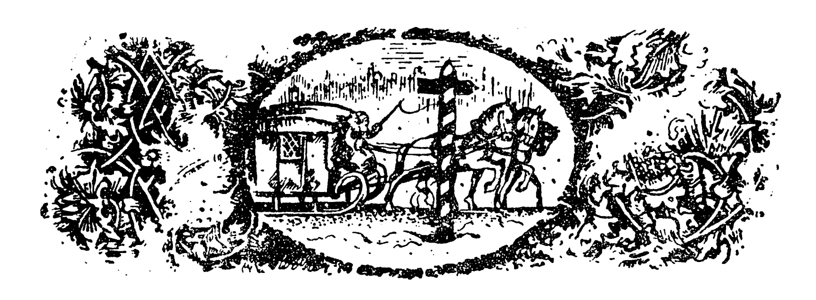
приготовлениями... «Я имел большое утешение в семействе Ивашевых, живя с ними, как с самыми близкими родными, как с братом и сестрой. Видались мы почти каждый день, вполне сочувствовали друг другу и делились между собою всем, что было на уме и сердце», а после каторги «...мы желали только одного, чтоб не разлучаться по выезде из Петровского». Родные Ивашева добились этого в Петербурге, и старые друзья оказались вместе в Туринске.

У Ивашевых все складывалось счастливо. Лад и любовь воцарились в семье, создавшейся при таких необыкновенных обстоятельствах. С маленькой дочерью Машенькой, будущей Марией Ивашевой-Трубниковой, они приехали на поселение, где у них родился сын и еще одна дочь. Дружба и братская помощь крестного отца их детей — Николая Басаргина — помогала сносить тяготы ссылки, а позже в Туринске оказались и Иван Анненков со своей женой-француженкой и детьми, а также еще один декабрист, о кристальной душе которого мы уже говорили,— Иван Пущин.

Она была тягостной, эта бесправная, поднадзорная жизнь на поселении в заштатном сибирском городишке, с его мещанским, лишенным возвышенных интересов населением, однообразной тусклой северной природой, однако Иван Пущин писал оттуда: «Главное — не надо утрачивать поэзию жизни, она меня до сих пор поддерживала,— горе тому из нас, который лишится этого утешения в исключительном нашем положении». Ссыльные декабристы, во многом сходные по характерам, образовали в Туринске дружный кружок соизгнанников-единомышленников, которые своим образом жизни и поведением оказывали благотворное влияние на коренных сибиряков. Николай Басаргин вспоминал позже: «Поведение наше, основанное на самых простых, но строгих нравственных правилах, на ясном понятии о справедливости, честности и любви к ближнему, не могло не иметь влияния на людей, которые по недостаточному образованию своему и искаженным понятиям знали только одну материальную сторону жизни и поэтому только старались об ее улучшении, не понимая других целей своего существования. Их сначала очень удивляло то, что, несмотря на внешность, мы предпочитали простого, но честного крестьянина худому безнравственному чинов-

нику, охотно беседовали с первым, между тем как избегали знакомства с последним. Но потом, не раз слыша наши суждения о том, что мы признаем только два разряда людей: хороших и худых, и что с первыми мы очень рады сближаться, а от вторых стараемся удаляться, и что это, несмотря на внешность их, на мундир, кресты, звезды или армяки и халаты, они поняли, что наше уважение нельзя иначе приобрести, как хорошим поведением, и поэтому старались казаться порядочными людьми, и, следовательно, усвоили некоторые нравственные понятия. Можно положительно сказать, что наше долговременное пребывание в разных местах Сибири доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей».

«Записки» Николая Басаргина, исполненные искренности, благородной простоты и сдержанности, я перечитывал много раз и буду, наверное, еще заглядывать в них, когда захочется забыть какую-нибудь жизненную дрязгу или криводушие человека, которому ты совсем недавно верил, наглое чинодральство или высокомерие, все мелкое и пошлое, пригнетающее тебя больше всего не тем, что оно какой-то своей зазубринкой достало тебя, а тем, что оно еще есть на родной твоей земле,— короче, когда потребуется очистить либо распрямить душу...

3 Нет, не удержусь, чтоб не навести читателя на раздумья *о наследии* декабристов. Александр Герцен назвал их мемуары «единственным святым наследством, которое наши отцы завещали нам». Понимаю это высказывание в том

смысле, что записки и воспоминания декабристов несут в себе концентрацию их гуманистических и политических идей, подробные, подлинные, из первых рук, свидетельства их революционной практики и духовной жизни, содержат богатейшие фактические данные о научной, просветительской, хозяйственной деятельности сибирских изгнанников или их личной жизни. Великая тема декабристского наследия рассматривалась в различных аспектах множеством исследователей, только я мечтаю прочесть когда-нибудь обобщающую серьезную и умную работу *о нравственном* их наследии, имея в виду не только морально-этические концепции первых русских революционеров и даже не столько влияние их образа жизни и поведения на современников, о чем так хорошо пишет Николай Басаргин, а более, на мой взгляд, важное — как воздействовали они на поколения соотечественников, как сказывается на нас, сегодняшних, то, что были эти люди в нашей истории и что были они именно такими людьми. Услышишь — *«декабристы»* — и откуда ни возьмись вспыхивают в памяти крутые события, дорогие имена, неповторимые характеры и горькие судьбы, благие дела и святые письмена, в душе затеплится что-то настолько родное и совершенно неотрывное от тебя, что без этого ты был бы совсем другим человеком — беднее и черствее, а твое восприятие и знание жизни, людей, истории Отечества лишилось бы драгоценной сердцевины. Память о декабристах — огромный нравственный потенциал нашего народа, его значение для будущего возрастает и непременно станет общечеловеческой ценностью, когда другие народы подробнее узнают и лучше поймут эту когорту замечательных русских людей, чистоту и высоту их помыслов и деяний.

Декабристы интересны для нас все до одного, со всеми их — с нашей, сегодняшней, точки зрения — слабостями и заблуждениями, большей частью и со всех точек зрения извинительными, дорога память о каждом из них — с их непохожестью друг на друга, в которой, думается, проявилась мудрость жизни, рвущейся вперед. Мы говорим обобщенно — декабристы, но как прекрасно был не похож Павел Пестель на Кондратия Рылеева, Михаил Лунин на Петра Борисова, Гавриил Батеньков на Ивана Горбачевского, Николай Бестужев на Ивана Пущина, Владимир Раевский на Вильгельма Кюхельбе-

кера, Николай Басаргин на Александра Якубовича, Александр Беляев на Николая Крюкова, Павел Выгодовский на Николая Мозгалевского!..

Видеть все эти разности — дело в значительной степени нравственное, обогащающее нас знанием русского характера и вообще человекознанием и помогающее нам понять, кто есть такие мы сами.

А вы заметили, что выше, перечисляя имена, я невольно составил список по степени их известности? В силу некоторых обстоятельств я пишу здесь больше о малоизвестных участниках первой русской революционной эпопеи, в частности о «славянах» и преимущественно об одном из них — Николае Мозгалевском. Так уж получилось, и пусть — мы должны ближе узнать и понять тех рядовых декабристов, которые не удостоились пока пристального внимания историков, а в иных случаях даже несущих на своих именах груз несправедливых, снисходительно-пренебрежительных оценок.

Напрашивается: «понять — значит простить», однако Николай Мозгалевский, например, со своими товарищами-«славянами» не нуждается в снисхождении истории, их совесть чиста, и нам, разбирающим прошлое, надо бы учитывать одно немаловажное обстоятельство — между декабристами существовала огромная разница в образовании, воспитании, общественном и материальном положении, идущая от рожденья и сохранившаяся до конца.

Самые тяжкие испытания выпали поначалу на долю первой партии декабристов-каторжников. Их было восемь человек, присланных на Благодатский рудник. Непосильный труд в глубине шахты, чад светильников, ужасающая теснота и духота в камерах тюрьмы, плохое питание, полное неведение о семьях, товарищах, будущем подрывали их физические и нравственные силы. Вот заключение лекаря, свидетельствующее о том, что сталось через год с молодыми, здоровыми, закаленными в воинской службе людьми: «Трубецкой страдает болью горла и кровохарканьем; Волконский слаб грудью; Давыдов слаб грудью и у него открываются раны; у Оболенского цинготная болезнь с болью зубов; Якубович от увечьев страдает головой и слаб грудью; Борисов Петр здоров, Андрей страдает помешательством в уме; Артамон Муравьев душевно страдает...»

Они содержались как простые каторжники, не имея возможности облегчить свое материальное положение за счет богатств, оставшихся у большинства в России на попечении родственников. Сохранилась расчетная ведомость Нерчинских заводов за август 1827 года. Больше всех причиталось самому здоровому из всех, бывшему руководителю «славян» Петру Борисову — рубль девяносто три копейки, меньше других двум бывшим князьям — Сергей Волконский получил за тот месяц шестьдесят пять с половиной копеек, Сергей Трубецкой — шестьдесят три с половиной. И все они, конечно, недолго бы протянули, если бы не вышло повеление собрать декабристов-каторжан в Читинском остроге, дабы усилить надзор за ними. Здесь, а позже на Петровском заводе, условия труда и быта были много лучше для всех, а для некоторых, получавших из России щедрые вспомоществования, особенно. Декабристы создали своего рода трудовую артель, подробный устав которой опубликовал в своих «Записках» Николай Басаргин, и общую кассу. Суммарный взнос делился поровну, хотя было немало таких членов артели, что вносили за год по две-три тысячи рублей в товарищеский фонд, не пользуясь им. И в этот период тяжелее всех пришлось ссыльным-одиночкам, не имеющим богатых родных и оторванным от своих товарищей. «Славяне» Аполлон Веденяпин или, скажем, Иван Шимков, не имея никаких родственных связей, жили в ссылке на двести рублей ассигнациями в год, и нужда, угроза смерти от голода, болезней, упадка душевных сил вечно давили их.

На поселении эта разница не только сохранилась, но и возросла. Волконские и Трубецкие, скажем, семьями в четыре-пять человек проживали за год до сорока тысяч рублей, а тот же Николай Мозгалевский на десять человек своего семейства располагал двумястами рублей ассигнациями годового казенного пособия — в двести раз меньшей суммой. Щепетильный разговор я затеял, однако он нужен, чтобы именно *понять* так называемых рядовых декабристов. Посему повторяю — учесть эту разницу из нашего далека было бы вполне гуманистично и высоконравственно, не ставя перед собою в данном случае вопроса о том, кто из декабристов заслужил своею жизнью в ссылке особо уважительную память потомков, а кто из них, так сказать, почти что не в счет...

И еще одной деликатной темы не могу не коснуться. Нам многое известно об очень известных декабристах и, естественно, довольно мало о малоизвестных, но как-то странно вышло, что историки и литераторы наши оставили почти без внимания огромный отряд героев 1825 года. Бросить на полпути моих спутников по путешествию в прошлое да заняться теми декабристами, что не менее других достойны нашей уважительной памяти?

Декабрист Михаил Шутов... Не слыхали? Фельдфебель. Это слово давно употребляется символически — человека, носящего этот низший воинский чин, считали в старой России (а в новой тем более) олицетворением тупости, верноподданнического ража, грубости, бессмысленной муштры. Однако фельдфебели, как и генералы, были, знать, разными. За отличную службу фельдфебель Черниговского полка Михаил Шутов в конце 1825 года был удостоен великой для простого человека чести — офицерского чина. Он не успел надеть на плечи эполет, но точно узнал, что приказ о его производстве в офицеры подписан. Перед ним открывалось будущее, но через неделю человек этот поступил не менее мужественно и благородно, чем самые благородные и мужественные дворяне восставшего полка. Он совершенно сознательно посодействовал освобождению Сергея Муравьева-Апостола, привел группу солдат в Васильков к революционной присяге, высказался за безоговорочное подчинение командирам, поднявшим знамя свободы. После разгрома восстания Шутова приговорили к жуткой пытке — двенадцати тысячам палочных ударов! Во время экзекуции спина его взбухла, налилась кровью, кожа полопалась, исчезла в красном месиве, а его, привязанного к ружейному прикладу, все тащили под барабанную дробь сквозь строй, пока он не упал без сознания. Полковой санитар подлечил его, чтоб он смог получить остальные тысячи ударов. Потом Михаила Шутова сослали в Сибирь, и, как пишут комментаторы событий, «его судьба неизвестна». Быть может, пока неизвестна? Человек не иголка даже в таком людском стоге, как Россия, или такой копн-копнище, как Сибирь! До недавнего времени была неизвестна и судьба Павла Выгодовского... И хорошо бы найти родное село Михаила Шутова, назвать его именем сельскую школу или клуб.

Клим Абрамов, тоже фельдфебель. Частый гость и любимец Сергея Муравьева-Апостола добровольно последовал за командиром. Хороший, верно, был воин — имел боевой орден. Две тысячи палочных ударов...

Бунтарь-семеновец 1820 года, солдат-пропагандист 1825-го Федор Анойченко, рядовой Олимпий Борисов, первым сорвавший на майоре Трухине копившуюся годами ненависть,— тоже каждому двенадцать раз сквозь тысячу шпицрутенов!

Декабристов-дворян, изгнанных в Сибирь после дознания и крепостного заключения, было сто двадцать один человек. По необъяснимому совпадению, к жестоким телесным наказаниям, последующей каторге и ссылке на Кавказ и в Сибирь был приговорен тоже ровно сто двадцать один солдат-декабрист, а всего на юге власти репрессировали около тысячи рядовых, унтер-офицеров, фельдфебелей и юнкеров.

На Сенатской площади был смертельно ранен картечью матрос 2-й статьи Анаутин, который задолго до восстания в родной деревне вел агитацию против помещиков, та же судьба у матроса 1-й статьи Соколова и корабельного музыканта Андреева. Были ранены в тот день, а после госпиталей и крепости отправлены на Кавказ матрос Анисимов, участник Отечественной войны 1812 года, матрос Трунов, канонир Крылов, юнга Баусов и многие их *товарищи.* И среди этих декабристов были доблестные и честнейшие защитники Отечества, отличившиеся в войне с Наполеоном, повидавшие Европу, были участники дальних морских плаваний, были агитаторы, организаторы и просто верные солдаты первого русского революционного выступления, исполненные смертельной ненависти к самодержавию и крепостничеству, потому что с детства испытывали их гнет на себе. Они были частицей народа, и лучшие из них рисковали в 1825 году сознательно, добровольно и отнюдь не меньше своих командиров. И почти сто лет назад, когда готовились к печати замечательные «Записки» Ивана Горбачевского, впервые так подробно и живо рассказавшие русскому читателю о «славянах» и черниговцах, Московский цензурный комитет писал в своем запретительном заключении, что во время восстания «многие из офицеров Черниговского полка оставляли свои места, из солдат же — никто»...

Официально их чаще называют «участниками восстания декабристов», но пора, наверное, начиная со школьных учебников и соответствующего научного тома о восстании декабристов, с мемориальных досок и музейных экспозиций, с лекций, календарей и брошюр, начать прочное внедрение в народную память понятий *декабрист-солдат и декабрист-матрос.*

В истории декабризма еще есть что открывать, узнавать, уточнять, сберегать и защищать, хотя многое безвозвратно утеряно — рукописи, портреты, вещи, письма, могилы. В Москве я знаю каждую декабристскую могилу, но в Сибири уже никогда не найти многих святых надгробий и оградок. И если, скажем, задолго до революции было потеряно в Иркутске захоронение декабриста-крестьянина Павла Выгодовского, «южанина» Андрея Андреева и «южанина-северянина» Николая Репнина, сгоревших в 1831 году в селе Верхоленском Иркутской губернии, Ивана Аврамова и Николая Лисовского близ Туруханска, Андрея Шахирева в Сургуте, то уже после нее в Кургане оказалось без надзора и до сего дня не отыскано место погребения Ивана Повало-Швейковского и Ивана Фохта. В селе Разводное под Иркутском еще в 1925 году чтили могилы Петра и Андрея Борисовых, поставили в том году памятник и оградку. Позже все это уничтожилось, холмик над прахом братьев-«славян» заровнялся и когда село уходило под воды искусственного моря, на этом месте ничего не было уже. Захоронения Николая Мозгалевского и Николая Крюкова, в том же 1925 году еще посещаемые жителями Минусинска и Красноярска, на дворе какой-то сельскохозяйственной конторы залиты асфальтом... Когда Мария Михайловна Богданова узнала об этом, она написала стихотворение, автограф которого недавно подарила мне.

Затеряны ваши могилы
На старом забытом погосте,
И к вам, нашим прадедам милым,
Никто не придет уже в гости.

Плиты не отыщешь в бурьяне,
В асфальте цветы не растут...
Кому помешал рядом с нами
Ваш скорбный последний приют?

О, как же мы все виноваты,
Что раньше сберечь не смогли

Клочочка просторной, богатой,
Родимой сибирской земли!

Его вы себе заслужили
По праву борьбы и труда,
О вас люди песни сложили,
А вот от могил — ни следа.

И темных надгробий обломки
Давно позасыпал песок...
Простят ли такое потомки
Иль бросят нам горький упрек?

В одном я не согласен с автором — не все мы, однако, виноваты! Все мы не можем знать всего, что происходит-приключается на необъятных просторах страны, в каждом ее уголке, не в силах предусмотреть возможных ошибок, оборачивающихся теми или иными потерями, в том числе и потерями, так сказать, нематериальными. Вспоминаю вот прекрасную экспозицию в Черниговском краеведческом музее о земляках-декабристах, но с досадой и горечью узнал, что в Житомире, где служили и были арестованы многие, по словам Герцена, «молодые штурманы будущей бури», главным образом «славяне», даже упоминания об этом не сыщешь.

Обстоятельства сии относятся к нравственной категории высшего порядка, и сейчас мы должны поспешить, дабы не остаться еще большими должниками перед своими потомками. Незадолго до трагической середины сороковых годов прошлого века, когда в быстрые сроки один за другим ушли из жизни десять декабристов — Федор Вадковский, Алексей Юшневский, Николай Лисовский, Николай Мозгалевский, Александр Барятинский, Андрей Ентальцев, Иван Повало-Швейковский, Александр Якубович, Михаил Лунин и Вильгельм Кюхельбекер,— Александр Герцен записал в своем дневнике: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования, а между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье... О, пусть они остановятся с мыслью и грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть».

Декабристы могли бы составить честь любого народа и любой эпохи, это национальная гордость великороссов, и память о них — огромное духовное богатство нашего общества. И, кажется, давно бы пора открыть

в стране Музей Декабристов, в котором сосредоточить наиболее ценное из их наследия, собрать туда все, что еще не стало общенародным достоянием, и я уверен, что в этот центр притечет много дорогого и памятного...

Летом 1977 года я встретился в Подмосковье с группой приезжих и московских молодых писателей, рассказав им в числе прочего о своем интересе к декабристам. После беседы подошел ко мне какой-то красивый юноша.

— Я студент Литературного института Андрей Чернов,— сказал он.— У меня есть шахматы Рылеева.

— Неужто! — вскричал я.— Откуда?

— Наследство двух моих родственниц. Старушки умерли, шахматы у меня.

— А как они к ним попали?

— Мои предки состояли в родстве с членом Северного общества Константином Черновым, которого незадолго до восстания убил на дуэли флигель-адъютант Новосильцов.

Офицер из незнатной и небогатой семьи вступился за поруганную честь своей сестры, погиб, а его двоюродный брат Кондратий Рылеев написал гневные стихи громкого политического звучания.

Клянемся честью и Черновым —
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!

Нет! Не отечества сыны
Питомцы пришлецов презренных!
Мы чужды их семей надменных,—
Они от нас отчуждены...

Вижу в одном из уголков Музея Декабристов шахматный столик со старинными фигурками, пояснение и стихи Кондратия Рылеева...

Незабываемое впечатление, вспоминаю, произвела на меня встреча с Еленой Константиновной Решко, правнучкой декабриста Василия Ивашева и внучкой известной общественной деятельницы Марии Васильевны Ивашевой-Трубниковой. Она давно уже на пенсии, слаба, даже с трудом пишет, но по-прежнему поддерживает стародавние связи с историками, искусствоведами, музейными работниками, многочисленными самодеятель-

ными исследователями нашего далекого революционного прошлого.

Ее комнатка — маленькая картинная галерея. Старинные портреты отца декабриста и матери его жены. Несколько портретов самого Василия Ивашева, в том числе и никогда не публиковавшаяся работа неизвестного художника, сделавшего итальянским карандашом выразительное изображение юного обер-офицера в эполетах, карандашный автопортрет декабриста, который, оказывается, неплохо рисовал, писал музыку и стихи. Висит на стене чудесная миниатюра — гуашь по слоновой кости, изображающая Камиллу Петровну Ледантю в те дни, когда она стала Ивашевой. Очень много бы мы потеряли, если б среди узников Петровского завода не оказалось такого одаренного художника, как Николай Бестужев! Сколько исторических лиц нам не довелось бы никогда увидеть, сколько драгоценных подробностей сибирской жизни декабристов, изображенных им, мы бы так и не узнали!..

Вот Елена Константиновна бережно выносит в малоподвижных бледных руках подлинную историческую и художественную реликвию, которую хранит в сокровенном месте, чтоб краски не выцвели. Это замечательный акварельный портрет Камиллы Петровны Ивашевой, выполненный в 1834 году Николаем Бестужевым и посланный ею из Сибири в имение Дулебино, что под Тулой, где жила ее сестра Сидония Петровна, мать русского писателя Дмитрия Григоровича, автора знаменитой повести «Антон-Горемыка», рассказа «Гуттаперчевый мальчик», многих романов, очерков, исследований... Камилла Петровна стоит в изящной свободной позе, легко опершись руками на мраморную колонку; нежное лицо полно поэтического очарования, уверенной кистью выписан воздушный шлейф и складчатое платье, потерявшее за полтора века свой первоначальный лиловый цвет. В письме сестре Сидония Петровна описывает общее восхищение портретом: «Сравнивая тебя с портретом, я радуюсь, что узнаю тебя в нем... Все, что может привлечь и заинтересовать, соединилось в этом прелестном портрете. Мы были восхищены, расстояние исчезло». Эти строки я записал в доме Е. К. Решко.

Портрет же был без подписи, потому что предназначался в Россию, но Николай Бестужев сделал с него

подписную авторскую копию в голубых тонах, которая через Василия и Камиллу Ивашевых, мать Камиллы Марию Петровну, приезжавшую в Туринск и позже возвратившуюся в Россию, через отдаленных потомков Сидонии Петровны попала перед войной в Государственный литературный музей... А Елена Константиновна Решко показывает мне портрет месье Веземейера, доктора Гейдельбергского университета, учившего детей сестры декабриста Екатерины Петровны Хованской вместе с Машенькой Ивашевой, которая, как написала на обороте Ольга Буланова, была обязана ему своим широким образованием. И светлый, ничуть не пожелтевший фотопортрет молодой Марии Васильевны Ивашевой-Трубниковой, активистки Российской Лиги Равноправия Женщин, что означено старинными золотыми буковками на подкладочном картоне.

Новые и новые лица, новые слова о старом, забытом, трогательные фамильные реликвии, в том числе полутораметровый жгутик-шнурок, сплетенный Василием Ивашевым из темно-каштанового локона покойной Камиллы Петровны. Елена Константиновна читает мне строчки из письма декабриста другу, с которым он делится своим горем: «В последнем слове вылилась вся ее жизнь; она взяла меня за руку, полуоткрыла глаза и произнесла: «Бедный Базиль!», и слеза скатилась по ее щеке... Нет у меня больше моей подруги, бывшей утешением моих родителей в самые тяжелые времена, давшей мне восемь лет счастья, преданности, любви, и какой любви... Чистая, как ангел, она заточила свою юность в тюрьму, чтоб разделить ее со мной... Боже, пошли мне сил и терпенья!»

Уходил я от правнучки декабриста со сложным чувством грусти, душевного осветленья, жажды жизни и совершенно уверенным, что тысячи людей будут, кроме знаний, уносить из Музея Декабристов нечто подобное, такое, чему нет ни цены, ни названья, ни меры...

А где-то в провинции недавно обнаружилось несколько книг из библиотеки Рылеева, куда-то бесследно исчезло огромное книжное собрание Пестеля — надо искать! Можно еще, наверное, напасть и на следы утерянных книг Михаила Лунина, и будут, конечно, счастливые неожиданности вроде той, что приключилась в Москве тем же летом 1977 года.

В списке делегатов Московского международного электротехнического съезда кто-то из его организаторов увидел редкое, памятное и звучное для русского уха имя: Муравьев-Апостол. Звонок в Исторический музей, но Мария Юрьевна Барановская, узнав, что швейцарский инженер называет себя потомком кого-то из декабристов Муравьевых-Апостолов, решительно заявила: «Ни у Ипполита, ни у Сергея, ни у Матвея Муравьевых-Апостолов детей не было». При встрече с учеными швейцарский инженер Андрей Муравьев-Апостол рассказал, что его предок был сыном сестры братьев-декабристов, в замужестве Бибиковой, а Матвей Муравьев-Апостол усыновил его, передав ему для продления рода свою фамилию. Когда же Андрея Муравьева-Апостола свозили к надгробию Матвея Муравьева-Апостола в Новодевичьем монастыре, показали подлинные документы, связанные со знаменитой семьей, другие надежно и бережно хранящиеся декабристские реликвии, он расчувствовался и откровенно признался, что никак не ожидал всего этого.

— В моей семье хранятся Кульмский крест и другие награды Матвея Ивановича и Сергея Ивановича, письма, трубка Матвея Ивановича, другие вещи...

— !!!

— Позвольте подарить все это вашему народу. Дайте надежный адрес...

Такого адреса давно ждут ученые, краеведы, собиратели исторических реликвий, потомки декабристов, живущие у нас и за рубежом, миллионы наших сограждан, уважающие святые страницы истории своего Отечества. Основой экспозиции, несомненно, должна стать галерея декабристских портретов, созданная в Сибири замечательным революционером, ученым, изобретателем и художником Николаем Бестужевым; это бесценное народное достояние, подлинное историческое и художественное сокровище до сего дня находится в частных руках! Об одном интересном с историко-научной точки зрения документальном экспонате будущего Музея Декабристов, который пока хранится у меня, я расскажу несколько позже, но как было бы хорошо поскорее учредить сам этот музей! Пока же в Москве одна только безымянная мемориальная доска на доме № 10 по Гоголевскому бульвару, где собирались декабристы.

Долгожданный Музей Декабристов или его ленинградский филиал давно пора открыть в Москве, где он будет доступен наибольшему числу посетителей. Надо учесть, что в Муравьевской школе колонновожатых, готовившей в Москве офицеров генерального штаба, в Московском университете и его Благородном пансионе воспиталось несколько десятков декабристов.

Первая декабристская организация — Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов отечества, основанная в Петербурге в 1816 году, развернула свою активную деятельность именно в Москве, здесь же в 1817 году возникло так называемое Военное общество, а в следующем — Союз благоденствия. В Москве множество памятных мест, связанных с рождением, воспитанием и деятельностью декабристов, и тут же — основной декабристский некрополь. На разных кладбищах Москвы похоронены Николай Басаргин, Александр Беляев, Михаил Бестужев, Павел Бобрищев-Пушкин, Матвей Дмитриев-Мамонов, Василий Зубков, Павел Колошин, Александр Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол, Михал Нарышкин со своей женой и спутницей по Сибири Елизаветой Петровной, Михаил Орлов, Петр Свистунов, Сергей Трубецкой, Александр Фролов, Петр Чаадаев, Павел Черевин, Иван Якушкин, в подмосковных Бронницах — Михаил Фонвизин и Иван Пущин...

В наличии — полный интерьер той поры, с мебелью и прочей обстановкой на много комнат, есть штатные единицы; запасники разных музейных и других государственных хранилищ готовы передать свои ценности, недоступные сейчас, в сущности, никому, а многие декабристские реликвии хранятся в музеях, так сказать, иного профиля. В разное время от потомков декабристов были переданы государству бронзовая чернильница и барометр Артамона Муравьева, нательный крест Матвея Муравьева-Апостола и чрезвычайно интересный его медальон, внутри которого выгравированы имена матери, сестер, братьев Сергея и Ипполита с датами их смерти, а также имя Ивана Якушкина. У потомков Василия Ивашева много десятилетий хранилась шкатулка, на крышке которой он изобразил себя и супругу в ссылке, чашка с инициалами Василия Петровича и

Камиллы Петровны, писанными золотом по фарфору,— это был подарок, заказанный Ивашевым-отцом в Париже... Все эти, а также многие другие вещи декабристов, включая, скажем, два кольца Ивана Пущина, сделанные на Петровском заводе из его кандалов, хранятся в одном из литературных музеев, хотя, как ни раскинь, место им — в Музее Декабристов...

И еще несколько слов об одном историческом предмете, имеющем отношение к людям, которых читатель только что узнал в подробностях их личной жизни и товарищеских связей... Каждого, кто впервые знакомится с духовным миром декабристов, поражают их незаурядные таланты, проявлявшиеся в разнообразных, подчас совершенно неожиданных областях. На этот счет сказано здесь кое-что, но далеко не все. Однажды мне прислали снимок с какой-то иконы. Не понял, кого она изображает и как называется; нежное и кроткое женское лицо, написанное маслом, пробуждает надежду на счастье и чувство умиления. На обороте доски написано рукою автора: «Марье Васильевне Ивашевой от крестного отца. Ноября 12. 1854 г.» И более поздняя приписка Ольги Булановой о том, что это свадебный подарок Николая Басаргина, собственноручная работа декабриста...

Пора! И предварительные разговоры давно ведутся, и все вроде бы давно согласны, и не раз инициативная группа собиралась, писала-хлопотала, и здание было найдено подходящее — старинный дом на улице Карла Маркса (бывшей Старой Басманной), в котором некогда жили Муравьевы-Апостолы... Да только отреставрированный особняк заняли другие хозяева, и разговоры поутихли, и организаторы поскучнели, а неостановимое время идет!.. Конечно, это дивно, что недавно в одном из старинных московских особняков открыт музей общественного питания, но давайте не будем забывать старую великую истину — не хлебом единым жив человек...

Музей Декабристов должен стать дотошным собирателем декабристских реликвий, главным хранителем народной памяти о первых русских революционерах, святым местом паломничества и добрым воспитателем — жизнь требует его! Он мог бы концентрировать и новейшие достижения декабристоведения, и открытия

неизвестного, и уточнения, на первый взгляд второстепенные, но делающие историческую картину более верной. Недавно были отысканы в Забайкалье некоторые акатуйские письма Михаила Лунина, обогащающие наши представления о декабристе, сражавшемся с царизмом до конца... При реставрации Спасо-Евфимьевского монастыря в Суздале найдено захоронение Федора Шаховского.

А о финале трудной, сложной, почти фантастической жизни одного из самых малоизвестных декабристов стало известно буквально только что. Юный дворянин Александр Луцкий воспитывался в привилегированном военном учебном заведении, но, знать, что-то такое таилось в этой натуре, проявившееся в поведении и не позволившее начальству выпустить его по назначению и с должным чином. Он стал всего лишь унтер-офицером лейб-гвардии Московского полка.

Хотел бы я увидеть эту отчаянную голову 14 декабря 1825 года на Сенатской площади! Вначале он был просто свидетелем всеобщей сумятицы и нежданных драматических эпизодов того памятного дня. Видел Бестужева, Щепина-Ростовского, Якубовича, ведущих агитацию среди офицеров и солдат, обратил внимание, как выяснилось во время следствия, на то, «что во время стояния в колонне было много во фраках, вооруженных кинжалами и пистолетами»,— интереснейший факт! Молодой подофицер быстро разобрался в обстановке, сбегал в казарму за ружьем и все остальное время, как значится в материалах следствия, «сильно действовал»—«кричал «у нас государь Константин!» и «коли изменников!», принял и исполнил приказ Александра Бестужева и Щепина-Ростовского о сдерживании цепи. К нему подошел сам Милорадович: «Что ты, мальчишка, делаешь?» Луцкий назвал и его изменником, после чего возбуждал криками солдат и толпу...

Первоначальный приговор был — повесить, замененный наказанием кнутом и вечной каторгой. Потом кнут был тоже отменен, остались лишение дворянства и двенадцатилетняя каторга с последующим поселением в Сибири.

Александр Луцкий стал единственным декабристом, отправленным из Петербурга по этапу вместе с партией уголовных преступников. Дорогой сильно болел и из-за

этого чуть ли не в каждом большом городе отставал от своей партии колодников. Лежал в Московской арестантской больнице три месяца, в Казани два, в Перми чуть ли не полгода, и, наверное, ни он сам, ни его врачеватели не предполагали, что ему суждена еще очень долгая жизнь, конец которой, повторю, обнаружен совсем недавно...

Должно быть, среди бесконечных сибирских просторов, открывшихся декабристу-кандальнику, пришло к нему отчаянное решение, и за Тобольском события приняли нежданный, почти невероятный оборот. Александр Луцкий полагал, очевидно, что при своем ослабленном беспрерывными болезнями здоровье он не только не вынесет тягот предстоящей каторги, но и не сможет дойти до нее. И вот он решил оригинальнейшим и дерзейшим способом вмешаться в свою судьбу. Или, может, в этом человеке испепеляющим огнем горела жажда свободы? Как бы то ни было, Александр Луцкий стал единственным приговоренным к каторге и ссылке декабристом, который хотя и ненадолго, но обрел эту свободу. Что же произошло?

У него с собою были тайные деньги, неизвестно как попавшие к нему после крепости и каким-то чудом сохраненные в многочисленных этапных лазаретах. Он решил пустить их в ход, заметив в партии, вышедшей из Тобольска, очень похожего на себя крестьянского парня, за что-то сосланного из-под Киева на поселение в Сибирь. Звали этого этапного Агафоном Непомнящим. Под Томском он за шестьдесят рублей согласился поменяться с декабристом именами, чтоб, может быть, совершить побег с приобретенными деньгами. Из Томска лже-Луцкий последовал дальше — к Иркутску, а лже-Непомнящий оказался на поселении в деревне Большекумчужской Чернореченской волости Красноярской губернии.

Каким образом он в следующем году был раскрыт ачинским исправником Готчиным, неизвестно. Может, стали подозрительными его дворянские манеры или же Александр Луцкий ненароком обнаружил знание французского? Ученые предполагают также, что декабрист скорее всего был выдан ссыльным, при посредничестве которого начал сноситься с отцом, живущим в России.

Когда Николаю I доложили о таком уж никак не предусмотренном происшествии, он распорядился отправить декабриста на каторгу, наказав за вторичное преступление. Александр Луцкий получил сто розог и стал единственным декабристом-дворянином, испытавшим столь унизительную экзекуцию. Однако это не было последним его преступлением и наказанием. Кажется, действительно ради свободы он был готов на все! Едва поступив в каторжные работы на Ново-Зерентуйском руднике, Александр Луцкий бежал и стал единственным декабристом, задумавшим и успешно осуществившим побег с каторги. Он пошел горами и лесами на запад. Благополучно миновал забайкальскую горную страну, обошел кручами Хамар-Дабана или переплыл на той же омулевой бочке Байкал, обогнул Иркутск и через всю эту обширную восточно-сибирскую губернию проник к Красноярску, намереваясь повернуть на юг, в пределы теплого Минусинского округа. Приняв вид нищего, он шел всю весну 1830 года, лето, осень и большую часть зимы. И если б в кино показать следующий эпизод этой необыкновенной эпопеи, то всяк счел бы его за досужую выдумку — дорога декабриста снова необъяснимо пересеклась с тем самым ачинским исправником, который его узнал. Наверное, тесно было в Сибири этим двум людям!

7 марта 1831 года Александра Луцкого привезли в Иркутск, чтоб на него посмотрел сам генерал-губернатор, потом взяли в железа и отправили на Нерчинские рудники. Шестнадцать ударов кнутом и тяжелая тачка, к которой его приковали цепью; Александр Луцкий стал единственным декабристом, который подвергся такому наказанию.

Какая, однако, неимоверная жажда жизни снедала этого человека! Нет, он не погиб на руднике, хотя пробыл в каторжных работах дольше всех остальных декабристов — до мая 1850 года! А в конце 1857-го, позже всех своих товарищей, исключая так и не прощенного Павла Выгодовского, Александр Луцкий получил амнистию, возвращение дворянства и право покинуть Сибирь, однако никуда не поехал. На поселении в Нерчинском горном округе он женился на дочери местного цирюльника Марии Портновой, имел большую семью, жил в постоянных трудах и нужде.

В самых последних изданиях о декабристе пишется, что к амнистии 1856 года в разных местах Сибири их нашлось всего девятнадцать человек; шестнадцать вернулось в Россию, трое умерли в изгнании. Неверно. Пятеро декабристов были казнены и умерли с честью; известны имена пятерых, что еще в России могли бежать за границу, но сочли безнравственным воспользоваться обстоятельствами; пятеро же остались в Сибири умирать. Бывший член тайного общества Соединенных славян Владимир Бечаснов заявил, что он отказывается от амнистии, если за ним остается полицейский надзор. Он скончался в 1859 году в селе Смоленском Иркутской губернии. Потом умер на Петровском заводе Иван Горбачевский, тоже «славянин» (1869), за ним — «первый декабрист» поэт Владимир Раевский (1872). Мария Михайловна Богданова, единственный наш историк, до конца проследивший мученический путь декабриста-крестьянина Павла Дунцова-Выгодовского, установила точную дату его похорон в Иркутске — 14 декабря 1881 года. «Славянин» Павел Выгодовский долго считался последним из декабристов, успокоившимся на далекой чужбине.

Пятым был Александр Луцкий, с самого начала потерянный товарищами и историками. Он совсем не значился в «Алфавите членом бывших злоумышленных тайных обществ» 1827 года, в «Записках» Михаила Бестужева и в письмах к нему Ивана Горбачевского, составившего подробный перечень горьких изгнаннических судеб, а также в «Погостном списке» Матвея Муравьева-Апостола. И только в 1925 году Б. Модзалевский и А. Сиверс опубликовали данные о нем, проследив, однако, его жизнь только до 1860 года. И вот, видимо, воистину окончательная поправка — Александр Луцкий на десять месяцев пережил Павла Выгодовского, умерев на поселении близ Нерчинских горных заводов в 1882 году...

А мне в последние месяцы мучительно думалось: где и в какой связи слышал я раньше, еще в юности, эту фамилию, Луцкий? Что-то необыкновенно драматичное, страшное, кровавое и огненное постепенно ассоциировалось в моей уже далеко не юношеской памяти с этой краткой фамилией, что-то непременно сибирское, что-то такое, чего я вроде бы не должен был забыть никогда!

И вдруг во время очередной ночной бессонницы вспыхнуло в мозгу, и рядом с фамилией Луцкого сошлись-подравнялись еще две — Лазо и Сибирцев. Да! Когда-то давным уже давно я читал о смерти Сергея Лазо, молдаванина, мученически погибшего на Дальнем Востоке за революцию. Членами Революционного военного совета в оккупированном японцами и распинаемом белогвардейщиной Приморье были назначены вместе с ним испытанный большевик Всеволод Сибирцев и бывший офицер царской армии, ставший коммунистом, Алексей Луцкий — статный, красивый, крепкого сложения человек, образованный и опытный военный специалист. Их всех троих арестовали японцы, перевезли на станцию Муравьев-Амурский и передали озверелым белогвардейцам. Сергей Лазо долго боролся в будке паровоза, пока его не оглушили ударом по голове и не втолкнули в топку. Сибирцев и Луцкий слышали все это в своих темных мешках. Их застрелили, не развязывая мешков, и тоже сожгли...

Звоню Богдановой, вспомнив, что эта восьмидесятитрехлетняя неутомимая труженица летом 1917 года встречалась в Красноярске с Сергеем Лазо, товарищем ее брата, покойный ее супруг Дмитрий Ефимович Колошин был правнуком декабриста Павла Колошина, и вообще она знает о прошлом много такого, чего я никогда не узнаю.

— Мария Михайловна! С Лазо в 1920 году сожгли Луцкого...

— Да, да. Красный командир Алексей Луцкий был внуком декабриста Александра Луцкого.

Мы все больше узнаем декабристов такими, какими они были, и — какими бы они ни были! — на каждом из них горячий отсвет истории Отечества, его начального революционного пути.

О моем интересе к малоизвестным декабристам я иногда делюсь со встречными или, так сказать, поперечными, внимательно выслушиваю добрые советы и с горечью и недоумением — недоброжелательные рассуждения высокообразованных мещан, нажимающих в разговоре на известные ошибки и слабости руководителей восстания 1825 года, зачем-то компрометирующих об-

лик героев досужими догадками, предположениями и сплетнями полуторавековой давности. Почти век назад Николай Басаргин, защищая от наветов первые жертвы самодержавия, святые имена своих погибших товарищей, писал:

«Они положили в России новый путь, усеянный терниями, страданиями... Вероятно, будут еще жертвы, но наконец этот путь когда-нибудь угладится, и по нему безопасно уже пойдут будущие их последователи. Тогда и их имена очистятся от отрицающего мрака и, освещенные благоговением потомства, озарят то место, где положили их прах».

Герцен, разбуженный, по словам Ленина, декабристами, осмысливая значение их подвига и проникая воображением в их внутренний мир, воскликнул:

— Да, это были люди!

В юности он встречался с полупомилованным Михаилом Орловым, позже, за границей, с престарелыми Сергеем Волконским и Александром Поджио; других декабристов, кажется, лично не знал. А девяностолетняя неграмотная бурятка Жигмит Анаева из Селенгинска, никогда, конечно, не слыхавшая о Герцене, но хорошо знавшая Николая и Михаила Бестужевых, трех их сестер, Константина Торсона, его мать и сестру и, быть может, видевшая гостивших у тамошних декабристов Сергея и Марию Волконских, Сергея и Екатерину Трубецких, Марию Юшневскую, Ивана Горбачевского, Ивана Пущина, по-своему, в привычном и вполне простительном для нее смысловом ключе, просто, спокойно и мудро, можно сказать, возразила известнейшему русскому революционному демократу:

— Это были бог, а не люди.

Как-то незаметно я отвлекся от Николая Басаргина и вместо обещанного рассказа о его личной жизни в Сибири свернул в сторонку, пусть и недальнюю, из которой пора возвратиться назад, к середине прошлого века, но перед этим надо бы в последний раз вспомнить о Василии и Камилле Ивашевых, предках новых моих московских и ленинградских знакомых — поворот в сибирской жизни Николая Басаргина, «типичного декабриста», как его назвал один исследователь, косвенно

зависел от трагической судьбы его друзей по каторге и ссылке...

Семья Ивашевых, сложившаяся при столь необычных обстоятельствах, была счастлива недолгих десять лет. Пришло в нее непоправимое горе, вызвавшее другое,— среди лютой зимы Камилла Петровна умерла в Туринске вместе с новорожденной дочерью, а Василия Петровича, объятого безысходной тоской, не стало в годовщину их смерти.

Схоронив друга, Николай Басаргин не пожелал остаться в Туринске — вскоре он получил разрешение переселиться в Курган, потом в Омск, где работал в Канцелярии Пограничного Управления Сибирских киргизов. Личная жизнь декабриста устроилась было в Туринске, однако брак его с дочерью поручика местной инвалидной команды Марией Мавриной оказался неудачным: молодая жена, чтоб замолить в монастырской тиши тяжкий свой грех перед богом и мужем — нарушение супружеской верности, на время удалилась от мира и через несколько лет умерла.

В 1848 году Николай Басаргин женился на купчихе Ольге Ивановне Медведевой, вдове умершего владельца стекольного завода. Супруги были уже немолоды и решили сразу же взять на воспитание ребенка. Доброму делу помогли общедекабристские связи, и на Урал семилетнюю приемную девочку везли в попутной кибитке из далекого далека — почти от самой границы с Урянхайским краем.

Это была Полинька Мозгалевская.

К тому времени в Ялуторовск переехали из Туринска Иван Пущин и Евгений Оболенский, жили тут Иван Якушкин и Матвей Муравьев-Апостол, Василий Тизенгаузен и Андрей Ентальцев. В лице Николая Басаргина ялуторовская колония приобрела еще одного полезного сочлена. Они были деятельны и дружны, эти ялуторовцы, их тесно сплотило одно общее благородное дело — просвещение. Гражданский подвиг Ивана Якушкина и его товарищей по ссылке много раз описан в подробностях, которые я опускаю, назову только попутно еще два имени, сделавших такой подвиг возможным,— священника Степана Знаменского, приду-

мавшего аргументы для легализации этой подлинно народной общеобразовательной школы, и ялуторовского купца Ивана Медведева, того самого владельца стекольного завода, внесшего незадолго до своей смерти на ее открытие главный денежный вклад. Еще, пожалуй, стоит сказать о конечном итоге работы знаменитого декабристского учебного заведения. За четырнадцать лет в нем обучалось более полутора тысяч мальчиков, треть которых прошли полный курс, и почти двести девочек закончили эту первую в России всесословную женскую школу.

Не удалось мне, к сожалению, установить с достоверностью, обучалась ли в этой школе Полинька Мозгалевская, или же занятия с ней проходили в семье Басаргиных, только она, судя по всему, получила достаточное по тогдашним временам и тамошним условиям образование, а о воспитании не стоит нам сегодня говорить — декабристская среда дурному не могла научить. Декабристы-ялуторовцы очень любили девочку, называли ее «наша Полинька». Матвей Муравьев-Апостол позже, когда она подросла и стала явной ее необычайная девическая краса, писал в одном из своих писем: «Полинька весьма мила и авантажна».

Приближался переломный час в судьбе воспитанницы Николая Басаргина. Вышла амнистия, и дети декабристов были восстановлены в дворянских правах, получив свободу передвижения. Полинька Мозгалевская к тому времени расцвела и заневестилась. В неизданном своем дневниковом «Журнале» Николай Басаргин воспоминательно записал: «Полинька была уже невестой, и нам с Ольгой Иван. хотелось, чтобы прежде, чем начать новую самостоятельную жизнь, она повидала бы большой мир».

В черновых незавершенных набросках тех лет сохранилась не только семейная хроника декабриста, но и его мысли о Крымской войне, политике, крепостничестве, царе. Вместе с другими своими *товарищами* Басаргин пришел к отрицанию войны как средству разрешения противоречий между государствами, а Николай I в его глазах не мог предстать перед судом истории в роли поборника свободы балканских народов, если «десятки миллионов его подданных одной с ним веры, одного происхождения томятся в оковах рабства

и тщетно ожидают своего освобождения». Николай Басаргин оставался декабристом до конца. Его опубликованные еще до революции «Записки» заканчивались вежливо-убийственной фразой: «В минуту смерти покойный государь не мог не вспомнить ни дня вступления своего на престол, ни тех, которых политика осудила на 30-летние испытания». Исходя из своих понятий, Басаргин надеялся, что память отравила последнюю минуту Николая I, однако на самом деле такого могло и не быть, потому что царь-лицедей жил и умирал совсем в другом нравственном состоянии, нежели его «друзья от четырнадцатого», и мог забыть о тех, кто хорошо все помнил с того самого четырнадцатого числа, именуя между собой заклятого своего друга «незабвенным»...

Собираясь с женой и воспитанницей в путешествие по России, Николай Басаргин не знал, как распорядиться собственной судьбой, и совершенно искренне писал в том же неопубликованном пока «Журнале»: «Не знаю еще сам, на что решусь я. Поеду ли в Россию или останусь в Сибири. В первой нет уже никого из близких мне людей. Разве поклониться праху их и ожидать в родном краю своей очереди соединиться с ними. С другою я свыкся, полюбил ее. Она дорога мне по воспоминаниям тех испытаний, которыми я прошел, и тех нравственных утешений, которые нередко имел». В долгом сибирском изгнании было у декабриста одно маленькое, но постоянное и предметное нравственное утешение — стертая, побывавшая в тысячах рук медная монета и воспоминанье о том, как она попала к нему. Однажды по пути на каторгу, когда стражники поместили Басаргина и его товарищей в заезжую избу на отдых, открылась дверь и вошла нищая старушка. Она привычно, будто прося подаяние, протянула декабристам костлявую руку, и товарищи вздрогнули — на ладони побирушки лежали старые медные монеты.

— Возьмите это, батюшки, отцы наши родные, вам они нужнее...

Вояж в Россию должен был помочь Николаю Басаргину определиться, где же ему доживать свой век вдвоем с женой, потому что судьба Полиньки пред-

определилась — состоялась ее помолвка с братом Ольги Ивановны, молодым омским чиновником, и воспитатели невесты готовились собрать для нее в поездке приличное приданое...

Не перестаю удивляться, до чего ж подчас неожиданно и причудливо переплетаются человеческие судьбы, перекрещиваются людские пути! Звали жениха Полиньки Павлом, и он ничем не был примечателен: разве что тем, что из-за какой-то истории его исключили из института. По просьбе Николая Басаргина видные декабристы устраивали его на службу. Правда, была у неудачного студента, расставшегося с наукой, фамилия, прославившая позже на весь свет науку России, но я пока пропущу ее в письмах Ивана Пущина — и здесь этот чудо-человек оказался необходимым!

Иван Пущин из Ялуторовска — Гавриилу Батенькову в Томск; 21 июня 1854 года:

«Я к Вам с просьбой от себя и от соседа Басаргина. Брат его жены некто [...] подал в Омске просьбу Бекману (томскому губернатору.— *В. Ч.*) о месте. Бекман обещал определить его, когда возвратится из Омска в Томск. Пожалуйста, узнайте у Бекмана и известите меня. Он заверил [...], что непременно исполнит его просьбу, а тот, естественно, очень нетерпеливо ждет».

Иван Пущин — Гавриилу Батенькову; 24 сентября 1854 года:

«[...] вразумлен. Он часто пишет с Колывани к своей сестре. Доволен своим местом и понимает, что сам (независимо от Вашего покровительства) должен устраивать свою судьбу».

Протеже декабристов, молодой трудолюбивый человек из хорошей сибирской семьи, устроил свою службу в купеческом городке Колывани-на-Оби, потом поработал в Томске, где стал первым редактором губернских ведомостей, затем перевелся в Омское генерал-губернаторство, иногда наезжая в Ялуторовск, к своей старшей сестре, жившей в знаменитом декабристском окружении. Красота и нежность полусироты Полиньки Мозгалевской заприметилась ему, и вот 10 марта 1858 года Иван Пущин сообщил своей жене Наталье Дмитриевне: «Аннушка (побочная дочь И. Пущина.—

В. Ч.) мне пишет, что в Нижний ждут Басаргиных и что Полинька невеста Павла [...], что служит в Омске. Может, это секрет, не выдавай меня. Летом они, кажется, едут в Сибирь».

Басаргины со своей невестой-воспитанницей погостили-отдохнули в Нижнем Новгороде и отправились в Москву. В поездке декабрист вспоминал далекое прошлое и со стариковской грустью отмечал, что тридцать лет спустя российская жизнь течет в том же разладе с его юношескими мечтами. Он решил посетить все милые ему места и дорогих людей. Муравьевская школа колонновожатых, некогда сформировавшая его мировоззрение, родная Владимирщина и, конечно же, Украина, Тульчин, где он был арестован. Могила жены и дочери Софьи, крестницы командира 31-го егерского полка Киселева, который за эти годы стал графом и государственным деятелем крупнейшего калибра... Каменка, куда воротилась из Сибири Александра Ивановна Давыдова, оставив в Красноярске дорогой холмик земли,—декабрист Василий Давыдов не дожил до амнистии всего нескольких месяцев... Киев, мать русских городов, Смоленск и Дорогобуж, близ которого, в селе Алексине, жил родственник декабриста Барышников, посылавший ему в Сибирь средства для безбедного существования. Снова Москва, встреча с одинокой Александрой Васильевной Ентальцевой, некогда последовавшей за мужем на Петровский завод, позже «ялуторовкой», а теперь уже слабой и больной, схоронившей в Сибири мужа... Опять на родину потянуло, где Николай Басаргин принял окончательное решение — поселиться там и доживать свой век.

Александра Ентальцева из Москвы — Ивану Пущину в Марьино:

«Басаргины уехали на первой неделе поста в г. Покров Владимир. губ. Полинька помолвлена за второго брата Ольги Ивановны, за Павла [...], помните, он гостил у них против вашей квартиры... Хороший молодой человек, *а какой славный малый меньшой ее брат!..* (курсив мой.— *В. Ч.*). Если они не поедут в Сибирь, то Полинькин жених сам приедет сюда за своей суженой; Полинька хорошая девушка, очень неглупа и вообще очень пристойна».

Вскоре Николай Басаргин посетил и Марьино под Бронницами, где жил Иван Пущин с Натальей Дмитриевной. Но прежде чем переселиться в Россию, декабрист решил до конца исполнить свой нравственный долг.

Иван Пущин — Марии Ивашевой-Трубниковой; 30 июля 1858 года:

«Крестный твой (то есть Н. В. Басаргин.— *В. Ч.*) поехал в Омск, там выдаст замуж Полиньку, которая у них воспитывалась, за [...], брата жены его, молодого человека, служащего в Главном Управлении Западной Сибири. Устроят молодых и вернутся в Покровский уезд, где купили маленькое имение».

Басаргины отправились попрощаться с Сибирью навсегда и навсегда же, после свадьбы, оставить там свою воспитанницу. Венчал молодых в омском Воскресенском соборе протоиерей Степан Знаменский — эту честь оказал он по просьбе невесты и ее приемного отца. Знаменский хорошо знал Полиньку еще по Ялуторовску, жалел и любил ее, как все тамошние декабристы, которые хорошо знали и любили этого прекрасного русского человека. О его честности, добросердечии, благих делах по Сибири ходили легенды. Это через него шла переписка ялуторовских декабристов с тобольскими, курганскими и другими. Это он, когда Иван Якушкин затеял в Ялуторовске школу, взял на себя главную трудность — добился у властей разрешения, а потом разделил с декабристом все немалые заботы нового дела — добывал у жертвователей средства, составлял учебники, делал пособия и сверх программы учил детей латинскому и греческому, включая грамматику этих языков. Он имел большую семью и жил в бедности, хотя мог бы, подобно прочим, без труда обогатиться за счет многочисленных состоятельных раскольников, нуждавшихся в религиозных послаблениях.

После свадьбы Степан Яковлевич посидел, по русскому обычаю, перед дальней дорогой со своими друзьями и проводил напутственным словом две коляски — одну на запад, другую на восток.

Иван Киреев — Ивану Пущину:

«Полинька Мозгалевская, вышедшая замуж за бра-

та жены Басаргина, обещалась приехать сюда с мужем».

Молодожены поехали в Минусинск, чтоб навестить Авдотью Ларионовну, которую Полинька не видела десять лет...

Иван Киреев из Минусинска — Ивану Пущину в Марьино; Осень 1858 года:

«Проводили мы Полиньку, порадовала она всех, осчастливила мать».

4 Пора, наверное, сказать, в какую семью вошла дочь декабриста Николая Мозгалевского и воспитанница декабриста Николая Басаргина, для чего надо вспомнить о младшем брате ее мужа, некоем «славном малом», как пишет о нем Александра Ентальцева Ивану Пущину...

Он был не только младшим, но самым младшим, *семнадцатым* ребенком в этой даже по сибирским меркам большой семье. Тобольск, однако, знавал и не такие семейства — у одного местного обер-офицера детей было поболе, *двадцатый* его ребенок стал одним из выдающихся сыновей русского народа — личностью настолько значительной, что я в своем путешествии много раз сдерживал себя, чтоб не увести читателя в сложный мир этой неповторимой натуры, не увлечься его величественной и трагической судьбой, столь богатой полярными событиями, не пойти вместе со своими спутниками по каждому его следу. Единственный сибиряк-декабрист незадолго до ареста за большие заслуги по службе получил от правительства драгоцен-

ный бриллиантовый перстень, а от самого царя десять тысяч рублей единовременной награды. И эта немалая по тем временам сумма стала его постоянным ежегодным жалованьем, что было куда поболе губернаторского, но я люблю находить другие свидетельства его деятельности в Сибири, именно *следы*... Бывая, скажем, в Томске и переезжая Ушайку, надвое делящую город, я вспоминаю — Гавриил Батеньков; он выбрал это место и построил тут первый мост. И на Байкале он оставил след, да еще какой! Кругобайкальская железная дорога со всеми ее туннелями, подпорными стенками и виадуками была построена точно по трассе, намеченной еще Гавриилом Батеньковым. Останавливаясь перед картой Сибири, ясно вижу всякий раз очертания Красноярского края — Гавриил Батеньков; это он, исходя из экономико-географических соображений, определил административные границы самой большой сибирской губернии, не изменившиеся за полтора века. Гавриил Батеньков вместе с Николаем Басаргиным стали первыми в мире людьми, которые высказались за проведение в Сибирь железной дороги...

В различных государственных хранилищах лежат плоды феноменальных трудов Гавриила Батенькова, так сказать, не по специальности — стихи, некогда опубликованные научные работы и никогда не публиковавшиеся проекты и переводы. Вспомню хотя бы некоторые из них. Еще до восстания декабристов этот инженер путей сообщения на основе изучения книги Шампольона о иероглифической системе древних египтян публикует на русском оригинальное сочинение: «О египетских письменах». В томской ссылке он в полемических целях переводит одну лживую английскую публикацию о Синопской битве по возвращении в Россию — работу Джона Стюарта Милля «О свободе», книгу А. Токвиля «Старый порядок и революция», и тут его целиком захватывает история. Переведя книгу Жюля Мишле «История Франции XVI века», Гавриил Батеньков — после десяти штыковых ран, полученных в сражении при Монмирале 30 января 1814 года, плена и ученья, после чудовищно трудоемкой работы в Сибири и Петербурге, после двадцатилетнего одиночного заключения в самой страшной крепости России и десятилетней сибирской ссылки — берется за чрезвычайное

дело, задумав перевести всю «Историю Византийской империи» Шарля Лебо, объяснив в письме Евгению Оболенскому, что он должен устранить самый непростительный пробел в нашей литературе. Батеньков успел выполнить более половины этой феноменальной задачи — шестнадцать томов из двадцати восьми получили переложение на русский язык; эта рукопись лежит ненапечатанной и никем еще, кажется, не прочитанной в Ленинской библиотеке — сто шестьдесят семь тетрадей... Вот, дорогой читатель, каких инженеров путей сообщения некогда рождала русская земля!

Прошу извинения за этот еще один непроизвольный шаг в сторону — нам надо вернуться к «славному малому», свояченицей которого стала Полинька Мозгалевская. В то время ни она, ни муж ее, неудавшийся студент, за которого перед тем, как навсегда проститься с родной Сибирью, успел похлопотать Гавриил Батеньков, ни Александра Ентальцева, ни Иван Пущин, ни Басаргины не могли, конечно, предположить, что этому «славному малому» суждено было стать творцом и носителем такой славы, какая в истории человечества выпадала на долю немногих...

Он, в отличие от своего старшего брата, доучился в педагогическом институте, и хотя такое образование по сравнению с университетским считалось менее солидным и престижным, «славный малый» стал позже членом Американской, Бельгийской, Венгерской, Датской, Краковской, Римской, Парижской, Прусской и Сербской академий, членом-корреспондентом Венгерской академии наук, Королевского общества наук в Геттингене, Королевской академии наук в Риме и Королевской академии наук в Турине, доктором Геттингенского, Глазговского, Иельского, Кембриджского, Оксфордского, Принстонского и Эдинбургского университетов, почетным членом десятков отечественных и иностранных обществ, объединяющих физиков, химиков, астрономов, медиков, аграрников, философов, художников; полный научный титул его состоял почти из сотни званий, но — вот, действительно, странная эта страна Россия! — проработав для родины всю свою жизнь и оказав ей неоценимые услуги, он так и не был избран членом Императорской академии. Опубликовал сто шесть работ, посвященных физико-химии, девяносто

девять — физике, девяносто девять — технике и промышленности, сорок — химии, тридцать шесть — общественным и экономическим вопросам, двадцать две — географии, двадцать девять — проблемам народонаселения, воспитания, сельского хозяйства, лесного дела и другим, полностью не уместившимся в двадцати пяти толстых томах... Он не желал ни у кого вымаливать на коленях право любить свою родину, он свято служил ей, не добиваясь наград; писал: «...первая моя служба — родине, вторая — просвещению, третья — промышленности». Защищая приоритет главного своего научного открытия, он говорил, что делает это «не ради себя, а ради русского имени», и в прекрасной формуле выразил суть и цель своего жизненного подвига: «...посев научный взойдет на жатву народную».

Это был истинно русский гений с его всепроникающим умом, обширнейшими знаниями, феноменальной работоспособностью, пламенным патриотизмом, деятельной, мятущейся, стихийной натурой, и читатель, конечно, давно уже понял, что речь идет о Дмитрие Ивановиче Менделееве, первооткрывателе Периодического закона элементов, осветившем тайная тайных природы. Поберегу время читателя и не стану повторять здесь общеизвестное про это гениальное прозрение, вознесшее русскую науку на мировую вершину знаний, не буду останавливаться на многих других фундаментальных теоретических открытиях Менделеева в области химии и физики или на его глубоко эффективных практических деяниях по развитию отечественной промышленности, хорошо понимая, что читательское внимание к подробностям имеет предел, хотя они, эти самые подробности, могут быть чрезвычайно интересными. Как увлекательно можно рассказать об изобретении Д. И. Менделеевым бездымного пороха, о научном разоблачении модного тогда спиритизма, определении им географического и демографического центра России, о замыслах и практических деяниях великого ученого по освоению североморского пути и проектировании для этой цели специального корабля,— кажется, он во все проникал, вплоть до агрономии, сыроделия и даже разработки лучшей рецептуры для приготовления... варенья! Последнее может показаться несерьезным, вполне анекдотическим, но вы полистайте,

пожалуйста, солиднейший дореволюционный словарь Брокгауза и Эфрона, в котором вам встретится немало статей, отмеченных греческой буквой «дельта». Автор всех их — Д. И. Менделеев, не преминувший выступить в этом капитальном справочном издании с описанием различных способов обращения фруктов и ягод в полезные, восхитительные по вкусу варенья...

Однако я обязан хотя бы перечислить здесь важнейшие отрасли прикладной науки и хозяйственно-промышленной практики, в каких проявил свой универсальный гений Дмитрий Менделеев, прекрасно осознававший перспективные экономические проблемы современной ему и будущей России: это нефтяное дело, металлургическое и каменноугольное, это воздухоплавание, метрология и демография, это сельское и лесное хозяйство, и я в силу своих многолетних интересов приостановлюсь лишь на самом последнем, быть может, не самом главном, однако привлекающем своей малоизвестностью.

Поразительно, что Д. И. Менделеев, будучи ученым, проникавшим в таинства главным образом неживой материи, одним из первых в мире мыслителей связал воедино судьбы плодоносящей почвы и леса. Он считал, что почвозащитное лесоразведение в наших хлебородных южных степях не только «принадлежит к разрешимым задачам», но и так «важно для будущего России», что является «однозначащей с защитою государства». А когда я однажды побывал на Алешковских песках — в европейской пустыне, почти полностью побежденной и освоенной современными земледельцами, то нежданно и счастливо узнал об осуществлении необыкновенно эффективной, столетней давности рекомендации Д. И. Менделеева, призывавшего пахать здесь пески как можно глубже, чтоб вызвать активный подток влаги к корням культурных растений...

А в последнем году прошлого века правительство, обеспокоенное тем, что Россия отстала по производству черных металлов от других сильных стран, посылает Д. И. Менделеева с тремя сотрудниками-профессорами на Урал, чтоб экспедиция нашла возможности повышения промышленного потенциала этого района. Объемистый труд-отчет, напечатанный в следующем году, должно быть, известен специалистам металлургического

дела, и я бы не хотел перегружать подробностями это незаметно разрастающееся — прошу прощения — эссе, но не могу удержаться, чтоб не сказать два слова на излюбленную мою тему русских лесов, нашедшую отражение в том стародавнем ученом труде.

Д. И. Менделеев с тревожной прозорливостью писал о необходимости поберечь водораздельные леса Урала, сохраняющие горные почвы и стабилизирующие речные стоки, предлагал перенести заготовки древесины с них в другие районы, к которым мы только-только добрались с топором и пилой, потому что «...одна область севера, простирающаяся с Туры до Обской губы на север, а на восток охватывающая Иртыш, Обь и Заобские леса, содержит больше лесов, чем на всем Урале». Будучи неподкупным рыцарем точного научного знания, Д. И. Менделеев, заглядывая к нам через десятилетия, предупреждал, что восьмидесятилетний возраст здешней сосны нельзя считать зрелым, потому что и в сто лет она усиленно образовывает древесные кольца, накапливая без видимого вложения народных средств перспективные богатства в его вековечную казну, и мы ныне, к сожалению, торопливо и нерасчетливо валим эти сосны не только в восьмидесятилетнем приспевающем возрасте, но и в юном шестидесятилетнем...

Далее я мог бы с почтительным восхищением описать методы Д. И. Менделеева по математическому определению *сбежистости*, то есть уменьшения диаметра индивидуального уральского дерева с высотой, как подсобного, но очень важного способа определения статического древесного запаса и динамичного прироста, однако это могло бы меня увести в чрезвычайно узкую сферу знаний, интересных лишь лесным специалистам, посему я только подчеркну, что Д. И. Менделеев вывел свои математические формулы, упрощающие эти сложнейшие подсчеты, независимо от прославленной европейской школы немецких лесоводов и их очень способных русских последователей-выучеников...

Размышляя о главном открытии великого русского ученого, Фридрих Энгельс, не успевший, к сожалению, узнать во всем объеме человеческого подвига Д. И. Менделеева, писал: «Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, со-

вершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверрье, вычислившего орбиту еще неизвестной планеты Нептуна».

Это сравнение, принадлежащее великому ученому-философу и блестящему стилисту-публицисту, повторяли многие, однако русские ученые-естествоиспытатели предпочли обойтись без него. Химик Н. Н. Бекетов: «Открытие Леверрье есть не только его слава, но главным образом слава совершенства самой астрономии, ее основных законов и совершенства тех математических приемов, которые присущи астрономам. Но здесь, в химии, не существовало того закона, который позволял бы предсказывать существование того или другого вещества... Этот закон был открыт и блестяще разработан самим Д. И. Менделеевым». Ботаник К. А. Тимирязев: «Менделеев объявляет всему миру, что где-то во вселенной... должен найтись элемент, которого не видел еще человеческий глаз. Этот элемент находится, и тот, кто его находит при помощи своих чувств, видит его на первый раз хуже, чем видел его умственным взором Менделеев».

Да, это было так! И мне хочется сказать на эту тему несколько попутных и, быть может, не совсем обязательных слов, напомнив читателю о том, что Д. И. Менделеев предсказал существование одиннадцати элементов, последний из которых, названный астатом, был открыт в 1940 году, а также рассказать о трех совпадениях, приключившихся за рубежом после первой публикации Периодического закона элементов. Ведущие химики и физики мира не обратили, в сущности, внимания на скромную таблицу в каком-то журнальчике под скучным названием «Русское химическое общество», вышедшем в 1869 году на европейской периферии.

И вот несколько лет спустя французский химик-аналитик Лекок де Буабодран сообщил в печати об открытии нового элемента, названного им *галлием* — в честь древнего имени своей страны. Д. И. Менделеев прочел публикацию и тотчас понял, что этот элемент есть не что иное, как предсказанный им экаалюминий. Он послал Лекок де Буабодрану письмо и заметку во французский химический журнал, утверждая, что плотность галлия — 4,7 — определена неверно; она должна

приближаться к 6-и. Лекок де Буабодран, никогда ранее не слыхавший о химике Менделееве, был несколько удивлен, когда, тщательно определив плотность открытого им элемента, дал новую цифру — 5,96. Через четыре года другой новый элемент открыл шведский химик Л. Нильсон, назвав его *скандием*. А спустя еще десяток лет немецкому профессору химии Винклеру тоже посчастливилось открыть неизвестный ранее элемент, который он назвал, конечно, *германием*. Однако свойства и галлия, и скандия, и германия задолго до этих открытий своих зарубежных коллег были точно предсказаны Дмитрием Ивановичем Менделеевым — это стало подлинным триумфом закона!

Германий, например, в соответствующей клетке Периодической таблицы был назван и экасилицием, и никто против нового названия не возражал тогда и не возражает сейчас, только досадно все же, что в бесценной этой таблице, висящей ныне перед глазами любого школьника Земли и намертво запечатленной в памяти каждого современного ученого-естествоиспытателя, не зафиксировано имя родины нашего великого соотечественника. Так уж получилось. И кое-кто из вас, мои дорогие спутники по совместному путешествию, скажет в этом месте очень по-русски: эка, силиций! мы-де открывали и не такое! Верно, наши предки открывали и не такое,— например, гением великого предтечи Менделеева, не менее «славного малого» с Поморья Михайлы Ломоносова, был открыт первоэлемент — водород, а Николай Морозов, революционер и ученый, четверть века пробывший в одиночном заключении, во тьме Петропавловской крепости не только предсказал существование инертных газов, но и вычислил их атомные веса,— это было тем более поразительно, что сам Д. И. Менделеев, не найдя для них места в своей Периодической таблице, с негодованием отверг в лондонской лекции «воображаемый гелий», уже найденный на солнце с помощью спектрального анализа. Наоткрывали правда что немало, если пошире взглянуть; и истину научную, не подлежащую пересмотру, мы принимаем как должное, но все же досадно — *европий* в природе и таблице Менделеева есть, *индий* и *полоний* тоже, кроме галлия есть еще *франций*, есть *америций* и *калифорний*, однако *россия* или, скажем, *сибирия* не-

ту. Правда, имя нашей Родины все же запечатлено в таблице Менделеева, только оно так зашифровано, что далеко не всякий это угадает... Повезло индийцам — элемент индий был назван вовсе не в честь великой азиатской страны с ее древнейшей культурой, талантливым и добрым народом, а из-за соответствующего цвета в спектре — синего, индиго, кубового, и новый элемент вполне тогда мог быть назван, скажем, «кубовием». Не повезло нам: член-корреспондент Петербургской академии наук химик и ботаник Карл Клаус, открывший в 1844 году новый элемент, назвал его *рутением* — от позднелатинского Ruthenia, но многие ли из нас так ныне знают латынь, чтобы угадать в этом названии Русь, Россию?..

Итак, за Павла, старшего брата Дмитрия Ивановича Менделеева, и вышла замуж Полинька Мозгалевская.

И еще один перекресток судеб, тугой узелок нашей истории. В начале этого века на петербургских театральных афишах значилось звучное имя: «Любовь Басаргина». Под таким сценическим псевдонимом выступала дочь Д. И. Менделеева Любовь Дмитриевна, жена великого русского поэта Александра Блока. Кстати, брат его деда по матери ректор Петербургского университета А. Н. Бекетов вместе с Д. И. Менделеевым, с дочерью декабриста Василия Ивашева и крестницей декабриста Николая Басаргина М. В. Ивашевой-Трубниковой, с племянником декабриста Михаила Бестужева-Рюмина русским историком К. Н. Бестужевым-Рюминым стоял у истоков знаменитых Бестужевских курсов, первого женского университета России.

Вернемся на минутку к середине прошлого века. Осчастливленная Авдотья Ларионовна, проводив из Минусинска Полиньку с мужем не думала не гадала, что видит дочь в последний раз.

Пелагея Николаевна и Павел Иванович Менделеевы начали жизнь в любви и дружеском согласии. Он исправно служил, она охотно занималась домашним хозяйством, и ее необыкновенная красота еще ярче рас-

цвела в замужестве. Молодые супруги гостили иногда у Дмитрия Ивановича Менделеева в Петербурге. Окружение Менделеева называло Полиньку «сибирской розой». По воспоминаниям профессора К. Н. Егорова, он встречал Пелагею Николаевну в доме своего научного наставника и даже был «... в нее тайно влюблен, да и не я один, а все студенты, бывавшие у Дмитрия Ивановича, вздыхали по ней, а она и не подозревала».

Дом Дмитрия Ивановича Менделеева часто наполнялся гостями — так было и в пору молодости, и позже, когда установилась традиция «менделеевских сред», которые посещала научная и художественная интеллигенция Петербурга. Бывали тут химик Бекетов и географ Воейков, художники Крамской, Шишкин, Ярошенко, Куинджи. Дмитрий Иванович, между прочим, страстно любил живопись, посещал каждую выставку, собирал репродукции с картин и даже писал статьи об изобразительном искусстве. Когда была впервые выставлена знаменитая «Ночь на Днепре» Архипа Куинджи, с которым великий ученый, кстати, работал над созданием химических красок, Дмитрий Иванович нашел время, чтоб откликнуться на такое событие в печати, сказав, что перед этой картиной «...забудется мечтатель, у художника явится невольно своя новая мысль об искусстве, поэт заговорит стихами, а в мыслителе же родятся новые понятия — всякому она даст свое...»

Не могу не вообразить себе и знакомства Менделеева с замечательным русским художником Врубелем на римской площади Сан-Марино. Портрет, написанный с натуры Михаилом Врубелем, изображает ученого сидящим в мягком кресле. Скрещенные руки устало покоятся на корешке тяжелого альбома, голова склонена вперед словно под тяжестью думы, на которой сосредоточились лицо и глаза... Неизвестно, о чем они говорили во время сеансов и в перерывах за чаем, однако вполне возможно, что в их беседы об искусстве и жизни вошла однажды боковая-бытовая тема о родных и близких; быть может, вспомнилась им и свояченица Менделеева Полинька Мозгалевская, воспитанная декабристом Николаем Басаргиным, и мать Врубеля Анна Григорьевна, урожденная Басаргина, родственница того же декабриста...

Ловлю себя на том, что нарушаю последовательность рассказа и, мешая читателю сосредоточиться, переключаюсь с одного на другое, но это происходит как-то невольно, подчинено стихии и логике жизни, какую невозможно охватить искусственной стройностью; и вот, будто бы чужеродно, появляются строчки об увлечении Менделеева живописью, его встречах с Врубелем, а я испытываю все более тягостное чувство недосказанности — едва ли когда-нибудь и где-нибудь мне придется еще писать о великом русском ученом, которому достойно было бы посвятить и роман, и поэму, и драму, и научно-историческое исследование; сейчас же приходится ограничить себя беглыми и бледными штрихами. Написать бы о том, как на его лекции сбегался весь университет и стены аудитории потели, как встречался с ним Сергей Львович Толстой, сын писателя и сам писатель, оставивший об ученом немало добрых, уважительных записей, как в первый раз увидела его Анна Ивановна, будущая подруга жизни, и он показался ей похожим на Зевса, как узнал он Блока и как Блок узнал его, написав однажды о нем: «...Он давно все знает, что бывает на свете, во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности, у простых людей такого не бывает... При нем вовсе не страшно, но всегда неспокойно, это оттого, что он все и давно знает, без рассказов, без намеков, даже не видя и не слыша... То, что другие говорят, ему почти всегда скучно, потому что он все знает лучше всех...»

А вот в гостиной его петербургской квартиры собрались известные живописцы и естествоиспытатели, спорят об искусстве и музыке, о жизни текущей, тихо напевают романсы, шутят. Счастливцы! Хозяин, вначале принимавший самое деятельное участие во всем этом, садится в сторонку, смотрит куда-то вдаль всезнающими глазами, никому не мешает и ничего не слышит. Вдруг поднимается рывком, выходит на середину и жестом просит тишины.

— Я видел сон,— произносит он просто, буднично, будто хочет действительно рассказать о сегодняшнем сновидении или о том самом, почти невероятном, что привиделось ему в ночь на 1 марта 1869 года, как бы подытожившем двадцатилетние труды. Перед тем он

в своей конторке (Д. И. Менделеев работал в ней стоя) промучился три дня и три ночи, безуспешно пытаясь систематизировать шестьдесят две карточки с названиями и свойствами элементов. Смертельно уставший, лег спать, мгновенно заснул и позже вспоминал: «Вижу во сне таблицу, где все элементы расставлены, как нужно. Проснулся, тотчас записал на клочке бумаги — только в одном месте впоследствии оказалась нужной поправка»...

Когда в гостиной стих говор, он повторил:

Я видел сон...

И продолжил:

Не все в нем было сном.
Погасло солнце светлое, и звезды
Скиталися без цели, без лучей
В пространстве вечном; льдистая земля
Носилась слепо в воздухе безлунном.

Прервались последние шепотки, стихли скрипы кресел, шуршанье одежд и конфетных бумажек. В мертвой тишине гостиной были только апокалипсические видения поэта да этот голос — мощный, с безупречной дикцией.

Час утра наставал и проходил,
Но дня не приводил он за собою,
И люди — в ужасе беды великой —
Забыли страсти прежние...

Наступила пауза... Дмитрий Иванович вдруг мучительно схватился обеими руками за голову,— это бывало с ним и на лекциях, и в ученом разговоре, и Анна Ивановна вспоминала, что «это действовало на очевидца сильнее, чем если бы он заплакал». Она быстро поднялась с места, сняла с полки томик Байрона, раскрыв его на закладке, и Дмитрий Иванович, взяв в руки книгу, продолжал читать английские стихи в прекрасном переложении Ивана Тургенева, гроб которого, привезенный из Парижа, некоторые из присутствующих здесь недавно провожали на Волково кладбище...

Близилась полночь, начали молча собираться по домам гости, ученые и художники, *увидевшие* сегодня всяк по-своему этот сон-тьму, опрокинувший их в мир вечности и бренности.

И вот уже на склоне лет Дмитрий Иванович читает наизусть в узком кругу друзей:

Одну имел я в жизни цель,
И к ней я шел тропой тяжелой.
Вся жизнь была моя доселъ
Нравоучительною школой...

Задумчивость покидает его, он вскидывает голову, отмахивает назад серебряные волосы, глаза блещут в отсвете каминного огня, и прежний громоподобный голос начал набирать силу:

Творец мне разум строгий дал,
Чтоб я вселенную изведал
И что в себе и в ней познал —
В науку б поздним внукам предал...

Невозможно в этот миг отвести от него взгляда и думать о чем-либо другом!

Жизнь хороша, когда мы в мире
Необходимое звено,
Со всем живущим заодно;
Когда не лишний я на пире;
Когда, идя с народом в храм,
Я с ним молюсь одним богам...

Он любил многие стихотворения великого поэта-философа Федора Тютчева, чаще других читал его «Silentium», реже — и уже под старость — другого любимого русского поэта, то, что друзья и близкие слышали сейчас:

Наш век прошел. Пора нам, братья!
Иные люди в мир пришли,
Иные чувства и понятья
Они с собою принесли...
Быть может, веруя упорно
В преданья юности своей,
Мы леденим, как вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей?
Быть может... истина не с нами!
Наш ум уже ее неймет
И ослабевшими очами
Глядит назад, а не вперед,
И света истины не видит,
И вопиет: «Спасенья нет!»
И может быть, иной приидет
И скажет людям: «Вот где свет!..»

Дмитрий Иванович знал всю эту, полузабытую нами, лирическую драму Аполлона Майкова, а в памяти близких долгие годы хранились его неповторимые интонации, жесты и взоры, когда он в последний раз читал монолог Сенеки...

Нет, Пелагея Менделеева, дочь декабриста Николая Мозгалевского, крестница декабриста Николая Крюкова и воспитанница декабриста Николая Басаргина, не слышала тогда Дмитрия Ивановича — судьба-злодейка разлучила ее с этой семьей намного раньше...

Через год после свадьбы родилась у Полиньки дочь Ольга, потом сын Сергей, за ним Дуняша, названная в честь бабушки, и это было последнее счастье молодой семьи. Благословенье Степана Знаменского оказалось бессильным; Полинька внезапно, двадцатидвухлетней, умерла, за ней Дуняша. Сережа пережил их всего на три года. У Павла Ивановича осталась еще Ольга, на которой сошлись все его надежды, однако словно какой-то злой рок преследовал семью. Ольга рано вышла замуж и вскоре умерла вместе с новорожденным Сергеем, на котором и прервался род Менделеевых — Мозгалевских.

Время от времени раскрываю свою папку со старыми и новыми документами, связывающими нас с декабристами, старыми и новыми фотографиями, с подлинниками и фотокопиями писем и рукописей, восстанавливающими, оживляющими *память*. Вот только что присланный снимок каменной плиты, хранящейся ныне в запасниках Омского краеведческого музея. Можно разобрать надпись: «Пелагія Николаевна Менделеева, урожд. Мозгалевская. 1840—1862».

В книге Владимира Лидина «Мои друзья — книги» рассказывается любопытная история приобретения им «Записок» Николая Басаргина. На книжке этой автограф: «И. П. Менделеев». Предполагаю, что она принадлежала некогда сыну Павла Менделеева от второго брака...

Авдотья Ларионовна пережила в своей дали пять смертей, но если бы только их! При разных обстоятельствах трагически погибли двое старших сыновей-кор-

мильцев, Павел и Валентин. Младший, Виктор, дослужившийся до генерал-майора, исчез из ее жизни навсегда, и я уже долго ищу его внуков-правнуков за границей — они не знают, что являются потомками декабриста... А вдове декабриста судьба уготовила еще такие тяжкие испытания, что люди, знавшие ее долготерпенье и мужество, удивлялись, как она перенесла все, не сломилась; об этом далеком-близком я уже написал, только тему пора бы сменить другой, но перед нею — на несколько минут в наши дни, неразрывно сцепляющие будущее с прошлым...

Какой прекрасной кажется мне жизнь, когда я встречаю в ней беспокойных, неравнодушных, увлеченных, ищущих, щедрых душою людей! Чем бы они ни занимались, где б ни жили, к какому из поколений ни принадлежали, такие готовы жертвовать ради доброй цели здоровьем и благополучием, умеют видеть интересное и полезное там, где для иных все обыденно или даже нет ничего...

По следам декабриста Николая Осиповича Мозгалевского и его потомков я шел уже не первый год. Не раз встречался с М. М. Богдановой и получил от нее множество писем, выпытывал московскую и сибирскую родню моей жены Елены, рылся в государственных и частных архивах, публикациях. Пришел к выводу — ни один декабрист не дал столь разветвленного древа жизни, какое дал Николай Мозгалевский, хотя Николай «Палыч» Романов хотел некогда уничтожить первый росток этого обыкновенного славного русского рода, и с Авдотьей Ларионовной оставался единственный сын — Александр... И, как мне сейчас стало совершенно очевидно, не мог в своем поиске не встретить одного замечательного земляка из Северо-Енисейска. От Енисея до этого поселения довольно далеко, от железной дороги еще дальше, а из Москвы он видится в такой несусветной таежной дали и этаким махоньким кружочком на большой карте, что его будто могло и не быть совсем. Однако везде живут люди, да еще какие!..

Солдат-фронтовик Адольф Вахмистров много лет после войны работал в буровой разведке, искал по Сибири самые ценные руды, потом здоровье сдало, он

вышел на инвалидность, но осталась у него от кочевой профессии непоседливость, любовь к Енисею и бескрайним просторам родной своей стороны, сохранился внимательный взгляд искателя и привычное трудолюбие, прерываемое лишь острыми головными болями от давней контузии да потерей сознания. И он себя совсем не бережет. Вот отрывки из первого его письма ко мне от 19 января 1976 года: «Давно слежу за Вашей работой, имею и знаю Ваши книги. Полагаю, что приходит время по-настоящему всем понять серьезность предупреждений и всю глубину тревоги за природу... А то, о чем Вы спрашиваете, началось так. Около двадцати лет я собираю материалы о Енисее для книги, которую должен успеть дописать,— о его истории, сегодняшних и завтрашних проблемах. Влез по уши в исторические материалы, летописи, в археологию, геологию и гидрологию. И еще я решил узнать теперешний Енисей, поближе и подостоверней. С палубы комфортабельного парохода это сделать невозможно, и мы с женой каждое лето ходим по нему на дюралевой лодке. Много раз я проплыл его короткими маршрутами и целиком — от Кызыла в Туве до устья в Ледовитом океане. Повидал всего: пороги в Саянах, штормы, почти морские, в низовьях. Так вот, летом 1972 года мы с женой решили пройти на лодке по Бий-Хему (Большому Енисею) за самый верхний на Енисее поселок Тоора-Хем, районный центр Тоджинского района Тувы. Перед нами были почти триста километров по бешеной реке, что, как «Терек в теснине Дарьяла», ревет и пенится, только она раз в двадцать сильнее Терека. Да за поселком еще двести километров до первого непреодолимого водопада.

В Кызыле я заручился письмом к некоему Виктору Мозгалевскому, рыбаку, охотнику, лесорубу и плотогону, большому знатоку Бий-Хема, который мог дать мне исчерпывающую информацию о реке, без чего идти выше поселка было безумием. Из работ сибирских путешественников и ученых я еще раньше узнал, что в начале века жил в Тодже, самом тогда глухом углу Тувы, русский поселенец Владимир Александрович Мозгалевский, тамошний пионер земледелия. И вот в поселке Тоора-Хем, на краю прекрасного паркового леса, мы увидели большой белый обелиск, поставленный

здешними жителями в память о своих земляках, погибших в борьбе с гитлеровскими ордами. Среди других фамилий значилось: «Валентин Мозгалевский, Виктор Мозгалевский, Владимир Мозгалевский, Михаил Мозгалевский».

Когда я встретился с живущим ныне Мозгалевским, он сказал, что все это братья его отца. Они ушли на фронт, восемь родных братьев, половина осталась там. «А откуда здесь такая фамилия, кто был основателем вашего рода?» — спросил я. «Точно не знаю, — услышал я в ответ. — Говорят, что был какой-то декабрист Мозгалевский. Он будто бы умер в Минусинске, но как это узнать, потомки мы его или нет?»

О декабристе Николае Мозгалевском, члене общества Соединенных славян, я, конечно, слышал раньше, когда изучал историю «минусинского» отрезка Енисея, но только в том, 1972, году начал восстанавливать родословную этого рода, искать по Сибири и всей стране его потомков — детей, внуков, правнуков и праправнуков. «Посылаю Вам это древо, на первом ответвлении которого значатся Ваши родные по супруге, и пусть ваша дочь станет там тоненькой веточкой».

За эти годы собрал много материалов о потомках декабриста — ученых и воинах, рабочих и земледельцах, инженерах и охотниках, сестрах милосердия, врачах, учителях и юристах. За истекшие сто пятьдесят лет род Мозгалевских — сто пятьдесят человек! — знатно потрудился на благо общей нашей с вами родины — Сибири, храбро защищая большую свою Родину, когда в том была нужда».

Краеведу А. В. Вахмистрову я благодарно обязан множеством неизвестных мне ранее сведений. Неугомонный этот человек докопался, кажется, и до корней Юшковых!

Оказывается, в переписной книге города Красноярска и Красноярского уезда за 1671 год в деревне Павловской, что ниже Красноярска по Енисею, числился «Ивашко Семенов сын Юшков, а у него детей Якунька 11 лет, Потапко 10 лет». А повыше Красноярска, близ устья реки Маны, стоит деревня Овсянка. Знаменитый путешественник и ученый Петр-Симон Паллас, из немцев, хорошо служивший в XVIII веке молодой русской науке, писал: «Сия многолюдная и зажиточными

крестьянами населенная деревня заслуживает как редкой какой пример размножения человеческого рода в обширных сибирских степях быть упомянута. Вся деревня, исключая токмо некоторых дворов, населена одной роднею, которые в сей деревне 25 больших и зажиточных семей щитает, и столькими же в многие другие вдоль Енисея лежащие деревни разделилась. Праотец сего многочисленного потомства, именем Юшков, пришел едва за 100 лет из России в сию страну, которую тогда киргизцами по случаю населения весьма беспокоили. Он имел 7 сыновей, из коих один, сказывают, убит киргизцами, а прочие 6 размножили племя и зделались ныне отцами пятидесяти пяти семей. Прилежание и промысел звериною ловлею, рыбою и иными пропитание доставляющими промыслами и ремеслами прошло от праотца к потомкам, и большая часть оных и теперь еще зажиточны».

Киргизы, насколько я знаю, отселились с берегов Енисея в предгорья Тянь-Шаня, и после 1703 года их уже здесь не было. Адольф Вахмистров пишет мне в другом письме: «Думаю, что Ивашко Семенов сын Юшков и мог быть корнем Юшковых на Енисее. Юшковы служили, например, в Саянском остроге (сейчас деревня Саянская) приказчиками. Их потомки жили вокруг Минусинка... Они были крестьянами, иногда богатыми. Вспомните: родитель известных революционеров Окуловых (они из Курагино) был тоже крестьянин-«золотопромышленник», которому «пофартило», но не очень долго и сильно... Таков, видимо, был и Степан Зотиевич Юшков. Я не мог найти его имя в справочнике о золотой промышленности в 80-х годах прошлого века. Прогорел, наверно».

Из любопытства пролистав однажды в библиотеке подшивки современных красноярских газет, я встретил на их страницах множество Юшковых — рабочих, доярок, трактористов, инженеров, студентов, потом раскопал в своем архиве давние письма с Енисея. Капитан-речник А. А. Каминский, с которым у меня когда-то велась переписка, сообщал о загрязнении Енисея нефтяными и другими отходами, приводил множество случаев безжалостного отношения к великой сибирской реке-красавице и долгой своей борьбе за чистоту ее. Но в этот раз меня интересовали конверты корреспонден-

та — он, вспоминалось, будто бы жил в Красноярске на улице Юшкова. И верно — Красноярск, Юшкова, 10—28. Отправил по этому адресу письмо, спросив, что это за Юшков был, в честь которого названа улица большого сибирского города. И вот получаю ответ, излагающий документ времен Отечественной войны.

Солдат-разведчик Михаил Юшков со своей гвардейской частью вышел 1 марта 1945 года на сильно укрепленный вражеский рубеж в районе Линде-Гросс, который надо было взять безотлагательно. Михаил Юшков скрытно подполз к немецкому станковому пулемету и неожиданно бросился вперед, уничтожив его расчет в рукопашной схватке. Но за немецкой траншеей стояли без горючего два танка и самоходная пушка, ведущие сильный огонь, а подход к ним прикрывал дот с пулеметной точкой в щели. Сибиряк пополз к доту и с расстояния в двадцать метров бросил две гранаты, однако в щель не попал, и станковый пулемет врага продолжал косить надвигающуюся цепь товарищей. И вот они, прижатые огнем к земле, увидели, как Михаил Юшков рванулся к доту и закрыл своим телом амбразуру. Герою Советского Союза Михаилу Юшкову было двадцать два года...

А еще позже вспомнилось, как известный наш писатель Виктор Астафьев говорил мне на памятном литературном читинском семинаре, что родом он из села Овсянка, стоящего неподалеку от Красноярска. Написал ему в Вологду, где он проживал, привел слова Палласа насчет родной его деревни и спросил, не помнит ли он с детства-отрочества каких-нибудь Юшковых? Правда, я не сообщил, зачем они мне нужны. И вот получаю письмо с чертежом Овсянки и окрестностей: «Дорогой Володя! Юшковых в нашем крае много, есть они в родном моем селе Овсянка, есть и родня, есть и друзья-однокашники с детства, среди них Василий Юшков, мой одногодок, инвалид войны, живет на одной с моей теткой улице, работает на деревообрабатывающем заводе... Мы были так близки в детстве, что его младшую сестру Шурку прочили мне в жены, когда я вернусь с войны, но я по пути в Сибирь изловчился жениться и по сию пору не могу доехать «до дому», хотя делать это надо срочно... Есть у меня в Красноярске маленькая родня — Юшкова Валентина Леонтьевна, племянни-

ца второй моей бабушки, родом из деревушки, что стоит выше нашего села верстах в полуторастах и, боюсь, уже затопленного водохранилищем. Но почему тебя интересуют Юшковы? Если надо, подключу Усть-Манскую и Овсянскую школы и всю свою родню — раскопают и узнают все, что угодно. Я, как и ты, буду на съезде писателей. Встретимся, и ты объяснишься».

Встретились мы на съезде писателей, что прошел в июне 1976 года, но я не стал ничего объяснять Виктору — пусть узнает из этой моей работы, что мы с ним хотя и, как говорят у нас в народе, седьмая вода на киселе или еще: двоюродный плетень троюродному забору, однако же сродственники — поистине, все люди братья...

Увиделся я тогда и с другим делегатом съезда — ленинградским прозаиком Сергеем Ворониным, к которому тоже отношусь с большим уважением — он хорошо, честно, талантливо пишет. Спрашиваю:

— Сергей Алексеевич, в вашем романе «Две жизни», где рассказывается о первых разведчиках трассы Байкало-Амурской магистрали, есть такой герой — Мозгалевский.

— Есть. В тридцатых годах, юношей, я был на этих изысканиях.

— А откуда вы взяли такую фамилию?

— Старшим инженером нашей изыскательской партии был Николай Александрович Мозгалевский. Великий труженик и щедрой души человек. Он пятьдесят три года проработал разведчиком железных дорог, изыскивал и строил прифронтовые дороги еще в ту, первую германскую войну. Я ему многим обязан. В честь и память его назвал своего героя...

— Он вам ничего не говорил о своем происхождении?

— Не помню.

Пишу А. В. Вахмистрову — вдруг один из первых изыскателей БАМа Николай Мозгалевский является потомком декабриста Николая Мозгалевского? И вот передо мной фотокопия личного листка, заполненного 16 августа 1941 года инженером государственного проектно-изыскательского института «Ленгипротранс» Н. А. Мозгалевским. В графу «бывшее сословие (звание) родителей» вписано: «Внук декабриста, из дворян, ссыльных 1825 года»...

Послужной его список начинается в 1902 году со скромной работы десятника и смотрителя зданий на станции Иланская Транссибирской железной дороги. Она тогда еще строилась — через Байкал составы переправлялись на пароме, и моста через Амур тоже не было, но немеренным трудом русских рабочих и десятников, техников и инженеров шла и шла к океану эта самая протяженная на свете железнодорожная магистраль, явление которой миру было несколько неожиданным и настолько важным, что зарубежная печать тех лет сравнила ее постройку с открытием Америки... Потом Николай Мозгалевский трудился техником дорожных работ в Красноярске, городе, где лежал прах его бабки Авдотьи Ларионовны и отца Александра Николаевича. В 1915—1917 годах внук декабриста сооружал железные дороги в тылах Западного фронта, в качестве инженера — изыскателя и строителя — работал на Мурманской и других дорогах, закончив свой трудовой путь старшим инженером-изыскателем БАМпроекта. Из письма Сергея Воронина: «Жаль, ты меня не разговорил на съезде! Н. А. Мозгалевский все чаще вспоминается мне своими характерными человеческими чертами. Следует сказать о его бескорыстии, честности и абсолютной независимости, то есть он делал свое дело, не оглядываясь на начальство. Отличала его также ровность духа, уважение всякого, будь то работяга или ИТР,— никогда ни на кого не кричал, не возмущался, не сетовал, как бы ни было трудно. В тяжелые для нас минуты играл на гитаре какой-то бравурный марш. Больше ни от кого я такого произведения не слышал, но марш был бодрый и веселил нас, молодых, а ему было под шестьдесят»...

Все же есть, наверное, какой-то таинственный закон жизни, согласно которому, когда назревают и разрешаются события, встречаются далекие люди, вяжутся между ними нити добра, приязни, совместных забот, пересекаются судьбы!.. Мое продолжающееся путешествие в прошлое свело меня недавно с ленинградкой Татьяной Николаевной Ознобишиной. Ее предок декабрист Владимир Лихарев был переведен из Сибири на Кавказ, где прослужил долгих десять лет. К концу службы он был назначен в отряд генерала Н. Н. Раевского, брата Марии Волконской, которому Пушкин посвятил своего «Кавказского пленника» и «Андрея Шенье». Рядовой

Тенгинского полка Владимир Лихарев пал в бою под Валериком, а ровно через год, в такой же июльский день, был убит поручик этого полка Михаил Лермонтов...

Это-то мне было известно давно, а через Татьяну Николаевну Ознобишину я узнал совсем другое — оказывается, один из первых разведчиков Байкало-Амурской магистрали Николай Мозгалевский дружил с ленинградцем Василием Ивашевым, тоже будто бы инженером-изыскателем! Написал в Ленгипротранс и вскоре получил пакет, который с нетерпением вскрыл.

Нет, этого я никак не ожидал! Василий Ивашев, родной брат столетней ленинградки Екатерины Петровны Ивашевой-Александровой окончил Институт инженеров путей сообщения в первом году нашего века и вначале работал на изысканиях и сооружении дороги Петербург — Вологда. И Сибирь ему благодарна — пять лет он был начальником изыскательской партии и дистанции постройки среднего участка Амурской железной дороги. Затем Николаевская и Мурманская дороги, строительство участка Баку — Джульфа, и снова Мурманская, где он работает в одно время и одном управлении с Николаем Мозгалевским, и, наконец, вместе же — в Ленинградском проектном железнодорожном институте. Из характеристики 1941 года: «Тов. Ивашев имеет большой практический опыт, и разносторонность инженера делает его весьма ценным для производства сотрудником. Стахановец. Дисциплинирован».

Рассматриваю портреты двух пожилых ленинградцев того грозного года; в глазах — серьезность, сила знаний и опыта, многозначная память прошедшего... Если б увидели эти лица деды, если б декабристы Николай Мозгалевский и Василий Ивашев узнали перед смертью, что через сто лет их внуки Николай Мозгалевский и Василий Ивашев будут идти рядом, плечо в плечо, намечая и прокладывая своему народу новые дороги!..

Память о декабристах — неотъемлемая, святая частица нашей духовной жизни; я убедился в этом, получив после журнальной публикации предыдущих страниц «Памяти» сотни писем читателей. Современники взволнованно пишут о необходимости открытия Музея Декаб-

ристов, сообщают о своих поисках, связанных с историей первого организованного революционного выступления, делятся сокровенными мыслями, вызванными напоминанием об этой эпохе в истории Родины.

Вот отрывок из письма А. Ф. Голикова из города Плавска Тульской области. Он прошел войну «от оборонительных рубежей Москвы через Вязьму, Смоленск, Оршу, Минск, Барановичи, Белосток — на Пруссию», потом был партийным работником, а сейчас на пенсии, но причисляет себя к работникам-краеведам — интересуется далекой стариной района, разыскивает материалы и читает лекции о земляках-декабристах Борисе и Михаиле Бодиско, морских офицерах, не состоявших в обществе, однако вышедших 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь... «Декабризм надо расценивать как явление человеческой цивилизации, родина которому Россия. Было бы кощунством «до грамма» взвешивать на весах исследователя вклад каждого декабриста в общее революционное дело и на «основе» этого отводить ему место в рядах декабристов. Идеалом декабристов как раз было революционное и человеческое равенство. К тому же вторая часть революции декабристов протекала по всей России до 90-х годов — в Сибири, на Урале, Кавказе, на Украине, в Молдавии, Средней Азии, во многих иных местах, включая заграницу. Декабризм — не только и не столько восстание на Сенатской площади, это полувековая подвижническая и на редкость активная по тем временам деятельность разгромленных, но несломленных революционеров. Их революция была и в том, что они оставили нам литературные, философские, политические, естественнонаучные труды, как вехи к светлым знаниям, свободе и счастью нашему...»

Да, среди декабристов были первоклассные поэты и прозаики, страстные публицисты, талантливые переводчики, философы, филологи, юристы, географы, ботаники, путешественники — открыватели новых земель, инженеры-изобретатели, архитекторы, строители, композиторы и музыканты, деятели народного образования, просветители коренных жителей Сибири, доблестные воины, пионеры — зачинатели благих новых дел, и просто граждане с высокими интеллектуальными и нравственными качествами.

Конечно, они составили целую эпоху в русской исто-

рии и сами были ее творцами, являя собою перспективный общественно-социальный вектор. Они были также сами историками, которых отличала, как писал еще В. И. Семевский, «восторженная любовь к русскому прошлому». Это касалось, в первую очередь, раннесредневековой русской старины, которую они связывали с народоправием и провозглашали в качестве демократической, революционной программы своего времени. В уста Дмитрия Донского Кондратий Рылеев вкладывает такие свои слова:

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран;
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.

А Владимир Раевский говорит уже от себя:

Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена...

Декабристов интересовали славянская древность и античные времена, Новгородская республика и норманистская лженаука, немецкая агрессия и татарское иго, история русского крестьянства и московского самодержавия, Петр I и Отечественная война 1812 года...

Первым среди историков-декабристов по праву числится Александр Корнилович. Он окончил Благородный институт в Одессе (Ришельевский лицей) и военное училище в Москве, готовившее офицеров генерального штаба. Необыкновенно одаренный юноша свободно владел латинским, греческим, немецким, французским, английским, польским, испанским, голландским и шведским языками. Будучи еще слушателем школы колонновожатых, работал в Петербургском и Московском архивах иностранных дел, накопив знания по истории России XVII—XVIII вв. С 1822 года этот штабс-капитан генерального штаба печатается в «Сыне Отечества» и «Соревнователе Просвещения и Благотворения», опубликовав за три года двадцать исторических статей, и двадцатичетырехлетним молодым человеком становится из-

дателем альманаха «Русская старина», появление которого Пушкин счел «приятной новостью»...

Поражает широта исторического диапазона декабристов. Александр Корнилóвич, в частности, много занимался эпохой Петра, первым — прошлым русской промышленности, Гавриил Батеньков — автор статьи о египетских письменах и переводов исторических трудов, Александр Бригген написал очерк о жизни Юлия Цезаря, Михаил Лунин немало страниц посвятил истории взаимоотношений Польши и России, Михаил Фонвизин сделал «Обозрение проявлений политической жизни в России», Николай Тургенев провел солидное научное исследование по теории налогов. Павел Пестель создал «Русскую правду», Никита Муравьев конституцию — оба эти фундаментальных труда требовали обширных исторических познаний.

Декабрист Василий Сухоруков создал двухтомное «Историческое описание земли Войска Донского», опубликованное лишь в 1867—1872 гг., Николай Бестужев написал работы «О свободе торговли и промышленности» и «Опыт истории российского флота»; последний исторический труд в триста с лишним широкоформатных рукописных листов до сих пор не напечатан. А еще вспомним исторические повести, стихи, статьи, поэмы, записки Александра Бестужева, Вильгельма Кюхельбекера, Владимира Раевского, Кондратия Рылеева, Федора Глинки, Ивана Якушкина, Николая Басаргина, Павла Черевина... Всего же ученые числят среди декабристов *пятьдесят пять* историков!

Все они придавали огромное значение историческим знаниям, и читателю, быть может, будет полезно познакомиться с некоторыми их высказываниями, в которых проявился демократизм, гуманизм, революционность и единство исторических взглядов декабристов. Беру лишь первые десять имен...

Александр Корнилович: «Люди никогда или весьма редко... вопрошают прошедшее и таким образом самопроизвольно лишают себя помощи, какую могли бы им подать минувшие века... История есть собрание примеров, долженствующих руководить нас в общественной жизни».

Николай Бестужев: «До сих пор история писала только о царях и героях; политика принимала в рассуж-

дение выгоды одних кабинетов; науки государственные относились к управлению и умножению финансов, но о народе, о его нуждах, его счастии или бедствиях мы ничего не ведали, и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государства; обширность торговли, богатства купечества и банков за благосостояние целого народа; но ныне требуют иных сведений: нынешний только век понял, что сила государств составляется из народа, что его благоденствие есть богатство государственное и что без его благоденствия богатство и пышность других сословий есть только язва, влекущая за собою общественное расстройство».

Михаил Лунин: «История... не только для любопытства или умозрения, но путеводит нас в высокой области политики».

Иван Якушкин: «Одно только беспрестанное внимание к прошедшему может осветить для нас будущее».

Николай Тургенев: «Науки политические должны идти вместе с историей и в истории, так сказать, искать и находить свою пищу и жизнь».

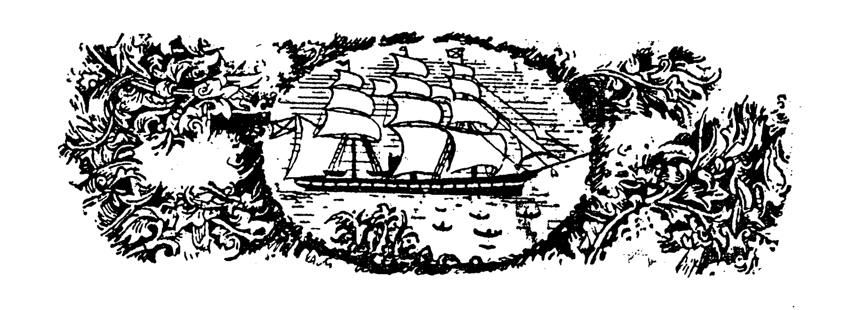
Гавриил Батеньков: «История — не приложение к политике или пособие по логике и эстетике, а сама политика, сама логика и эстетика, ибо нет сомнения, что история премудра, последовательна и изящна».

Павел Черевин: «Кто посвящен в таинства истории, для того настоящее вполне постижимо, он прозревает и будущее».

Василий Сухоруков: «В истории человечества события не вырастают сами собою, без связи с прошедшим».

Никита Муравьев: «Тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинуемся прошедшему, дополняем то, что сделано, делаем то, что требует от нас общее мнение, последствие необходимое прежних действий, идем, куда влекут нас происшествия, куда прорывались уже предки наши».

Александр Бестужев: «Для нас необходим фонарь истории... Теперь история не в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце у народов. Мы ее видим, слышим, осязаем ежеминутно; она проницает нас всеми чувствами».

5 В отрочестве любил я листать книги первых исследователей Сибири, Алтая, Приморья и Камчатки — Крашенинникова и Палласа, Пржевальского и Арсеньева, и уж совсем завораживающе музыкально звучали две странные, непонятного происхождения двойные фамилии путешественников, бороздивших дальние моря и пустыни: Миклухо-Маклай и Грумм-Гржимайло. Мне, помню, нравилось громко произносить их имена и прислушиваться, как они звучат... Николай Миклухо-Маклай!.. Григорий Грумм-Гржимайло!.. В первом клокотала перекатистая рифма, во втором гремел гром.

Впервые мы встречаемся с именами самых знаменитых своих соотечественников в школьные годы — учитель назовет или в учебнике прочтешь, однако позже нередко случается так, что большинство этих имен не успевает по-настоящему раскрыться для тебя, пока не встретишь потом ненароком нужную книгу или журнальную статью, и тогда ты вдруг ясно поймешь, что *такого* человека следовало узнать пораньше, потому что он мог из своего будто бы небытия решительно повлиять на твою судьбу или, по крайней мере, через тебя на твоих детей...

Про Миклухо-Маклая, однако, в школе я ничего не слышал, но мне повезло — случайно обменял у парнишки с соседней улицы книгу самого путешественника на птичью клетку-двухлопушку с голосистым щеглом. Этот товарообмен для меня был очень выгодным, потому что клетку я делал сам и мог сделать другую такую же, даже лучше, щегол поймался в хлопушку тоже сам, и их еще много летало над Сибирью, но где бы я взял такую книгу или денег на нее?

Прочел я это скромное довоенное издание в зеленой, сдается, обложке, однако мелкие факты из новогвинейского дневника ученого довольно быстро и прочно забылись; помню только, как пришелец, впервые увидев воинственно настроенных папуасов, улегся на траву спать, что сразу покорило жителей джунглей, как потом он лечил больных и остановил войну между деревнями и как перед отъездом жители острова упрашивали его навсегда остаться с ними. И еще застряли в памяти пестрота новогвинейских впечатлений Миклухо-Маклая да, верно из предисловия, маршруты его путешествий, потому что я, очевидно, проследил их тогда по карте,— они на моей лесной и снежной родине, отстоящей дальше, чем какое-либо другое место на земле, от морей и океанов, звучали так завлекательно и зазывно — Канарские острова, Марокко, Таити, остров Пасхи, Австралия, Острова Зеленого Мыса, Новая Гвинея...

Вспоминается еще один случай — послевоенный, черниговский. Должно быть, всюду можно найти человека, который сильнее других любит и лучше прочих знает родные края — живые подробности больших событий истории, когда-либо посетивших эти места, приметные строения в округе, в том числе и навсегда уничтоженные войнами и небрежением, предания, родословные, судьбы интересных земляков, драгоценных документов и вещей. Их называют привычно краеведами, происходят они из бывших учителей, врачей, журналистов, военных, музейных, партийных и советских работников, и новая их служба, в которой они пребывают незаметно, часто донельзя скромно, чрезвычайно важна и нужна — они прививают согражданам привязанность к их родине, а через нее — к большой Родине, к миру и жизни, а сами эти увлеченные отставные трудяги, кажущиеся подчас чудаковатыми, составляют кое-где высшую духовную ценность местного общества, потому что выступают в добровольной роли *Хранителей Памяти.* Интересную новизну подметил я в последние годы — таких патриотов и знатоков становится все больше среди молодых...

Так вот, в Чернигове много лет назад встретился мне местный старичок, изработавший себя в газете и бросивший писать даже «информушки». Он — назову его Иваном Ивановичем — сновал по редакционным закоулкам, всем почему-то был нужен, особенно начинающим

журналистам. Мои очерки и заметки Иван Иванович быстро и ловко переводил на украинский, хотя был русским, приговаривая:

— Послушайте, дорогой, совет старого газетного савраса: вычеркивайте слово «работа» из своих писаний совершенно, и тогда оно будет у вас встречаться не более трех раз на странице..

Иван Иванович рассказал мне о таинственной судьбе «Святой Феклы» — гениальной фрески из черниговского Спаса, первым поведал, что в Чернигове работали и были похоронены баснописец Леонид Глебов и прозаик-реалист Михайло Коцюбинский, что из этих мест происходят Тычина, Довженко, Десняк...

— А Новгород-Северский, между прочим, дал князя Игоря! Местную гимназию закончили педагог Ушинский, писатель-народник Михайлов, ученый и революционер Николай Кибальчич, который перед казнью набросал схему ракетного космического аппарата. В Вороньках похоронены Сергей и Мария Волконские, Александр Поджио... А в Стародубе — корни Миклух.

— Каких Миклух?

— Неужели вы никогда не слышали о Николае Миклухо-Маклае?

— Почему же, слышал.

— На Черниговщине жили деды-прадеды ученого, и отец его Николай Миклуха тут родился, вырастил сына Владимира, что, будучи командиром броненосца «Адмирал Ушаков», геройски погиб в Цусимском морском сражении, и Николая — великого человека, хотя и маленького росточка, и хлипкого телосложения, и вроде бы второстепенных научных интересов...

И правда, среди множества разных наук издавна существуют не модные, «тихие», имеющие весьма относительное прикладное значение. Не сулит облегченья труда в промышленности и земледелии, например, собиратель и знаток фольклора или археолог, никому не обещает прибылей специалист по языкам исчезнувших племен или палеонтолог. Рыцарем таких неглавных наук, не усиливающих власть людей над природой и не увеличивающих количество наших вещей, был и Николай Миклухо-Маклай, и распространенные представления о нем чаще ограничиваются начальными сведениями — ну, путешествовал по экваториальным и южным морям,

жил среди папуасов, сумел завоевать их уважение и любовь, описывал быт, нравы, обычаи дикарей, собирал экзотические коллекции, ну и что? А то, что за этими общими представлениями ускользает подлинный облик Николая Миклухо-Маклая как великого ученого и человека, гуманиста и патриота.

Признаюсь — я так и не удосужился прочитать обобщающую работу о Миклухо-Маклае, только время от времени через газеты, популярные журналы или радио в память проникали случайные и отрывочные сведения о его необыкновенной жизни. Однажды услышал, как он пропал на целый год, а объявившись, никому ни слова не сказал, где был и что делал. Жил он этот год в джунглях Малаккского полуострова, где до него не побывал ни одни европеец, искал этнические корни папуасских племен, но сведения о своей работе не счел возможным публиковать, чтобы малайцы, совершенно ему доверявшие, не назвали это шпионством... Женат он был на дочери премьер-министра Австралии, встречался с Александром III, и между ними произошло краткое, но серьезное объяснение, поводом которого послужили новогвинейские изыскания ученого, доказавшего, что папуасы, считавшиеся европейскими колонизаторами низшей в человеческом роду расой, умны, добры, практичны, на их теле волосы растут не пучками, а как у других смертных, в том числе, естественно, и у российского царя, и вообще все люди в принципе по природе своей равны...

Император, порассуждав о диких и культурных народах, изволил назвать россиян далекими от европейцев, тунгусов от русских, а любезных посетителю «папуасцев» более дикими, нежели тунгусы, и посему, дескать:

— Какое же, помилуйте, возможно братание? Достойно сожаления, однако же, по нашему разумению, преждевременны ваши старания, господин Маклай, а потому и напрасны, хотя по-христиански, быть может, похвальны. Да только как бы похвальность эта не взбаламутила кого до поры...

— Насколько мне, государь, кажется,— с достоинством искателя истины возразил ученый,— поиски истины всегда своевременны и не напрасны. Они могут не совпадать с интересами отдельного государства или отдельного правительства, но я не служу отдельному прави-

тельству или государству, я служу человечеству, в том числе, разумеется, и своему отечеству.

— Да, вы так думаете? — растерялся царь, не ожидавший, конечно, такого.— Но это... однако вы дерзок, господин ученый изыскатель! Этак и до крамолы недалеко... Не смею вас более задерживать...

Не знаю, смогла ли в тот день крымская лазурь развеять дурное настроение царя, не ведаю меры-оценки Миклухо-Маклаем результата августейшей аудиенции, но был тогда другой царь в России — духовный... В том же 1886 году Николай Миклухо-Маклай получил письмо Льва Толстого: «Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают...»

И далее гений русской литературы просит ученого «ради всего святого» подробно описать весь свой опыт, что «составит эпоху в той науке, которой я служу — в науке о том, как людям жить друг с другом» и этим сослужить «большую и хорошую службу человечеству».

Миклухо-Маклай не успел выполнить этого пожелания — через семнадцать месяцев умер, прожив на свете всего сорок два года. Почти все написанное им публиковалось посмертно, причем малакккский дневник был напечатан лишь в 1941 году, и до сих пор далеко не все мысли, высказанные им по разным поводам, стали достоянием даже очень любознательного читателя. Позволю себе привести некоторые его высказывания, найденные совсем недавно и нужные нам для путеводительства в новом маршруте...

Напоминая читателю афористичную фразу Миклухо-Маклая о том, что он служит человечеству, *и в том числе,* разумеется, своему отечеству, я выделяю курсивом слова вроде бы малозначащие, но на самом деле чрезвычайно важные, подчеркивающие принципиальную позицию ученого. Да, Миклухо-Маклай был, как бы мы сейчас сказали, великим интернационалистом, а это означает, что он был великим патриотом.

«...Чувствовать себя сыном человечества,— сказал он однажды английскому журналисту,— не значит забыть

родной дом. Я еще не встречал человека с нормальной психикой, который был бы холодно беспристрастен к матери».

Размышляя о великой своей матери — России, Миклухо-Маклай останавливается на одной существенной особенности родного народа, обогащающей и облагораживающей духовный облик человечества. Прежде чем познакомиться с его раздумьями на этот счет, поясню, что Миклухо-Маклай, основываясь на данных своей науки, был в антропологии принципиальным *моногенистом,* то есть исходил из признания полного равенства всех современных народов и рас, составляющих человеческое сообщество. *Полигенизм* утверждал и утверждает обратное, давая лженаучный повод расистам всех мастей делить народы на «высшие», «избранные» и «низшие», «неполноценные», оправдывая военные экспансии, экономический разбой, политическое неравенство, нравственный протекционизм, эгоистический патронаж, национальный гнет.

Миклухо-Маклай подчеркивает, что его научные взгляды находятся в полном соответствии с интеллектуально-психическим складом родного народа: «...Россия — единственная европейская страна, которая хотя и подчинила себе много разноплеменных народов, но все же не приняла полигенизм даже на полицейском уровне. В России полигенисты не могут найти себе союзников, так как их взгляды противны русскому духу...»

Любознательный Читатель. Русский дух? Что это такое?.. И в словах Миклухо-Маклая мне видится некое противоречие. В старой России были полицейские ограничения, государством проводилась реакционная политика «запечатывания умов».

— Да. Миклухо-Маклай пишет также и об этом, подчеркивая как бы противоестественность существования и развития в царской России передовых идей. К понятию «русский дух» мы еще вернемся, а вот слова Миклухо-Маклая, которые я имею в виду: «Русская мысль, если говорить о мысли плодотворящей, рождающей новые идеи и новые взгляды на природу вещей,— явление замечательное и потому уже, что оно существует, кажется как будто противоестественным. Ведь мысль, способная ниспровергнуть общепринятое и утвердить что-то новое,— искра, возникающая от столкновения мнений, от

сомнения, побуждающего искать истину. Чтобы такие искры высекались, людям нужна внутренняя духовная свобода и нужно общество, позволяющее свободу мнений».

— И неужели в России ученый видел такие условия?

— Нет, не видел. Более того, он считал, что в историческом отрезке «от Иоанна Грозного до наших дней, за вычетом, быть может, эпохи Петра I», не допускалась «под страхом смерти или тюремного заключения не только разница во мнениях, но даже попытка усомниться в чем-то, что являлось установленным и принятым в государстве».

— Ну, пожалуй, он слишком даже строг к своей стране... Свежая мысль в России, хоть и в муках, но всегда пробивалась.

— Ага! Вы уже возражаете ученому с новой позиции! Но ведь он с вами согласен, хотя упоминает и другие способы «запечатывания умов». Русский народ и «инородцы» всячески ограждались властью от влияния неугодных ей примеров, в частности, «была введена строгая система видов на жительство, дабы каждый гражданин постоянно находился под государственным контролем и наблюдением лиц, назначенных отвечать за сохранность установленного единообразия в мыслях и настроениях».

— Интересно бы добраться до исторических и психологических истоков такого устройства самодержавной России...

— Миклухо-Маклай, кажется, не успел познакомиться с марксистским анализом современного ему общества, но хорошо знал произведения Чернышевского и других русских революционных демократов и, кроме того, обладал самостоятельными взглядами на общественно-исторические явления. Вот что он писал в черновом наброске, найденном недавно в Австралии у его потомков: «Дикая татаро-монгольская орда с ее свирепой жестокостью, презрением к духовным ценностям и разделением общества на рабов и вождей принесла и укоренила на века в Русском государстве положение, при котором право думать получили только те из нижестоящих, кто, думая, в мыслях своих угадывал желание вождя. А коль скоро всякое слово толковать можно по-разному и человек, намереваясь сказать одно, невольно может дать по-

вод понимать его иначе, от страха не угодить вождю родилась привычка говорить и писать пространно, все со всех сторон обсказывать, обтолковывать, дабы понятым быть в одной лишь позволительной плоскости. Все речи заведомо строились с расчетом на понимание примитивное, и потому развитию мышления у тех, кто читал их или слушал, они не способствовали».

— Но неужели те, кто веками поддерживал такой порядок, не понимали, что они сдерживают возможности народа и это оборачивается убытком для государства, становится тормозом его развития?

— Мысли Миклухо-Маклая на этот счет очень любопытны: «Силой ума, характерами и своим отношением к действительности вожди отличались друг от друга часто настолько, что казались полной противоположностью, однако установленного регламента с незначительными отклонениями все придерживались одинаково. Вождь, не обладавший проницательным умом, иных речей не воспринимал, и существующий порядок общения ему представлялся единственно правильным; тот же, кто видел и понимал больше своих подданных, сознательно поощрял косность, так как управлять ею проще и безопаснее».

Любознательный Читатель. Знаете, само высказывание этих мыслей в то время — доказательство того, что, действительно, мысль в России пробивалась сквозь все затычки!

— Итак, вы с Миклухо-Маклаем единомышленники! Смотрите, что он пишет далее: «И вот при всех этих порядках, которые ведут лишь к всеобщему отуплению, животворящая русская мысль вопреки всем насилиям и царящей нравственной тьме все-таки произрастает и, всему свету на изумление, приносит замечательные плоды».

— Ну, хорошо, а в чем же Миклухо-Маклай видит истоки, так сказать, животворности русской мысли? Не в так ли называемом «русском духе»?.. Не надо забывать, что еще при жизни ученого в России появились первые марксистские работы Плеханова, а через несколько лет после смерти — Ленина...

— Очень легко через сто лет предъявлять претензии к ограниченности мышления того или иного думающего человека... Конечно, Миклухо-Маклай недостаточно

ясно представлял себе тогдашний расклад общественных сил или исторические перспективы и не ставил себе целью дать прямое изложение своих политических взглядов. Но он действительно пытался найти истоки современной ему животворящей гуманистической мысли в исторических и социальных условиях, сформировавших нравственный, духовный облик русского человека: «Когда заходит разговор о русской науке и культуре, людей, мало знающих Россию и привыкших смотреть на нее как на одно из самых деспотических государств, бесправный народ которого, казалось бы, не может дать ничего хорошего, поражает в русской мысли ее неизменный гуманизм. А она, страдалица, пройдя через все испытания, пробившись сквозь тернии, не может нести в себе зло. Страдание озлобляет натуры холодные, с корыстной душой и умом либо слабым, либо чересчур однобоким; русский же человек по своему характеру горяч и отзывчив, а если бывает злобен и совершает поступки буйно жестокие, то лишь в отуплении или безысходном отчаянии. Когда же ум его просветлен и он видит истоки зла, в страданиях своих он никогда не озлобляется и мысли его направлены не к мести, воспетой и возвышенной до святости в европейской литературе, а только к искоренению зла всеми путями и средствами, может быть, и с помощью того же зла. При этом он легко готов принести себя в жертву ради блага других, часто для него безымянных и совершенно чуждых».

— Это очень проникновенно сказано, точно и без малейшего признака «квасного патриотизма» или русопятства...

— У Миклухо-Маклая есть кратчайшее, афористичное высказывание о природе человеколюбия, издревле присущего нашему народу: «...русской натуре чужды не люди чужие, ей чужд эгоизм».

— И все же в этом афоризме Миклухо-Маклая сквозит тенденция некоторой романтизации русских. Среди наших соотечественников, как и в любом другом народе, издревле встречалось немало натур эгоистичных, подлых, жестоких...

— Простите, я в погоне за краткостью невольно исказил мысль ученого; на самом деле он пишет: «Истинно русской натуре...» Истинно! А те люди, о которых говорите вы, русские по рождению, а не по духу...

— Опять «дух»? Что это такое?

— На эту тему можно бы написать диссертацию... Подумайте сами, что имел в виду Пушкин, например, сказав: «Здесь русский дух...». И еще я вспоминаю сейчас, как попал мне однажды в руки подлинный дневник Толика Листопадова, обыкновенного парнишки из Бахмача, маленького патриота, увидевшего своими правдивыми глазами фашистскую оккупацию — аресты, расстрелы ни в чем не повинных людей, изуверские пытки, пережившего голод, побои, смерть близких, и я в свое время напечатал этот редкий документ. И вот в записи от 3 июля 1943 года он восклицает: скоро ли придут те, что «и говорят по-нашему, и по духу наши?..» Владимир Даль нашел десять основных значений слова «дух», а производных словотолкований — на целых шесть столбцов его канонического словаря! Среди коренных понятий, объясняющих это слово, есть такие, как «сила души, доблесть, крепость и самостоятельность, отважность, решимость, бодрость», и такие, как «отличительное свойство, сущность, суть, направление, значение, сила, разум, смысл». А «русский дух», о котором говорил когда-то Миклухо-Маклай, а сейчас говорим мы с вами,— это, мне кажется, *гуманистическая нравственная сущность нашего народа.*

— Но ведь Миклухо-Маклай говорил о 80-х годах прошлого века, когда в России наступил разгул реакции, приспособленчества, антигуманизма...

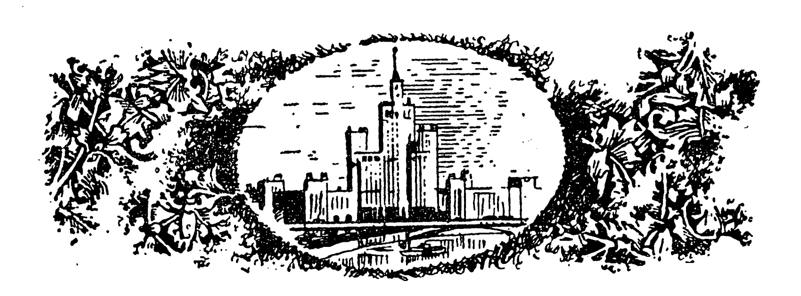
— И в эти же годы зарождалось понятие пролетарского гуманизма!.. Великий русский ученый-гуманист вовсе не ко всякой и всей России себя причислял. Впрочем, у него сказано на эту тему предельно ясно: «Говоря о своей принадлежности к России и гордясь этим, я говорю о своем духовном родстве с теми ее представителями, которых принимаю и понимаю как создателей истинно русского направления в науке, культуре и такой важной для меня области, как гуманизм».

Любознательный Читатель. Эти слова мог бы в качестве символа веры взять на вооружение каждый наш современник, родственно приобщаясь к гуманистическим традициям прошлого...

— Несомненно. Только Миклухо-Маклай предупреждал: «Но это не то родство, которое дает повод для семейного застолья. От каждого, кто его сознает, оно тре-

бует прежде всего постоянной дисциплины в мыслях и делах».

Николай Миклухо-Маклай досадливо морщился, когда его называли путешественником, считая, что есть в таком определении некая легковесность, хотя никто, конечно, не мог счесть его праздным скитальцем по белу свету. Истым путешественником числился и Григорий Грумм-Гржимайло. Услышав эту странную фамилию еще в детстве, я, однако, прожил несколько десятилетий, ничего не зная о нем, кроме фамилии; да немного еще по какому-то случаю о его брате Владимире, металлурге, и так бы, наверное, и тянул до конца, не испытав потребности поближе познакомиться с маршрутами и трудами Григория Ефимовича, если б не это мое путешествие в прошлое, вначале локальное, любительское, не ставящее определенной цели, но со временем незаметно превратившееся в страсть, которая поглотила не один год, заставив отложить большую литературную работу и в зародыше погубив несколько других замыслов. И удивительным было то, что к Григорию Грумм-Гржимайло меня привел декабристский поиск.

6 Однажды моросливым и темным осенним вечером позвонил приятель, прослышавший о моем интересе к прошлому.

— Слушай, завтра об эту пору я хотел бы тебя захватить с собой в один дом на посиделки. Не пожалеешь.

— А что там такое? — без восторга поинтересовался я, уже отыскивая в уме слова, чтоб решительно отка-

заться,— вечерами у меня подымалось давление, разламывало голову, поджимало сердце и совсем пропадала работоспособность; я со страхом смотрел на телефон, ожидая очередного звонка от кого-нибудь, и с отвращением на телевизор, от которого некуда было деться.

— Зачем я туда пойду? Телевизор смотреть под рюмочку?

— В этом доме я никогда не видел наполненной рюмочки.

Это уже было хорошо.

— А что же там будет?

— Я же сказал — посиделки. Соберутся архитекторы, биологи, технари. К хозяйке дома, которая тебя заочно знает и приглашает вместе со мной, приезжает из Ленинграда подруга с сюрпризом.

— Сюрпризы уважаю, только чувствую себя неважнецки.

— Развеешься, на людях побудешь, а то засел, и нигде тебя не видно.

— Ладно, давай адрес этого дома.

— Записывай. Высотный на Котельнической, крыло «В»...

В этом доме и этом крыле я не раз бывал за последние двадцать пять лет — там жил мой двоюродный брат Петр Иванович Морозов. Мы родились с ним на одной улице в Мариинске, наши отцы похоронены рядом в Тайге. Их было три брата Морозовых, племянников моей мамы. Старшего, Павла, комсомольского активиста, из обреза убили в Мариинске мясники, второй — Сергей — герой Халхин-Гола, прошел в своем танке всю Отечественную войну и жил в Омске, страдая от старых ран и ожогов. Третий, Петр, получил сельскохозяйственное образование, пошел по партийным и государственным работам; ведал в войну областным земельным отделом в Новосибирске, потом был первым секретарем Кемеровского обкома партии, министром сельского хозяйства России, пять лет первым секретарем Амурского обкома, затеяв там подъем полумиллиона гектаров дальневосточной целины под сою и пробив в Москве решение о строительстве Зейской ГЭС, потом более десяти лет заместителем союзного министра по животноводству, и промышленные мясные комплексы — его дело, которое он первым в стране на-

чал еще на Амуре. Поработал всласть, с инфарктами, надорвался и вскоре после выхода на пенсию умер...

От Кировской станции метро я пошел пешком, чтобы подышать, сердцу легко было спускаться под гору, к самому низкому месту столицы — тут Яуза впадала в Москву-реку. Высотный дом ажурно вырисовывался в мутном небе, лишь временами его стройный шпиль расплывался-исчезал в низких сырых тучах, что медленно тянулись над крышами, смешиваясь с густыми дымами Могэса, и казалось, все здание величаво плывет им навстречу. Оно росло меж расступающихся домов, широко раскидывало крылья, рельефно проступало сквозь волглый туман своими башенками и фризами.

Люблю я московские высотные дома! Не те новые высокие сегодняшние параллелепипеды, возникающие вдруг то там, то сям по городу, очень похожие на чемоданы стоймя и плашмя, а именно *высотные* дома, что в пору моего студенчества неспешно, основательно и одновременно воздвигнулись семью белыми утесами над нашей столицей, стоящей, как и Рим, на семи холмах... Никогда не соглашался с теми, кто, следуя моде — было же время! — почем зря ругал их. Помню, как герой одного популярного тогда романа, из ученых физиков, подходя, как сейчас я, к этому скульптурно-монументальному и в то же время изящному и легкому дому на Котельнической набережной, назвал его почему-то «чванливым и плоским». В те годы мне однажды удалось проделать маленький эксперимент. На плакатную фотопанораму Москвы я положил несколько бумажек и подвел к ней москвичей-оппонентов:

— Что за город?

Они недоуменно рассматривали невыразительные ряды и скопления домов и не смогли увидеть никаких подробностей, сглаженных масштабом.

— Ну, знаешь! Это может быть Пермью или Курском.

— Или Марселем... Плоский какой-то город.

Дунул я на бумажки, закрывавшие верха высотных зданий, и они ахнули.

— Москва!

Говорили тогда, что дóроги эти здания, но разве дешево обошлись кремлевские башни или московское мет-

ро? С излишествами, дескать, однако «излишеств» куда тебе поболе в отделке Василия Блаженного или, скажем, того же метро, если сравнить его с заграничными... Высотные здания, будучи несколько похожими друг на друга и в то же время оригинальными, естественно и тактично дописали градообразующий абрис Москвы, и было что-то истинно высокое и символичное в замысле, увенчавшем Ленинские горы, вознесшем над столицей ее университет... Высотный дом на Котельнической набережной стоит хорошо, красиво, с любой стороны выглядит не плоским, а объемным.

Небольшая квартира в две комнатки казалась еще меньше, чем была, от многолюдья и больших старинных картин в массивных позолоченных багетах. Хозяйка дома, Софья Владимировна, вдовая одинокая женщина, как-то ухитрялась пробираться между нами, совсем по-молодому хлопоча, чтоб всем было хорошо. А к столу прилаживала свою проекционную аппаратуру ее ленинградская гостья. Татьяна Юрьевна была несколько моложе хозяйки, но такой же говорливой, любезной и расторопной — как-то ловко набросила на стену белое полотно, быстро размотала провода, защелкала выключателями, устремилась за массивный комод искать розетку.

— Нет, нет, не беспокойтесь, прошу вас, я же бывший инженер-энергетик... Все! Пожалуйста, устраивайтесь как-нибудь...

Устроились, погасили свет. Татьяна Юрьевна вставила в фильмоскоп рамочку с цветной пленкой. Сенатская площадь, строгое, как на параде, каре, пушки, кучка восставших в глубине этой известной графической панорамы, народ в отдалении.

— Вот тут все и приключилось, только не так, как изображено...

И начался рассказ о событиях 1825 года, известных всем, и в подробностях известных немногим,— точная, интеллигентная, без единой ошибки «петербургская» речь, которую она не прерывала даже меняя слайды; на экране высвечивались старинные портреты, рисунки, гравюры, свежие фотографии. Для меня во всем этом было мало что нового, кроме неплохо сделанных фотографий. Чита, Благодатский рудник, Петровский Завод, Урик, Ялуторовск и даже далекий Туруханск, где «по

невыясненным причинам» умер в 1844 году «славянин» Николай Лисовский, а до него сошли с ума «южанин» Николай Бобрищев-Пушкин и один из учредителей первых декабристских обществ Федор Шаховской...

После выхода на пенсию Татьяна Юрьевна Никитина все свое время и все средства тратит на поездки по декабристским местам и фотоматериалы, на изучение наследия героев 1825 года и пропаганду его; ах, до чего ж хорошая пенсионерка! И, видно, следит за собой — держится с изяществом, возраста с первого взгляда почти не угадаешь, по голосу же почти молодая женщина. Долгой ей жизни! А то иные, особенно наш брат, так называемый сильный пол, получают пенсионную книжку — и на диван, будто не належатся потом, когда уже ничто не в силах их будет поднять; тридцать миллионов живых людей могли бы найти так же, как Татьяна Юрьевна, свое место в новой ипостаси для пользы всех...

В комнате стало слишком душно, голова болела и сердце давило, но уйти было нельзя — никогда б не простил себе обиды, которую мог нанести Татьяне Юрьевне, Софье Владимировне и ее гостям, затаив дыхание слушавшим то, что мне давно было известно.

— Дмитрий Завалишин. Умер последним из декабристов. Знал десять иностранных языков, но характерец у него был так себе...

— А это Михаил Фонвизин, генерал, племянник драматурга Фонвизина. Уезжая из Сибири, поклонился до земли Ивану Якушкину за то, что тот ввел его в тайное общество... Дом на Рождественском бульваре, где он жил... Его замечательная супруга Наталья Дмитриевна считала себя прототипом Татьяны Лариной. В Сибири оказала помощь сосланному по делу петрашевцев Федору Достоевскому. Добрые отношения между ними установились надолго... Надгробие Ивана Пущина в Бронницах, где он умер мужем овдовевшей Натальи Дмитриевны...

— Необычно сложилась судьба Александра Корниловича,— слышался голос Татьяны Юрьевны.— Приговорен был к двенадцатилетней каторге, но через год его, единственного из декабристов, вернули с Нерчинских рудников в Петербург и посадили в одиночку Петропавловской крепости...

— Это был очень одаренный человек,— добавила Софья Владимировна, сидевшая у самого экрана.— До ареста занимался архивными изысканиями о Петровской эпохе, начал издание исторического альманаха «Русская старина». А в крепости...

— Извините, дорогая, надо сначала рассказать, почему он в крепость-то попал,— перебила Татьяна Юрьевна.

Это мне было бы интересно, если б я не знал, что Александра Корниловича вернули из Сибири по доносу одного из самых презренных людей того времени Фаддея Булгарина — этот замаранный человек марал не только литераторов; в его доносе упоминались Рылеев, Бестужев, Матвей Муравьев-Апостол, а на Корниловича он возвел нелепый поклеп, будто через декабриста просачивались на сторону важные государственные сведения. В крепости Александру Корниловичу позволили без ограничения пользоваться пером и книгами, что дало ему возможность откровенно высказаться по многим вопросам административного устройства России, экономике, торговле, военному делу, и эти записки государственного преступника изучали не только министры, но и сам Николай... Между прочим, Александр Корнилович, как Гавриил Батеньков, Николай Басаргин и другие его товарищи, считал, что Сибири прежде всего нужны хорошие пути сообщения и развитие фабрично-заводского дела. «Главный недостаток Сибири,— писал он,— есть недостаток промышленности»... Многих декабристов, думал я, можно было назначить министрами, и они, в том числе, наверное, и Корнилович, потянули бы не хуже прочих, а этот, «министр в темнице», лишь через пять без малого лет добился «освобождения»— на Кавказ рядовым, где в 1834 году скончался «от желчной горячки»...

— ...Грумм-Гржимайло...— сквозь тупую головную боль вдруг услышал я Софью Владимировну, вздрогнул, мучительно попытался восстановить в памяти какую-то странную ассоциацию и снова отключился от всего, не чая дождаться конца, чтоб выйти наружу.

— Ну, как? — спросил на улице приятель.

— Конечно, посиделки необычные,— ответил я, считая, что мое недомогание совсем ни при чем, если гостям было все интересно и внове — разве плохо, если

еще десяток людей узнают дорогие подробности нашей истории? — Спасибо... Слушай, я только не разобрал, в какой связи была упомянута эта необычная фамилия — Грумм-Гржимайло?

— Так мы же были в доме Грум-Гржимайло!

— Вон оно что! А Софья Владимировна, значит, дочь знаменитого русского металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло.

— Нет, невестка.

— Кто же она сама?

— Хороший человек, этого достаточно... Бывшая балерина.

— Дай-ка мне ее телефон.

Назавтра я позвонил Софье Владимировне, чтобы поблагодарить за гостеприимство.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— С утра получше... Неужто вы вчера заметили?

— Видела, как вы доставали валидол, и хотела прервать посиделки, но дело шло к концу. Что-то рановато вы начали его посасывать! Сколько вам?

— Родился в том году, в котором умер Владимир Ефимович.

— Еще нет пятидесяти? Да вы совсем молодой мужчина!

— Спасибо... Только у меня уже был инфаркт миокарда.

— Один?

— Если быть точным, полтора.

— Ну, знаете, — засмеялась она. — Вы новичок в этом деле. Сказать, сколько их было у меня?.. Восемь!

— Софья Владимировна! Откуда такая интересная двухсложная фамилия? — сменил я тему. — С детства, понимаете, запомнилась. Грумм-Гржимайло, Миклухо-Маклай...

— А еще Бонч-Бруевич, — молодо засмеялась она. — Тан-Богораз, Туган-Барановский, Щепкина-Куперник, Адрианова-Перетц... Но вы, кажется, неверно произносите! Москвичи, идущие от Владимира Ефимовича, металлурга, пишутся Грум, а ленинградцы, потомки Григория Ефимовича, путешественника, — Грумм... Род этот очень древний.

— Насколько древний?

— О! Как считают знатоки, это самый древний род Европы, сохранивший в веках достоверные следы.

— Не древнее же Медичи, Валуа или Тюдоров...

— Древнее даже Комнинов и Рюриковичей! Быть может, это единственный род на земле, следы которого прослеживаются со второго века...

— Черт возьми!.. Извините.

— Ничего... Правда, только со второго века нашей эры. Не знаю, насколько научно все это, однако родословными изысканиями занимался Алексей Григорьевич Грумм-Гржимайло, ученый-ленинградец. Он умер недавно, а у меня где-то были записи с его слов. Поищу. Позвоните как-нибудь...

Вскоре меня положили в больницу, а месяца через два я снова набрал номер Софьи Владимировны. Никто не подошел. Назавтра были те же длинные гудки, и так несколько дней. Позвонил приятелю.

— Понимаешь, не могу дозвониться в тот дом на Котельнической. Не случилось ли чего?

— Случилось. У Софьи Владимировны девятый инфаркт. К счастью, как всегда, микро...

А через несколько дней я развернул свежий литературный еженедельник и увидел большую статью «Русский Фауст» — о Владимире Одоевском. Когда-то, в студенческие годы, я читал его роман-фантазию «4338-й год» и знал слова Белинского: «Главная мысль романа, основанная на таком твердом веровании в совершенствование человечества и в грядущую мирообъемлющую судьбу России, — мысль истинная и высокая, вполне достойна таланта истинного...» Однако позже мне как-то не довелось поближе познакомиться с этой выдающейся личностью нашего прошлого, и сейчас я был благодарен автору статьи за интересный, компактный рассказ о замечательном русском энциклопедисте, многие годы стоявшем в центре петербургской интеллектуальной жизни. Философ, сатирик, автор повестей и сказок, он занимался также изобретательством и наукой, поражая всех широтой своих интересов — от химии переходил к акустике, от гальванопластики к «научной» кулинарии и даже сконструировал оригинальный орга́н. И этот необычный князь-рюрикович, оказывается, был еще и выдающимся музыкантом, музыковедом, музыкальным организатором, чему, собст-

венно, и посвящалась статья, подробно рассказавшая о его роли в становлении и развитии русской музыкальной культуры, о многолетней плодотворной дружбе Владимира Одоевского с Михаилом Глинкой, обязанным энтузиасту-просветителю за повивальные услуги при мучительном и счастливом рождении первой русской оперы «Иван Сусанин», о встречах Одоевского с молодым Петром Чайковским, написавшим: «Это одна из самых светлых личностей, с которыми меня сталкивала судьба», о его знакомствах и связях с Ференцем Листом, Рихардом Вагнером и Гектором Берлиозом, который в последнюю трудную пору своей жизни получал от петербургского друга материальное вспомоществование... Да, были во все времена истинные люди!

Мне захотелось поблагодарить автора публикации за еще одно окошечко, распахнутое в прошлое отечественной истории и культуры, да поговорить с ним кое о чем, потому что под статьей стояла нежданная подпись «Тамара Грум-Гржимайло».

Телефон, временами доставляющий нам столько неудобств, которые успел испытать еще Менделеев, никогда не поднимавший дребезжащую трубку, совершенно необходимая вещь в наше время, сберегающая этот драгоценный дар Хроноса,— через несколько минут я разговаривал с музыковедом Тамарой Николаевной Грум-Гржимайло.

— Это верно, что со второго века?

— Ну так они считают. На территории теперешней Венгрии жили тогда разрозненные племена, объединенные в несколько римских провинций. Столицей Паннонии, поднявшейся против метрополии, был город Виндебож. Римский император Марк Аврелий долго воевал с северными варварами, это истощило его империю. В 180 году он осадил Виндебож, который отчаянно защищался. Храброго вождя осажденных звали Гржим, что означает не то «громоподобный», не то «разгромный».

— Кажется, славянский корень в основе...

— Может быть. Марк Аврелий умер под стенами города, не взяв его, а Гржим дал большое потомство... Позже через эти земли шли готы, гунны, аланы, а мадьяры тут осели насовсем, но род Гржима будто бы не исчез — его потомки расселились по всей средней и

южной Европе... Минуточку! У меня есть давняя запись об этом со слов дяди Леши...

Не прошло и минуты, как на том конце провода Тамара Николаевна зашуршала бумагой.

— Нашла! В Италии отдаленнейшие потомки Гржима будто бы дали известный род Гримальди — там даже один городок древний так называется, и кто-то из их рода некогда завладел, правда незаконно, княжеством Монако. В Польше — Гржимала и под Тарнополем есть местечко Гржималов. В Литве они именовались Гржимайлами, в Чехии писались как Гржимали и Гржимеки...

— Простите, есть такой современный естествоиспытатель — чешского происхождения, подданства западногерманского, а работал в Африке, спасая диких животных,— Гржимек. Может, того же корня?

— А одним из первых профессоров Московской консерватории был Иван Гржимали, прекрасный скрипач, родившийся в Пильзене в семье органиста... Но продолжим. Далекие предки современных Гржимов разных флексий были вечными вояками. В Польше дворянский герб Гржимал учрежден в средневековье, и следы этого рода обнаруживаются там еще в 1129 году.

— При Болеславе Кривоустом? Интересное время! Вышел с боями к морю, взял побережье и остров Рюген, по-нашему Руян. Может, и Гржималы там воевали? Продолжайте, пожалуйста.

— Да, подумать только — почти тысячу лет назад!

— Ну, это не так давно,— возразил я.

— Вы полагаете? — приятный голос исполнился иронии.— Что мы с вами можем сказать о наших предках в том году?

— О наших с вами? Очень многое! За четыре года до этого преставился Владимир Мономах, которого хорошо знали и в Польше, и в Моравии, и в Византии, и в Степи. На следующий год его сын великий князь киевский Мстислав по возвращении из победоносного похода в Литву заложил церковь Богородицы в Новгороде. И Москва уже наверняка стояла в том году, потому что через семнадцать лет попала в летописи.

— И это все?

— Почему же? Может быть, в 1129 году Гржималы уже познакомились с русскими.

— Каким образом?

— Поляки ограбили русских купцов, едущих из Моравии, а Мстислав пригрозил Болеславу войной, если тот не возместит убытков,— пришлось в Киев наряжать послов и раскошеливаться. Гржималы вполне могли быть в курсе этого международного события, и вообще тот год для наших предков обернулся сплошными конфликтами и между собой и с соседями. Мстислав пошел на половцев, прогнал их к Волге, а потом повоевал полоцкое княжество, отказавшееся от похода, полонил всех тамошних князей и отправил их вместе с семьями в византийскую ссылку, где они хорошо воевали с сарацинами...

— Гржималы тоже, как рассказывал мне дядя Леша, немало повоевали, участвуя в крестовых походах. На их гербе — средневековый рыцарь в доспехах, с обнаженным мечом.

— А вы видели этот герб?

— Вот он, рисунок дяди Леши,— передо мной.

— Интересно бы взглянуть, но вы можете словами описать?

— Пожалуйста! Значит, так — контуры замка, крепости, над стеной пять зубцов, по бокам три. В стене распахнуты двустворчатые ворота. В них — рыцарь в средневековых доспехах. В правой руке, вытянутой вперед, обнаженный меч. Все это взято в квадрат, над которым корона с пятью зубцами. И еще тут какие-то стержни, а на них пять пышных волнистых перьев. Что они означают — не знаю.

— Ну, вся эта символика не сложна — геральдисты хотели сказать, что фамилия, которой присвоен герб, участвовала в пяти крестовых походах из восьми...

— Вот я и говорю — вояки были, как их легендарный предок. В Польше Гржималы стали крупными магнатами, приближенными ко двору короля Владислава Локотка, и участвовали в войнах с немецкими рыцарями, теснившими славян и прибалтов. А позже, в четырнадцатом веке, при Казимире Великом, они поддерживали его старшую дочь Марию, которая должна была стать королевой, но политическая ситуация сложилась не в их пользу — литовский князь Ягайло женился на младшей сестре Ядвиге, основав династию Ягеллонов. Гржималы были казнены, их земли конфи-

скованы, род зачах. А литовские Гржималы, переселившиеся на захваченные русские земли, участвовали в Грюнвальдской битве в составе смоленских полков, решивших исход сражения... В середине семнадцатого века, как рассказывал дядя Леша, какой-то Лука Гржимайло имел земельную собственность в Смоленском воеводстве, сын его Антон был стольником смоленским... Ну и другие подробности, до которых был так охоч дядя Леша...

— Дядя Леша — это?..

— Алексей Григорьевич Грумм-Гржимайло, сын путешественника, недавно умерший. Это был ученый-ботаник, написал немало научных статей и книг — о хлопководстве в Китае, об отце, о Николае Вавилове, Миклухо-Маклае...

— О Миклухо-Маклае?!

— Да. О декабристе Корнило́виче, о...

— Простите, а при чем тут Корнило́вич?

— Маргарита Михайловна Грумм-Гржимайло, урожденная Корнило́вич, племянница декабриста, была матерью выдающихся русских ученых Владимира Грум-Гржимайло и Григория Грумм-Гржимайло.

— Невероятно! — вырвалось у меня.

— Почему?

— Да есть основания так считать... До чего ж прихотливо перевиваются людские судьбы! Только мне надо еще кое-что проверить...

— А что проверять? Все вроде правильно.

— Да нет, другое совсем... Позвольте вас поблагодарить, Тамара Николаевна, и пожелать успехов в музыковедении...

«Другое» было вот что. В каких-то архивных бумагах полуторавековой давности мне встретилась однажды приметная фамилия Гржимайло, только я не придал этому значения, совершенно забыв, что за человек ее носил. Главное, никакой памятной записки я тогда не сделал и сейчас терзал себя за то, что я такой никудышный архивист. Попробовал было утешиться — если что-то задержалось в памяти, не попало в черновые заготовки, значит, правильно, так и надо: мелочь. Самоуспокоения все же не получилось, потому

как я определенно помнил, что это были *декабристские* бумаги, никак, однако, не связанные с Александром Корниловичем. Да, и еще одна подробность постепенно всплыла в памяти — какая-то принадлежность этих документов Сибири. Не связаны ли они с Николаем Мозгалевским или Павлом Выгодовским, сибирские дела которых я знал несколько лучше других? Нет, не могу вспомнить! Неужто снова придется составлять официальное отношение с просьбой допустить к документам декабристской поры, ехать в архив и неизвестно сколько времени ломать глаза в поисках одной фамилии? Придется, потому что даже мой скромный опыт разбора старых бумаг не раз в виде так называемого мелкого факта, случайной даты или второстепенной фамилии давал в руки тончайшую ниточку, потянув которую можно было распустить сложное вязанье прошлого...

Долго не мог собраться, и вот наконец снова передо мной подлинные папки 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, содержащие материалы о полицейском надзоре в Сибири за двумя друзьями-«славянами». В деле Павла Выгодовского ничего не оказалось, и я взялся за документы, связанные с Николаем Мозгалевским... Нарым, 1826—1827—1828—1829—1830 годы. Прошения, донесения, запрещения — нет ничего!

Жил декабрист трудно, в постоянной нужде, безо всякой связи с родными. Мать, которая ему писала из далекого Нежина в начале ссылки, поддерживая сына заботливыми словами, умерла, сестры и братья, сами люди небогатые, не могли или не находили способов помочь изгнаннику. В тридцатые годы многие декабристы, имеющие влиятельных и богатых родственников, уже получали солидную помощь из России, жили вполне безбедно, а у Николая Мозгалевского было одно богатство — беззаветная любовь Авдотьи Ларионовны, ведущая, однако, к бедности,— рождались дети, которых надо было кормить, одевать-обувать.

Правда, в Нежине числилось за декабристом небольшое отцовское наследство, и декабристу по этому завещанию досталась «дворовая девка» и три тысячи четыреста рублей денег. Крепостную девушку, наверное, причислили к сословию государственных крестьян,

потому что ее владелец, как и другие декабристы-разрядники, по приговору лишался всех прав состояния, в том числе и права распоряжаться судьбой крепостных, а вот взять в казну сравнительно небольшую сумму наследных денег Николая Мозгалевского было юридически неправомочно, и судебный заседатель Нежинского уездного суда Осип Мозгалевский, возможно, перед смертью предусмотрел этот крайний случай...

И вот прошли годы. Первый нарымский политический ссыльный Николай Мозгалевский среди лютой зимы, когда, быть может, у него кончались съестные припасы, пытается выручить отцовское наследство. Не исключаю, что он прослышал о некоторых послаблениях своим товарищам, которые, используя родственные связи, благосклонность прогрессивных сибирских чиновников и неясности в своем правовом статусе, добивались кой-каких послаблений, облегчения условий существования для себя и своих семейств. 4 февраля 1834 года декабрист посылает прошение властям. Нет, не царю, к которому он так ни разу и не обратился, не к графу Бенкендорфу даже, а к томскому губернатору, надеясь, очевидно, что дело может разрешиться сторонним путем. В письме нет никаких жалоб, лишь просьба доверить получение доли отцовского наследства его старшим братьям Алексею и Петру, проживающим в Нежине. Другими словами, нужно было его доверенность скрепить казенной печатью. Однако томский гражданский губернатор, коему ничего не стоило отдать такое распоряжение, проявил осторожность, не найдя «в правилах о государственных преступниках ясного на сей предмет разрешения», и обратился за разъяснениями в министерство внутренних дел.

И вот передо мной поразительный документ, от которого веет мертвым духом равнодушия: «На сие г. статс-секретарь Блудов в отношении от 11 сентября 1834 года отозвался, что как находящийся в заштатном городе Нарым государственный преступник Николай Мозгалевский лишен всех прав состояния и на основании указа 29 марта 1753 года должен быть почитаем политически мертвым, то засим и не находит он возможности ходатайствовать о разрешении ему совершить доверенность на имя брата». Эта запоминающаяся фамилия «Блудов», эта исходящая дата, по

которой можно исчислить, сколь долго ходила бумага просителя, эта ссылка на закон середины XVIII века, почти через столетие преследующий почитаемого «политически мертвым» декабриста...

Документ, публикуемый здесь впервые, говорит о многом, однако на нем дело не кончилось. Должно, на семейном совете было решено все же обратиться насчет судьбы наследства к самому графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. И не знаю уж, по какой причине прошение написал не декабрист — в Петербург обратилась Авдотья Ларионовна, научившаяся грамоте у мужа. Скорее всего, Николай Мозгалевский ненавязчиво, в расчете на человеколюбивое понимание, хотел подчеркнуть, что деньги нужны не ему, а его ни в чем не повинной семье. Но почему в качестве доверителя названы на сей раз не братья декабриста, а другое лицо? Стоп, вот оно то, что я вспоминал и не мог вспомнить, искал и нашел! Авдотья Ларионовна просит разрешения получить наследные деньги государственного преступника «зятю мужа моего отставному ротмистру Игнатию Гржимайлову».

Николай Мозгалевский, очевидно, надеялся, что любимая его старшая сестра, в честь которой он назвал свою первую дочь, найдет способ переслать деньги в Сибирь и поможет племянницам и племянникам. Мотив просьбы Авдотьи Ларионовны звучит деликатно-объяснительно: «для употребления оных на воспитание и содержание детей наших, в проступках отца не участвовавших».

Нет, граф Бенкендорф не расчувствовался! С текстом указа от 29 марта 1753 года я, правда, не знаком и не знаю, что говорится в нем о детях государственных преступников, только граф трижды отгородился от детей декабриста — *существующими* законами, царем и даже... собственной трусостью. Он ответил, что *не осмеливается* просьбу жены декабриста «представить Государю императору, ибо таковое испрашиваемое государственному преступнику дозволение противно существующим законам».

Сдал я дела обратно в хранилище, расписался в книге учета, отметил пропуск и, вернувшись домой, позвонил Тамаре Николаевне Грумм-Гржимайло.

— Опять я, простите, по поводу вашей фамилии.

— Пожалуйста! Если смогу, как говорится, помогу.

— Вы хорошо помните родословное древо, которое вам показывал Алексей Григорьевич?

— Целый вечер мы над ним просидели, но всего я помнить, конечно, не помню — это же баобаб!

— Не встречалось ли вам такое имя — Игнатий Гржимайло?

— Игнатий? Помню, встречалось. И еще какие-то литовские и польские имена — Казимир, например. Это было, когда одни из них писались «Гржимайло», а другие «Грумм».

— А откуда взялась эта прибавка?

— Вначале, говорю, никакой прибавки не было, обе фамилии принадлежали этому разветвившемуся роду на равных.

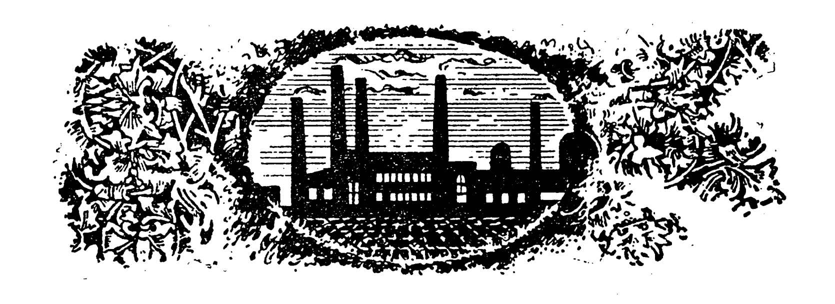
— Как же такое вышло?

— Сейчас возьму свои записи... Ага, вот! Незадолго до первого раздела Польши Иван Гржимайло, внук смоленского стольника, женился на православной девушке Екатерине. Будучи по родовой традиции воином, во время этого раздела он погиб, а дальше с фамилией приключилось что-то непонятное. Может, по желанию умершего или какой другой причине вдова его, записывая детей в русское подданство, вернулась к легендарному родовому корню «Гржим», но в переложении с латинского написания он до неузнаваемости изменился — так образовалась фамилия Грумм. В середине прошлого века внуки Ивана Гржимайло восстановили отцовскую фамилию, сохранив, однако, прибавку «Грумм». Но фамилия трудно воспринималась на слух, и в документах возникала чиновничья путаница. В 1892 году Департамент герольдии правительствующего Сената предложил — для упрощения, что ли? — всему роду писаться «Грум-Гржимайло».

— Не сказал бы, что слишком упростили.

— Да, конечно... А после революции Григорий Ефимович, путешественник, решил отменить для себя решение царских геральдистов и восстановил отнятую ими буковку «м», не желая, как он полушутя объяснял, иметь в своей фамилии тринадцать букв. Поэтому ленинградская ветвь до сего дня пишется так, а мы этак. Смешно?

— Да нет, почему же. Спасибо вам...

7 При очередной встрече с правнучкой декабриста Николая Мозгалевского историком Марией Михайловной Богдановой я спросил ее насчет Игнатия Гржимайлы.

— Целая история! — оживилась она.— Однажды, работая в архиве, я заметила по росписям посетителей фамилию «Грумм-Гржимайло». Укараулила на другой день, и мы познакомились. Это был Алексей Григорьевич, сын путешественника. Он мне подтвердил, что Игнатий Казимирович Гржимайло принадлежал их роду. А позже я нашла письмо из семейной переписки декабриста Николая Мозгалевского, где сообщалось о рождении у Варвары, старшей его сестры, сына Иоахима, и подумала, что это, возможно, был отец братьев-ученых — путешественника и металлурга. Только сил уже не было проверять, а сын путешественника, который все про это знал, вскоре умер... Может, вам удастся найти родословное древо, составленное им? Он мне о нем рассказывал...

Для этого мне надо было ехать в Ленинград, дороги туда долго не лежали, хотя мелкие уточнения уже не имели значения — я узнал что хотел.

Помню еще один разговор с Тамарой Николаевной Грум-Гржимайло.

— Вы, собственно, зачем занялись этим? — спросила она между прочим.

— А разве не интересно — род в веках, история, что прошла через него? Меня бы удовлетворило даже одно то, что мне для себя удалось достоверно установить связи этого воистину интересного рода с боковыми семейными ветвями двух декабристов — «южанина» Александра Корнило́вича и «славянина» Николая Моз-

галевского. Но я, кроме того, тренируюсь для более сложного поиска в нашей древности.

— А что вас там интересует?

— Все.

— Зачем?

— Попробую заглянуть в одну тайну веков.

— Вы меня заинтриговали, но я потерплю.

— Благодарю. Сами знаете, расскажешь — писать не захочется...

И я не стал ничего рассказывать Тамаре Николаевне, в том числе умолчал и об Игнатии Гржимайло, которому какими-то путаными способами удалось превратить наследные деньги декабриста Николая Мозгалевского в долевой пай одного беспризорного, заложенного-перезаложенного поместья, где они вскоре уничтожились, потому что нежинский последыш знаменитого рода польско-литовских рыцарей оказался весьма ненадежным доверенным лицом. Не знаю, каким был служакой и воякой этот ротмистр, но в отставке он пристрастился к винишку и картишкам, вечно жил в долгу, как в шелку, так что декабристу Николаю Мозгалевскому, как всегда, не повезло — денег своих он не получил.

Судеб потомков Игнатия Гржимайлы я не знал, все же выяснив позже, что его сын Иоахим вовсе не отец знаменитых русских ученых, а сам он, следовательно, не их дед. Быть может, на том отставном ротмистре бесславно прервалась многовековая военная традиция Гржимов и лучшие представители этого ветвистого рода пошли в науку, которой новое время предоставило такие обширные поля сражений, однако ошибся, так как узнал о поручике 4-го резервного батальона Брянского пехотного полка Александре Игнатьевиче Гржимайло, скорее всего сыне того ротмистра. Учился он в Полтавском кадетском корпусе, в 1862 году был прикомандирован к генштабу для подготовки в военную академию, но вскоре попал в опалу. Князь Витгенштейн, не фельдмаршал, командовавший 2-й армией в декабристскую эпоху и к тому времени умерший, а генерал-лейтенант Эмилий-Карл Людвигович Витгенштейн выступил в «Военном сборнике» за усиление палочной дисциплины в армии. И вот сто шесть офицеров Петербургского военного гарнизона публично выступили с

протестом. Среди них был и Александр Гржимайло, унаследовавший нравственные принципы своих дальних родственников — декабристов Николая Мозгалевского и Александра Корниловича... А чуть позже узнал я еще о нескольких воинах-Гржимах.

Михаил Грумм-Гржимайло был военным изобретателем и картографом, а брат его, член-корреспондент Академии наук СССР, Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, закончив горный институт еще в 1885 году, более полувека отдал практике и теории металлургического дела — конструированию домен, мартенов, конверторов, вагранок, кузнечных, сушильных, отжигательных печей, научным обоснованиям «русского бессемерования», методов калибровки прокатных валков, термообработке сталей, выявлению законов движения плавильных газов, созданию школы отечественных металлургов. Незадолго до смерти свои труды он подытожил в классической работе «Пламенные печи», без которой доныне не может обойтись ни один квалифицированный делатель чугуна и стали, и вклад ученого, меру его участия в героической битве нашего народа за металл трудно переоценить...

Любознательный Читатель. Простите, но мы в нашем путешествии, кажется, ушли куда-то слишком в сторону — зачем мне знать о металлургии, если меня интересует преимущественно история?

— Многие упрощенно понимают историю как преимущественно историю жизни королей и полководцев, военных реляций и маршрутов завоевательных походов, а давно назрела потребность *во всеобщей созидательной истории,* в которую хорошо бы вписалась история русского металла, например.

— Однако в том, о чем вы сказали вначале, есть привлекательный для всех исторический драматизм, а вот история металлургического дела — это, простите, для узких специалистов.

— Не согласен. Просто мы не знаем истории, потому и не ощущаем драматизма многих ее воистину драматичных страниц. О металле? Пожалуйста! Общеизвестно, что это — хлеб промышленности, основа экономического развития, и Петр I в числе первых сие понял. Как одержимый он метался по рудным местам России, заряжая своей энергией русских промышленников.

В 1702 году Петр передал Никите Демидову казенный Невьянский завод с землями, лесами и горой Благодать. На нем срочно было налажено производство лучших в мире боевых ружей — до ста тысяч штук в год, так что Полтавскую битву выиграли, можно сказать, уральские мастеровые. За исторически короткий срок Демидовы — без телефонов и радио, вездеходов и вертолетов — поставили на Урале двадцать металлургических заводов. Уралу принадлежали мировые рекорды по выплавке чугуна на одну печь, по экономическим показателям расхода топлива и сырья. Демидовское железо «русский соболь» — пошло в Европу. К 1718 году — за семь лет до смерти Петра — Россия по выплавке чугуна вышла на первое место в мире, оставив позади Англию, Германию, Францию, Америку, не говоря уж о прочих. Мы выплавляли треть всего черного металла планеты! В XVIII веке сама Англия покупала у нас по несколько миллионов пудов железа в год. У академика Струмилина есть замечательные статистические таблицы...

— Интересно! А что же произошло дальше?

— Потомки Петра десятилетиями эксплуатировали богатое наследство, но с какого-то времени перестали заботиться о его приумножении. В начале царствования так называемого «либерального» императора Александра I нас оставляет позади Англия, в год его смерти, когда потребность социально-экономических перемен так остро ощутили декабристы, Россию по производству черных металлов обгоняет Америка, вскоре после этого Франция, за ней Германия и даже Бельгия. Незаметно нарастающий исторический драматизм привел к чудовищному факту — в конце XIX века у подошвы знаменитой железной горы Благодать были уложены бельгийские рельсы!

— Россия, этот великан, так отстала?!

— Ага. Вот вы, кажется, уже начинаете ощущать драматизм ситуации! Только, наверное, еще не представляете степени нашего отставания. Были годы, когда на долю России приходилось менее трех процентов мирового производства железа! А ведь на ее территории практически неисчерпаемые залежи богатых руд, коксующегося угля и марганца! К концу девятнадцатого века дело пошло веселей, но далеко не так, как требо-

вало время. В 1894 году Россия выплавляла восемьдесят три миллиона пудов чугуна, Англия — четыреста пятьдесят семь.

— В пять раз больше!

— В пять с половиной. Америка — в пять, Германия — более чем в четыре, Франция — в полтора. Впрочем, еще до конца века всех обошли Соединенные Штаты. Черный металл — это иголка и сковородка, плуг и локомотив, мотор и корабль. На железе и его сплавах основывается вся современная материальная цивилизация! Народ, в достатке обладающий черным металлом, имеет возможность поднять все отрасли индустрии, сельское хозяйство, уровень жизни, выделить средства и людские резервы для развития культуры и наук, наконец, может быть спокоен за свою безопасность... И вот такие люди, как Владимир Ефимович Грум-Гржимайло или позже его сын Николай Владимирович, тоже ученый-металлург, сочли необходимым применить свои недюжинные таланты к этой основе основ, помочь народу в битве за металл. Такая основа плюс неизбежные социальные изменения...

— Спасибо. Дальше?

— Минуточку! Драматизм возрос до предела после гражданской войны, когда мы получали чугуна менее трех процентов от довоенного производства. Кстати, в 1915 году в Петрограде было создано «Металлургическое бюро В. Е. Грум-Гржимайло», за три года разработавшее почти полтораста типов печей. А в 1925-м Владимир Ефимович, побывав на международном конгрессе специалистов в Париже, убедился, что русская школа металлургов идет впереди, и сразу же по возвращении написал в ВСНХ с обычной своей прямотой: «За границей найдутся и деньги, и лаборатории, и научно подготовленные люди, которые подхватят на лету русскую мысль, переработают ее и преподнесут нам ее в виде новых заграничных методов... Так было с Яблочковым, Лодыгиным, Черновым, Поповым — так будет и с Грумом». Нет, не стало так! Нашлись и деньги, и лаборатории, и ученые, и вскоре начала осуществляться давняя идея Грум-Гржимайло — наш народ взялся за создание крупных угольно-металлургических центров на востоке.

— Вот я и говорю — пятилетки, «догнать и перегнать»...

— Именно!

— Америка давным-давно опередила всех по всем экономическим статьям, а мы пытались и так, и этак догнать ее, да только все больше отставали.

— Минуточку! А вы знаете, чем закончилась историческая битва за черный металл?

Любознательный Читатель. Ну, я же, как и вы, только любитель в истории, причем меня, как и вас, больше интересует ее отражение в судьбах людей...

— Несмотря на то, что последняя война вывела из строя наш южный промышленный район, за двадцать пять лет мирной жизни мы не только догнали эту «недосягаемую» Америку, но снова, спустя два с лишним века, вышли на первое место в мире по главным металлургическим показателям — чугуну, стали, добыче руды, ферросплавам, огнеупорам! Каждая пятая тонна стали планеты выплавляется в наших печах и конверторах... Поэтому-то некоторые из нас могут спокойно заниматься отражением истории в чем или ком бы то ни было...

Назвать Григория Грумм-Гржимайло, как и Николая Миклухо-Маклая, путешественником было бы слишком недостаточным. Верно, маршруты его странствий прихотливо окольцевали обширные районы Евразии — Крым, Калмыкию, Молдавию, Урал, Закавказье, Среднюю Азию, Алтай, Памир, Тянь-Шань, Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток, Туву, Монголию, Джунгарию, Гоби. Верно, что он был выдающимся географом. Открыл глубокую, лежащую на полтораста метров ниже уровня океана котловину. Его именем назван ледник в Синьцзяне. Русским географическим обществом он был удостоен премии имени Пржевальского, Парижская академия присудила ему премию имени Чихачева. Однако Григорий Грумм-Гржимайло, как и Николай Миклухо-Маклай, был разносторонним естествоиспытателем, применявшим синтетический комплексный метод при изучении лика земли, мертвой и живой природы, человека. Географ-описатель и географ-открыватель, геолог, минерало́г, лепидоптеролог, ботаник, энто-

молог, почвовед, зоолог, этнограф, экономист, социолог, опубликовавший более двухсот научных работ, в том числе фундаментальный четырехтомный труд о Западной Монголии и Урянхайском крае, труд, из которого я узнал, что ученый был еще и замечательным историком...

В Ленинград я так и не собрался, потому что надо было срочно заканчивать эту книгу, и каждый день был дорог. А очень хотелось покопаться в архивах отца и сына Грумм-Гржимайло, чтоб найти не только, скажем, родословное древо потомков легендарного славянина Гржима, но и, быть может, совсем неизвестное и неожиданное, как это счастливо случилось с таким же, как я, любителем в австралийском архиве Николая Миклухо-Маклая, чьи мысли о природе русского гуманизма дошли до соотечественников лишь спустя столетие...

А однажды я встретил Софью Владимировну Грум-Гржимайло вместе с ленинградской подругой на традиционной встрече декабристских потомков, что регулярно проходят в доме № 10 по Гоголевскому бульвару, на котором висит единственная в Москве напоминающая о декабристах безымянная мемориальная доска. Они сидели рядом, ставшие, наверно, от возраста и давности знакомства похожими друг на друга, понимающе-воспоминательно переглядывались во время доклада, одинаково замерев, слушали старинную музыку.

После концерта я подошел к ним.

— Что же вы не звоните, не заходите? — Голос Софьи Владимировны был слабым, но с бодринкой.— Нет, нет, я чувствую себя неплохо! И телефонные разговоры переношу отлично — это тоже жизнь, а я ее не боюсь, у Гржимов научилась воевать.

— Да, отменные воины были в древности,— сказал я, думая о том, как бы поаккуратней закруглить разговор, чтобы не переутомить ее, но не тут-то было.

— Не только в древности. Мой покойный супруг был в молодости отменным артиллеристом! За четыре года той германской войны от души погромыхал своим орудием, не потерял ни одного батарейца и в восемнадцатом перешел всем составом на службу революции.

— А потом тихие битвы в науке...

— Почему тихие? Он был рыцарем в ней, вооруженным с головы до пят. Много сделал в практике металлургии. Помню, как в тридцатые годы при реконструкции литейно-ковочного оборудования одного крупного завода он сэкономил государству три миллиона валютных рублей. Как ученый, всю жизнь занимался металлургией на молекулярном уровне, спектральным анализом элементов, их структурой, и специалисты считают, что Николай Владимирович проделал работу за целый научно-исследовательский институт.

— Можно бы учредить научный рыцарский орден Гржимов...

— Несомненно! Только у Николая Владимировича сил и времени не хватило, чтобы добиться общего признания своих трудов. Итоговая его монография так и не была напечатана. Этим-то я и занимаюсь, однако сердце, знаете, не всегда выдерживает.

— Да, девятый инфаркт...

— Ну, этого-то инфаркта я совсем не боялась! — засмеялась она.

— Простите, Софья Владимировна, но не станете же вы утверждать, что у вас выработалась привычка,— в тон спросил я.

— Привычка — само собой, однако я была уверена, что девятый инфаркт мне ничем особым не грозит, потому что Григорий Ефимович когда-то мне говорил, будто число девять на Востоке — священное, счастливое.

— А вы с ним разве встречались?

— Не раз. Я была почти юной и танцевала еще неплохо, а он к концу жизни стал благообразным, спокойным и мудрым, как индийский гуру. Он много видел, много знал, последние годы много болел, но никогда не терял своего особого юмора, и для нас было большим удовольствием его слушать. Помню один из последних его рассказов... Если у вас есть время.

— Времени у меня вполне достаточно.

Это нежданное степное знакомство Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло произошло почти сто лет назад, а Софья Владимировна полвека помнила подробности его рассказа. Маленький экспедиционный отряд

шел монгольской степью. Зной, усталость и давным-давно ни одного встречного. Проводник с переводчиком ускакали куда-то искать воду — впереди была страшная пустыня Гоби. Вдруг на горизонте появился столб пыли, послышались выстрелы. Отряд приготовился в случае чего дорого отдать свою жизнь, но Григорий Ефимович приказал пока не стрелять. Несколько десятков конных степняков, вооруженных английскими карабинами, окружили отряд и знаками приказали следовать за ними. Григорий Ефимович показывал им пустую флягу, карту — они все это отобрали вместе с винтовками, так что пришлось подчиниться. Пригоняют их к стойбищу, и Григория Ефимовича ведут в самую большую, богато украшенную юрту. А там на войлоке стонет и скрипит зубами человек — тайша, степной князек. Как узнать, что с ним? Камни, аппендицит, заворот кишок, перитонит? Может, просто объелся — рядом с юртой были следы обильной трапезы. Единственное, что мог сделать ученый,— дать болезному двойную дозу глауберовой соли. Путешественников отпустили, вернув все, и отряд на рысях удалился искать проводника и переводчика. Лихо скакали, оглядываясь назад, но через несколько часов снова раздались выстрелы, и раздельные столбы пыли быстро надвигались сзади. Что делать, если пациент умер? Отряд снова изготовился, только Григорий Ефимович разглядел в бинокль девять всадников на линии горизонта и успокоил спутников. Подскакавшие монголы, улыбаясь, жестами показали, будто сыплют в рот порошок. Пришлось отдать им весь запас, в ответ получив подарок — полуживого, наверное, с отбитой печенкой, но жирного барана...

— Довольно смешно, не правда ли? — спросила Софья Владимировна.

— Вполне,— согласился я и добавил: — Пока вы болели, я узнал о том, как история вытворяла что хотела с родовой фамилией Гржимов. Очень интересно!

— Между прочим, и с фамилией декабриста Корниловича произошел однажды почти невероятный случай. После Сибири он именовался «Без-Корнилович».

— Да, я видел в «Алфавите декабристов» эту фамилию в скобках после основной, но не мог понять, что это такое.

— А вышло так. Когда Михаила Корниловича, деда

Григория и Владимира Грум-Гржимайло по материнской линии, производили в какой-то армейский чин, Николай I решил исключить из списка брата известного декабриста и начертал на докладе «Утверждаю без Корниловича». Канцеляристы поняли эту резолюцию по-своему, и, таким образом, братья получили новую фамилию. Это напоминает историю с поручиком Киже... Заходите, пожалуйста, я вам кое-что покажу интересное из прошлого.

Слагаемые истории, прошедшие через один род... Разве это не интересно? Но дело не только в интересе именно к этому роду, тому или иному. Через ушедших людей, их дела и дни мы убеждаемся, что *прошлое не ушло*. Мы живем в нем, сами того не замечая, оно в нас — в нашем мировоззрении, нравственных нормах, каждодневных мыслях, чувствах, поступках, образе жизни, языке, наследственных — от деда к внуку — привычках, и уж от человека лично, а также общества, в котором он живет, зависит степень его духовного родства с предками...

История властно захватывала меня, и я постепенно начал понимать, что эта великая и единственная неизменяемая реальность выше всех наук, потому что связывает настоящее с прошедшим и будущим, ненавязчиво, мудро и всесторонне учительствует, царит над нами. О прошлом, его значении в жизни всех людей, обществ и каждого человека размышляли самые глубокие и беспокойные умы. Вспоминаю блестящие афористичные высказывания об истории многих декабристов, начиная с Александра Корниловича. И, словно подхватывая эстафету мысли, говорят о ней ярчайшие представители следующих поколений русских людей.

Александр Пушкин: «История, в том числе и древнейшая,— не давно прошедшее вчера, но важнейшее звено живой связи времени; тронь в одном месте, как отзовется вся цепь».

Виссарион Белинский: «Наш век — по преимуществу *исторический* век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания».

Александр Герцен: «Ничего не может быть ошибочнее, как отбрасывать прошедшее, служившее для достижения настоящего».

История — это Все во Всем!

И вот я снова подхожу к высотному дому на Котельнической набережной, в которой нежданно встретился с живой памятью о декабристе-историке Александре Корниловиче. Мемориальная доска на стене одного из крыльев... Выдающийся советский историк академик Михаил Николаевич Тихомиров жил в этом доме последние годы. Оставил богатое научное наследие: исследовал «Русскую правду» Ярослава Мудрого, Москву и другие средневековые русские города, городские и крестьянские восстания на Руси, исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен... Все интересно!

По стенам квартиры Софьи Владимировны Грум-Гржимайло — старинные портреты ушедших из жизни людей — масляные, акварельные, карандашные, дагерротипные, фотографические. Некоторых я узнаю, но большинство лиц незнакомых — с бакенбардами, бородками клинышком, с окладистыми лопатами и совсем безбородые, в усах и без них, в очках и пенсне, в форменном, казенном и партикулярном одеяниях, но что-то было общее в осанке, чертах и, главное, выражении лиц и глаз. Конечно, так и должно быть — все родственники, хотя и разных семейных ветвей, однако все же не это определяло главное сходство. Передо мной явилось несколько поколений русских интеллигентов, полтора века честно трудившихся на благо своего народа.

— Кондратий Иванович Грум-Гржимайло,— подводит меня хозяйка к одному из самых старых портретов.— Родился еще в конце восемнадцатого века. Слыл на Литейном проспекте Петербурга чудаком, потому что, когда появлялось солнце, он выходил на балкон с голой спиной. Загорал... Имел научные звания кандидата философии и доктора медицины и хирургии. Первым в России сделал операцию перетонита. Тридцать три года редактировал первую русскую медицинскую газету «Друг здравия». Выпустил множество ста-

тей и книг, в основном по гигиене, был первым русским врачом-писателем...

Портрет декабриста Александра Корниловича — только из книжного издания. К сожалению, художник-декабрист Николай Бестужев не успел в Сибири написать его портрета — Корниловича странным образом увезли назад, в Петербург, который он так любил и хорошо знал, как любил память о великом основателе города, посвятив ему первый выпуск первого нашего исторического журнала «Русская старина». К тому времени я успел посмотреть работы А. Г. Грумм-Гржимайло о декабристе, написанные по семейным архивам, и труды самого историка-декабриста «Нравы русских при Петре I» и «Частная жизнь русских при Петре I». Из статей А. Г. Грумм-Гржимайло узнал и об интересном письме декабриста брату Михаилу от 24 июня 1832 года. Оно было написано в крепости, но узнику, очевидно, было позволено встречаться с людьми, нужными ему для его исторических занятий. «Знаешь, я думаю, что Карамзин решил кончить свою историю XII веком. Я всячески уговаривал продолжить ее по крайней мере до воцарения Петра, но он на все мои убеждения отвечает одно: «Там писать нечего»...» На портрете Александр Корнилович в форме штабс-капитана генерального штаба.

— Чин этот, между прочим, он получил за работу экскурсоводом,— говорит хозяйка.

— Как так?

— Он хорошо знал языки и однажды провез по Петербургу и Кронштадту одного важного иностранного гостя, который в письме царю поблагодарил сопровождавшего его офицера.

— А это мой отец... Перов Владимир Иванович. Сфотографировался студентом Петербургского университета.

— Что-то, знаете, очень характерное есть в его облике,— замечаю я, рассматривая нисколько не пожелтевшую, ясную фотографию столетней давности. Во взгляде студента — решимость, твердость, какая-то одержимость.— Такими были народовольцы...

— А он и был народовольцем.

— Расскажите, пожалуйста, о нем!

— Обычная биография думающего и честно мысля-

щего молодого человека тех лет... Вел революционную пропаганду среди петербургских рабочих. Был арестован в марте 1881 года вскоре после покушения на Александра Второго... Кстати, у меня есть книга, где приведена точная дата.

Рассматриваю эту, теперь уже старую книгу, изданную в 1930 году Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Глава «Хроника арестов»... Знакомые имена — Желябов, Перовская...

Святые времена и святые имена! Народовольцы ошибались в выборах методов борьбы, возлагали надежды на террор, считали рабочие организации подсобной силой грядущей революции, но история все же так распорядилась, чтобы Россия вначале прошла через декабризм и народничество. Народники тоже были проторителями трудных путей в будущее, и, как декабристам, им должна быть отдана частица нашей уважительной памяти; пора бы, например, музей открыть шестидесятников и народовольцев!

Выдающийся русский революционер, из крепостных, Андрей Желябов был арестован за несколько дней до покушения 1 марта и, узнав об аресте первомартовцев, потребовал, чтоб его судили вместе с ними, как ветерана революционного движения! Софью Перовскую арестовали, судя по «Хронике арестов», 7 марта. 17 марта в чайной у Невской заставы был арестован Владимир Перов.

— Прямо на сходке взяли, с поличным. У этого дома я побывала...

В начале апреля Желябова, Перовскую, Кибальчича, Михайлова и Рысакова казнили, над остальными продолжалось следствие. Владимир Перов год просидел в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, был приговорен к пяти годам каторги, замененной ссылкой из-за многочисленных протестов общественности против суровых мер царских властей.

— Вместе с одним из своих товарищей — тоже народовольцем — Ивановым отец отбывал ссылку в Минусинске.

Опять Минусинск! Сколько же политических ссыльных прошло через этот крохотный сибирский городок, начиная с декабристов, в том числе Николая Крюкова, братьев Беляевых, Петра Фаленберга, Николая Моз-

галевского и других? И Ленин бывал в Минусинске проездом по тому же случаю, Кржижановский и опять же другие. Связь времен, идей, людей и больших исторических событий прошла через один географический пункт, который, как хорошо сказано по другому, правда, случаю, был «на карте генеральной кружком отмечен навсегда»...

— Отец рассказывал мне о тяготах и унизительности ссылки, о революционной пропаганде товарищей среди пригородного крестьянства Минусинска.

Она вдруг засмеялась, что было совсем неожиданно, и в ответ на мой недоуменный взгляд сказала:

— Вспоминал он один случай.

Ссыльные народовольцы должны были каждый приходить в полицейский участок и отмечаться — за ними был строгий надзор, и донесения об их поведении, образе жизни и встречах регулярно отправлялись в Петербург с мельчайшими подробностями, если что-либо вызывало подозрение полиции. Однажды Владимир Перов заболел и не явился к сроку, Иванов пришел один.

— А где Перов? — спросил полицейский чин.

— Он не может, у него плеврит.

Чин записал на бумажке «Плеврит» и послал двух полицейских к дому, где жили ссыльные:

— Живв-ва! Тащите его вместе с этой собакой Плевритом.

Запыхавшиеся блюстители забежали прежде всего к дворнику.

— Дома Перов?

— Где ж ему быть?

— А Плеврита такого ты знаешь?

Дворник моргал глазами, зачесал бороду.

— Говори! Приказано срочно тащить в участок Перова вместе с этой собакой Плевритом!

— Тады пошли,— говорит дворник.

Полицейские, дико выпучив глаза, смотрели, как дворник направился к собачьей конуре, отвязал лохматого пса и подал цепь полицейскому:

— Веди, коли надо.

— Ты что, изгаляться?! — занес кулак блюститель.

— Так ежели велят! Меня-то за что?

— Говори толком — у Петрова есть кто-нибудь из посторонних?

— Никого нетути. С вечера не подымался, горит в жару, меду просил. Лекарь был, давно ушел.

Полицейские подумали-посудачили — да и отвели невинную собаку в участок: у кобелька была кличка, которую дали ему ссыльные,— Ливер...

— Отбыв ссылку, отец эмигрировал, — продолжает хозяйка.— Жил в Льеже, где и женился на маме. Ее звали Екатерина Квентилиановна, урожденная Никольская.

— Редкое отчество.

— Мой дед Квентилиан Дмитриевич был военным, полковником артиллерии. За боевые заслуги на Шипке награжден золотым оружием и повышен в чине, стал генерал-майором.

— Как перевиваются события! А имя откуда такое необычное?

— Он был пятым сыном в семье...

Мы вновь вернулись к студенческому портрету народовольца Владимира Перова.

— Отец умер в 1942 году... Здесь, в Москве. И знаете, какое он письмо получил из-под Минусинска незадолго до смерти? Дети тех, кто более полувека назад знал его там, прислали несколько теплых слов. В Москве, мол, сейчас голодно, холодно и опасно. Приезжайте, приютим и прокормим...

Мне перехватило горло, и я ничего не мог сказать.

— Никуда он не мог поехать,— грустно закончила Софья Владимировна.— Ему было восемьдесят два года... А вот малоизвестный портрет Григория Ефимовича, путешественника... Взгляните, какое одухотворенное лицо!

Это был портрет, относящийся ко времени первых экспедиций путешественника,— казенная тужурка, «чеховская» бородка, внимательный, ищущий взгляд сквозь стекла очков. Совсем молодым, едва за двадцать, он уже побывал с энтомологическими экспедициями в Среднем Поволжье, изучал лепидоптерологическую фауну в Прибалтике, провел комплексные научные исследования в Средней Азии, два сезона изучал Памир — его географию, геологию, ископаемую и живую фауну, флору... Все эти годы его ждала та, которой он поклялся в вечной любви.

— К сожалению, портрет его жены вместе со множеством документов, книг и картин погиб в 1941 году — в наш дом попала фашистская бомба. А она была чрезвычайно интересным человеком, Евгения Дмитриевна, урожденная Без-Корнилович.

— ???

— Да, он женился на двоюродной сестре. Она окончила консерваторию по классу пения, прошла курс у известной итальянской певицы Превости. Как писал Алексей Григорьевич, однажды имела честь исполнять романсы Чайковского под аккомпанемент их автора. И вообще была человеком незаурядным и в молодости, как тогда водилось, много поработала над собой. Сдала экстерном экзамены в университете, получив право заниматься педагогической деятельностью. Владела языками, самоотверженно помогала мужу...

Новые и новые портреты.

Михаил Ефимович Грумм-Гржимайло. Облик воина. Офицерский мундир, погоны, кожаный темляк, револьверная портупея. Он был участником экспедиции старшего брата на Памир, в Тянь-Шань, в Центральную Азию. Военный изобретатель — знаменитое «горное седло Грумм-Гржимайло» и другое, что не популяризировалось.

— В начале века под Парижем был устроен военный смотр. Присутствовали Пуанкаре, Вильгельм, Георг Пятый и Николай Второй,— говорит Софья Владимировна.— Вильгельм был особенно доволен тем, что его установленные и наведенные заранее пушки бьют точнее французских и английских. И вот на горизонте артиллерийского полигона появилась туча пыли — беспорядочные казачьи сотни ворвались на поле с гиком и свистом. Все оживились, но с недоумением и пренебрежением смотрели на конницу, которая совсем смешалась перед смотровыми трибунами. Казаки вдруг развернулись и ускакали, а когда пыль улеглась, на полигоне остались легкие пушки с прислугой и начали быстро, беспрерывно и без промаха бить по мишеням, поразив даже те дальние, что остались невредимыми после немецкой стрельбы. Снова появились казаки, окружили орудия и ускакали, оставив чистое место... Орудийные вьюки изобрел Михаил Ефимович...

Этот русский офицер был мастером на все руки —

слесарем, плотником, столяром, кузнецом. Дачу под Петербургом отделал карельской березой так, что она стала похожей на маленький дворец необычайной красоты. И все своими руками, ни единого гвоздя там чужой молоток не забил.

— Выдумщик был... Однажды на рождество пригласил на дачу гостей из города, и потом пошли разговоры по всему Петербургу о его необычной, так сказать, скульптурной работе. Михаил Ефимович свез в сад девять породистых павших лошадей и заморозил их в живописных динамичных позах, подсветил фонарями и прожекторами... Что-то фантастическое получилось и в то же время реальное! У него была замечательная коллекция оружия всех времен и народов... А вот и третий брат — Владимир Ефимович, металлург... В Сибири, кстати, вашей работал, в Томске.

Портреты оживали, большое славное семейство входило в историю своего народа и других народов Европы и Азии, тоненькими прочными ниточками вплеталось в непрерывную вервь времени и человеческих деяний.

— А как Владимир Ефимович в Сибири-то оказался?

— Тяжелая история, начавшаяся на Урале. Он работал управляющим Салдинским горным округом и вступил в затяжной конфликт с Демидовыми, как когда-то Татищев... Да, с влиятельными и сказочно богатыми потомками владельцев знаменитых уральских заводов. Он служил у них и пошел против них.

— Каким образом?

В. Е. Грум-Гржимайло, оказывается, поддерживал справедливые требования рабочих о сокращении трудового дня. По шестнадцать часов стояли у демидовских печей люди! Из них выжимали все соки, труд рабочих и рудные богатства России последние Демидовы обращали в золото и проигрывали миллионы в игорных домах Монте-Карло, купались в роскоши, сорили деньгами в Париже и Лондоне, княжеский титул купили в Италии — Сан-Донато.

— Они и крестьян прижали в Салдинском округе. Отобрали землю для охоты и прочих увеселений, парков и оранжерей — устраивали зимой лето. Владимир Ефимович выступал в защиту крестьян, которые отчаялись уже до того, что последний их ходок повесился

в Сенате на лестнице. Демидовым все же пришлось потесниться, вернуть земли, но главному специалисту Салдинских заводов они дали отставку.

Портреты дополняют документы — напечатанные и рукописные, официальные и частные, высвечивающие то личности, то события... Металлург, сын металлурга,— Николай Владимирович Грум-Гржимайло.

— Помните, я вам говорила о происхождении фамилии Без-Корнилович из резолюции Николая Первого? А вот интересный документ 1918 года...

«Послужной список прапорщика Н. В. Грумъ-Гржимайло П... Младший офицер 3-ей батареи... Участвовал в компании против Германии и Австро-Венгрии... Ранен от разрыва гранаты в левую руку с повреждением первых суставов и трех пальцев... В лейб-гвардейской 2-ой артиллерийской бригады участвовал в позиционной войне в районе Скалата (Галиция). Ранен пулей в плечо».

— Вот эта пуля,— Софья Владимировна приносит шкатулку, и я рассматриваю тяжелую остроконечную немецкую пулю времен первой мировой войны.

«...На основании положения о демократизации армии от 30 ноября 1917 года общим собранием солдат избран командиром 3-ей батареи... В отпусках, в плену и отставке не был...» Интересна и подпись под этим документом: «Командиръ Лейб-гвардии 2-ой артиллерийской бригады полковникъ Н. Без-Корнилович».

— Потом политехнический ленинградский институт и работа в Перми, Днепропетровске, Москве. Работал он не жалея себя, и я ничего не могла с ним поделать. Говорил: «России нужен металл, без него нас легко сомнут». Потом арест, ссылка в Сибирь, в Мариинск. В Большом театре мне сказали: «Порви с врагом народа официально», а я порвала с театром, пошла по всем, кто его знал. Вот письма президента Академии наук Карпинского, академика Павлова...

Президент писал, что работа этого инженера «ценится, а изобретение его, принятое Наркомтяжпромом, в настоящее время осуществляется». М. А. Павлов: «Знаю Николая Владимировича Грум-Гржимайло с малых лет и хорошо знаком со всей его деятельностью как инженера... Исследования по термообработке чугунов... Впервые в мире практическая наладка про-

изводства ковкого чугуна с применением полностью механизированной технологии. Экспресс-анализ чугуна непосредственно у печей... Обработка стали на автоматах... Освоение новых гальванопокрытий... Твердо убежден в том, что он принадлежит к числу тех людей, которые не в состоянии быть вредителями в том деле, которое им поручают».

— Разобрались, перевели на Златоустовский завод, освободили, извинились, и он еще сорок лет работал, отдав последние силы капитальному теоретическому труду о внутренней природе металлических сплавов. Как он работал!..

Все они, Грумы, умели работать, а я это качество всегда считал главной характеристикой человека. Читаю давние письма Груму-металлургу, сыну металлурга, от Грумма-ботаника, сына путешественника, перебираю фотографии, документы, просматриваю старые газеты и журналы. В труднейшие послереволюционные годы Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло не прерывал работы, сидел за столом до обмороков, заканчивая главный труд своей жизни — четырехтомную научную эпопею «Западная Монголия и Урянхайский край»... Вот до боли знакомые имена в воспоминаниях Алексея Григорьевича Грумм-Гржимайло: «Хорошо помню, как в один воскресный день 1919 года к нам неожиданно зашел Федор Иванович Шаляпин, и не один, а с Максимом Горьким. Алексей Максимович, как известно, был председателем созданной тогда комиссии по улучшению быта ученых и хотел лично познакомиться с условиями жизни моего отца и его семьи. Это был незабываемый день. В кабинете отца оба гостя пробыли сравнительно недолго, но много говорили о своих планах на будущее. Несмотря на трудное время, будущее это рисовалось им ярким и безоблачным, полным творческих замыслов».

А вот несколько последних писем А. Г. Грумм-Гржимайло двоюродному брату Н. В. Грум-Гржимайло. От 26 января 1961 года: «Недавно, неделю тому назад, в президиуме географического общества стоял вопрос относительно предложенного мной к изданию сборника писем известного путешественника по Центральной Азии Г. Н. Потанина. Я взялся за эту работу, так как был уверен, что никто и никогда не пожелает

затратить на «раскопки» материалов столько времени, сколько мне пришлось это сделать. Мной уже собрано 300 писем Г. Н. Потанина». От 18 мая 1966 года: «Обязательно приеду в Москву. Мне необходимо похлопотать об издании «Писем Г. Н. Потанина», обработку которых я закончил и теперь буду писать к ним вводные статьи. Составил библиографию трудов Потанина — 490 названий».

Вскоре он умер, а через двенадцать лет вышел первый том четырехтомного собрания писем замечательного сибирского ученого и путешественника. Доктор исторических наук Э. М. Мурзаев писал в связи с выходом книги, что ранее он представлял себе образ Г. Н. Потанина как ученого. «Когда же я прочитал первую книгу его писем, то увидел человека великодушного, энергичного, большого патриота своей страны и народа, стойкого в своих убеждениях, эрудированного и талантливого, с твердыми принципами и великой трудоспособностью. Рецензент отмечает также «кропотливый и грандиозный труд А. Г. Грумм-Гржимайло (1894—1966), который 10 лет посвятил поиску писем в разных архивах Советского Союза и снабдил эти письма подробными комментариями».

— Позвольте предложить вам чашку чая,— сказала, помнится, в заключение той беседы Софья Владимировна.

Чтобы не утомлять более хозяйку, я отложил свои расспросы и свой рассказ о родственных связях Гржимов с еще одним декабристом — Николаем Мозгалевским и бесконечной путанице с этой фамилией, не закончившейся до сего дня, а также о возможной встрече Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло во время его путешествия по Урянхайскому краю с одним интереснейшим русским человеком, фамилия которого в тех местах прочно заместилась прозвищем Карасал...

Любознательный Читатель. Интересно, однако мы опять уклоняемся в сторону... Когда же финишная прямая?

— Ее не будет, потому что путешествие в прошлое — не бег по спринтерской дорожке и не езда по гладкому шоссе. Множество заброшенных проселков,

троп, забытых большаков, а то и сплошное бездорожье на много верст, перекрестки, ответвления, пересечения, спуски, подъемы, шаткие мостки, гати... К финишу, если уж пошли, все же дошагаем, хотя и не скоро. А пока хорошо бы посмотреть, как большая история проходит через одного человека.

— Тогда пошли. Что значит «Карасал»?

— «Черная борода».

8 Человек этот появился в глухом углу Урянхайского края, как называли Туву тогда, в середине девяностых годов прошлого века. Срубил на солнечной приверхе Бий-Хема, то есть Большого Енисея, избушку. В округе — тучное высокотравье, богатая пушным и снедным зверем тайга, медоносы, под боком рыбная река... Он начал тут жить и работать.

Это был еще совсем молодой человек, едва за двадцать, но жил бобылем, оброс бородой...

Любознательный Читатель. Беглый какой-нибудь? Или новая «робинзонада»?

— Через несколько лет, однако, привез «снизу» двенадцатилетнюю девочку, которую взял из большой бедной семьи рыбака на пропитание, услужение и воспитание.

— Вы что-то цитируете?

— Во время нашего путешествия мы принципиально придерживаемся документальности, опираясь на печатные источники, архивные материалы, письма и воспоминания... Когда-то вдова декабриста Николая Мозгалевского просила дозволения властей отдать ее детей на «пропитание и в услужение» добрым людям, но По-

линька счастливо попала на воспитание в семью декабриста Николая Басаргина. В данном же случае это было, видно, и «услуженье» — девочка, одиннадцатый ребенок в семье рыбака Пыщева, на далекой таежной заимке и стирала, наверное, и готовила, но Карасал обращался с нею заботливо, нежно, а она привязалась к нему, как к самому близкому человеку, быстро взрослея и хорошея, и случилось так, как должно было случиться в таких обстоятельствах с молодыми людьми: Марина стала его женой, и в 1904 году, когда ей было неполных семнадцать, она родила Карасалу сына. Через полтора года они обвенчались в селе Каратуз, где была ближайшая церковь.

Карасал был феноменально трудолюбив. Вставал, как птица, с зарей и ложился в сумерках, когда птицы смолкали. Умел, кажется, всё — выделать шкуру, подковать лошадь, стачать сапоги, сплести сеть, связать плот, согнуть дугу, мог холостить жеребцов, косить, пахать, сеять, коптить рыбу и мясо, качать мед. По примеру первых крестьян-поселенцев начал выращивать хлеб. Сеял озимую рожь, полбу, ячмень, обмолачивал снопы зимой на ледовом току и сам же молол муку на примитивной мельнице... Имел десять рабочих лошадей, держал стадо крупного рогатого скота.

— Типичный сибирский кулак? Один же он не мог справиться с таким хозяйством!

— Не спешите с ярлыками. Его заимка стала с годами семейной колонией. Подселился брат и брат жены, потом третий брат. С детьми тут жило около двадцати человек, и, по сибирским статистическим нормам даже 1930 года, это было середняцкое хозяйство. Из письма сына Карасала, написанного 26 августа 1973 года в Симферополе: «Акклиматизация злаков потребовала немало лет упорного труда. Тувинцы съезжались к нему большими группами, и он подробно рассказывал о своих опытах, предлагал семена, убеждая обрабатывать удобные земли, чтоб иметь свой хлеб — верную гарантию от голода, средство стать независимыми от купцов-хапуг». А вот выдержка из первого тома «Истории Тувы»: «Суровые природные условия Тоджи препятствуют развитию земледелия, так что русские переселенцы, создав здесь земледелие, совершили своего рода трудовой подвиг». И одним из первых среди них

был Карасал. Из того же письма: «Он завел плуги, бороны, сенокосилку, конные грабли, работал на них только сам и только сам их ремонтировал»... Впрочем, был у него один постоянный помощник из урянхайцев — Сундуй.

— Батрак?

— Судите сами. Однажды — тогда Карасал еще жил на заимке один с молодой женой — он ехал глухим местом и услышал стоны. На земле поодаль от тропы лежал связанный тувинец. Карасал подъехал, наклонился и отпрянул — человек находился в последней стадии дурной болезни. Карасал узнал эту болезнь, потому что в юности некоторое время работал учеником фармацевта окружной аптеки. На заимке он держал шкаф с медикаментами, собирал местные лекарственные травы. Поместил Сундуя в бане и начал лечить. Марина Терентьевна, опасаясь, что Карасал сам заразится, просила отвезти больного «вниз», но тот не согласился. Посещая больного, он соблюдал осторожность и делал гарантирующую дезинфекцию. Жена постепенно привыкла, сама носила к двери бани еду и после подолгу терла чашки золой и речным песком. Через несколько месяцев язвы на теле Сундуя стали рубцеваться, обезображенное лицо очистилось. Карасал повторил лечение спустя год и начал пускать Сундуя в дом, а вскоре этот тувинец юридически стал его собственностью.

— Как это — собственностью? Что-то чудовищное! По какому праву?

— По местным законам, что ли. Если у больного такой болезнью наступала последняя стадия, его по распоряжению нойона вывозили в отдаленное место и оставляли. Тоджинский нойон Томут, подробное знакомство с которым у нас впереди, однажды увидел Сундуя и — цитирую еще одно письмо — «отказался его принять и сказал, что он у нас похоронен, считается мертвым, и зачислить его живым я не могу». Сундуй, так обязанный Карасалу, сопровождал его всюду, помогал по хозяйству, которое постепенно становилось культурной многоотраслевой фермой. Первым из русских поселенцев Карасал распахал клин под «зеленку», на корм скоту, выписывал холмогорок аж из Омска...

— Другими словами, повторяю, это был типичный так называемый «справный мужик»?

— Этот «мужик» имел хорошую библиотеку, играл на скрипке и флейте, выписывал через Минусинск ноты из столицы, был членом Иркутского отдела Русского географического общества, построил метеостанцию и сообщал показания приборов в Иркутск и Томск... Он был в этих краях пионером. Прилагал к силам природы свои труды, осваивал «медвежий угол», нес туда культуру. У него установились прекрасные отношения с местным населением, которое было задавлено бедностью, темнотой, эксплуатацией богачей и обманом купцов. Он хорошо владел тувинским языком, и даже из соседних хошунов араты ездили за добрым советом к этому не совсем обыкновенному русскому... Вы еще не потеряли интереса к нему?

— Наоборот. Кажется, эта личность воистину была незаурядной, а деятельность Карасала — любопытная страничка созидательной истории, о которой мы говорили.

— Правда, вы еще не знаете, в *какую* главу истории он вписывается, и финиш этого отрезка нашего путешествия будет для вас достаточно неожиданным.

— Жду очередной случайности, хотя начинаю замечать, что они, эти так называемые случайности, имеют под собой какую-то глубинную причинность, логику и детерминизм. Так что же стало с Карасалом, его хозяйством, чем закончилась эта пионерская деятельность?

...Рассматриваю фотографии Карасала, его жены, детей, братьев. Со всех снимков Карасал смотрит прямо тебе в глаза; вот он стоит в «романовском» полушубке с опушкой и меховой шапке, такой же густой и черной, как его борода; вот сидит за круглой тумбочкой, уже постаревший, благообразный, но взгляд тот же — прямой, открытый и страстный, как у проповедника, а толстопалые, привыкшие ко всякой работе руки тяжело лежат на какой-то старинной книге.

— Не был ли он старообрядцем или другим каким религиозным сектантом? Таких по Сибири всегда селилось много, и все они отлично умели обживать глухие места...

— Да, в Туве селилось немало раскольников, искавших свою легендарную Беловодию. Но Карасал не был религиозным фанатиком...

Рассматриваю план усадьбы Карасала и его дома. Зал, который в зимнее время был школой для русских и тувинских детей. Рядом кабинет хозяина о трех окнах с библиотечным углом и примыкающей спальней. Столовая, кухня, комната брата. Поодаль — трехкомнатный домик другого брата. На общем дворе хлебный амбар, завозня, поднавес для инвентаря. Не обозначены конюшня и скотный двор, зато перед окнами Карасала, чуть наискосок,— метеоплощадка... А вот выписки о Карасале из множества статистических и краеведческих трудов, новые письма людей, знавших и помнивших этого человека.

Идиллически-пасторальная картинка, которую с моей помощью нарисовал, быть может, в своем воображении читатель, начинает раздвигать рамки, полниться светотенями, неповторимыми подробностями, приобретать глубину и жизненную сложность. Географический центр Евразийского материка — будто бы забытое богом и людьми место, столь далекое от бурных событий 1917-го, предшествующих и последующих годов. Но нет, экономические, социальные, политические, национальные, международные, иные попутные проблемы на переломе двух исторических эпох и тут сплелись в тугой узел!

Читаю дореволюционную справку о хозяйственной деятельности Карасала и его русских соседей — со спекулятивными преувеличениями, потому что их автор подал в правительство записку, изображая приятную для августейших очей картину, и 20 января 1908 года Николай II изволили начертать на докладе «Прочел с большим удовольствием»... В «Известиях Красноярского отдела Русского географического общества» значится, что пашня Карасала занимала всего пять десятин, а по сибирским меркам это было совсем немного; вспомним, что выходящим на поселение декабристам разрешалось иметь пятнадцать десятин. Учтем также, что земли находились в горно-таежном районе, и для того, чтобы их распахать по клочкам и окультурить, надо было положить почти нечеловеческие труды. Писалось также о том, что он будто бы «участвует в разработке ручного золота», хотя это совершенная неправда — как свидетельствуют документы, Карасал действительно нашел в тайге золото, но правитель Тоджинского

хошуна, тот же Томут-нойон, изгнал его с этого места. Он же запретил Карасалу пользоваться разнотравными пойменными сенокосами, вытеснив его на дальние лесные елани, где рос дудник и папоротник, жестко ограничил рыболовный участок Енисея.

В Туву тех лет устремилось немало русских скупщиков-перекупщиков. Они завозили фабричные товары из Красноярска, через который прошла Транссибирская железная дорога, доставляли их по Енисею и горным тропам в Туву, где с огромной выгодой обменивали на пушнину.

Любознательный Читатель. Но неужто Карасал не торговал, если легкие деньги сами шли в руки?

— Кто-то из краеведов однажды причислил и его к «скупщикам», но это была стрижка под одну гребенку, подравнивание его к таким, как, скажем, Сафьянов, которому русское население дало кличку «Сойотский царь», а тувинское «Бай Егор». В архивах и литературе есть данные о торговых оборотах и должниках разных там Бяковых, Веселковых, Садовских, Сафьяновых, Сватиковых, Скобеевых. Нет таких данных только о Карасале и его братьях, потому что это, знать, были люди совсем иных достатков, иного образа мыслей и жизни. Конечно, они помаленьку торговали продукцией фермы и лесного промысла — это было обычное тогдашнее дело, ссужали семена и хлеб русским крестьянам-переселенцам и бедным аратам — есть на то свидетельства, но братья-пионеры не были, наверно, способны урвать время от забот и трудов по своему разветвленному хозяйству, не могли стать конкурентами хищников-соотечественников, отселившись однажды от присоседившегося Скобеева на семьдесят верст вверх по Бий-Хему в Тоджу, где их в свою очередь начал утеснять Томут-нойон, местный кровопийца, наживавшийся на спекуляции пушниной и золотом, взятках, ростовщичестве, эксплуатации темных аратов, пасущих его стада. Исчерпывающие документы на сей счет передо мною, их много, но я приведу лишь несколько. Вот характеристика этого бая из донесения усинского пограничного офицера: «Главный деятель Тоджинского хошуна Томут — человек в высшей степени хитрый, упрям, в проведении своей политики очень настойчив: в минуту откровенности как-то сказал нашим купцам, что

«будет держаться своей политики по отношению к русским до тех пор, пока ему не отрубят голову», корыстолюбием выделяется даже среди своих соотечественников, никто не берет с русских так много взяток, как Томут, хотя вместе с тем никто не притесняет их, как он». Однажды Томут единолично распорядился приставить вооруженный караул к дому Карасала — цитирую по другому подлинному источнику: «...15 лет живущего в этом крае, пользующегося одинаково уважением как русских, так и простых урянхайцев». Осада не снималась два месяца. Эти документы хорошо рисуют, в каких условиях жил и работал Карасал. Интересно, что история Урянхайского края не сохранила свидетельств таких крайних форм преследований других русских поселенцев. А казалось бы, Томут должен был прежде всего вытеснить из хошуна главных своих конкурентов — купцов-хапуг, которые потянулись за Карасалом в Тоджу.

— Ворон ворону глаз не выклюет.

— Как правило. Но тут, несомненно, примешивалась и политика, о чем мы еще поговорим... И Карасал был настолько заметной личностью, что известный уже тогда исследователь Центральной Азии Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло не преминул упомянуть его в своей монографии. Маршрут путешественника прошел через Тоджу, но в трудах ученого нет достоверных данных об их встрече. Может, есть они в дневниковых или черновых записях? При первом же выезде в Ленинград я, конечно, просмотрю архив путешественника — было бы очень интересно узнать, познакомился ли Грумм-Гржимайло с этим русским дворянином, поселившимся...

— Дворянином?!

— Да. Карасал и его братья были, как говорится в официальных документах тех лет, потомственными дворянами.

— Невероятно! В глухом азиатском углу, в центральной точке континента, поселяются три брата, принадлежащие к самому привилегированному сословию России, ведут культурное крестьянское хозяйство, работают в поле до изнеможения, славятся добрыми делами, подвергаются преследованиям!.. Такого вроде бы не должно быть, а?

— Было. В течение двадцати пяти лет было.

— Кажется, я все же догадался, кто такой Карасал!

— Интересно, кто же он, по-вашему?

— Толстовец, последователь нравственного учения Льва Толстого. Физический труд на лоне природы, простота жизни, ограничение потребностей, моральное самоусовершенствование, помощь бедным, лечение больных... Такие колонии создавались в России и даже за ее рубежами. Только из этого ничего не получилось, и сам Лев Толстой не любил толстовцев. Может, у Карасала получилось, потому что это была семейная колония?

— Допускаю, что Карасал был знаком с учениями Толстого, Руссо и Торо, однако ни он, ни его братья не были толстовцами или, скажем, руссоистами. Чтобы понять, кем они были, надо разобрать тогдашнюю политическую и международную обстановку в этом районе Азии... Половина урянхайских хошунов, в том числе и Тоджинский, подчинялась китайскому губернатору, другие четыре хошуна состояли в собственности монгольских феодалов, грабящих тувинский народ древнейшим способом — взиманием дани. Национально-освободительное движение тувинцев привело в 1912 году — после буржуазно-демократической революции в Китае — к изгнанию китайских и маньчжурских чиновников из Урянхайского края, но это не ослабило здесь экономического и политического напряжения. Наш знакомец тоджинский нойон Томут и соседний солчанский правитель Балджийта в мае 1912 года подали без ведома населения просьбу о включении их хошунов в состав Монголии в качестве данников. В марте следующего года формальности закончились, и просители получили хошунские печати вместе с княжескими титулами. На феодальную Монголию ориентировалось подавляющее большинство баев, чиновников, нойонов и лам. Однако главный тувинский правитель — амбын-нойон со своими немногочисленными сторонниками выступал за протекторат России. Трудовой народ также тянулся к России и русским, которых он знал не первый, как говорится, год.

В верхнем течении Енисея русские поселенцы появились еще в XVIII веке. Увидев, что коренные жители края «не спорят, дают селиться спокоем», первоселы

быстро поняли, что Минусинская котловина — самое хлебородное место Сибири, начали распахивать ее и понесли уклад жизни земледельцев в горные долины. Были в этом движении, конечно, экономические и социальные противоречия, вызываемые, например, сокращением пастбищ или охотничьих угодий, но здесь, как и по всей Сибири, земли пока было много, а между трудящимся коренным населением и крестьянами-пришельцами постепенно устанавливалось неантагонистическое сосуществование, чему способствовал взаимный обмен трудовым опытом, продуктами хозяйствования, многочисленные смешанные браки, приобщение бесписьменных народностей к языку и грамоте, незлобивый психический склад поселенцев, терпимость простого русского человека, его уважение к обычаям и верованиям других, одинаковое отношение к «своим» и «чужим» кровососам, одинаково алчно обирающим «своих» и «чужих», а также принципиальное положение сибирских указов действовать между ясачными «лаской, а не жесточью», как давняя правовая основа отношений, которые в те времена были немыслимы, скажем, в Америке, где законодательные *демократические* парламенты колонизаторов устанавливали для европейских переселенцев плату за индейский скальп от пятидесяти до ста долларов, в зависимости от того, с кого из аборигенов он был снят — с мужчины, женщины или ребенка...

А память снова и снова возвращает меня к декабристам; тропы и дороги нашего путешествия в прошлое особенно часто перекрещиваются с их сибирскими следами, которые нельзя не заметить и на сей раз...

«Русская правда» Павла Пестеля, этот своеобразнейший свод правил общественной морали, политических принципов и гражданских законов будущего республиканского Российского государства, имела в виду главным образом зауральские «народы кочующие», призывая: «да сделаются они нашими братьями и перестанут коснеть в жалостном своем положении». Сколько здесь политического такта, человеколюбия, неподдельного чувства! Вспоминаются также труды декабриста-сибиряка Гавриила Батенькова о заселении родного

его края — их полное собрание включает более семисот страниц, и под тяжеловесными формулировками непрерывной подледной струей течет мысль трезвейшего государственного деятеля-антикрепостника. Или его же неосуществленные «Степные законы», разработанные для сибирских «народов кочующих»,— читая их, чувствуешь, как под мундиром, наглухо застегнутым, бьется сердце истинного гуманиста.

Бесчисленны узелки, завязанные там и сям декабристами в памяти коренных жителей Сибири! Федор Шаховской спасает от голодной смерти беднейшее население Туруханска, отдав ему все свои средства. Матвей Муравьев-Апостол и Павел Выгодовский учат якутских детей. От Александра Беляева перенимает русскую грамоту первый хакасский мальчик. Николай Крюков связывает себя с этим народом семейными узами. Из уст старой бурятки Жигмит Анаевой мы услышали уже знакомую читателю поразительную итоговую формулу, оценивающую декабристов бесхитростно и мудро: «Это были бог, а не люди!».

Не забываются и те потомки декабристов, что шли по жизни в световом луче своих отцов и дедов. О деятельности Евгения Якушкина, сына декабриста, помощника Ивана Пущина и корреспондента Александра Герцена, читатель тоже успел узнать из предыдущих глав «Памяти»; это он помогал вдовам «минусинцев» Николая Мозгалевского и Алексея Тютчева из средств пущинской Малой артели, он переправил в «Колокол» немало драгоценных материалов декабристской поры, связуя времена и освободительные идеи двух поколений русских революционеров. Интересным человеком был и брат его Вячеслав. Давно мечтаю добраться до его бумаг, хранящихся в одном из столичных архивов,— там, наверное, найдется немало ценного и поучительного. В середине прошлого века он в качестве чиновника министерства государственных имуществ изрядно поездил по России, изучая и устраивая жизнь восточных и сибирских «народов кочующих». Бумаги эти однажды разбирала Мария Михайловна Богданова и в 1958 году кое-что рассказала о них на страницах альманаха «Абакан». Среди официальных документов, писем, путевых заметок и черновиков она обнаружила не то выписки из неизвестных текстов, не то собственные раз-

мышления Вячеслава Якушкина о царях — «деспотах и тиранах», помещиках — «живодерах и отъявленных грабителях», под которыми «уже волнуется проснувшийся народ», и в моей памяти вспыхивает ассоциация со страстными речениями Павла Выгодовского,— воспаленный мозг этого Прометея жжет из нарымских туманов...

Осенью 1854 года Вячеслав Якушкин, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве, побывал в хакасских степях и предгорьях Урянхайского края, где подробно ознакомился с бытом и хозяйствованием русских крестьян, ссыльных молокан и коренных насельников, в числе прочего обращая внимание на их добрососедские отношения и культурное влияние поселенцев. Якушкин побывал у многих зажиточных и даже богатых степняков, отметил, что никакого вымирания коренного населения тут не наблюдается, однако он далек от идеализации жизни хакасов, подробно разбирая тогдашние социальные язвы. Это здесь, в степной Койбальской думе, он умилостивил личными деньгами спившихся родоначальников, и они наконец-то отпустили наемного рекрута в солдатскую службу вместо сыновей декабриста Николая Мозгалевского...

Вернемся, однако, в Туву, чтобы поближе познакомиться с такими любопытными фигурами южносибирского прошлого, как Томут-нойон и Карасал. К тому времени, о котором идет речь, в Урянхайском крае жило и трудилось около тысячи русских крестьянских семей. Общение с ними для тувинцев было не во вред, а на пользу, что создало морально-политические обстоятельства прогрессивного значения. И такие люди, как Карасал и его братья, которых знало и уважало русское и коренное население значительной части Тувы, способствовали усилению этой тенденции.

— Нельзя ли здесь увидеть некую миссионерскую роль братьев-дворян?

— Впервые упоминается Карасал в одной омской публикации 1903 года. «Молодой, очень деятельный... преследует в урянхайской земле, говорят, широкие русские цели»... Однако, что бы ни писали, он, мне кажется, просто искал на этой земле точку приложения своих

физических и нравственных сил, которую не находил «внизу», среди многолюдья, искал честного способа существования, а не бессовестной наживы, и поэтому деятельность и поведение его объективно играли более значительную роль, чем это представлялось даже ему самому. Впрочем, не исключаю, что Карасал все понимал глубже, чем это может показаться из нашего далека и непреднамеренно-естественно нес в себе, как и простые русские крестьяне, поселившиеся в Туве, нравственную сущность своего народа. Один из исследователей Тувы писал в 1912 году в «Известиях Русского географического общества»: «К чести нашего народа надо сказать, что русское влияние в Урянхае единственное, которое было плодотворным для туземцев... Русский крестьянин в туземце видел такого же, как сам, человека и всячески старался поднять его до себя».

В 1914 году Тува отошла под протекцию России, которая, будучи втянутой в империалистическую бойню, уже носила в своем чреве революцию. Карасал к революции, конечно, не имел никакого отношения, однако после нее через одного известного в тех местах революционера официально выяснилась некая интересная подробность...

Любознательный Читатель. А Карасал что — погиб?

— Подождите. Нас ведь интересует история, проходящая сквозь судьбу человека, и это не терпит торопливости, поэтому сначала об исторических событиях того времени, когда волна русской революции докатилась до Красноярской губернии и Урянхайского края. Советская власть ликвидировала царский протекторат, и в апреле 1918 года Урянхайский краевой Совет издал постановление о ликвидации Переселенческого управления. Среди членов комиссии по ликвидации документы называют большевика Я. К. Потанина, который вскоре выехал из Тувы, и я, попросив бы читателя запомнить эту фамилию, приведу выдержку из договора, заключенного в июне 1918 года на съезде представителей тувинского и русского населения края: «Тувинский народ объявляет, что отныне он... будет управляться совершенно самостоятельно, и считает себя свободным, ни от кого не зависящим народом. Русский народ, приветствуя такое решение тувинского народа, признает его справедливым... С этого момента все девять хошу-

нов Танну-Тувы считаются вполне самостоятельными и ни от кого не зависимой страной». В краеведческом музее Кызыла хранится фотография участников того исторического съезда. Среди них — чернобородый человек с интеллигентным русским лицом, единственный делегат дворянского происхождения на этом народном съезде интернациональной дружбы и добрососедства.

— Карасал?

— Не угадали. Его младший брат... Карасала, кажется, не было тогда в Туве. А спустя всего месяц события по всей Сибири и в этом горном крае приняли трагический оборот. Полыхнувшая гражданская война опалила саянское предгорье, в Туву ринулись иностранные интервенты. Озверевшие белогвардейцы и казаки истязали и убивали большевиков, китайские и монгольские милитаристы грабили Туву. Из бесчисленных сведений по истории Красноярского края, Хакасии и Тувы тех лет приведу лишь то, в котором упоминаются нужные нам фамилии... «Главными очагами концентрации контрреволюционных сил были крупные казачьи станицы Тыштым и Каратуз. Особенно свирепствовали тыштымские казаки. По дороге в Минусинск они подвергли нечеловеческим пыткам председателя станичного Совета Потанина, в Тыштыме зарубили шашками большевика Олофинского». Каким-то чудом Потанину удалось бежать в горы, но подробности этих обстоятельств мне, наверное, уже не доведется установить, что, быть может, к лучшему — надо же оставить хотя бы крохотное белое пятнышко тому, кто отправится в прошлое этих мест после меня...

К концу лета в долине Бий-Хема установились погожие дни. Карасал и Сундуй приготовили жнейку, чтоб начать уборку хлеба, но с утра пораньше нагрянул в Тоджу отряд казаков во главе с белогвардейским офицером. Марина Терентьевна увидела, как побледнело лицо Карасала. Однако молодой офицерик лишь вежливо представился Карасалу и спросил:

— По слухам, вы дворянин?

— Воистину так,— ответил тот.— Отнюдь не по слухам.

— Прошу извинить. Но не пользовались ли вы в свою очередь слухом о том, что по этим местам скрываются беженцы снизу?

— До вашего визита не имел чести слышать такой новости.

Офицер послал за правителем хошуна, и когда дрожащего Томут-нойона привели, у Карасала не было ни возможности, ни причин отказать в посредничестве.

— Переведите ему, чтобы...

— Пожалуйста,— поправил Карасал.

— Переведите ему, пожалуйста, чтобы он немедленно отрядил верховых для сбора туземцев. Имею в виду мужчин с оружием.

Целый день тувинцы съезжались небольшими вооруженными группами. Казаки встречали их на пути, сопровождали к дому Карасала, где оружие складывалось в общую кучу, а тувинцы загонялись в круг оцепления. К вечеру офицер поставил Томут-нойона перед соплеменниками.

— В России восстанавливается монархия,— переводил Карасал.— Имею полномочия объявить вам, что сибирское правительство считает Урянхайский край неотъемлемой частью России. Ваш хошунный правитель отказывается от своего положения и прав, о чем он вам сейчас изволит объявить...

Томут-нойон, однако, пронзительно закричал, задергался в руках стражи, а многие тувинцы кинулись к оружию, но казаки, хохоча, хлестали их плетьми, били прикладами. Бессильная толпа начала рассеиваться. Тувинцы бежали в кусты, отвязывали лошадей, и через полчаса никого из них не осталось на поляне. Офицер сказал Томут-нойону, что наведет тут порядок и увезет его в минусинскую тюрьму. На ночь он запер его в той самой бане, где когда-то Карасал лечил Сундуя...

Три дня офицер с казаками рыскали по хошуну, Карасал убирал хлеб, а Марина Терентьевна все эти дни, жалея Томута, носила к бане еду. Томут жалобно скулил, молил караульщиков отпустить его, а казаки, клацая затворами винтовок, пугали его, смеялись, и Марина Терентьевна стыдила их за такие жестокие шутки... Рассматриваю ее фотографию тех лет. Красивое задумчивое лицо под копной хорошо уложенных волос, гордая осанка, хорошо пошитое городское платье, в вырезе которого кружевное воздушное жабо, тонкий и стройный стан — никогда бы не подумал, что

это выросшая в глуши дочь рыбака! Она опирается рукой на березовое кресло, а на заднем плане — плохо проявленные, размытые травы и неясное лицо какого-то бородатого старика.

Звоню:

— А Марину Терентьевну вы хорошо помните?

— Как же! Она была намного младше Карасала и когда впервые появилась внизу, то удивила всех нас своей обворожительной внешностью. Синие, под цвет неба, глаза, роскошные волосы с завитками на висках, божественная фигура, совсем не деревенские манеры. Карасал любил ее какой-то неземной любовью. Он научил ее грамоте. Она прочла всю его довольно приличную библиотеку, но с беллетристикой почти не была знакома, зато иногда поражала в разговоре неожиданными знаниями, совсем не обязательными для нее. Подозреваю, что в тайге она подряд читала словарь Брокгауза и Ефрона...

Офицер с отрядом вернулся усталый и раздраженный, улегся спать, но заснуть не мог — из бани слышался отвратительный вой Томута: не то какую-то древнюю песню он пел, не то печально оплакивал свою судьбу.

— Прикажите этому дикарю замолчать! — вскочил офицер в кабинет хозяина, который еще не ложился.

— Пожалуйста,— поправил Карасал.

— Пожалуйста,— повторил офицер.

— Бесполезно. Я много лет знаю этого человека.

— Но вы только послушайте! — На усадьбе раздавались душераздирающие вопли.— О чем он воет?

— Прощается с Бий-Хемом и горами,— прислушался хозяин.

— Придется его пристрелить.

— Никак нельзя,— возразил Карасал.— Не в обычаях, позволю заметить, русского воинства. Кроме того, я прожил здесь четверть века и хорошо знаю урянхайцев. На многих из них это произвело бы весьма нежелательное впечатление.

— Вы полагаете? — пробормотал офицер и, выйдя наружу, отдал в темноту какое-то распоряжение.

Вскоре Томут завизжал, как под ножом, и смолк. Весь трепеща, Карасал встретил офицера в дверях:

— Вы недооцениваете последствий...

— На вас лица нет,— устало сказал офицер,— ему просто заткнули рот.

Утром отряд засобирался вниз. Офицер снял караулы с реки и дороги, приказал подать коня. Томута выволокли в последний момент и вынули изо рта кляп. Томут покатился по траве, заверещал. На крыльцо вышла Марина Терентьевна, одетая в лучшее свое, ни разу до сего дня не надеванное кремовое платье, приблизилась к офицеру.

— С этим добрым и несчастным народом нам жить,— промолвила она.— Молю вас — отпустите его!

Томут смолк, по-собачьи глядя на нее.

— Попросил бы вас о том же,— сказал хозяин и заметил, как в глазах Томута мелькнула знакомая искорка и тут же погасла под тяжелыми веками.

Офицер все смотрел на Марину Терентьевну, которая вдруг гордо вскинула голову и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

— Хотите, я встану перед вами на колени?

— Совершенно лишняя жертва. Только переведите этому князю, чтобы он забыл в обновленной России о своем нойонском звании,— сказал он, добавив: — Пожалуйста...

Томут торопливо закивал, хорошо поняв, чего от него хотят, и офицер разрешающе махнул плетью. Бородатый казак обнажил саблю, передернул ею за спиной Томута, и веревки упали. Отряд ушел, а Томут, мгновенно изменивший выражение лица, сказал по-тувински Марине Терентьевне, что он этого не забудет, пока его глаза видят Бий-Хем...

А через несколько дней Томут, обычно оставлявший коня у коновязи Карасала, подскакал к самому крыльцу и властно закричал. Карасал был в поле. Вышедшая Марина Терентьевна увидела, что Томут надменно прямится в седле, а лицо его, исполненное преувеличенного достоинства, непроницаемо-таинственно, как у Будды.

Из письма: «Он сказал, что пришел час отплатить за ее доброту и откроет ей великую тайну. Днями прибудут в Тоджу монгольские воины и учинят жестокую расправу над всеми русскими. Надо бы скорей уезжать, однако у Карасала большое хозяйство пропадет, труды стольких лет! Томут-нойон знает, как русские

трудились, какие у них хорошие лошади, скот и машины. Он с Карасалом тут состарился, между ними всякое случалось, но Томут-нойон умеет быть благодарным. Для спасения богатства пусть Карасал кургая, то есть «жена Черной бороды», перейдет жить в его юрту, а когда нагрянут монголы, он им скажет, что эта русская женщина есть его жена, и ему, князю, поверят, будто так оно и есть вправду. А Карасал с детьми должен немедля уехать в Россию, иначе ему придет смерть, и он волен сам решить, что выбрать. Томут уехал, а Марина Терентьевна кинулась на поле, где Карасал и Сундуй в ранних осенних сумерках — горы затеняли небо — ставили последние снопы. А утром появилась разъяренная жена Томута, коей пьяный Томут все рассказал, и устроила скандал, не уразумев того, что Марина Терентьевна ни под какими силами и предлогами не согласилась бы на дурную хитрость Томута. Карасал ее успокоил, куда-то съездил верхом, потом быстро навьючил лошадей, взял самое необходимое, жену и детей рассадил по седлам, и тут прискакал сверху, с другой заимки, его младший брат. Он тоже все узнал, но решил остаться, потому что оставались другие русские и у него уже было свое хозяйство и семья большая, каких мало, а лошадей угнал Томут, и ехать стало не на чем, маленьких детей должен всякий пожалеть».

Опять звоню:

— Сколько было детей у брата Карасала, не помните?

— Всего? Много, они с Лидией Александровной оба молодые были, когда поженились. Значит, так... Костя, Саша-девочка, потом пошли мальчики — Миша, Петя, Боря, Костя-второй, Витя, тут вклинилась Маша, дочка, и снова были сыновья Валя и Алеша, за ними последняя девочка Галя...

— Одиннадцать человек?

— Нет, это не все. Было еще трое мальчиков — Валя-второй, Володя и Саша-мальчик...

Любознательный Читатель. Четырнадцать!.. Но что все же стало с Карасалом, его братом, их женами и детьми? Может, Томут все выдумал?

— Не выдумал. Карасал уехал. Брат с семьей остался. Среди его детей были и совсем маленькие, и

такие, что уже все хорошо понимали и до сего дня все помнят...

Из письма: «Когда монгольские милитаристы нагрянули на Тоджу, сразу же арестовали моего отца, учителя Леошина, Григория Кукузе, Степана Петрова и других русских крестьян, связали им руки, посадили на лошадей и увезли в Тоджинское зуре, в переводе монастырь. Там стояли палатки, в которых находился главарь этих захватчиков Очтчур-Батор, правитель Тоджинского хошуна Томут-нойон, хошунские ламы.

Первым допрашивали моего отца, предъявив ему претензии, почему, мол, твой брат Карасал на требование правителя Тоджинского хошуна Томут-нойона не согласился перейти в монгольское подданство, а среди жителей Тоджи Карасал якобы проводил агитацию против феодального режима, что, мол, феодальной власти в Урянхайском крае не будет, а будет народная Советская власть. Тоджинский чиновник Лопсан-Мерен хорошо владел монгольским языком. И вот по приказу Очтчур-Батора и Томут-нойона палач приводит отца со связанными руками и бьет его по щекам плетью. По-тувински плеть называется шаагай. 120 плетей отцу всыпали, 60 по щекам и 60 по заднему месту, все посекли до течения крови. По очереди избили поселенцев Кукузе, Петрова, учителя Леошина, который всех нас на Тодже учил читать и писать, других русских также посекли шаагайкой, и, когда их развязали, они не могли сидеть. После прочитали арестованным, что, мол, все население Тоджи переходит в новое подданство, а их власть в хошуне будет осуществляться через правителя Томут-нойона и его заместителей Номнам Сайгыркчи и Лопсан-Мерена.

Интересно осуществлялся переход в подданство Монголии. Палач, взяв в руки трехлинейную винтовку, садился перед арестованным, передергивал затвор и приставлял ствол к лицу арестованного».

— Там так и написано: «интересно»?

— Да. «Потом арестованный должен был лизнуть дуло и открыть рот. Палач, наставив винтовку, спускал курок».

— Убивали?!

— Пугали. Винтовка была с пустым магазином.

— Но первый-то этого, наверное, не знал. Жуть!

— Надо думать. «Через несколько недель, когда все выздоровели, отец, Петров, Кукузе и Леошин в беседах очень часто смеялись над присягой монгольских палачей-феодалов». Письмо длинное... Дальше рассказывается, как брата Карасала в качестве переводчика захватчики возили в соседний хошун, где они разграбили золотой рудник, как служащих привязывали к столбам, как делили в лесу золото и барахло, а переводчика заворачивали в ковер, чтоб он не увидел, кому сколько достанется...

А вот последнее письмо племянника Карасала Константина Валентиновича Мозгалевского, правнука декабриста, живущего до сего дня в Туве:

«Что я помню о моем дяде Владимире Александровиче? Не многое, ведь я родился в 1908 году, однако какие-то детские воспоминания остались, то смутные, общие, то яркие, картинками.

Карасал сеял коноплё. Помню, как мои старшие братья и старшие дети Карасала ухаживали за коноплем, мочили его в енисейской протоке и отбивали, трепали на простой деревянной машине, сделанной Карасалом. Еще помню, как Карасал с моим отцом и Пыщевым, братом Марины Терентьевны, гнули полозья для саней и кошевок, а также гнули дуги. В библиотеке Карасала помню книги Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Гюго, Некрасова, Крылова, двенадцать толстых томов «Жизни животных» и много других книг. И еще помню, как он играл на музыкальных инструментах — скрипке, кларнете, гитаре, балалайке, мандолине. Его этому умению удивлялись и русские крестьяне и тувинцы, приходили слушать. Под его аккомпанемент моя мама Лидия Александровна и Мария Терентьевна пели, помнится, «Волга-реченька», «Не брани меня, родная» и «Не искушай меня без нужды». И еще помню большой концерт, в который он втянул многих родных. Вначале он, нарядившись кузнецом, пел «Мы кузнецы» с перебоем молотками по наковальне.

Карасал первым прочистил и проложил зимнюю дорогу через хребет на Малый Енисей, по Балыктык-Хему и Терзику возил рыбу в обмен на муку в Сарык-Сек, Федоровку, Бояровку, Медведевку и Зубовку, его примеру последовали все тоджинцы и благодарили его.

Томут-нойон выгнал Карасала с прииска Темерчи. Карасал там стал строить кузницу, но Томут вместе с хошунным начальником Лопсан-Мереном прогнал его и сдал это место Скабееву, потому что Карасал не мог нойону платить такую подать, какую тот просил. Так и все время нойон изгонял Карасала со всех мест и в 1918 году с его постоянного местожительства».

На этом наше путешествие в прошлое Тувы заканчивается, и мне, собственно, добавить нечего, кроме общеизвестного — с помощью Красной Армии трудящиеся тувинцы выгнали интервентов и томутов, установили в 1921 году народную власть.

Любознательный Читатель. Хорошо, а что сталось с главным нашим героем — Карасалом? Он вернулся в Тоджу?

— Нет. На родине он был арестован.

— За что?

— По доносу. Надо учесть обстановку того времени, крутого, тревожного, переломного. Еще идет гражданская война. Разруха, голод, саботаж городских спецов и сельского кулачества. У работников, укрепляющих с лета 1919 года Советскую власть в Сибири, было много важных забот. И вот донос на человека, не имеющего никаких заслуг перед революцией. Человек этот почти тридцать лет назад выехал за пределы России, был там не то купцом, не то предпринимателем, имел богатое хозяйство, а вернулся на родину в тот год, когда Советская власть по всей Сибири пала. Кроме того, он был дворянином, представителем самого привилегированного сословия при царском режиме.

— Да, но Пушкин и Лермонтов, Миклухо-Маклай, Грумм-Гржимайло, Толстой тоже были дворянами!.. А в чем конкретно обвиняли Карасала?

— Будто бы из-за границы он снабжал белогвардейцев оружием.

— Карасал? Оружием? А факты какие-нибудь были?

— Была правда в том, что летом 1918 года именно с заимки Карасала карательный казачий отряд доставил вниз оружие, и слух об этом, очевидно, жил в округе. Но это было оружие, изъятое белоказаками у тувинцев! Достоверную свидетельскую проверку факта

можно было, наверное, сделать на Тодже, но в Туве тогда тоже шла гражданская война.

— И что — в расход?

— Карасал восемь месяцев просидел в минусинской тюрьме, той самой, от которой он вместе с Мариной Терентьевной отвел тувинского феодала Томута. Быть может, и это Карасалу ставилось в вину, и я не знаю, от кого и откуда пришел донос. Иной романист тут бы не удержался, чтоб для интересу не приписать донос самому Томуту, верткому и хитрому выродку, уцелевшему во всех передрягах.

— Короче — в расход?

— Карасал сам считал, что этот конец для него неизбежен, хотя все время оставалась надежда на Марину Терентьевну.

— А кто бы поверил жене?

— Не жене. Другим, которых она могла разыскать, в том числе и в Туве. И вот бумага, сыгравшая решающую роль в судьбе Карасала. Написана она была тем самым большевиком Яковом Константиновичем Потаниным, что работал вначале в Туве, а потом «внизу» председателем Тыштымского Совета. Во время контрреволюционного мятежа был подвергнут страшным пыткам, но сумел бежать и скрыться в тоджинской тайге близ фермы Карасала. В этом документе я только заменю фамилию Карасала на его привычное для читателя прозвище и чуть сокращу заявление Я. К. Потанина: «Я большевик-революционер. Мне угрожала неминуемая смерть, а также моим товарищам. Карасал подвергал себя не меньшей опасности, в которой находились мы, и только благодаря его находчивости и непоколебимому характеру он спас многих, и в том числе меня. Мой долг как революционера-большевика вмешаться в постигшее его несчастье по гнусному ложному доносу о доставке им якобы для белогвардейцев оружия. Карасала я знаю как человека с великими качествами, и скорее, наверно, Енисей потечет в обратном направлении, нежели Карасал доставлял оружие белым. Повторяю, ложь, клевета, и я уверен, что с получением сего Карасал будет освобожден».

— Похоже на документ тех лет.... Освободили?

— Да.

— Но все же: кто он был по родовой линии? И как эти братья-дворяне очутились в Сибири?

— Карасал интересен как личность, сам по себе, а история глубоко и своеобразно отразилась в его собственной судьбе. Звали его Владимиром Александровичем Мозгалевским и был он внуком декабриста Николая Мозгалевского.

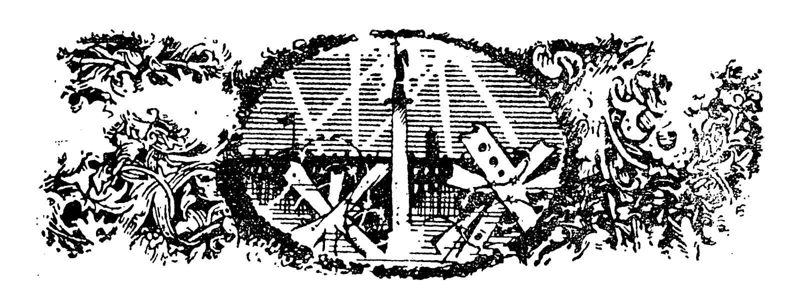
С 1920 года В. А. Мозгалевский руководил сплавом леса по Амалу, Кизиру и Тубе, потом работал директором кролиководческого совхоза, в Красноярском отделении «Союзпушнины», еще позже в инвентаризационной партии. Умер он в 1934 году на станции Уяр, где работала эта партия. Смерть наступила в результате несчастного случая — нес бутыль с молоком, поскользнулся и напоролся пахом на осколки так, что кровотечение не удалось остановить.

Всю эту историю я восстановил по воспоминаниям детей и племянников Карасала, архивным и эпистолярным материалам, собранным красноярским краеведом А. В. Вахмистровым, по беседам с потомками декабриста Николая Мозгалевского — правнучкой его М. М. Богдановой и праправнучкой В. В. Мемноновой, которая не раз встречалась в Минусинске после революции с ним и его братьями Виктором и Александром.

Приношу глубокую благодарность всем им, связавшим сравнительно недавние исторические имена и события, навсегда заключив их в круг моей памяти. А потом так получилось, что знакомство с трудами и днями Григория Грумм-Гржимайло надолго погрузило меня в древнюю историю Центральной Азии и бездонную пучину русского средневековья. Замечательный русский ученый был, оказывается, не только путешественником, географом, ботаником и так далее, но и верным служителем музы истории и эпоса Клио, считавшим, что лик земли, облик и судьбы народов следует рассматривать на широком и глубоком фоне прошлого со всеми его противоречиями и светотенями.

...Давно ушедшие люди с их страстями, помыслами и поступками, движения и подвижения народов, цар-

ства и кумиры, великие труды миллионов, моря их крови и слез, разрушающее и созидательное, пестрые факты, широкие обобщения, разноречивые выводы — в этой бездне минувшего так легко и просто потеряться, растворить себя в том, что было и больше никогда не будет, а поэтому будто бы так легко и просто обойтись без всего этого, прожить оставшееся время сегодняшним днем, найдя радость в честном заработке на кусок хлеба для своих детей. Однако память — это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без коего дети вырастут слабыми незнайками, неспособными достойно, мужественно встретить будущее.

9 Скромная тоненькая книжечка в обложке цвета запекшейся крови стоит у меня на заветной полке. Она не новая, с ослабшим переплетом — видать, побывала во многих руках. Тираж небольшой, как и формат — книжечка легко поместится не только в офицерском планшете, но и в кармане солдатской шинели. Увидел я ее случайно в кучке дешевого букинистического разнокнижья и купил за полтину, хотя на самом деле цены ей нет... Сборник называется «Героическая поэзия Древней Руси» и составлен в блокадном Ленинграде. Всякий раз, как беру эту книжку в руки, долго не могу оторваться. В чьих руках она побывала? Кому помогла?

Переводы «Сказания о Кожемяке», «Жития Александра Невского» и «Задонщины» сделаны Виссарионом Саяновым, давно уже ушедшим от нас замечательным ленинградским поэтом, из сибиряков, почему-то забытым нашей критикой. А «Слово о полку Игореве» переведено Владимиром Стеллецким, и я однажды, за-

хватив с собой драгоценную книжечку, навестил его, больного и слабого, живущего ныне в Москве на Солянке. Мы долго вспоминали войну, говорили об истории выпуска сборника, о работе нашей писательской комиссии по «Слову» и больше всего, конечно, о самой этой бессмертной поэме, о переводах ее Алексеем Мусиным-Пушкиным, Василием Жуковским, Аполлоном Майковым, Константином Бальмонтом, Николаем Заболоцким, Дмитрием Лихачевым, Николаем Рыленковым, Иваном Новиковым, Алексеем Юговым...

— Вы знаете, Владимир Иванович, за что я еще ценю ваш перевод?

— Да?

— За одну колдовскую строчку, которую перед войной Иван Новиков да вы в блокадном издании передали точнее всех других переводчиков. Вернее, даже за одну букву.

— Что имеется в виду?

— Ну, вы знаете, конечно, что слово «храбрый» употребляется в поэме одиннадцать раз.

— Нет, не считал.

— Причем в последней трети текста — после призывов загородить полю ворота и стать за землю русскую — оно совсем не встречается.

— Правда, в поэме много значат даже отсутствующие слова... Сами заметили?

— Да.

— Поздравляю! Итак, что за строчка или буква?

— «Дремлет в пОле ОльгОвО хОрОбрОе гнездО»,— нажимал я на «о». — Понимаете, одиннадцать раз «храбрый», «храбрая», «храбрые», «храброму» и так далее, и один-единственный раз в подлиннике — «хороброе»! Это же не может быть случайным!

И взахлеб заговорил я о том, что здесь — авторский ключ к еще одной тайне «Слова», его волшебной звукописи, оттеняющей смысл. В полногласии этом — оро,— сохраненном и в первом печатном издании, и в Екатерининской копии,— тревога, будто бы ночной набатный колокол, слышимый автору, звучит над спящим войском...

— А чуть раньше — гениальная аллитерация: «С зарания в Пяток ПотоПташа Поганые Полки Половецкие». Звукопись изумительно передает конский топот!

— Ну, этот-то пример затоптанный...

— А почему вы, Владимир Иванович, сохранили единственное в своем роде слово подлинника «хороброе» только в этой блокадной книжке! Зачем вы придали ему краткую форму в других изданиях?

— Не придавал. Это, наверно, корректора, и я даже не заметил... Восстановлю...

Мы поговорили о том, что все «Слово» — многооттеночно по смыслу, пророчески-символично в общем и множестве частностей, а на прощанье Стеллецкий, отдавший изучению «Слова» всю свою жизнь, подарил мне одну рукопись, посвященную главной тайне великого произведения мировой литературы. Написана она была много лет назад, и я когда-то услышал о ее существовании от архитектора Петра Дмитриевича Барановского, страстного поклонника «Слова». Незадолго до смерти автор, оказывается, передал рукопись Стеллецкому, и я долгие годы безуспешно искал эти полтора десятка страничек, под которыми Владимир Иванович написал, что передаривает их «энтузиасту-неофиту».

Снова и снова листаю буро-красную книжечку, вышедшую в Ленинграде в самый тяжкий час его истории. Глаз выхватывает строки:

Земля гудит, реки мутно текут,
Пыль поля покрывает...

А дальше лучше все же в подлиннике:

«Стязи глаголютъ: половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ русскыя плъкы оступиша».

Отъ всехъ странъ... В любом из переводов на современный язык — «со всех сторон».

Подправлять прошлое в угоду кому или чему бы то ни было — дело не только безнадежное, но и рискованное; попытка, например, изобразить отношения русских и половцев в виде чуть ли не альянса, как это сделал один молодой современный автор, была более или менее решительно пресечена музой истории и эпоса Клио, обычно спокойно-уравновешенной, но иногда все же более или менее взволнованно берущей в руки более или менее гибкую лозинку. Отходчивая дщерь Зевса и Мнемозины пояснила при этом — *за полтора века по-*

ловецкие ханы предприняли почти пятьдесят больших походов на Русь, кроме бесчисленных мелких грабительских набегов, причем разорению подвергались самые богатые и густонаселенные земли, где изреживалось население, поля зарастали, а глад и мор довершали начатое, превращая обжитые земледельческие районы в Дикое поле. Половцы отрéзали от Руси Черное море и Византию, захватили русское княжество Тьмутаракань, единственное, которое уже никогда не возродилось.

К концу XII века, однако, половецкая опасность ослабла, и набег, скажем, на Посемье 1185 года, последовавший за поражением войска Игоря, был эпизодическим и, в сущности, безрезультатным. Половцы лишь взяли какой-то крохотный степной городок Римов, местонахождение коего ныне даже неизвестно, да сожгли пригород Путивля. И думаешь иногда: что грянуло бы, если б «сепаратный» «неудачный», «авантюристический», «легкомысленный» и так далее поход Игоря не состоялся той весной и именно в те дни — не позже и не раньше? Ведь князь Игорь с отрядом в семь-восемь тысяч воинов, стремительным броском проникший в глубь половецкой степи, увидел перед собою профессиональное воинство степняков, в несколько раз превосходящее его силы! Откуда оно вдруг взялось? Может быть, дружина Игоря стала случайной или не совсем случайной жертвой, предупредившей, однако, и сорвавшей еще один большой половецкий поход, скорее всего, на Киев — в ответ на последний победоносный объединенный поход великого князя Святослава, которого в те дни, кстати, не было в столице и он, наверное, ничегошеньки не знал об угрозе, иначе б не уехал в далекий Карачев, где ему совсем не обязательно было тогда находиться,— немногочисленную рать с лесного севера мог привести любой воевода или княжич.

Перед новым большим путешествием в прошлое, на поля сражения главного военного фронта русского средневековья, надо хотя бы мельком взглянуть на то, как открывался и полвека разворачивался тогдашний второй фронт,— любознательному читателю, быть может, полезно будет увидеть этот хроникальный сгусток событий, чтобы подкрепить школьные аксиомы памятью о тяжком историческом уроке, предшествующем Невской битве и Ледовому побоищу.

С Прибалтикой и ее народами Русь была связана издревле. Еще в 945 году в составе дипломатической миссии князя Игоря Старого, посланной в Константинополь, был некий Ятвяг (то есть литовец) Гунарев. Среди других соседних народов начальные русские летописи числят и прибалтийские племена, «иже дань дают Руси», то есть киевскому князю. По Западной Двине и Днепру — водным артериям, связывающим Русь с Прибалтикой,— уже тогда плыли и ехали купцы, сборщики дани, князья, воеводы, миссионеры, дружинники. В руках полоцких князей был весь речной бассейн — от моря до верховьев, где стояли перевальные пункты Полоцк и Витебск. Стратегически важный район Прибалтики выбрали немецкие феодалы в качестве ключевого объекта своей экспансии. В 1184 году они высадились в устье Двины, и монах Мейнард, ищущий для римской курии новых доходов, обратился к полоцкому князю Владимиру Всеславичу, которому ливы, еще язычники, платили дань, за разрешением проповедовать в этой земле.

Молодой удельный князь новгород-северский за год до своего знаменитого похода на половцев мог еще не узнать об этом десанте, но про дальнейшие события на крайнем северо-западном пограничье Руси в самом конце XII и самом начале XIII века великий князь черниговский, несомненно, имел представление, хотя бы в общих чертах. Его древнейший город Любеч на Днепре был главным обменным пунктом в торговле между собственно русской землей, северо-русскими княжествами и Прибалтикой, где в те годы происходило следующее.

1184—1195 годы. Колония немецких миссионеров, купцов, профессиональных вояк, искателей приключений разрасталась — захватывала чужие земли, насильственно обращала в католичество окрестное население, привлекала на свою сторону местную знать, засылала на восток и юго-восток знатоков торговых, религиозных и военных перспектив. Учредилось ливонское епископство.

1196. Нападение на восточное побережье Балтики датских рыцарей.

1197. Шведские феодалы грабят и жгут селения эстов.

1198. Создание Ордена крестоносцев в Палестине и перебазирование его в Прибалтику. Папа римский Целестин III провозглашает северный крестовый поход. Епископ Бертольд с войском крестоносцев приходит на Западную Двину, принудительно крестит ливов, облагает их хлебной данью.

1200 год. Епископ Альберт Буксгевден, этот, по словам Маркса, «паршивый бергенский каноник», на двадцати трех кораблях врывается в Западную Двину, разбивает объединенные войска ливов и земгалов. Это была стратегическая «свинья» — военный, экономический, религиозный клин в средостение Прибалтики.

1201 год. Крестоносцы основывают крепость Ригу в устье Двины, ставя под контроль всю торговлю по этой реке, верховья которой принадлежали русским.

1202 год. Учреждение духовно-рыцарского Ордена меченосцев. Русские купцы, добиравшиеся до земли пруссов, впервые увидели мечи на белых плащах. Плащей с крестами и мечами становилось все больше, и они мелькали все ближе у границ Руси.

Игоря Святославича не стало в конце 1202 года, и только человек, слишком недооценивающий своих предков, может допустить, что *такой* князь каким-то образом избежал военной и дипломатической информации или даже просто слухов о новостях с ближайшего северо-западного пограничья...

Пестрая западная орда вначале предавала огню и мечу береговые селения прибалтийских славян, пруссов, латышей, эстонцев, причем война с пруссами велась на полное уничтожение этого мужественного народа. В разноязычных летописях первой трети XIII века немало страниц, повествующих о героическом сопротивлении захватчикам, о контрударах, длительных и кровопролитных войнах, когда рядом с прибалтийскими ополчениями сражались русские.

1207 год. Русский князь Вячеслав Борисович, прозванный «Вячко», внук одного из героев «Слова о полку Игореве», смоленского князя Давыда Ростиславича, держит крепость Куконас на среднем течении Двины. Отбивает все приступы, громит несколько отрядов немцев, но борьба была неравной; Вячко сжигает крепость и уходит на Русь.

1216 год. Эсты просят «полоцкого короля» Владимира помочь им «теснить войной» западных рыцарей, и русская рать немедленно отправляется в поход, к которому присоединяется шестнадцатитысячное новгородско-псковское войско. Началась «великая война русских и эстов против ливонцев».

1217 год. Снова князь Вячко вместе с братом Васильком сражается против немцев, но вскоре уходит в Псков просить помощи.

1219 год. На подмогу крестоносцам идут войска датского короля Вальдемара II. Датчане захватывают северные районы эстонской земли, закладывают крепость Ревель. Крестоносцы продолжают наступать по югу.

Единственное спасение эсты по-прежнему видели в помощи Руси и общенародном сопротивлении. По их просьбе в Юрьеве, Вильянди, других крепостях были размещены гарнизоны псковитян и новгородцев. Патриоты призвали народ к восстанию. Пользуясь, однако, превосходством в вооружении и осадной технике, рыцари разбивали войска отчаянно сражавшихся эстов и брали крепость за крепостью. Героически сопротивлялась Вильянди; после ее падения всех русских, как пишет немецкий хронист, «повесили перед замком на страх другим русским».

Полоцкое княжество, находившееся в силу исторических условий в относительной политической изоляции от остальной Руси, не могло своими силами защитить вассальных ливов, новгородцы и псковитяне — эстов: слишком большая сила ломила с запада.

1221 год. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович направляет свои войска в землю ливов, осаждает Ригу; эсты снова поднимают всеобщее народное восстание. Война идет с переменным успехом. Ни Риги, ни Ревеля взять не удалось, отбить Вильянди тоже. Правда, у русских и эстов оставалась еще сильная крепость Юрьев, основанная два века назад Ярославом Мудрым.

1223 год. Прибалтика истекает кровью; и я не знаю, что это — смола сосен или кровь людей запеклась и закаменела в красном прибалтийском янтаре...

Старейшины эстов снова прибыли, как пишет тот же немецкий хронист Генрих Латвийский: «в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли

призвать королей русских *на помощь* против тевтонов и всех латинян».

Любознательный Читатель. Но ведь это был год, когда «короли русские» почти все полегли на Калке!

— Да. Именно в тот страшный год, как сообщает Ипатьевская летопись, «приде неслыханная рать, безбожные Моавитяне, рекомые Татарове». Об этом сообщили русским князьям половецкие гонцы и беженцы: «Аще *не поможете* нам, мы ныне изсечены быхом, а вы наутре изченены будете». О битве на Калке мы еще вспомним, а пока отметим, что ни наступление врагов с запада, ни феодальная раздробленность, ни княжеские распри, ни сжатые сроки для всеобщей мобилизации не помешали сбору с обширных территорий русских войск, чтоб защитить восточных соседей от угрозы полного уничтожения, обезопасить свои земли, предотвратить союз неведомых грозных пришельцев с половцами. Великий князь киевский Мстислав послал гонцов ко всем русским князьям, в том числе к великому князю владимирскому Юрию: «Аще сим *не поможем,* и предадутся половцы татарам, то тяжчае ны будет», а сам «начаша воинство велие совокупляти». На рубеж половецкой земли вышли князья и войска киевские, черниговские, смоленские, ростовские, галицкие, волынские, шумские, несвижские, путивльские, курские, трубчевские, дубровские, «друзи мнози князи» со своими дружинами, включая — по Татищеву — даже новгородское войско во главе с Михаилом Всеволодовичем, будущим князем черниговским и киевским... Слово «помощь» я выделил в подлинных текстах, чтобы облегчить любознательному читателю понимание событий.

— И предал общерусское дело только Юрий Всеволодович владимирский? А ведь его сильное войско, наверное, могло бы решить исход битвы на Калке...

— Возможно... Однако он никого не предавал и был даже неизвестным героем того тяжкого года.

— Ну, знаете!

— Знаю... В залесном княжестве Юрия, конечно, не ведали истинной мощи татар, их тактики степных сражений и вполне могли счесть новую восточную опасность вроде половецкой — рядовой и, можно сказать, привычной.

— Это не оправдание для предательства, трусости

или измены — назовите как хотите отказ Юрия помочь половцам и сородичам, только не геройством.

— Не истинное ли геройство — собрать двадцатитысячную армию, включающую новгородцев и псковичей, и двинуть ее в тысячеверстный маршрут-бросок на врага?

— Если б Юрий это сделал, на Калке была бы полная победа!

— Юрий сделал это в том самом 1223 году, только двинул он армию на запад, чтобы помочь эстам в борьбе против немецких захватчиков. Это — подлинная правда, как бы символизирующая собою те давние события в истории нашего народа, вынужденного сражаться на два фронта...

В том же году, как пишет Генрих Латвийский, новгородцы снова направили к эстам князя Вячко, поручив ему «господство в Дорпате (то есть Юрьеве, Дерпте, Тарту. — *В. Ч.*) и других областях» и, «чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, отдали ему подати окружающих областей». Однако судьба этой древней крепости и всех прилегающих земель эстов была предрешена. Епископ крестоносцев Альберт съездил в Германию за военной помощью, и в следующем году Юрьев пал. Когда «русские все сбежались к воротам для отпора», крепостная стена, забросанная камнями из баллист и зажигательными горшками, была взята приступом. Последние русские воины во главе с князем Вячко погибли в детинце...

Постоянно набирая в Западной Европе подкрепления, захватчики продвигались все дальше на восток и непосредственно перед нашествием Батыя вышли к границам псковско-новгородских, литовских и галицко-волынских земель.

1233 год. Папская курия снова объявляет северный крестовый поход. Протекал он с подробностями, которые тоже стоит вспомнить.

1234 год. Новгородский князь Ярослав Всеволодович собрал, как сообщается в летописи, «множество полков своих» и пошел на Юрьев. Об этом большом весеннем сражении русских войск с немецкими рыцарями на реке Эмайыге мы знаем куда меньше, чем о Ледовом побоище, блестяще осуществленном сыном Ярослава Александром ровно через восемь лет на Чудском

озере, и поэтому я приведу о нем несколько летописных строк, из коих можно заключить, что отец был хорошим учителем сына, сын — достойным учеником его, а русское воинство умело в средневековье привлекать на свою сторону вполне надежного союзника — природу.

Под Юрьевом русские ратники обратили вспять войско крестоносцев, убили «лучьших немецъ неколико» и заставили остальных отступить на речной лед, который «обломишася, истопе их много, а ини язвьни (то есть раненые) вобегоша» в крепость. В результате Ярослав Всеволодович «взя с ними мир на вьсей правде своей».

1236 год. «Обнаглевшие меченосцы, рассчитывая ...на стекающуюся со всех сторон крестоносную сволочь... предприняли крестовый поход против Литвы» (К. Маркс). Литовский князь Миндовг наголову разбивает войско рыцарей в жестокой битве при Шауляе. Был убит магистр Ордена меченосцев Волквин и предводитель северогерманских отрядов. «...Этих псов жестоко отдули» (К. Маркс).

1237 год. Конрад Мазовецкий «дарит» рыцарям не принадлежавший ему русский торговый город Дорогичин и пропускает их через свои земли. Князь Даниил Романович Галицкий: «Не лепо есть держати нашее отчины крижевникомъ» (то есть «крестовникам», крестоносцам). Во главе войска он «поидоста на не в силе тяжьце», разбил тевтонов, пленил их предводителя.

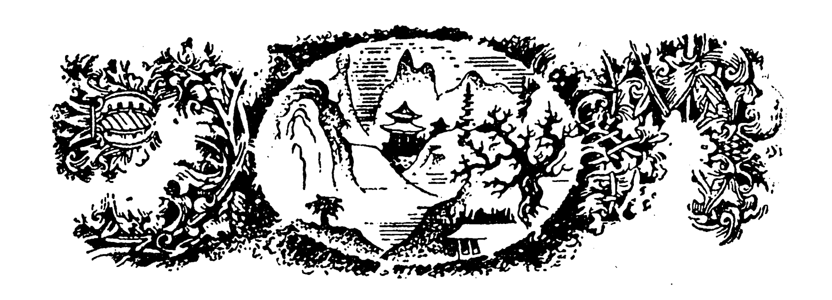
1237 год. К удовлетворению святого отца римской церкви, остатки Ордена меченосцев, полностью уничтожившего прусский народ, сливаются с Тевтонским Орденом крестоносцев. Начинаются переговоры с датскими и шведскими королями, феодалами и рыцарями о совместных военных действиях против Руси.

1237 год. С далеких восточных степей двинулись на запад неостановимые конные орды...

Снова раскрываю красно-бурую книжечку, выпущенную в блокадном Ленинграде.

В лето шесть тысяч семьсот сорок пятое,
Во второе десятилетие по принесении
Чудотворного образа Николина из Корсуня,
Пришел безбожный царь Батый
На русскую землю со многими
Отрядами войска татарского,
И встал на реке на Воронеже
Близ Рязанской земли станом воинским...

Легко ль быть героем, дорогой читатель, если твой окоп с двух сторон зажимают лобовой броней танки, и еще один показался впереди, и с тылу вражеские траки грохочут, а в окопе разноголосица и просят *о помощи* истекающие кровью соседи?

10 Раскрываю книгу, вышедшую в 1941 году, читаю строки, написанные в монгольской степи за семьсот лет до этого.

Этот-вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился!

Так стонет-причитает мать девятилетнего Темучина, когда тот убивает своего брата, отнявшего у него пойманную в реке рыбешку. «Юань-чао би-ши» (Сокровенное сказание») — изумительный памятник средневековой монгольской литературы, и мы не раз еще обратимся к нему.

Темучин, названный впоследствии Чингиз-ханом, остался в памяти людей как самый жестокий из «покорителей вселенной», заливший невинной человеческой кровью евразийские просторы и почти умертвивший собственный народ, под которым подразумеваются племена, кочевавшие в XII веке севернее реки Керулен.

Далекое прошлое многих современных народов туманно, их этнические корни сплетались и отмирали в темной глуби веков, и поколения ученых кропотливо, по крупицам, восстанавливают память земли людей с помощью археологии, антропологии, топонимики, лингвистики, древнейших мифов и письменных источников.

Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло однажды задал несколько неожиданный вопрос: «...был ли Темучин монголом по происхождению?»

Центральная Азия — гигантский котел, в котором с незапамятных времен клокотала жизнь,— постепенно раскрывает свои тайны. Народы, некогда обитавшие в центре величайшего из материков планеты, время от времени дают о себе знать — отдаленнейшие их земляки и потомки то там, то тут находят следы пребывания на земле неведомых племен, заглядывая в сумрак тысячелетий и становясь в тупик перед неразрешимыми пока загадками прошлого. Вот, кажется, совсем будто бы недавно ученые установили, что в алтайских горах люди жили за сто тысяч лет до нас, и вдруг там же только что обнаруживаются материальные признаки человеческой деятельности, отодвигающие эту временную границу еще на полмиллиона лет! Но чьими предками были авторы наскальных сибирских писаниц? Мне довелось видеть контуры зверей, птиц, людей и чудовищ над быстрыми водами Томи — для меня они куда интереснее сахарских или пиренейских! Вспоминаю также минусинские каменные изваяния с абстрактными вытянутыми женскими лицами и никому не понятными знаками, нанесенными задолго до скифских времен. Ученые предполагают, что много тысяч лет назад этот таинственный народ по пути с Индостанского полуострова приостановился в теплой южносибирской котловине перед великим маршем на северо-восток,— через приполярные миражи, в далекие дали соседнего континента, где найдены бесспорные аналоги своеобычной культуры древних сибиряков. Потомками какого исчезнувшего азиатского народа считать енисейских кетов, говорящих на языке, совершенно не похожем ни на один язык сегодняшнего мира, в том числе и на языки ближайших соседей — эвенков и селькупов? А чем объяснить необыкновенное художественное совершенство и разнообразие древнеалтайских изделий, что украшают Эрмитаж? Какой гений сберег их, отвечающих теперешним эстетическим вкусам, в мерзлой почве Пазырыкских курганов?..

С нетерпением спешу сообщить любознательному читателю о совершенно необыкновенных находках самого

последнего времени. В горно-таежном районе Северной Монголии, на террасе реки Чулут (по-алтайски «чул» — река), советско-монгольская экспедиция геологов только что обнаружила феноменальную картинную галерею. Она расположена примерно на высоте двух тысяч метров и сплошь тянется по скалам на протяжении *сорока километров!* Изображения животных и людей динамичны и выразительны, они будут тщательно изучены, но о трех сенсационных открытиях можно говорить уже сейчас. На рисунках изображены северные олени, ушедшие из этих мест вслед за ледником, и самые осторожные ученые утверждают, что рисункам не может быть менее шести тысяч лет. Далее. Есть ясные изображения оленей-быков, запряженных в *колесницы,* настолько ясные, что даже спицы в колесах можно сосчитать. Считаю по снимку — их восемь между ступицей и ободом. Значит, животные здесь были полностью приручены и одомашнены уже в эпоху неолита! И, наконец, самое, быть может, неожиданное — колесницей правит человек в характерной широкополой шляпе — точно такие головные уборы запечатлены на скальных петроглифах в местах древнего расселения некоторых *индоевропейских* народов!

Однако даже *такое* открытие вроде бы поблекло перед новейшим, случайно сделанным томским студентом Владимиром Дмитриевым. Он не занимался петроглифами и не готовился стать археологом. Будущий гляциолог изучал ледовые образования в карстовых пещерах неподалеку от моей родины в отрогах Кузнецкого Алатау. И вот в одной из пещер над речкой Белый Июс он подобрал кость животного и несколько камней со следами обработки. Причину волнения новосибирского доктора исторических наук археолога В. Е. Ларичева, получившего находки и немедленно выехавшего на место, я объясню чуть позже — понимающий в деле толк, но неподготовленный человек мог бы упасть в обморок от главного сведения, связанного с открытием. Ну, прежде всего специалист-археолог обнаружил в этом районе великолепные образцы древнего изобразительного искусства, только подбор животных был необыкновенно разнообразен — кроме, естественно, оленей, лошадей и орлов, на рисунках ожили мамонты, бизоны, черепахи и даже пещерные львы, а кроме живо-

писи, нашлись и барельефы, и гравировка, и подвески-украшения, и скульптура! И вот совсем уж фантастическое — духовой музыкальный инструмент, темно-красная *каменная свирель*. Значит, человек уже *тогда* не только обменивался мыслями, но и почувствовал в душе своей тягу к искусству. Когда это — тогда? Решаюсь наконец сообщить читателю почти неправдоподобное — *обнаружена древнейшая цивилизация планеты; находкам на Белом Июсе 34 000 лет!* Чтобы читатель мог по достоинству оценить это открытие, сообщу, что недавно в одной из пещер Южной Индии обнаружена плохо сохранившаяся наскальная роспись, которая определена как древнейшая для всего субконтинента, где с незапамятных времен возгорались очаги культуры. Поразительно, что для получения коричнево-красных тонов художник использовал железистый минерал гематит, из которого сибирский музыкант сделал если даже не свирель, а охотничий манок, но главное то, что между этими двумя людьми — бездна в двадцать пять тысячелетий! Роспись у индийского села Марайюр датируется 8000—7000 годами до нашей эры. «Наибольшее волнение,— сообщил В. Е. Ларичев в газете «Правда»,— вызывает возможность взглянуть в лицо человеку, который жил в Сибири тридцать четыре тысячи лет назад... Бородатое, окрашенное желтовато-красной охрой, оно воспринимается как портретное изображение конкретного человека, увлеченного ритуальной пляской». И последнее — оказывается, тончайшим резцом в мельчайших деталях выгравированы на камне его, *«бесспорно, индоевропейские черты»!* Археологические работы близ селения Малая Сыя на Белом Июсе настолько объемны и важны для мировой исторической науки, что составлена их программа до 2000 года.

Встречаясь с подобным, поневоле думаешь, что о далеком прошлом мы знаем не больше, чем о будущем! Исследования В. Е. Ларичева повергли меня ниц перед земляками-сибиряками, жившими *восемнадцать тысяч* лет назад в родных моих местах. Близ теперешнего Ачинска археолог Георгий Александрович Авраменко в 1960 году открыл поселение людей древнекаменного века, а через два года Виталий Епифанович Ларичев, продолжая раскопки, нашел жезл с коль-

цом, тщательно вырезанный из бивня мамонта. Полированная поверхность жезла была покрыта мелкими углублениями, сеткой причудливых узоров, змеевидными лентами, лунками-углублениями. Орнамент? Магические знаки? Символы древних верований?

Но вот с иронией вспоминается заголовок книги американского историка культуры С. Крамера «История начинается в Шумере», и вполне серьезно в книге В. Е. Ларичева воспринимается название последней главы — «История начинается в Сибири»... Поясок выступающего кольца прерывает ленточные спирали ниже средней части жезла — этот поясок обычен для жезлов мудрецов Древнего Востока, а подсчет точечных зафасеток показал, что их число и чередования полны глубочайшего значения. Это был сложнейший астрономический календарь! Лунный и солнечный, даже с указанием на високосный год, периодов так называемого сидерического (звездного) и синодического вращения Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна с минимальными погрешностями относительно современных астрономических расчетов. Календарь позволял даже точно рассчитывать солнечные и лунные затмения! «Достаточно знать, насколько сложна задача разработки всех упомянутых календарей и каких точных расчетов требуют они, чтобы воздать должное величию познаний в математике, геометрии и астрономии тех древних, которые жили в Сибири 18 000 лет назад. Ведь в любой книге о календарях такого рода достижения, которые ранее приписывались шумерийцам, оценивались как величайшие прозрения человеческого ума. Отныне эта честь будет принадлежать охотникам за мамонтами из Сибири. Значение и комбинаторика удивительных чисел, познанных ими, как и, в той же мере, искусство Малой Сыи,— самый высокий комплимент интеллектуальным и художественным способностям древних сибиряков» (Ларичев В. Пещерные чародеи. Новосибирск, 1980, с. 220).

Жадно рассматриваю снимки и рисунки каменных скульптурок и барельефов, обнаруженных на Белом Июсе, который, сливаясь с Черным, образует приметную сибирскую реку Чулым. Не раз в юности переезжал я эту реку, что течет мимо Боготола и Ачинска, устремляется на север от Транссиба и змеится по Том-

ской области, впадая в Обь чуть ниже Колпашева. По школьным учебникам я знал о государстве Урарту, Шумере и Древнем Египте, но ни за что бы не поверил, если б мне сказали тогда, что здесь, вдоль этой сибирской реки, жили за десятки тысяч лет до нас люди, которых без всяких натяжек можно назвать астрономами, художниками и скульпторами! Не просто даже перечислить сюжеты и темы мастеров Малой Сыи, работавших 34 500±450—33 060±300 лет назад. Крылатый конь, выбитый каким-то древним романтиком на камне,— никак, прообраз Пегаса? И в то же время он весь из реалистических деталей. Парит в стремительном прыжке, с вытянутой встречным ветром гривой и парусящим за ней бесформенным крылом; передние ноги сложились в бешеном поскоке-полете, задние как струны, зубы оскалены, и я поневоле вспомнил стихи замечательного русского поэта Павла Васильева, которого так рано, в лермонтовском возрасте, не стало среди нас.

И коренник, как цыган хохоча,
Сиял, окружен голубыми ветрами,
То будто бы шубу
Срывая с плеча,
То самое небо
Хватая зубами...

А вот барельеф изображает волка, напавшего на дикую лошадь. Трудно описать словами нежданный ракурс сюжета и его детали — оскаленную пасть волка, свирепый его глаз, прижатые уши и морду коня с напряженными ноздрями, глазом, в котором таится смертельный страх и обреченность — животное готово к смерти... Голова льва с двумя змеями над гривой, мамонт, атакующий черепаху, щука, снова мамонт и черепаха, слитые в триединый символ, множество других зооморфных скульптур и барельефов, но все же я пока не сказал *о главном* открытии археологов на Белом Июсе!

В. Е. Ларичев: «Власть древнего скульптора над кремнем представлялась почти волшебной. Он владел камнем так, будто в руках его находился хорошо прогретый на огне кусок воска или густо замешенное тесто. Впрочем, археологу не пристало удивляться ювелирной чистоте обращения с камнем охотников древнека-

менного века. За их плечами более 3 000 000 лет общения с этим даром природы, из которого они на протяжении десятков тысяч поколений изготовляли всевозможные инструменты. Свойства кремнистых пород первобытные люди знали так, что, пожалуй, могли бы, не прибегая к помощи сложной и дорогостоящей техники, консультировать современного геолога. Охотники на мамонтов, носорогов и диких лошадей не могли позволить себе знать камень плохо. Ведь от прочности, надежности и остроты их оружия зависела удача в охоте, а значит, и жизнь самого охотника и его близких. Камень, как сырье, составлял основу индустрии первобытных людей, и они познавали его качества до мыслимого и даже немыслимого в тех условиях совершенства. Стоило ли удивляться ювелирной тонкости в отделке мельчайших деталей скульптурного изображения черепахи из жилища Малой Сыи?»

И дело было даже не в том, что тончайше рассчитанными ударами древний мастер с помощью *сколов* на твердом камне воссоздавал мельчайшие реалистические детали животного — ячейки панциря, коготки на лапах, очертания хвоста, что некоторые углубления скульптуры — пока предположительно — заполнялись краской или — несомненно — панцирь черепахи был покрыт слоем мягкой известковой пасты, которая могла служить грунтом для нанесения еще более реалистических узоров. Вопрос вопросов — почему первобытный человек Малой Сыи выбрал в качестве «героя» черепаху, которая не могла быть предметом охоты или символом культа плодородия?

За десять лет до этого В. Е. Ларичеву довелось исследовать огромную каменную черепаху, установленную в XIII веке на могиле Эсыкуя, выдающегося политического и военного деятеля чжурчжэней — об этом народе Дальнего Востока у нас большой разговор впереди. *Ученый пришел к выводу, что в обеих скульптурах образно и вещно отражен древнейший азиатский миф о сотворении мироздания.* Отсылаю любознательного читателя к работам В. Е. Ларичева, в которых археолог увлекательно и вместе с тем строго научно рассказывает о зооморфных и антропоморфных скульптурах Малой Сыи, отразивших богатство внутреннего мира, верования, мифы и космогонические воззрения древних сибиряков,

о культе Матери-Прародительницы, зарождении ранних идей мыслящего человека о жизни, устройстве и происхождении Вселенной...

Находки эти, имеющие, безусловно, огромное значение для мировой археологии, вызвали большой интерес читателей — сужу по письмам, полученным мною после журнальной публикации «Памяти». Первым среди них было письмо В. П. Коровкина из далекого таймырского Талнаха: «Семнадцать лет я работаю в Норильском шахтопроходческом тресте. Трудился на добыче руды проходчиком, взрывником, сейчас слесарем. Отдыхать езжу на юг Сибири, почти прямо по меридиану, на Белый Июс, где хорошая охота и рыбалка, хотя и там, как почти везде, природу пора спасать. Мне кажется, что первым на следы стоянок древних людей обратил внимание учитель истории Кириллов Федор Иванович. Будучи в отпуске еще в 1970 году, я видел у него приличную коллекцию древностей. Водил он меня и в пещеру древних людей. Она находится в 8 километрах от села Ефремкино, где он работал, и в километре от поселка Малая Сыя, где сейчас производятся раскопки. Он неоднократно писал главному археологу Красноярска, но тот, ссылаясь на занятость, так и не приехал. Кириллов умер, и я, будучи в отпуске в 1980 году, узнал, что в школе собираются создать музей его имени».

«Кириллова Ф. И. я знал с 1959 года, когда приехал после института работать в Ширинский район,— пишет мне работник Красноярского обкома КПСС П. В. Тясто, бывший директор Ефремкинской школы.— В 1960 году он отказался от должности директора, написав в районо, что он стареет и начинаются «биологические замедления». В том же году он показал мне свою небольшую витринку, где лежали крестики и медаль старинная, костяные и бронзовые наконечники от стрел, бронзовый кинжал, обломки сталактитов и сталагмитов, рисунок скифского котла с ручками — сам котел был передан в музей Хакассии. Многое несли ему ребятишки, в том числе и из пахотного слоя картофельных полей. Так были найдены глиняные трубки, с одной стороны обожженные. Долго не могли понять их назначение, но когда попалась такая трубка с куском

шлака, мы догадались, что это сопла древних домниц. Старые хакасы вспоминали, что давным-давно в окрестностях Ефремкина встречались остатки печей для выплавки металла.

Федор Иванович был организатором экскурсий в пещеры, куда он водил детей и взрослых. Впоследствии слава о тамошних пещарах распространилась далеко. На Малую Сыю стали приезжать туристы, рабочие в отпуск, студенты, спелеологи из Томска, Красноярска и других городов. Ф. И. Кириллов был их постоянным проводником, и в знак благодарности они назвали одну из пещер «Кирилловской».

Помню еще, что в районной газете «Знамя коммунизма», написавшей об открытиях на Малой Сые, говорилось, что учитель Ефремкинской школы Кириллов обращал внимание на остатки золы в слое глины».

Слава краеведам!

А в трудах Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло открывается невообразимая пестрота центральноазиатских народов, народностей, племенных групп и родов — ученый упоминает не менее *тысячи* этнических названий! Среди них вдруг открылся мне один из самых таинственных и интересных за всю историю человечества — народ ди, или динлины, и я давно ищу любую возможность узнать о нем какие-то новые подробности. Вот хватаю с полки книжного магазина последнюю монографию научных сотрудников Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая «Древние китайцы» — нет ли там чего-нибудь о динлинах или родственных им ди, дили, бома? О ди — целая глава! Забросив все дела, ищу, чтобы приобрести в личное пользование интереснейший памятник древнеазиатской культуры «Шань хай цзин»—«Каталог гор и морей». Эта своеобразная энциклопедия в чрезвычайно усложненной условной мифологической форме концентрирует сведения о религии и этнографии, ботанических и зоологических, геологических и географических знаниях древних китайцев. Книга запечатлела уровень китайского мироведения на IV—I вв. до нашей эры, а протограф, исходный список, датируется III—IV вв. нашей эры.

И вот она стоит на полке, и я в любой момент могу

погрузиться в древние тексты, впервые переведенные на русский язык, чтоб найти в сложной символической вязи понятий какое-нибудь упоминание о динлинах...

«Ди принадлежали к числу автохтонов (то есть коренных жителей.— *В. Ч.*) Китая,— пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, считавший динлинов и ди одним народом. — Они составили даже ядро того народа, который в 1122 году до Р. Хр. (рождества Христова. — *В. Ч.*) овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу». Ссылаясь на китайские источники, ученый числит динлинов в долине Хуанхэ еще в третьем тысячелетии до нашей эры. Они отличались высоким ростом, голубыми (зелеными) глазами, белокурыми (рыжими) волосами, и этнологи разных стран пересказали в старое и новое время немало любопытного об этом народе. Динлины строили дома — деревянные срубы, крытые древесной корой, были знакомы с земледелием, которое вели близ своих поселений, но легко снимались с места в поисках рыболовных и охотничьих угодий. Мужчины носили серьгу в ухе, не терпели подчинения и сами не были тиранами ни в кругу своих необычных для остальной Азии моногамных семей, ни по отношению к рабам. Знали рудное, литейное и кузнечное дело, сами изготовляли для себя металлические орудия и оружие, были храбрыми воинами, «имели сердце тигров и волков», но, будучи свободолюбивым, подвижным народом, жили разрозненными мелкими родами, собирались вместе в исключительных случаях для борьбы с общими врагами.

Современные ученые, ссылаясь на китайские же источники, указывают, что с VII века до нашей эры динлины вели наступательные и оборонительные войны, разгромив в 661 году царство Син, на следующий год государство Вэй, в 649 году до н. э. Вэнь и Су, в 634-м напали на Чжэн, и с 20-х годов VII века до нашей эры китайцы различают западных «белых» ди и восточных «красных». «Красные» ди в V веке до нашей эры были разгромлены, а «белые» создали самостоятельное государство, следы существования которого прослеживаются до 318 года нашей эры.

Многочисленные южные китайцы, используя свою организованную мощь и натравливая один динлинский род на другой, продолжали теснить этот большой, силь-

ный, но разобщенный народ из долины Желтой реки. Динлины, пишет Грумм-Гржимайло, «...бросали свою порабощенную родину и расходились — одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем, чиновниками и правилами общежития».

Любознательный Читатель. Кем же были динлины, эти длиннобородые, светлокожие, светлоглазые, белокурые или рыжеволосые азиаты?

— Ученые об этом давно спорят. Некоторые считали динлинов родственными древним иранцам, другие — тюркоязычным народом, а один дореволюционный исследователь даже предположил, что они предки славян, да только серьезных доказательств не нашел. Г. Е. Грумм-Гржимайло не сомневался в принадлежности динлинов к европеоидной расе, что подтверждается данными антропологии. На обширных территориях Китая, где когда-то жили динлины, раскопано множество предметов искусства и быта, выполненных в знаменитом скифском «зверином стиле», в том числе классические археологические триады — наборы оружия, конские сбруи, украшения I тысячелетия до нашей эры, не имеющие ничего общего с типично китайскими предметами того времени. В 1960 году, например, в одном из специальных китайских журналов было сообщение, что в провинции Хэбэй, в частности в Хуайлае, расположенном в пятидесяти километрах от Пекина, среди разнообразных археологических находок «обнаружены изображения барса, свернувшегося в клубок, лошади с подогнутыми ногами и типичного скифского оленя; кинжалы скифского типа; характерные бронзовые котлы на поддоне». И если динлины были действительно индоираноязычными скифами, то можно только поражаться многочисленности и силе этого народа, заселившего в древности всю евразийскую Великую Степь — от Черного моря до Желтого, и оставившего нам замечательные образцы прикладного искусства.

— А как китайские ученые комментируют эти находки?

— Еще в 1954 году тогдашний президент китайской Академии наук Го Можо писал о влиянии «скифского искусства» на древнекитайские бронзовые изделия эпохи Чуньцю («Весна и осень», VIII—V вв. до нашей

эры), а «в период Чуньцю-Чжаню («Воюющие царства», V—III вв. до нашей эры) территория, занятая скифами, расширилась вплоть до северной части Монголии». И далее: «Население царства Чжуншань было ответвлением «белых ди». Быть может, оно представляло собой этнически смешанную группу, в формировании которой приняли участие скифы?» Новейших комментариев китайских ученых я не знаю... Кстати, лауреат Государственной премии СССР 1952 года по литературе китайская писательница Цзян Бинджи избрала себе почему-то псевдоним Дин Лин. Незадолго до «культурной революции» ее, шестидесятилетнюю, сослали в Северный Китай, куда некогда были вытеснены динлины...

— А куда они потом делись?

Беру в руки «Каталог гор и морей», читаю страницу за страницей. В голове образуется густая каша от сотен имен богов, названий стран, гор, народов, рек, морей, животных, растений и минералов. Местами текст почти нельзя понять, комментаторы то и дело неутешительно сообщают, что локализация географических и этнографических описаний невозможна, и я воображаю, каково было переводчикам, если некоторые тексты памятника давно погибли, другие искажены переписчиками, многие наименования встречаются только в «Каталоге» и их значение утрачено навсегда, а непреодолимые трудности добавляют еще семантическая многозначность древнего иероглифического письма, последующие переосмысления знаков, неизвестная отправная звукозапись, совершенно не поддающаяся переводу на русский...

Прочитал семнадцать цзюаней — то есть свитков, глав: каталоги гор, степей, внутренних и заморских земель всех сторон света — нет ничего о динлинах! И вот последний, восемнадцатый цзюань: «Каталог (земель) внутри морей», стоящий особняком в сборнике и представляющий собой итоговое, обобщенное и схематичное космогоническое описание земель. Последние две страницы «Шань хай цзин», Север! Здесь будто бы находится гора Змей, «с нее стекает Змеиная река, поворачивает на восток и впадает в море». Не Амур ли? Комментировать туманный текст невозможно, потому что появляются какие-то «птицы с пятицветным оперением»,

и «когда они летят, то закрывают все небо». Да уж какой тут любительский комментарий, ежели, например, по поводу абзаца: «В землях Севера прикован разбойник с копьем в руках. (Он) — помощник Чанбэя. Имя его Труп Сянгу»,— комментаторы-специалисты пишут: «Имена, упомянутые во фрагменте, известны только по данной записи. Имеющийся здесь намек на миф не раскрыт».

Но вот, наконец, и фрагмент, который я искал! «Есть царство Динлин. У людей в нем ниже колен растет шерсть, (у них) лошадиные копыта, (они) любят ходить». И я невольно думаю, что «шерсть» — это, быть может, меховые унты, «лошадиные копыта» — стада коней, позволяющие «любителям ходить» быстро перекочевывать с места на место?

Комментаторы этого памятника III в. нашей эры поясняют, что, согласно Н. Я. Бичурину, замечательному востоковеду прошлого века, динлины — племена, обитавшие на землях от Енисея до Байкала, а Г. Е. Грумм-Гржимайло, ссылаясь на множество исследований, утверждал, что динлины растворились также почти во всех соседних племенах и народах. Некоторая их часть еще до начала нашего летосчисления была ассимилирована хунну, другая, смешавшись с тюрками, образовала средневековых уйгур и киргизов — оба эти народа в отличие от древних китайцев и тюрок носили в ушах, как динлины, серьги; уйгуры в старину звали себя «дин-ли», а среди киргизов, как это нам сегодня ни покажется странным, «в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза настолько преобладали, что черные волосы считались нехорошим признаком», в людях же с карими глазами единоплеменники усматривали потомков китайцев.

Видно, на самом деле динлины были многочисленным, подвижным, терпимым и уживчивым народом, если их расовые признаки ученые в разные времена фиксировали у киданей, самостоятельного народа, жившего между монголами и китайцами, у многих народностей Тибета и Гималаев, у северокорейцев и курильских айнов. Русские, впервые увидев кипчаков в XI веке, назвали их половцами из-за светлого, соломенно-желтого, «полóвого» цвета волос, а среди маньчжуров даже в XVIII веке

нередко встречались «субъекты со светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой». Самоназвание енисейских кетов — «ди», что на их необыкновенном языке означает «люди», а в XIV веке арабский историк Эломари, со слов Хасана Эрруми и Хасана Эмербили, посетивших Южную Сибирь, написал: «В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в течение 6 месяцев. Несмотря, однако, на их стесненную жизнь, нет между разными родами... людей красивее их телом и белее цветом своей кожи. Фигуры их — совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести. Глаза у них голубые».

Любознательный Читатель. Удивительно! Но неужели динлины, как могикане, исчезли совсем с лика земли?

— Меня, помню, поразило сообщение столетней давности одного моего земляка, о котором хорошо бы сказать несколько попутных слов здесь, а то дальше сделать этого будет, пожалуй, негде, и прошу читателя простить меня за очередное отступление; так уж у нас получается, по расхожему выражению, всю дорогу, а наша дорога в прошлое — очень дальняя, и по ней не пройти, как по струнке...

Имя его многим ничего не говорит сегодня, в чем я убедился, опросив десятка полтора столичных студентов, учителей, писателей, инженеров ежедневно потребляющих по моде нашего времени уйму радиотелевизионно-телефонно-газетно-журнально-книжной информации. Вы можете спросить меня в этом месте нашего путешествия: почему мы должны знать о каком-то сибиряке, носившем сто лет назад ничем не примечательное имя Николай Ядринцев, и вообще: зачем в наш век информационной лавины и всеобщей занятости перегружать память сведениями, не дающими непосредственной пользы? За такой возможный вопрос я не склонен винить даже сибиряков, русских и не русских, одинаково обязанных все же помнить Николая Ядринцева! Что ж, перегруженный знаниями читатель, если ему попали на глаза эти строки, пусть пропустит несколько следующих страничек, сэкономит время и оставит в своей памяти свободное место для другой информации...

Давным-давно ушло из жизни поколение, знавшее Николая Ядринцева в лицо, но если бы мы, подытожив их воспоминания, захотели одним словом означить его внутреннюю сущность, то самым точным было бы, пожалуй,— *это вдохновение*. Он не был, однако, поэтом или революционным трибуном, хотя в душе его жил поэт, а в его делах революционер. Воспитанный на светлых идеях шестидесятников, он в общественно-политических условиях второй половины прошлого века нашел свою стезю служения народу и родине. Беззаветно любил Сибирь, вслед за декабристами мечтал о развитии ее производительных сил, считая, что оно невозможно без создания в этом обширном и богатом крае собственного центра образования и просвещения.

Ему было двадцать один год, когда он, вернувшись в родной Омск из Петербурга, где в качестве вольнослушателя прошел университетский курс, прочел свою знаменитую лекцию, напечатанную вскоре в Томске, призвав сибиряков построить университет на собственные средства, если казна в них отказывает. Вскоре он был арестован. Три года содержался в омской тюрьме, а потом был на шесть лет сослан в Архангельскую губернию — «Сибирь» для неугодных властям сибиряков. За что же? Вместе со своими единомышленниками-земляками он, убедившись, что царские власти отказывают в действенном внимании его родине, пришел к сомнительной идее сибирского сепаратизма. А сразу же по возвращении из ссылки он составляет доклад царю, где вновь доказывает необходимость открытия университета в Сибири. Он писал, в частности, что большинство молодых сибиряков, получив образование в европейской России, там и находят приложение своим знаниям, в то время как «Сибирь не менее, если не более, нуждается в полезных деятелях, без которых ее производственные средства, связанные с естественными богатствами, остаются неиспользованными».

И снова публичные лекции, организационная работа по объединению всех энтузиастов, сбор пожертвований, снова статьи, в которых Ядринцев сообщал, что сибиряки уже собрали на университет полмиллиона рублей. Так и не пробив петербургских каменных стен чиновничьего равнодушия, с горечью написал: «Может быть, нам удастся дожить до основания великого образова-

тельного учреждения на Востоке. Пусть глаза наши будут засыпаны песком, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвиняют все поколение, что оно не имело возвышенных стремлений. Родина вспоминает всех, кто ратовал за ее просвещение и идею науки на Востоке...»

Первый сибирский университет был открыт лишь спустя двадцать пять лет после знаменитой омской лекции Николая Ядринцева.

Много лет Николай Ядринцев ездит по родному краю, дотошно изучает его природные богатства и экономику, быт и нравы земляков, освещая в печати самые темные сибирские уголки. Страстные публицистические работы Ядринцева печатаются в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Неделе», «Мире Божьем», в сибирской прессе и специальных научных сборниках. На полках читателей появляются его книги-исследования: «Русская община в тюрьме и ссылке», «Сибирские инородцы, их быт и современное положение», фундаментальный труд «Сибирь как колония». Подвижнический образ жизни и бескорыстное служение общественным интересам сделали его любимцем прогрессивной сибирской интеллигенции; современники рассказывали, что Николай Ядринцев вообще не был в состоянии поддерживать разговора, если он не касался гражданских тем! И мы, особенно сибиряки, обязаны знать о просветительской и общественной деятельности этого человека в условиях политической реакции, думать иногда о глубоких, столетней давности, истоках его патриотизма и благородном нравственном облике вовсе не для того, чтобы обременить свою память как бы малозанимательной информацией о прошлом, а в назидание, поучение и пример...

Не сказал я до сих пор об одном необыкновенном деянии Николая Ядринцева, некоем его открытии, навсегда вписавшем это имя в историю мировой науки и культуры. Строго говоря, открытий было не одно, а целых три, сделанных в одном путешествии.

...Посреди широкой долины реки Орхон высился покатый холм с неровностями по склонам. У его подножия путешественник увидел гигантскую каменную черепаху. Раскопки на холме обнаружили остатки велико-

лепного дворца, некогда построенного руками разноплеменных, в том числе и русских, рабов для Угедея, сына Чингиза. Вокруг располагался знаменитый Каракорум — столица монгольской империи, исчезнувшая вместе с ее развалом.

Николай Ядринцев был внимательным, знающим и уже достаточно опытным археологом и историком, чтоб удовлетвориться одной этой находкой. Он предположил, что в долине Орхона могут найтись следы других, более древних народов и цивилизаций Центральной Азии. И они нашлись! Это были развалины легендарного Хара-Балгасуна — столицы большого и сильного государства уйгуров, разрушенной енисейскими киргизами в середине девятого века нашей эры.

Остатков более древних городов в долине обнаружить не удалось, но зато нашлись драгоценные свидетельства древнеорхонской истории совсем иного, высшего порядка. Каменные статуи, скальные лбы и могильные плиты, исщербленные таинственными черточками, уголками, кружочками и крючочками, люди издавна замечали в разных районах Центральной Сибири и Средней Азии, но что они означают, кто и когда их рассеял по горным, степным и таежным просторам, оставалось загадкой. Удивительные совпадения, однако, редчайшие, ключевые находки случаются иногда в строгом мире науки! Вы помните, сколько веков молчали египетские иероглифы, пока французский ученый Шампольон не нашел параллельного греческого текста? Точно так же посчастливилось Николаю Ядринцеву — в долине Орхона он нашел древний текст, высеченный этими загадочными письменами и одновременно китайскими иероглифами, а вскоре датский ученый Томсен и русский академик Радлов прочли первые надписи. Орхоно-енисейские письмена до сего дня рассказывают нам о древних тюрках, рассеянных от Семиречья до Якутии, создавших в долине Орхона сильное государственное образование, завоеванное в VIII веке уйгурами...

Динлины, хунну, «голубые тюрки», уйгуры, киргизы, кидани, тангуты, монголо-татары и калейдоскоп других народов, народностей и племен — эта пестрота почему-то манит меня, временами я жалею, что не стал исто-

риком и этнографом, чтоб разобраться в ней и проследить, например, генетические истоки так называемых кумандинцев, встреченных однажды Николаем Ядринцевым в верховьях реки Томи.

Эта немногочисленная этническая группа издревле обитала в долине приточной Мрас-су, изолированная от остального населения Горной Шории, всего Саяно-Алтайского нагорья, и не знала тесных контактов с русскими, поселившимися здесь в XVII веке. Ссылаясь на Ядринцева, Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет, что кумандинцы сумели «...в полной мере сохранить свой первобытный тип, многие даже поражали его своими, как лен, белокурыми волосами и голубыми глазами». А я ведь столько времени когда-то провел в долине Мрас-су, столько хариусов бездумно подергал из этой бурливой красивой реки! Сторожил поклевку и не знал, на что надо смотреть, а как было бы интересно встретить далекого потомка древнейшего народа Азии, поговорить, могло статься, с последним из динлинов!

Нет на земле великих или малых народов, есть многочисленные и малочисленные; они стали такими или этакими в силу различных, не зависящих от них обстоятельств, управление которыми приходит лишь с социальной новизной. Веря в гуманистическое развитие мира, я думаю, что общечеловеческая ценность малочисленных народов будет все время возрастать, потому что каждый из них несет в будущее земли людей драгоценные шифры тысячелетий — язык, обычаи, навыки своих предков, неповторимый психический склад, наследственные гены; мир становится неполным, обедненным, его гуманистическая сущность ущербленной, совесть запятнанной, если исчезает последний из могикан или пруссов! Мечтаю выбрать время, связаться с учеными да поискать кумандинцев — не может быть, чтоб в Сибири их не осталось. За последние четыреста лет не исчез в ней ни один народ, и большинство моих земляков, потомков многочисленных древних племен, в наши дни приобщились к мировой жизни, мировой культуре и, как показывает статистика последних десятилетий, прибавляют в числе...

11 Из достоверных древних источников известно, что Чингиз-хан был человеком высокого роста, длиннобородым, имел «зелено-желтые» глаза. Персидский историк Рашид-ад-Дин пишет, что дети в роду его отца, великого хана Есукай-бахатура, «рождались большей частью с серыми глазами и белокурые», а когда у Чингиза родился черноволосый внук Хубилай, он «удивился цвету его волос»...

Г. Е. Грумм-Гржимайло: «Все это делает вероятной монгольскую легенду, вводящую в родословную Чингиза белокурого и голубоглазого юношу, отца Бодуаньчара, предка Чингиза в девятом колене. Самое родовое имя Борджигин, присвоенное потомками Бодуаньчара, означает, по словам Рашид-ад-Дина, «имеющий серые глаза», что свидетельствует о значительной примеси в этом роду к монгольской крови динлинской или даже более того — что род Борджигин был динлинским по происхождению».

Любознательный Читатель. Простите, но нельзя же в самом деле относить Чингиз-хана и его род к европеоидам!

— Безусловно нельзя! Динлины — самая восточная ветвь скифских народов — можно считать, за тысячу лет до Чингиз-хана исчезли с исторической арены. Ушел в небытие их язык древнеиранских корней, если он был общим для всех скифов, хозяйственный и семейный уклад, своеобразная культура, проявившаяся в прикладном искусстве, удивляющим археологов и искусствоведов своим совершенством. Монголы времен Чингиза не строили изб, не обрабатывали землю, не умели выплавлять руд и ковать оружия, не носили в ушах серег, были многоженцами. В историю входил совсем другой народ, точнее сказать, еще не народ, а разроз-

ненные кочевые скотоводческие племена, впервые объединившиеся при Чингизе. Что же касается рода «борджигин», кумандинцев или других блондинов Азии, то они могли приобрести свои внешние признаки в результате многовековой этнической изоляции — современная наука не исключает этого интересного явления, установив, что у немногочисленных народностей, долго не смешивающихся с соседями, глаза и волосы осветляются.

Но что же означает само слово «монгол»? Рассматриваю родословную Чингиз-хана, составленную по монгольским, китайским и персидским источникам. Собственного имени, от которого можно было бы произвести название этого народа, среди его предков нет. Прадед Чингиза Хабул-хан, как пишет Грумм-Гржимайло, «поднял значение монгольского племени». Выходит, что какое-то центральноазиатское племя с таким именем существовало задолго до рождения Чингиза? В «Истории МНР» (1966) сообщается, что ханство Хабулхана называлось «Хамаг Монгол». Хан Хутул, далее, вновь уронил значение своего рода и племени, а сын его Алтань даже не удостоился ханского звания. «Поэтому Чингиз-хан,— комментирует-поясняет Г. Е. Грумм-Гржимайло,— имел полное основание принять для слова «монгол» китайские иероглифы — «получить прежнее», ибо он действительно восстановил прежнее значение монгольского племени, и давать этому факту иное толкование едва ли правильно».

За три года до битвы новгород-северского князя Игоря Святославича с половцами в далекой восточной степи тринадцать тысяч конных воинов, собравшихся из разных родов и племен, выбрали ханом Темучина, вступившего в войну со своим побратимом Чжамухой, к которому примкнуло большинство монголов. «В 1185 году, когда Игорь ходил походом на Кончака, монгольской державы еще не было,— сообщает один современный этнолог. — Большая часть монгольской родовой знати, опираясь на соседние племена, вела борьбу против Чингиза и его орды». Как понять эту фразу с этнической точки зрения? Очевидно, «монгольской родовой знатью» называется здесь правящая верхушка разрозненных степных племен, что жили тогда к северу от Керулена, за которой шли не только собственно монгольские племена, называемые в некоторых древних

источниках «мангуцзы», «мэнгу» или «мэн-гули», «мэнва», но какие-то немонгольские «соседние племена». Наверное, большая часть соплеменников была уничтожена ордой Темучина, который, прежде чем стать великим ханом, еще двадцать с лишним лет вел в степи жестокую борьбу за единоличную власть, и ни его родной народ, ни соседи не знали пощады. Когда в 1206 году на берегу Онона Темучин был провозглашен Чингиз-ханом, его войско состояло примерно из ста тысяч человек, в основном,— как сообщает этот этнолог,— *«побежденных кераитов и найманов»*.

Были ли вообще в этой первой Чингизовой армии монголы? Ученый пишет, что «монгольские (разрядка моя. — *В. Ч.*) ветераны за свои заслуги получили лучшие места и должности», только это неправда. Смотрю «Памятку» Рашид-ад-Дина, где перечислено все высшее командование этой армии-орды. Личную тысячу Чингиз-хана возглавлял тангут Чаган, самой крупной иноплеменной воинской частью в десять тысяч человек руководил Туганваншай из народа тунгусской этнической ветви — джурдже (чжурчжэней), семью тысячами джалаиров командовали представители этого племени. В списке нойонов-тысячников также значатся шесть татар, четыре ойрата, меркиты, урянхайцы, онгуты, кара-хитаи и так далее. «Сокровенное сказание» куда более точно формулирует чингиз-хановский принцип, так сказать, подбора руководящих военных кадров: «Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство». Этнолог тоже цитирует эту фразу и уточняет в одном месте, что объединенные таким образом различные степные центральноазиатские племена, носившие вместе с исконно монгольским племенем китайскую кличку «цзюбу», сменили ее в 1206 году «на гордое имя «монгол».

Новые и новые войны увеличивали за счет побежденных его армию, в которую вовлекались воины немонгольских народов, хотя позже почему-то почти всех их без разбору начали числить монголами — татар, меркитов, кераитов, ойратов, найманов.

Любознательный Читатель. Ну, а на самом деле кто они были по этническому происхождению или хотя бы языкам?

— Спросите что-нибудь полегче... Разве только насчет найманов могу сказать кое-что определенное, и то благодаря одному давнему случаю-совпадению. В 1957 году вышла у нас в последний раз интереснейшая книга «Путешествия в Восточные Страны». Авторы ее — итальянец Джиованни дель Плано Карпини и француз Гильом де Робрук — независимо друг от друга совершили в середине XIII века путешествия в Монголию. К их замечательным запискам мы будем обращаться не раз и не два, но сейчас я бы хотел вспомнить, как в один присест прочел тогда эту книгу и вскоре выехал на Алтай, где в таежной глуши затерялся Кедроград — комплексное кедровое лесное хозяйство. Москва — Новосибирск — Бийск — Горноалтайск — Майма, все это в современном темпе, самолетами, но в Майме застопорилось. Здесь, в районном центре, был маленький аэродром, с которого легкие «Яки» развозили пассажиров по таежным и горным глубинкам. Пошли дожди, да такие, что я застрял на двое суток. Делать было абсолютно нечего, и в разговорах с товарищами по несчастью сама собой возникла тема о местных названиях. Я выспрашивал о том, что значит по-алтайски имена рек Бия и Катунь, горы Бабур-хан, возвышающейся неподалеку, поселка Кара-Кокша, куда я направлялся, и речки Уймени — моего конечного пункта.

— А Майма? Что это значит?

— Река,— отвечал старый алтаец. — Падает в Катунь справа.

— А что такое «майма»?

— Алтай-кижи ее зовут Найма.

— Как перевести на русский?

— Найман — род у алтай-кижи.

Так и не узнал я и значения слова «найман», однако вспоминал, что Гильом де Робрук не раз вспоминает о найманах, и когда вернулся в Москву, то посмотрел примечания к его запискам: «Найман (Naiman), одно из монгольских племен».

— Но ведь коренные монголы не жили в алтайских предгорьях!

— Прекрасно! А потом я прочел в «Сокровенном сказании»: «На Алтайском полугорье наши забрали весь Найманский народ, который находился в состоя-

нии полного расстройства». И много позже нашел изложение взгляда на происхождение найманов замечательного русского востоковеда И. Н. Березина, умершего в 1895 году и оставившего много трудов о своих путешествиях по Ближнему Востоку, тюркской филологии, истории нашествий на Русь в XIII веке. «Найманы были искони тюрками, это удостоверяется нынешним тюркским языком этого многочисленного племени; отуречение первоначально монгольских найманов было бы не согласно со всем ходом истории Средней Азии. Естественно полагать, что имя найманов происходит от реки Найма, притока Катуни, и что на ней они первоначально обитали. Перейдя прямо на юг в Западную Монголию, найманский род стал здесь, после падения уйгурского орхонского царства, во главе местных родов деле и тюрков-тукю и образовал союз родов или племя найманское. Во время Чингиз-хана, когда уничтожены были этим завоевателем два найманских ханства, занимавших Монголию от Орхона до Черного Иртыша, большая часть найманов была отброшена на Запад, в земли, на которых частью и ныне обитает, остальные же найманы омонголились».

— Выходит, найманы до Чингиза были большим, самостоятельным и совсем не родственным монголам народом?

— В «Истории МНР» говорится: «В начале XII века местность на запад от Кэрэтских кочевий, в районах между Хинайским и Алтайским хребтами, была заселена найманами. По данным Рашид-ад-Дина, большинство этих кочевников обитало в гористых местах (предгорьях), а остальные — на равнинах. Кочевья найманов доходили до р. Орхона, до тех мест, где впоследствии была основана первая столица Монгольской империи — Каракорум».

— Ну, а кто такие татары?

— Плано Карпини озаглавил свою книгу так: «История Монголов, именуемых татарами». Карл Маркс назвал орду, свыше двух столетий державшую Русь под игом, «монгольскими татарами», и хорошо бы, правда, прояснить, кого в XIII веке называли «татарами».

Собирательное китайское имя «татань», или «та-та», носили в древности многие племена и народы Централь-

ной Азии. Они обитали на юге от Керулена и в других соседних районах, занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Современные татары Поволжья, официально принявшие это самоназвание лишь в новое время, не имеют с ними этнического родства. Что же касается древних центральноазиатских татарских племен, то Чингиз, захватывавший новых и новых соседей в круговорот своей воинственной политики, так изложил ее в отношении татар, отравивших когда-то его отца Есукая:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим.

Об исполнении этого намерения в другом месте «Сокровенного сказания» говорится уже прозой: «Мы сокрушили ненавистных врагов Татар, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси». Современный монгольский историк Ш. Сандаг пишет, что татары были истреблены в несколько приемов. В 1198 году войска Темучина «нанесли им сокрушительный удар». Весной 1202 года он «окончательно разгромил их... Все татарские мужчины, взятые в плен, были перебиты, а женщины и дети розданы по разным племенам. Две татарки — сестры Есуй и Есучан были взяты в жены самим ханом». Некоторая часть татар все же сумела бежать в леса и горы Алтая вместе с меркитами, ойратами и найманами, разбитыми Темучином, который не преминул взять в жены вдову погибшего найманского хана. И вот в «1204 г. Чингиз-хан разбил последних татар. Он приказал перерезать всех, включая женщин и детей» («Татаро-монголы в Азии и Европе». Сборник статей Института востоковедения АН СССР. М., «Наука», 1977).

Читаю один исторический труд за другим, но нигде не могу найти ответа на одну из загадок средневековья: почему все же степные орды, ринувшиеся в XIII веке во все концы света, были названы «татарами»? Может, потому, что татар, служивших монгольской верхушке, ставили в передовые отряды войска, на убой, и

с годами условное имя разноплеменных и разноязычных народов стало нарицательным, своего рода псевдонимом не только авангарда, но и всей захватнической орды?

Сподвижники Чингиз-хана из сородичей-монголов один за другим умирали от ран, болезней и возраста, а многие уходили на, так сказать, заслуженную пенсию, увеличивая приток в войско и к его руководству немонгольского элемента. Чингиз-хан умер в 1227 году, когда ему было за семьдесят, и, возможно, никого из первых его монгольских партнеров уже не оставалось в живых, а их потомство рождалось от многочисленных разноплеменных жен и наложниц, как и у покойного великого хана, сына меркитки. Первенец его Джучи, рожденный от кунгиратки по имени Бортэ, имел около сорока сыновей от наложниц и жен. Одна была кераиткой, три — из того же «татаро-монгольского» рода кунгират (хонкират, кунрат, конрат, конграт), который этнологи числят тюркоязычным рядом с татарами и монголами в XV столетии, отличая его от тех и других даже вплоть до XIX века, а сыновья Орды, старшего сына Джучи, брали жен, кажется, из всех покоренных народов, в частности, согласно подробному реестру Рашид-ад-Дина, из меркитов, кераитов, татар, кипчаков, ойратов, найманов. Примеру владык, очевидно, следовали их подчиненные.

Неясный разноплеменный состав грозного скопища степняков, нежданно появившегося из глубин Земли Незнаемой, русские летописцы отметили в первых же своих записях, переложенных В. Н. Татищевым в несколько емких фраз: «Того же года приидоша языцы незнаеми, безбожнии агаряне, их же никто добре весть, кто суть, откуда изъидоша, и что язык их, коего племяни и что вера их. Зовутся бо татаре, кланяются солнцу, и луне, и огню. Нецы зовутся таурмени, ини зовутся кумане, инии монги. А инии сказуют, яко многи племены и народы от скиф восточных, совокупившиеся и други покоривше, заедино зовутся». Знаменитый же государственный деятель, историк, врач, богослов и полиглот азиатского средневековья Рашид-ад-Дин, служивший персидским чингизидам и хорошо знавший тему, писал еще шестьсот лет назад с предельной ясностью: «Многие роды поставляли величие и достоинство в том, что относили себя к татарам и стали известны

под их именем, подобно тому, как найманы, джалауры, онгуты, кераиты и другие племена, которые имели каждый свое определенное имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было». Выходит, в первом походе Батыя участвовало совсем ничтожное число тех, кого можно было назвать истинно монголами, если, по средневековым источникам и неоспоримым данным старой и новой исторической науки, Чингиз еще при жизни своей отрядил улусу Джучи (Орды, Бату) всего четыре тысячи единоплеменников с семьями? И нашествия на Русь в XIII веке собственно *монголов* или собственно *татар* не было, и наши предки скрестили мечи с разноплеменным войском, подробный этнический состав коего никто и никогда в точности не установит?

Любознательный Читатель. Это разношерстное полчище степных завоевателей и не знало поражений. Что же его объединяло?

— Орды Чингиза и его потомков, состоявшие из разноязычных воинов, помнившие всяк свои предания и мифы, молившиеся очень разным идолам и богам, были сцементированы простой и жесткой воинской организацией, животным страхом перед своими десятниками, сотниками и тысячниками, железной дисциплиной, поддерживаемой беспощадными наказаниями. За одного воина собственными жизнями отвечал весь десяток, за десяток рассчитывалась сотня. Невыполнение приказа или трусость в бою были преступлениями неслыханными, практически невозможными, и рядовые воины не могли такого даже во сне увидеть, потому что высшую цену им приходилось платить за куда более мелкие проступки. Если ты, неся охрану, оставил пост, а в бою из-за нежелания рисковать, легкого ранения, по неопытности-нерасторопности или какой другой причине вдруг не захотел, не сумел либо не успел помочь соседу, то после сражения тебя поставят перед твоим десятком, и к тебе медленно приблизится тот, кто через минуту займет в нем освобождающееся место, а ты останешься лежать на этой чужой земле с вырванным сердцем, как остался тот юный меркит, уйгур, найман или кипчак, кого таким способом умертвил после одной из битв ты,

заместив его до поры до времени в этом храбром десятке псов великого хана, «покорителя вселенной». Если два воина поссорились между собой, вспомнив старую родовую вражду или заспорив по пустякам, повздорили из-за добычи или любых иных причин, которые никто разбирать не будет,— оба предстанут перед своей сотней, им накинут на ноги волосяные арканы, захлестнут грудь и, неспешно подтягивая, сломают позвоночники. В организации войска не было предусмотрено только одного — снабжения, и каждый воин должен был сам заботиться о прокорме себя и своего коня. И у него в походе не оставалось иного выбора — либо погибай от голода вместе с конем, либо грабь.

Культ жестокости и страха царил в империи, созданной Чингиз-ханом. Смертная казнь и в гражданской жизни была главным средством наказания. Ею каралось не только убийство, кража, скупка краденого, грабеж, сокрытие беглого раба, чародейство, превышение власти. Ломали спину или вырывали сердце у тех, кто подавится пищей, наступит на порог ханской юрты или помочится в его ставке, искупается или постирает одежду в реке, кто умертвит скотину не по «правилу», согласно которому надлежало в разверстую грудную клетку барана или жеребенка ввести руку, нащупать сердце и сдавливать его до тех пор, пока животное не умрет.

Смерть ждала даже того, кто допустит, как пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, «не вполне точное изложение мыслей Чингиз-хана в п р о е к т е письма»... Все это исходило, кстати, не из обычаев, правовых норм или морали народа, породившего Темучина, а из свода правил — ясы, авторство которой приписывается Чингизхану, хотя неизвестно, был ли этот свод законов зафиксирован на бумаге — сам-то Чингиз ни читать, ни писать не умел.

Любознательный Читатель. И был тем не менее выдающимся полководцем средневековой Азии.

— Он был создателем империи насилия, циничнейшим политиканом, умеющим загребать жар чужими руками, и, как неизбежное следствие,— человеком без морали, вся жизнь которого была наполнена убийствами и предательствами, клятвопреступлениями и бесчисленными нарушениями своей собственной ясы. Эти ка-

чества выходили за рамки морали даже того жестокого века, если автор монгольского «Сокровенного сказания», написанного в 1240 году в сердце империи, на Керулене, счел нужным отметить его подлость, злобность, мстительность, трусость.

— Чингиз был трусом?!

— Иногда храбрецом, иногда трусом. Отец тринадцатилетнего Темучина говорит будущему тестю: «Страсть боится собак мой малыш». Но вот он уже взрослый, женатый человек солидной комплекции. При набеге соседних кочевников он бросает на произвол судьбы не только единоплеменников, вступивших в сражение, но и молодую жену, ставшую добычей врагов, и скрывается в горно-лесные дебри, где он сам говорит о себе так: «Я, в бегстве ища спасения своему грузному телу, верхом на неуклюжем коне... взобрался на гору Бурхан. Бурхан-халдуном изблевана жизнь моя, подобная жизни вши. Жалея одну лишь жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, городя шалаши из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена, как щитом, жизнь моя, подобная жизни ласточки. Великий ужас я испытал».

— Но это литературное произведение...

— В «Сокровенном сказании» приводится множество фактов, которые не оспаривает история. Еще в детстве Темучин по пустяшному поводу и подло, в спину, убивает своего брата, и родная мать сравнивает его с демоном. Потом вероломно расправляется со степным богатырем-соперником Бури-Боно, казнит своего побратима Чжамуху. Есть в монгольском жизнеописании Чингиза совершенно отвратительные подробности, ярко, однако, характеризующие его как человека. В одном из сражений со своими единоплеменниками тайчжиутами он получил ранение в шейную артерию, очевидно, отравленной стрелой, и его подручный по разбою Чжельме долго «отсасывал запекавшуюся кровь». Потом Чжельме пошел на страшный риск, чтобы добыть из вражеского стана молока или кумыса. Очнувшись, раненый «обратил внимание на грязную» мокроту — Чжельме отхаркивал отсосанную кровь во все стороны. «Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?» — брюзгливо спросил Темучин своего спасителя. И вот как он потом расправился с тайджиутами, ведущими

свое происхождение от легендарной прародительницы всех собственно монголов Алан-Гоа: «перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев, вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха»... Некоторые исследователи предполагают, что на черной совести Чингиз-хана и тайное убийство старшего сына Джучи, отца Батыя, о чем он распорядился за несколько месяцев до смерти, чтобы оставить империю более сильному наследнику. Чингиз-хан хорошо умел, как говорится, подбирать кадры, выдвигая способных военачальников и поручая им всю грязную работу по грабежу и уничтожению народов и государств. Для достижения этих целей, а также для поддержания порядка в своей империи он проявлял последовательность и действительно необыкновенную волю. И очень трудно различить, какие злодеяния Чингиза мотивируются его целями, а какие — особенностями характера этой личности.

Любознательный Читатель. Но ведь законы истории объективны и действуют независимо от характера и воли отдельных лиц.

— История складывается из действий людей, которые в определенных обстоятельствах руководствуются экономическими, политическими, социальными, религиозными и иными стимулами и мотивами, связанными с назревшими переменами в общественном бытии. Разложение родо-племенного строя в монгольских степях и образование феодального государства было исторически неизбежным. Секретарь МНРП тов. Б. Лхамсурен говорил в своем докладе, прочитанном в 1963 году, что «деятельность Чингиз-хана в первый период его правления соответствовала объективно-историческому процессу объединения монгольских племен, образованию единого монгольского государства... Но в дальнейшем, когда Чингиз-хан перешел на путь завоеваний и грабежа чужих стран и народов, его деятельность приобрела реакционный характер». Конечно, нравственные качества ведущего деятеля относительно хода событий могут быть случайными, хотя, как правило, они в той или иной степени отражают мораль среды, их породившей, когда цели ее идут вразрез с историей, если иметь в виду гуманистическое развитие человечества. Не монголо-та-

тарские племенные объединения, а этнически разнородные степные воины, поссорившиеся со своими родами и объединившиеся вокруг молодого Темучина, дали ему своеобразную клятву-присягу, хорошо выражающую цели раннефеодальной степной военщины, идущей на смену разлагавшимся родовым сообществам: «Когда Темучин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему прекрасных дев и жен, юрты, рабов и лучших лошадей. При облаве выделять тебе половину добычи. Если мы нарушим в дни войны твой устав, разбросай наши черные головы по земле...»

В соответствии с реакционными целями и характером хана-императора складывалась позже в государстве Чингиза этика, учреждались жестокие законы и обычаи военной и гражданской жизни, которые ни в коем случае нельзя соотносить с психическим складом монгольского народа тех или иных времен. Средневековые путешественники, посещавшие метрополию чингизидов, в числе других черт, присущих монгольскому населению, отмечали широкое и доброе гостеприимство, свободолюбие, лад и взаимное уважение, царящие в семьях, дисциплинированность и обязательность. А вот какая характеристика дана в «Сокровенном сказании» полководцам — знаменитым «четырем псам» Чингиза, выступившим в поход против найманов:

Лбы их — из бронзы,
А рыла — стальные долота,
Шило — язык их,
А сердце железное.
Плетью им служат мечи.
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом.
Мясо людское — походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
С цепи спустили их. Разве не радость?
Долго на привязи ждали они!
Да, то они, подбегая, глотают слюну.
Спросишь, как имя тем псам четырем?
Первая пара — Чжебе с Хубилаем
Пара вторая — Чжельме с Субетаем.

Сделаем необходимую скидку на литературную гиперболизацию и познакомимся с более достоверным и очень характерным жизненным кредо самого Чингиза.

Собрав незадолго до смерти своих полководцев и наследников, он спросил их, в чем заключается высшая радость и наслаждение мужчины. Все без исключения ответили: в соколиной охоте. «Тогда Чингиз-хан,— пишет Рашид-ад-Дин,— соизволил сказать: «Вы не хорошо сказали! Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет, заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, в том, чтобы превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их разноцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!»

Заканчивает свою летопись Рашид-ад-Дин восклицанием: «Да будет мир над людьми мира!»

Любознательный Читатель. Не настало, однако, мира над людьми мира и после смерти Чингиза!

— Да, его дело продолжили сыновья и внуки, подымая волнами один покоренный народ на другой во главе с опытнейшими военачальниками.

— Ну, и сами они были хорошими полководцами.

— Кто, например?

— Батый.

— Доказать это невозможно.

— Но общепринято, что он был выдающимся полководцем.

— Допущение. Действительно, выдающимся полководцем XIII века был совсем другой человек — личность, можно сказать, феноменальная...

— Интересно, кто же?

— Впервые на исторической арене он появляется в год Свиньи, то есть летом 1202 года, в конце которого Чернигово-Северская земля потеряла князя Игоря Святославича. И не за горами был день, когда его имя сделается первым и останется таковым в военных реляциях орды на долгие десятилетия. В различных монгольских, китайских, персидских, латинских и русских источниках я насчитал множество вариантов этого имени, однако при любых разночтениях под ними подразумевается один и тот же человек: Субудай, Субеэтай, Субут, Субэдей, Субуэдай, Субэтэй, Субудэй, Субугэдай, Субу-бей, Су-

бетай, Субудэ, Субу, Су-бу-тхай, Субутли, Субеетай, Сибедей, Себедяй...

Согласно китайской «Юань-ши» («Истории монголов»), «в год Тельца Чингиз устроил железную кибитку для Субудая и отправил его преследовать детей Тохтоа: «Худу и других». Год Тельца — это 1205-й, «железная кибитка», скорее всего, прообраз танка,— обитая листовым железом повозка, защищавшая от стрелы, меча, копья, а новые враги — меркиты. Авторы «Сокровенного сказания» образно излагают напутствие-инструкцию Темучина, положившего во что бы то ни стало изловить детей меркитского хана:

Пусть в поднебесье высоко летят,
Ты обернись тогда соколом ясным,
С неба на них, Субетай, ты ударь.
Пусть обернутся они тарбаганами,
В землю глубоко когтями зароются —
Ты обернись тут острой пешней,
Выбей из нор их и мне их добудь.
В море ль уйдут они рыбой проворной,
Сетью ты сделайся, неводом стань,
Частою мрежей слови их, достань.

Субудай выполнил задание, и меркиты, жившие на север от Монголии, на территории нынешнего Забайкалья, стали очередной жертвой экспансии и уже привычного способа обращения с любым покоренным народом — правящая верхушка уничтожалась, трудовое население облагалось данью, а боеспособные мужчины вовлекались по принуждению или карьеристским посулам в армию врага. После этой победы она состояла уже, повторю, из ста тысяч сабель — сила, которую можно было бросить на любого, даже самого могущественного противника. И он здравствовал по соседству, и его судьба оказалась косвенно связанной с судьбами средневековой Руси.

Чжурчжэни... Специалистам по истории Дальнего Востока об этом народе известно так много, что они выпускают большие труды, посвященные его государственному становлению, быту, экономике, культуре, гражданской истории, завоевательным походам, оборонительным войнам и трагическому концу, однако я давно заметил, что такие специальные сочинения не доходят до

широкого читателя, которого я избрал спутником в настоящем путешествии по минувшим векам. Дело в том, что подобные труды выпускаются очень маленькими тиражами, написаны слишком специально, научным слогом, рецензий на них в массовой печати нет, а давно бы пора выпускать сводный бюллетень аннотаций, хотя бы кратко излагающий самые интересные новинки философии, археологии, филологии, истории, социологии...

Любознательный Читатель. Мне тоже, знаете, ничего не довелось встретить об этих... как вы сказали?

— Чжурчжэнях. Это был многочисленный и сильный народ, значительно определивший в своем развитии жителей центральноазиатских степей,— разложение родового строя и становление военно-феодальной государственности началось у них намного раньше.

— Когда же они появились на большой исторической сцене?

— В год смерти Владимира Мономаха. Мгновенно покорили соседних киданей и в том же 1125 году бросили шестидесятитысячное войско в Северный Китай, осадив его столицу Кайфын, которая через год пала. Сотни тысяч чжурчжэньских семей переселились на юг, и к концу XII века государство чжурчжэней занимало огромную площадь, охватывающую бассейн Амура, Приморье, всю территорию Китая севернее Хуанхэ, Маньчжурию и Восточную Монголию. Чжурчжэни развили крепкую экономику — продуктивное сельское хозяйство, ремесла, торговлю, промышленность.

— В начале этого тысячелетия — промышленность?

— Судите сами. В одном из средневековых центров черной металлургии близ нынешнего Харбина обнаружено около пятидесяти шахт и плавилен, где было, по современным подсчетам, добыто и переработано четыреста-пятьсот тысяч тонн железной руды! Близ села Сергеевки Партизанского района Приморского края советские археологи раскопали чжурчжэньскую литейно-кузнечную мастерскую, состоящую из восьми плавильных печей с изложницами, формовочные ямы, кричные и кузнечные горны, запасы каменного и древесного угля. Чжурчжэни умели получать и обрабатывать чугун, железо, высококачественную сталь, и эта важная отрасль была государственной монополией. Выплавляли они также медь, серебро, олово, свинец, делали бронзу,

знали ртуть, имели службу геологической разведки — в официальной истории государства пишется, что правительство в 1176 году «посылало людей по губерниям разыскивать медные копи и жилы». Как свидетельствуют документы и раскопки, чжурчжэни умели обрабатывать на изобретенном ими абразивном круге яшму и нефрит, делать керамику и фарфор, льняные и шелковые ткани, добывать из моря жемчуг и крабов, из рек — рыбу, в лесах — пушнину, кедровый орех и лекарственные растения, включая женьшень — драгоценный корень чжурчжэньской медицины; выращивали рис, чумизу, пшеницу, гаолян, ячмень, просо, коноплю, хлопчатник, разнообразные фрукты и овощи. В восьмидесятых годах XII века в стране было около четырехсот тысяч воловьих упряжек и почти полмиллиона лошадей. Государство набирало мощь, богатело, развивалось, в нем были и обсерватории, и книгопечатни, и больницы.

Любознательный Читатель. Чжурчжэни, должно быть, многим были обязаны соседству древней китайской цивилизации?

— Конечно, только их страна носила характер полной самостоятельности — государственной, хозяйственной, национальной, культурной. Другим было территориальное деление, функции чиновничества, военное устройство, законы. Между прочим, у чжурчжэней провозглашалось равенство населения перед законом, предусматривалась обязательная военная служба, земля находилась в государственной собственности и раздавалась в пользование с уплатой налогов и податей, образование было обязательным для будущих служащих. В специальных школах изучались чжурчжэньский язык, который был официально-государственным, письменность, история, философия. Число бесплатно обучаемых переводчиков и преподавателей доходило до трех тысяч человек в год.

— Но письменность-то у них была китайской?

— Да нет, еще до завоевания Северного Китая чжурчжэни создали свою письменность, на которой были опубликованы сотни научных трудов по истории, географии, филологии, медицине, астрономии. Выходили сборники стихов и пьес чжурчжэньских авторов на своем языке, сочинялась оригинальная музыка, культивировались народные песни и танцы... Чжурчжэни со-

здали в средневековье единственное в истории всех тунгусских народов сильное самостоятельное государство, вошедшее в летописи мира.

— Но нам со школьной скамьи известны только древние, подчас очень маленькие государства Юга и Запада...

— А я не исключаю, что даже во времена русского средневековья образованные и осведомленные люди могли кое-что слышать о сильных народах и государствах на далеком Востоке. Не одну сотню лет до этого славяне сносились с восточными народами. Жители Великой Степи, часть которой в XII веке входила в империю чжурчжэней, довольно оперативно обменивались информацией. Чингиз в начале XIII века уже знал, кто такие «орусы». Восточные купцы с незапамятных времен торговали с Русью, а русские были завсегдатаями в Царьграде. Особо прочные торговые контакты с Византией сложились у северян-черниговцев, связывающих дальний север через главный свой торговый центр Любеч на Днепре с дальним югом через Северскую землю Тьмутаракань на Черном море. Любеч и Чернигов упоминались в договорах с греками, именно в черниговской Черной могиле были найдены единственные в своем роде золотые византийские монеты времен императора Василия I, занимавшего царьградский престол в 869—870 годах. Русские купцы покупали золото, серебро, предметы роскоши, дорогие ткани. А русские меха издревле шли на юг, в том числе и в Багдад.

— Есть такие данные?

— Арабский писатель Ибн-Хордодбе сообщает, что русские купцы «ходят на кораблях по реке Славонии, проходят по заливу столицы Хазарии, где владетель ее берет с них десятину. Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад». То есть во времена Хазарского каганата, задолго до расцвета чжурчжэньского государства, русские бывали на далеких азиатских торжищах, собиравших слухи со всей Азии. Расстояния не были препятствием и для миссионеров — не надо забывать, что ко времени, о котором идет речь, христианству на Руси минуло уже два века. Во все времена были искатели счастья и приключений, беглые преступники, авантюристы, люди, с легкостью менявшие подданство, умевшие приспособиться к любой обстанов-

ке и любому народу, мятущиеся натуры или вечные горемыки; необычные судьбы всегда могли бросить человека из одного конца континента в другой.

— Это, конечно, так, но знали ли на Руси о Дальнем Востоке — точных свидетельств, материальных или письменных, видимо, не существует?

— Далеко не все письменные источники русского средневековья сохранились, но факт, что наши образованные предки хорошо знали греков и их культуру. Кое-что слышал о Центральной Азии и ее народах еще Геродот, отразивший подлинные сведения, переработанные разными народами в мифы и легенды. И мы пока слабо представляем себе подлинную картину жизни древнеевразийских народов, только археологи нет-нет да раскопают в земле предмет, связывающий огромные расстояния и времена. На Урале найдены изделия византийской работы IV века нашей эры и среднеазиатские — III, а Украина, Поволжье и лесная зона России издавна пополняют музеи медными украшениями II тысячелетия до нашей эры, точный химический анализ которых показывает, что сделаны они из меди, добытой на древних уральских копях! За полторы тысячи лет до «Слова о полку Игореве» народ, живший тогда в центре Горного Алтая, имел умопомрачительные по расстояниям международные связи. В ледяной среде Пазырыкских курганов найдены бесценные вещи — я имею в виду не изумительную по художественному совершенству деревянную резьбу, украшающую ныне коллекции Эрмитажа, а другие находки — древнейший в мире ковер и прочие ткани, сюжетная вышивка которых идентична барельефам Персеполя. Часть изделий, датируемых V веком до нашей эры, могла попасть на Алтай только из Передней и Малой Азии! Несомненно, что оттуда же были доставлены семена кориандра, принадлежность которых местной флоре строгая наука отрицает категорически. Обнаружены также тончайшие и плотнейшие — в квадратном сантиметре полсотни на полсотни основных и уточных нитей — китайские ткани. Они могли попасть в скифские могильники лишь одновременно с другими вещами, так что тканые находки, чудом сохранившиеся в подземных ледяных холодильниках Горного Алтая,— это древнейшие китайские полотняные и шелковые ткани, найденные где бы то ни было до сих пор! Они

не могли сохраниться в жарких субтропиках — в Китае, Персии или Византии, куда, несомненно, проникали, ни тем более в сыром климате Руси. Древнейших китайских или чжурчжэньских изделий не обнаружено пока на земле наших предков, но в «Слове о полку Игореве» названа страна или народ, означенный словом «Хинова».

Любознательный Читатель. Трижды, если считать словообразовательные варианты. Это общеизвестно.

— Да, и в очень интересной последовательности, сложном, умном, я бы даже сказал, изысканном словесном антураже, в глубочайших стилистических и смысловых оттенках! Впервые это слово встречается ближе к середине поэмы, там, где говорится об окончательном, к исходу третьего дня, поражении северских князей в битве на реке Каяле.

— Слова киевских бояр, обращенные к Святославу?

— Для меня это очень спорный вопрос. Протограф «Слова» не имел знаков препинания и разбивки на абзацы. Первые две фразы действительно вложены автором в уста бояр: «Уже, князь, горе ум полонило; это ведь два сокола слетели с отчего престола золотого добыть города Тмутороканя либо испить шлемом из Дона. Уже соколам крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины железные».

— В подлиннике зримее...

— Да. Правда, в первопечатном издании после слов «стола злата» стоит запятая, позже снятая. Но, однако, эти же новые издания, в отличие от первого, почему-то приписывают боярам и последующий большой текст, заключая его в кавычки вместе с предыдущими двумя фразами. Издатели «Слова» в «Библиотеке поэта» в неуверенности отбивают его абзацем, но тоже считают прямой боярской речью, хотя зачем великому князю киевскому Святославу, узнавшему первое краткое известие о сути дела, столь долго слушать, как «два солнца померкли, оба багряные столба погасли, и с ними два молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись и в море погрузились...»? После этого поэтического переосмысления события следует подробнейшая детализация, где изобразительное переплетено с конкретными реалиями, историческими ретроспекциями и перспективами, несомненно, тоже глубоко символическими: «На

реке на Каяле тьма свет покрыла, по Русской земле простерлись половцы, точно выводок гепардов. Уже пал позор на славу; уже ударило насилие на свободу; уже бросился див на землю. И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают время Боза, лелеют месть за Шарукана».

Явно, что все это авторский, а не боярский комментарий к событию, что подтверждается зачином: «Темно бо бе в 3 день»,— подробность битвы, ненужная и, скорее всего, пока неизвестная киевским боярам, но без которой не смог обойтись в этом довольно неподходящем для такого уточнения месте автор, участник битвы. Не оставляет никакого сомнения трагическая заключительная фраза отрывка, полная событийной конкретности и рвущегося из сердца чувства, которая была бы совершенно противоестественна для киевского боярского хора: «А мы уже, дружина, жадни веселия!»

— Убедительно, однако куда делись из этого отрывка «хинови»?

— В половодье авторских чувств она занимает стрежень. Эта необыкновенно грузоподъемная фраза, символически и пророчески выражающая, быть может, главное историческое последствие поражения князя Игоря на Каяле, не требует для русского слуха особого перевода: «...великое буйство подасть Хинови»...

Во второй раз это слово употребляется в том месте, где автор обращается к западным русским князьям — буй Роману волынскому, позже волынско-галицкому и какому-то Мстиславу — не то пересопицкому, не то городенскому, под харалужными мечами которых в романтически-ретроспективном призыве автора «главы своя подклониша» Литва, Ятвязи, Деремела, и половцы копья свои повергли, однако на первое место в этом перечислении он поставил обобщенные «многи страны Хинова». И, наконец, Ярославна в своем плаче-заклинанье вопрошает ветер-ветрило, зачем он мчит на своих легких крыльях хиновские стрéлки на воинов ее лады, князя Игоря... Автор, не присутствовавший, конечно, при воображаемом плаче на путивльском забрале, должен бы очень хорошо знать княгиню Евфросинью, чтобы написать ее словами своего рода духовный автопортрет, и, конечно, был уверен, что ей знакомо это понятие «хинова», ранее употреблявшееся только в автор-

ской речи, уверен в том, что она может назвать половецкие стрелы обобщенно и многооттеночно «хиновскими». В «Слове» нет ни одного случайного слова!.. И еще интересное место вспомним — первую победу князя Игоря над половцами, когда его воины стрельнули по кустам с красными девками половецкими.

— Там разве такой смысл?

— Писал далеко не старый человек, отметив эту обычную по тем временам и нравам подробность набега. Воины Игоря, далее, забрали у половцев их узорочье, аксамиты и паволоки. Узорочье — это наборные украшения из камней, бисера и жемчуга, которые носили на различных деталях одежды. Самым дорогим жемчугом на Руси считался *гурмыжский,* добытый в Гурмыжском, то есть Персидском, море, бисер тоже шел из арабских стран. Аксамит — плотная, ворсистая, очень дорогая восточная ткань с разводами и узорами, идущая на княжеские и церковные одежды. В 1174 году князю Ростиславу Мстиславичу византийский царь прислал «дары многи, оксамиты и паволоки и вся узорочья разноличныя». А после убийства Андрея Боголюбского верный слуга его Кузьма-киевлянин говорит ключнику Аньбалу: «Помнишь ли, жидовине, в которых портех пришел бяше? Ты ныне в аксамите стоиши, а князь наг лежит»...

— А что такое паволоки?

— Китайский шелк. Ни русские, ни половцы его, понятно, не вырабатывали. На Русь его издревле завозили из Византии, через которую еще во времена Древнего Рима проходил «Великий шелковый путь», и первые договоры с греками запрещали русским купцам закупать паволок более чем на пятьдесят золотников. Шелка-паволоки в зависимости от цветов и сортов назывались на Руси парчой, порфиром, пурпуром, багрой или червленицей, а также камкой. Паволоки у князей и богатых людей шли на белье, одежды, одеяла, подушки. Проповедник XII века, обличая барство какого-то богатея, говорил, что тот ходит «в поволоце» и «одр настьлан перин поволочитых»; не удержусь, чтоб не привести последующих саркастических слов средневекового публициста о том, как вельможа боролся с бессонницей: «възлежащю же ему и не могущю уснути, друзи ему нозе гладять, инии по ледьям тешат его, инии по плечима чишутъ»...

— Очень смешно, однако мы слишком удалились от чжурчжэней.

— Сейчас приблизимся... Кто такие «Хинове»? Несомненно, в средневековой Руси слышали о каком-то далеком восточном народе «хин», «чин», «син». Русь XII века была тесно связана с Византией религией, просвещением и торговлей, искусствами и дипломатией, родственными узами князей и их личными судьбами. Дед князя Игоря знаменитый Олег Гориславич целых три года провел на Родосе. Вскоре после этого все полоцкие князья оказались в долгой византийской ссылке. Теснее других, повторяю, связь с Византией была у Северской земли, которой принадлежала посредническая Тьмутаракань. «Хины» упоминаются в Космографии Козьмы Индикоплова, позже у Афанасия Никитина под именем «чин» и «чини». Спустя всего сорок лет после смерти Игоря русские князья начали ездить в Монголию, подолгу и не совсем по своей воле задерживаться там. Писал о Китае итальянец Плано Карпини и — попозже — персидский историк Рашид-ад-Дин, называвший Северный Китай «Хитаем», а южный — «Чина».

На многих языках Китай назывался словами «шин», «хин», «чин», а на русском специалист по Китаю именуется сегодня «синологом»... Автор «Слова» мог не ведать всех евразийских исторических подробностей, но, будучи очень знающим и начитанным человеком и чрезвычайно информированным политиком, наверняка слышал из византийских или арабских источников о самых дальних восточных народах, называя их обобщенно «Хинове», хотя вполне можно допустить, что и кипчаки-половцы, кочевавшие от предгорий Центральной Азии до Днестра, далеко на запад занесли Великою Степью весть о могучем государстве, уже много десятилетий существующем там, где восходит солнце... И конечно же автор не успел узнать слов «монгол», «мунгал» или «монг», которые при его жизни еще не явились даже в центральноазиатских степях. Их не знали даже кипчаки-кумане-половцы, наверное, уже прослышавшие ко времени битвы на Каяле-реке о «великом буйстве» на востоке от своих степей. Возможно также, что какая-то часть дорогих восточных тканей непосредственно попадала к ним из Китая или государства чжурчжэней — для верблюжьих караванов расстояния никогда не бы-

ли проблемой. А из истории чжурчжэней мы знаем, что шелку, например, в их стране было предостаточно. Еще в 1126 году побежденные китайцы должны были в числе прочих ценностей поставить чжурчжэням в качестве контрибуции миллион кусков шелка. В 1208 году вместе с золотом, серебром, лошадьми, волами, мулами и книгами значился в новом мирном договоре с южнокитайским государством Сун еще миллион шелковых штук. Да и сами чжурчжэни вырабатывали много излишков этой дорогой ткани разных сортов. В их таможенных книгах сохранились записи о вывозимых товарах — золоте, женьшене, мехах, соли, кедровом орехе, растительных красителях, а также шелке-тафте, просто шелке и шелке-камке, то есть крашеной, узорчатой, с золотистой либо серебристой струей, ткани. Добавлю, что государство чжурчжэней называлось «Цзинь», «Цинь», «Гинь» или «Кинь», что близкозвучно «Хин». Если русские на рубеже XII—XIII веков решительно ничего не знали о дальневосточных народах, то тогда непонятно, откуда попали «Хинове» в «Слово о полку Игореве»! Не значатся же в поэме инки или ацтеки, например, о которых наши предки воистину ничего не могли слышать. Академик Д. С. Лихачев писал в одном из комментариев к «Слову о полку Игореве»: ...Слово это означает какие-то неведомые восточные народы, неясные слухи о которых могли доходить до Византии устно и через «ученую» литературу «космографий» («Слово о полку Игореве». Библиотека поэта, малая серия. Л., 1953, с. 256).

Любознательный Читатель. А когда русские впервые узнали о государстве чжурчжэней что-либо достоверное?

— Еще до середины XIII века. Это были молодые люди, в основном ремесленники, обращенные в рабов и угнанные в далекую Монголию. Среди них, бесспорно, были грамотные и любознательные люди, способные понять, что произошло на той земле. А из наших предков, вошедших в историю, первым услышал о судьбе чжурчжэней рязанский князь Олег Игоревич Красный, раненным взятый в плен в 1237 году и пробывший в Монголии долгих четырнадцать лет. За ним — великий воин, дипломат и политик Александр Невский. Правда, в точности неизвестно, сколько времени он был

в Монголии, какие районы посещал, с кем, кроме великого хана, общался, но это его далекое путешествие, закончившееся в 1250 году, заняло около трех лет, и, должно быть, в тех краях он провел не менее года, узнав, конечно, о самом важном в то время дальневосточном событии — падении государства Цзинь.

— Ну а русская историческая наука?

— У первых наших историков Татищева и Ломоносова нет ничего о чжурчжэнях, но в конце XVIII века явился миру один необыкновенный человек, о коем следовало бы нам вспомнить... Когда я впервые попал в Ленинград, то сразу же посетил его могилу в Александро-Невской лавре. На простом скромном обелиске значится: «Иакинфъ Бичуринъ», а вертикальной строкой — китайские иероглифы...

12 Неизвестно, проявились ли в детстве какие-нибудь способности у чувашского мальчика по имени Никита, но его, восьмилетнего, отвезли из небольшого села Бичурина в Казанскую семинарию, где он, кроме основных наук, освоил французский, латынь и греческий. Фамилия Бичурин, данная ему по названию родного села, вскоре была утрачена при обстоятельствах, окутанных романтической дымкой. Есть один более или менее достоверный источник, о коем мы сейчас будем говорить, где эта история выглядит, на наш сегодняшний взгляд, даже вроде бы слишком романтично, хотя и вся последующая жизнь Никиты Бичурина полнилась полулегендарными,

подчас таинственными подробностями, не проясненными до сего дня.

Семинарист-выпускник и его двоюродный брат Александр Карсунский будто бы полюбили одну казанскую девушку Татьяну Саблукову, предоставив ей выбор и дав взаимный обет — отвергнутый уйдет в монастырь. Счастливец женился, а Никита Бичурин принял схиму под именем отца Иакинфа. На этом предании настаивала Н. С. Моллер, считавшая себя *внучкой* отца Иакинфа и оставившая о нем интереснейшие воспоминания, опубликованные в «Русской старине» за 1888 год — историческом журнале, основанном, как мы знаем, декабристом-историком Александром Корниловичем.

Отец Иакинф был, очевидно, и в самом деле не рядовым монахом, если, продвигаясь по службе из Казани в Сибирь — через Тобольск,— был еще довольно молодым возведен в сан архимандрита и назначен пастырем в Вознесенский монастырь Иркутска. Сохранились кой-какие документы с той поры, в частности, обличительное письмо отца Иакинфа в Петербург о взяточничестве и злодеяних генерал-губернатора И. Б. Пестеля, сочинившего позже донос на архимандрита о не приличествующем для его сана поведении как в Иркутске, так и в Пекине, куда тридцатилетний отец Иакинф был в 1807 году назначен главой русской духовной миссии. Прямое назначение таких заведений заключалось в религиозном обслуживании единоверцев на чужбине, миссионерской деятельности и выполнении некоторых иных функций в том случае, если родина не была представлена в этой стране посольством или дипломатической миссией.

Отец Иакинф оказался никудышним начальником духовной пекинской миссии — за тридцать лет своего руководительства он привел вверенное ему учреждение в полное расстройство, за что по возвращении на родину был предан церковному суду. Обвинения были очень серьезными. Кроме продажи части посольского двора, разбазаривания церковной утвари, отец Иакинф, оказывается, появлялся везде в расхожем китайском одеянии, не посещал церкви и вообще на двенадцать лет прекратил в ней священнодействия; сверх всего — о страхи-то господни!— он открыл в доме, принадлежавшем миссии, игорный притон, который сдавал в аренду.

Объяснение отца Иакинфа, что миссия, о которой во время наполеоновских войн все попросту забыли, в течение шести лет не получала средств на свое содержание, было принято к сведению, однако оправданием не послужило. Суровый приговор Святейшего Синода — лишение отца Иакинфа сана архимандрита и вечное поселение в Соловецком монастыре, «не отлучая его оттуда никуда, при строжайшем за его поведением надзоре»,— был, однако, заменен тюремным заключением в островной Валаамский монастырь на Ладоге.

Едва ли находилось время у отца Иакинфа в Пекине, чтобы опекать единоверцев, причем глава миссии, как свидетельствуют современники, действительно не считал необходимым отказывать себе в мирских удовольствиях. И едва ли думал он о бессмертии, когда фанатично работал, точно зная, однако, что оно не в молитвах и постах. Прежде всего отец Иакинф взялся за изучение китайского, маньчжурского и монгольского языков, сосредоточившись главным образом на первом. Нанял учителя-профессионала, много времени проводил на людях, расспрашивал каждого встречного-поперечного о том, как звучат названия разных предметов, раскрывал перед всеми тетрадь для записи иероглифов, накапливая их в своей памяти тысячу за тысячей... Потом все больше времени у него уходило на поиски рукописей, которые можно было приобрести, на уединенные занятия в пекинских библиотеках и своем кабинете, на изучение обычаев и нравов населения страны и ее столицы. Пекину он отдал целый год, исходив каждую его улочку, а чтобы представить объем переводческой работы над одним лишь историческим сочинением «Тунцзянь ганму», достаточно указать, что рукопись состоит из шестнадцати огромных томов, содержащих 8 384 страницы! Если сказать, например, что отец Иакинф составил китайско-русский словарь, то это значит почти ничего не сказать. Кроме основного труда, содержащего двенадцать тысяч условных знаков с множеством выражений, переписанного от руки *четырежды* и составляющего *девять* томов, этот неутомимый труженик оставил для будущих синологов настоящее филологическое сокровище — пять его других словарей хранятся ныне в Москве, три — в Ленинграде, и есть еще

четырехтомный перевод словаря маньчжуро-китайского...

Чтобы не утомлять читателя подробностями, скажу лишь, что Никиту Яковлевича Бичурина, отправившегося 15 мая 1821 года из Пекина в Кяхту, сопровождал верблюжий караван, тяжело нагруженный книгами и рукописями, и этот груз весил *четыреста пудов* — почти семь тонн! Чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел Е. Ф. Тимковский, очень знающий востоковед, выручивший позже Никиту Бичурина из валаамского заточения, писал: «Смело можно сказать, что за все 8 перемен российской императорской миссии в Пекине, бывших в течение 100 лет, не вывезено столь великого числа полезных сочинений, как в настоящую девятую перемену оной».

Подробностей о валаамском периоде жизни рядового черного монаха Иакинфа мало, но, судя по всем данным, он занимался тем же, чем занимался до этого, почти два года находясь под домашним арестом в Александро-Невской лавре, в долгом пути из Пекина и тринадцать лет в Китае; он работал, и работал так, как мало кому в жизни довелось. Еще из Александро-Невской лавры Бичурин писал президенту Академии художеств и директору Публичной библиотеки А. Н. Оленину о своем намерении создать труд по истории народов Востока, руководствуясь определенным принципом: «Замечания о древнем состоянии Азии, разбросанные на обширном пространстве истории китайской, имеют тесную между собою связь подобно границам, где одна черта, разделяющая два владения, принадлежит обоим: ибо с означением пределов одного государства открывается местоположение и других, с которыми оно смежно; с описанием одного народа сообщается понятие на других, с которыми он имел связь».

Звездный час отца Иакинфа был впереди. Сижу над его книгами, их гора. «Записки о Монголии» открываются красочным портретом — сосредоточенные глаза на сухощавом лице, висячие негустые усы, бородка клином, шляпа-зонтик. «Портрет благородного китайца в летней одежде» — это псевдоним. На портрете изображен сам Н. Я. Бичурин, написавший в этом большом труде фразу, которая могла бы послужить компасом и любознательному моему читателю: «Происхождение монголов

и Дома Монгол суть две вещи совершенно различные». Год издания — 1828-й. В том же году вышло из печати «Описание Тибета». В следующем —«Описание Джунгарии», «Описание Пекина», «Троесловие», «История первых четырех ханов из дома Чингизова». Половину текста «Истории» занимает подробнейшее изложение войны с нючженцами (чжурчжэнями); из этой книги я впервые узнал о государстве Цзинь...

Труды Н. Я. Бичурина отличались академической обстоятельностью, научным тщанием, терминологической отточенностью. Научный авторитет Н. Я. Бичурина рос в полемике с иностранными востоковедами и с теми из русских, кто причислял себя к ним. В отличной книжке, вышедшей к 200-летию со дня рождения Н. Я. Бичурина, П. В. Денисов пишет, что реакционная критика предрекала недолговечность его трудам лишь по той причине, что они были написаны на русском «языке, который еще не имеет прав на известность в ученом свете». О. И. Сенковский, например, он же «барон Брамбеус», «активный противник становления русского востоковедения как самостоятельной научной дисциплины, настаивал на том, чтобы Н. Я. Бичурин следовал по стопам иностранных ученых и писал свои научные труды на европейских языках». Однако Н. Я. Бичурин, свободно владея английским, французским и немецким языками, писал только по-русски, считая, что «русский язык так богат словами, что без необходимости вовсе не нужно пестрить его иностранными»...

Переводчик министерства иностранных дел Н. Я. Бичурин избирается членом-корреспондентом Академии наук, становится известным в европейском ученом мире и вскоре подает в Сенат прошение о снятии с него монашеского сана. Он писал, что ученые занятия и обязанности по службе вынуждают его находиться в «долговременных отлучках от монастыря» и отвлекаться «от упражнений духовных; слабости же, свойственные мне как человеку, поставляют меня в невозможность соблюдать обеты монашества во всей чистоте их».

Синод вроде бы согласился с доводами просителя и в представлении царю положил снять с отца Иакинфа духовное звание, одновременно уволив со службы и запретив проживание в столице. Николай I, однако, отказал и Н. Я. Бичурину и Синоду, только какой уже

отец Иакинф был монах? Когда престарелый архимандрит Валаамского монастыря Иннокентий, разрешивший опальному монаху работать, входил в его келью и приглашал к богослужению, тот, по обыкновению, отвечал: «Отец игумен, идите уж лучше один в церковь, я вот более семи лет не имел на себе этого греха». По воспоминаниям современников, отец Иакинф никогда не крестился, любил играть с друзьями в бостон и вист, побаловаться сигарой, а когда в Петербург приехала на гастроли знаменитая танцовщица Тальони, отец Иакинф, чтобы увидеть ее, переоделся, загримировался под купчика и проник в театр.

Среди друзей и знакомых отца Иакинфа были многие из тех, кого мы встречали или встретим во время нашего путешествия по минувшему...

Зинаида Волконская; писательница, композитор, поэтесса. В петербургском, московском и римском салонах Волконской собирался цвет русской художественной и научной интеллигенции. Ее роль в судьбе отца Иакинфа исключительна. Исследователи предполагают, что еще во время заключения Н. Я. Бичурина в Валааме Зинаида Волконская помогла никому пока не известному ученому, да еще с такой репутацией, найти первого издателя первой книги — разрешение на издание рукописи датируется 1826 годом. Книга «Описание Тибета» вышла через два года с посвящением З. А. Волконской.

Владимир Одоевский; писатель, философ, изобретатель, музыкальный просветитель. В его салоне, по воспоминаниям историка М. П. Погодина, «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазами». В своем романе «4338-й год» Одоевский отправляет в путешествие по России китайского студента Цунгуева, который убеждается, что китайцы *вместе* с русскими достигли вершин культуры и науки — это была великая мечта Н. Я. Бичурина...

Михаил Погодин; знаменитый историк, академик. Встречался с отцом Иакинфом не только у Одоевского. Наезжая в Петербург, непременно посещал в Александро-Невской лавре знакомую келью, которая представляла собой хорошо обставленную трехкомнатную квартиру, с окнами в сад, забитую книгами на разных языках, рукописями, увешанную картами и портретами.

Из дневника: «К Иакинфу. Отыскал и приятных два часа». А в 1832 году он дал «обед, на котором присутствовали некоторые московские писатели и ученые» в честь «знаменитого нашего путешественника Н. Бичурина».

Александр Пушкин. Был знаком еще с первыми журнальными публикациями отца Иакинфа. Очное же знакомство состоялось по освобождении ученого из валаамского заточения. «Описание Тибета» он подарил великому поэту с дарственной надписью «в знак истинного уважения». В следующем году Н. Я. Бичурин дарит Пушкину прекрасно переведенную и изданную в Петербурге оригинальнейшую китайскую детскую энциклопедию «Сан-Цзы-Цзин или Троесловие» с литографированным текстом подлинника — каждые три иероглифа выражали афористичную мысль об истории или назидательный нравственный канон для юных. Когда Пушкин работал над «Историей Пугачева», Н. Я. Бичурин дал ему свою рукопись «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». Поэт отмечал: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках». Некоторые исторические сведения об участии инородцев в восстании Емельяна Пугачева Пушкин почерпнул из сочинения отца Иакинфа «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии», а также, несомненно, из бесед с ученым, конечным результатом которых, как считал Б. Л. Модзалевский и другие пушкинисты, было решение Пушкина совершить путешествие в Китай вместе с отцом Иакинфом, который туда собрался в начале 30-х годов. Написал царю: «...я просил бы дозволения посетить Китай с посольством, которое туда отправляется». И он безусловно числил отца Иакинфа среди своих друзей.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,

В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем...

Не вышло. Граф Бенкендорф письменно сообщил поэту отказ Николая под предлогом, что все чиновничьи посты в посольстве заняты. Может, царь опасался неизбежных встреч поэта с декабристами?

Николай Бестужев; декабрист, художник, писатель, изобретатель. По пути в Кяхту отец Иакинф навестил его в Петровском заводе и получил от него драгоценный подарок — четки, сделанные из декабристских кандалов, и железный крестик. Незадолго до смерти Н. Я. Бичурин передал их своей родственнице Н. С. Моллер, которая рассказала об этом в «Русской старине», вспомнив слова деда: «С той минуты, когда я получил эти четки, я никогда не снимал их, они мне очень дороги. Был у меня дорогой друг, в Сибирь сослали его... Он сам делал их, и этот крестик из его собственных оков и сделан им самим. Ну что, поняла теперь, как дороги они мне и как тяжело мне их отдать».

И. А. Крылов, В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, Н. И. Надеждин, С. И. Шевырев, Н. А. Полевой, А. В. Никитенко и много-много других деятелей русской культуры и науки входили в широкий круг знакомств Н. Я. Бичурина, великого сына чувашского народа.

Во время сибирской командировки Н. Я. Бичурин преподавал в Кяхтинской школе китайского языка, вел обширные научные исследования, собрал уникальные коллекции восточных книг и рукописей, написал и напечатал в столичных газетах и журналах множество статей, завершил работу над учебником «Китайская грамматика». Вернувшись в Петербург, он снова погрузился в научные исследования и переводы. Три его работы были отмечены Демидовской премией, а всего при жизни он опубликовал пятнадцать больших монографий, оставив в разных архивах пуды неразобранных рукописей...

Вот описательный портрет этого человека в старости, сделанный Н. С. Моллер: «Был он высокого роста,

держался совершенно прямо. Лицо бледное, очень худое, с провалившимися щеками и выдающимися скулами. Открытый большой лоб, между бровей глубокие морщины. Губы довольно толстые. Глаза большие, темные, блестящие и живые. Побелевшие жиденькие волосы на голове и почти белая густая борода. Движения быстрые, нетерпеливые. Характер вспыльчивый, раздражительный, иногда резкий. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих».

Н. Я. Бичурин успел передать все свои бесценные коллекции и рукописи в различные научные учреждения и архивы России. Только Казанской духовной академии, согласно описи 1891 года, он подарил «136 названий книг в 219 томах, 16 рукописей, из коих одна — История Китая, переведенная с китайского языка, в 7 томах, 15 названий различных карт, изображений и планов и два портрета, из коих один самого жертвователя...»

Кончина его была медленной и страшной. Когда он слег, монахи обобрали его до нитки, оставив только ветхую рясу. Н. С. Моллер, навестившая его незадолго до смерти, увидела, что лежит он, парализованный, в грязном белье под рваным одеялом. Умирающий проговорил: «Обижают... не кормят... забыли... не ел». Посетительница подивилась тяжелому запаху и приподняла одеяло. «Правая нога, распухшая, в пролежинах, и по ней ползали мелкие белые черви, умирающий лежал в нечистотах». Вошел суровый и мрачный старик монах: «Зачем вы здесь? Уйдите!» — «Я внучка». — «У монашествующей братии земных родных не бывает. У них только один отец небесный». — «Он умирает, просит есть, покормите его». — «Об этом не беспокойтесь. Отец Иакинф уже покончил все земные расчеты, он соборован, его ждет пища небесная».

Никиты Яковлевича Бичурина не стало 11 мая 1853 года. Иероглифы на черном обелиске значат: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими (его) славу историческими трудами»...

О нем существует большая литература, научная и беллетристическая, появившаяся в основном в наше время, к ней я отсылаю любознательного читателя, а

из собственных трудов Бичурина в этом веке была переиздана «Китайская грамматика» (1908 год), да незадолго перед тем напечатано в Пекине «Описание религии ученых с приложением чертежей, жертвенного одеяния, утвари, жертвенников, храмов и расположения в них лиц, столов и жертвенных вещей во время жертвоприношения, составленное трудами монаха Иакинфа в 1844 году». А перед 200-летием со дня рождения ученого наши востоковеды извлекли из архивов одну из рукописей Н. Я. Бичурина и подготовили «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии». Солидный том в семьсот пятьдесят страниц вышел в Чебоксарах в 1960 году тиражом тысяча экземпляров...

Размышляя над прошлым и будущим России и Китая, Н. Я. Бичурин однажды написал: «Представляя в уме минувшие события, полагаю — ничто не может возмутить братского согласия великих народов»...

Заканчивая эту конспективную вставку о ярчайшей фигуре нашего востоковедения, хочу вспомнить и о достойном преемнике Н. Я. Бичурина. Четверть века в разные годы прожил в Пекине Петр Иванович Кафаров, он же отец Палладий, изучая языки, литературу, историю религий Востока. Оставил труды о жизни Будды, раннем христианстве в Китае, китайско-русский словарь и много других, участвовал в этнографических и археологических изысканиях и умер по пути из последней экспедиции в Уссурийский край. П. И. Кафарову мировая культура обязана тем, что он первым из европейцев обнаружил в китайских библиотеках замечательный памятник монгольской литературы «Сокровенное сказание», оценил его, перевел на русский и напечатал в 1866 году в скромных и малозаметных «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине». Это был литературный и научный подвиг, потому что тексты «Юань-чао би-ши», кроме китайского перевода, содержали еще запись на монгольском языке уйгурским алфавитом и тоническую передачу монгольского подлинника условными китайскими знаками, а события «Сокровенного сказания» сличались с параллельными сведениями из других средневековых источников. К сравнительно небольшому тексту отец Палладий вынужден был сделать шестьсот переводческих уточнений и примечаний! Есть

в этой поэме-хронике места трудные, малопонятные, есть протокольно ясные, есть истинно поэтические строки и страницы, мифы и правда...

13 Организованная Чингиз-ханом орда теперь могла существовать только при условии непрерывных захватнических, грабительских войн, и в этом таилась одна из причин будущего краха его империи. Четыре года Чингиз-хан собирает силы, тщательно готовится, изучает первого, собственно, внешнего противника и, когда все было предусмотрено, провокационно оскорбляет посла восточных соседей — на его глазах плюет в сторону чжурчжэньской границы. Это означало войну, и войну большую.

И вскоре она грянула. Десятки лет чжурчжэни возводили на своих северо-западных границах укрепления — стены из камней и глины, валы, рвы и крепости, а непосредственно перед нашествием успели подновить все сооружения. Укрепленная линия тянулась на полторы тысячи километров и охранялась специальными войсками, но разве мог в каком-нибудь одном месте пограничного вала слабый отряд сдержать массированный удар орды, собравшейся со всех западных степей? И все же Субудай не решился атаковать этот защитный вал, опасаясь быстрого подтягивания оборонительных резервов, обошел укрепления с юга и вырвался, выражаясь по-современному, на оперативный простор.

Яростно сражались чжурчжэни-воины под руководством умелых и опытных полководцев, но в открытом поле, где только и выигрывались войны, Субудай, используя маневренность конницы, умел уклоняться от

степного сражения, если не был уверен в превосходстве своих сил и успехе, зато учинял жестокую бойню, когда удавалось, исключив всякий риск, создать подавляющее преимущество в численности войск. В самом начале войны перешли на его сторону сто тысяч киданей-воинов, и в 1212 году на сопках Маньчжурии основные цзиньские воинские соединения были разгромлены. Однако у Субудая и других военачальников орды в тот период объявилась одна слабость — они еще не умели брать городов, и чжурчжэни, героически сражаясь на валах и крепостных стенах, выдерживали долгие осады, распыляли силы врага стремительными вылазками. Субудай досконально изучил китайский и чжурчжэньский опыт осадной войны, внес в него кое-что свое, однако, несмотря ни на что, война затягивалась. Орда не смогла взять штурмом столицы государства Яньцзина и отошла на запад.

Перед лицом смертельной опасности правительство приняло меры для сплочения разноплеменного населения государства. Китайцы, кидани и представители всех остальных нечжурчжэньских, даже самых малочисленных этнических групп страны — бохайцев, будиту, зеле, еладу, гудянь, мао, мэнгу, мудянь, сяма, улусу, сумадянь, ширюй, чжули, цилу, худунь и других — могли не только сделать военную или гражданскую карьеру, но и добиться в условиях военного времени большего, о чем ясно и кратко говорится в правительственном указе 1213 года: «Инородцы, удостоенные чинов и наград, составляют одно целое с народом династии — с чжурчжэнями». Вскоре чужеплеменников начали допускать к экзаменам для получения военных чинов, а еще через год за отличие в боях они стали получать такие же титулы, каких до этого удостаивались только чжурчжэни.

Война омертвляла страну. Торговые связи ее прервались, один за другим исчезали с лица земли города, пала восточная столица империи — Ляоян. Государственные дороги приходили в негодность, оросительные системы, десятилетиями создаваемые трудом миллионов крестьян, разрушались, поля зарастали дурниной. Современный советский исследователь истории чжурчжэньского государства Цзинь М. В. Воробьев пишет: «Цзиньское правительство в 1214 г. попробовало откупиться от

монголов, приняв жестокие условия, но монгольская знать хотела только одного — войны и добычи...» В следующем году пал Яньцзин (Пекин). Хорезмские послы, прибывшие туда вскоре, писали: «Везде были видны следы страшного опустошения, кости убитых слагали целые горы; почва местами была рыхлой от человеческого жира; гниение трупов породило смертельные заболевания».

Однако свалить одним набегом, а потом многолетней изнурительной войной государство, в котором проживали десятки миллионов людей, орде не удалось. Его лишь удалось обессилить, запугать жестокостями, частично раздробить и полностью изолировать на международной арене. Кроме значительной части киданей, на государство Цзинь одновременно с ордой напали тангуты, с которыми чжурчжэни потом сражались долгих десять лет, внутри страны вспыхнуло восстание так называемых «краснокафтанников». Китайская Южная Сун отказалась платить дань чжурчжэням сразу же, как только началась на севере эта большая война, и правители Цзинь не смогли больше получить податей ни дипломатическими способами, ни силой оружия. В 1218 году сунцы официально отказались быть данниками слабеющего государства чжурчжэней, возник зародыш еще одной большой войны. В том же году стали данниками Чингиз-хана уйгуры, живущие на западе от чжурчжэней, в следующем — корёсцы на востоке.

Чингиз-хан был прожженным политиканом и дипломатом, а также умел использовать опыт и знания разноплеменных советников. Обескровив своего ближайшего и самого сильного врага, окружив его враждебными народами, он не счел нужным тратить силы в тяжелой и затяжной войне с отчаянно сопротивлявшимся противником, если главную свою цель — грабительскую добычу — мог получить в другом месте и с меньшими потерями, покорив очередной более слабый народ.

В данном случае это были меркиты, частью, очевидно, откатившиеся на запад во главе с ханом Куду (Худу) под защиту кипчаков. Одни средневековые источники датируют начало этой второй войны с меркитами годом Быка — 1215-м, другие приводят скрупулезно точные сведения: «9 февраля — 10 марта 1217 года». «В этом году Чингиз-хан направился из страны Хитай

к (своему) коренному Юрту, а Субудай-бахадура послал на войну с племенем меркит. Для этого он укрепил повозки, подбив (их) железом, чтобы они не сломались в трудно проходимых горах, лежащих на том пути». Реляции о войне с меркитским ханом Куду предельно коротки: «Они пошли и взяли Куду», а «от этого племени не осталось и следа».

Путь на запад был расчищен, и Чингиз-хан немедленно двинулся туда — к плодородным долинам и богатым городам Хорезма, очевидно поручив Субудаю срочное формирование нового ударного войска. «Это войско было то,— пишет Рашид-ад-Дин,— предводителями которого Чингиз-хан назначил Субэдай-бахадура и Тукучара из племени Кунгират, и то, которое он посылал на войну с Куду». Впереди был Самарканд. Султан Мухаммед Хорезмшах успел поставить на его укрепление более двухсот тысяч человек. Они усилили крепостную стену, обнесли ее рвом, залитым водой. В городе было двадцать боевых слонов. Султан, однако, предпочел бросить город на милость аллаха, бежал, и Чингиз послал за ним в погоню три тумена во главе с Субудаем, Чжэбе и Тукучаром, которые «...с 30 тысячами отважных воинов переправились вброд через Пяндишеб и пошли по следам султана, расспрашивая о нем и разыскивая его следы».

Любознательный Читатель. Мы далеко уклонились от чжурчжэньского государства Цзинь и Руси...

— Согласен, но нас ведет военная карьера Субудая. Кроме того, международная политика, как и сейчас, всегда связывала множество народов. И — главное — для дальнейшего путешествия в прошлое нам надо получше знать, с *каким* противником встретились наши предки поздней осенью 1237 года.

— Но чем объясняются непрерывные победы захватчиков?

— Причин, объясняющих неизменные и безоговорочные победы организованной кочевой орды над ее жертвами, существовало множество. Ну, ослабленность, феодальная раздробленность средневековых евроазиатских государств — это само собой, но были и чисто военные, стратегическо-тактические объяснения: внезапность нападений, массированные удары многочисленного войска по земледельческим и скотоводческим райо-

нам, по торговым и ремесленническим центрам, основное население которых не было профессионально-военными людьми, широкое использование повальных «облав» в сельских местностях, пленных для штурма городов, китайских камнеметательных машин; и, так сказать, идеологические: обожествление ордой своего великого хана, преследующего якобы мессианскую цель, захватывающую воображение,— покоряя Вселенную, дойти до «последнего моря», принципиальное дипломатическое и военное коварство, отбрасывающее ради достижения победы все человеческие и международные нормы, презирающее правила воинского рыцарства и естественное для многих тогдашних народов благородное снисхождение победителей к побежденным, культ жестокости и насилия, царящий в разноплеменных войсках захватчиков и грабителей, вынуждавший побежденных становиться орудием победителей. «Победители геройствовали силами покоренных народов»,— свидетельствуют средневековые китайские историки.

Расширяющийся клин завоеваний захватил Среднюю Азию, Иран, Афганистан, а Субудай, как всегда, скакал резвее и дальше других. Многие страны и народы на века запомнили его кровавый след, потому что далеко не все встречные города покорялись подавляющему превосходству орды, и в этом случае верный пес Чингиза не уступал своему хозяину в жестокости. К югу от Тегерана, на скрещении важных караванных путей Востока, стоял большой город персов Кум. Субудай и Чжэбе «перебили всех тамошних жителей, а детей увели в полон».

От нашествия страдал прежде всего народ, часто бросаемый султанами, ханами и богатеями на произвол судьбы. Когда Субудай дошел до Дамгана, «население города укрылось в окружающих горах, а простой люд и чернь остались в городе и не выразили монголам покорности. Монголы перебили их сборище». Из Ирана авангардные орды направились в Азербайджан и в каждой местности, попадавшейся на пути, по своему всегдашнему обыкновению, учиняли избиение и грабеж. В пограничных районах Грузии они перебили десять тысяч человек, но в леса и ущелья не пошли — вернулись на юг зимовать. Должно быть, этой зимой-передышкой Субудай снесся с Чингизом, тоже находившимся в воен-

ном походе. Согласно китайской «Юань-ши», он даже как будто опережал завоевательные планы хозяина: «В год под циклическими знаками 1223 Субутай представил Чингизу доклад, в котором просил послать его против кипчаков». Получил, очевидно, согласие, и вот орда снова в Грузии, чье воинство успело собраться и приготовилось достойно встретить врага. Субудай, однако же, использовал против этого сильного, воодушевленного крайней необходимостью защиты родины войска давний прием степной войны — оперативный простор в одной из широких грузинских долин, сильную засаду, обманное «паническое» отступление, последующее окружение и уничтожение стесненного в беспомощную кучу противника. Рашид-ад-Дин описывает, что Чжэбе укрылся в засаду, «а Субудай с войском пошел вперед. В самом начале сражения монголы бежали; гурджии пустились их преследовать. Чжэбе вышел из засады; их захватили в середину и в один момент перебили тридцать тысяч гурджиев». Вслед за этим — проход через Дербент, столкновение с кипчаками, Калка.

Китайская «Юань-ши» посвящает Субудаю, единственному полководцу орды, отдельную биографию, но лишь скороговоркой сообщает о его победе над кипчаками и объединенной ратью русских князей Ми-чисылао (то есть Мстиславами. — *В. Ч.*), которых Субудай «одним боем заставил сдаться»...

Дипломатические и военные подробности событий на Калке мы позже разберем, уточнив, что называет китайский хронист «сдачей». В той же биографии Субудаю приписывается мысль о последующей организации войска: «Субудай представил затем Чингизу доклад о том, чтобы образовать особый корпус из... меркитов, найманей, кераитов, хангинцев и кипчаков, на что последовало согласие Чингиза». Может, это действительно был какой-то особый ударный корпус, а может, просто давний принцип формирования войск орды был зафиксирован с двадцатилетним запозданием. Для нас важно другое — средневековые историки дружно, в один голос, подчеркивают заслуги главного полководца Чингиза, и, конечно, не без оснований. Именно под его командованием орда, мгновенно покончившая с государством Хорезмшахов, стремительно, как смерч, рванулась в Персию и Закавказье, всюду сея смерть,

растоптала селения северокавказских народов, потом половецкие становища, овладела Крымом и Причерноморьем, разгромила соединенное воинство русских и половцев.

Субудая после Калки якобы догнал приказ Чингиза повернуть морды коней на восток. Рейд по богатым странам Востока дал главное — добычу в виде золота и других драгоценностей, которая уже, наверное, обременяла конников, да и в Монголию один за другим приходили под конвоем вереницы рабов, караваны и обозы с Запада. А перед Субудаем снова, как в стране чжурчжэней, оказались хорошо укрепленные города, и он узнал, конечно, от пленных, разведки, да уже и по собственному опыту, что эти неприятели хоть и доверчивы, но «чрезвычайно круты», как сказано об «орусах» в «Юань-чао би-ши». Разведывательный рейд на запад был более чем успешно завершен, и если вправду последовал такой приказ великого хана, то был он отдан и по другой важной причине — на Дальнем Востоке назревали тревожные международные события, за которыми Чингиз, очевидно, внимательно следил.

Государство чжурчжэней постепенно набирало силу. Когда Субудай уезжал оттуда, цзиньское правительство еще располагало армией в миллион воинов, рассредоточенной, правда, в многочисленных гарнизонах и по всем своим очень протяженным и неспокойным границам. Главные же ее регулярные части и народные ополчения были брошены на войну с тангутским государством Си Ся, подвижными отрядами западных пришельцев, разбойничающими на больших и малых дорогах, с многочисленными войсками Южной Сун и продажными полководцами, перебегающими от одного хозяина к другому. Почти вся территория Цзинь и пограничные районы сопредельных государств превратились в кровавое поле бесконечного и хаотичного сражения. Но государство чжурчжэней еще жило и напрягало все силы, чтоб сохранить себя. Действовал вышколенный чиновничий аппарат, проводились новые и новые рекрутские наборы, патриотически настроенные военные готовились к решительным боям, на безопасном севере предпринимались усилия для поисков руд и создания промышленных центров, пополняющих боевой арсенал. На берегах и

островах Амура и Уссури, на отрогах Сихотэ-Алиня возводились новые крепости со сложными фортификационными сооружениями — башнями, валтангами и барбетами для подъема и установки катапульт, с максимальным использованием защитных свойств рек, болот, сопок и гор.

В распоряжении чжурчжэней было еще одно оружие, столетний опыт применения которого восхищает современных исследователей,— бескровный, самый разумный и дешевый способ разрешения международных противоречий — дипломатия. О том, что чжурчжэньские дипломаты прилагают усилия для прекращения затяжной войны с тангутами, Чингизу, конечно, доносили, и он предвидел скорый ее конец. Китайская Сун, отказавшаяся было платить дань чжурчжэням, безуспешно пыталась выступить против них в союзе с тангутами и тоже готова была принять новые предложения Цзинь. Создавалась совершенно иная политическая и военная ситуация, в которой был нужен Субудай.

Любознательный Читатель. Действительно, исторические судьбы Руси оказались связанными с судьбами государства чжурчжэней.

— Да! Ведь в другой ситуации монгольская верхушка могла заранее послать уставшему корпусу Субудая свежие подкрепления, чтобы напасть на русские земли еще в 1223—1224 годах, сразу после Калки. Застоявшихся коней и безработных любителей легкой наживы можно было в тот год по Великой Степи собрать множество... Была еще одна причина, заставившая Чингиз-хана летом 1223 года отозвать Субудая с дальнего запада. У чжурчжэней появилось новое мощное оружие — взрывающиеся снаряды.

— Простите, тогда огнестрельного оружия еще нигде в мире не было!

— Это верно, однако чжурчжэни уже обладали самым сильным по тем временам оружием огненного боя. Н. Я. Бичурин полтора века назад переводил-цитировал: «В сие время нючженцы (то есть чжурчжэни.— *В. Ч.*) имели огненные баллисты, которые поражали подобно грому небесному. Для сего брали чугунные горшки, наполняли порохом и зажигали огнем. Сии горшки сожигали на пространстве 120 футов в окружности и огненными искрами пробивали железную броню... Еще, кро-

ме сего, употребляли летающие огненные копья, которые быв пускаемые через зажигание пороха, сожигали за 10 от себя шагов. Монголы сих только двух вещей боялись».

Патроны с горящей смесью посылались в гущу врагов с помощью стрел, сильных луков и самострелов, а «огненные горшки», прожигающие латы,— катапультами. Причем чжурчжэням принадлежит изобретение дистанционного боевого устройства — снаряд с горючим составом долетал до цели, взрываясь там, где надо, и тогда, когда надо. Может, «огневые взрывчатые снаряды», появившиеся у чжурчжэней в 1221 году, и были те самые «чугунные горшки» с дистанционными устройствами, что пришли на смену устаревшим глиняным кувшинам? И еще узнал Чингиз, что в 1222 году цзиньское правительство издало указ об интенсивном развитии орошаемого земледелия и на просторных рисовых полях вновь пошла в рост главная пища чжурчжэньского солдата. Наверно, его обеспокоило и последнее событие в стане набирающего силу врага — умер император Удабу и на престол вступил молодой Ниньясу, который сразу же повел тонкую дипломатическую игру с тангутским государством Си Ся с целью оторвать его от монголов, быстро подготовил соглашение о прекращении военных действий с Южной Сун, а корёсцы, оценив ситуацию, намеревались, по всем признакам, отвергнуть монгольский протекторат и прекратить с Чингиз-ханом вассальные отношения. Короче, повторяю, там нужен был Субудай, который, однако, по пути на Керулен дал гигантский крюк в несколько тысяч километров.

— Куда? Зачем?

— Он не мог пойти назад по своему кровавому следу — через горные ущелья и разоренные города Востока или напрямую, через Великую Степь, населенную враждебными и многочисленными кипчаками, которые, объединившись, могли невежливо потребовать дележа богатой добычи у переправ через широкие реки. Кроме того, Субудай рассматривал свой бросок на запад как разведку боем и, исходя из такой цели, решил обогатиться новыми сведениями о землях, лежащих в бассейне Волги, попутно подкрепившись свежей добычей. Он сделал стремительный рейд на северо-восток, напал на болгар, оказался в ловушке, потерял часть до-

бычи и воинов, но все же благополучно унес ноги. Гигантская удавка захлестнула полмира.

— В Волжской Болгарии Субудай потерпел единственное свое поражение?

— Нет. Позже споткнулся о Козельск.

— Разве он там был?

— Да. Правда, до Козельска нам еще далеко... А пока последуем в монгольские степи, чтобы продолжить жизнеописание Субудая. В 1224 году, когда Чингиз-хан и Субудай вернулись домой, военные действия между чжурчжэнями и китайцами были прекращены, тангутское государство Си Ся заключило с Цзинь официальный мирный договор, а Корё, отгородившее свой полуостров мощной оборонительной системой, явно готовилось освободиться от данничества. Весь 1225 год эмиссары собирали по степям, формировали, вооружали, приучали к жесточайшей дисциплине многотысячное войско. Скорее всего, командовал организацией дела Субудай со своим уже огромным военным опытом. И, казалось, само небо помогало ему — до берегов Керулена дошла с востока радостная весть о неслыханной беде, постигшей чжурчжэней.

Экономической основой жизни государства Цзинь были воды великой Хуанхэ, перешедшей еще по договору 1142 года в полное его владение. Она служила главным транспортным средством в широтном направлении, а по гребням плотин и створам двадцати пяти шлюзов и понтонным мостам шли поперечные грузопотоки. Другой такой большой реки и столь освоенной человеческим трудом не существовало тогда на планете. Ни с чем не сравнимым было ее сельскохозяйственное значение — полностью зарегулированный сток Хуанхэ обеспечивал водой огромные орошаемые площади. Особой заботой чжурчжэньского правительства, создавшего специальную палату водного надзора и водного транспорта, была охрана и содержание плотин Хуанхэ: искусственные сооружения реки сторожили войска чжурчжэней, а в 1189 году, например, судя по докладу министерства общественных работ, на возведении и ремонте ее плотин трудилось свыше шести миллионов человек!

Жизнь и стабильность реки обеспечивал мир на ее берегах, а мира там не было уже пятнадцать лет. И вот

в 1225 году — не то из-за ослабления надзора за плотинами, не то из-за непредусмотренных чрезмерных отложений лёссовой взвеси в районах искусственно замедленного течения — Хуанхэ изменила русло и ввергла страну в хозяйственную катастрофу непоправимых масштабов.

А в следующем году, кульминационном по негативным хозяйственно-экономическим последствиям, огромная конная орда снова вторглась в страну, одновременно расправившись с государством тангутов.

Любознательный читатель. Мы его как-то обошли стороной. Когда оно образовалось?

— За полтора века до основания государства чжурчжэней, в 982 году, одновременно, кстати, с образованием Русского многонационального централизованного государства со столицей в Киеве... Тангуты создали сильное самостоятельное государство, выдержавшее семь больших войн с дочжурчжэньским северокитайским государством Сун, две — с киданями, побеждавшее в сражениях уйгуров, тибетцев и чжурчжэней. Еще в самом начале века Чингиз-хан несколько раз нападал на Си Ся. В 1209 году он, организовав ложное бегство и заманив врага в засаду, разгромил пятидесятитысячную тангутскую армию, взял огромный выкуп, а дочь царя Бурхана — в жены. И вот в декабре 1226 года последнее страшное поражение войск тангутов, длительная осада городов и столицы. Осенью 1227 года Чингизхан умирает среди кровавого ристалища, а его орда, проводив хана к месту погребения и убивая все живое на пути, тут же буквально стирает с лица земли государство тангутов. Люди, города, храмы, школы — все было уничтожено без остатка и навсегда, как и оригинальная культура этого народа.

— У него была самостоятельная культура?

— Да. Тангуты создали, в частности, свою письменность, непохожую на китайскую, уйгурскую или чжурчжэньскую. Драгоценным осколком этой культуры является язык и литература; сохранившиеся тангутские книги и рукописи — богатейший материал для современных исследователей...

А война с чжурчжэнями вновь приобретала затяжной характер. После смерти Чингиз-хана она продолжалась, потом двухгодичное исполнение великоханских

обязанностей его младшим сыном Толуем — война продолжалась, избрание на этот пост Угедея — война продолжалась, наконец вступив в заключительную фазу. Из военачальников, уничтоживших государство чжурчжэней, история выделяет Угедея, Монке, Толуя, Чжэбе и, конечно же, нашего старого знакомого Субудая. Батый же и его брат Орда, кажется, не принимали в той войне никакого участия, однако произошло в этот период одно очень важное событие, связанное с Батыем и — опять же! — будущими судьбами Руси. В 1229 году на Керулене состоялся общеимперский курултай — собрание ханской, родовой и военной знати, выбравшей великим ханом Угедея. Курултай, очевидно, по докладу Субудая, принял решение о большом походе на запад, назначив главным его шефом Батыя. Однако в тылу оставалось сражающееся государство чжурчжэней, героическая борьба которого на целых восемь лет отсрочила нашествие орды на Русь.

Опускаю многие подробности последней войны чжурчжэней. Она была неслыханно жестокой, как все войны, которые вели полководцы степной орды, сумевшие и тут предательством облегчить себе победу — договорились с Южной Сун о союзничестве в обмен на самую богатую Цзиньскую провинцию, которую, конечно, потом так и не отдали... Все чжурчжэни, способные держать оружие, вышли мужественно встретить смерть, далекие предки маньчжур, нанайцев, ульчей, удэге и орочей тысячами гибли на полях, сопках и крепостных стенах, в лесных и горных фортах. Многие их полководцы, одержавшие ряд побед над вторгнувшейся степной ордой и несметными толпами подневольных китайских солдат, были наделены талантами военачальников, личным мужеством, патриотизмом, рыцарской честью в высшей степени. Древние хроники повествуют, как один из них, захваченный войском Толуя, попросил привести себя к нему и на вопрос о том, кто он такой, ответил: «Я — полководец Чэнхошан, разбивший монголов под Даганюанем, Вэй-чжоу и Дао-хой-Чу. Если бы я был убит в схватке, то могли бы подумать, что я скрылся и изменил отечеству; теперь же будут знать, каким образом я умер». Он гордо отказался опуститься на колени перед Толуем, и ему отрубили ноги, потом разорвали рот

до ушей, а он, захлебываясь кровью, все кричал: «Никогда до этого не унижусь!» Победившие, потрясенные ужасным зрелищем, попивали между делом, однако, кумыс и молили: «Великий воин! Если когда-либо ты вновь возродишься, то удостой этим нашу землю!»

Любознательный Читатель. Мороз по коже... А это не легенда?

— Ваньянь Чэнхошан — историческая личность. По происхождению он — чжурчжэнь, хотя, как и многие другие его соотечественники, включая самих императоров, носил также китайское имя. Это был, бесспорно, храбрый и умелый военачальник.

— Но выходит, что сын Чингиза Толуй при всей его жестокости был выдающимся полководцем, если победил такого противника?

— Один современный ученый дает ему, единственному чингизиду, отличную характеристику как воину, но ставит эти его качества в прямую зависимость от главного наставника. «Военную выучку он получил в Китае, сражаясь против лучших чжурчжэньских полководцев под *руководством Субэтэя-богадура...* (курсив мой.— *В. Ч.*). Близость к Субэтэю обеспечила Толую популярность в войсках». Субудай же, как пишет этот ученый, «за пятьдесят лет военной службы не потерпел ни одного поражения».

В средневековых манускриптах есть удивительная по силе и краткости характеристика главного полководца орды, сделанная китайским хроникером через высказывание другого чжурчжэньского военачальника — Хады. Перед смертью Хада, как и Чэнхошан, тоже пожелал увидеть своего победителя, но совсем по другой причине. Когда Субудай спросил, что заставило Хаду этого добиваться, тот ответил: «Твое чрезвычайное мужество. Небо, а не случай родит героев! И так как я теперь тебя видел, то спокойно пойду на казнь».

Далее последовало жестокое поражение цзиньских армий под Юйшанем и Иньчжоу — 1231, и оборона Кайфына — 1232 год. Н. Я. Бичурин: «В столице строили баллисты во дворце. Ядра были сделаны совершенно круглые, весом около фунта... Баллисты были строены из бамбука, и на каждой стене городской поставлено их было до ста. Стреляли из верхних и нижних попеременно, ни днем, ни ночью не переставали... Отбойные

машины на стене городской были построены из строевого леса, взятого из старых дворцов». Днем и ночью, однако, летели в город через рвы, валы и стены зажигательные снаряды неприятельских баллист... «1000 человек отважнейших солдат... должны были из прокопанного под городской стеной отверстия, переплыв через ров, зажечь подставки под баллистами...»

Все было напрасно: силы осажденных иссякали, а завоеватели гнали к стенам новые и новые скопища людей, заполнявших своими телами глубокие рвы. Когда орда ворвалась в город, шестьдесят тысяч девушек бросились с крепостных стен, и еще долгие годы опустошенный город отпугивал оставшихся в живых людей тем, что было во рвах...

Одна из главных причин поражений, конечно, та, что чжурчжэни не могли рассчитывать на стойкую поддержку народных масс китайского населения, для которых они тоже были захватчиками, хотя чжурчжэни, пять-шесть поколений коих родилось здесь, по праву считали эти земли родиной и сражались уже за свое отечество. Кстати, чжурчжэни в целом не были паразитической, эксплуататорской нацией — по данным археологов, военно-аграрные и крестьянские поселения простолюдинов представляли примитивные жилища с довольно жалким скарбом... Война продолжалась! Весной 1234 года соединенные силы степных пришельцев и южносунских китайцев осадили последнее прибежище правительства чжурчжэней — город и крепость Цайчжоу. Император Айцун, он же Ниньясу, поняв, что скорая и окончательная гибель государства и народа неизбежна, покончил с собой. «Нючженский государь предал себя огню»,— писал Н. Я. Бичурин. Его преемник Мо-ди погиб с мечом в руках. Империя чжурчжэней прекратила свое существование, но... война продолжалась! На амурских островах и в Приморье еще целый год защищались последние обреченные чжурчжэньские крепости. Советские археологи недавно раскопали близ современного Сучана одну из последних крепостей чжурчжэней, разрушенную в 1235 году, через четверть века после начала войны...

Любознательный Читатель. Да, это был народ-герой, а все героическое в истории нужно человечеству для будущего.

— И величие всемирной истории в том, что она неуничтожима...

— Кстати, мы продолжим военную биографию Субудая?

— Думаю, что в 1235 году, когда на Дальнем Востоке уничтожались остатки чжурчжэньской государственности, он уже занимался другим делом. Попутно сообщу, что полностью стереть с лица земли чжурчжэней не удалось — часть их осталась на территории теперешней Маньчжурии, уцелела и по новому административному китайскому делению даже добилась своего рода автономии, другая скрылась в непроходимых дебрях уссурийской тайги, на века сохранила традиции и обычаи предков. Язык чжурчжэней во второй половине XVIII века изучали маньчжурские школьники Новой Цзинь... Но вернемся к Субудаю и 1235 году. Для истории Евразии этот год имеет особое значение.

— Постойте-ка! Именно в этом году курултай подтвердил свое решение о походе на Русь? Значит, судьба государства чжурчжэней второй раз сомкнулась, оказалась непосредственно связанной с последующими событиями в средневековой Руси?

— Конечно. Руки на востоке были развязаны, освободился от работы главный исполнитель экспансионистских замыслов паразитической степной верхушки, объединения политиканов и милитаристов-феодалов, хорошо приспособившихся таскать каштаны из огня чужими руками. К тому времени Субудай накопил колоссальный опыт организации степного войска, использования пленников в военных целях, приобрел ничем не заменимые навыки ближней и дальней разведки, охраны ставки, штурма городов. Обладал он, конечно, и личным мужеством, природной хитростью и закаленной, сильной волей, а также благоприобретенной верноподданнической психологией. Не исключено также, что он вынужден был служить Чингизу и чингизидам, подчиняясь жестким и жестоким нормам, регламентирующим порядки в монгольской феодальной империи.

— Его фигура постепенно вырисовывается как своеобразный символ тех далеких и тяжких времен, вобравший в себя черты века; это был, так сказать, типичный монгол.

— *Субудай не был монголом*, то есть представите-

лем той народности, этническую основу которой составили северокеруленские племена «мэнгу», «мэн-ва», роды борджигин, тайчжиут и другие.

Взгляните на физическую карту Евразии. В самом центре Великой Степи расположена алтайско-саянская горная система. Мне посчастливилось побывать во многих ее районах — в Туве и Горно-Алтайской автономной области, в Хакасии и Горной Шории, на юге Красноярского края и в Иркутии, на хребтах Иолго, Хамар-Дабан и Абаканском, на Телецком озере и в Казырской долине, на шорской речке Мрас-су и саянской Тубе. Можно сказать, что и родился-то я здесь, на самом северном отроге Алатау: в районе Мариинска — Тайги кончается всхолмленная местность, к северу идут уже низины, переходящие в нарымско-васюганские хляби, и наши места стокилометровой полосой соединяют алтайскую черневую тайгу с урманной томской. От самого Урала станция Тайга имеет на Транссибе высочайшую для Западной Сибири отметку, и в наших лесах те же кедры, кандыки, сарана и марьин корень, что на Алтае или в Саяне. Леса этой горной страны — богатейшие во всей Сибири, в них водится ценный пушной и снедный зверь, включая благородного оленя с его чудодейственными пантами, кедровники дают орех, подлесок — ягоды, реки — рассыпное золото и рыбу, травостои — мед, лекарства и корм скоту, недра — руды, которые еще в глубокой древности обращались в железо, бронзу, серебряные изделия.

В алтайско-саянских горах с доисторических времен жили люди, а бурная история Великой Степи издревле перемешивала ее народности и этнические группы. Тысячелетиями сюда стекалась степная вольница, угонщики табунов, искатели приключений, батыры, поссорившиеся с родичами, оскорбленные тиранством беглецы. В борьбе за существование, в опасных переправах через бурные реки и высокие горные перевалы, в охоте на медведей и козерогов формировался особый тип азиатского горца — это были смелые до отчаянности люди, физически крепкие, выносливые, умеющие владеть оружием и легко переносящие жару и холод. И в самом центре этой страны из разноплеменных элементов сложились с незапамятных времен не слишком многочисленные, но стойкие и сильные племена, называвшие себя

«туба», по китайским источникам — «дубо», по Рашид-ад-Дину —«урянхи», по востоковедческой терминологии — «дуболары»...

На географической карте имя этого народа отразилось в названии правого енисейского притока Тубы, образующейся от слияния саянских рек Казыра и Кизира. В наши дни далекие потомки горно-лесных жителей Южной Сибири именуются тофаларами — эта немногочисленная народность прирожденных охотников и оленеводов до революции прозывалась «карагасами» и тувинцами, что по старой русской этнографической терминологии значились «урянхайцами».

Из фундаментального труда Г. Е. Грумм-Гржимайло «Внутренняя Монголия и Урянхайский край» мы узнаем, «...что Чингиз-хан набирал из них свои отборные дружины, что они же *входили в состав его гвардии*». (Курсив мой.— *В. Ч.*). В том же труде со ссылкой на различные источники указывается, что свою славу отменных воинов урянхайцы пронесли через века, принимая участие во многих азиатских войнах. Известный граф Рагузинский, занимавшийся в XVIII веке установлением сибирских границ, например, уточнял в своих «Записках» южносибирские военные и политические обстоятельства: «...наилучшие войска мунгальские и называются урянхи», а один монгольский полководец нового времени для тяжелейшего военного похода сквозь Тибет в 1717 году «...составил свой 6-тысячный корпус главным образом из урянхайцев»— это уже из французского исторического труда. Через сто лет после этого похода остроту урянхайских сабель испытали на себе, кажется, и сами французы: «...Среди волжских калмыков имеется поколение уранхус, которое в Отечественную войну, а именно под Лейпцигом, отличилось чрезвычайной храбростью».

Так вот, Субудай так же, как и Чжельме, другой «пес» Чингиза, некогда спасший ему жизнь, были *урянхайцами*. Добавлю, что громкие победы Хубилая и Монке в Китае также нельзя приписывать только этим потомкам Чингиза. Нет, Субудай к тому времени уже, наверное, вышел, как говорится, в отставку или же умер, но его сменил другой урянхаец, который даже в имени своем, быть может, даже кличке-псевдониме, сохранил название родного народа. Ссылаясь на Рашид-

ад-Дина, почти современника и, бесспорно, лучшего знатока событий, Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет: «Знаменитые монгольские полководцы Субудай, сподвижник Чингиз-хана, и Урянктай, сподвижник Монке и Хубилая, были родом урянхайцы». Субудай, как мы уже знаем, был не только сподвижником Чингиз-хана, но и наставником его сына Толуя, однако на этом его исключительная роль в войнах XIII века не завершилась. Что же касается Урянктая, то я приведу о нем сведения из древних китайских летописей, не отвечая за их достоверность: «Урянгдай... ходил с Гуюком в 1245 году против чжурчжэней». «...А еще с князем Ба-ду на кипчаков, русских, оболеров и других»... «В 1246 году он снова ходил в карательную экспедицию против Бо-леров и Не-ми-сы». Позже, при завоевании Южного Китая, он стал главным полководцем орды. Добавлю, что Урянктай приходился Субудаю родным сыном...

14 Монгольская «Юань-чао би-ши» («Сокровенное сказание»): «Огодай (Угедей)... отправил в поход Бату, Бури, Монке и многих других царевичей *на помощь* (курсив мой. — *В. Ч.*). *Субеетаю,* так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингиз-хане... за многоводными реками Адил и Даях (Адил — Итиль, Волга; Даях — Яик, Урал. — *В. Ч.*). «Старший брат Чаадай (Чагатай) сообщал мне (Угедею): царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, *посылаемых в помощь Субеетаю* (курсив мой.— *В. Ч.*). По отправке в поход старших сыновей получится изрядное

войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран так много, и народ там свирепый. (Перевод С. Козина; 1941 год. В переводе архимандрита Палладия; середина прошлого века: «Слышно, там неприятели чрезвычайно круты».— *В. Ч.*). Это такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры».

Курултай назначил старшим в походе внука Чингиз-хана Батыя, но для фактического руководства войском ему был придан Субудай, который долго и тщательно готовил набег.

Орда двигалась на запад, вбирая по пути отряды воинов со всей Великой Степи, формируя из родов и племен конные десятки и сотни, как это делали полководцы бывшего народа джурдже — так именовали чжурчжэней средневековые восточные летописцы. И вот перед сверлящим глазом Субудая выстраивается очередная тысяча, готовая по указке его кнута броситься вперед и заполнить пространство пылью, топотом копыт и ржаньем коней, древним боевым кличем «У-р-ра-а-гх!». На этот раз Субудай предусмотрит все и не позволит ни башгирдам, ни болгарам, ни кипчакам, ни урусам оказать более или менее дружное сопротивление.

Персидский «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина: «Они дошли до города (Булгара) Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джику, изъявили царевичам покорность, были (щедро) одарены и вернулись обратно (но потом), опять возмутились. Вторично послали (туда) *Субэдай-бахадура,* пока он не захватил (их)».

Ипатьевская летопись: «В лето 6745. Приидоша безбожные Измаильтяне, прежде бившиеся с князьями Русскими на Калке. Бысть первый приход их на землю Рязанскую».

Китайская «Юань-ши»: «Когда дошли до города Е-ли-цзань (Рязань.— *В. Ч.*), то был большой бой, и город взяли только через семь дней».

Несколько слов о тактике предводителей орды. Суть ее русский народ окрестил пословицей: «Молодец про-

тив овец, а против молодца — сам овца». Если орда видела, что противник сильнее, она рассыпалась во все стороны по степи и вскоре исчезала за горизонтом. Быстроногие, выносливейшие степные кони были способны скакать по сотне верст подряд, от зари до зари, и неожиданно появляться перед очередной жертвой, не готовой к отпору. Блестяще организованная армия профессиональных воинов внезапно нападала на противника, во много раз превосходя его численностью, боевым опытом, легким совершенным оружием. Нужно также учесть, что орда умела получать о будущих жертвах достаточно нужных сведений военно-стратегического характера через степных осведомителей, служащих далеко на западе, вездесущих купцов, зорких воинов-соглядатаев, высылаемых вперед загодя, а непосредственно перед сражениями — с помощью опытных так называемых «послов», чьи главные обязанности были вовсе не дипломатическими.

И вот переправа через широкую холодную Итиль, последние костры из мордовских и буртасских жилищ, грабежи и насилия. Земли урусов лежали за густыми лесами, не замерзшими еще реками, болотами, и надо было нагрянуть туда вместе с первыми снегами и морозами. Города и села урусов, разобщенные распутицей, были столь беззащитны перед стремительно приближавшейся ордой, что Субудай, уже нисколько не сомневаясь в успехе набега, отпустил Монке и Бучека, сыновей своего выученика Толуя, на юг — против половцев и ясов, не ждущих такого врага с севера.

Неожиданность набега — вот главный козырь Субудая. Стояла обычная затяжная русская осень, первые белые мухи уже полетели, стали короткими сумеречные дни, когда так дремотно ждется долгая ночь у теплой печи, и какая тебе тут война, если от веку степняки нападали ранней весной, по свежей траве, либо сразу после уборки урожая. А со стороны степи так долго было все спокойно...

Субудай, набирая скорость, обошел с юга, лесостепью, заболоченные мещерские дебри и устремился к Рязани, свалившись воистину как снег на голову, а точнее, как ночной тать из лесу. «Послы» орды предъявили рязанцам наглый ультиматум: «От всего, иж имате в земли вашей, от человек, скотов и товаров де-

сятое»... Рязанский князь Юрий Ингоревич собрал «братию» и всех своих вассальных князей на совет, который «много гадав, положиша, лучше всем помрети, нежели сором на ся прияти». И вот те, кого лишь очень условно можно назвать послами, услышали: «Отцы и деды наша испоконь дани никому не вдаваша, а за свою землю и честь головы складаша. То же и мы... *И одарив послы тии, отпустиша»* (курсив мой.— *В. Ч.*).

Согласно летописям и В. Н. Татищеву, совет рязанских князей сообщил Батыю: «шлем послы наши со дары».

Время сохранило до наших дней прекрасное произведение русской средневековой литературы «Повесть о разорении Рязани Батыем», в которой утверждается, что великий князь нарядил посольство во главе со своим любимым сыном Федором, со многими богатыми дарами, дабы попытаться отвратить беду от земли Рязанской. Покойный советский писатель В. Ян в своей исторической трилогии описывает этот факт, как бесспорно правдивый, числя среди послов пронского и ижеславльского князей, а также нескольких знатных бояр. Батый принял подарки, но, исключая всякую возможность благополучного исхода мирных переговоров, поставил неслыханное условие — отдать пришельцам в наложницы сестер и дочерей рязанских князей. Однако этого ему показалось мало — узнав, что княгиня Евпраксия, супруга главы посольства, происходящая из царского византийского рода, славится необыкновенной красотой, сказал князю Федору: «Дай мне, князь, познать жены твоя красоту». Тот засмеялся и ответил: «Не прилично нам, христианам, тебе нечестивому царю водить жен своих на блуд. Если нас одолеешь, то и женами нашими будешь владеть». Взбешенный хан повелел *убить всех русских послов.*

Народная память бывает цепче, а народные знания глубже, чем знания и память отдельного человека, особенно келейного писца, его редакторов и цензоров, далеких от событий. Надо также учесть, что средневековая русская нежитийная литература, свободная в интерпретации подробностей, *не знала,* как считает современное литературоведение, *вымышленных сюжетов.*

Сказание о рязанской княгине Евпраксии написано просто и драматично, великолепным старым русским

языком. Невестка великого князя, узнав о гибели в степной ставке Батыя своего мужа Федора, решается разом оборвать муки неизбывного горя. «Стояше в превысоком тереме своем и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковые смертоносные глаголы, и горести исполнися, абце (тотчас) ринуся из превысокого храма своего с сыном своим Иваном на среду земли и заразися до смерти (разбилась насмерть)». Возвратившиеся на руины рязанцы перенесли останки Евпраксии и ее сына в храм Николы Корсунского, почему храм этот и стал называться «Николой Заразским»...

Мы с детства восхищаемся великими поступками древних, чаще всего греческих да римских мужей и жен, а чем, скажите, уступает любому легендарному деянию чужеземки поступок Евпраксии — этот лебединый порыв навстречу смерти, крайнее доказательство супружеской любви и верности?

Правда, нас сызмальства учат, что убийство Федора и всего посольства, поступок Евпраксии, партизанский рейд Евпатия Коловрата, возвращение князя Ингоря Ингоревича на пепелище Рязани, захоронение Евпраксии с сыном в храме — легенды. Но почему такая череда легенд, исполненных достовернейших подробностей, вдруг возникла в одном месте Руси и в одно время?

Косвенное подтверждение легенды о Евпраксии, например, есть в былине о Даниле Ловчанине, в воинской повести о Евпатии Коловрате, в новом названии храма Николы Заразского. В летописях же, на которые издавна опирается наука, и в самом деле нет никаких сведений как об этой трагедии, так и том, в частности, что рязанцы возвратились в свою разоренную столицу. Однако новейшие археологические данные свидетельствуют — возвращение такое состоялось. Ведь летописцы и хроникеры фиксировали далеко не все! Вот несколько примеров. В скандинавских хрониках нет ни малейшего намека на разгром Александром Ярославичем шведского войска на Неве в 1240 году! Археологи раскопали вблизи современного Житомира целый город, полностью уничтоженный ордой в 1240 году, но названия его никто не знает — летописи о нем молчат. А много лет назад меня на всю жизнь поразило краткое сообщение Ипать-

евской летописи, которой историки доверяют больше, чем другим: «В лето 6750 не бысть ничтоже», то есть не было ничего. А ведь «лето 6750» — это 1242 год, в который произошло одно из важнейших исторических событий средневековья — Александр Невский разбивает на Чудском озере немецких захватчиков!..

Что же касается так называемых легендарных рязанских событий 1237 года, то и летописное подтверждение им все же есть! Сравнительно недавно вышел тридцать первый том «Полного собрания русских летописей», в котором напечатан так называемый «Мазуринский летописец», где со многими подробностями излагается нашествие орды на Рязанскую землю. Когда я прочел, например, как «приидоша погании ко граду, онии с огнии, а инии с порохи», то понял, что это было не что иное, как *чжурчжэньский огонь*. О достоверности летописного текста говорит, в частности, и то, что Евпатий Коловрат здесь назван по имени-отечеству, чего нет в повести. Подробно рассказывается в этой летописи и о гибели посольства князя Федора, и о смерти Евпраксии вместе с младенцем Иваном Постником, родившимся, очевидно, во время великого поста, то есть весной того года.

Правда, «Мазуринский летописец» датируется XVII веком, и в основе его вроде бы разные источники — Лаврентьевская и Никоновская летописи, святцы, Четьи-Минеи, грамоты, хроники, хронографы, однако редакционная коллегия тома поясняет: «вполне возможно, что все эти источники использованы составителем не непосредственно, а путем использования какого-то раннего источника». А великий знаток русских летописей академик М. Н. Тихомиров, изучавший в свое время «Мазуринский летописец» по оригиналу, считал, что часть сведений его, касающихся XIII века, заслуживает внимания.

Мои предки по матери и отцу происходят с Рязанщины, из-под Пронска,— они жили там с незапамятных времен, и я допускаю, что далекие их, а значит, и мои пращуры встретили там самый страшный год в истории

этого края, расположенного на границе со степью. Из всех русских земель удельное Пронское княжество и его население стали первой жертвой орды перед самой зимой 1237 года.

Героически-отчаянное, но недолгое сопротивление в поле рязанских, пронских, муромских, ижеславльских дружин. И вот, как пишется в той же «Повести о разорении Рязани Батыем»: лежат они «на земле пусте, на траве-ковыле, снегом и ледом померзоша, никем не брегоми, и от зверей телеса их снедаеми, и от множества птиц разтерзаеми. Все бо лежаша купно, едину чашу пиша смертную». «А татарове,— повествует В. Н. Татищев,— видевше многих своих избиенных, разсвирепеша зело, начаша всюду вооевати, грады разоряя и пожигая, люд избивая и пленя с великою яростию». Это краткое и обощенное описание рязанских событий 1237 года лишено подробностей, которые сберегла народная память и тогдашняя литература.

«Великую княжну Агрипену, матерь великого князя, з снохами и с прочими княгинеми мечи иссекоша, а епископа и священнический чин огню предаша, во святой церкве пожегоша, а инеи многи от оружия подоша, а во граде многих людей, и жены, и дети мечи иссекоша, и иных в реце потопиша; иереи, черноризца до останка иссекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство рязанское и сродник их, киевское и черниговское, поимаша, а храмы божия разориша, и во святых олтарех много крови пролияша». Горькие эти строки замалчивают то, что легко вообразить. Во время сражения воин орды под страхом немедленной смертной казни не мог хватать добычу, мародерствовать и насильничать, но после победоносного боя захваченный город на три дня поступал в полное распоряжение этих самых рядовых воинов. Уничтожив всех способных к сопротивлению, озверевшая орда не только грабила «узорочие нарочитое», она живьем сжигала десятки девушек вместе с каким-нибудь убитым нойоном, бросала детей в пламя горящих изб. Прошу прощения у читателя и за такую правду — после тысячеверстного мужского поста орда набрасывалась на женщин, девушек и девочек, которых, конечно, не хватало на всех, и мало кто без содрогания может представить себе, что происходило из-за этой нехватки на пылающих улицах горо-

дов и сел рязанских. Средневековая наша словесность с деликатностью, присущей всей русской литературе, молчит об этом, а история при описании бесчинств орды ограничилась одной краткой и строгой формулой: «много ругание творяше...»

Н. К. Гудзий, как мне помнится со студенческих лет, считал средневековую рязанскую литературу, в частности, повести о разорении Рязани ордой, по их идейно-художественной значимости выдающимся, вторым после «Слова о полку Игореве» явлением нашей старой словесности... Завидую тем, кто еще не читал рассказ-старину об Авдотье-рязаночке — впереди у них радость встречи с романтической, умной и красивой притчей, пленительным образом русской женщины-патриотки. Действие условно перенесено на туретчину. Некий царь Бахмет разорил Русь, убил всех князей и бояр, увел большой полон. И вот, проделав долгий, полный опасности путь, молодая женка Авдотья-рязаночка является к царю Бахмету выручать брата, мужа и свекра. Он предлагает ей выбрать одного из родных и за неправильный выбор пригрозил отсечением головы. Авдотья выбирает брата, потому что муж и свекор у нее еще могут быть, а брата никогда: «Не видать мне буде единыя головушки,— мне милого братца родимого, да не видать век да и по веку». Бахмет, у которого во время набега русские убили брата, заплакал, одобрил выбор и за речи разумные и слова хорошие вернул Авдотье-рязаночке весь полон, который она привела в родные места и расселила по-старому...

Есть в средневековой рязанской литературе сложная по сюжету, интересная по разработке характеров «Повесть о Петре и Февронии», в центре которой снова женщина — разумная и справедливая, умелая и терпеливая Феврония, отстаивающая свое право любить избранника; есть более позднее «Сказание об явлении Унженского креста»— трагедия двух любящих друг друга сестер, разлученных на всю жизнь; есть прекрасное биографическое повествование о муромчанке Юлиании Лазеревской, посвятившей себя обездоленным и несчастным людям... Известный дореволюционный литературовед В. А. Келтуяла, по учебникам которого гимна-

зисты, студенты и курсистки вникали в нашу литературную старину, писал: «Почему муромо-рязанское творчество обнаруживало особый интерес к женщине, остается неизвестным». Н. К. Гудзий, насколько я помню его книги, лекции и семинары, такого вопроса вообще не ставил, хотя ответ на него, мне кажется, очевиден.

Великий Саади: «После вторжения монголов мир пришел в беспорядок, как волосы эфиопа. Люди стали подобны волкам». Русская литература, всегда выражавшая нравственные народные идеалы, откликнулась на невиданное бесчеловечие и разоренье родной земли произведениями высокого гуманистического смысла. Муромо-рязанцы, испытавшие первый, самый страшный удар орды, создали галерею прекрасных женских образов, олицетворявших великие человеческие идеалы — любовь, верность, братство, сострадание, поведали о взаимопомощи и бесстрашии, об уме, гордости и самообладании русских людей; это было бесценным духовным оружием наших предков, попавших под иго завоевателей...

Нет, надо читать нашу средневековую литературу, включая летописи, их своды и переложения; в них столько воистину бессмертных, художественно совершенных страниц, столько возвышенных, хватающих за душу строк, столько непреходящего, такого, что нам нужно сегодня!

Субудай, в сущности, ничем не рисковал, напав поздней осенью 1237 года на северо-восточную Русь. Он понимал — лишь объединенные силы *всех* русских земель смогут не только противостоять воинству, но и уничтожить его, однако *точно знал*, что не встретит их, а разгромит княжества по одиночке. И дело было не только в феодальной раздробленности тогдашней Руси или же соперничестве, местничестве, политическом эгоизме русских князей, что издавна принято за главную причину побед орды. Это верно, что Михаил черниговский в той конкретной военно-стратегической ситуации не помог своими войсками Юрию рязанскому, *но мог* ли он это сделать, если бы даже очень захотел?

Вспомним, что великий князь рязанский Юрий Ингоревич, узнав о появлении на русских рубежах орды, по-

слал гонца в Чернигов. Летописи и народная память не сохранили имя этого посланца, который, в полной мере осознавая смертельную опасность, грянувшую над Русью, загнал, наверное, не одну лошадь. Прошу представить тысячу, если считать взгорки да петлястую кривизну средневековых, не спрямленных верст по осенней распутице, под дождем и снегом, сквозь густо облесенные долы, переправы через глубокие реки, броды, ночевки у костров. С какой скоростью гонец мог передвигаться? Для сравнения приведу сведения об одном рекордном конном переходе нового времени. В 1935 году группа спортсменов-конников прошла на чистокровных ахалтекинских скакунах из Ашхабада в Москву. Причем двигалась она в лучшее время года, поровну и посуху, налегке и с хорошим отдыхом после каждого дневного броска... В первые три дня спортсмены делали по сто двадцать километров за сутки, а последующие — в среднем менее пятидесяти, преодолев путь в четыре тысячи триста километров за восемьдесят четыре дня. Еще раз представьте себе, дорогой читатель, условия перехода рязанского гонца в ноябре — декабре 1237 года. Если он делал в день даже по сорок с лишним километров, то и в этом случае должен был добираться до Чернигова не менее трех недель.

И вот вообразим этого гонца в богатой, многолюдной, колокольной столице Северской земли, где, согласно различным источникам, находился в это время рязанский воевода Евпатий Коловрат. Если моему любознательному читателю хочется узнать, что там произошло, я могу на несколько минут свести его с самим Евпатием Коловратом. Эту воображаемую беседу лучше провести у лесного костра, когда воевода возвращался из Чернигова...

Морозная лунная полночь, снег на деревах синеет под синими звездами, кони вокруг жуют в торбах овес, воины кашляют у костров, ворочаются от холода, подступившего из лесу, что-то бессвязное бормочут сквозь тяжелый сон. Их всего триста человек с ним, отборных дружинников князя черниговского Михаила Всеволодовича...

Евпатий Коловрат бдит у тлеющего костра на кон-

ском потнике; грудью широк, лицом темен, плечами грузен, очами беспокоен и блескуч, будто жжет его изнутри огонь. Спросим его для начала разговора:

— Труден был нынешний переход?

Евпатий Коловрат. Еще как труден-то, не приведи господь. Лихо над Русью... Снеги пали глубокие, коням тяжко. Видишь, при нас щиты, мечи, копья, кольчуги, шлемы — без сего зачем идти? Овес, мясное и рыбное копченье, хлеб и мед — без сего не дойти... Лихо, лихо над Русью грянуло! Тропы уж перемело, а реки не встали. Забереги-то прихватило, но стрежень струит живой. Спешим, а день-то короток... Кони обезножели частью, и мы их забили.

Любознательный Читатель. Ноги поломали в колдобинах под снегом или на поторчины напоролись?

— Не так. В реке, на броду. Знать, это козляне от поля брод оборонили, а в Чернигов о сем не успели донесть.

— Как можно пустынный речной брод оборонить?

— Кованые железки с тремя шипами рассыпали по броду. И как она ни упади на дно — шип вверх смотрит... Степняки часто рады, если сменного коня теряют — свежатина, а русские поганое не едят. Коней забили, чтоб не мучились, обошли броды глубью да вплавь по стрежню, а забережный лед рубили мечами, вымокли до нитки, едва обсушились у огней; вон, слышь, кашляют витязи...

— Они пошли с вами по доброй воле?

— Подал я голос на черниговской площади: «Лихо над Русью, татары пришли, кто рязанцам поможет?» Дружина княжеская вся ко мне с криком подвинулась. Этих триста северских воев я сам выбрал.

— А почему только триста?

— Ежели больше — обоз нужен в такое время, а мы спешим налегке.

— Михаил Всеволодович черниговский, выходит, не предал Рязанскую землю?

— Нет. Он, известно, рассуждателен больно, только предавать рязанцев он не предавал. Мы ночь рядили с его боярами и воеводами. Полную рать быстро скликать нельзя.

— Почему?

— Татарин знал, какое время выбрать. До залесно-

го Дебрянска по нынешней дороге четыре-пять дней верховой езды да обратно столько же... Степные богатые города и веси ближе, но поля убраны, свадьбы сыграны, в погребах меды бродят, дожидаясь всех, кто мог бы мечи в руках держать.

— Где же они?

— По лесным раменам вот этакими лунными ночами лес валят, дома рубят к весеннему сплаву в Киевскую и Переяславскую земли, а больше всего народу в далеких лесах, на ловах — мясо турье морозят, вепрей бьют, соболя и белку в силки имают — пушной товар по всем концам света в цене. Богатые-то ловы в лесах под Гомием и Дебрянском, куда с первым санным путем ушли северяне и должны вернуться только к рождеству Христову. И если б все были на месте, то и тогда нужно время, чтоб боевых и обозных коней снарядить, сбрую подновить, оружие подготовить, собраться всем в Чернигове да выступить через леса к Рязани с кормом для коней и съестным припасом для воинов. Санный путь тяжел, северская обозная рать втрое б отставала от верховой и совсем не могла бы переправляться через реки, пока льды не встанут... И ночевать у костров зимой не мед, заболеют люди горлом, головой, грудью — какие будут воины? Посекут их татары, как ту капусту... Лихо над Русью!.. И рассыпалась она по горошине! И каждая горошина в свою ямку запала да лежит-набухает. Наша Муромо-Рязанская земля отвалилась от Северской еще при Мономахе и сама поделилась на пять, потом на тринадцать уделов. А сколько ныне князей в Северской земле, и не скажу — козельские, трубчевские, сновские, рыльские, лопаснинские, вщижские, новгород-северские, путивльские, стародубские, дебрянские, карачевские... И каждый под себя норовит соседскую землю подгресть, чтоб дружину поболе соседской содержать. Правду говорил Игорь Святославлич черниговский, святую правду... И татар не угадаешь. Где они сейчас со всей своей силой? Не в Рязани ли уже? Их соглядатаи далеко впереди войска скачут. А может, обходят снежной степью и готовятся ударить по северским городам, по Чернигову иль самому Киеву!

— А воевода куда спешит столь безрассудно? Не разумней ли с этими богатырями засесть в каком-ни-

будь городе да задержать войско орды, побить, сколько можно, татар со стен?

— Где мой князь, там и я буду. Иного ни бог, ни русская земля не простят мне...

Рязань пала 21 декабря, в пересчете на новый стиль 28 декабря 1237 года — в XIII веке эта календарная разница составляла семь дней. Первый русский партизан Евпатий Коловрат торопил свою дружину «скорей скорого».

И приехал в землю Рязанскую,
И увидел ее опустевшую,
Города разоренными,
Людей пребитыми.

Ему удалось собрать отряд народных мстителей общим числом в тысячу семьсот человек, во главе которого он кинулся по кровавому следу орды. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Евпатий Коловрат догнал войско грабителей лишь на Владимирской земле примерно в конце января 1238 года.

Любознательный Читатель. Откуда эта дата?

— Вспомним, что 4 февраля орда подступила к Владимиру, через пять дней пошла на приступ, а между тем пал Суздаль — эти крупные события никак не отражены в богатой подробностями повести о нашествии врага, и Субудай перед штурмом главных городов Владимирской земли едва ли оставил бы в тылу, вблизи Суздаля, столь сильную и мобильную дружину противника, как будто воистину восставшую из мертвых.

— Но мог ли Евпатий Коловрат с такой сравнительно небольшой дружиной нанести какой-либо вред Субудаю?

— Немалый. Особенно тылам. Его отряд был, конечно, бессилен против всей орды, но она к тому времени, почуяв безнаказанность, рассыпалась по всей Владимирской земле десятками и сотнями, с которыми вполне мог расправляться Коловрат. Кроме того, сама военная тактика орды создавала возможность ведения против нее успешной партизанской войны, чего чжурчжэни осуществить не смогли. Плано Карпини писал: «Когда они желают пойти на войну, то отправляют вперед первых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия... Они... только ранят

и умерщвляют людей... За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит, также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают»... Так что Евпатий Коловрат, быть может, гнался за обозом по пятам самого Батыя, прикрываемого арьергардом и натерпевшегося, наверное, страху.

И едва нагнали они его
В пределах земли Суздальской,
Напали внезапно на стан Батыя
И начали сечь без милости.
И смешались полки татарские
От того удара нежданного.
Началось в их рядах смятение...

Понятно, что Субудай перед штурмом главных городов Владимирского княжества бросил против Коловрата большие силы и, согласно известному тактическому приему, взял партизанскую дружину в смертельное кольцо.

Снова бережно листаю крохотную ветхую книжечку «Героическая поэзия Древней Руси» с густо-красной, как тягучая застывающая кровь, обложкой и опять разглядываю выходные данные, свидетельствующие о том, что набрана она в осажденном Ленинграде. Нет, не зря гибли наши предки, если память об их мужестве народ, как оружие, хранил семь веков!

Любознательный Читатель. Евпатий Коловрат нам хорошо изложил реальную обстановку той давней и страшной зимы. Очевидно, Михаил черниговский действительно не смог в полную силу помочь рязанцам...

— Не успел бы. В Чернигове *ничего* не знали о реальной силе врага, его действиях и намерениях. Неминуемая гибель ждала бы, конечно, всю черниговскую рать, если б она все-таки собралась и поредевшей, измученной тяжелым зимним маршем за полторы-то тысячи лесных верст объявилась бы на ослабевших конях в тылу Субудая лишь в середине или конце февраля 1238 года. Несомненно также, что половцы, становища которых с осени разорял Монке, быстро донесли до Киева и Чернигова эту весть, и нельзя же было оставлять беззащитными города и земли лесостепной Руси!

— Но почему великий князь владимирский Юрий Всеволодович не помог рязанцам? Ему-то было совсем близко до Рязани!

— Строгой исторической науке *неизвестно*, когда во Владимире узнали о нашествии орды на Рязанское княжество и точной даты сражения на реке Воронеже. В. Н. Татищев, однако, сообщает, что рязанцы, отпустив послов орды, вышли к Воронежу всей силой, и только после этого сообщается, что к Юрию Всеволодовичу «послаша, зовуще его себе на помощь». Одновременно «слаша же ко северским и черниговским князьям»... Насчет чернигово-северских князей вопрос, кажется, абсолютно ясен — любая их помощь из такой дали не успела бы. Но мог ли оказать эту помощь Юрий, тот самый, что в 1223 году послал большую рать в Прибалтику? Даже на всполошные сборы дружины и ополчения нужна была хотя бы неделя — это самое обширное русское княжество, раскинувшееся на сотни верст во все концы, не могло сосредоточить достаточную военную силу в день-два, а осенью путь от Владимира до Рязани, как и сейчас, между прочим, нельзя преодолеть по прямой через непроходимые болота и леса. Он извилисто шел тогда через Москву и Коломну, а это около четырехсот километров. Что они значат, может доподлинно узнать сегодня закаленный спортсмен, если выедет верхом на очень выносливой лошади примерно в конце ноября и не будет в пути пользоваться современными дорогами, мостами и гостиницами, взяв с собой еду, фураж и тяжелое средневековое оружие... Юрий Всеволодович *сделал все, что мог!*

— Простите, а что же он сделал такого, что мы его должны через семь с половиной веков вроде бы реабилитировать?

— Наши предки в реабилитации не нуждаются — мы нуждаемся в этом... Юрий спешно собрал воинство и послал в нелегкую и неблизкую дорогу через свежие снега, болота и предзимние речные переправы. Кстати, тот спортсмен-энтузиаст пусть в ноябре переплывет с лошадью ныне помельчавшие и сузившиеся Колокшу, Пекшу, Клязьму, Ворю, Яузу, Москву-реку, множество других замерзающих рек и речек, сегодня совсем маловодных, и в полной боевой готовности прискачет по первым снегам к Рязани... Рать, которую собрал Юрий Всеволодович, не могла перелететь по воздуху — это был изнурительный марш-бросок, о темпах и иных подробностях которого можно только догадываться.

— Но, быть может, Юрий Всеволодович послал на помощь Рязани небольшой отряд или сторожевой дозор?

— Нет, это было большое войско. В Ипатьевской летописи ясно сказано: «Юрьи посла сына своего Всеволода *со всими людьми*». А в Суздальской уточняется, что в этом походе приняли участие даже новгородские войска: «поиде Всеволодъ сынъ Юрьевъ внукъ Всеволожь и князь Романъ и Новгородци съ своими вои из Владимеря противу Татаромъ». Возможно, что на помощь рязанцам поспешили воины из ближайшего новгородского форпоста Торжка.

Любознательный Читатель. А кто это — князь Роман?

— Рязанский князь Роман Ингоревич, который, как считают историки, владел Коломной. Он, очевидно, выставил против врага и свою дружину, и остатки рязанского воинства, и народное ополчение... Владимирцы и новгородцы во главе с князем Всеволодом и воеводой Еремеем Глебовичем успели дойти до Коломны — это была сильная крепость, важный стратегический пункт при впадении Москвы-реки в Оку. История не сохранила почти никаких подробностей о битве при Коломне, кроме нескольких слов в Лаврентьевской, Новгородской I, Суздальской, Тверской и Львовской летописях: «бысть сеча велика», «бишася крепко», «ту у Коломны бысть им бой крепок». В битве приняли участие главные силы орды — Рашид-ад-Дин перечисляет пришедших к «городу Ике», то есть Коломне, чингизидов, шефов отдельных соединений. Орда, Бату, Кулькан, Гуюк, Кадан и Бури, по обыкновению, не принимали личного участия в бою, но именно под Коломной был убит младший сын Чингиз-хана Кулькан, единственный чингизид, погибший за всю историю западных походов. Это произошло, очевидно, во время прорыва русских войск через тылы врага, откуда обычно монгольские полководцы и княжичи наблюдали за ходом сражений. Между прочим, непосредственное участие чингизидов в бою было настолько редким событием, что Рашид-ад-Дин фиксировал каждый такой случай, и среди членов ханского клана потерь не было, в сущности, за всю историю завоеваний, если не считать Коломенского сражения, хорезмского эпизода, когда стрелой был смер-

тельно ранен один из многочисленных внуков Чингиза Мутуген, да войны с чжурчжэнями, во время которой в 1232 году умер своей смертью ученик Субудая Толуй.

У русских под Коломной погиб, как сообщает Рашид-ад-Дин, «эмир Урман», то есть князь Роман Ингоревич, и воевода Еремей Глебович. Князю Всеволоду Юрьевичу удалось прорваться и, наверное, лесными чащобами выйти к Владимиру, потому что в обороне Москвы — следующем опорном пункте на столбовой дороге к столице княжества — он не участвовал. Защищали Москву от первого в ее истории иноземного нападения князь Владимир Юрьевич и воевода Филип Нянка «с малым войском». И хотя стены ее были недостаточно укреплены, орда, не рассыпавшаяся еще на отряды для повальной «облавы», взяла город, по Рашид-ад-Дину, только «сообща» и «в пять дней». Суздальская летопись: «Взяша Москву Татарове и воеводу убиша Филипа Нянка, а князя Володимера яша руками... а люди избша от старьца до сосущего младенца, а град и церькови святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имения възмеше, отъидоша».

Немало уже лет живу я по нескольку месяцев в году в лесном уголке Подмосковья, ничем особым вроде бы не примечательном. Ну, правда, идет из-под этой глинистой земли знаменитая по своим вкусовым качествам мытищинская вода, стоит первозданный лес, в котором встретились среди переходных сосен да берез величавые южные дубы со стройной северной елью, но история будто бы обошла стороной это водораздельное место, где сближают свои течения Клязьма и Яуза. Иногда я забираюсь в чащобу и древесные завалы, воображая себя в родной тайге... И вот однажды меня вдруг осенило, что узкое междуречье это большая история отнюдь не миновала — по нему ведь прошла орда Бату-Субудая! И эта догадка натолкнула на первую тайну первого набега орды на Русь...

Взгляните на карту Подмосковья, западные и северные закраины сопредельных областей. Найдите Рязань,

стоящую на Оке, и Владимир на Клязьме. Мы же можем проложить точнейший маршрут основных сил орды в начале набега — его сохранила природа. Грабители не могли идти напрямик, через заснеженные и захламленные леса! Это было воинское счастье, а может быть, и точный расчет Субудая, взявшего Рязань в те дни, когда на реках уже наморозило прочные льды. От Рязани орда прошла через Коломну и Москву на Владимир ровными и легкими ледовыми дорогами по Оке, Москве-реке, Яузе и Клязьме. Даже этот единственный залесенный перешеек в несколько километров между течениями двух последних рек пересекался замерзшими приточными ручьями и торной военной дорогой. Такого непрерывного легкого пути Субудай не встретит до самого Селигера, но вот первая загадка тех давних времен. Рязань пала 21 декабря, а у Владимира орда оказалась лишь 4 февраля. *Сорок пять дней конное войско шло идеальными зимними дорогами от Рязани до Владимира!* Причем на пути от Москвы до Владимира орде не пришлось брать штурмом ни одного города. Если вычесть из этих полутора месяцев пути недолгое Коломенское сражение и задержку из-за штурма Москвы, то все равно остается слишком долгий срок для преодоления сравнительно небольшого расстояния примерно в четыреста километров, которое летом степняки со сменными лошадьми покрывали за *четыре-пять* дней. Не может быть, чтоб такую медлительность вызвала, например, транспортировка камнеметательных машин — эти довольно простые деревянные устройства можно было быстро сделать в любом месте лесной Руси, да и санный обоз по ледовой дороге проходит в день по двадцать пять — тридцать километров.

Были, знать, другие, очень существенные причины, и путь оказался прерывным и нелегким. Уже в первые полтора месяца набега орда тратила много времени на поиски ежедневного корма для многих десятков тысяч подседельных, сменных и обозных коней, потому что фуражные запасы вдоль рек были минимальными. Голодные кони набрасывались на копны сена, стоявшие в поймах, уничтожали в редких приречных селениях зерно, которого не хватало на всю орду, и мелким разрозненным конным отрядам приходилось в поисках корма делать тяжелые рейды по лесному заснеженному без-

дорожью, где, очевидно, их встречали отнюдь не хлебом-солью.

В этих лесах и долинах жили потомки вятичей, большого и сильного славянского племени, особый разговор о котором у нас впереди. Привыкшие к трудам, холодам и лишениям, упорные и выносливые пахари, плотники, охотники, плотогоны, бортники, они веками выковывали в себе качества настоящих воинов. Знали в своих местах каждую тропу, передвигались по глубокому снегу на тесовых лыжах или плетеных снегоступах, умели не жалеть себя в схватках. Пружинные самострелы и мечи были у них обиходными предметами, а обычные сельскохозяйственные и охотничьи орудия легко превращались в грозное оружие — шли в дело топоры, косы, ножи, секачи, вилы, рогатины, и каждый русский партизан был в этих условиях сильнее конного степняка с его легкой саблей, луком, стрелами и кожаной защитной одеждой; спешившийся же в лесу степняк становился почти беспомощным. К тому же у него были оголодавшие кони — основной подседельный и приводной; вдоль магистральной этой дороги корм был съеден конями русских воинов.

Декабрист Николай Тургенев писал, что «в величайших опасностях не армия, а народы спасают государства». В снежно-ледяных речных туннелях, где маневренность степной конницы ограничивали непроходимые стены леса, шла, должно быть, *народная* война, в какую всегда превращались все войны на Руси, если иноземный враг подступал к родным очагам наших предков. На путях конницы возникало надежное средневековое русское средство защиты — лесные завалы, и было, наверное, активное военное сопротивление остатков владимиро-суздальских войск авангарду орды в магистральных снежно-ледяных коридорах, а тылы ее трепали отряды народных мстителей и целые партизанские соединения; поблагодарим историю за то, что она сохранила нам имя командира одного из них — Евпатия Львовича Коловрата...

Города, стоявшие впереди, готовились, как могли, к обороне, но настоящих защитников-воинов, очевидно, уже оставалось мало — они полегли в Коломне, Москве, на Яузе и Клязьме, в лесах на подступах к столице княжества.

15 Это горькая историческая реальность, что наши предки в открытом бою оказывались бессильными перед многочисленной ордой. Единственной возможностью оказать более или менее длительное сопротивление врагу была защита городских стен. Не все это сразу тогда поняли. Горячие молодые князья, собравшиеся за стенами Владимира, надумали было скрестить с врагом мечи в рыцарском сражении, и только осторожность опытного воеводы Петра Ослядюковича предупредила ошибку. Вот как пишет об этом В. Н. Татищев: «Княжичи хотяще, из града изошед, битися с татары, но воевода Петр отрече има, рекий, яко видя их такое всюду множество, не можем противо им в поле стати, но добре, егда возможем, из забрал оборонятися».

Воевода сказал с оттенком сомнения: «егда возможем», хорошо понимая, что спасенья от такой силы не будет и за крепостными стенами, в которых к тому же — это было известно любому полководцу средневековья — войны не выигрываются... В летописях немало достоверных подробностей о способах штурма русских городов, в частности Владимира, о технических и иных новинках, примененных ордой. В. Н. Татищев: «Пороки имяновались снасти стенобитные (или артиллерия); великие бревна, на концах обиты железом и на козле повешены перевесом. Оное называется баран. Иные были как пожарные крючья и вилы, чем бревна ломали, ибо городы в Руси были деревянные; а иначе рычаги великие именовали ломы; камение же метали перевесами, самострелами великими, о каковых орудиях в римских гисториях у Тацита и пр. видим... Переметы же не что иное, как мосты через проломы»...

Во-первых, штурмующие «начаша туры рядити», то есть строить осадные башни у стен, чтоб оказаться на одном уровне или даже выше обороняющихся и в решительный момент перекинуть через стены «переметы», о которых упоминает летопись. Во-вторых, «пороки ставити от утра и до вечера» — то есть стенобитные машины в большом количестве. В-третьих, «меташа камение в город велие, ими же множество людей избиша» — знать, воистину это были сильные метательные машины, если «велие», то бишь большие и тяжелые, камни летели за стену в город. О мощи осадной техники, которую могла сосредоточить орда, говорит следующее историческое сведение — Толуй и Субудай перед штурмом одного из чжурчжэньских городов приказали изготовить три тысячи баллист, триста катапульт, семьсот огнеметательных машин, семьсот штурмовых лестниц, доставить две с половиной тысячи вьюков с камнем! В-четвертых, «на ночь оградиша тыном около всего города», чтоб создать кольцевую внешнюю крепость для защиты от вылазок из внутренней и полностью отрезать осажденным путь к спасению. В-пятых, на владимирцев должно было психологически подействовать отсутствие в городе великого князя Юрия Всеволодовича, который, должно быть, понимал, что город обречен, но решение уйти в северные леса для организации партизанской войны было принято советом «вся предния мужи», а не единолично.

Он взял с собою только двух сыновцев, то есть племянников, Всеволода и Владимира Константиновичей, оставив во Владимире княгиню и «сыны своя Всеволода и Мстислава и воеводу Петра Оследюковича», хотя «мнозии умнии реша княгинь со всем статком и утварью вывести в лесные места». И нам, сегодняшним, путешествующим в далекое прошлое своей Родины, хорошо бы прочувствовать и понять благородство, трагизм и величие решения князя!.. Орда, наверное, знала, что главы княжества нет в городе, имея и в этом психологический перевес над защитниками крепости. Шестое обстоятельство — перед штурмом предводители орды продемонстрировали преднамеренный кровавый акт жестокости.

Летописи о многом молчат, но местами бывают очень обстоятельными, беспощадно правдивыми, и одно

из таких мест — рассказ о штурме Владимира, который мог бы стать сценарной основой для трагичного и поучительного фильма...

«Татарове же приидоша ко Володимерю февраля 3 дня во вторник прежде Сыропустыя недели и сташа у Златых врат, водяще со собою княжича Володимера Юрьевича. И начаша вопрошати, есть ли во граде князь великий». Это был, наверное, способ проверить слух об отсутствии среди защитников главы княжества... «И володимерцы начаша стреляти по них. И реша татаре ко градским: «Не стреляйте». И приидоша ближе ко вратам, показаша князя Владимира, рекше: «Знаете ли сего княжича?» «Братия же его, Всеволод и Мстислав, познавше брата своего, восплакашася горце и все людие с ними. Татарове же отступиша от Златых врат, видяще, яко русские не хощут с ними о мире говорити, како им годно, убиша князя Владимира пред градом...» Мстислав Юрьевич, средний сын великого князя, вскоре погиб на первом оборонительном рубеже Владимира. А с последним братом Всеволодом, прорвавшимся из-под Коломны, произошло не совсем обычное. «Батый же стоящу у града, борющуся крепко о град», решил окончательно подорвать дух горожан угрозами и ложью: «где суть князи Рязанскии... и князь ваш великий Юрьи не рука ли наша емши и смерти преда?» Епископ Митрофан, судя по всему сильно влиявший на княжеское семейство, утешил, как мог, владимирцев, призывая их принять «во ум тленность сего и скоро минующего жития», но об ином «не скоро минующем житьи» попечись и принять мученический «венец нетленный». Владимирцы принимают решение сражаться до конца. Последний же сын великого князя, защитник Коломны Всеволод, надумал снестись с Батыем. Наверно, поступил он так по настоянию семьи и решению тех же «предния мужи». Быть может, владимирцы, окруженные сплошным круговым тыном, катапультами и кострами врагов, действительно поверили, что их великий князь уже погиб, и они попытались спасти последнего и единственного продолжателя династии. И вот Всеволод «сам из града изшедше с малом дружины и неси со собою дары многии», надеясь разжалобить Батыя юностью своей и «живот прияти» за богатые дары, выкупить жизнь, нужную другим. И что же Батый? «...Яко свирепый зверь

не пощади юности его, веле перед собою зарезати».

Орда ринулась на последний штурм. Великая княгиня, жены и дети князей затворились с епископом Митрофаном в церкви внутреннего града. Штурмующие вломились туда, перебив у дверей последних защитников. Увидев на церковных верхах княжеское семейство, «начаша звати я, да снидут вси. Они же не послушаша, но камения меташа в ня...». Назвать бы мне тут по именам тех молодых женщин, подростков и детей, таким образом встретивших свой смертный час, да только не знаю я этих имен... И вот враги, «внесше древ множество, зажгоша в церкви», которая вся выгорела внутри вместе с людьми...

Кстати, епископ владимирский Митрофан был исключением — как правило, святые отцы перед нашествием орды разбегались, бросая свою паству. Епископ рязанский, как сообщается в летописи, «отъеха прочь в той год, когда рать оступила град», епископ ростовский Кирилл убежал в северное Белоозеро и «тамо избыв ратных». Позже епископ черниговский загодя уехал в залесный Глухов. Спаслись во время нашествия орды галичский и перемышльский епископы, а также глава русской православной церкви митрополит Иосиф. Профессор Московской духовной академии Голубинский вынужден был признать: «Если полагать, что обязанность высшего духовенства — епископов с соборами игуменов,— долженствовала при данных обстоятельствах состоять в том, чтобы одушевлять князей и всех граждан к мужественному сопротивлению врагам для защиты своей земли, то летописи не дают нам право сказать, что епископы наши оказались на высоте своего призвания. Они не говорят нам, чтобы, при всеобщей панике и растерянности, раздавался по стране этот одушевляющий святительский голос» (Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. 2. М., 1917, с. 14).

Февральский рейд отрядов орды по Владимирской земле был стремителен; все города княжества пали один за другим, потому что защитников в них оставалось мало — они погибли под Коломной, в Москве, на подступах к Владимиру и в самом Владимире, стягивались на Сить. И тем не менее *каждый* город брался с бою. В

распоряжении науки есть достоверные свидетельства, полученные при археологических раскопках рязанских и владимирских крепостей и городов. Упомяну хотя бы о нескольких таких пунктах обороны. На правом берегу реки Прони стоял город-крепость Ижеславец, полностью разрушенный ордой поздней осенью 1237 года. Это удельное княжество граничило со степью, и потому его столица была хорошо укреплена. Северная стена, возвышавшаяся над крутым обрывом реки, была неприступной. С восточной, южной и западной стороны городище окружали три ряда валов и рвов, а внутренний детинец защищали два вала и глубокий ров. Загородная резиденция-крепость рязанских князей Новый Ольгов, контролировавший Оку и Проню, стоял на отвесных обрывах, а с напольной стороны защищался высоким валом. В каком-то месте вал размыкался, и концы его заходили друг за друга, образуя воротный проем таким образом, что враг, штурмующий ворота, должен был брать щит в правую руку, а саблю или копье в левую.

Москвичи, как мы знаем, выдержали общий пятидневный штурм, столько же продержался Переяславль-Залесский. Родной город Александра Невского занимал стратегически важное положение на столбовой дороге от Средней Волги и густонаселенного бассейна Клязьмы к ледовому верхневолжскому зимнику, к Твери, Торжку и Новгородской земле. Он был защищен рекой Трубеж, рвами и системой оборонительных валов высотой от десяти до шестнадцати метров, на которых стояли двойные деревянные стены с двенадцатью боевыми башнями. На пятый день штурма город и стены были подожжены со всех сторон и оборона стала невозможной. Все жители города были уничтожены.

У нас нет никаких подробностей падения в феврале 1238 года Костромы, Вологды и Ярославля. Археологи обнаружили в Ярославле, скажем, сплошной слой большого пожарища того времени и очень бедный так называемый культурный слой поверху — то есть город, основанный Ярославом Мудрым еще в 1024 году, полностью погиб и потом возрождался медленно, с течением веков, один из которых дал нашему народу и всему человечеству бесценную культурно-историческую находку — в местном монастыре, основанном незадолго до

нашествия орды Бату-Субудая, каким-то необъяснимым чудом объявилась единственная рукопись гениального «Слова о полку Игореве»...

Нельзя не вспомнить также о Боголюбове. Он занимал важное во Владимирском княжестве стратегическое положение при впадении Нерли в Клязьму. Основал его в 1158 году Андрей Боголюбский, построив в центре поселения свою резиденцию-замок. Одним глазком увидеть бы, как он выглядел восемьсот лет назад! О художественном вкусе, воплощенном в боголюбовских камнях, чувстве гармонии, мастерстве и строительной сметке русских зодчих можно судить по храму Покрова на Нерли, бесподобному архитектурному памятнику тех времен, счастливо сохранившемуся неподалеку; 800-летие его отмечала мировая культурная общественность по решению ЮНЕСКО.

В Боголюбове стоял тогда прекрасный дворец белого камня, являвший собою целесообразно сложный, не имевший на Руси аналогов ансамбль светской, культовой и военно-замковой архитектуры. Главный собор, лестничные и крепостные башни, закрытые переходы, жилые помещения — все это было декорировано художественной резьбой по камню и дереву, барельефами, скульптурой, позолотой. Пол собора строители выстлали тяжелыми листами красной меди, хоры и переходы майоликовыми плитками, дворцовую площадь — белым камнем, башни и башенки имели шатровые верха. Замок опоясывали заметные доныне рвы и оборонительные валы, на которых яростно сражались защитники города в январскую метель 1238 года. Орда взяла приступом, дочиста разграбила и до основания разрушила Боголюбовский дворец — выдающийся архитектурный памятник средневековой русской и общечеловеческой цивилизации...

Давно было дело, и, кажется, пора бы забыть об этом, да все как-то не забывается, как не забывается и последняя, чудовищная по разрушениям, война, и та Отечественная, когда спустя почти шестьсот лет после нашествия восточной орды войско западных «двунадесяти языков» дочиста разграбило и сожгло Москву, а его «великий» предводитель перед отступлением распорядился взорвать Кремль — историческое и архитектурное сокровище мирового значения — со всеми собо-

рами, дворцами, колокольнями, башнями и стенами; ладно пороху не хватило да фитили отсырели... Прошу прощения, что я попутно вспомнил и про такое, но разве забыла бы когда-нибудь просвещенная Европа, если б в 1815 году победители решили вдруг взорвать Лувр, собор Парижской богоматери и другие национальные святыни французов?

А теперь представим себе на минуту, дорогой читатель, реальность середины февраля 1238 года. Столица княжества пала, продержавшись четыре дня. Метут метели. Орда, «рассунушася» по всей земле Владимирской, штурмует города, где на забралах стоят старики, женщины и подростки. Некоторые городки и часть деревень оказывались пустыми — все способные держать оружие ушли на Сить, а остальное население укрылось в лесных дебрях, не доступных степной коннице. На Сити же, в районах теперешних сел Покровского, Станилова и Юрьевского, Юрий Всеволодович обосновался станом, готовясь к партизанской борьбе — единственной возможности сопротивления...

В незапамятные времена на здешних просторах угрофинские племена, давшие, наверное, имена таким рекам, как Сеньга или Ухра, соседствовали с большим славянским племенем кривичей, назвавшим по-своему реки и речки Устье, Ить, Черемуха, Волокуша, Соть, Сить.

Много обстоятельств определяло выбор Юрием Всеволодовичем места сбора войск и народного ополчения. По легким ледовым дорогам на Сить могли прийти воины из дальних и ближних городов — Костромы, Ярославля, Мышкина, Углича, Кснятина, Кашина, Вологды. И с точки зрения тогдашней стратегии и тактики река эта длиною в сто сорок километров и шириною тридцать метров в среднем течении представляла собою наиболее удобное место для сбора войск. Леса прикрывали великокняжеский стан с тыла и флангов, а ее узкая долина, по крайней мере, уравнивала силы противников, даже давала некоторое преимущество русским. Сохранилась также возможность отступления по Мологе, в которую впадала Сить...

Любознательный Читатель. И все же орда как-то слишком быстро растрепала большое и сильное княжество, разбила Юрия Всеволодовича на Сити...

— Исходя из этого факта, нельзя все же, как это делается в исторических романах, представлять Юрия Всеволодовича этаким увальнем, лежебокой, растерявшимся, слабым и никудышным военачальником, мирным скопидомом. Присмотримся к нему повнимательней. Осенью того года ему бы исполнилось пятьдесят, и за его плечами была бурная жизнь, полная опасностей, ратных трудов и организационных государственных устремлений.

— Однажды, вспоминаю, мы уже говорили о том, что в год битвы на Калке он предпринял большой поход для защиты западного фронта против немецких рыцарей.

— Этот бросок в Ливонию во главе двадцатитысячного войска был только эпизодом его многолетней и упорной борьбы на том фронте! За год до этого владимирские полки вместе с новгородскими ходили на Венкек, в 1225-м разбили большое литовское войско, напавшее на Торжок и Торопец, в 1234-м — еще один большой поход против немцев... Военная биография этого князя началась в 1208 году, еще при жизни отца, когда Юрию было всего девятнадцать лет и ему впервые пришлось защищать наследство пращуров — земли, прилегающие к будущей великой русской столице. В том году «Кюръ Михаилъ с Изяславомъ пришедша, начата воевать волость Всеволжю великого князя около Москвы, и се слышавь великый княз, посла сына своего Гюрга, и победи его Юрги, сама князя утекоста, а люди овех избиша, и иных повязаша и возвратися княз Юрги ко отцю».

После смерти Всеволода Большое Гнездо он, борясь за великокняжескую власть, дважды ходил на Ростов, один раз на Новгород и в этих феодальных междоусобных войнах был беспощаден. Перед знаменитой братоубийственной Липицкой битвой он отверг предложения о мире, заявив своим воинам и воеводам: «человека оже кто иметъ живаго, то сам будет оубитъ, аще и золотом шито облечье будет, оубии, да не оставим ни одного же живаго, аще кто ис полку оутечетъ, не убитъ имемъ, а тех вешати или распинати». Жестокая междоусобица завершилась в 1229 году полной победой Юрия: «поклонишася Юрью вси, имуще его отцомъ собе и господиномъ». А в 1226, 1228, 1229 и 1232 гг. Юрий Всево-

лодович предпринимал походы на мордовские земли, расширяя отцовское наследство, продолжая крепить новый центр русской государственности, внешнюю и внутреннюю политику Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и отца своего Всеволода Большое Гнездо; так что это был опытный военачальник...

— Теперь становится понятным и логичным стремительный марш-бросок владимирских войск к Коломне в начале зимы и полуторамесячное сопротивление орде на пути от Рязани до Владимира! Наверное, великий князь Юрий Всеволодович и вправду сделал все, что мог...

— К сожалению, он поначалу недооценил врага, счел, наверное, опасность с востока чем-то вроде половецкой, никогда не угрожавшей всей Руси и давно ослабнувшей; эта недооценка выглядит в ретроспективе обыкновенной беспечностью, той самой русской беспечностью и самонадеянностью вождя или его информаторов, от которых наш народ не раз жестоко страдал в своей истории. Ведь еще в 1236 году появились во Владимирском княжестве толпы болгарских беженцев. В. Н. Татищев, перелагая летописные сведения, писал, что они «пришли в Русь и просили, чтобы им дать место. Князь же великий Юрьи вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие». А Юрий сам же предупреждал об опасности короля Белу IV! Венгерский монах-миссионер Юлиан писал о событиях осени 1237 года: «князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан», что у орды «есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего».

Но на что он сам надеялся, Юрий? Не влезешь в душу человека, да еще из такого далека! Если стратегические цели орды, несомненно, были известны Юрию, то о тактике ее и ближайших планах он, видимо, ничего не знал — дальняя и ближняя разведка у него была поставлена из рук вон плохо, а многовековой исторический опыт Руси говорил, что степняки *никогда не проходили русскую землю насквозь и никогда не предпринимали больших походов зимой.*

В февральском же хаосе 1238 года, царящем на Владимирской земле, не разобрался бы ни один вождь, будь он хоть семи пядей во лбу. Брались один за другим го-

рода, гибли в лесах на пути к Сити разрозненные остатки владимирских войск. Не добрался до Сити, например, Иван Стародубский «с малым войском», отправивший семью «за Городец за Волгу в леса», и мы в точности не знаем, могла ли в той реальности успеть — за сотни-то лесных верст!— помощь из Новгорода, если б она и затевалась; не было ж тогда ни телефонов, ни радио, глубокие снега лежали, трещали морозы, а главные ледяные дороги мгновенно перерезались мобильными отрядами орды. Успел прорваться на Сить только брат Святослав из Юрьева-Польского да Василько ростовский...

И надо представить себе состояние Юрия Всеволодовича, когда он узнал на Сити о том, что нет у него уже ни жены, ни троих сыновей, ни невесток, ни внуков и ни одного целого и свободного города... Переживавшего в те февральские дни муки неизбывного горя Юрия, у которого все в жизни рухнуло враз, можно понять, но неслыханная беда словно ничему не научила его воевод, профессиональных военных людей — сборные рати князя, оказывается, были рассредоточены по нескольким деревням и, как свидетельствует Ипатьевская летопись, «не имеющоу сторожи»; рассупонились, не ожидали, знать, такой скорости передвижения войска Бурундая — сему тоже не было исторического подобия... Эх, эти извечные русские «авось» да «небось»!

И был еще у орды восточной, должно быть, главный и самый страшный военный прием, позволяющий ей почти без потерь брать даже очень хорошо укрепленные города,— новинка, заимствованная у китайцев и впервые примененная в неслыханных масштабах против чжурчжэней. Однако способ этот, использованный на всю мощь также при штурме среднеазиатских городов, не дал ожидаемого эффекта на Руси.

Любознательный Читатель. Что имеется в виду?

— Использование в военных целях пленных... Посмотрим, что произошло на Сити, когда враги обнаружили владимиро-суздальское ополчение, в котором собрались на смертный бой князья, бояре, воеводы, крестьяне, купцы, ремесленники. Великий князь Юрий Всеволодович «повеле воеводе своему Жирославу Михайловичу совокупити воинство и окрепляти люди, гото-

вяся на брань. А в сторожи посла мужа храбра Дорофея Семеновича с 3000 мужей, да увесть о татарах». Разведка-то, повторимся, была у князя поставлена из рук вон плохо, потому что Дорофей Семенович, он же Дорож, «мало отошед, паки возвратися и поведа, рекий: «Княже, уже обошли нас татарове»... И вот «соступишася на реке Сити обои полки, и бысть брань велия и сеча зла, лияшася кровь, яко вода, надолзе времени никто же хоте уступити. Но к вечеру одолеша безбожнии». Летописец повествует эпически просто, трагично и кратко: «Убиен быс великий князь Юрий Всеволодичъ на рице на Сити и вои его мнози погибоша». Новгородский современник события повествует о судьбе самого князя: «Бог же весть, како скончася, много бо глаголют о нем иные». Летописи и раскопки археологов на Сити, где первым из историков побывал М. П. Погодин еще в 1848 году, свидетельствуют, что рать Юрия Всеволодовича была разбита по частям, обратилась в бегство, и орда — это был ее коронный номер,— секла людей, как траву, преследуя их на семидесятиверстном пути до устья Сити.

А теперь я попрошу читателя обратить внимание на одно из последствий битвы: «...многие воеводы и бояре, и большая часть воинства падоша». Значит, какая-то часть дружинников и ополченцев была пленена — учтем это обстоятельство...

Последним князем, погибшим в северо-восточной Руси, был плененный на Сити Василько Константинович ростовский. Вот его великолепный портрет: «Сей князь Василько бысть телом велик, лицем леп, очи светлы, храбр и мужествен, вельми изучен многим рукоделиям и хитростем, милостив ко всем и отнюдь не памятозлобен, винным прощателен». Этого, должно быть, и вправду незаурядного человека враги на Сити «...яша жива и ведоша до Ширенского лесу, нудяще его веру их прияти. Он же не послуша. Они же, много мучивше его, смерти предаша. Бысть сие зло марта 4-го дня». Когда орда ушла, княгиня ростовская Мария, дочь Михаила черниговского, эта выдающаяся, широко образованная женщина, возродившая позже русское летописание, разыскала в Ширенском лесу останки любимого, перевезла в Ростов, предала земле, и среди ростовчан «бысть по нем жалость велия, и никто из служащих его до

смерти можаше забыти, ниже хотяху иным князем служити».

Мысленно перенесемся в тот мартовский день 1238 года, когда отряд военачальника орды Бурундая, оставив гору трупов на льду Сити, вышел через Ширенский лес на торную торговую дорогу, ведущую к вожделенному богатому Новгороду, и здесь соединился с тысячами Субудая, обозом Батыя и огромным полоном. Татищев: «Татарове, победя ту князей, аще и велику язву понесоша, паде бо и их немалое множество, но множество их, а *паче пленных, закрыва погибель их,* идоша к Торжку» (курсив мой.— *В. Ч.).*

Какое-то число пленных Бурундай пригнал через Ширенский лес и на дорогах, ведущих к Торжку, подсоединил к основной их массе, захваченной ордой по западным волостям Владимирской земли — в окрестностях Дмитрова, Волока Ламского и Твери.

Небо исчезло. Субудай, превозмогая боль в спине, откидывался на заднюю луку широкого урусского седла и взглядывал вверх, где из серого ничего нарождался этот белый и мягкий лебяжий пух. Он был похож также на содержимое серых коробочек, что собирали с кустов, чьи корни смачивала вода, презренные, иссушенные солнцем, ковыряющиеся в земле и не умеющие держать в руках саблю жители Хорезма. Из такого белого пуха они ручным колдовством делали почти невесомую, приятную на ощупь одежду, которую Субудай в давнем горном походе полюбил больше, чем холодные и тяжелые, по-змеиному льнущие к телу ткани народа джурдже. И в прохладной ткани урусов телу легко, как в юности, только Субудай так и не догадался, из чего они ее делают.

После взятия последних городов Субудай должен был отоспаться в каком-нибудь селении, чтоб силы, отнятые седлом, вернулись, а спинная боль ушла. Он вспоминал, как бородатый, годами равный Субудаю урусский купец, что следовал с болгарской земли при обозе, сделал с ним такое, чего полководец не ожидал познать в этой жизни. Через кипчака-переводчика почтительно пригласил его в какое-то низкое черное жилище, называемое словом, будто взятым из языка

джурдже,— бань-я. В каменном очаге бань-я доживал огонь, было жарко, как в хорезмских песках, и стояла в больших деревянных сосудах всеоживляющая вода. Голый красный купец бил мокрыми облиственными прутьями себя, потом кипчака и телохранителя-монгола, обливал их водой. Монгол отвратительно визжал и смеялся. Субудай подумал, что яса запрещает осквернять голым телом реку, а тут реки не было, а тело чесалось и требовало омовения. Он тоже разделся, осторожно попробовал на вкус воду — она была мягкой, как в весеннем ручье. Урус бросил воду на камни, расплылось горячее белое облако, и по телу старого воина разлилась неведомая приятная слабость. Субудай не разрешил бить себя. Он с юности этого никому не позволял, потому и оказался в степи, у Темучина, что было так давно, будто это было не с ним,— десять раз по пять лет. Однако теплая истома властно брала его в нежные путы, и он дал знак монголу сделать ему так, как делал себе этот старый обезумевший урус, который бил и бил себя по спине уже почти голыми прутьями, стоная, словно ему выворачивали суставы. Потом Субудая обливали водой, обтирали белой и прохладной урусской тканью, облекали в одежду из такой же ткани. В теплом жилище по его знаку сбросили на пол с широкой деревянной скамьи большой мягкий мешок, застланный той же белой прохладной тканью, а когда привели юную, нетронутую уруску с белой прохладной кожей, Субудай уже засыпал и, очнувшись от ее дрожания, жестом приказал монголу оставить его одного, потому что ему было хорошо одному, без боли в спине...

И если б не эта спинная боль, Субудаю было бы хорошо и сейчас вспоминать бань-я, подремывая на длинноногом урусском коне хорошего спокойного хода, смотреть на белый небесный пух, точно такой, что спускался об эту пору и в его родные безветренные долины. И не думать бы о войне и крови на снегу, а лишь о сыне своем Урянктае, что был сейчас при Бурундае, и юном Кокэчу, которого отец пока держал в охране ставки.

И еще Субудай думал о том, как хорошо он сделал, что не повел большой плен от Ульдемира,— в западной части этого улуса тоже много людей, его воины

быстро научились их искать по лесам и брать на арканы, и много их дойдет еще живыми до Новгорода, о богатствах которого урусский купец рассказал внуку Темучина сыну Джучи такое, чему Субудай пока не верит. Только вот кони слабеют на скудном корме и не дойдут до нового нетронутого улуса, если урусский купец солгал и в первом городе, о котором разведка Субудая давно ему донесла, не окажется зерна.

Батый, упоенный победами, гнал Субудая вперед. Богатая добыча была у него в руках — вороха дорогих мехов и тканей, тяжелые сундуки, наполненные тонкими изделиями из золота, серебра и драгоценных камней, прекрасные юные девы с белой кожей, тугими телами, голубыми, как небо, глазами и длинными мягкими волосами, рослые, выносливые и сметливые рабы, умеющие ковать оружие и строить города, табуны сильных лошадей, верховых и упряжных, вывезших награбленное добро из темных лесных хлябей к этой ровной большой дороге. В завершение похода Батый возьмет древнейший город урусов, где скопились не тронутые веками сокровища, и ему, Батыю, не будет равных на Карулене по богатству и славе; он, повоевав эту страну, быть может, затмит славу своего великого деда...

Любознательный Читатель. А тут непредвиденное — распутица...

— Пресловутая распутица так въелась в нашу доверчивую память еще со школьной скамьи, что малейшее отклонение от этой общепринятой версии многие назовут слишком запоздалой и малообоснованной натяжкой; но лучше, как говорится, поздно, чем никогда...

Если прочертить на карте маршрут орды от верховьев Воронежа через Рязань — Коломну — Москву — Владимир — Сить — Ширенский лес — Торжок, то получится огромный вопросительный знак. Прежде чем приостановиться в конечной точке его закругления — Торжке, расскажу об одном письме из Ленинграда, самым первом читательском отклике на журнальную публикацию «Памяти». Шофер Анатолий Васильевич Смирнов, мой ровесник, пишет мне о том, что его отец и четыре старших брата погибли в октябре 1941 года на Волховском фронте, а сам он приехал после блока-

ды в Ленинград, где окончил школу ФЗО, работал зуборезом, в армии служил в десантных войсках, после нее сел за баранку и крутит ее по сей день, каждую осень выезжая на уборку хлеба в Казахстан. Берегу это письмо не только потому, что оно было первым...

Взгляните на карту Калининской области с закраинами Ярославской и Новгородской. Река Сить, на которой состоялось последнее большое сражение владимирцев с отрядом Бурундая, втекает ныне в Рыбинское водохранилище, а прежде впадала в Мологу, приток Волги. И далеко на юго-западе от этого района — озеро Селигер. Каким путем пошел отряд Бурундая на Селигер, если учесть, что банды грабителей были очень мобильными, двигались в основном ледовыми дорогами и такими со всех точек зрения выгодными маршрутами, будто располагали картами? Бесспорно, с частью своего войска и пленных Бурундай от Сити двинулся к Волге, чтобы выйти на главную ледовую магистраль. Шел он не вокруг — от устья Сити по моложскому льду на волжский, а напрямую — от верховьев Сити, через приточные ручьи верховьев Коржечны и Кашинки — к Медведице, что сокращало ему путь на несколько дневных переходов.

— С такой уверенностью говорить о маршруте, когда историки вообще о нем ничего не знают...

— Историки, кстати, не знают и подлинной даты битвы на Сити.

— Неужели?

— Прочтите все летописи, все научные статьи и книги, посвященные набегу орды Бату-Субудая, и вы ничего достоверного не найдете. Встречается, правда, в специальных и научно-популярных трудах условная дата — 5 марта 1238 года, но она не верна! Битва на Сити произошла в понедельник 1 марта 1238 года.

— Каким образом установлена эта дата?

— Ее помогает установить маршрут Бурундая после битвы на Сити, а сам этот маршрут — точная географическая промежуточная точка — Ширенский лес. Можно в нем и побывать, и найти его на более или менее подробной карте. Если известны расстояния между двумя точками — Калязиным и Кашиным — двадцать километров, и расстояния от этих пунктов до Ширенского леса — от Кашина примерно двадцать четыре километ-

ра, от Калязина — сорок, то мы найдем точное место, где был 4 марта 1238 года казнен Василько ростовский, захваченный в плен на Сити. Эта дата, кстати, совпадает с данными церковного календаря — был четверг крестопоклонной недели. А от места битвы на Сити до Ширенского леса примерно сто километров замерзшими ручьями и речками водораздельного Бежецкого верха — на северо-востоке Калининской области. Отряд Бурундая затратил на этот путь примерно трое суток... Думаю, что вместе с Васильком был уничтожен весь полон. Воображаю, как гнали плетьми связанных бывших воинов, ремесленников и пахарей узкими извилистыми путями, по глубокому снегу, а кое-где и бурелому, заставляя чистить дорогу. Бурундай спешил — он же не мог знать военной ситуации на Волге и хотел поскорей воссоединиться с главными силами, чтоб помочь взять Тверь и Торжок и сообща двинуться по Селигерскому пути на Новгород. Урусы падали от холода и голода; полон надо было хоть чем-то кормить, и он стал обременительным. А может быть, гонец Субудая сообщил Бурундаю перед его выходом на магистральный волжский лед, что последние урусские города Тверь и Торжок падут через день-два и полон стал не нужен... А Бурундай по-прежнему спешил — впереди лежал Новгород, и волжский ледовый путь от района Кашина до Селигера был не близким и не прямым, напоминающем по форме огромную букву дубль-вэ — «W»... Между тем можно высказать предположение, что часть отряда Бурундая пошла от Сити к Селигеру более прямым маршрутом. Он был короче на четыре-пять дневных переходов и охватывал северные районы края традиционной «облавой» степняков.

— Что это за маршрут?

— Место битвы на среднем течении Сити — преследование остатков русской рати до ее устья — вверх по Мологе,— затем по ее левому притоку Волчиной — через небольшой Вышневолоцкий водораздел в Цну, исток которой находится рядом с озером Селигер. Попутные озера, приточные ручьи и замерзшие болотца обеспечивали почти непрерывный ледовый путь до Селигера. И это был, возможно, первый отряд орды, появившийся на Селигере с нежданной стороны и дотла разоривший прибрежные села... Он, конечно, шел стре-

мительно, сразу же освободившись от обременительного полона.

— Но ведь нет никаких исторических данных, что этот рейд по северному маршруту состоялся!

— Это верно. Есть только мои предположения, основанные на обстоятельствах того грабительского набега, к учету коих я обратился как раз из-за письма ленинградца Анатолия Васильевича Смирнова.

— А что в этом письме?

— Он пишет, что родился на небольшой, впадающей в Мологу слева речки недалеко от границы Калининской и Новгородской областей. Берега Мологи, как и его родной речки, в тех местах круты и высоки, покрыты густым смешанным лесом... И я воображаю, как в первых числах марта 1238 года отряд орды, вышедший с полоном северным маршрутом, сворачивает с Мологи направо, в первую же попавшуюся речку. Быть может, именно пленные указали на эту узкую речку с обрывистыми берегами, текущую со стороны Новгорода, но, пройдя несколько километров, увидели, как она еще больше сужается, а разведка донесла, что речка эта вытекает из непроходимых лесов... И верно — на этом пути высилась заросшая не тронутыми дебрями лесная гряда, и район этот до сего дня называется по имени райцентра Лесным... И вот орда, обнаружив обман, уничтожает пеший полон и возвращается на Мологу, чтоб идти на запад по льду реки Волчиной.

— Предположение?

— Конечно. Однако вот что пишет А. В. Смирнов, исходивший-изъездивший все тамошние места и сообщающий мне названия старых окрестных сел и деревень — Никольское, Пестово, Вятка, Ахона, Михайловское, Лесное, Пороги. «...А родная моя деревня — *Полонское* стоит в 1 км. вверх по течению небольшой реки, текущей со стороны Вышнего Волочка в Мологу. Называется эта река *Полонуха.* По деревенским рассказам с детства помню, что когда-то тут проходили татары и перебили собранных жителей, а что было на самом деле и когда — неизвестно. Обращался я в Новгородский краеведческий музей, но конкретного ответа не получил. Недалеко от места впадения Полонухи в Мологу по течению вверх, близ нашей деревни, есть большой курган, который у нас называют Богатырской

могилой. Вдоль речки Полонухи много других могил и курганов. Может, это братские могилы тех, кто погиб под монгольскими саблями?»

Конечно, если тут был уничтожен полон северного отряда Бурундая, то уцелевшее окрестное население не могло тогда не захоронить павших. Тело Василька разыскали ростовцы во главе с овдовевшей княгиней Марией, а от Ростова до Ширенского леса около двухсот километров пути... Косвенным доказательством того, что весь полон, захваченный на Сити, был уничтожен, служит также то, что мы, в сущности, ничего не знаем достоверного о битве на Сити, не знаем даже ни даты ее, ни судьбы Юрия Всеволодовича. Передать эти подробности живущим просто было некому... Что же касается курганов на реке Полонухе близ деревни Полонское, то среди захоронений обычных для тех мест дославянских угрофинских племен некоторые, наверное, действительно *могут быть* братскими могилами русского полона 1238 года...

Вспоминаю, как впервые попал я в Торжок и совсем его не заметил,— это было на исходе молодости, и спешил я к своей невесте в село Никольское, где она проходила институтскую практику. Весь следующий день мы, зачарованные, бродили вокруг бесподобной ротонды архитектора, поэта и ученого Николая Львова, по старому парку его планировки, по сырым берегам заглохшего пруда. А на обратном пути в Москву, когда мы уже не замечали часов, потому что у нас впереди, казалось, была вечность, Торжок взял из нее большой летний день целиком, который тоже не заметился, запечатлев, однако, в нашей памяти этот маленький и такой обыкновенный городок, хотя тысячелетняя многострадальная судьба Торжка столь необыкновенна, что нет ей подобия даже на родной многострадальной русской земле, не говоря уже о землях чужих — сопредельных или далеких...

Ушкуйники и гости из древнего северного города облюбовали за озерами и болотами это приметное место у подножья сухой гряды в те давние времена, когда в Чернигове еще не стоял Спас, в Новгороде София и на Руси не было летописцев. Начинались отсюда бес-

крайние леса, где жило угрофинское племя весь, у которого мехов было хоть дорогу стели. А во княжение крестителя Руси Владимира образовалось тут святое место. Когда в Ростове «бысть убиен» сын Владимира Борис, что стал святым вместе со своим невинно же убиенным братом Глебом прежде их отца, в историю вошли два брата венгра, Георгий и Ефрем, неведомо как очутившиеся на русской земле, где они стали православными христианами и боярами. Первого, очевидно, телохранителя, которого, по словам Ипатьевской летописи, «любляше по велику Борис, бе бо възложи на нь гривну злату» и с оружием в руках защищавшего своего господина, убили вместе с ним, но «не могуще сняти вборзе гривны с шеи и усекнуща главу его и тако сняша гривну ту, а главу отвергше прочь». Ефрем же, главный княжеский конюший, был, наверное, специалистом по разведению венгерских иноходцев. Он спасся в тот трагический день 1015 года, ушел в леса и унес с собою голову брата. Близ торгового пункта на Тверце он, тоже впоследствии канонизированный, основал обитель, что стала со временем Борисоглебским монастырем, а место вокруг постепенно заселилось и огородилось — так начинался Торжок.

Новый Торг, упоминаемый в летописях с 1136 года, стал значительным городом, обнесенным, конечно, стеной, валами и рвами; он принимал заморских гостей, сам торговал зерном и воском, но особое его значение для средневековой Руси состояло в том, что это был торговый посредник, своего рода перевалочная товарная база между Владимиро-Суздальско-Рязанскими и Новгородско-Псковскими землями. За изделия и деньги *низовые* купцы сбывали через Торжок главный свой товар — хлеб, пользуясь зимой накатанным санным путем, а летом рекой Тверцой, что текла мимо города и впадала **в самое** Волгу, постепенно отнимавшую у Днепра значение, славу и званье главной русской реки. С самого зарождения город становится объектом княжеских междоусобиц и жертвой приходящих сюда изчужа. Кто только не осаждал, не захватывал, не грабил, не разорял и не жег Торжка!

В 1139 году к нему впервые протянулась рука Юрия Долгорукого. Город был опустошен, снова ожил, но в 1147 году этот неугомонный суздальский князь опять

«...пришед, взя Новый Торг и Мсту всю». Его преемник Андрей Боголюбский умел не только строить города, но и разорять их, что убедительно доказал на примере Торжка в 1159 году. В отместку за изгнание из Новгорода сжег Торжок в 1167 году Святослав Ростиславич, а Всеволод Большое Гнездо, расширявший во все концы свои земли, с бою брал Торжок дважды — в 1178 и 1181 годах. Однако хлебная торговля вновь и вновь возрождала городок на берегах Тверцы. При недородах же традиционный переходной запас хлеба в Торжке становился объектом особых княжеских интересов. Когда в 1215 году «поби мраз обилье», то князь Ярослав, надумавший голодом усмирить новгородцев, прежде других наложил руку на амбары Торжка, где «все цело бысть», и «не пусти в город ни воза», а пути к нему «все засекоше и реку Тхьверцу»... И вот весной 1238 года — первая осада города чужеземцами.

Любознательный Читатель. Но ведь орда вроде бы не брала больше Торжка, потерявшего, наверное, после полного уничтожения и тягостей повсеместного ига свое прежнее значение?

— Этот чудо-городок восстал, как феникс из пепла... В 1245 и 1248 годах его брали литовцы, в 1327-м — хан Узбек, позже буквально стер его с лица земли Иван Грозный по пути к Новгороду, в 1609-м — запорожские казаки, предавшиеся по случаю смутного времени полякам, позже сами поляки овладели Торжком, а в промежутках между этими нашествиями город по-прежнему терзали междоусобные войны, которым не было числа и, казалось, не будет конца. В 1271 году его ненадолго отвоевал великий князь владимирский Василий Ярославич, а потом часто зорили-делили сыновья Александра Невского. Затем свои права на Торжок предъявило набирающее силу Тверское княжество и в 1312 году он огромным откупом отвел от себя тяжелую руку Михаила Ярославича. И вот начала подыматься на юге Москва, новая мощная политическая сила с ее последовательным и настойчивым — где лаской или мошною, где военной или экономической жесточью — собирательством русских земель вокруг себя. Торжок дважды был разорен Иваном Калитой — в 1334 и 1337 годах, и дважды же — в 1391 и 1397 годах — с боем захваты-

вался войсками великого князя московского Василия Дмитриевича...

С конца XIV века Торжок находится под властью Москвы, и один из ее наместников, как дурной сон, навек запомнился горожанам. Это был последний смоленский князь Юрий Святославич, изгнанный литовцами из своей вотчины вместе с вяземским Симеоном Мстиславичем. В Торжке Юрий убил Симеона, чтоб завладеть его красавицей женой. Овдовевшая княгиня вяземская Ульяна, сохраняя верность покойному супругу, ответила на домогательство насильника ударом ножа и убежала, но раненый Юрий догнал ее на княжем дворе, зарубил, бросил в Тверцу, и «бысть ему и грех и стыд велик, и с того побеже к Орде, не терпя горькаго своего безвременья, срама и бесчестия», а новоторы, как звали жителей этого города в старину, выловили в реке тело благоверной Иулиании вяземской и положили в склеп церкви Спаса Преображения...

— И междоусобицы больше уже не касались Торжка?

— Да, протекторат Москвы защитил наконец-то город от этой многовековой напасти, и тем не менее во времена Василия Темного тверской князь Борис в последний раз взял и разорил Торжок. Но в необыкновенной истории этого обыкновенного русского города было немало других бед и волнений. В 1341 году горожане из «черных людей», тяготеющие уже к Москве, восстали против бояр, ориентирующихся на Новгород, убили на вече наместника, но были жестоко наказаны войском Симеона Гордого. Вместе с Нижним Новгородом и Тверью этот город в 1612 году поднялся против польской шляхты, захватившей Москву, и никто не считал, сколько новоторов полегло на ее улицах. В 1654-м Торжок опустошил мор, не раз в нем случались большие пожары, но неистребимый город на Тверце отстраивался, богател и быстро опережал в своем развитии многих ближних и дальних соседей. Это покажется невероятным, но, судя по окладным книгам 1671 года, в которых учитывался общерусский сбор на содержание московских стрельцов, в Торжке было больше дворов, чем в таких, например, городах, как Тверь и Владимир, Воронеж и Курск, Тула, Симбирск и Казань!

Городская крепость тогда еще стояла. В описной

книге начала XVIII века значилось, что «город был рубленой, деревянной, в нем башни 4 проезжих, 7 глухих, по мере около города и башен 571 сажень; но от бывшего в 706-м году пожару згорел, и ныне токмо значит земляная осыпь». По точной переписи, в те же петровские времена числилось в городе и посаде 2333 купца...

И несмотря на то что полтора века спустя Торжок обошла железная дорога, он продолжал достойно держать марку обыкновенного русского города. Предреволюционные справочники свидетельствуют, что паровые мельницы Торжка мололи муки почти на миллион рублей, а его женщины-мастерицы славились на всю Россию не только серебряным и золотым шитьем по бархату и сафьяну, изготовлением отечественных туфель высшего качества, но и секретами производства замечательно крепкого кирпича, выделывать который для храмов, мостов и других важных построек их зазывали даже из очень отдаленных местностей.

— Сколько же раз этот необыкновенный городок погибал?

— Двадцать пять. Наверное, нет другого такого города на земле... Только интервенты брали его семь раз за семь веков. Осенью 1941 года произошло последнее сожжение и разорение Торжка.

Бродим по городскому саду, где уже нет никаких следов не только древнего земляного вала, но и осыпь его уже совсем «не значит». Рассматриваем скромный маленький городок, прилепившийся к берегам Тверцы, и память возвращает в давние и недавние времена... Николай Львов строил тут храмы и дома, Александр Пушкин останавливался в гостинице Федухина-Пожарского с ее знаменитыми «пожарскими» котлетами, учитель Д. И. Менделеева, отец русских химиков А. А. Воскресенский приезжал сюда хлопотать о народной школе, которую он открыл неподалеку, в родной деревне, где и упокоился навек... Вспоминаем и последнюю здешнюю битву с иноземным западным врагом, и первую, с восточным,— ту, что разразилась здесь в конце зимы 1238 года...

16 Дряхлеющий Субудай, давно уставший спешить, торопливо подъезжает к Торжку, щурит теряющие остроту глаза, издалека пытаясь найти самые слабые места крепости. Ему тепло в урусской овчинной одежде, собольей шапке и легкой обуви двойного собачьего меха, но болит спина. Ладно, что его верные тысячники не нуждаются даже в указке кнута, сами делают как надо привычную работу войны — равномерно расположили сотни кольцом, толпами гонят пленных урусов к темному лесу за пищей для костров и лестниц, бревнами для осады. А чья это сотня так отличилась? Урусы уже развели там большой костер, от которого тянет капающим в пламя жиром — не барана ли доставили сюда поперек седла? Барана, и успели даже взять в работу пленных, которые в одном только этом хорошем месте стучат своими топорами, делая туры и лестницы. Какой-то старый воин с длинной палкой в руке снует на коне среди них и выколачивает из этих широких спин неповоротливость презренных, ковыряющихся в земле. Очень правильно — кнута они не почувствуют через свои толстые одежды, а придет час, когда это слишком большое скопище рабов надо будет уменьшать саблями, чтобы, при всей их непонятливости, остальные мгновенно исполняли волю его, Субудая, великого воителя, который уже понял, что высоких стен над кручами не взять, а вон за тем уступом идет главная дорога в город. Там хороший отлогий подход и ворота, что будут разбиты рабами с помощью самого тяжелого здешнего бревна, утяжеленного железным урусским наконечником, следующим за Субудаем на верблюде.

Субудай подъехал к костру. Воины вскочили, склонили головы, и Субудай одобрительно кивнул им. Они

совсем согнулись, а сотник, кажется, урянхаец, от почтения уменьшившийся, протянул большой кусок пахучей баранины. Субудаю полюбился здесь рыхлый сыр с тягучим соком, что урусы отбирают у лесных пчел,— от этой мягкой сладкой пищи не болит под узлом пояса и не надо жевать, а то зубы начали шататься и выпадать. Он попробовал откусить баранины, однако она была старой и полусырой. Бросил мясо в толпу телохранителей и, не оглядываясь, поехал дальше...

Полон в кольце дымов, внутри его — кольцо стен, с которых урусские стрелы не долетают до костров. Завтра самые меткие его стрелки, убивающие лебедя на лету, начнут из-за деревянных щитов посылать стрелы с зазубренными наконечниками в глаза врагов, заставят попрятаться этих медлительных урусов за бревна, и под пенье стрел и стук урусских топоров начнут расти у стен высокие туры из сырого тяжелого дерева, что не вдруг загораются, когда сверху льется смоляной огонь.

Завтра к вечеру прибудет под охраной гвардии внук Темучина сын Джучи, в губах которого зазмеится капризное недовольство, а в глазах вспыхнет ярость, если Субудай еще не сможет доложить ему о взятии города.

Где-то на севере пробираются через леса к дороге воины Бурундая. Быстрая разведка уже доскакала до Субудая и донесла, что Бурундай разбил последнее сборное войско главного урусского улуса, везет голову великого князя...

— А разве не вся орда во главе с Батыем одновременно подошла к Торжку?

— Нет. Батыю незачем было спешить, имея двух таких надежных псов, и он под охраной гвардии ехал с гаремом за стремительным авангардом Субудая. Бурундай же со своим войском, чтобы не давать крюк западным обходом, пошел от Сити напрямик, по льдам попутных рек, иначе б не мог оказаться в Ширенском лесу.

— Да кто теперь знает, где был этот летописный Ширенский лес?

— Местные жители знают, потому что он и сейчас так называется, и стоит на прежнем месте, конечно, поредевший. Кстати, историк С. М. Соловьев указывал довольно точные его координаты — «у села Ширинское, прежде бывший монастырь, от Кашина в 23 вер-

стах, от Калязина в 38—40, при реке Ширинке, впадающей в Медведицу». Как и тысячи лет назад, лес этот питает ручьями Ширинку и Медведицу, молчаливо хранит в своей памяти сцену казни ростовского пленного князя Василька... Василько был убит 4 марта 1238 года. Бурундай через день-два вышел на зимний волжский ледовый большак. А Субудаю надо было догрызать Торжок, этот нежданно крепкий орешек. Иначе — гибель всего войска.

— Почему?

— Скоро доберемся до ответа... А пока Субудай едет вокруг Торжка. Вот он поймал взгляд пленного раба — взблеск синего лезвия сабли, который стоило бы тут же погасить саблей телохранителя, но пусть это произойдет завтра, под стеной,— большой труп его затвердеет, станет ступенькой для штурмующего. Полон велик и опасен. Под стенами, где хозяйка — смерть, урусские рабы разрубают звенья вязи, чтобы броситься на воинов Субудая, только смерть находит их прежде. Нет, он, Субудай, не предполагал, что люди этого большого лесного народа окажутся такими! Когда все привычно, хотя и трудно, с невозвратимыми потерями, завершилось в последнем городе, стоящем в начале этой дороги, ему привели юного уруса с отрубленной кистью правой руки. Это он, раненный, рванулся и добрался зубами до горла его, Субудая, любимого сотника, который после битвы должен был стать тысячником. Субудаю захотелось посмотреть на сердце пленника. Юноша, что-то шепча, помахал кровавым обрубком перед лицов и грудью, потом подставил голову палачу, полоснув по глазам Субудая горячим взглядом... Сердце его было точно такое, как у монголов, урянхайцев, джурдже и гурджиев...

Полон слабеет на холоде без мяса. По дикой вере урусов в какого-то великого южного бога, они не принимают мяса в это время, а конину не едят никогда, но Субудай знал, что не сегодня-завтра они начнут есть ее, хотя хорошо понимают, что смерть подошла к ним со всех сторон... Сил мало, и напрасно он отпустил Монке: южные кипчаки никуда бы не делись!

Субудай обогнул крепостной выступ, чтобы посмотреть на ворота, которые надо было проломить до прибытия Бату, и оцепенел.

— Увидел разлившуюся Тверцу?

— Нет. Новоторжская крепость стояла на правом, новгородском берегу Тверцы, и орда спокойно перешла ее по льду — в феврале толстый северный речной лед не вдруг пробьет и острая пешня, не то что лошадиное копыто.

— Что же он увидел?

— Лед. Новоторы, еще в начале зимы узнав о нашествии орды, затворили ворота и наморозили на них и на всю стену, защищавшую город с напольной стороны, неприступный ледяной панцирь. На его скользком подножии нельзя было утвердить туров, осадных машин и лестниц... Однако это не более как предположение — орда все же установила стенобитные орудия, пороки, взяла город штурмом и, естественно, «весь пожгоша, а людей избиша». И летописи сообщают один совершенно поразительный факт, особенно если его взять в сравнении. В самом начале набега орда шесть дней штурмовала Рязань, пять — Москву, немногим дольше продержался стольный Владимир, а прежде чем овладеть Торжком, орда «биша пороки *по две седмицы»*. Две недели, четырнадцать дней, сражались защитники города! Только после взятия Торжка Субудай мог двинуться к Новгороду.

— Почему к тому времени, когда вся северо-восточная Русь уже была повержена, сопротивление орде возросло? Может, сыграл роль особый патриотический и боевой дух жителей Торжка?

— Наши предки любили свою родину, конечно, не меньше, чем мы, а патриотическое сознание средневековая Русь выработала на много веков раньше, чем европейские народы. Игумен Даниил, придя из-под Чернигова в Иерусалим, еще в 1108 году в записках своих шесть раз вспомнил родную речку Сновь и попросил у короля крестоносцев Болдуина разрешения поставить свечу от всей русской земли. Ни с чем не сравним пронзающий душу патриотизм «Слова о полку Игореве»! Это XII век. В Европе же впервые мысль о родине, как главной ценности народа, высказал Франческо Петрарка лишь в середине XIV века...

Но одним патриотизмом предков нельзя объяснить неудачи орды к концу ее первого набега на Русь. Рязанцы или владимирцы, надо думать, были не меньши-

ми патриотами, чем жители Торжка, так же «чрезвычайно круты», а их столичные крепости, конечно, превосходили все остальные по числу защитников и надежности укреплений... Так что большой вопрос остается и даже обостряется, потому что необходимо когда-нибудь все же объяснить, почему сопротивление орде и вправду возрастало! Исторические источники между тем просто фиксируют этот факт. А мы давайте подумаем вместе... Мне кажется, что Субудай сделал в этом краю стратегический просчет, полагаясь на способ осады крепостей, вывезенный из далекой страны чжурчжэней. Эта наступательная новинка оказалась бесполезной на Руси.

Субудай не начинал штурма Владимира, пока та часть его войск, что брала Суздаль, не подошла *«со множеством плена»*. Заметьте: он не отправил с конвоем пленных в степь, как добычу, а приказал пригнать их к Владимиру. Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет, что монголы сгоняли «сельское население к городским стенам, заставляя их землей, камнями и бревнами заполнять крепостные рвы до их уровня и убивая при этом тех, кто не поспевал за остальными». Пленных ставили к осадным таранным и камнеметательным машинам, гнали на стены, а горожан потом понуждали под страхом смерти брать цитадели собственных городов, как это было, например, в Бухаре. При таком способе взятия городов. «гибли обыкновенно десятки тысяч народа». Ох, немало, знать, погибло владимиро-суздальцев, которых орда заставляла, убивая непокорных, сооружать туры и тын вокруг своей столицы, немало русых голов скатилось наземь у катапульт! Пленные ночами перегрызали зубами волосяные арканы и ремни, пытаясь убежать в леса, не думая о том, что быстрые сабли неусыпно стерегут их головы за кустами. Наши предки предпочитали гибнуть, но не штурмовать стен своих городов.

— Минуточку! Откуда это известно?

— Ниоткуда не узнаешь обратного. В летописях — ни слова, у восточных авторов, наполнивших подробностями тома,— тоже, хотя там есть вполне достоверные рассказы не только о том, как покоренные народы штурмовали свои столицы, но и легко подчинялись другим военным целям врага, составляя целые армии

для борьбы с собственным народом. В китайских источниках сохранился такой факт: орда сформировала и двинула на штурм чжурчжэньской столицы Яньцзина (Пекина), в котором жило множество китайцев, три армии из сорока шести китайских дивизий! «Таких примеров,— замечает Г. Е. Грумм-Гржимайло,— можно привести очень много». Только нет ни одного даже отдаленно похожего примера из истории нашествия орды на Русь! Косвенным доказательством того, что наши предки отказывались штурмовать родные города, служит необычно длительная история осады Торжка, под которым решилась судьба русского полона, превосходящего по численности орду... Возможно, что Субудай вообще не отправлял пленных в метрополию. Рабов надо было не только охранять, но кормить каждый день, чтобы они не перемерли в дороге,— иначе пропадал смысл их захвата. И трудно представить, чтоб какая-то партия рабов могла пройти через всю лесную Русь, половецкую степь, через Сибирь, саяно-алтайскую горную страну и монгольские просторы — это же семь тысяч верст! Ведь стояла зима, которая в половецких степях, например, была злее, чем в средней полосе,— с сорокаградусными морозами при сильнейших ветрах. Кстати, Субудаю было невыгодно отправлять рабов в далекий этап и потому, что конвоирование их ослабляло бы его войско, и без того уже сильно ослабленное. А в конце февраля по дороге к Новгороду шли и бежали обезумевшие от ужаса люди, но вражеская конница легко настигала их, и не было никому спасения от аркана или сабли. Число пленных увеличивалось, хотя и без того их у Субудая уже было больше, чем воинов.

— Это чем-то подтверждается?

— У Татищева ясно сказано, что татар перед Торжком было множество, *«а паче* (то есть больше.— *В. Ч.)* плененных», которые нужны были степным грабителям для того, чтоб «закрывать погибель их» при штурме Новгорода.

— Однако утверждать, что русских пленных под Торжком скопилось больше, чем воинов у орды, слишком ответственно перед историей! Нельзя же полагаться на общее мнение Татищева, не называющего никаких цифр! И разве можно так решительно настаивать без твердых оснований? Это может подорвать доверие

читателя к нам. Ведь невероятно же, просто невозможно, чтобы воинов у Субудая было меньше, чем пленных! Знаменитый русский историк С. М. Соловьев считал, что с Батыем пришло на Русь триста тысяч всадников.

— Да, и это, к сожалению, принимается на веру. Правда, по Рашид-ад-Дину, «булгары и башгирды», то есть волжские болгары и башкиры, выступили навстречу орде «с 40 туменами славного войска», и Бату узнал, «что их вдвое больше монгольского войска и что все они бахадуры». «Тумен» — это тьма, десять тысяч, и, значит, перед нападением на болгар и башкиров у орды было 200 тысяч воинов? Неизвестно, сколько сабель потеряла или приобрела орда в мордовско-буртасских землях, сколько отделилось для рейда на юг, но вот явилась в труде авторитетного историка эта круглая цифра — 300 тысяч. В романе В. Яна «Батый», однако, называется другая цифра — 400 тысяч всадников, а в одном дореволюционном научном сочинении говорится даже о «монгольской полумиллионной армии в конце русского похода», у Козельска...

— Ну, уж это-то слишком!

— А в новейших *научных* трудах опубликованы донельзя условные подсчеты численности этой «монгольской» армии, имеющие, впрочем, тенденцию к снижению первоначальных астрономических цифр. Одни авторы исходят из *предположения,* что детей в усредненной монгольской семье было пятеро и каждая *будто бы* выделила в первый западный поход по одному воину, а так как все население тогдашней Монголии *могло* составлять почти 700 тысяч человек, то, следовательно, Бату и Субудай привели на Русь *ровным счетом* 139 тысяч сабель. Другие расчеты основаны на произвольном допущении, будто все чингизиды были военачальниками, причем каждый из них якобы командовал туменом, тьмой, то есть десятью тысячами воинов. А так как — по средневековым источникам — на Русь пришел сын Чингиз-хана Кулькан, погибший под Коломной, семь внуков — Орда, Бату, Шейбани, Тангут, Гуюк, Кадан и Байдар, правнук Бури и внучатый племянник Аргасун, то вроде бы проще пареной репы определить общую численность орды, напавшей на Рязанское княжество перед зимой 1237 года,— она составляла тоже ровным счетом 100 тысяч человек.

Итак, сто, сто сорок, двести, триста, четыреста, пятьсот тысяч... Здравый смысл, дорогой читатель, подсказывает, должно быть, вам, что при такой разнице взглядов на важнейшее историческое обстоятельство не может быть верной картины набега орды на Русь в 1237—1238 гг., а любая из точек зрения, в том числе и наиболее распространенная «среднепотолочная», определяющая численность этой так называемой армии Бату-Субудая в триста тысяч воинов,— предположение, гипотеза, условность.

— И объективная истина о численности войска Субудая так далека от нас, что мы никогда не узнаем ее?

— Попробуем. Для дальнего и скорого грабительского набега трехсоттысячной степной армии нужно было, по самой крайней мере, 600 000 коней — степняк не мог идти в столь дальний поход без запасной, сменной лошади. И давайте попробуем ответить на элементарный вопрос: чем могло питаться такое количество животных полгода — с ноября 1237 года по апрель 1238-го? Среди зимы в заснеженных русских лесах подножного корма не было, а ведь каждой рабочей лошади, в том числе и несущей вооруженного всадника или вьюк с добычей, нужна мера овса в день — округленно десять килограммов. Субудай, определяя для похода оптимальное количество конницы, рассчитывал на фураж, заготовленный в зиму урусами,— сено, солому, овес, ячмень, рожь, пшеницу. Фуражных запасов всей Руси, конечно, не хватило бы для прокорма мифического миллиона лошадей — такое скопище животных передохло бы от голода еще у Пронска. Невозможно себе представить далее, как эта конная армада могла идти сквозь захламленные и заснеженные леса, по узким тропам, просекам и ледяным речным коридорам. След в след такая конница продвигалась бы очень медленно и почти бесконечно. Третье: грабительский набег на далекий лесной северо-запад был лишь эпизодом тех лет — в это же время шла затяжная война орды в густонаселенном Китае, в богатом и сильном Иране, большие отряды степняков действовали одновременно на границах с Кореей, в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе, и совершенно невероятно, чтобы курултай послал 300 тысяч воинов и вдвое-втрое больше коней на маленькие города и деревушки наших предков,

обнажая другие фронты и обрекая конницу и войско на голодную смерть. И последнее — зачем было Субудаю, прекрасно изучившему жертву, вести в этакую несусветную даль триста тысяч воинов, если он точно знал, что, напав неожиданно, предзимним бездорожьем, он легко разобьет русские княжества поодиночке значительно меньшими силами?

— Сколько же у него могло быть сабель?

— Непростой вопрос. Мы не знаем также, сколько рязанских и владимирских воинов, партизан и народных ополченцев противостояло орде.

— И эта важная историческая истина нам тоже недоступна?

— Предположительная... Как ни странно, на нее натолкнула меня летописная история Игорева похода 1185 года на половцев и научные разборы обстоятельств похода. Во времена Игоря Новгород-Северская земля была на больших площадях распахана, на ней жило плотное сельское население и стояли десятки городов. Так вот, в самых богатых и обширных уделах своего княжества Игорь, по подсчетам историков и военных специалистов, собрал лишь семь-восемь тысяч воинов, включая черниговских ковцев. В. Н. Татищев же, описывая поражение северской дружины, приводит летописное сведение о 5 000 воинов, якобы плененных вместе с Игорем после эпизодических сражений накануне и непрерывной трехсуточной битвы! Такого никак не могло быть! В этой цифре надо убрать один ноль, и все становится на свои места. До Куликовской битвы единственный раз за всю историю средневековья вышло в военный поход действительно большое войско — 50 000 человек во главе с двадцатью князьями. Его послал Андрей Боголюбский на Киев, когда он, «взострися на рать» и, согласно Ипатьевской летописи, «собравъ все вое свое Ростовце, Сужьдалци, Володимерци, Переяславьци, Белозерце, Муромце и Новгородце и Рязаньце, и сочтавъ е», а также дружины полоцкого, туровского, новгород-северского, путивльского, курского, переславль-русского, торческого, смоленского, пинских, городеньских и черниговских князей, то есть военную силу князей со всей северо-восточной и значительной части южной, западной и северо-западной Руси... Если говорить о численности отдельных профессиональных дру-

жин, то она, очевидно, колебалась, определяясь экономической мощью того или иного княжества, площадью и плодородием княжеских земельных владений, их географическим расположением, размером богатств, добываемых в войнах, плотностью производящего населения, престижными, тактическими и политическими соображениями князя, не исключая даже такого явления, например, как преднамеренное уменьшение дружины посредством междоусобной или внешней войны из-за невозможности дальнейшего содержания наличного числа воинов. Рядовой удельный князь мог содержать дружину в несколько сот человек, большое княжество, по-видимому,— в несколько тысяч. В случае же большой войны проводилось, наверное, что-то вроде всеобщей мобилизации, и численность воинства той или иной земли значительно возрастала за счет «черных людей», ремесленников, купцов, то есть народного ополчения.

— Юрий Всеволодович владимирский на Сити только в разведку послал три тысячи человек...

— Что не может быть правдой. Подумайте: посылать в «сторожа» целый конный полк, когда надо было срочно готовиться к битве с превосходящими силами врага! Да еще по густому дикому лесу, где под глубоким снегом таились предательские колодины и ветровал, ломающий ноги лошадям! Как вообще прошли бы эти три тысячи конников?.. След в след? Какие бы это были сторожа? У Юрия Всеволодовича было *всего* несколько тысяч воинов, в основном, северных народных ополченцев, у Бурундая, очевидно, поболе, но не слишком: даже для десятитысячной конницы, не говоря уже о стотысячной, в малонаселенной лесной северной местности не было каждодневного корма, тем более что к концу зимы запасы крестьянского фуража истощались...

— Но неужели никто из историков никогда не задумывался об истинной численности орды Субудая?

— Мне удалось найти одного замечательного ученого. Николай Иванович Веселовский родился в 1848 году в Москве, учился в Вологодской гимназии и на восточном факультете Петербургского университета, стал профессором ориенталистики, то есть востоковедения. Вот что он писал: «На курултае (сейме) в Монголии 1229 г. решено было послать 30-тысячную армию для завоевания

стран к северу от Каспийского и Черного морей; но она почему-то не была отправлена»...

— Последующие шесть лет шла большая война с государством чжурчжэней!

— Именно. И далее: «Только на курултае 1235 г. осуществилось это намерение». «По первоначальному плану Батыю предлагалось дать 30 000 войска; нет основания думать, что это число было потом изменено в ту или другую сторону». Это сведение Н. И. Веселовского общедоступно — оно сто лет назад зафиксировано в словаре Брокгауза и Ефрона... Впрочем, скорее всего, и Веселовский прав, и те историки, которые числят в войске Бату-Субудая 150 тысяч воинов.

— Как так?

— Выйти в поход могли действительно 30 тысяч воинов, и большей частью не монголов, а разноплеменных соседних народов, которых условно, собирательно, со времен средневековья называют «татарами»; Н. И. Веселовский числит их в начальной орде Батыя «25 000 душ». Курултай, очевидно, делал ставку на воинский опыт Субудая, умевшего заставлять покоренных кочевников воевать на своей стороне против очередной жертвы. От Монголии до Волги орда росла, как снежный ком, и, возможно, Рашид-ад-Дин верно числил в ней 200 тысяч воинов. Примерно четвертая часть их ушла на кипчаков, а главные силы были брошены на Русь, которая перемолола, почти уничтожила это огромное степное воинство.

— Сколько же сабель могло остаться у Субудая после штурма Торжка?

— Немалые тысячи их убыли сразу же по вступлении на русскую землю — не воздух же рассекала мечами сильная пограничная муромо-рязанская рать! Далее. Не все стрелы и камни со стен Старой Рязани неделю летели мимо, не вся кипящая смола лилась во рвы. Не дешево далась Субудаю победа под Коломной, не без жертв достались орде Исады, Ижеславец, Новый Ольгов, Москва, Стародуб на Клязьме, Суздаль, Боголюбов, Владимир, Кострома, Галич, Волок Ламский, Дмитров и другие города. Войско Субудая таяло на глазах. Большие потери понес Бурундай на Сити, где «татары велику язву понесоша, паде бо и их немалое множество». Одновременно немалый урон при взятии

Твери и мучительном двухнедельном штурме Торжка. Да, жители этой лесной страны оказались воистину «чрезвычайно круты»! Муромо-рязанская дружина и воины Юрия Всеволодовича были профессиональными военными, с отрочества владели мечом и копьем, не говоря уже об их храбрости, физической силе и выносливости, служебном и моральном долге, священной правоте защитников своих земель, городов, семейств, домашних очагов, храмов, заветов предков, то есть родины. Отчаянно сопротивлялись и простые крестьяне, и ремесленники, и монахи, даже старики и женщины — это была, можно сказать, первая в истории нашего народа отечественная война. Надо бы учесть также ослабление войска Субудая за счет обычных для всякой войны раненых и больных, дезертиров и казненных. Ладно, если после взятия Торжка у Субудая еще оставался один, смертельно уставший от этого лихорадочного зимнего похода, боеспособный тумен, а всего, наверное, два или три, поредевших и разрозненных. Поручение курултая полководец, в сущности, выполнил — разбил войска врагов, взял все города, посеял ужас в этой дальней части света, захватил богатую добычу...

— И огромный полон, о судьбе которого мы собирались вспомнить...

— Она трагична — полон был уничтожен.

— Как? Более десяти тысяч человек!

— Полон, что вела орда из Индии, был весь изрублен саблями — сто тысяч человек! Мир до того не знал ничего подобного. Впрочем, через полтора века Тамерлан сооружал высокие пирамиды из человеческих голов — это историческая правда, зафиксированная очевидцами. В одну из таких пирамид после взятия Исфагани было набросано семьдесят тысяч голов! А испанские завоеватели полностью уничтожили население столицы средневековой Мексики — это был самый многолюдный город тогдашнего мира, насчитывавший шестьсот тысяч жителей. И Наполеон еще несколько веков спустя по пути в Сирию расстрелял на берегу моря сразу четыре тысячи турок и албанцев, которым он дал перед этим честное благородное слово французского офицера сохранить их жизни в обмен на сдачу крепости, провиант и воду... Правда, в наши времена мир узнал трагедии Освенцима, Хиросимы и Кампучии...

Что же касается судьбы русского полона под Торжком, то часть его, наверное, погибла при затянувшемся штурме города. Нападавшие, ослепленные яростью, гнали и гнали толпы ослабевших, голодных, замерзающих людей на стены. Немедленная смерть грозила за малейшее неповиновение, за один косой взгляд — слишком мало оставалось воинов, чтоб думать о том, как сохранить полон до степи. И в тот день, когда ценой последних больших потерь Торжок был взят и орда кинулась к горящим хлебным амбарам, оставшийся в живых полон, должно быть, взбунтовался, перебил ослабленную охрану и кинулся, ища спасения, в лесные чащобы и, конечно, к Новгороду.

— Это — предположение?

— Татищев пишет, что по взятии Торжка враги не только сожгли город и уничтожили его население, но и «...гоняхуся по людех Селигерским путем даже до Игнача креста, секуще люди, аки траву». Население там, как и сейчас, не слишком густое, а тогда оно было куда реже и перед приходом орды загодя разбежалось по лесам, укрылось в Торжке и Новгороде. За время двухнедельной осады Торжка орда прочесала все окрестности и не оставила в них ни фуража, ни скотины, ни людей, сгоняя последних жителей этих мест под стены. Откуда же взялись люди на Селигерском пути? Скорее всего, это и был освободившийся, но беззащитный, как трава, полон.

— Похоже. Только не понимаю, зачем Субудаю было нужно это массовое бессмысленное убийство беззащитных людей? Это же был полководец, а не убийца.

— Наполеона тоже называют гениальным полководцем... Субудай хотел наказать за неповиновение, убрать свидетелей его слабости, а также запугать новгородских разведчиков селигерской дорогой, загроможденной изрубленными трупами... Сил у Бату оставалось все меньше, и они были разделены в тот момент на несколько отрядов — Бурундай выходил из Ширенского леса на Селигерский путь, Субудай штурмовал Торжок, отборные сотни охраняли ставку хана, часть войска застряла у Твери — этот город пал, как и Торжок, в марте, и еще какие-то группы грабителей, добравшихся до Костромы и Галича-Мерьского, догоняли главные силы Субудая.

— Но зачем тогда сей выдающийся полководец задержался под Торжком на целых две недели? Ведь, наверное, еще под Торжком он понял, что Новгорода ему не видать. Не проще было бы покатать в зубах этот крепкий орешек — последнюю и такую стойкую русскую крепость, да уйти поскорее с добычей в степь, сберегая время, людей и силы?

— Он не мог этого сделать. Крепкий орешек имел ядрышко, бесценное для Субудая,— большие запасы зерна. И, в частности, поэтому конница Бурундая, проделавшая тяжелый бескормный путь лесными заснеженными дорогами по маршруту Владимир — Сить — Ширенский лес, должна была, наверное, устремиться за сотни километров к Торжку, где надо было во что бы то ни стало подкормить лошадей и наполнить торбы зерном, чтоб его хватило до Новгорода.

— А тут из-за двухнедельной задержки под Торжком путь к Новгороду преградили разлившиеся реки?

— Никакого разлива еще не было.

— Но этого же сейчас нельзя доказать!

— Гидрометеорологических данных по Приильменью на весну 1238 года у нас, конечно, нет, и никогда их ни у кого не будет. Но если бы путь к Новгороду орде преградили разлившиеся реки, то летописи, десятки раз фиксирующие природные факторы, влиявшие на более мелкие политические и военные события, непременно бы отметили это обстоятельство в такой исторически важный момент.

— А что писали о нем историки?

— У Татищева, располагавшего, кстати, несколькими погибшими позже списками, нет ничего про разлившиеся перед Новгородом реки, вскрывшиеся озера или растаявшие приильменские болота. Правда, в одной из многочисленных редакций его «Истории российской» есть упоминание о тепле и лесах, преградивших путь Батыю, оно выглядит как предположение автора — летописного подтверждения факта весенней распутицы я не нашел. Молчат о разливе и летописи, найденные после Татищева.

— Однако это все же не доказывает, что распутицы не было,— мало ли сведений летописцы, сидевшие в своих темных кельях, не фиксировали.

— Новгородская земля, между прочим, сохранила

больше других земель Руси летописных манускриптов. Это объясняется не только тем, что она уцелела от разорения ордой Бату-Субудая или высоким уровнем грамотности — в ней всегда было больше, чем где-либо на Руси, монастырей, где обычно велось русское летописание. Современный читатель может даже не поверить, но это правда научная — к концу XVII века в одном лишь Новгородском *уезде* и только монастырей, имевших крепостные дворы, было *восемьдесят четыре!* В XIII веке их было, конечно, меньше, но, очевидно, достаточно много, потому что до наших дней дошло в целости *шестнадцать* новгородских летописных манускриптов. Все новгородцы весной 1238 года пережили время тягостной неизвестности, все знали о надвигавшейся по Селигерскому пути опасности, и совершенно невероятно, чтобы многочисленные летописцы не отметили причины отступления Бату-Субудая, если б она была столь обыденно простой и очевидной. Видимо, новгородские летописцы, считавшие свершившийся оборот событий чудом, *не знали* подлинной причины, которая заключалась в отсутствии достаточных сил у орды в огромных, почти катострофических потерях, в просчетах и воинской осторожности Субудая.

— А что говорит по этому поводу другой классик нашей исторической науки — Карамзин?

— «Уже Батый находился в 100 верстах от Новгорода, где плоды цветущей долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу, но вдруг испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края — к радостному изумлению тамошних жителей обратился назад»... Как видите, Карамзин тоже ничего не пишет о разливе, а лишь о лесах и болотах, причем сам явно сомневается, что они могли быть истинной решающей причиной поворота орды, потому что вставляет в свою фразу предположительное вводное «как вероятно».

— Ну, а Сергей Михайлович Соловьев с его подробнейшей пятнадцатитомной «Историей России с древнейших времен»?

— В этом фундаментальном труде интересующему нас событию тоже посвящена одна-единственная фраза: «До Торжка дошли Селигерским путем... но, не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени,

разлива рек, таяния болот»... Не будем останавливаться на том, что в тексте отсутствуют те самые «некоторые известия», которые мы тщетно ищем. С. М. Соловьев правильно говорит о боязни *приближения* весны, хотя это лишь одна, и не самая главная, сторона дела. Куда важнее было совершенно неоспоримое — Субудай вовремя понял, что у него уже не хватит сил, чтобы взять такую мощную крепость, как Новгород. Если б он располагал войском в 200—250 тысяч сабель и был бы уверен в быстрой победе, то непременно воспользовался бы случаем! И Субудай был напуган, конечно, не лесами и болотами — он прошел ими тысячи верст по стране чжурчжэней и русских, а неминуемой грядущей потерей добычи и гибелью остатков своего войска! И мы не знаем, радостно ли изумилась сильная новгородская дружина, узнав позже истину, или подосадовала, что упустила *свою законную добычу,* — не будем идеализировать феодальные времена и нравы с их общепринятыми тогда способами получения, так сказать, нетрудовых доходов...

Раскроем некоторые средневековые источники, где нет ничего о пресловутой распутице, но есть попытки *сознательно* обмануть соотечественников, спекулируя на их доверии и темноте. Вот как объясняли причины отступления Батыевой орды церковники: «И поиде к Великому Новуграду, и за 100 верст не доходя возвратися, нападе на него страх, инии глаголют, яко Михаила Архангела виде со оружием путь ему возбраняюще». Добавлю, что если этот летописец сделал все же скидку на слух — «инии глаголют», то по другим летописям «объяснение» звучит вполне категорично: «Новгород же заступил бог и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и святых правоверных архиепископов молитва». Сколько бурсаков и семинаристов, слушателей духовных академий, священников, грамотных и верующих крестьян, рабочих, купцов, солдат, чиновников, мещан усваивали эту «святую» ложь!

Легенда о распутице, якобы спасшей Новгород, последовательно вдалбливалась в народную память. В конце XIX века московские профессора и приват-доценты выпустили «Русскую историю в очерках и статьях» под общей редакцией М. В. Довнар-Запольского.

Это было солидное трехтомное издание, рекомендованное министерством народного просвещения, Святейшим Синодом и военным ведомством для средних учебных заведений, народных читален и библиотек, духовных училищ и семинарий, кадетских корпусов и офицерских школ. Здесь тоже утверждается, что Батый, не дойдя ста верст до Новгорода, «быстро пошел обратно в придонские половецкие степи, избегая *начавшейся* распутицы. *Это обстоятельство и спасло Новгород от погрома»* (курсив мой.— *В. Ч.*).

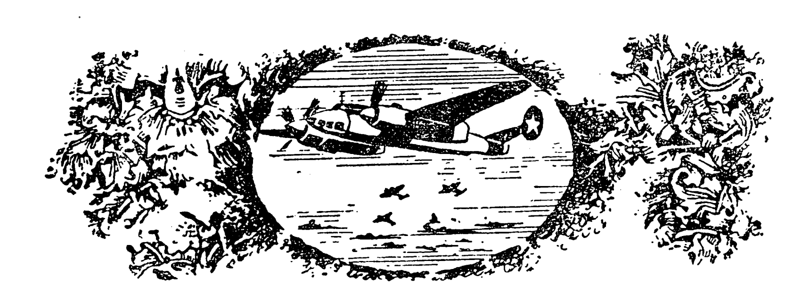
Совсем иная причина отступления орды от Новгорода выставляется в другом, уже светском и общедоступном источнике. «Большая энциклопедия» под редакцией С. Н. Южакова, нужный нам том которой вышел в 1900 году, создавалась в основном либеральной профессурой, видными научными и общественными деятелями того времени и адресовалась главным образом интеллигенции. Подобно любой другой энциклопедии, это массовое издание содержит немало конкретных полезных сведений, концентрированно отражающих уровень знаний своей эпохи. Но вот как выглядит там военная ситуация зимы 1237/38 года: «Страшному опустошению подверглась земля Рязанская и Суздальская. Затем Б. (то есть Батый.— *В. Ч.*) приказал остановиться. Причиной остановки было то обстоятельство, что нарушился стратегический план, начертанный Б., произошла путаница, и Б. не решился составлять нового плана в чужой земле». Неизвестно, кто из ученых авторов писал эти строки, но раздел востоковедения курировал этнограф Академии наук Д. А. Клеменц, а военный отдел профессор А. С. Лыкошин... Ах, ученые профессора, ах, милые либералы-просветители! Не стану поминать вас какими бы то ни было словами, спите спокойно, вы сделали свое дело...

Любознательный Читатель. Выходит, стоило Б. избежать некой путаницы или решиться начертать новый стратегический план в чужой земле, и он бы не остановился — пошел да и взял бы Новгород?!

— Знаете, со следующего тома на титульных листах этой энциклопедии начало печататься постоянное объявление о том, что она «рекомендована Главным управлением военно-учебных заведений в фундаментальные библиотеки кадетских корпусов и военных училищ».

— Нет слов... Итак, Субудай остановился перед Новгородом, у Игнача креста. Где был этот летописный Игнач крест?

— В середине прошлого века историк С. М. Соловьев предположил, что Игнач крест — это селеньице Крестцы, лежащее на кратчайшем прямом пути между Торжком и Новгородом. Авторитет Соловьева был велик, и его мнение поддержал позже коллектив географов, историков, этнографов, экономистов и статистов, создавший под руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского фундаментальное многотомное географическое описание «Россия». Но в средневековье там не могло существовать никаких дорог — ни зимних, ни летних! Прямой путь из Торжка к Новгороду преграждали дремучие леса и сырые низины, пересекали десятки рек, сотни ручьев, речек, болот и озер. Поддерживать в порядке столь протяженную магистральную дорогу было в те времена делом невозможным и бессмысленным — тележные и санные проезды быстро бы захламлялись валежником и заметались снегами, гати тонули, мосты сгнивали, насыпи размывались дождями да полыми водами, а летописцы сообщают, что средневековые войска всегда ждали, «егда ледове встанут».

17 Вспоминаю, как сидел я за своим письменным столом и, пытаясь представить себе маршрут авангарда Субудая, разглядывал подробную карту Новгородской области с добрым куском Калининской. Вошел гостивший у меня старший брат Иван и остановился за спиной. Он у нас весь в нашу покойную мать — маленький, щуплый и такой же, как она, тихий, вечный трудяга. Иван почему-то завол-

новался, торопливо закурил, увидев карту, начал водить по ней пальцем и произносить какие-то невнятности:

— Ага... Вот это... М-м... Тут тоже... Да!.. Ну, это потом, уже в полку... Скажи! Тридцать пять лет прошло, а помню как сейчас!

— Ты что, воевал там, что ли?

— Ну... А тут мы с Сережкой Морозовым встретились. Это надо же: три тысячи верст фронта — и встретить братана вот на этом болоте! — и он ткнул пальцем в синие черточки близ озера Селигер.

Все эти годы мы жили вдалеке друг от друга, встречались редко, и как-то не доводилось поговорить о подробностях его солдатской службы. Помню, как перед Отечественной они с двоюродным братом Сергеем Морозовым, племянником мамы, появились в нашем тайгинском домишке. Мне тогда было чуть больше десяти, им всего-то по двадцать пять, но в моих глазах они предстали полусказочными героями, особенно, конечно, Сергей. Иван вернулся с финской, а Сергей горел в танке на Халхин-Голе, и к его гимнастерке был привинчен редкий по тогдашним временам орден Боевого Красного Знамени. В нашей избенке сразу стало тесно, когда он вошел, а потом мама всегда вздрагивала от его внезапного громоподобного хохота.

— Из-за этого жуткого баса мы и нашлись вот тут в сорок третьем. Танки в тумане грохотали мимо к Ловати, но здесь остановились из-за встречных порожних машин. Слышу, лязгнула башенная крышка переднего танка, и сверху страшная ругань — аж моторы притихли. «Серега! — кричу.— Дьявол, ты?» — «Ну я, а ты кто такой?» — «Иван»,— отвечаю. «Что ты тут делаешь?» — «Дорогой этой командую».— «Черт меня побери! Слушай, Ваня, пропускай нас сейчас же, а то враз сковырну эти твои мусорные ящики на колесах! Отгоню свою железяку и разыщу тебя»... И правда, прикатил перед большим боем на Ловати. Ну, побаловались спиртиком, и он уехал. А через неделю Серега утопил свой танк в болоте...

— Как это?

— Да так. Немцев за Ловать проперли еще зимой, и они там все лето тихо сидели, иногда только по-немецки: пук, пук! И вот у нас чья-то голова додумалась наступать по причине фактора неожиданности. А там же

топи — я их на всю жизнь запомнил! Пошли без артподготовки, только «катюши» немного поработали — мы им с весны припас подвозили. Танки сразу же сели по уши. Серега, пока тонул, сумел расстрелять весь боезапас за Ловать, кой-как вылез в темноте с экипажем и деру по болотам... В этих местах мы долго еще грязь хлебали. Потом на Кенигсберг меня, оттуда срочно бросили на Прагу, а Серега пошел на Берлин. Он еще три раза в танке горел, но несгораемым оказался. Братьев пережил, хотя они и не воевали...

— Да тоже, знаешь, воевали, Ваня... Каждому свое.

Их было трое, братьев Морозовых, на нашей улице в Мариинске. Старшего, Павла, огневого парня, заводилу мариинского комсомола, хоронил весь город; его убили из обреза мясники, но это было до меня. Второго, Петра Ивановича, я знал много лет. Тоже орел был. Как я уже рассказывал, он работал в Сибири, Москве и на Дальнем Востоке — первым секретарем Амурского обкома партии, последний свой десяток лет на посту заместителя министра сельского хозяйства СССР. Мы виделись с ним по праздникам, редко по будням, иногда ездили на рыбалку. Умер он неожиданно. Схоронили его на Новодевичьем, по соседству с певцом С. Я. Лемешевым и писателем К. А. Фединым. Поставили камень с орлиным профилем, и я, бывая у этой могилы, всякий раз вспоминаю скромное кладбище на окраине Тайги, где рядом похоронены наши отцы, рабочие-железнодорожники...

— Да, Петр ушел рановато,— с грустью говорит Иван.— А Серегу-то парализовало, слышал? Лежит сейчас в Омске, не говорит, еле двигается, но живет! И после войны четырех сынов успел вырастить. Такие богатыри!

Иван смотрит долгим взглядом на карту и спрашивает:

— У истока Волги никогда не был?

— Не был,— виновато сознаюсь я.— Знаешь, сколько лет собираюсь...

— А мы были... Стоит часовенка, под ней чистая лужица.

— Что говорили, Вань?

— Ничего. Какие слова, если такая война да исток Волги?

— Это верно.

— Просто попили той воды да фляжки наполнили для ребят...

Иван опять закуривает, не отрывая взгляда от карты.

— Вот тут, недалеко от начала Волги, в Мареве, стояла наша база.

— Расскажи.

— А что рассказывать-то? Служба у меня была не пыльная...

Его письма-треугольники, написанные каллиграфическим почерком, почтальонша приносила не часто и не редко, но регулярно. В них, правда, ничего не было про войну, а больше все вопросы про наше житье. Мама просила меня читать их по нескольку раз и всегда чутко слушала, пытаясь угадать, что кроется за неизменными словами Ивана: «бьем фрица», «полный порядок» и «служба у меня не пыльная»...

— Помнишь хорошую песню про вашего брата, фронтового шофера? — говорю я Ивану.— «Эх, дороги! Пыль да туман...»

— Ну, туманов-то там было хоть отбавляй, и они нас не раз выручали.

— Как это?

— Затянет болота, и мы радуемся — бомбежки не будет, газуй спокойно! А вот пыли совсем не было... Наступали-то мы зимой — какая пыль? Дорогу помню отличную вот тут по Селигеру и дальше, по речным льдам, как по шоссе. Поперли фрица вот сюда, за Ловать, он все побросал. Помню, я сразу засек штабной оппель-фургон в болоте. Влезаю — ящички, столики, а на счетчике всего полторы тысячи километров, ну, значит, от Берлина до Марева, дальше не дошла. Машина была в порядке, только радиатор нашим штыком пропорот. Завелась с полуоборота. Порядок! Целый день вырубал ее изо льда, вытащил на чистое место. Ребята подъехали, быстро из железной бочки печку соорудили, нарубили немецких покрышек, отогрелись. С того фургона и началась наша база.

— А что она делала?

— Возила снаряды, патроны, продовольствие, горючее, овес: тогда еще кавалерия была. Все возили, что надо. Весь март и даже в апреле еще возили.

— *Март и апрель?* — уточняю я.

— Ну. Правда, под конец стала не езда, а погибель. Крадешься, бывало,— колеса уже в воде. Жалюзи прикроешь, чтоб вентилятор и свечи не заливало, рулишь туда, где побольше травы да кочкарника из воды торчит, но чувствуешь — болотный лед уже все, не держит, садится. Ну, начали и мы садиться. Раз я двое суток сидел без еды со снарядами. Лебедочный трос весь порвал и, пока снаряды не перетаскал к лесу, не мог вылезти... С боевым грузом это был мой последний рейс перед половодьем. Там ведь есть топи — по четыре метра торфа и сапропеля! Танк Сережки Морозова, думаю, по сей день на дне болота рядом с другими...

— Да, у тебя не пыльная была служба... А в половодье, значит, отдохнули?

— Не отдыхали. Бревна возили. Саперы делали через топи дорогу... Знаешь, я всю действительную за баранкой, и финскую. Братскую руку Прибалтике подавал из кабины, этой войны уже было почти два года, но не думал, что в сорок третьем за Селигером такая дорога может быть!

— Ну, а какая?

— Прямая, как стрела, черт бы ее любил!

Иван засмеялся.

— Представь себе — клети на топях из лесин, а по ним с двух сторон по два бревна. Передние колеса рулем меж бревен держишь, а о задних только первый рейс думаешь и зыбь внизу чувствуешь. Начальный сквозной рейс я сделал на полуторке сам, потому что был в батальоне постарше и поопытней остальных. Потом все привыкли, гоняли, как по земле. Ну, соскочишь другой раз с колеи, зависнешь на заднем мосту или рессоре, поддомкратишь, и полный порядок! Ну, иногда, конечно, по уши в воде, но почему-то ничем не болели. Все лето возили.

— Как эта дорога шла?

— А вот — от Марева через Полу, что течет в озеро Ильмень, мост был, а тут уж недалеко, в тридцати километрах от Марева и Бор. Где он? Да вот он, Бор! А за ним уж линия фронта, Ловать. Вдоль нашей дороги телефон был протянут, разъездные карманы сделаны. Освоились, только комарья тучи да паутов — мы их мессершмиттами звали... И, конечно, неприятно, когда он, натуральный-то «паут», пикирует на тебя. Попадет, дума-

ешь, в кузов, где «катюшины» подарки, все вмиг сгорит — и ты, и дорогая эта дорога. А он как горохом или градом по воде — шррр! Потом бомбы — хлюп, хлюп в болото. В крайнем случае кабину шевельнет, грязью обдаст, да и скроется за Ловать. Первый раз только было страшновато, еще весной, когда дорогу тянули. Выехал-то я из Марева в тумане, потом солнце показалось, разогнало туман. Вижу — заходит на меня в лоб, а я газую вовсю и почему-то досадую, что не успел показать ребятам, у каких берез мои гильзы снарядные стоят — соку в них натекло уже, думаю, по горлышко...

Иван грустно засмеялся и снова закурил.

— Ты так и шоферил всю войну?

— Нет, скоро в гору пошел... Когда двинулись серьезные подкрепления, у нас наступила передышка, и я начал аккумуляторы перебирать. А перед этим написал в полк, чтобы срочно прислали кислоты и баллонов, иначе кранты. И вот сижу в своем фургоне, вожусь с аккумуляторами и слышу незнакомый приказной голос: «Где тут старшина Иван Чивилихин?» Выскакиваю, а штаны-то у меня кислотой сожжены, из них получились трусы, или, верней сказать, по сегодняшнему-то, шорты. Гляжу — полковник. Обозрел он меня со всех сторон, крякнул и, вижу,— достал из планшета докладную. «Это ты писал?» — недоверчиво спрашивает. «Так точно!» — отвечаю, а сам думаю: в чем дело? Баллоны, кислоту вроде уже прислали... Ладно. «Откуда у тебя такой инженерский почерк?» — спрашивает. «Практика, говорю. Техникум кончал, чертежи ребятам вечно подписывал».— «Лейтенанта я вашего забрал в полк, а тебя пока оставляю в этом автобате за диспетчера»... Ну, недолго я покомандовал той деревянной дорогой. После боя вывез по ней раненых, и полковник Миронов определил меня в писаря. Служба была не пыльная, но к машинам и ребятам тянуло — не могу передать. Почую бензин — тяну носом, как собака на тяге. По итоговым сводкам и оперативным докладным полковник заметил, что писаришка штабной немного кумекает в автохозяйстве. Перед большим зимним наступлением сделали меня младшим лейтенантом и диспетчером нашего пятьдесят третьего автополка... Девятьсот машин! Не шутка. Начали готовить штурм Ловати — он за ней здорово укрепился, время было. Когда льды наморозило, поехали

снова по Селигеру, по Вселугу, Стержу, по болотам, а особенно Пола выручала. Гляди!

Он повел пальцем по синей жилке.

— Это не река — это был божий подарок! По льду ее восточных притоков — смотри! — Поломети, Явони, Щеберихи и вот тут, мимо Марева, грузы и техника шли на Полу, а она льнет к Ловати. У Ильменя они сходятся, и туда — на Новгород — был нацелен главный удар. По льду Полы машины шли втрое быстрее, чем по лесам и болотам... Эх, Пола, Пола!

Пола, Пола... Стоп! Где-то я, не то у Татищева, не то в летописях, встречал название этой реки! Схватил с полки второй том «Истории Российской» Татищева. Да, вот оно, переложение события 6455-го, то есть 947 года: «Ольга, оставя в Киеве во управлении сына своего, сама со многими вельможи пошла к Новугороду и устрои по Мсте и по Поле погосты»...

— Ты чего там? — недоуменно спросил Иван.

— Понимаешь, за тысячу четыре года до твоих машин по этой Поле проехала княгиня Ольга, наверное, навестить свою родину, и селения, то есть погосты, устроила. Зимой, наверно, потому, что все лето перед этим она осаждала древлянскую столицу Искоростень. Конечно, зимой! Дальше ясно написано: «а сани ея стоят в Плескове и до сего дни».

— Зимой как по шоссе,— профессионально подтверждает брат Иван, глубоко затягиваясь дымом.

— Слушай, а вот по твоему опыту, шоферскому и диспетчерскому: какой тут самый скорый зимний путь до Новгорода?

— Селигером,— говорит Иван, не глядя на карту.— Мимо Столбенского острова. Перед большим островом Хачиным налево, пока не упрешься в берег, а там мимо Березовского городища немного лесом и небольшим озерцом на Щебериху. По ней на Полу, к Ильменю, тут тебе и Новгород... Все эти дороги я знал как свои пять пальцев. И бездорожья тоже... Осташков, Валдай, Старая Русса... Новгород, помню, взяли в январе сорок четвертого. Севернее Волховский фронт здорово жиманул...

— Удивительное совпадение! — вдруг вырвалось у меня.

— А что?

— Ты тут воевал, Сергей Морозов тоже, а на Волховском, рядом с вами, Анатолий Чивилихин.

— Да ну! Не знал. Я с ним перед финской в Ленинграде встречался, он мне первую книжку свою подарил. После не привелось... Не дожил Толя, а зря...

У нас с поэтом Анатолием Чивилихиным общий предок. Рязанский мужик из-под Пронска Егор Кирилыч Чивилихин был его дед, наш с Иваном прадед. Деревня та исчезла с рязанской земли, но память о ней пока живет среди нашей московской родни, и всех нас называют по-уличному, по имени моего прадеда, имя которого запомнилось,— Кирилиными.

А Толя двадцатидвухлетним студентом химического института выпустил перед войной первый сборник стихов, который я до сих пор храню; его в Тайге оставил Иван, уходя на фронт. Книжки выходили и после войны, и после его трагической смерти в 1957 году — он, человек ясной, доверчивой и правдивой души, не захотел больше жить, и я не берусь его судить... Помню, весной того года я успел подарить ему свою первую книжку с шутливой и задиристой стихотворной надписью:

Понятно, мы с вами вдвоем
Не стоим любого Толстого,
Но все-таки скажем слово,
Негромкое, но свое.

Анатолий Чивилихин писал негромкие, но удивительно чистые стихи, иногда обращаясь к словам забытым, старорусским. Во время последней встречи он, помнится, сказал мне, что в нашем языке лежат под спудом нетронутые клады, а когда я по молодости, по глупости спросил его, не будут ли нас путать из-за нашей довольно редкой, но все же одинаковой фамилии и не следует ли мне взять какой-нибудь псевдоним, он засмеялся и ответил, что в русской литературе всем и всегда хватит дорог, а насчет путаницы — это зависит не только от нас. Смешно и грустно, однако после его смерти нет-нет да и приходили в мой адрес письма читателей и редакторов издательств, адресованные ему, а в предпоследнем томе последней БСЭ в краткой моей персоналии приписаны мне его «Стихотворения» 1974 года издания...

— Иван,— говорю,— я помню много стихов Анатолия, но тебе хочу прочитать одно, фронтовое. Он ведь

на Волхове и отступал и наступал... Эти стихи Михаил Дудин читал над его гробом. Слушай...

Отход прикрывает четвертая рота,
Над Волховом мутное солнце встает.
Немецкая нас прижимает пехота,
Спокойствие, мы прикрываем отход.

Браток, вон камней развороченных груда.
Туда доползи, прихвати пулемет.
Кто лишний — скорей выметайся отсюда!
Не видишь, что мы прикрываем отход?

Прощайте! Не вам эта выпала доля...
Не все ж отходить, ведь наступит черед!
Нам надобно час продержаться, не боле.
Продержимся — мы прикрываем отход.

Не думай — умру, от своих не отстану.
Вон катер последний концы отдает..
Плыви, коль поспеешь, скажи капитану:
Мы все полегли, мы прикрыли отход.

— Хорошие стихи. Солдатские,— сказал Иван. Лицо его вдруг закаменело, и он медленно, вспоминательно произнес: — А от Новгорода Великого сорок домов осталось...

Мы помолчали, и я вернул его к прежнему разговору, к Селигеру.

— А был ты вот тут, на Березовском городище?

— Да везде я тут был! И не раз.

— А в Крестцах?

— Как же,— он подвигается к столу.— Здесь проходили, вот тут насквозь. Где на моторах, где на руках... Потом образовали нашу двадцать первую автомобильную бригаду — и на Кенигсберг!

Он замолк... Люблю слушать старых солдат! Только вот с братом Иваном поздновато разговорились. Ему уже под семьдесят, однако седины у него меньше, чем у меня, с самых послевоенных лет продолжает трудиться на Крайнем Севере по нефти-газу, работенка снова, можно сказать, не пыльная. Одно его только заботит — фронтовая награда.

— Разминулись мы с ним, понимаешь, ни он меня разыскать не может, ни я его, хотя все документы, указ — налицо. Гляди!

Рассматриваю старенький военный билет капитана запаса и цифры, означающие один-единственный, ему принадлежащий орден Красной Звезды. Надо найти, был бы совсем полный порядок...

Весной 1981 года, возвращаясь из Чернигова, с похорон трагически погибшего нашего младшего брата Бориса, Иван умер в московском такси — трансмуральный инфаркт.

18 Не было человека, выдерживающего сверлящий взгляд Субудая, а этот бородатый урусский певец со спокойными и глубокими, как стоячая вода великого внутреннего моря, очами почему-то не трепетал перед старым воителем, смотрел не в сторону, не вниз и не на его красное веко, а прямо в правый глаз, который старался не замечать даже внук Темучина сын Джучи.

Белые руки раба не были испорчены черной работой и как будто никогда не держали тяжелого урусского топора или меча. Раб, однако, хорошо рассказал про великий город урусов, где большие богатства и сильная крепость, а княжит в нем молодой ясный сокол, сын великого князя Ярослава, что недавно владел главным южным городом урусов Киевом.

— Мой дед бывал в Кивамане,— робким полушепотом добавил кипчак-переводчик и закатил глаза.

Субудай подумал, что ему, наверное, не доведется уже увидеть этого города — Субудая возьмет небо, а Киваманъ возьмет Бурундай, если сумеет уйти отсюда в степь. Только Бурундай — это волк среди овец, но волк с головой барана: зачем он убил, как донесли Субудаю, последнего князя восточного улуса — кто там будет собирать дань?

— Спроси,— приказал Субудай толмачу.— Сколько у великого князя сыновей?

— Александр Ярославич, что княжит в Новгороде Великом,— начал певец, и Субудай в широком рукаве теплого халата из страны джурдже тайком загнул мизинец правой руки.— Андрей Ярославич, Константин Ярославич, Михаил Ярославич, Василий Ярославич...

Пальцы левой руки не гнулись, и Субудай, прислушиваясь к трудным именам, снова начал с того же мизинца.

— Ярослав Ярославич и Даниил Ярославич.

— Пять и еще два,— удовлетворенно пробормотал Субудай.— Семь...

Любознательный Читатель. В Новгороде, выходит, сидел в это время будущий Александр Невский? Почему же он не помог хотя бы Торжку?

— Возможно, он и успел помочь, усилив перед приходом орды гарнизон рубежной крепости княжества, отчего, в частности, она и продержалась две недели. И очень может быть, что, выйди он вовремя с новгородской ратью навстречу орде, ему удалось бы уничтожить уже сильно ослабленные отряды Субудая и Бурундая. Но чтоб на это решиться семнадцатилетнему князю, надо было более или менее достоверно знать численность их сил. Ведь беженцы, видевшие, как конная орда заполоняла их маленькие города и села, в один голос уверяли, что безбожные агаряне всюду и несть им числа. И Александр, человек, несомненно, наделенный недюжинным военным талантом, принял правильное решение обороняться с забрал. Оборону Торжка, быть может, стоило бы счесть даже тактической ошибкой — новоторам лучше было бы загодя вывезти или сжечь хлеб да укрыться за надежными новгородскими стенами. Субудай кинулся бы туда, рассчитывая быстро, как Рязань или Владимир, взять Новгород и Псков, застрял бы там с осадой на месяц-полтора, и весна отрезала б навсегда его погибающую без корма конницу от степи.

— И юный Александр стал бы Ильменским?

— Или Волховским. Однако можно предположить и другие последствия — трагические и непоправимые. Монгольский курултай, не дождавшись к лету Батыя со всеми чингизидами, Субудая и Бурундая с войском, собрал бы в степи и послал десяток свежих туменов

на Новгород и Псков, уничтожив эти столпы русской средневековой цивилизации, что могло полностью повернуть не только дальнейшую историю нашего народа, но и историю всей Евразии...

Семеро Ярославичей, внуков Всеволода Большое Гнездо, пережили нашествие с востока, а старший из них Александр, прекрасно, конечно, представлявший себе еще в 1238 году огромную угрозу с севера, северо-запада и запада, разбил через два года шведов, через четыре — немецких рыцарей, нейтрализовал литовцев и в течение двух десятилетий вел тончайшую дипломатию, сохранив меж четырех огней единственный островок русской национальной независимости...

При свете двух плошек, в которых горело пахучее урусское масло, кипчак видел, как Субудай неотрывно смотрит в глаза уруса, и удивился: самые храбрые воины, не знавшие страха, больше всего на свете боялись того момента, когда Субудай обернет к ним свое красное веко, а этот раб... Не спуская взгляда с уруса, полководец спросил толмача:

— Почему он меня не боится?

Толмач перевел ответ:

— В душе певца живут боги, которые не подвластны земным владыкам.

— А боится он или не боится смерти? — мертвым голосом спросил Субудай.

— Так же, как великий богатур-воитель.

— Мудро и смело ответил... Пусть тогда споет.

Кипчак и урус перекинулись двумя-тремя словами, замолчали. Кипчак дрожал от страха.

— Говори! — приказал Субудай.

— Не смею,— весь трепеща, пробормотал кипчак.

— Говори!

— Он не будет петь.

— Почему? — глаз Субудая начал наливаться кровью.

— Он голоден.

Субудай успокоился. Певцов надо кормить: они поют тем, кто дает им мясо, или тем, кто обещает дать мясо.

— Дай ему мяса.

Кипчак подполз к белой урусской ткани, уставлен-

ной глиняными чашками с едой, взял кусок баранины, но урус отрицательно покачал головой.

— Он не ест мяса,— робко сказал кипчак.— У них великое неедение, пост.

Субудай задумался, а кипчак ждал, что будет дальше.

— Пусть подойдет и возьмет сам что хочет.

Урус сделал шаг вперед, опустился на колени, взял со скатерти немного хлеба, творог с медом и горсть сушеных яблок, сел в темном углу. Кипчак заметил, что руки у него совсем не дрожали. Субудай сидел, опустив голову, и, казалось, засыпал, а толмач с удивлением наблюдал, как неторопливо жует и обирает с бороды крошки урус. Но вот певец закончил трапезу, вытер тряпицей губы, помахал перед ними двумя пальцами, сложенными вместе, и Субудай увидел, что он принял из рук кипчака деревянное корытце, на которое были туго натянуты тонкие желтые жилы.

Раб положил корытце на колени, перебрал жилы быстрыми пальцами и, чуть покачиваясь, запел первым, горловым голосом как поют все эти кипчаки, хорезмийцы, индийцы, персы, джурдже и гурджии. А на родине Субудая поют стоя, чтоб вмещалось побольше воздуха для голоса второго, что идет из глубокой середины груди. Так нигде во вселенной не поют, подумал Субудай с гордостью, и под убаюкивающий рокот жил стал думать о богатом городе, укрывшемся за льдами и снегами, и самом богатом городе урусов Киваманъ, о семи урусских братьях-княжичах, потом начал вспоминать чингизидов, вышедших с ним в этот поход, который получался под конец таким тяжелым.

Не сосчитал Субудай Кулькана, самого младшего сына Темучина, потому что его уже не было совсем,— он принял под урусской крепостью смерть. Субудай не стал считать и Бури, правнука Темучина, и внука Темучина Гуюка, сына каана Угедея, потому что они, как все чингизиды, больше всего любят соколиную охоту и вино, а своими распрями с Бату мешают Субудаю — приходится их тут посылать на покорение дальних маленьких селений. Не загнул он пальца, вспомнив Монке и Бучека, внуков Темучина, сыновей его четвертого сына Толуя, потому что их не было здесь. Субудай уничтожил с Толуем-отцом народ джурдже, и Монке с Буче-

ком тоже воины — рыщут в просторных степях, и враги рассыпаются перед ними, как стада маленьких диких кипчакских коз, которых не догнать и на мерине хорошего хода. И хотя Субудаю как воину было все равно, здесь Бату, внук Темучина, сын его старшего сына Джучи, или не здесь, он начал счет с него, потому что тот был здесь. Дальше шли его братья, внуки Темучина Орда, Шейбани и Тангут, и еще два внука Темучина — сын Джагатая Байдар и второй сын каана Кадан. Сосчитал и сына Эльчжигидая Аргасуна, который не был чингизидом — его дед Качиун приходился братом Темучину, но Аргасун здесь, тоже заносится перед Бату, и его надо считать. Четыре, два и один — семь... Тоже семь!

— О чем он пел? — спросил Субудай, взглянув смолкшему певцу в глаза, вдруг застывшие, как лед.

— О великом князе урусов Ульдемире, что жил в те времена, когда предки кипчаков еще не знали этой страны, не разделенной на улусы, и урусском батыре Иль-я, отрубающем врагу семь голов.

— Семь? — помрачнел Субудай и, чтоб услышала охрана, повысил голос: — Сломайте ему спину!

Раба взяли за слабые руки, повели — пусть расскажет своим богам, что Субудай может быть благодарным за то, что они сохранили для него спасительное зерно. За пологом юрты тоскливо, тягуче завыла собака урусского певца. Внезапно, словно озаренный, Субудай вскинул голову и подал телохранителю знак, отменяющий приказ. Тот кинулся наружу, крикнул слово, и оно передалось в сторону леса, удаляясь. Субудай впился глазом в колышущийся полог юрты — успеют или нет? Урус может пригодиться, он знает все эти места.

Надо скорей уходить отсюда в степь! Фуража мало, потому что длинные урусские строения с зерном горели, когда войско ворвалось в город, и Субудай впервые за всю свою жизнь приказал не поджигать, а гасить. Подгорелого этого зерна не хватило на всех коней, и часть войска во главе с Бурундаем ушла вперед, к большому урусскому озеру. Разведка доносила, что селения стали редки, безлюдны и корма в них нет... Как там Урянктай?

Реку Полу, «божий подарок» в рассказе Ивана, я запомнил, на Крестцах же поставил крест. Орда там не могла быть, хотя, повторяю, и Соловьев, и Семенов-Тян-Шанский с коллегами выводили ее именно туда. А В. Ян в романе «Батый» направил основные силы орды после битвы на Сити прямо к Игначу кресту, неизвестно где расположенному, минуя Торжок...

Если даже допустить, что орда попыталась пройти к Новгороду напрямую — лесами, попутными речными, болотными и озерными ледяными дорогами, как отряд Бурундая от Сити до Селигерского пути, то напрашивается множество аргументов, каждый из которых, а особенно все вместе, решительно отвергает этот маршрут. 1. Лесной прямопуток через район теперешних Крестцов был труднопроходимым, ненаселенным, а уставшая и поредевшая степная конница очень спешила и нуждалась в прокорме. 2. Игнач крест был хорошо известен в средневековой Руси, очевидно, как ориентирующий знак, устанавливаемый обычно на важных точках водных путей. Орография же местности и течение реки Холовы в районе Крестцов ничем особым не были примечательны. 3. Такие события, как нашествие орды, кровавое ристалище по дороге на Новгород и финальная остановка страшного врага, должны бы отложиться в народной памяти и местной топонимике. Живущие по Сити крестьяне из поколения в поколение и до сего дня хранят предания о том, что в селе Становище был княжеский стан, Юрьевское стоит вблизи места убиения Юрия Всеволодовича, в Судьбище казнили захваченных живыми русских воинов, на Бабью гору вышли навстречу орде с вилами и топорами бабы и девки, узнавшие о гибели своих мужей, отцов, братьев, сыновей, женихов,— они предпочли скорую смерть поруганию... В окрестностях же Крестцов не услышишь даже намека на события весны 1238 года. 4. От Игнача креста до Новгорода было сто средневековых, то есть двухкилометровых с небольшим, верст — чуть поболе двухсот километров. От Крестцов же до Новгорода, если даже считать по современному спрямленному пути,— менее восьмидесяти. 5. Селение Крестцы появилось в поздние времена, и название это определилось скрещением здесь дорог, а в соседней Ямской Слободе содержались конюшни и жили ямщики, обслуживающие дороги. 6. Субудай, ко-

мандовавший набегом, имел за плечами огромный опыт военных походов в гигантском треугольнике между низовьями Амура и Хуанхэ, верховьями Тигра и Евфрата, истоками Волги, Днепра и Западной Двины; он прекрасно знал возможности конницы, которая за зиму прошла ледовыми дорогами тысячу километров, у него была блестяще поставлена разведка, и, несомненно, он выбрал в марте 1238 года наилучший, самый удобный путь к Новгороду. Скорее всего, однако, что и выбирать-то ему не пришлось — авангард просто поскакал по свежему следу беженцев, «секуще люди, аки траву». 7. Крестцы расположены далеко в стороне от древнего *Селигерского* пути, по которому ринулась орда после взятия Торжка, о чем столь недвусмысленно сообщают разные летописи и автор их главного свода-переложения В. Н. Татищев...

Селигерский путь, несомненно, существовал задолго до вояжа Ольги, еще в древнюю нашу бытность. Этим наиболее удобным путем ходили к словенам поляне, северяне, вятичи, по нему шли позже в лесные глубины юго-востока ушкуйники, на нем господин Великий Новгород основал свой торговый и военный форпост — Новый Торг, а летописная средневековая история не раз упоминает этот зимний и летний сухопутно-водный большак. В 1216 году, например, князь Мстислав новгородский — «пришед на верх Волги Селигером-озером и взяша Ржеву». Наверное, этот главный зимник, идущий к северо-западной Руси и Новгороду, начинался от самой Твери, первым его участком была ледяная дорога по Тверце, и С. М. Соловьев был прав, когда писал, что орда дошла Селигерским путем *до Торжка*. Далее путь этот шел через замерзшие болота и реку Селижаровку к южной части озера Селигер и по его льду мимо островов Городомля и Столбенский.

Авторы «Полного географического описания нашего Отечества», этого во многих отношениях замечательного труда, чтобы как-то подкрепить гипотезу С. М. Соловьева, предлагавшего искать Игнач крест в районе Крестцов, направляют орду через весь Селигер и далее на север — по льду озера Велье, поперек долин Полометп и Холовы. Этот гипотетический наступательный марш с бессмысленным отклонением далеко на север был попросту невозможен — заснеженные, бездорожные и бес-

кормные лесные чащобы не пропустили бы туда степную конницу, поредевшую, отощавшую и уставшую после тяжелого похода. Если до наших дней в этих местах работает мощный Крестецкий леспромхоз, то можно себе представить, какие первозданные дебри стояли там в XIII веке...

А как, однако, живучи полузнания, которые мы вынесли со школьной скамьи! Сразу же после публикации «Памяти» журнал, в котором она опубликована, поместил отличное эссе Ивана Васильева, публицистические работы коего стали заметным и отрадным явлением сегодняшней литературы. Он учился на Валдае, потом воевал, был сельским учителем, журналистом, исходные знания, приобретенные в детстве, не пересматривал — не до этого было, «Памяти», очевидно, не успел прочесть, и вот что он пишет из родных своих мест, с Валдая, из деревни Крестовой, стоящей на реке Поломети: «Древние летописи говорят, что именно отсюда, от места, названного летописцем «Игнач крест», татаро-монгольская конница поворотила вспять: леса и реки преградили ей путь на Новгород» (Васильев И. Земля русская.— «Наш современник», 1981, № 1, с. 43). Нет, средневековые летописцы ничего подобного не говорят — «Игнач крест» они не определяют как географическое понятие и совсем не упоминают о лесах и реках, якобы преградивших орде путь к Новгороду. Здесь же, на Поломети, конница степняков вообще не была...

Так где же все-таки искать тот Игнач крест? Конечно же на кратчайшей и удобнейшей зимней дороге к Новгороду, на продолжении истинно Селигерского пути, то есть на Щеберихе и Поле!

Об удобстве этой древней дороги, кстати, кое-что может сказать даже простой взгляд на современную карту. Почти весь путь от Твери до Новгорода можно пройти летом по воде, а зимой по льду! Не знаю, где и какие погосты, заезжие места, где можно обогреться, отдохнуть, покормить коней, поставила зимой 947 года Ольга, но промежутки между теперешним Осташковом, Березовским городищем, Молвотицами и Великим Заходом поразительно равны — примерно по тридцати километров, то есть по пятнадцати летописных верст — это ведь расстояние, которое преодолевал санный обоз или большое войско за светлый день!

А дорожные кресты наши предки ставили на видных, приметных местах, в переломных точках водных путей и рельефа, чтобы они издали оповещали о порогах, перекатах, волоках, пунктах обмена товаров, границах владений, мелях, бродах. Нет ли такого места на магистральном Селигерском пути примерно в двухстах километрах от Новгорода?..

Много раз я порывался съездить в тот район, написав однажды по рассказам очевидцев и министерским сводкам о печальных судьбах тамошних водораздельных лесов. Потом получал приглашения от ученых, ведущих в Крестецком опытном леспромхозе интересные промышленные работы по лесовосстановлению, от калининского писателя-природолюба Петра Дудочкина, знатока того края, новгородского поэта Василия Соколова, московского прозаика и соседа по дому Вячеслава Марченко, каждый год навещающего свои родные озера и реки...

И у истока Волги хотелось постоять, и по Селигеру проплыть, а после рассказа брата Ивана — побывать в Мареве, у начала и конца той «не пыльной» деревянной дороги, и на болоте, засосавшем танк Сергея Морозова, и на Волхове, где прикрывал отход Анатолий Чивилихин, и на холме Березовского городища — у могилы генерала Ивана Шевчука. Он воевал в этих местах, и на Березовском городище, откуда такой хороший обзор, был у него наблюдательный пункт. Однажды генерал, по местному преданию, обнял взглядом окрестности и мечтательно сказал бойцам: «Жить бы здесь, ребята, а не воевать!» Отсюда началось наступление частей Шевчука. Он погиб далеко от этих мест и перед смертью попросил похоронить его на Селигере. Товарищи по оружию исполнили его волю...

Бурундай, нарушив приказ, с полудня скакал назад, пока не увидел далекие дымы. Вершины дымовых столбов клубились в чистом ясном небе, озаренные уже невидимым солнцем,— ночью будет мороз. Отставшее ядро войска остановилось среди льда на большом, заросшем лесом острове, где была пища для огня. Уже слышалось ржанье коней, когда Бурундай встретил гонца, только что посланного вослед ему Субудаем; старец еще раз доказал, кто тут великий воин, знающий наперед, что будет.

Желудок Бурундая давно был пуст, однако он, подъезжая к ханской юрте, заставил себя не смотреть на мясо в огне, источающее головокружительный запах, и на охрану, проводившую его удивленными и подозрительными взглядами. В юрту Бату молодого полководца не пустили, потому что хан, выпив свое вечернее вино, уже удалился на покой. Бурундай приблизился к маленькой походной юрте Субудая. Один из ночных телохранителей пнул ногой урусскую собаку, замерзшую у входа с оскаленными зубами, просунул голову за полог и разрешающим жестом позволил Бурундаю войти.

Субудай, не глядя на Бурундая, кривой рукой указал место рядом, подвинул теплое мясо и молча продолжал слушать урусского раба с белой бородой. Глаз Субудая был прикрыт, поэтому Бурундаю ничего в нем не удалось прочесть, а остановившийся взгляд уруса поразил его своей глубокой отрешенностью — в нем не было ни трепетного страха раба, ни холодной ненависти воина. Бурундай торопливо рвал зубами мясо, прислушиваясь к непонятным словам. Но вот Субудай выставил вперед сухую ладонь и повел пальцем в темноту, где — Бурундай только что заметил — стоял на коленях давно известный ему кипчак, толкователь болгарских, буртасских и урусских слов. Тихим робким голосом кипчак начал пересказывать: большой богатый город урусов стоит в конце этой речной и озерной дороги на реке Волхо при озере Ильмень, старшем брате Селигера, наказанного когда-то солнцем.

— За что всемогущее солнце наказало это длинное озеро? — перебил Субудай, подумав вдруг о том, что название «Иль-Мень» очень похоже на слово из языка бывшего народа джурдже, и начал сквозь плавный спокойный голос уруса слушать шепот кипчака.

— Братья-батыры Ильмень и Селигер жили с отцом своим холодным Варяжем,— тихо переводил кипчак.— Солнце указало им сухую дорогу к себе и предупредило, что они могут дойти только вместе. Братья пошли через густой лес, устали и решили отдохнуть. Младший Селигер проснулся первым от теплого солнца и пошел один. Когда поднялся Ильмень, Селигер уже сделал сто и еще половину ста больших шагов. Ильмень не смог сделать ни шага, и солнце остановило Селигера, отрезало его мокрыми болотами от старшего брата, усыпало остро-

вами. Сколько сделал он шагов, столько тут островов. Потом всемогущее солнце подумало и одинаково наказало братьев — сколько больших шагов между ними, столько дней каждый год держит их подо льдом.

— За что же Иль-Меня, старшего? — не понял Субудай.

— За то, что у него плохой младший брат.

— Мудро,— обронил Субудай.

— Нет,— возразил урус. — Старшему было обидно равное наказание. И солнце утешило Ильменя богатым городом, а Селигеру ничего не дало, даже лишило помощи сестер.

— Каких сестер? — спросил Субудай.

— Рядом с отцом Варяжем живут две сестры — Ладога и Онега,— перевел кипчак.— Когда напьется воды Ильмень, он рекой Волхо отдает лишнее Ладоге, она — отцу, а если трудно Ильменю, Ладога помогает ему водой. Волхо тогда течет назад...

— Ты лжешь, урус! — крикнул Субудай.— А я тебе приказал говорить правду. Нет на свете реки, которая текла бы обратно!

— Есть,— возразил урус.— Волхо.

И Субудай опять услышал слово, похожее на те, что говорил бывший народ джурдже,— «межень».

— «Ме-жень» — это что? — спросил он кипчака.

— Середина сухого лета,— пояснил тот и добавил, что урус стоит на своем — река Волхо может среди лета течь назад.

Субудай впервые взглянул на Бурундая, высасывающего в полутьме кость. Субудай зря посылал за ним гонца — он и так должен был вернуться. Субудаю уже донесли, что сразу за озерным льдом стоит совсем небольшая крепость, но в нее сбежались все местные урусы, согнали туда скот и свезли зерно. Зная, что впереди смерть, они будут сражаться, как барсы или как жители последнего злого города, в котором было зерно...

Любознательный Читатель. Какая крепость имеется в виду?

— Березовский Рядок на волоке Селигер — Щебериха, укрепленный форпост на пути орды к Новгороду. Это, конечно, предположение, но, возможно, и археологические раскопки Березовского городища подтвердят, что оно не было сожжено в 1238 году, как не был взят,

быть может, и крайний северо-восточный русский город Галич-Мерьский, до которого в феврале доскакал один из отрядов Бурундая; такое предположение высказывал еще В. Н. Татищев...

Субудай без пояснений Бурундая понял, что передовые сотни обрыскали все пустые селеньица вокруг крепостенки, сейчас чутко спят у жарких огней, подкрепившись мясом последних запасных коней. Впереди, как сказал урусский певец, совсем нет сел, только через два перехода по речному льду стоит еще одна деревянная крепость со странным именем Молвотицы, укрепленная за зиму юным княжичем Александром...

— Тоже предположение?

— Новгород Великий не мог оставить без контроля главную стратегическую и торговую дорогу в глубь Руси — Селигерский путь. При частых междоусобных войнах крепости Торжок, Березовский Рядок, Молвотицы и, быть может, Великий Заход прикрывали дальние подступы к городу с юга, как позже феноменальные каменные прикрытия защитили Новгород с запада и севера.

Бурундай разумно поступил, проскакав мимо этой крепости,— взять он ее быстро не сможет, лишь потеряет время и людей. Субудай вскинул голову, засверлил глазом урусского певца и спросил о главном:

— А где сухая дорога к солнцу? Если солжешь, я выну тебе сердце... Что сказало солнце братьям?

— Оно хотело сказать, что греет всех, если люди идут вместе...

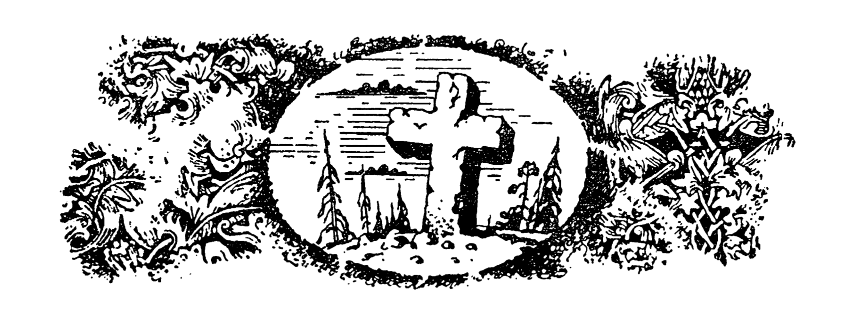
Хозяин юрты задумался и услышал бормотание кипчака вперебой с плавной речью уруса:

— Сухая дорога тут была в те времена, когда жили братья-батыры, а сейчас везде снег и лед, потом везде будет вода.

Субудай подал кипчаку знак, чтоб они уходили. Когда полог перестал колыхаться, Субудай повернул красное веко к Бурундаю:

— Ты станешь большим воителем. Внуку Темучина сыну Джучи мы завтра скажем, что надо поворачивать морды коней...

А он, Субудай, готов был остаться в этих снегах навек, только б выбрались из них живыми его сыновья Урянктай и Кокэчу.

19

Итак, искать Игнач крест в районе теперешних Крестцов так же бессмысленно, как искать его в окрестностях средневековой норвежской Христиании или на современном киевском Крещатике. Но где его все-таки искать?

Да здравствует бескорыстное и беспокойное, скромное и деятельное племя краеведов! Пока я собирался на Селигер, Щебериху и Полу, там, оказывается, все исходил да исплавал другой человек, который давно занялся розысками Игнача креста, пришел к интереснейшим самостоятельным выводам, затратив на эту работу годы. И это было не любительское развлечение, а именно работа — изучение летописей, архивов, исторической и географической литературы, кропотливое накапливание фактов, поездки, встречи, даже раскопки. Краевед С. Н. Ильин установил, что действительно самый спорый летний и зимний Селигерский путь от Твери и Торжка к Новгороду шел по озеру Селигер, затем через волок в два с половиной километра на озеро Щебериха, откуда по рекам Щеберихе и Поле к озеру Ильмень. На волоке, в середине этого важнейшего торгового и военного пути, а не в начале, как ошибочно сказано в публикации о работе С. Н. Ильина, для его охраны и промежуточного торга стояло древнее сторожевое Березовское городище, или — по-старинному — Березовский Рядок. В тридцати километрах ниже по Щеберихе был другой охранный пост — Молвотицы. В публикации ничего не сказано о Великом Заходе, расположенном на Поле еще примерно через тридцать километров. Пола в этом месте начинает большую петлю, отклоняющуюся от прямого пути к Новгороду, и зимник, возможно, здесь спрямлялся, экономя путникам время и силы.

Субудай должен был направить свой авангард именно по этому, самому короткому и торному пути!

О следах пребывания орды говорит и местная топонимика — в этом районе есть селения Большие Татары и Малые Татары, стоит на Селигере также село Неприе, жители коего, сказывают, не прияли пришельцев, взялись за топоры и вилы, а еще село Кравотынь, в котором, по преданию, орда вырезала всех от мала до велика. Один из главных аргументов краеведа — совпадение расстояния, потому что от Березовского городища до Новгорода около двухсот километров, то есть примерно сто летописных верст, а если быть совсем точным, то от Новгорода до Игнача креста ровно сто тех верст, то есть 213 километров сегодняшним счетом.

Ну а где мог стоять Игнач крест? Конечно же у теперешней деревни Игнашовки на правом берегу Щеберихи! С. Н. Ильин доказал, что селеньице это древнее, найдя в старинной переписной книге упоминание деревни Игнашово, числившейся в Березовской волости. Географическое ее расположение весьма примечательно — здесь в Щебериху впадает приток Циновля, и крест стоял, скорее всего, на мысу, вблизи устья Циновли. «Купцов, плывущих с севера, он предупреждал: начинается трудный участок, впереди волок. Плывущим с юга напоминал: трудность позади. Потому что от впадения Циновли река становилась более полноводной, вполне доступной для судоходства».

И есть еще один, самый убедительный аргумент, кажется, раз и навсегда решающий двухвековой спор ученых о местонахождении летописного Игнача креста — *С. Н. Ильин вместе с лесничим К. П. Тихомировым нашел этот крест!*

Он лежал в земле старого кладбища, и его долго выкапывали. Грубый, массивный и тяжелый каменный крест этот очень похож на Изборский, Стерженский, Лопастицкий, Нерльский кресты, древность коих доказана. Правда, найден он был не в Игнашовке, а в Березовском городище, что на десяток километров отстоит от приметного мыса. Очевидно, судьба креста похожа на судьбы его ровесников и собратьев. За прошедшие века Лопастицкий крест то увозили, то возвращали на место. Не раз перемещали Нерльский крест, который был в конце концов обнаружен тоже на одном из местных

кладбищ. Знаменитый Стерженский крест с новгородской надписью XII века нашел в XIX веке помещик Обернибесов, выкопал его из земли и поставил над прахом своего предка, похороненного в XVIII веке на кладбище погоста Стерж. О судьбе еще одного каменного креста, непосредственно связанного с нашествием орды, у нас большой разговор впереди...

Любознательный Читатель. Таким образом, наш большой вопросительный знак мы можем снять с карты?

— Правда, подлинность найденного креста научно не подтверждена. И если летописные версты были вдвое короче, то, значит, остатки орды прошли ледовыми дорогами на сто километров дальше и были остановлены новгородцами где-то в районе нынешней Старой Руссы.

— И хорошо бы еще раз вернуться к весенней распутице 1238 года...

Удивительна все же сила инерции в нашем мышлении! Автор журнальной публикации о поисках и находках краеведа С. Н. Ильина, обещая в подзаголовке статьи ответить на вопрос, «почему татары повернули обратно», пишет: «Испугавшись весенней распутицы, Батый отдал приказ об отступлении».

Научных работ на эту тему мне найти не удалось, и я обратился к знатокам края, любителям его старины — что они думают о причинах отступления орды? Последовал дружный ответ — конечно, весенняя распутица, половодье, это же всем известно! Несколько отличаются от других письма ко мне новгородского поэта Василия Соколова, в отрывках из которых я кое-что выделяю курсивом, чтобы оттенить важные для нашей темы места.

«В поднятом Вами вопросе об отступлении Бату от земли Новгородской самое существенное — как, почему?.. Вспомните Ваши же страницы о лесах дремучих. Именно такими были в ту далекую пору приильменские леса, *затапливаемые в половодье.* Степнякам в лесах нечего было делать, лес пугал их. К тому же и населенные места среди лесов дремучих были редкими — вывод напрашивается сам собой».

Хорошо, верно, однако — снова о половодье?

«Соображение насчет того, что степняков, шедших на Новгород, остановило *не только половодье,* наши историки и краеведы поддерживают. Во-первых, говорят они, новгородцы дали ощутительный отпор татарам бо-

ем у Торжка. Во-вторых, взгляните на карту 12—13 вв., увидите: Новгородская земля занимает весь наш гигантский север от Белого моря до Урала, площадь, равную восьмой части Европы! Новгород был политическим, военным, религиозным центром этого полугосударства. Конечно, Батый зарился на Новгород *и мог бы, вероятно, взять его,* но не мог бы взять и освоить его громадную территорию с лесными дебрями непролазными, с болотами, озерами, где дорогами в основном служили те же реки и озера, что непригодно для конницы».

Тоже хорошо и правильно, только каким все-таки маршрутом пошла орда к Новгороду в марте 1238 года?

«Поселок Крестцы возник значительно позже 13-го века, когда пролегла дорога Москва — Новгород, а развился, когда возник оживленный тракт Москва — Петербург...»

Но куда же, по мнению современных новгородцев, пошла орда после взятия Торжка? *«Батый от Торжка, мы думаем, двинулся на Валдай и Яжелбицы...»*

Но ведь это не Селигерский путь! Направление Торжок — Валдай — Яжелбицы выводит через непроходимые леса прямо к тем самым Крестцам — маршрут, который мы решительно отвергли!

«Там ему и доложили высланные вперед о разливе рек Пoлoмeти, Полы, Холовы...»

Опять о разливе рек?

За эти письма, в которых выражены мнения новгородских историков и краеведов, я очень благодарен В. С. Соколову, специально не занимавшемуся темой, но они свидетельствуют о зыбкости, приблизительности, противоречивости в представлениях об одном из ключевых эпизодов родной истории. И, наверное, все это идет еще от дореволюционной историографии и от исторических романов. В семнадцатой главе романа В. Яна «Батый», озаглавленной «Остановка близ Игнач креста», события представлены очень подробно...

«Всю ночь и утро монгольское войско продвигалось в направлении богатой северной урусской столицы Новгорода. Но к полудню идти вперед уже стало невозможно. Кони постоянно проваливались по брюхо в рыхлый снег. Ростепель обращала еще недавно крепкие дороги в набухшие бурные потоки. Кони падали. Всадники, подымая их, выбивались из сил. Проводники из пленных

урусов говорили, что дальше дорога будет еще хуже, что на пятьдесят дней всякая езда по дорогам прекратится, пока поднявшаяся вода в реках не утечет в море.

Бату-хан был в ярости. Он сам зарубил уруса, который громко смеялся, широко раскрывая рот, при виде провалившихся в болото воинов.

Бату-хан говорил:

— Для смелого и упорного нет преграды. Проводники нарочно завели нас в эти болота, чтобы погубить, но мы будем сильнее и хитрее их. Мы доберемся до славного торговлей богатого Новгорода!

Воины стали громко роптать. На одном перекрестке, где был вкопан высокий, в три человеческих роста, деревянный крест, войско остановилось. Татары сошли с коней, чтобы дать им передышку. Субудай-багатур посоветовал обратиться к богам-покровителям и призвать шаманку Керинкей-Задан.

Она подъехала на небольшой черной лошади, обросшей за время морозов густой лохматой шерстью. Увидев Бату-хана, шаманка стала бить в бубен, прыгать в седле и выкрикивать слова молитв и заклинаний.

— Скажи, служительница заоблачных богов,— спросил Бату-хан,— идти ли мне вперед, будет ли мне в Новгороде удача, или я там погибну? Спроси у небожителей.

Керинкей-Задан, с медвежьей шкурой на плечах и в колпаке с нашитыми птичьими головами, соскочила с коня, приплясывая и ударяя в бубен, забегала по кругу и вдруг в несколько прыжков бросилась к одинокой высокой сосне, стоявшей на поляне.

— Я поговорю с облаками, посмотрю вдаль! — кричала она.— Боги все знают, боги все скажут!

Шаманка ловко вскарабкалась на верхушку сосны и стала раскачиваться. Сосна постепенно склонялась в сторону. Монголы закричали:

— Берегись! Слезай скорее!

Сосна наклонялась все быстрее и наконец рухнула. Шаманка упала в снег, пробила лед, бывший под ним, и погрузилась в мутную воду. Она барахталась, засасываемая черной вязкой топью...

— Арканы! Бросайте ей арканы! — кричал Субудай-багатур. Он отстегнул от седельной луки аркан и ловко бросил его левой рукой. Конец не достал до шаманки.

Субудай стал снова наматывать аркан и направил коня ближе к гибнущей Керинкей-Задан. Саврасый осторожно шагал, погружаясь по колено в снег. Субудай снова бросил аркан, и конец его хлестнул шаманку по голове. Она ухватилась за аркан рукой, продолжая погружаться в черную грязь. Конь Субудая сделал еще шаг вперед и вдруг тоже провалился. Субудай, пытаясь соскочить с коня, откинулся назад, но лед трескался, конь быстро опускался, ударяя ногами, и вязнул еще более.

Монголы завопили:

— Непобедимый тонет! Скорей на помощь!..

Несколько монголов с разных сторон с опаской приблизились к тому месту, где тонул старый полководец. Черные арканы мелькнули в воздухе и захлестнули поднятую руку и шею Субудая. Монголы напряглись, как струны. Субудай кричал:

— Спасите коня!.. Спасите моего саврасого!

Монголы выволокли Субудая на дорогу. Его конь провалился по шею, голова, фыркая, еще несколько мгновений подымалась над болотом. Саврасый заржал отчаянным человеческим криком... Голова исчезла. Никаких следов не осталось от двух жертв жадного болота. Только круглый бубен плавал на поверхности страшного черного «окна», где навеки скрылись шаманка и верный конь Субудая».

Бату-хан тут же принял решение поворачивать в степь.

Конечно, писатель может изображать далекое прошлое так, как он его видит, и вопрос о том, скажем, были ли у Игнача креста Батый и Субудай, для нас не столь важен, хотя я-то думаю, что они не скакали в авангарде войска. Берусь доказать более существенное — на конечной остановке орды по пути к Новгороду не было ни «рыхлого снега», ни «набухших бурных потоков», ни «черной вязкой» топи...

В. Ян, по всем признакам, предполагал, как и многие, что Игнач крест стоял где-то в районе современных Крестцов, потому-то и нет у него ни слова о Селигере и Селигерском пути. В связи с этим вспоминается мне последняя по времени массовая публикация на занимающую нас тему.

В «Комсомольской правде» за 10 сентября 1978 года

маршрут орды связывается с озером Селигер, хотя ничего решительно нет о дальнейшем ее пути к Игначу кресту и великолепно представлена та же распутица.

Любознательный Читатель. Нельзя ли открыть этот номер?

— Пожалуйста... «С юго-востока до Селигера в 1238 году докатились конные орды завоевателей. Воображение Батыя, покорившего многие земли, дразнили теперь Псков и Новгород. «Посекая людей яко траву», двигалось войско к желанной цели «селигерским путем». И осталось до Новгорода всего несколько переходов, когда озеро вскрылось...»

— Выходит, что лихая степная конница скакала назад по вскрывшемуся Селигеру, то есть по воде?!

— Выходит так, но простим это заблуждение побывавшему на Селигере журналисту,— у него все же были благие намерения... Далее он, нагнетая подробности, пишет, что «текущие в Селигер речки набухли весенней водой», «непролазными стали болота», и подытоживает: «Селигер, воды, в него текущие, и глухие леса без дорог загородили, прикрыли Новгород».

— Но ведь здесь как бы подразумевается, что, не будь вскрытия Селигера, набухания рек, непролазных болот и глухих лесов, орда взяла бы Новгород.

— Скорее всего, это идет от приблизительности представлений, полученных из школьного учебника. И пользы, конечно, от такой публикации нет никакой. Тираж популярной молодежной газеты более десяти миллионов экземпляров, и трудно даже подсчитать, сколько умов смолоду запутает такая статья, кривым зеркалом отражая важнейший момент отечественной истории!

— Книги все же читает поменьше людей...

— Не скажите! Газета мелькнула — и будто ее не было, а книга стоит на полках и ходит по рукам долгие десятилетия. Да и тиражи, знаете, вполне сравнимы! В. Ян напечатал «Батыя» в 1942 году, а 15 июня 1979 года состоялось заседание комиссии по его литературному наследству с участием академика И. И. Минца, профессоров А. И. Немировского и С. Г. Исакова, писателей-историков и литературоведов. Из сообщения в печати о работе комиссии стало известно, что исторические романы покойного писателя «изданы, кроме СССР,

в 35 странах мира на 40 языках, всего свыше 250 раз, что «сейчас готовятся в свет новые издания» и «намечены мероприятия по популяризации творчества В. Яна». Романы эти, конечно, будут переиздаваться, но следовало бы к ним сделать примечания серьезных историков, в частности, о двухнедельной обороне Торжка, Селигерском пути, дальнейшем маршруте орды и, конечно же, о набившей оскомину распутице...

— Оставим, пожалуй, литературу и журналистику... Как сегодня толкуют этот важнейший *поворотный* момент нашего прошлого историки?

— Мнений всех их я, конечно, не знаю, но однажды с удивлением прочел соображения известного исследователя о том, что Новгород якобы откупился от Батыя богатыми дарами, хотя абсолютно никаких доказательств этого не существует. А вот передо мной переработанное и дополненное третье издание «Краткой истории СССР», солидный обобщающий труд, выпущенный Институтом истории СССР АН СССР и поступивший в массовую продажу весной 1979 года. В разделе, который нас интересует, как и в романе В. Яна «Чингисхан» или в большом свежем романе И. Калашникова «Жестокий век», тоже посвященном Чингиз-хану, нет ни слова о государстве Цзинь, хотя чжурчжэни, потомки которых живут на территории нашего Дальнего Востока, *четверть века* героически сражались с монгольскими, киданьскими, тангутскими и китайскими армиями. Что же касается истории Руси того периода, то в соответствующей главе нет ни слова о двухнедельном штурме Торжка и семинедельной обороне Козельска...

— Но это *краткий* курс...

— Да, но в нем почему-то все же говорится о пресловутой распутице! Причем давнее *предположение* С. М. Соловьева о том, что орда повернула от Новгорода, боясь *«приближения весеннего времени»* (курсив мой.— *В. Ч.*), преподносится так, будто весна к тому моменту уже наступила и распутица отрезала орде путь к Новгороду.

— Интересно бы узнать, как это там сформулировано...

— Да ради бога... «Из Владимирского княжества Батый двинулся на Новгород, но ввиду весенней распутицы приказал, не дойдя 100 верст до Новгорода, по-

вернуть на юг, с тем чтобы перезимовать в приволжских степях».

— Признаться, несколько неожиданная логика. Повернул из-за весенней распутицы, дабы за девять месяцев до наступления зимы перезимовать!.. Но как все-таки можно *сегодня* доказать, что распутицы не было и не она спасла Новгород?

— Летописи, в которых разбросаны бесчисленные сведения о состоянии дорог в связи с военными походами и другими большими событиями, повторяю, дружно молчат о распутице у Игнача креста. Однако это еще не доказательство... И давайте-ка начнем с установления точных дат. Как известно, Субудай начал штурм Торжка 22 февраля 1238 года, хотя вышел к нему, наверное, на несколько дней раньше, потому что к штурму надо было подготовиться, захватить в окрестностях остатки зерна и фуража. «И Торжку несть места, ни веси, ни сел такых, иже не воеваша»,— сообщает Новгородская 5-я летопись...

— Но откуда эта точная дата — 22 февраля?

— Раскроем Троицкую летопись: «оступиша градъ Торжекъ, на Сбор по Федоровой неделе». В Новгородской Первой летописи то же самое: «оступиша градъ Торжекъ на Зборе по Федоровой неделе». Даты нет, но по церковному календарю неделя поминовения святого Федора начиналась 15 февраля в понедельник и кончалась в воскресенье 21 февраля 1238 года. В Тверской летописи указывается точная дата: «...придоша къ Торжку, в неделю первую поста, месяца *февраля в 22 день»*... Правда, с понедельника 22 февраля 1238 года началась вторая неделя великого поста, продолжавшегося семь недель и завершившегося пасхой 4 апреля...

— А дата взятия города?

Новгородская Первая летопись: «биша пороки по две недели»; Троицкая: «и бишася пороки по две недели»; Тверская: «и бишася ту окаании по 2 недели».

— Значит, учитывая, что 1238 год был не високосным, то город пал 7 марта?

— Летописи указывают более точную дату. Троицкая: «и тако погании взяша градъ Торжекъ месяца марта 5, на средохрестье»... Тверская: «И тако погании взяша градъ месяца марта в 5 день, на память святого Конона, в среду 4-ю неделю поста».

Есть некоторые расхождения дат с данными церковного календаря, и я никак не могу их свести. Они появились, очевидно, в летописных строках, начертанных значительно позже события. По церковному календарю с датой сходится, однако, день поминовения святого Конона Исаврийского, который отмечался действительно 5 марта старого стиля, на третьей седмице великого поста. Есть и другие летописные варианты, но по общему развитию военных событий зимы 1238 года штурм Торжка так или иначе приходился на конец февраля — начало марта.

Скорее всего, Субудай еще до взятия города выслал, по своему обыкновению, вперед разведку и, быть может, авангардный отряд. Но мы для отсчета возьмем все же главную и точную дату — 5 марта 1238 года, когда основные силы орды, овладев Торжком и добыв спасительное зерно, пошли к Селигеру. Так вот, у Субудая *было в запасе, по крайней мере, полтора месяца, чтобы дойти до Новгорода прочными и ровными ледовыми дорогами через замерзшие болота и озера.*

— Полтора месяца?! А до Новгорода по Селигерскому пути было всего несколько конных бросков... Но полтора месяца — не слишком ли?

— Не слишком... Мы, правда, не знаем, когда вскрывалась в ту пору Селижаровка, впадающая в Селигер с юго-востока, или озеро Ильмень, на берегу которого стоит Новгород. Но имеем эти среднестатистические научные данные для нашего времени и с уверенностью можем сказать, что до половодья, прерывающего почти на два месяца всякое сообщение в средневековой Руси, было тогда еще очень и очень далеко. Причем тамошние реки и озера в XIII веке вскрывались намного позже, чем сейчас.

— Как это доказать?

— Открытая вода вначале появляется на водоразделах, в ручейках, в истоках речонок, потом вскрываются маленькие речки, притоки, за ними большие реки и в последнюю очередь озера. Современная лесная наука точно установила, что Валдай и все другие водоразделы района, все ручьи и реки Приильменской низменности были тогда надежно прикрыты *хвойными* дебрями, не пропускавшими солнечные лучи к снегам. Рубить лес вдоль Селигерского пути начали еще в средневековье.

Смоляные мачтовые древостои обращались в города и села, в храмы, сараи, мельницы, в многослойные мостовые, слани, топливо. Постройки, однако, быстро сгнивали, требуя замены, то есть новых рубок, а из-за особенностей местного климата и рельефа вырубленные площади не порастали первозданным лесом, покрывались кустарником и заболачивались. Однако самый тяжелый урон лесам Приильменья нанесло солеварение. Советские археологи, работавшие в Старой Руссе, нашли остатки солеваренных печей, чанов, рассолопроводных труб и рассольных колодцев уже в слоях середины XI века! С веками этот промысел развивался, и, согласно писцовым книгам, в 1625 году в Старой Руссе работало более 500 солеварниц. Легкодоступное и дешевое топливо постепенно истощалось, солеварение становилось невыгодным, но и через сто лет ученый сподвижник Петра I Иван Кирилов писал о Старой Руссе: «При сем городе... прежде бывало до 200 варниц, когда свободный торг был, а ныне 75 варниц». В 1771 году здесь построили крупный солеваренный завод, однако позже промысел полностью прекратился, как фиксируют современные исследователи, «из-за отсутствия дешевого топлива». А в XIX веке ученые забили тревогу по поводу исчезновения здешних лесов — в 1805 году, например, академик Н. Я. Озерецковецкий, в 1856 году академик Э. И. Эйхвальд, нашедший в больших болотах Приильменья «толстые корни сосен и других хвойных деревьев».

В настоящее время сильно истощенные леса района, покрытые вторичными лиственными древостоями, продолжают рубиться мощными леспромхозами, изреживаться ветровалами и заболачиванием. Изреженные *лиственные* леса, открывающие веснами доступ солнца к снегам, мелиорация, увеличение площадей распаханных и застроенных земель, обмеление рек, развитие дорожной сети и так далее — все это вызывает в наше время более раннее и ускоренное по сравнению со средневековьем таяние снегов, а значит, вскрытие рек и озер. И вот, несмотря на все эти обстоятельства нового времени, *Селигер ныне вскрывается примерно в середине апреля.* Что же касается Ильменя, то по научным среднестатистическим данным XIX века, когда окрестные леса были все-таки погуще нынешних, он вскрывался *30 апреля.*

А реки? «Весною, ранее всего, *в половине апреля* вскрываются реки на юго-западе Озерной области»,— сообщает путеводитель «Россия» (т. III, с. 39). Это сведения конца XIX века. «Юго-запад Озерной области» — юг Новгородской, где реки в марте 1238 года, безусловно, стояли подо льдом. И еще мне вспоминается, что брат мой Иван в Отечественную войну возил снаряды по тамошним речным, болотным и озерным льдам в *марте и апреле,* вспоминается и народная пословица «марток — надевай трое порток» и разговор с одним военным специалистом, уверявшим меня, что по мартовскому и апрельскому болотному льду на учениях, проходивших как-то в трехстах километрах *южнее* Селигера, он перегнал колонну танков и бронетранспортеров...

Итак, в распоряжении Субудая был почти весь март 1238 года, две-три апрельские недели; татарская легкая конница могла доскакать до Новгорода по ровным и уже привычным ледовым дорогам, тем более что в XIII веке, как установила наука, *в северном полушарии наблюдалось повсеместное похолодание — климатологи называют его малым ледниковым периодом.*

И, наконец, есть бесспорная и очень для нас важная календарная дата, на которую почему-то никто из историков до сих пор не сориентировался. Ровно через четыре года после отступления орды от Игнача креста в *марте* месяце большое войско Александра Невского вышло в поход против рыцарей Тевтонского ордена. Общеизвестно, что в этом месяце был штурмом отбит Псков, но далеко не все знают, что первому фронту помог тогда младший брат Александра Андрей Ярославич, который со своими владимиро-суздальскими полками прошел в том же *марте* тысячу километров по низинным, болотистым, изрезанным многочисленными реками и озерами местам — это возможно было только в конном походе ледовыми дорогами!

Сложный маршрут Александра известен, так же как и маршрут захватчиков, главную ударную силу которых составляла тяжелая рыцарская конница. Русские войска перешли Чудское озеро и решили дать бой у его восточного берега, где в случае сквозного прорыва мощной, но неповоротливой «свиньи» она оказалась бы беспомощной перед крутым берегом, лесом и глубоким *снегом,* крючьями, мечами, булавами, ножами и копьями

русских дружинников и ратников. Карл Маркс: *«Александр Невский выступает против немецких рыцарей,* разбивает их на льду *Чудского озера,* так что прохвосты... были окончательно отброшены от русской границы».

К словам, выделенным авторским курсивом, я бы прибавил уточнение *«на льду»* — известное историческое обстоятельство, очень важное для нашей темы. Остается добавить, что *Ледовое* — заметьте, дорогой читатель, *Ледовое!* — побоище на Чудском озере, которое намного сильнее, чем Селигер, испытывало смягчающее влияние Атлантики, произошло *5 апреля* 1242 года, и русские воины, в том числе и конные, успели к родным очагам до наступления весеннего половодья, примерно на пятьдесят дней прерывающего всякое сообщение в средневековой Руси... Таким образом, если считать по новому стилю, *лед на Чудском озере держался еще 12 апреля.*

Конечно, год на год не приходится, но в дальнейшем нашем путешествии мы познакомимся с такими обстоятельствами весеннего бегства орды в степь, которые не оставят у нас никакого сомнения в том, что Новгород был спасен вовсе не распутицей или вскрытием Селигера, и давнее историческое заблуждение будет окончательно рассеяно... Теперь же нам следует установить обратный маршрут Бату-Субудая.

Любознательный Читатель. Это возможно?

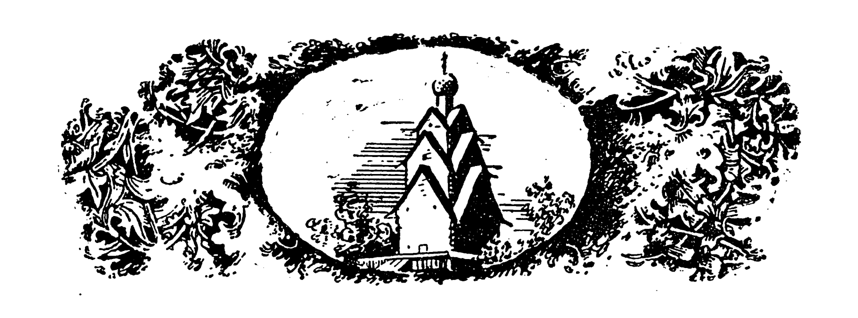
— Субудай выбрал наивыгоднейший путь — кратчайший, легчайший и безопаснейший, да еще с попутным прокормом.

— В каком же направлении?

— Авангард Субудая, доскакавший до Березовского Рядка и Игнача креста, ставка Бату с охраной и основные силы орды, если они успели дойти до озера Селигер, на обратном пути в степь меняли направление пять раз.

— Откуда это известно? Кто поверит, что можно сегодня проложить столь точный маршрут?

— Вы сами найдете даже точки поворотов. Этот маршрут легко прокладывается на подробнейшей современной карте, и отклонения кое-где вправо-влево от реального пути Субудая едва ли составят несколько сот метров... В путь?

20

Сколько раз собирался на Селигер, только поездка все как-то отодвигалась бытовыми мелочами, вроде бы обязательными заседаниями, встречами, многоприятельством и просто чепухой какой-то. Вот изъездил-излетал-исплавал Сибирь, Север, Урал, Дальний Восток, а на Селигер — из Москвы-то! — не могу выбраться. Везде, правда, не успеешь, но на Селигере-то я должен побывать, хотя бы для того, чтобы взглянуть на Игнач крест. И еще, конечно, на озере Вселуг, которое мне даже снилось иногда, и я не раз мечтал проплыть по всей гирлянде верхневолжских озер. Хорошо бы от истока Волги попасть к месту ее впадения в Стерж, где подняться на Городок — насыпную гору, возвращавшую путника в далекое прошлое. На ней стоял знаменитый Стерженский крест с надписью, будоражащей воображение: «6641 месяца июля 1 дня почах рыти реку сю яз Иванко Павловиц и крест си поставих». Что затевал этот новгородец Иван в 1133 году? Хотел углубить русло или, чем черт не шутит, соединить Волгу с Полой, чтоб спрямить водный путь из Новгорода на юг? А в районе Вселуга найти плес, над которым стоял еще один каменный крест со знаком владимиро-суздальских князей, да попытаться представить себе живой мир этой местности, каким он был в начале XIII века. Как выглядели наши предки, чем торговали, что за новости обсуждали при встречах. И уж после, на завершенье путешествия, заглянуть в XVII век, породивший на левом берегу озера Вселуг диво дивное, о коем слышали далеко не все, но я убежден, что со временем оно привлечет многих паломников, своих и закордонных. Узнав о нем, я понял, насколько моя жизнь была бы беднее, если б этого не случилось,

хотя первопричиной знакомства стал, к сожалению, несчастный случай, вернее, дикое преступление.

Однажды в начале октября 1978 года архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский позвонил мне среди ночи. К его поздним звонкам я давно привык, но такого еще не было, чтобы после двенадцати. Мне подумалось, что с ним плохо и надо срочно помогать. Угадал, но не совсем.

— Не спите?

— Пока нет,— соврал я, звонок меня разбудил, однако я не винил старика с его-то годами.

— Извините, не мог удержаться,— послышался в трубке глухой голос.— Случилось чудовищное.

— Что?

— Только что обнаружил большую пропажу.

— Как?! Вас обокрали?

— Да не меня! У меня же ничего своего нет. Всех нас обокрали. Такая подлость!

— Петр Дмитриевич! Что пропало? Опять книги?

— Нет. Долго рассказывать. Особенно жаль одной невосполнимой потери... Можете заехать завтра ко мне?.. Спасибо. Жду.

Он повесил трубку, а я еще незнамо сколько ворочался, гадая, что же такое и каким образом подлый ворюга мог выкрасть из коллекции Барановского. Правда, никаких систематических коллекций ценностей у него не было, кроме книжных. Большое собрание на разных языках по архитектуре, истории, искусствам. Около полутора тысяч томов, оставшихся после Марии Юрьевны,— о декабристах и той эпохе. Много изданий «Слова о полку Игореве» и работ о нем. Пользуясь доверчивостью и слепотой старика, какие-то нечистоплотные посетители утащили уже Олеария, смирдинского Карамзина, красочный дореволюционный альбом Соловецких архитектурных памятников... И если сейчас похищены не книги, то что именно? Есть у Петра Дмитриевича бесценный клад, в который он вложил семьдесят лет труда,— сотни папок с проектами реставраций, экспедиционными отчетами, с чертежами, рисунками, снимками и обмерами шедевров средневековой русской, грузинской и азербайджанской архитектуры, в том числе исчезнув-

ших, и этот архив, хранящий огромный пласт зодческой культуры, представляет собою, конечно, общечеловеческую ценность, потому что по специализированному и квалифицированному охвату материала, по его масштабам и концентрации я не знаю ничего подобного, причем множество замечательных памятников прошлого существуют теперь только здесь, в чертежах и единственном рукописном экземпляре пояснений...

Помню, как в одно из первых своих посещений жилья архитектора я обратил внимание на скромный стенд, висящий в узком темном коридоре. К нему были прикреплены какие-то черно-серые деревяшки, сильно тронутые временем. Петр Дмитриевич тогда еще видел одним глазом и, заметив мой интерес, скупо улыбнулся.

— Да, русский человек глазам не верит! И если в музее он ничего не трогает, это не значит, что ему не хочется потрогать... Щупайте, щупайте, это пока не рассыплется!

Зная, что хозяин ничего не хранит пустячного, спрашиваю:

— Откуда и что это?

— С русского Севера. То, чему они принадлежали, не имело цены... Идемте-ка...

Он взял меня под руку не для того, чтобы вести, а чтоб держаться за меня, когда я пойду. В простенке за дверью висела большая фотография, взглянув на которую, я остолбенел — среди ровного пустого простора стояло необычное деревянное сооружение, почти скульптура — высокий стремительный ствол с конусом шатра, напоминающий бесподобный храм Вознесения в Коломенском. Тот же порыв к небесам, та же гармония, сотворенная руками безвестных мастеров. Только вокруг знаменитого каменного предтечи громоздится величественная галерея, на плавном переходе к шатру — своеобразные вытянуто-островершинные в три ряда кокошники да шатер вздымается ввысь, в перекрестном декоре. А тут — ровные бревнышки восьмерика со всех сторон и на всех высотах, лишь основание восьмерикового же шатра отбито от столпа небольшим козырьком. Крашеные тесины на гранях подчеркивают вертикаль. Крыльцо взято под красивую крышу «бочкой», фронтон которой смотрит изящным кокошником. С противоположной стороны выглядывает кусочек апсиды, покрытой лемехом...

С виду это своеобразная церковь-колокольня, а уж колокольни да островерхие башни, которыми завершилось московское архитектурное средневековье, слишком хороши в моих глазах, чтоб описывать словами эту прекрасную устремленность камня к небу над столицей. Живу я рядом с замечательной колокольней, прозванной старыми москвичами «свечечкой»; легкая, изящная и стройная, она стоит при церкви Воскресения в Кадашах, я каждый день любуюсь ею и не могу насытиться. Если закрыть в ней ажурные просветы, она похожа на космическую ракету в ту тысячную долю секунды, когда уже разъялись-отвалили поддержки, все вокруг и внутри замерло на эту микроскопическую частицу вечности, почти не отделяющую миг тревожной тишины от земного грома и огня, которые вознесут гениальное творение умов и рук человеческих в синие небеса и еще дальше, где нет ничего, кроме невидимых таинственных частиц света и тепла, притяжения и энергии...

Снимок деревянной церкви был отпечатан со старинным безретушным тщанием, в точнейшей фокусировке, и даже трещины в бревнах, кажется, обозначались, однако смотреть его следовало с расстояния — памятник будто безмолвно кричал что-то восторженное проплывающим облакам. Если б увидеть этот черно-серый обелиск в окружении натурных красок — среди зеленых лугов, под голубым небом и белыми облаками, близ светлой реки! И еще бы хорошо взглянуть на него зимним морозным днем, когда все вокруг ослепительно бело, на шатре искрится иней и темно-синяя тень уходит из-за низкого северного солнца за линию горизонта. А как он, должно быть, колдовски хорош в белую ночь или осенним туманным утром, пронзающий шатром густой молочный полог, и как жутко рядом с ним в грозу, когда он трепетно является из мрака во взблесках молний...

— Засмотрелись? — пробудил меня Петр Дмитриевич.— Две недели я тогда пробыл возле него и никак не мог насмотреться. Каков, а? Все в нем сделано с несказанной завершенностью!

— Знаете, он похож на...

— Ни на что, извините, он не похож! Только на самого себя. И вообще русская деревянная архитектура не имеет аналогов...

В миллионах экземпляров открыток и снимков раз-

множена ныне прихотливая фантазия Кижей, а это безвестное творение старше на целых полтора века, и в нем нет никакой вычурности или игривой декоративности; все предельно строго, лаконично и будто бы совсем просто, только невозможно оторвать взгляда от этого темно-серого изваяния пятидесятиметровой высоты! Ильинский храм Выйского погоста именно в пустом просторе был на месте, хотя, впрочем, неплохо пососедствовал бы и с ансамблем Кижей, а еще лучше перенести б его в Москву, чтобы как можно больше людей могли увидеть столь простое чудо.

— Внутри были абсолютно неправдоподобные клироса! — замечает хозяин.— В виде профилей двух деревянных коней. О таком я даже не слыхивал никогда!.. Интересные тябла — подставки под иконами... Ну, огромную доску со старинной резной надписью об освящении храма в 1600 году сразу же перенес внутрь, скопировал на длинную полосу бумаги. Потом нашел одного ловкого деревенского парня, и мы с ним полмесяца обмеряли памятник от маковки до фундамента. До сих пор удивляюсь, как я тогда не сорвался с этой иглы! Обмеры и чертежи у меня. Вдруг когда-нибудь мы возьмемся возродить этот архитектурный уникум?.. От него ведь не осталось больше ничего, кроме того, что вы углядели на стенде, да оконницы «слудной», то есть слюдяной.

Он принес ветхую деревянную рамку с остатками слюдяных пластинок по углам.

— Она выгнила из наличников, и хорошо, что взял, довез и сохранил. Даже оконница — народное искусство! Смотрите...

Углы рамки скрепляли декоративные уголки с фигурными вырезами и выступами.

— Кованые? — спрашиваю я, трогая изящные металлические детали.

— Кажется, у мастеров штампы были — больно одинаковы и тонки по рисунку эти уголки. Нигде подобного не встречал!

— Сколько оконнице лет?

— Скоро четыреста. А у меня она лежит почти шестьдесят.

В 1920 году П. Д. Барановский в составе экспедиции, возглавляемой академиком И. Э. Грабарем, исследовал беломорский берег и Северодвинье. Есть в его

бумагах маршрут той большой экспедиции, которую Народный комиссариат просвещения счел необходимым послать еще в гражданскую войну, чтобы выявить и зафиксировать зодческие сокровища края. Архитектор показывает мне маленькую записную книжку. Мелкие карандашные строчки довольно хорошо читаются...

— Купил лодку за двадцать тысяч рублей,— поясняет Петр Дмитриевич.— Плыл один четыреста километров. Вез три пуда негативов на стекле, которые нельзя было побить или замочить... Лодка текла, и в последние дни сапоги вмерзали в лед... А в Усть-Вые, где стоял этот бесподобный храм, освященный при Борисе Годунове, мне рассказали смешную историю. Сразу после революции приходской священник умер от старости, и деревня пригласила псаломщика из соседнего прихода, только другая деревня, которую обслуживал этот храм святого Ильи — завозражала, и дело дошло до драки — стенка на стенку. Сошлись на том, что написали прошение утвердить псаломщика в должности священника...

— А что с памятником потом стало?

— Минутку...

Он ощупью нашел какую-то папку, порылся в ней и достал старенький конверт. На почтовом штемпеле значился 1940 год, автор письма — ленинградский архитектор Владимир Сергеевич Баниге...

«В августе 1940 года наша экспедиция, пройдя на лодках верхнюю часть течения реки Пинеги, посетила село Усть-Выя. При осмотре берегов Выи и Пинеги было обнаружено, что силуэт шатровой церкви отсутствует... Обратившись к местным жителям (село Усть-Выя состоит из группы деревень), мы узнали, что за год или два до нашего посещения замечательный шатровый памятник северного русского зодчества XVI в. был разобран, точнее, повален. Подойдя к местоположению этого памятника, мы обнаружили его развалины. На высоком берегу реки увидели массивные бревна, лежащие на земле в виде продолговатого штабеля. Обнаружили слинявшие изображения на досках и тяблах древнего иконостаса. Нам рассказали, что к самому верху шатра привязали канат, за который тянули. Так как повалить шатровый сруб, по-видимому, было делом нелегким, то пришлось призывать на помощь жителей соседней деревни. Общими усилиями памятник был повален и лег на

землю... Посетив с. Верхняя Тойма, мы узнали, что Георгиевская шатровая церковь начала XVII в. также назначена к разборке. Об этом нами была послана телеграмма в Академию архитектуры».

И вот ночью, переживая звонок Петра Дмитриевича, я думал и о том, что вдруг какая-то злая нечистая рука похитила папку с обмерами Ильинского храма, или, скажем, голицынского дворца 1685 года, шедевра старорусской гражданской архитектуры, что стоял, уже отреставрированный Барановским, в Охотном ряду, или Казанского собора, выходившего некогда на Красную площадь? А вдруг взято и выброшено совсем бесценное, что-то такое, о чем я не знал, и любопытствующее человечество, которому еще предстоит открыть для себя сокровища средневекового русского зодчества, навсегда потеряло единственный след какого-нибудь другого замечательного памятника культуры и истории?

Есть у Петра Дмитриевича и картины, и несколько десятков случайных антикварных вещей. Вспомнилась картина, изображающая руины Лекитского христианского храма VI века, какими они были на 1938 год. Три года перед войной Петр Дмитриевич разыскивал и исследовал памятники кавказской Албании и Азербайджана — храмы, дворцы, крепости в Леките, Куме, Кише, Подаре, Куткамене, Зейзите, Харзре, Талах, Нуке, в десятках других сел и городов, делал эскизы, обмеры, фотографировал и раскапывал, изучая секреты древних зодчих, чтобы сохранить для потомков свидетельства их талантов и мастерства. Живописные руины Лекита, зафиксированные на полотне, ценны проявленной в красках планировкой древнейшего памятника и дорогими воспоминаниями...

Бережно хранится и большая работа Владимира Маковского «Дьяковское кладбище». Владельцу она дорога не только тем, что это подлинник, изображающий изумительный архитектурный памятник русского каменного зодчества XVI века — храм Иоанна Предтечи. В двадцатые годы Барановский создал и десять лет руководил историко-архитектурным заповедником «Коломенское», в которое по сей день входит и Дьяково. И еще одно глубоко личное и святое — на этом кладбище похоронена мать архитектора...

В углу кабинета стоит колонна из Юрьева-Польского резного белого камня, огромный старинный фонарь висит в коридоре, кованый сундук загромождает проход, какие-то сосуды на шкафах и полках. Хозяин ничего не собирал специально — привозил из экспедиций то, что неминуемо должно было погибнуть, или то, что дарили ему для лучшей сохранности.

И вот однажды, когда мы разговорились на любимую нашу тему — о «Слове», он показал мне икону, изображающую на всю доску лес в таком необычном густо-зеленом обилии, что я ахнул. Оказывается, ее подарил архитектору в 1918 году священник того самого монастыря, где был найден единственный список «Слова о полку Игореве». На фоне древес изображался большой, сияющий красками храм со странным, не купольным и не шатровым, ни на что не похожим верхом...

Что и как могли похитить? Живет Барановский за высокими стенами бывшего монастыря, в котором один выход, круглосуточно охраняемый. Своих келий, расположенных в приземистом каменном строении, он почти не покидает по состоянию здоровья. Совсем не видит, но хорошо слышит, а его сестра-погодок, которая ухаживает за ним после кончины Марии Юрьевны, ничего не слышит, но зато у нее отличное для восьмидесятипятилетнего человека зрение. И я знал также, что во входной гнилой двери у них жиденький замочек, который можно открыть отверткой, но я однажды привинтил над ним крепкую цепочку, и снаружи ее не снять. А если старики пошли за пенсией и тут произошло? Кстати, Петр Дмитриевич давно подписал дарственную, завещав государству все, что у него было,— библиотеку свою и покойной супруги, полностью архив, картины, иконы, вещи музейной кондиции. Произошло, таким образом, хищение государственной собственности?

Утром я был у него. Он ощупкой бродил под приземистыми темными потолками, включал и выключал мой давнишний подарок — аккумуляторный электрический фонарик, перебирал папки на полках, трогал подсвечники на столе, рамки картин на стенах. Итак, пропала кованая братина, кувшин старинной работы и три иконы. Услышав мой потаенно-облегченный вздох, он встрепенулся и с горечью произнес:

— Нет, вы не понимаете, что стряслось!

— Сам факт, конечно... Но как это могло произойти? Вас не было дома? В милицию уже сообщили? Кого-нибудь подозреваете?

— Подождите, подождите! — он взялся рукой за голову.— Значит, так... Дома мы все время, я уже три недели не выхожу. В милицию сообщил, и с утра следователь приходил, только он, кажется, сразу остыл... Как случилось, не знаю — иначе следователю нечего было бы делать. Никого не подозреваю... Не могу же я подозревать художника-реставратора, вполне интеллигентного человека. Мне порекомендовали его, чтоб он подновил Маковского — за сто лет полотно сделалось как черная сковородка. Он тут и работал, при мне. Еще дольше работал фотомастер — я решил кое-что оставить себе хотя бы в снимках. Этот человек вне подозрений. На днях у меня погас свет, а я на кухне грелся, потому что не топили. Не успел позвонить в комендатуру, как являются три электрика. Повозились немного в темноте и просят за починку света пятерку. Я дал, они ушли, и с концом. Позвонил коменданту музея — нет, он никого не посылал, но люди видели каких-то троих на лужайке с бутылкой. Прислали двоих, свет они наладили, а тут испортился телефон — замолчал. Было два телефониста, всю проводку прошли, потом совершенно пьяный прораб явился — он тут начал реставрацию башни и заборы взялся городить вокруг меня. Бросился мне в ноги, еле я его вытолкал. Словами, конечно... Больше никого не было, если не считать нескольких верных друзей, которых я знаю много лет, да и вы их знаете...

Петр Дмитриевич замолчал, а я подумал, что следователю райотдела милиции будет слишком много работы и он едва ли ее станет делать, как надо, потому что пропажа фактически находилась в частном владении, общественную ценность которого надо ему еще доказывать, тем более что три похищенные вещи представляли собой как бы предметы религиозного культа

— Он всегда лежал у меня вон там, наверху стеллажа,— снова заговорил Петр Дмитриевич, как мне показалось, в полузабытьи и о чем-то малопонятном.— Иногда я поднимался на стул и трогал его: лежит ли? Последний раз трогал с месяц назад. И вот — пусто! Будто

душу вынули! Я вам говорил однажды о нем... На Селигере до сих пор его помнят...

Кто это *он?* Петр Дмитриевич явно путал меня с кем-то — никогда и ничего не говорил он мне про Селигер или о том, кого там помнят. Просто старик, наверное, устал от переживаний и ему надо прилечь.

— Вам хорошо бы прилечь, а я пойду.

— Скоро совсем лягу и належусь всласть,— возразил он.— А пока не хочется... Не уходите, мне и так тяжело. А куда вы собрались?

— Может, найдется в Московском уголовном розыске хороший специалист?

— Это — дело. Только и районного следователя бы не обидеть. Пусть немного поработает, а? Однако я уверен — лишь настоящий специалист поможет его найти.

— Петр Дмитриевич, извините, кого это — его?

— Да я же вам говорю — Нила Столбенского!

— Так-так,— пробормотал я.

— Мы как-то рассматривали его на фоне леса, горок и храма. Забыли?

Ах, вот в чем дело! Пропала та самая икона тверского письма, что была подарена Барановскому в Ярославле шестьдесят лет назад!

— Помню, как же! Там еще сосновые стволы с золотым оттенком и мощные кроны с густой, немного условной хвоей — что-то вроде пальмового олиствения.

— Вот-вот. Могучий лес на заднем плане, фантастический храм и крохотная фигурка Нила Столбенского.

— А кто он был такой?

— Отшельник. Из Новгорода. Удалился на Селигер в 1515 году, соорудил келью, вбил в стену два деревянных крюка, оперся на них подмышками и так стоял сутками и годами. На Селигере до сего дня рассказывают, будто местные крестьяне рубили на острове Столбенском лес и подожгли. Огонь дошел до кельи Нила и остановился. Может, икона символически отражала эту легенду, не знаю. Нил прожил на острове ровно сорок лет. Умер 7 декабря 1555 года...

В который раз поразившись его памяти, я спросил:

— А две другие иконы?

— Ну, их не так жалко... Михаил Архангел старинного письма пропал. Зосима и Савватий соловецкие.

Эта поценней, потому что они были изображены на фоне архитектурного ансамбля знаменитого монастыря... Но Нил, Нил! Совершенно бесценная вещь...

Петр Дмитриевич воодушевился и самозабвенно продолжал:

— Там же необыкновенный архитектурный памятник написан! Ни крыши, ни куполов, ни шатра! Это мог сделать только гений. До такого удивительного решения, найденного плотниками-тверяками, никто во всем мире не додумался. Что-то от индийских пагод улавливается, и можно бы предположить, что это Афанасий Никитин, первый европеец, побывавший в Индии, привез на родину необычное архитектурное решение, которое оригинальнейшим образом трансформировалось под русским топором в русском дереве. Только Никитин не доехал до Твери, умер по дороге домой. Так что тверской шедевр совершенно самостоятелен и строго локализован в районе Верхней Волги — ничего подобного не сыщешь на Руси! Весь север в шатрах и маковках... Нет, это правда святая, что наш народ наделен архитектурным гением... Додуматься до такой гениально простой фантазии!

До меня дошло, что Петр Дмитриевич ошибочно предполагает, будто я хорошо знаю, о чем идет речь.

— И вот осталась от Нила Столбенского лишь фотография,— с невыразимой тоской произносит он.— Какое гнусное преступление! Ведь продаст же Нила за поллитру какому-нибудь безграмотному приобретателю или — хуже того — как-то иностранцу сбудет...

— Можно, я взгляну на снимок?

— Отчего же нельзя? — Он поднялся с кресла и начал шарить в бумажных завалах на широком подоконнике.— Где-то здесь...

Глядя прямо перед собой невидящими глазами, развязал тесемочки папки, запустил руку в стопку глянцевой фотобумаги, перебрал пальцами несколько разноформатных снимков и подал мне один из них.

— Вот, пожалуйста. Он?

— Кажется, да. По оригиналу припоминаю этот лес. И храм...

Правда, было что-то явно фантастическое, слишком условное в изображении ступенчатой светло-коричневой

горки камней и такого же ступенчатого завершения храма на фоне знакомых деревьев.

— Вы правы — завершение храма вполне фантастично.

— Да, но эта фантазия — реальность! — воскликнул Петр Дмитриевич.

— Что вы имеете в виду?

— Да ведь на селигерском Столбенском острове стоял храм без крыши в обычном понимании, без куполов и шатра, без «бочек» и «лемеха»! Другой храм этого типа, как я предполагаю, был некогда в Торжке, а третий пока существует в реальности, если не сгорел или не сгнил, я там давно не был.

— Где? — встрепенулся я.

— На озере Вселуг, в Ширковом погосте... Последний и единственный памятник неповторимого тверского архитектурного, можно сказать, стиля XVII века! Когда я его обмерял в 1930 году, он уже был в полуразрушенном состоянии. Ему скоро триста лет.

— Многовато...

— Да. Необычная, простая на первый взгляд, но на самом деле очень сложная конструкция его покрытия надежно защищала основное здание — дожди и снега скатывались, как с гусиных крыльев. Разъять крышу на двадцать четыре крыла, вынести всю ее площадь наружу и разместить по вертикали мог только гениальный зодчий и строитель!

— Не понимаю,— сказал я.— На иконе вроде просто козырек над козырьком...

— Это иконописная условность, изображающая сложнейшее покрытие. И самое поразительное — сооружению невиданной конструкции была придана красота, гармония. Эстетический вкус ни в одной детали не подвел великого безымянного зодчего! Как я горюю, что уже никогда больше не увижу это диво дивное...

— Петр Дмитриевич, извините, но я не способен понять, как это крышу или шатер можно разъять на двадцать пять частей...

— На двадцать четыре.

— ...На двадцать четыре части, вывести их куда-то наружу да еще расположить по вертикали. И обойтись без тесаных осиновых дощечек, надежно покры-

вающих ту же, например, церковь Преображения в Кижах.

— Минутку!

Он поднялся, в несколько быстрых шагов достиг стеллажей, перебрал на ощупь несколько папок, достал одну из них и подал мне.

— Развязывайте! Листайте!.. Листайте дальше... Это все Селигер и Верховолжье.

Пролистнул я несколько рукописных страниц, эскизы, рисунки, увидел пожелтевший снимок какого-то необычного каменного крыльца.

— Крыльцо любопытное...

— А! Это крыльцо Селижарова монастыря,— оживился он.— Волшебство русской архитектуры! Внутри шаровидная стойка, вокруг четыре столба. Видите, облицованный кирпич. Семнадцатый век. А собор стоял с пятнадцатого века! Все было сломано на покрытие дороги. Какая мука — знать это! Я вывез оттуда в Болдино лишь деревянную скульптуру Христа. Замечательная вещь! Поза, ноги, руки, глаза — все живое!.. Листайте дальше. Там где-то должно быть описание той дивной церкви на Вселуге...

Вот! Большие, сложенные вчетверо, кальки. План удивительно симметричного фундамента. Бревенчатый четверик суживается кверху, и с какой стороны ни глянь, в каком разрезе ни возьми, капитальные стены образуют высокие усеченные пирамиды, математически идеальные. Интересно! Сотни, тысячи размеров — диаметры, длины, углы, укосины, зарубы... Окна верхние, окна нижние, стекольчатые оконницы, их размеры в свету... Очень маленькие окна. Но изображения всего храма пока нет.

Петр Дмитриевич услышал хруст кальки.

— Как это чудо уцелело — не знаю и не понимаю!.. Такая там жалкая деревенька на отшибе, такой бедный приход...

— Может, памятник сохранился именно потому, что стоял на отшибе?— предположил я.— Пожары, обычные в городах, его не тронули, молнии чудом миновали, а бедные прихожане за два с половиной века не собрались, к счастью, с силами, чтоб его подновить да попутно перестроить во что-нибудь попроще...

— Все может быть... А вот теперь, за кальками, должно идти описание.

Да, вот оно!.. Освящена в октябре 11 дня 1697 года при благоверном государе Петре Алексеевиче и патриархе Андриане... Ширкова погоста Осташковского уезда Тверской губернии... Описание сделано в 1847 году.

— Читайте! Только помедленней.

Включив диктофон, я начал читать: «Церковь деревянная соснового мачтового леса... Длиною с алтарем восемь сажен и восемь вершков. Шириною пять сажен с аршином и десятью вершками... Стены наверху связаны четырехугольником, на котором утверждена глава... Крашена снаружи желтою и белою красками... Один престол во имя Рождества Иоанна Предтечи...

Пол деревянный, некрашеный... Во всей церкви восемь окон, а именно — вверху пять, внизу три, из них два в алтаре»...

По лицу Петра Дмитриевича я заметил, что он *видит* этот памятник.

— Крыша! — нетерпеливо потребовал он. — Где там о крыше?

— «Крыша тесовая, из капитальных стен выведенная, состоит из трех ярусов, каждый из них сдвоен в виде четырех треугольников с четырьмя».

— Ну, поняли что-нибудь?

— Нет,— честно признался я. — О крыше, выведенной из капитальных стен, ничего не понял.

Прошу и читателя по этому краткому описанию и нашей беседе с Барановским вообразить себе внешний вид уникального, единственного в мировой архитектуре памятника. Попробуйте-ка на клочке бумажки набросать его контуры. Что за пирамида, что за крыша у вас получается? Не ленитесь, подумайте и порисуйте еще! Особенно я прошу поусердствовать инженеров, конструкторов, строителей, архитекторов, которые никогда не слыхали об этой жемчужине русского деревянного зодчества...

— А вот теперь,— торжественно произнес Петр Дмитриевич. — Смотрите последние листы!

Перекинул я налево остатки бумаг и ахнул — передо мной на фотографии воистину явилось чудо! В ку-

пах зелени стояло что-то совершенно удивительное — трогательно простое, по-детски незатейливое и несколько даже странное! Легкое, как хрупкий карточный домик, оно заняло своими сбежистыми стенами, маковкой и острыми крыльями не очень много пространства, но так, что исходит от этого прелестного сооружения какая-то необъяснимая притягательная сила, которую талантливый мастер ощутил, конечно, до того, как взялся за топор. Поразительная соразмерность во всем, гармоничность основных форм и деталировка, исполненная художественного такта. Крохотные оконца не могли быть на вершок шире-выше или отблескивать в других местах, длина выносных крыльев и расстояние между ярусами кажутся единственно возможными, колокольня в любом исполнении была бы лишней рядом, поэтому она сделана в виде часовенки-невелички. И никаких украшений, никакого отвлечения от главного, околдовывающего взгляд...

— Узнать бы, кто это построил!..

— Народ русский построил.

Петр Дмитриевич, кажется, ждал, что я еще скажу, а что я мог сказать? Просто смотрел на чудо и дивился ему и чувствовал себя счастливым, оттого что принадлежу народу, создавшему *такое.* Нет, надо ехать на Селигер и Вселуг...

Статью искусствоведа В. Сергеева, опубликованную в сборнике вскоре после той нашей встречи с П. Д. Барановским, я прочел с увлечением, какого давно не замечал в себе. И не только потому, что в ней были, как и у меня на предыдущих страницах, вполне детективные строки: «Ночной международный поезд остановился на одной из пограничных станций. Перед тем как покинуть территорию нашей страны, его пассажиры проходили обычный таможенный досмотр. Один из иностранных путешественников с досадой смотрел, как из принадлежавших ему по праву вещей была извлечена небольшая икона в тяжелом серебряном окладе. Незаконный «бизнес» не состоялся, и «небольшой русский сувенир», взятый, по словам растерявшегося путешественника, «на память о гостеприимной России», остался на ее действительно гостеприимной территории,

а незадачливый бизнесмен эту территорию покинул. Заезжий бизнесмен и его туземные коллеги, ведущие финансовые операции в пригостиничных подворотнях, были, как выяснилось, непроходимыми дилетантами». И далее: «...под темной олифой различилось уникальное, редчайшее по сюжету произведение малоизученной, лишь недавно открытой тверской школы...»

Перевел я дух и начал выхватывать глазом обрывки фраз: «...открылось авторское изображение XVI века...», «...лес, изображенный в соответствии с эстетикой средневекового искусства отдельными деревьями, там и тут разбросанными по светло-коричневым горкам. Горки — «лещадки» — общепринятый в древности образ земли, пространства...», «...старый монах с седой бородой и серьезным вдохновенным лицом. Он стремительно падает на колени, простирая вперед руки». «Дорого мог бы стоить русской культуре этот, к счастью, не состоявшийся «бизнес»!..

Воистину так, и читатель, быть может, подумал, что нашелся Нил Столбенский? Нет, на иконе, изъятой зоркими таможенниками, изображено всего два дерева в виде пальм, вместо храма стоит большой деревянный крест, означавший, что на его месте будет основан монастырь, а монах — это Савватий Оршинский, коренной тверяк, побывавший в Иерусалиме и по возвращении ставший таким же отшельником, как, например, Герасим Болдинский, и так же, как он, не удостоенный канонизации, хотя надпись на иконе именует Савватия «преподобным». Обитель его стояла на реке Оршине близ Твери...

Мое мысленное дилетантское сравнение двух икон вызвало у меня соблазнительное предположение, что это одно время, одно место и одна *школа,* та же темпера, приемы, стиль письма, сюжет, полная идентичность многих деталей... Кто был этот мастер? Извините меня, товарищи искусствоведы, что я вламываюсь в вашу епархию — безусловно, интересный вопрос этот, и мои сравнения должны бы стать предметом строгого научного рассмотрения, и В. Сергеев, безусловно, прав, когда пишет о том, что «у каждой иконы своя судьба, подчас ясная, подчас загадочная, что требует серьезных и разносторонних исследований специалистов и

становится предметом различных, иногда противоположных научных гипотез и концепций».

...Послушайте же вы, нынешний незаконный обладатель Нила Столбенского! Если вам попадутся на глаза эти строки, молю и заклинаю вас — сделайте святое, благородное, истинно человеческое дело: найдите любой приемлемый для вас способ вернуть государству, народу, науке, искусству нашему икону Нила Столбенского, который нужен не только для пополнения наших знаний о тверской школе живописи XVI века. На этой темной невзрачной доске — единственное иконографическое изображение тверского восьмискатно-трехъярусного храма, неповторимого шедевра русского деревянного зодчества.

Кстати, мое слишком любительское определение этого типа русских храмов не претендует на какую бы то ни было научность, но что мне делать, если сам Игорь Эммануилович Грабарь не знал этого типа, а сам Петр Дмитриевич Барановский не решается дать ему никакого определения?.. Над келейкой, входом в пещеру Савватия Оршинского, условные камни, между прочим, горкой вздымаются в три яруса и плоскостно-сдвоенными четырехугольниками! Что это — случайная фантазия живописца? Не знаю. Однако постойте — публикация В. Сергеева содержит еще немало любопытных сведений! Оказывается, на месте креста, изображенного на иконе Савватия Оршанского, был действительно основан монастырь. Что за постройки в нем стояли, мы, наверное, никогда не узнаем, потому что он был упразднен еще в XVIII веке и превращен в приходскую церковь, на месте которой давным-давно пустота. Но вот еще: «Жители Савватьева помнят о человеке, давшем имя их селу. Церковь, построенная над его могилой, до нашего времени не сохранилась, но нам показывают заросшие травой остатки ее фундамента. Один из сельчан хранит у себя дома очень интересную для нас картину — старинный любительский пейзаж села и *двух древних* (курсив мой.— *В. Ч.*) церквей посреди него. Охотно разрешив нам сфотографировать картину, владелец и слушать не захотел о продаже ее для музея — это историческая память, и пусть остается здесь, в Савватьеве...»

Мне надо непременно увидеть эту «очень интерес-

ную» картину! Не знаю, чем она заинтересовала первооткрывателей, но я-то, быть может, совершенно безосновательно и наивно мечтаю увидеть на ней яруса сказочных крыльев... Что ж, хорошо, к Селигеру и Вселугу прибавилось еще Савватьево! «Но послушай, — шепнул мне ленивый бес подступающей старости, — можно же не ехать, а просто найти в Москве автора статьи да посмотреть у него фотографию!» — «Звонить надо, разыскивать,— сказал я сатане. — Вдруг он в отпуске или длительной командировке, иконы ищет... Проще съездить, это же совсем рядом. И оригинал увижу». — «Ну, как знаешь,— промямлил дьявол. — А то позвони да спроси, купола или шатры над теми церквушками, и сразу все станет ясно». Послушался я беса — разыскал автора статьи по телефону, и знаток русского иконописного искусства Валерий Николаевич Сергеев сказал, что над селом Савватьевым высились купола...

Было бы, конечно, слишком, если б даже маленькие открытия делались по телефону! Но неужто, все еще думалось мне, из ста пятидесяти двух церквей, существовавших, как свидетельствует Иван Кирилов, в Тверском уезде по описи 1710 года, не было ни одной восьмискатно-трехъярусной? В Савватьево все равно придется ехать, потому что там стояла еще церковь над могилой Савватия Оршанского и сохранились «заросшие травой остатки ее фундамента». Может, в нем есть что-то общее с фундаментом церкви Ширкова погоста? А вдруг ушли в землю и не успели догнить нижние венцы? И если они идут на сужение, то капитальные стены были у этой церкви пирамидальными, прикрыть которые можно было только выносными ярусными скатами!..

Итак, никакого открытия не состоялось, открылись только чрезмерно дилетантские подступы к нему да несколько расширились представления о культурном прошлом Верховолжья. Но какова судьба единственной, дожившей до XX века восьмискатно-трехъярусной церкви Рождества Иоанна Предтечи в Ширковом погосте на Вселуге? В той папке Петра Дмитриевича Барановского я наткнулся на публикацию 1894 года, где рассказывалось, что уже тогда она была ветхой, «с темнозеленым и совершенно выцветшим куполом». В 1930 го-

ду архитектор застал ее, как он сам написал, «в полуразрушенном состоянии». Надо бы взглянуть, что с нею сейчас! Неужто и это диво дивное исчезло, как исчез Св. Илья Выйского погоста, церкви села Савватьева и Оршина монастыря, превеликое множество памятников народного зодчества Севера? У меня есть справка о маршруте П. Д. Барановского по архитектурным памятникам Севера в 1920 году. Вот одно место из нее: «Н. Корельский монастырь, Ненокса, Лисеостров, Уйма, Лявля, Утостров, Холмогоры, Панилово, Кривое, Ракулы, Сийский монастырь, Челмохта, Зачачье, Хаврогоры, Моржегорье, Репаново, Березник, Осипово, Корбала, Ростовское, Конецгорье, Кургоминье, Тулгас, Топса, Троица, Сельцо, Заостровье, Телегово, Черевково, Циозеро, Белая и др.» Интересно это «и др.», а также позднейшее горькое примечание: «На 1950 г. этих памятн. не существ.»

Недавно прочел в газете, как в последнее время охраняются и восстанавливаются по Северу уцелевшие памятники русского деревянного зодчества и... как сгорают они от молний. Неужели так уж трудно и без газетной подсказки прежде всего установить на них громоотводы?.. А зачем ехать на Вселуг, шепнул мне тот же бес, если памятника в Ширковом погосте тоже «не существ.»? Расстроиться, погневаться, разразиться статьей?.. Написал я знакомому калининскому писателю Петру Дудочкину, природолюбу и краеведу. И вот радость! Он присылает мне письмо, сообщив, что недавно побывал на Вселуге. Несказанная красавица Ширкова погоста обрела новую жизнь, почти полностью восстановлена, и уже манит издалека своими двадцатью четырьмя белыми крыльями. Большую свежую фотографию я повесил перед столом, время от времени даю глазам отдых на ней, накапливая нетерпенье перед поездкой на Селигер и Вселуг.

А теперь, дорогой читатель, еще раз взгляните на графическую заставку в начале этой главы, чтобы составить общее представление о силуэте тверского зодческого шедевра, единственном уцелевшем на нашей земле памятнике этого типа.

Верхневолжье. По ледовым дорогам его начала орда свой отход в степь ранней весной 1238 года.

21 Любое решение или поступок на войне — результат выбора между необходимостью победить и возможностью уцелеть.

В покоренных городах Руси орда не оставляла ни гарнизонов, ни, говоря по-современному, комендантов, и вот все войско скопилось в районе озера Селигер. Субудай размышлял. Он принес в жертву великому богу войны Сульбэ всех людей последнего непокорного города и весь полон, а сейчас, за эту ночь, надо было принимать важнейшее решение — какой дорогой идти к степи?

Великий хан не простит ему гибели брата, младшего сына Темучина, ссор между Бури, Гуюком и внуком Темучина сыном Джучи. Главная задача победившего, но погибшего войска состояла теперь в том, чтобы сохранить на пути в степь чингизидов с их добычей. Нужно идти по возможности вместе — только тогда чингизидов сберегут недреманное око, опыт, осторожная мудрость и великие воинские доблести Субудая.

Последние сообщения тыловой разведки говорили о том, что по всей стране урусов стучат топоры. Новую встречу с таким количеством топоров, что повыбивал из рук врагов Бурундай на Сити, сабли воинов Субудая еще выдержат, но сколько останется потом сабель и чингизидов? Урусский топор в этой лесной стране может стать куда более грозным оружием, чем сабля или меч. Вспомнилось, как сотня его воинов из маленького, взятого общим пятидневным штурмом городка урусов, где всем коням не хватило корма, бросилась с пленным проводником в нетронутое лесное селение и не вернулась. Субудай подумал было, что они стороной обошли обоз внука Темучина сына Джучи, миновали дебрями сторожевые заслоны и ускакали, как зайцы, в

бескрайнюю степь. Однако разведка вскоре донесла, что увидела в большом и свежем древесном завале воинов с рассеченными головами и закаменевших от мороза коней с переломанными ногами. Он послал три карательные сотни, чтоб примерно наказать жителей этого жалкого селеньица, только оно было пустым — ни скотины, ни фуража, ни людей, а снега, валившие тогда день и ночь, перемели следы. Воины погрелись у горящих жилищ и вернулись ни с чем, потеряв среди древесных завалов еще несколько добрых коней.

Скорей, скорей отсюда, пока снега не пропитались водой! Конь незаменим в степи, но он не может преодолеть даже небольшую, в какую-нибудь версту, низину, если снег осел и просырел.

Каким путем остатки грабительского войска вернулись в степь? До вожделенных южных просторов, где солнце уже растопило снега на взгорках и даже вызеленило их кое-где молодой травкой, было — в какую сторону ни пойди — около тысячи километров сегодняшним счетом, но в старину расстояния исчисляли временем, нужным для их преодоления, что было практичней, потому как сразу, одной мерой, учитывались особенности и состояние пути, средство и способ передвижения, тяжесть груза, препятствия и пора года.

Мне кажется, не случайно наш язык произвел слова «дорога» и «дороговизна» от одного корня, и, должно быть, изучающие русский иностранцы, встретив словосочетание «дорога дорога», думают, что это опечатка, пока не расставят семантических ударений. Нам из века в век — при наших-то расстояниях, климате, пересеченности и сырости низинных пространств — недоставало сил, чтобы поддерживать в хорошем состоянии даже летние дороги, которые, чуть отклонись в сторону от городов, были *неготовыми,* как обобщенно и просто названы они в «Слове о полку Игореве». Вспомним также, что даже на степном юге воинам Игоря пришлось за неимением других средств гатить в начале мая какие-то болота трофеями...

А вот другие документальные — из века в век — свидетельства о состоянии наших дорог. Почти тысячелетие назад один юноша-курянин среди лета доехал с купцами из родного города до Киева, преодолевая в

день всего по двадцать три версты. Через семь лет после того, как Субудай решал, какой маршрут в степь ему выбрать, эмиссар папы римского Плано Карпини затратил на сто двадцать верст от того же Киева до Канева целых шесть дней, то есть ехал еще медленнее, чем добирался из Курска будущий преподобный Феодосий. Спустя двести лет другой путешественник, венецианец Иосафато Барбаро сказал о наших летних лесных дорогах: «Летом в России никто не отваживается на дальний путь по причине большой грязи и множества мошек, порождаемых окрестными лесами, почти вовсе необитаемыми». И в степях, и в лесах дожди превращали овраги и речушки в непреодолимые препятствия, а болотца и луговые низины в «грязи непроходимыя», как писал с летней дороги еще через двести лет царь Алексей Михайлович, который оставил тогда повозки и «перебрался на вьюки». Спустя еще два века дороги Новгородской, Тверской и Московской губерний, по свидетельству авторов «Полного географического описания нашего Отечества», все еще находились «в довольно-таки первобытном состоянии». Труд тот был, кстати, посвящен памяти А. С. Пушкина, который близко и подробно знал эти дороги, мечтательно-пророчески написав:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе, Россию здесь и тут
Соединив, пересекут;
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой;
Раздвинем горы; под водой
Пророем дерзостные своды...

Время, однако, поускорилось — есть уже сегодня и шоссе, и мосты, и метро, и горы кое-где раздвинуты. Но в отдаленных местах Валдая, как и всего Нечерноземья, еще и сегодня пути-дороги таковы, что водители мощных грузовиков не рискуют кое-где ехать из одного села в другое без цепей.

Русские дороги летом захламлялись и зарастали, прерывались пожарами, сгнившими мостами на бесчисленных реках и притопшими гатями на болотах, петляли да

кружили, подчиняясь рельефу, и недаром лишь былинным богатырям было под силу прокладывать прямоезжие пути. Осень с ее затяжными дождями даже предотвращала войны, и у меня немало выписок из летописей разных веков о том, как войска, «распутье деля», останавливались, «лют бо бяше путь», и ждали, «егда ледове встанут», либо возвращались из-за ранних и обильных — «коневи до черева» и «человеку в пазуху» — снегов.

Подытожим. В древности, средневековье и в новое время летом, осенью и зимой ездили люди на телегах, санях или верхом русскими дорогами, но пути эти были многотрудны, длительны, опасны и нередко сопровождались человеческими жертвами, о чем не одиножды упоминают предания и первые наши историки.

Нет в летописях только ни одного упоминания о благополучных *путешествиях и походах весенних,* потому что в эту пору года никаких дорог не было, а половодье, так же как и осенняя распутица, не раз властно пресекало даже военные действия. Вспомню хотя бы два таких случая, что приключились незадолго до событий на Селигерском пути. Весной 1226 года двинулся было на Киевскую Русь король венгерский, но, как сообщает Ипатьевская летопись, «Днепроу же наводнившюся, не могоша переити». Правда, тут надо сделать поправку на описку переписчика — в протографе значился, конечно, не Днепр с Киевом, стоящим на высоком, незатопляемом, доступном с запада берегу, а Днестр, по сути дела это не меняет. А за три года до первого нашествия орды вешние воды прервали русский поход в литовские земли: «Весне же бывши, поидоста на Ятвязе и приидоста к Берестью реками неводнившимися, и не возмогоста ити на Ятвязе».

Субудай знал, что страна урусов лежит в глубоких болотах, меж которых скоро потекут по разным сторонам света бесчисленные потоки воды; он тут останется навек с уцелевшими воинами, добычей и внуками Темучина, если не примет единственно правильного решения — срочно уносить ноги. Он-то, Субудай, бросил бы эти тяжелые тюки с южными шелками и западными сукнами, пышные, занимающие много места меха, но внук

Темучина сын Джучи мечтает удивить степь богатой добычей, да и воины, которым достались торбы павших, не захотят без особого приказа расстаться с законным итогом войны, свидетельством их верности заветам Темучина. Пусть, однако, вьючат и ткани, и меха вместе с украшениями для женщин, кубками для мужчин и разноцветными камнями, добытыми саблями в краснокаменных, белокаменных и деревянных жилищах, что построили урусы для своих тощих богов, изображенных на пестрых досках, которые так хорошо горят и греют, если ими кормить костер. Такие богатые и причудливые храмы из природного камня Субудай встречал только перед Железными Воротами в горах гурджиев, но воины-ровесники рассказывали ему, будто в Индии, куда они ходили с разведкой, жилища тамошних многоруких каменных и костяных богов еще причудливее, богаче и полны сверкающих твердых каменьев...

Субудай в этом тяжелом походе начал ненавидеть ровесников. Если молодые бросались в город, чтобы скорей добыть женщину, что Субудай перестал понимать, потому что во времена Темучина воин должен был прежде всего найти корм для коня, то эти, поседевшие в походах, как он сам, лезли даже в горящие жилища, чтобы набить суму всем, что попадет под руку — поношенной одеждой и обувью, простыми кожаными поясами, полуоблезлыми звериными шкурами, деревянной посудой. Только в последнем городе урусов по его, Субудая, приказу, малейшее нарушение коего специальные сотни наказывали немедленной смертью, все кинулись гасить горящие строения с зерном. И еще не кончилась эта непривычная работа, когда он увидел среди тлеющих бревен отвратительную сцену. Какой-то старый ойрат или кипчак, что когда-то был воином, вылез из земляной ямы с добычей и начал трясущимися руками сматывать с тяжелой деревянной палки урусскую ткань. Старая и согбенная урусская женщина взялась вырывать ткань из рук добытчика и оказалась сильнее. Субудай повелел сломать спины обоим...

Он знал, что многие побросают добычу,— скоро высшей ценностью станут зерно, сухая трава и конь, способный нести хотя бы хозяина.

И вот караван готов. Субудай приказал умертвить ослабевших рабов, послал вперед разведку с проводни-

ками и толпу сильных урусов, уцелевших при штурме и питающихся кониной, чтобы искали и чистили тропу, назначил в хвост каравана заслон, и по указке его кнута первая сотня на отдохнувших конях взяла уже протоптанный Бурундаем след.

Любознательный Читатель. Куда же, в каком направлении?

— Ответ на этот важный вопрос помог бы рассеять множество исторических недоразумений, увидеть путаницу, разнотолки и ошибки в бесчисленных описаниях давнего лихолетья, расстаться с некоторыми наивными представлениями, застрявшими в нашей памяти с младых, как говорится, ногтей. Помню, меня поразило в юности, что В. Ян, написавший тысячи страниц о нашествии орды на Русь, *ни одной* из них не посвятил ключевому событию весны 1238 года — двухнедельной обороне Торжка.

— Как же он сумел обойтить без этого?

— Попытаемся понять. Штурм был начат сравнительно небольшими силами 22 февраля. Отряд Бурундая долго пробирался на большак от Сити и 4 марта, когда пал Торжок, еще находился в Ширенском лесу, где в тот день был убит Василько ростовский. А в примечаниях к своей «Истории Российской» Татищев, подсчитывая число павших городов, уточняет, что «Торжок же и Тверь не в феврале, но в марте взяты». Следовательно, третий крупный отряд штурмовал Тверь, и оба эти города какой-то срок сражались одновременно. История почему-то не сохранила никаких подробностей обороны Твери, но несомненно, что и ее осада была тоже очень трудной и длительной. Торжок орда взяла только тогда, когда к нему, хранящему самую важную добычу — зерно, подтянулись со «множеством плена» войска врага, идущие южным направлением от Твери. И вот В. Ян, исходя из неверного положения, будто у Батыя была гигантская армия в *четыреста тысяч* воинов, и не умея объяснить затяжную двухнедельную осаду Торжка столь подавляющими силами врага, допускает недопустимое — будто от Игнача креста орда возвращалась в степь через Торжок, Тверь, Волок Ламский, Дмитров и какие-то еще «другие города», которые были взяты ими на *обратном* пути. Вот как об этом говорится в романе: «Татарское войско несколькими потоками дви-

нулось из урусской земли назад в Кипчакские степи. По пути татары захватывали и уничтожали города, грабили и сжигали села, убивали жителей. Были разрушены Торжок, Тверь, Волок, Дмитров и другие города...» Между тем Дмитров и Волок Ламский пали еще в феврале! У Татищева они даже названы прежде городов «другой стороны» — Городца, Костромы, Ростова, Ярославля, и в обратном порядке, означающем последовательный и еще *наступательный* маршрут к Новгороду — Дмитров, Волок, Тверь, и лишь после того, как сказано, что татары «попустошиша всю землю до Галича Меряского и Торжка», после описания битвы на Сити, следует рассказ о торжокской обороне. Кстати, о возрастающем сопротивлении орде говорит не только героическая оборона Торжка и не менее, быть может, отчаянная защита Твери, но и тот факт, что Галич Меряский, самый северный город, до которого доскакали отряды Бурундая, согласно мнению В. Татищева, возможно, «взят не был». И, как знать, не лежит ли где-нибудь на чердаке или за божницей старого северного или сибирского дома неизвестная науке летопись, в которой есть страничка или хотя бы несколько строк, посвященных обороне Галича Меряского, Твери и, быть может, Березовского Рядка? И нет ли в ней хоть какого-нибудь намека на маршрут орды от озера Селигер?

— Но, собственно, зачем нам нужно знать этот маршрут?

— Не проследив исхода орды из Руси весной 1238 года, мы не сможем понять финала ее первого грабительского набега, загадки семинедельной обороны Козельска.

— Однако как понять Субудая, семь недель штурмовавшего Козельск, этот ничем не примечательный, но еще более «злой», чем Торжок, лесной городок? От него же было совсем близко до степи! И вообще, как Субудай оказался в такой удаленности от основного маршрута, как очутился вдруг под Козельском?

— Вот-вот. В Торжке заканчивалось скругление большого вопросительного знака — кровавый след основных сил орды. Мы его сняли. Однако вы правы — еще один большой вопрос остается, и, чтобы ответить на него, нам следует восстановить точный маршрут Субудая до Козельска.

— Но как его восстановишь спустя сотни лет, если в известных нам летописях нет ничего об этом маршруте? И неужто историки не задумывались над ним?

— Трудов по русской истории — гора, и я, конечно, не мог ее всю осилить — ведь за всю жизнь мы прочитываем лишь несколько тысяч книг. Быть может, и есть какие-то догадки, приближающие нас к исторической истине, в малотиражных специальных изданиях или не увидевших света диссертациях, до которых я не добрался, просмотрев только труды наиболее известных русских историков. У Щербатова, Погодина, Костомарова, Ключевского, Бестужева-Рюмина, Забелина, Покровского, Грекова, Тихомирова я на этот счет ничего не нашел...

— А в классических трудах Татищева, Карамзина, Соловьева?

— С Татищева-то я и начал, потому что строгой исторической наукой давно доказано и до сего дня доказывается свежими исследованиями, что этот Нестор нового времени, человек исключительной работоспособности и добросовестности, всю жизнь собиравший исторические сочинения и древние рукописи, в том числе и в самых глухих старообрядческих уральских скитах, располагал по крайней мере несколькими летописями, ставшими позже вместе со всем бесценным древлехранилищем владельца жертвой пожара. Кстати, находя летописные разнотолки в освещении фактов и оценках, Василий Никитич Татищев считал своим долгом сохранить и их на суд будущих историков. Замечательный труд его полнится драгоценнейшими подробностями. Один пример. Татищев не был знаком со «Словом о полку Игореве», но в его «Истории Российской» есть такие на первый взгляд мелкие частности событий лета 1185 года, отсутствующие в известных нам летописях, которые помогают приблизиться к некоторым загадкам великого памятника русской средневековой литературы... И Татищев дает полное и подробное изложение событий зимы 1237/38 года, несмотря на кое-какие противоречия и неточности, отражающие противоречия и неточности первоисточников.

— Но неужели нет у него маршрута обратного движения орды?

— В общей форме — от пункта, как говорится, «А»

до пунктов «В» и «С» — есть. Завершая описание наступательного маршрута чужеземных грабителей на Селигерском пути у Игнача креста, он сообщает: «Оттуда возвратися Батый к Рязани и иде к городу Козельску».

— Вот нам и маршрут. Не станем же мы спорить с самим Татищевым...

— Станем. Скажите, мог ли Субудай возвращаться на пустые пожарища? Маршрут орды при таких ориентирах должен был пролечь довольно длинной дорогой, связывающей сожженные уже города и разграбленные окрестности Торжка, Твери, Волока Ламского, Дмитрова, Москвы, Коломны и Рязани. Но грабительское войско не может идти дорогой, которой оно уже прошло! Это Кутузов, обрекая армию врага на гибель, несколько веков спустя сумел после Бородина, Москвы и Малоярославца направить Наполеона по старой Смоленской дороге, где тот уже раз прошел и все дочиста пограбил. Правда, в отличие от Наполеона, Субудая на его *бескормном* пути беспокоить оружием было, собственно, уже некому, и в такой маршрут можно бы даже поверить, как поверил В. Ян, если б не другие важные обстоятельства, совершенно его исключавшие.

Абсолютно невероятно, чтоб Субудай со своим уже вовсе не грозным воинством, обремененным добычей, прошел эту тысячу километров сквозь опустошенные земли и, оказавшись в районе Рязани, то есть совсем рядом со степью, решился проделать на истощенных лошадях трехсоткилометровый весенний путь через леса на запад и еще семь недель штурмовать какой-то ненужный ему городок!

Другое, быть может, более важное обстоятельство тоже почему-то не учитывается. Дело в том, что Козельск был городом сильного Черниговского княжества, дальние северо-восточные границы которого издревле и надежно прикрывались не только засеками по лесам, коваными трезубцами по бродам, но и мощными по тем временам городами-крепостями. И Козельск являлся главной защитной крепостью лишь третьего оборонительного эшелона. Летописец впервые упомянул о нем еще в 1146 году одновременно с Лобынском, Колтеском и Дедославлем, выдвинутыми к самой границе с Ростово-Суздальским и Муромо-Рязанским княжествами. По летописям следующего, 1147 года мы узнаем,

что на подступах к южной границе Рязанского княжества, на степном рубеже, уже существуют Мценск, Корачев, Кром, Болдыж, Девягорск, Домагощ и Спашь, а еще через восемь лет упоминается Воротынеск, стоявший на Оке неподалеку от впадения в нее Угры.

От Смоленского княжества Чернигов и Новгород-Северский еще в середине XII века были надежно прикрыты городами-крепостями, стоящими непосредственно на границе,— Рогачевом, Орминой, Воробейной, Вщижем, Обловем, во втором эшелоне — Чичерском, Гомием, Ропеском, Стародубом, Сининым мостом, Радощем, Росусью, Трубецком, Брянском, Беницами и теми же Корачевом, Воротынеском и Козельском. Создание северянами пограничной оборонительной системы, сравнимой, пожалуй, лишь с более поздней оборонительной системой Пскова и Новгорода, завершилось с удивительной последовательностью и логичностью — на острие клина, господствующего над верхним течением Оки, сопредельными смоленскими, владимирскими, рязанскими землями, возникают города-форты Лопасна на Оке, Сверилеск на Москве-реке, впервые упомянутые средневековыми историками в 1176 году, и, наконец, на следующий год Коломна — сильная пограничная крепость, основанная в стратегически важном пункте слияния Москвы с Окой, правда, уступленная позже вместе, кажется, со Сверилеском рязанцам. И не случайно в начале зимы 1237 года Субудай после сражения под Коломной, где погиб сын Чингиз-хана, пошел через одинокую и слабо укрепленную Москву на Владимирскую землю, не решившись брать одновременно почти двадцать пять чернигово-северских городов.

И вот весна 1238 года. Если бы Субудай пошел на Рязань, а от нее к Козельску, как написал В. Н. Татищев, основываясь на каком-то недостоверном сведении, он не мог бы обойти заслона из пограничных чернигово-северских крепостей! Штурм этих военных фортов задержал бы Субудая на неопределенное время, но ни в летописях, ни в народной памяти, ни в произведениях фольклора не сохранилось ни малейшего следа орды в оборонительном треугольнике Чернигово-Северской земли, если не считать Козельска, что означает единственное: Субудай шел на этот город совсем не от Рязани, а другим маршрутом.

— А что же пишет о возвратном маршруте орды другой классик русской исторической науки — Карамзин?

— Батый-де, «вдруг испуганный, как, вероятно, лесами и болотами сего края, к радостному изумлению тамошних жителей, обратился назад к Козельску». Карамзин не допускает мысли, что орда могла быть испугана неминуемой грядущей гибелью под стенами Новгорода, готового к надежнейшей обороне. Однако главное сейчас для нас в этой фразе замечательного русского историка — неведение о маршруте орды в степь. *Назад* — это было бы к Рязани, а вовсе не к Козельску, где орда еще не была.

— А что говорится у Сергея Михайловича Соловьева в его «Истории России с древнейших времен»?

— «...Остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь...» Но не могли остатки орды взять прямо на юго-восток! Бездорожные лесные просторы отняли бы у орды последние силы, и она погибла бы в них, заблудившись.

— С ее-то разведкой и местными проводниками?

— Русские проводники могли быть и такими, как Иван Сусанин... А в тех местах, которые имеет в виду С. М. Соловьев, восемьдесят лет спустя заблудилась большая рать Михаила тверского, возвращавшаяся из Новгородского княжества. В ней, несомненно, были и местные жители, хожалые лесные мужики — бортники, лесорубы, охотники, но это не спасло положения. В Новгородской и Воскресенской летописях есть правдивые подробности о тяготах того похода, и я приведу несколько строк, написанных в тяжелом, трагическом ритме: «...Заблудиша в озерах и в болотех и начаша мерети гладом, едяху же и конину... и кожи со щитов содирающие едяху, а доспехи своя и оружья пожгоша, и приидоша пеши в домы своя, а инии мнози измроша, жвaху бо тогда голенища своя и ремение...»

— Итак, куда же пошел Субудай?

— К главной отправной точке маршрута орда или ее авангард вернулась, конечно, по льду Селигера и Селижаровки. И вот перед Субудаем поднялась Осташковская гряда с ее отметками над уровнем моря в двести пятьдесят — триста метров, что уже немало по

сравнению с приильменскими низинами. Не горы это, конечно, для Субудая, выросшего в Саянах, но из раннего детства он вынес главную заповедь урянхайца — самый легкий и часто единственный путь в горах, особенно веснами, когда по глубоким ущельям беснуется вода, рожденная солнцем из снега и льда, пролегает по гольцам и водораздельным грядам, выровненным вечностью...

Осташковская гряда пересечена множеством речек, бегущих во всех направлениях. Они вытекают из мелких озер или болот и впадают в мелкие озера или болота, но в середине марта, когда лед, схвативший кусты, прошлогодние жухлые травы, кочки и карчи, еще крепок, тянутся под берегами места, попутные основному направлению орды.

Движением на юго-запад Субудай пересек южные отроги Осташковской гряды и вышел к центру Вышневолоцкой. Еще раньше ему доносили о высокой гриве на севере. Это была ключевая, отправная точка его маршрута. Она и сейчас такая же — высота в триста сорок семь метров над уровнем моря близ теперешнего села Есеновичи на западе Калининской области. С ее склонов сбегает Цна, приточные ручьи и речки в одну сторону, Поведь с притоками — в другую. От этой самой приметной здешней горы точно на юг шел ярко выраженный водораздел.

И Субудай, увидевший из седла половину вселенной, знал, что через места рожденья этих рек, разбегающихся в разные стороны, пути к степи — короче и ровней, а из нетронутых долин, населенных врагами, добираться туда трудно, далеко и долго. Если же наступит ранняя и быстрая, как в его родных горах, весна, то солнце растопит снега прежде всего на водораздельном гребне и подсушит эту длинную тропу. И хотя впереди еще была та же опасная неизвестность, от которой Субудай, как от пут, уже давно мечтал освободиться, на этой тропе к нему впервые за многие годы пришло на час-другой совсем забытое чувство умиротворенности и душевного спокойствия, потому что местность отдаленно напомнила ему родину.

Субудаю покойно и хорошо в лесу, его глаза слишком долго смотрели в степные дали, а внук Темучина

сын Джучи все время озирается, ищет простора и вчера признался Субудаю, что ему кажется, будто деревья могут упасть и даже словно бы падают, но это у него просто оттого, что он смотрит в небо, по которому бегут редкие белые облака — быстро бегут к степи, что лежит прямо под полуденным солнцем...

Два хороших совета дал накануне Субудай внуку Темучина сыну Джучи. В авангард послать Бурундая — молодому богатуру надо пролить на снег и землю еще много крови врагов, познать много их жен и дев, чтоб поостыла его кровь, и тогда он сможет заменить его, Субудая, в большом походе до края вселенной. А Бури с дядей Байдаром и Гуюка с братом Каданом внук Темучина сын Джучи, по раскладу Субудая, оставил позади главного войска, хотя им-то очень не хотелось нюхать внутренности забитых коней да греться у холодного пепла. Но Гуюка и Бури надо было наказать за болтовню, которою они от самой степи язвили внука Темучина сына Джучи. В их словах была и правда, только Субудаю от нее не легче — если чингизиды совсем поссорятся в этом тяжелом походе, конец которого неизвестен, войско ослабеет, развалится, как лошадиный кал, и по выходе из лесов свежие степные урусы добьют Субудая, не знавшего поражений. Пусть братья порыскают по дальним селениям в поисках корма да поучатся сами беречь воинов, Субудай устал думать за всех. По настоянию Субудая Бури с Байдаром взяли себе левую сторону водораздела, Гуюк с Каданом правую, чтобы дележ скудного фуража не ссорил отряды между собой. Если братья прокормят свои тысячи и дойдут до степи, она должна помирить собою всех чингизидов.

Со старым воителем остались четыре внука Темучина. Сыновья Джучи — Орда, Шайбан и Тангут — во всем слушаются Бату, Бату Субудая, а Субудай бога войны Сульбэ. Старый воитель хотел оставить при себе сына Урянктая, но тот в первом своем большом походе уже расправил крылья и настоял, чтоб отец послал его сотню в авангард с Бурундаем. Пусть еще поскачет немного впереди! Потом унаследует личную отцовскую тысячу, научится брать города и летать на крыльях воинской славы. А пока при Бурундае будет у Субудая свой глаз. В личной охране пол-

ководец держал с самого начала похода младшего сына Кокэчу, впервые познавшего женщину среди огня Е-ли-цзани, и крылья его только начали отрастать...

Перед тем как отойти ко сну, Субудай приказал привести урусского певца, что ехал и кормился вместе с охраной. Певец нечаянно наступил на порог его маленькой юрты, и кипчак-переводчик, зная, что это наказывается смертью, в ужасе прикрыл глаза. Однако Субудай сделал вид, что не заметил нарушения монгольской ясы, которого, если спокойно подумать, и не было. На входе в юрту внука Темучина сына Джучи вчера оступился от усталости сам Субудай. А это юрта воина, не хана, и сам он не монгол, урянхаец, и здесь страна урусов, где ясы не знают, а певец любого народа служит богам, что живут в его душе...

— Какая там главная река? — спросил Субудай, указав рукой на запад.

— Волга,— сказал певец.

— Итиль,— перевел кипчак.

— А на юге?

— Итиль.

— Он лжет! — крикнул Субудай.

Великая Итиль далеко на востоке несет через степь свои воды к внутреннему морю и похожа на две великие реки народа, что назывался джурдже; они рядом бегут к беспредельному морю, в котором лежит вселенная. Итиль также течет через леса болеров, и Субудай дважды за свою жизнь ее покорил, а здесь Итили не может быть!

— Итиль рождается в трех дневных переходах отсюда,—уточнил кипчак. — А пересекает путь на юг — в одном переходе. И певец говорит, что эту урусскую Вол-Гу нельзя весной покорить. Она три раза меняет путь.

— Почему? — оживился Субудай. — Горы?

Певец заговорил, и кипчак торопливо переводил. У Вол-Ги есть сестра Вазуза. Они когда-то заспорили, какая из них сильней, и побежали наперегонки к внутреннему морю, а когда встретились, то Вазуза совсем отклонила Вол-Гу по своему ходу, но сильно ослабела, и Вол-Га побежала встречать других сестер,

две из которых — Моло-Га и Унжа — только немного сбили ее со своего пути. Собрав всех младших сестер, Вол-Га неторопливо и вольно пошла к внутреннему морю...

— И много у нее сестер?

Певец перечислял так долго, что Субудай перестал слушать. Он только понял, что среди этих сестер есть совсем ей родные Моло-Га и Ветлу-Га и, значит, какая-то дальняя-дальняя их родственница бежит из монгольских степей мимо его родины, потому что древние народы, жившие когда-то у глубокого священного озера, назвали ее Селен-Га...

Субудай отпустил певца и лег спать, успокоившись,— он выбрал хороший путь, потому что Итиль и ее сестры не пустили бы его к степи, если бы не успел перейти главную урусскую реку по твердому льду и насту.

Вот оно — еще одно важнейшее обстоятельство, абсолютно исключавшее маршрут Субудая с остатками орды по старому пути, через разграбленные города и села на Рязань или же напрямик, по лесному бездорожью.

Любознательный Читатель. Весна?

— Да. И давно бы пора, знаете, задать историкам очень простой вопрос — если таяние снегов будто бы преградило Субудаю двухсоткилометровый путь к Новгороду, то разве не было этого таяния на тысячекилометровом пути к степи? Шел март, и вполне можно предположить, что солнце уже припекало, ветра теплели и начали сгонять на взгорках и открытых местах снега. При движении на юго-восток орда должна была бы преодолеть долины множества речек и рек, забитых напоенным водой снегом. В этом районе текут Цна, Осуга, Большая Коша, Поведь, Итомля, Тверца, Тьма и главное препятствие — Волга, миновать широкую извилистую долину которой было невозможно, как и последующие поймы *сотен* речек и рек, в том числе таких, как Москва и Ока.

До вскрытия рек, однако, было еще далеко. Согласно гидрометеорологическим данным XIX века, Волга вскрывалась у Твери 13-го, у Рыбинска 18 апреля,

Москва-река у Москвы — 14-го, Ока у Калуги — 6-го, у Мурома 16 апреля по новому стилю. Нужно только, как я уже говорил однажды, учесть, что в XIII веке по всей Евразии началось резкое похолодание, а вскрытие рек в новое время ускорилось из-за поредевших лесов и множества других причин, вызванных человеческой деятельностью. Итак, маршрут на юго-восток отменяло близкое весеннее половодье, которого Субудай опасался, потому что преодолеть коннице столько речных пойм и рек в пору ледохода или широкого разлива — дело совершенно нереальное... По той же причине Субудай не мог пройти к Козельску от Рязани; город защищали не только крепости северян и бездорожные леса, но и поймы Оки, Осетра, Протвы, Истьи, Угры, Серены, Жиздры — весной они были бы для конницы непреодолимыми из-за сырых глубоких снегов.

Через день Субудай отметил, что тропа стала совсем не трудной. Наверно, еще в те времена, когда не родился Есукай, прадед Бату, и дед Темучина Бартань-бахадур, по ней ходили урусы на вьючных конях ловить пушного зверя, отбирать у лесных пчел их сладкий запас, требовать дань и поклоняться в храмах их непонятному богу, которому надо шептать слова и махать перед грудью той рукой, которую само небо предназначило для сабли. Этой же тропой пробирались в родные улусы беглые рабы, бродячие певцы, на ней дрожали за свои товары менялы, а их поджидали в самых темных местах урусские богатуры из разных улусов и долин. Субудаю же тут ничего не грозит, даже само солнце — вода скоро начнет стекать отсюда, как с хребтины степного коня, пережившего зиму.

Субудай шел холмами, на которых начинались главные реки западных стран. Совсем рядом, как бормочет урусский раб-певец, жили истоки и притоки великой Итили, поящей далекое внутреннее море; три раза по пять зим прошло с той поры, как Субудай последний раз видел его низкие берега и серые осенние волны. Эти же холмы рождают другую сильную реку, текущую в теплое и глубокое южное море; его Субудай то-

же видел. А посреди течения реки, по словам кипчаков, стоит уже полтысячи лет самая древняя и главная столица урусов, сияющая под солнцем золотыми шапками храмов, полных сокровищ. Если небу угодно будет выпустить отсюда Субудая живым, ему не позволят удалиться на покой, пока он не возьмет этого сказочного нетронутого города. И тут же начало третьей большой реки, бегущей туда, где на заходе солнца обитает богатый народ немисы, чьи купцы рассказали, что эта река струит сегодня через земли, уже завоеванные их рыцарями, к прохладному светлому морю, выбрасывающему на берег прозрачные желтые камни,— то море Субудаю уже не доведется посмотреть...

— И все-таки выбор Субудаем этого маршрута — пока только предположение?

— Под лесной подстилкой на этом водоразделе непременно должны лежать кости съеденных и павших степных коней, и специалисту не составит особого труда отличить их от местных. Есть и другие совершенно достоверные данные, подтверждающие путь Субудая. О них мы вспомним позже, когда подойдем по этому единственно возможному маршруту к местам, где такие данные — документальные и археологические — обнаружены. А пока двинемся далее... Смотрите, как разделяются здесь воды. На восток текут Осуга, Большая Коша, Малая Коша, Волга. На запад — Песочная, Жукопа, Межа, Береза, Лучеса, Обша, Днепр...

И когда Субудай вернется на голубой Керулен, то расскажет юным воинам про эту срединную тропу самое важное — у него за спиной остался нетронутый урусский улус с богатой столицей, слева от стремени медленно проплывали те два других, которые он только что повоевал, справа — еще два нетронутых улуса, а впереди — не то три, не то четыре, даже, быть может, пять, и если спокойно подумать, то каждый из них по отдельности, а значит, и все должны затрепетать при виде черной тучи быстроногих коней и кличе «ур-р-ра-гх!», рвущемся из молодых глоток...

Любознательный Читатель. Имеются в виду Новгородская земля, Рязанское, Владимиро-Суздальское,

Полоцкое, Смоленское, Переяславское, Киевское, Чернигово-Северское, Галицко-Волынское и Турово-Пинское княжества?

— Да, весь десяток... Пошли дальше? Туда, где всходило солнце, стекали с водораздела новые и новые реки, названия которых не обязательно было знать Субудаю. Молодой Туд, Вазуза, Касня, Гжать, Москва, Протва, Шаня, Истра, Воря. А на западе все ручьи и речушки собирал верхний Днепр и его левый приток Вязьма...

Приостановимся здесь на минутку. Поход был спешным и трудным. Коней гнали, пока они не начинали падать. Перед каждым привалом шла их выбраковка на мясо и распределение корма между самыми выносливыми. Должно быть, запас торжокского зерна давно кончился; Селигерский путь передовых отрядов до Игнача креста и обратно, потом по водоразделу до истоков Угры и Вязьмы — это несколько сот километров заснеженной, извилистой лесной тропы, захламленной и заболоченной, на которой никакого подножного корма не было.

— Чем же держались кони?

— Им вообще нечем было бы держаться при любом другом маршруте в степь.

Внук Темучина сын Джучи не отпускал от себя Субудая, и старый воитель вынужден был тащиться в середине каравана, обремененного добычей, юртами, капризным гаремом, слугами, охраной и раздраженными, с первых же слов срывающимися на ругань и визг братьями-чингизидами. На восходе солнца, когда Субудай уже подставлял костру спину, они еще крепко спали на подушках джурдже и тканях урусов, согретые юными светловолосыми рабынями. А Субудая подымали на рассвете крики больших черных птиц, что слетались сюда, наверное, со всей страны урусов. Они метались над лесами вокруг, истязали слух зловещими криками, смолкая лишь на те недолгие частицы вечности, когда на покой уходило в черноту само солнце. Эти отвратительные птицы оклевывали кости у черных кострищ, раздирали на мелкие части трупы умерших,

добыв прежде всего тусклые глаза. Они совсем перестали бояться людей. Ходили на рассвете меж тлеющих костров, прыгали по телам спящих воинов, а собака урусского певца каждое утро гоняла их по стану, пока все они не повисали тяжелыми черными гроздьями на утренних ветвях деревьев и в молчаливом нетерпении ждали, когда все живое и шевелящееся уйдет, оставив неживое и неподвижное.

Черные птицы летали над лесами так далеко впереди, что их не было слышно. Маленькие, как мухи над падалью, они совсем исчезали из виду там, где шли с проводниками и самыми сильными воинами Бурундай и Урянктай.

Идти было бы можно, если б не так болела спина, если б на пути попалась хоть одна урусская бань-я и не стал бы таким раздражительным внук Темучина сын Джучи. Разъярился две ночевки назад, когда увидел, что едущие впереди воины и рабы разбили главный стан не на открытом месте, а в окружении густого леса. Он приказал было перенести свою юрту, но Субудай предупредил, что до большого просвета в лесу идти полночи, вьючный караван ложится, а корма на этот раз оставлено мало, уже горят костры и освежеваны кони. До этого внук Темучина сын Джучи казнил за нерасторопность двух слуг-хитаев и урусскую наложницу, проклял Бурундая за то, что тот не оттаскивает от главной тропы, которой шел караван, павших коней, ноги, головы, кости и внутренности коней съеденных и даже трупы казненных и умерших рабов и воинов. Субудай нарядил вдогонку воина с запасом корма, на пути стало почище, но черных птиц будто прибавилось. А сегодня внук Темучина сын Джучи хотел послать Субудая вперед вместо Бурундая, потому что корма на стане почти не оказалось. Субудай обрадовался, приказал вьючить свою теплую юрту, но внук Темучина сын Джучи, когда уже наступила полная темнота, передумал отпускать от себя полководца. Субудай направил вперед караван вьючников, чтоб они подвезли корм, но будет ли он на следующей стоянке?

— Откуда же он мог взяться? И вообще — чем кормились в таком маршруте пятнадцать тысяч лошадей?

— На склонах водораздела стояли селения. Не знаю, многие ли из них просуществовали до наших дней и какие зародились позже, только сейчас по этому водораздельному траверсу стоят десятки сел. Во всяком случае, водораздел в нескольких местах пересекался контролируемыми волоками, и на них издревле стояли укрепленные селения. Все города ведь возникли из деревень, и многие нынешние деревни куда древнее городов. Специальные отряды Субудая при малейшей возможности отклонялись от основного маршрута и неожиданно, из темных лесов, нападали на одинокие хутора, выселки и деревни, забирая у жителей все, что могло идти на корм истощенным коням,— овес, ячмень, семенную рожь и пшеницу, муку, просо, мякину, лузгу. Этого все равно не хватало тысячам лошадей. Запасной табун, что торил дорогу вслед за Бурундаем, съедал торчащие над снегом будылья, обгрызал мох с высоких пней, кусты, голые ветви деревьев и зверел от голода. Его по частям подгоняли к редким встречным овинам соломы, стогам сена, крытым токам с остатками невымолоченного зерна, и животные вмиг уничтожали все, даже перебитую в пыль труху, долизываясь до земли. Еще в самом начале маршрута Субудай увидел впереди, там, где шел Бурундай, далекие дымы и срочно послал приказ этой бараньей голове, чтоб тот не жег селения, пока не пройдут запасные табуны и не съедят соломенных крыш...

И он оказался прав — когда стало невозможно выменять парчу на горсть овса у добычливого товарища, воины начали бросать тяжелую и рыхлую добычу, которую подбирали другие, сортируя кладь, но потом урусское добро все равно оказывалось на грязном снегу, не нужное никому, и перед ночлегами уже кое-где разжигали костры дорогими мехами.

— Ну, это уж слишком!

— Допускаю, что это могло быть, если такой талантливый грабитель, как Наполеон, согласно упорным слухам, пока никем не опровергнутым, при своем позорном бегстве из Москвы бросил даже бесценные сокровища, украденные в Кремле. Кстати, маршруты Субудая и Наполеона пересеклись как раз в этом месте, где мы приостановились...

22 Едем в Болдино. Дорога куда как плоха: изуродована тяжелыми грузовиками, заболочена кое-где, просвет над нею затягивается листвой, которая вот-вот сомкнется и образует сумеречный туннель. Это старая Смоленская дорога. Знаменитая дорога! По ней, горделиво красуясь в седле, наступал на Москву во главе своих полчищ Наполеон, изрекший незадолго до этого похода: «Через пять лет я буду господином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее». Он ни в грош, видно, уже не ставил героически сражавшуюся Испанию, Англию и Турцию, необъятные Индию и Китай, заокеанские САСШ, но через три месяца этот господин, бросивший по пути свое раздавленное войско, вновь оказался на старой Смоленской дороге, потеряв в России свою славу непобедимого и свое легендарное самообладание...

Наш скрипучий фургон западает то одним, то другим колесом, а то и двумя сразу в рытвины и водоемины, цепляет карданом и картером. На переднем сиденье, сразу же за шофером, чтоб не так трясло, едет глава нашей маленькой экспедиции, которого я знаю уже много лет, но каждая встреча и даже каждый телефонный разговор с ним обязательно открывают мне что-то новое, расширяющее мои представления о жизни, истории, архитектуре, о великих трудах и горьком бессилии человека, уже не имеющего ни здоровья, ни времени, чтоб завершить начатое. Он пригласил меня в эту поездку, пообещав интересное. Но пока молчит, сутулится над своей палкой, да и трудно разговаривать в этакой тряске, под шум двигателя. Поехал я охотно — мне хотелось побывать в той точке, где скрести-

лись, пусть и разделенные веками, пути Субудая и Наполеона.

Правда, в Вязьме он меня поразил на всю, как говорится, оставшуюся жизнь — не думаю, чтоб довелось еще раз увидеть что-либо подобное! Мы подъехали к большой старинной церкви, одетой почерневшими лесами.

— Одигитрия! — произнес он торжественно и многозначительно, как будто одного этого слова было достаточно, чтобы понять все без комментариев. — Пошли?

Ничего я не понял, и мы полезли наверх по хлипким лестницам и подмостям без перил. Он карабкался впереди, ощупывал попутно кирпичную кладку, на межмаршевых переходах пробовал шаткие доски ногою и отчаянно смело ступал на них.

— Вы, пожалуйста, уж поаккуратней там! — крикнул я, когда высота стала расти, подул ветер, а переходы, заляпанные раствором и усыпанные кирпичным боем, сузились. Он ничего не ответил, лез себе да лез, и я не мог успеть за ним, потому что после инфаркта на такую высоту поднимался только по эскалатору метро. Наш спутник, молодой московский архитектор-реставратор, Виктор Виноградов догнал меня и сказал, чтоб я не беспокоился.

— Почему?

— Любая высота ему нипочем — у него птичье сердце.

Виноградов ушел вверх, я пополз за ним, притираясь к изящно выложенным кокошникам, и только тут заметил, что вся кладка не совсем обычна — старинный кирпич массивен, гладок и перемежается в рядочках раствора с математической правильностью; всяческие уголки, переходы, сопряжения сделаны из темно-красных фигурных деталей той же первозданной крепости, а кой-где начали попадаться белокаменные прожилины. Наш старый вожак, не останавливаясь, что-то говорил, но слова отдувало ветром, и Виктор пояснял мне, что этот памятник — архитектурный уникум. В России не осталось памятников о трех каменных шатрах в ряд и на общих сводах, кроме, пожалуй, угличской Дивной. И основной кирпич особый — длина тридцать сантиметров, ширина шестнадцать, толщина восемь с половиной. Детали же кладки — шестнадцати

различных размеров и конфигураций! — прошли специальную формовку и обжиг, то есть вся эта игрушка без единого отеса. А тут еще — видите? — все перемежает мячковский белый камень. По изяществу и мастерству каменных работ Одигитрия превосходит даже Василия Блаженного...

— Ну, это уж слишком,— сказал я.

— Нет, нет, не слишком, старик-то знает!

И вот мы наконец на самом верху, близ огромных крестов и куполов, недавно заново обшитых листовой медью. Под нами весь город, над нами все небо. С колотящимся сердцем я уселся отдыхать на груду битого кирпича, а маленький сухонький старичок, первым сюда поднявшийся, дергал за рукав большого человека в спецовке то туда, то сюда, потом буквально сбежал по лестничным поперечинкам на марш ниже, к шатрам, и еще ниже, к барабанам, обнимал их и щупал, бросая тяжелые, безжалостные слова:

— Вы не понимаете, что творите! Вы варвар! Вы губите великий памятник! Ребра шатров неровны, кирпич стандартный, да еще весь в трещинах. А это что? Что это, я спрашиваю?

— Бетон,— слышится виноватый голос.

— А тут должен быть кирпич! Опять трещины... Вы понимаете, что влага заполнит их, порвет кладку, бетон ваш выветрится и рассыплется... Слушайте, здесь должен лежать тесаный белый камень, а вы опять замазали раствором! И почему не дождались спецкирпича? Ведь шестьдесят тысяч рублей за него перечислено! Журавины сделаны не так, ниши не по проекту, подлинные арки растесаны. А «гуськи» — разве это «гуськи»? Думаете, леса сбросите и снизу никто не увидит ваших безобразий? Это же второй Василий Блаженный!..

Он побежал вниз, и мы начали спускаться за ним. Спускаться всегда опасней, чем подниматься, и мы еще не миновали кокошников, а он, благополучно миновав, как я подсчитал, восемнадцать лестниц, уже шумел на земле. Той осенью ему шел восемьдесят шестой год, и глаза его, загубленные катарактами и отслоениями сетчатки, не видели, только кроны деревьев да очертания куполов, и то, если за ними стояло солнце...

Это был замечательный наш архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский, и мы по старой Смоленской дороге ехали в его родные места. Он совсем замкнулся после Вязьмы, не проронил ни слова и даже не перекусил с нами, отмахнулся.

— Одигитрию будем спасать, Петр Дмитриевич,— подсев к нему, сказал я.— В газету напишу, к начальству пойдем, приостановим работы.

— Спасибо. Я их уже приостановил, но поздно... А вы знаете, Наполеон запер в Одигитрии сто человек и приказал поджечь храм, но Платов подскочил, и казаки повытаскивали полузадохшихся людей... Ремонт — в начале-то девятнадцатого века — сделали хорошо, а мы в конце двадцатого не можем...

И снова замолчал до самого Болдина.

Не знаю, откуда взялось это географическое название, но встречал я его не раз и не два в разных местах, причем везде оно было освящено чем-то памятным. Еще в междоусобную войну 1146 года, когда киевский князь Изяслав Мстиславич пошел на Святослава Ольговича, то, согласно летописи, приостановился в каком-то Болдином лесу, где узнал о победе отца князя Игоря над смоленскими Давидовичами. В Чернигове высится Болдина гора, изрытая пещерами, с древним монастырем на ней и единственной на свете сохранившейся *одностолпной* Ильинской церковью XI века. И первый великий русский историк В. Н. Татищев доживал последние годы в своем подмосковном имении Болдине, где уже после его смерти во время пожара сгорело пять навсегда утерянных наукой летописей, в том числе драгоценные Раскольничья и Голицынская. Общеизвестно пушкинское Болдино, но название это на Нижегородскую землю перешло, кажется, по преемственности отсюда, из-под Дорогобужа, где была еще до Смутного времени вотчина рода Пушкиных, и дальних родственников поэта хоронили у стен местного Болдина монастыря.

Мы подъехали к монастырю уже затемно, ничего не увидели и расположились на ночлег в деревне Болдино, у здешнего лесничего.

Не спалось. Тарахтел где-то движок, собаки вокруг брехали, потому что неподалеку бил стекла тещиного

дома упившийся зятек. Петр Дмитриевич скрипел койкой и вздыхал в темноте.

— Не спите? — тихо спросил я.

— Нет. Не могу ни есть, ни спать, покуда всего не переживу и не перевспоминаю... Испортили памятник! Это не реставрация, а что-то обратное... Вы, кстати, рисковали сегодня.

— Не больше вас. Но я высоты не боюсь, с детства по кедрам лазил... Можно спросить?

— Да.

— Мне сказали, что у вас будто бы какое-то птичье сердце.

— Наговорят... Просто я налазил по лестницам и веревкам больше их всех, вместе взятых. Если все суммировать, может, десять Эверестов получится. Так что это у меня просто привычка. А сегодня мы все рисковали по другой причине. Одигитрия ведь готова в любой момент рухнуть.

— Как! —испугался я за памятник. — Почему?

— А может и еще много лет простоять... Ее три тяжелых каменных шатра давят на своды, а те распирают стены. Поверху же стены ослаблены внутренними полостями, в которых при постройке были заложены мощные дубовые связи. Они выгнили за два с половиной века, и надо срочно пропускать стальные тяжи... Это я впервые сделал здесь, в Болдине.

— Давно?

— Как сказать? Не слишком. Вскоре после революции. Железо привез из разобранной Китайгородской стены и укрепил им великолепный здешний памятник.

Он помолчал и добавил с горечью:

— Только все было напрасно.

— Почему?

— Вы вообще-то знаете, что такое Болдино и что оно такое для меня лично?

— Нет. Если не спится, расскажите.

— Понимаете, тут родник всей моей жизни и моего дела...

В портфеле, стоящем у лежанки, я нащупал клавишу диктофона и включил; еще в Москве я попросил у Петра Дмитриевича разрешения на этот счет, и он сказал, чтоб я писал, чего хочу,— секретов у него никогда никаких не было и он доживает жизнь без них.

Родился Барановский неподалеку от Болдина, в селе Шуйском. Отец его, безземельный крестьянин по положению, деревенский умелец по нужде и *талану*, слыл мастером на все руки — мог и срубы рубить, и дуги гнуть, и телеги да сани ладить, но главным занятием, к которому он сызмальства приучал сына, стало доброе и славное мельничное ремесло. Дмитрий Барановский умел и любил ставить на подпрудах смоленских речек эти древние простые устройства, от веку дающие народу хлеб насущный. И они красовались среди зеленых ракит, отделяя омутистые, черные и тихие воды от шумных, пенистых, белых, а еще бы красивее были, если б не грузная приземистость тех мельниц; утонить бы да поднять верха повыше, чтобы от этого все вокруг захорошело...

Не вышло, однако, по отцовской-то тропке пойти. Сын оказался жаден до книг и спрашивал про такое, о чем его ровесники, играющие под окнами в бабки, думать не думают, а отец хотя и думал, но ответить не мог. Однажды они проезжали село Рыбки, и сын впервые увидел деревянное строение, напоминающее огромную елку, вонзившуюся в небо. Работа была хорошая, старинной аккуратности, которую подновить приспела пора, и отец заметил, что сын тоже не сводит глаз с шатрового завершенья в зеленых мшинках; он глядел на него неотрывно, пока лес не загородил деревню...

Петру Барановскому было пятнадцать лет, когда отец привез его в Болдин монастырь на храмовой праздник Введения Богородицы. Тут стояла такая же шатровая Введенская церковь, но выложенная до креста в кирпиче. Церковь-то закрыли по ветхости еще в пору отцовой молодости, а праздник остался — съехалось с окрестностей много народу, у монастырской стены торговля шла всякой всячиной, гармоники заливались за прудом, карусели крутились, но сын, как завидел огромный пятикупольный собор, так и замер.

— Помню, меня поразило,— говорит Барановский,— что купола выше сосновых куп и отражаются в пруду вместе с облаками. Как в этой крохотной деревеньке люди подняли такие громады камня под небеса и придали им красоту?..

А через несколько лет по деревне прошел слух, будто сын Дмитрия Барановского подался в Москву, чтобы

научиться чертить планы и по ним строить каменные дома.

— Поехал я не с пустыми руками. У меня были зарисовки церкви в Рыбках и Введенской в Болдине. В те годы возбудился интерес к архитектурной старине, но считалось, что влияние национальной русской зодческой школы, характерной шатровыми верхами, не распространилось западнее Можайска, переместившись на север. Когда в Московском археологическом обществе, объединяющем любителей старины, показал я свои эскизы западных шатровых церквей, ученые мужи ахнули и написали мне сюда поручительную бумагу...

— В каком году это было, Петр Дмитриевич? Давно?

— Не очень, в 1911-м...

У него не хватило терпенья дождаться лета, и на святки он явился в Болдино с братом. Игумен изучил бумажку и разрешил войти во Введенскую церковь, которую никто не посещал тридцать лет. Она была пуста, только в углу стояла огромная старинная печь. На полу лежал снег, нанесенный через окна и сквозные трещины. Юноша подошел к печи, смахнул картузом пыль и вздрогнул — открылись ослепительные краски изразцов. Братья сколотили лестницы, собрали по деревне мотки вервья. Карнизы сыпались, разрушенные корнями трав, шатер пронзали забитые кирпичной трухой трещины. Две недели братья, коченея на ветру и морозе, обмеряли ветхий памятник и примыкающую к нему трапезную палату XVI века.

— Удивительное, знаете, неповторимое явление! Одностолпная, под сводами, с замечательным изразцовым декором и изразцовыми сверху донизу печами. Есть, конечно, Грановитая палата, но это столица, дворец, а тут монастырская трапезная в глухомани!.. И вот снова Москва. Заседание археологического общества. Развесил я чертежи, рисунки, эскизы с обмерами. Прочел устный небольшой доклад и представил первый в своей жизни проект реставрации. Через несколько дней получил приглашение снова явиться. Показывают решение и вручают премию в четыреста рублей пятирублевыми золотыми монетами. Для меня совсем нежданная и огромная сумма!

— На что же вы ее употребили?

— Положил в банк. Как ни трудно мне тогда было,

я до весны не разменял из нее ни одной пятирублевки. А весной купил фотографический аппарат с прикладом и поехал по России... Сначала сюда, в село Рыбки, где сфотографировал и обмерил деревянную шатровую церковь семнадцатого века. Потом вернулся в Вязьму, к Одигитрии, которая навсегда покорила меня, когда я встретился с ней на своем московском первопутке. Обмерял ее для практики — необыкновенно сложная и увлекательная была работа! Впрочем, вы сегодня, то есть, наверное, уж вчера, видели этот драгоценнейший памятник.

— Выходит, вы впервые поднялись на него шестьдесят пять лет назад?

— Выходит, так... А вам сейчас сколько?

— Скоро уже полсотни.

— Юноша,— засмеялся он в темноте и через паузу добавил задумчиво: — В вашем возрасте я был далеко отсюда. В Сибири.

— Где же? — полюбопытствовал я, потому что о Сибири мне всегда все интересно.

— Есть такой городок Мариинск...

— Удивительное совпадение! — вырвалось у меня.

— Именно?

— Да я же родился в Мариинске!.. А вы что там делали? — совсем глупо и бестактно спросил я, но было поздно.

— Библиотеку построил в классическом стиле,— произнес он.— С деревянными колоннами. Верстах в трех от станции. Помните?.. Моя вынужденная экскурсия туда была связана с Василием Блаженным, но это уже совсем другие воспоминания, оставим их...

А я лежал и вспоминал то, о чем вспоминать не хотелось. Мария Юрьевна Барановская еще в бытность свою рассказывала мне, как в середине 30-х годов Петру Дмитриевичу поручили обмерить Василия Блаженного.

— Зачем? — спросил он.

— Памятник назначен к сносу.

Барановский сказал что-то очень резкое, покинул собеседника, и вскоре Мария Юрьевна принесла ему первую передачу.

— Начали? — спросил он жену.— Рушат?

— Нет.

— Тогда я буду есть...

Чтобы прогнать от себя эти воспоминания, спрашиваю:

— Петр Дмитриевич, а как вы, между прочим, тогда, до революции, сумели поступить в институт?

— Между прочим, сначала закончил Московское строительно-техническое училище, работал, потом уж был археологический институт...

Но это *прочее* было для него ничем не заменимой академией. За эти годы он всласть полазил по стенам, шатрам и куполам с рулеткой, от души пошлепал мастерком. В Москве, Туле и Ашхабаде работал помощником у архитекторов и подрядчиков, строил военные объекты на германском фронте. В Старице Тверской губернии провел полное исследование Борисоглебского собора, памятника XVI—XVII веков, представил проект и модель его реконструкции. Изучил образцы народного деревянного зодчества XVII—XVIII веков в районах Минска, Слуцка, Пинска и Ровно, частично обмерил Китайгородскую стену — сразу-то после революции ее было решено отреставрировать и сохранить как памятник истории и городской фортификации... А в 1918 году Петр Барановский узнал, что во время эсеровского мятежа от артобстрела сильно пострадало особое национальное достояние нашего народа — замечательные памятники русской архитектуры. Через проломы в куполах, сводах и кровлях осенние дожди да мокрые снега могли смыть бесценные фрески. Он обратился в Наркомпрос.

— Это было удивительное, тяжкое и святое время. Трудно даже сейчас себе представить!.. Мятежи, оккупация, интервенция, голод — кровь льется, люди мрут. И остался, как в тринадцатом веке, лишь островок родной земли, не занятой врагом!

Голос у него сорвался. В темноте я перевернул кассету.

— Что нужнее — отремонтировать паровоз или древний храм? И вот, по свидетельству Бонч-Бруевича, Ленин лично распорядился немедленно взяться за спасение памятников Ярославля... Меня назначили руководителем работ. Мне прежде всего нужен был брезент, чтобы срочно защитить самое драгоценное, но брезент был тогда тоже драгоценностью — ни на одном складе

его не находилось. Наркомпрос обратился в военвед, и я тут же получил двенадцать огромных кусков брезента. До смерти запомню тот день — 25 августа 1918 года, когда я выехал в Ярославль — во мне все пело... Вы еще не спите?

— Продолжайте, пожалуйста...

— Ну, прикрыл я фрески под проломами, все прикрыл! В жизни бывают, однако, поразительные, необъяснимые совпадения, и сейчас я вам расскажу совершенно дикую историю... Ровно через пятьдесят лет, в 1968 году, именно Ярославль стал свидетелем варварского деяния. Наши же реставраторы загубили замечательные фрески храма Иоанна Предтечи в Толчкове — не смогли, видите ли, вовремя починить кровлю! Преступников, правда, посадили на скамью подсудимых, но это, строго говоря, паллиатив — русская и общечеловеческая культура навечно лишилась неповторимых сокровищ средневековой живописи...

Барановский прерывисто вздохнул, и я сказал:

— Может, пора вам отдыхать, Петр Дмитриевич?

— Я мало сплю. И, кстати, тихо, как мышь... А вам интересно? Мне хочется снова вернуть вас сюда, в Болдино! Нет, нет, это вы меня извините, я давно так много не говорил... Сейчас заканчиваю.

В Ярославле к 1927 году было восстановлено около двадцати памятников. Барановский же снова и снова бывал здесь. Обмерил Троицкий собор, колокольню, еще раз с превеликим удовольствием трапезную, составил проект реставрации всего комплекса, защитил на этой основе диссертацию и немедленно начал работы... Начал...

Он замолчал, и я выключил диктофон.

Утром, за чаем, будто не было никакого перерыва, он заговорил:

— Сразу же привез из Москвы дефицитнейший тогда металл. Взял в бетон, завел в ниши Введенской церкви, скрепил. Параллельно с каменными, плиточными и лепными работами затеял тут музей — русская народная скульптура, резьба по дереву, керамика, старинное оружие, археологические находки. Здешние окрестности, с точки зрения археологии — золотое дно! В верховьях Днепра множество городищ, и недаром скандинавские

саги говорят о нашей прародине как о Гардарике — стране городов.

— В этих местах скрещивались две главные дороги глубокой древности — с севера на юг и с запада на восток,— добавил я.— Не только в древности. В средневековье степная орда прошла, и, наверное, можно найти ее следы! В новое время французы на Москву и обратно.

— А между ними поляки, литовцы, шведы... В 1500 году великий московский князь Иван III на реке Ведроше, что впадает в Осьму почти рядом с монастырем, разбил польско-литовские войска и взял все эти древнейшие русские земли под Москву и православие...

Да, свершилось тогда огромное историческое событие! С русской и литовской сторон в сражении участвовало по сорок тысяч воинов. Перед Ведрошей передовые русские отряды вступили в бой и тут же отошли на восточный берег реки, а переправившихся литовцев встретили главные силы. Сеча завязалась жестокая и длительная. Но вот командовавший русскими войсками князь Даниил Щень послал в бой свежий засадный полк, который и решил исход сражения. Русские захватили всю артиллерию противника, много пленных, включая самого главу похода. В результате этой блестящей победы к Москве отошла исконно русская Северская земля — с Черниговом, Новгород-Северским, Путивлем...

— А несколько позже инок Герасим, прозванный Болдинским, основал здесь скит, впоследствии монастырь... И удивительные находки, знаете, случаются в истории! В 1923 году в шведских архивах были найдены — чтобы бы вы думали?—приходно-расходные книги Болдина монастыря! Это исключительно интересная и важная находка, потому что подтвердила, хотя и косвенно, мои догадки об архитекторе.

— Кто же он?

— Федор Савельевич Конь.

— Неужто?

— Да, тот самый единственный русский зодчий, который торжественно именовался как «государев мастер палатных, церковных и городовых дел». Родился он тут же, под Дорогобужем, а сын его был казначеем этого монастыря. Федор Конь, как вы знаете, построил два

великих сооружения — смоленский кремль и Белый город в Москве, а тут он появился около 1575 года. Его ссора с придворным Ивана Грозного немцем Генрихом Штаденом закончилась дракой. Мастер скрылся в этот монастырь и начал обстраивать его. Вознесся над лесом собор с громадной центральной главой и четырьмя поменьше, явилась чудо-трапезная, о которой мы уже говорили, колокольня в шестерик с огромными арочными проемами и шлемовидным завершением. Характер кладки, стилевые приемы, зодческий почерк в сочетании с документами и биографическими данными Федора Коня убедили меня в том, что именно он, этот великий русский зодчий, создал на своей родине еще один бессмертный памятник мастерства, искусства и духа, который еще при его жизни считался лучшим архитектурным комплексом Московского государства... Белый город Федора Коня безвозвратно исчез, поэтому так важно было сохранить Болдинский монастырь! К концу двадцатых годов основные реставрационные работы закончились... А теперь пойдемте смотреть. Где моя неразлучная подруга? Куда я ее дел?

Палка нашлась, и мы вышли на улицу. Жадно оглядев окрестности, я ничего не увидел — ни куполов, ни каменного шатра, ни колокольни... Но вот за прудом показалась низкая серо-белая стена и внутри ее что-то неопределенное и бесформенное — какое-то приземистое, свежего кирпича строение, деревянные навесики, груды старого камня, и в центре всего возвышалась гора, поросшая зеленой травой.

— Хорошо видите? — спросил Петр Дмитриевич, приостановившись на плотине.

— Да,— поперхнулся я.

— *Они* взорвали тут все!— крикнул он, и руки его, сжавшие набалдашник палки, побелели в суставах.

— Зачем?—растерянно спросил я, хотя хорошо знал, *зачем* фашисты планомерно и целенаправленно уничтожали памятники старины; затем, чтобы уничтожить этот предмет нашей национальной гордости, лишить нас исторической памяти, унизить презрением, запугать чудовищной аморальностью и даже обеднить в какой-то мере материально, потому что хорошо знали — мы все это будем когда-нибудь восстанавливать!

В тот болдинский день я узнал, что варварское унич-

тожение собора Федора Коня в 1943 году было также актом бессильной злобы и мстительности — в бывшем монастыре располагался штаб партизанских соединений этого района Смоленщины. В крохотном музейчике, еще с двадцатых годов хранящем несколько экспонатов, некогда собранных П. Д. Барановским, лежат на полках партизанские пулеметы, гранаты, висят портреты патриотов-партизан. Краткий отчет о действиях одного из соединений, которым командовал Герой Советского Союза Сергей Гришин: взорвано около ста мостов, пущено под откос 295 паровозов и 8 486 вагонов с грузами, уничтожено более двадцати тысяч гитлеровцев...

Окруженные в монастыре партизаны сражались до последнего патрона. Оставшихся в живых согнали к стене Троицкого собора и расстреляли из пулеметов. На этом месте стоит сейчас скромный обелиск, но если думать о священной Вечной памяти, то должно восстать из праха все окружающее его!

Петр Дмитриевич, хватаясь руками за будылья, карабкается на гору камня и ждет, когда поднимутся остальные. Смотрит невидящими глазами вокруг, но у меня такое ощущение, что видит он все лучше других. Так оно и было, потому что никто из нас не видел архитектурного ансамбля Болдина целым, не входил в собор, не поднимался на колокольню.

— Старая Смоленская дорога — вот она, вдоль стены тянется,— показывает он рукой.— Стена имела четыре угловые башни... А там, у главных ворот, смоленские студенты выложили часть стены. Хорошая работа! Ну а мы общими усилиями трапезную возвели заново по моим ранним обмерам. Очередь колокольни. Первый ярус, как видите, готов... Видите блоки под навесами? Они добыты из такой же горы развалин, пронумерованы, и каждый уже знает свое место. Будем поднимать эти куски старой кладки и вклеивать... Собор был взорван умелыми разрушителями, однако огромные куски стен упали целехонькими — Федор Конь делал раствор доброго замеса! Все фрагменты поставим на место...

Это был новый метод реставрации, разработанный Барановским. Пойдут в дело вот эти кокошники, карни-

зы, детали окон — только когда? Работы на колокольне идут слишком медленно, руины собора даже не разобраны, а дожди, снега и травы вот уже три десятилетия с гаком делают свое недоброе дело, которому, к сожалению, помогало и окрестное население, устилавшее болдинским кирпичом дорожки в личных дворах да полы скотных дворов...

Вдруг я вздрогнул, увидев на краю гигантского каменного развала щемяще знакомое. Побежал вниз. Да, сомнений нет — сибирский кедр! Густотой своей меланхолической кроны выделяется из всего здесь растущего. Лет двести ему, красавцу, не меньше,— француза, значит, еще помнит. И устоял при взрыве, хотя рос под самой стеной собора. Молодец!.. Когда я вернулся, Петр Дмитриевич спросил:

— Кедр смотрели?

— Да... Устоял!

— Мне Мария Юрьевна читала о кедрах из вашей книги. И правда, хорошо бы эти леса поберечь, но с моей точки зрения есть дела поважней.

— Это было тоже нужное и нелегкое дело.

— Любой ботанический реликт можно вырастить, если есть хоть одно семечко, леса поднимутся сами, если оставить их в покое,— возразил он,— а вот рукотворная природа, памятники нашей истории и культуры часто исчезают навсегда...

Потом мы осматривали трапезную, будто выросшую из земли,— так она фундаментальна и естественна, так изящно-просты ее контуры, так гармоничны внутренние плоскости, закругленья и линии, необъяснимой своей красотой и соразмерностью передающие дух старины. В избушке реставраторов Петр Дмитриевич бережно опорожнил свой пухлый портфель, и мы долго рассматривали рисунки, эскизы и чертежи, густо усыпанные стрелочками с цифрами; сотни, тысячи, многие тысячи размеров в различных масштабах, разрезах, планах и профилях — генеральная схема будущего ваяния в камне...

На восток от Болдина вздымались леса — там явно шел к югу водораздел. Назавтра я поднялся туда, чтоб ступить ногой на тропу Субудая. Другого пути на До-

рогобуж у него не было, кроме этой возвышенности над левобережьем Днепра...

Мне хотелось попутно побывать еще в двух местах Дорогобужского района — на Семлевском озере и в Алексине. Семлевское озеро, быть может, хранит на своем дне давнюю тайну. Наполеон, будучи политическим авантюристом, не пренебрегал, как известно, и древнейшим способом обогащения — военным грабежом. В сожженной Москве он опустошил Кремль и богатые особняки, нагрузил драгоценностями большой обоз, но на старой Смоленской дороге понял, что казаки вот-вот отобьют уворованное. Перед Дорогобужем обоз таинственно исчез, а описанные в дворцовых, церковных и дворянских домовых книгах бриллианты, золотые и серебряные изделия не объявились ни в Париже, ни в Москве, нигде более. Местные предания, не имеющие вариантов, твердили одно — клад был утоплен в Семлевском озере. Научные анализы его воды показывают, что она отличается от вод всех озер, расположенных вдоль пути наполеоновской армии, бóльшим содержанием золота. Водолазы и аквалангисты давно щупают приборами дно Семлевского озера, подтверждают — что-то есть! Однако глубокие воды и многометровый слой ила пока не пускают любителей к сокровищам, если они действительно там лежат.

Алексино же — замечательная усадьба XVIII века с прекрасным дворцом и парком. Здесь в 1858 году у своего богатого родственника Барышникова жил после сибирской каторги и ссылки декабрист Николай Басаргин вместе с женой Ольгой Ивановной, сестрой Д. И. Менделеева, и воспитанницей Поленькой Мозгалевской, вскоре вышедшей замуж за Павла Менделеева, старшего брата великого русского ученого. Очень хотелось побывать в Алексине, чтоб вообразить атмосферу того времени да оживить *память*...

— Петр Дмитрич, вы бывали в Алексине? — спрашиваю я.

— Как же! Много раз... Замечательный памятник архитектуры! Я его застал в сравнительно хорошем состоянии. В парке еще последний павлин бродил... Однако все приходило в запустенье, и мы, два чудака на весь уезд, мало что могли сделать...

— А кто второй?

— Пришвин.

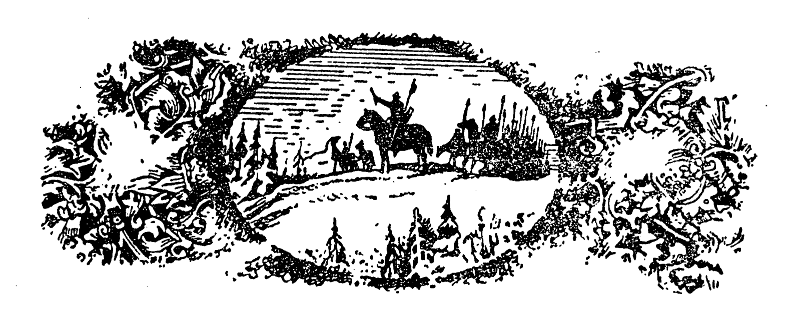
— Какой Пришвин?

— Михаил Михайлович.

— Вы были знакомы! — вскрикнул я.— А что он тут делал?

— Жил и работал. Я пытался создать в Болдине музей народной деревянной скульптуры, а он был хранителем музея усадебного быта в Алексине. В имении сохранялась прекрасная библиотека, старинная мебель и посуда, роспись, лепка, драпировка... Пришвин в те годы не печатался, но что-то писал, я знаю...

Удивительные все же совпадения случаются в жизни! Ровно через два года после той нашей поездки в журнале «Север» было впервые опубликовано замечательное эссе М. М. Пришвина «Мирская чаша», где он пишет об Алексине, о музее и его судьбе, о собственных печальных страстях, выраженных через героя своего Алпатова, о грязевых и снежных хлябях, окружавших Алексино в те далекие уже годы... «И в таких-то снегах, по такой-то дороге, собрав возле себя целый обоз, едет из города человек иной жизни... Он едет спасти несколько книг и картин, больше ему ничего не нужно, и за это дело он готов зябнуть, голодать и даже вовсе погибнуть, есть такой на Руси человек, влюбленный в ту сторону прошлого, где открыты ворота для будущего...»

23 Дорогобуж. С высоченного мыса над Днепром он как на ладони — средневековый русский город, в котором от средневековья не сохранилось ничего решительно, кроме преданий о нашествии орды. Субудай, бесспорно,

взял и сжег его весной 1238 года — это был первый город на прямом пути орды от самого Селигера. Миновать Дорогобуж Субудай никак не мог — степная конница, существовавшая попутным грабежом, нуждалась в продовольствии и фураже, и еще перед началом исхода в степь, по свидетельству Рашид-ад-Дина, в ставке Батыя было решено «...всякий город, крепость и область, которые встретятся на пути, брать и разорять». *Дорогобуж лежал не только на основном пути орды в степь, но и на пути к Смоленску.*

Правда, исторических известий о сожжении Дорогобужа не сохранилось, как нет ничего в летописях и о подступе орды или одного из ее отрядов к Смоленску ранней весной 1238 года. И тем не менее существуют косвенные свидетельства этих событий, которые в сочетании друг с другом восстанавливают историческую истину. Первое из них — «Сказание о Меркурии Смоленском». Орда подошла к Долгомостью, что стояло в тридцати верстах восточнее Смоленска на излучине Днепра, где был, очевидно, большой мост, и встретила героическое сопротивление смолян. Юноша Меркурий, свершив ратный подвиг, погиб... Легенда, фольклор? Подвиг Меркурия имеет неоспоримое подтверждение — юноша был канонизирован, день и год его смерти, как и любого другого святого, внесен в церковный календарь. Замечу, что год смерти указан верно — 1238, но день 24 ноября явно ошибочно, на что еще в прошлом веке обратил внимание известный историк церкви, профессор Московской духовной академии Голубинский: «По легенде о св. Меркурии Смоленском татары проходили мимо Смоленска во второй половине ноября; но необходимо думать, что это было гораздо раньше — около половины апреля». Голубинский тоже ошибся — после взятия Торжка 5 марта 1238 года передовой отряд орды, необходимо думать, оказался в районе Смоленска примерно около середины этого месяца...

Отметим два важных обстоятельства, подтверждающих нашу концепцию исхода орды из Руси весной 1238 года. Первое — в середине марта даже на триста пятьдесят километров южнее Новгорода никакой непреодолимой распутицы или половодья еще не было, если конница прошла через долину Днепра и сам Днепр к Дорогобужу, стоявшему на правом берегу ре-

ки, прорвалась на сто километров западнее, в окрестности Смоленска, и вернулась назад к основному маршруту. Этот рейд был возможен только по *твердому льду и торному зимнику,* потому что по сторонам от местных зимних дорог, как писал в «Мирской чаше» М. М. Пришвин, лежали такие глубокие снега, что «в них можно было засадить лошадей по уши». Второе — у Субудая недоставало сил для штурма Смоленска, и он вынужден был оставить его, как и Новгород, «нетронутым».

Однако это был не последний русский город на пути Субудая. От Дорогобужа он пошел точно на юг. Скорей, скорей в степь! Снега начинали подтаивать, а кони вязнуть...

Любознательный Читатель. Но как доказать, что Субудай выбрал здесь именно южное направление?

— Он не мог спуститься в обширный низинный речной бассейн на востоке, изрезанный во всех направлениях десятками долин, заполненных тающими снегами,— весна постепенно вступала в свои права... Субудай уже не первый день шел по восточной окраине Смоленского княжества.

— И на этом маршруте он не встретил никакого сопротивления?

— Были, наверное, мелкие отчаянные сражения, в которых полностью уничтожались встречные селения и люди, но стойко и последовательно сопротивлялась природа, чуждая степнякам,— выматывающий силы пересеченный рельеф, вязкий снег, непрочищенные леса, затяжное бестравье. Мучили открывшиеся старые раны и незаживающие свежие, заедала вошь, забивал кашель, ослабляла усталость, недосыпание, жар и головные боли. Дохли кони. В летописях есть аналоги. В 1154 году, скажем, «поиде Юрий с ростовцы и суздальцы» и «со всеми детьми в Русь», но этот первый большой поход Юрия Долгорукого на южнорусские княжества прервался не только из-за бездорожья, но и потому, что «бысть в людех и конех мор велик во всех воех его, яко никогда ж тако бысть»... Юрий Долгорукий вернулся, а у Субудая, эпидемию и эпизоотию в отряде которого никак нельзя исключать, был единственный путь — вперед к степи, хотя здесь он вынужден был несколько уклониться от главного направления. В окский бассейн отсюда начинают свой бег Лосьма,

Волоста, Гордота и *Угра,* в днепровский — Осьма, Костря, Ужа, *Десна*...

— Почему подчеркиваются Угра с Десной?

— Водораздел между истоками этих двух рек — одна из важнейших поворотных точек нашего путешествия. Субудай с угро-деснянского водораздельного холма круто, под острым углом изменил маршрут — двинулся на восток, обходя деснянские притоки. В верховьях Болвы он взял, разграбил и сжег пограничный город Обловь и начал углубляться в пределы Черниговского княжества.

— Минуточку! Есть ли полная уверенность, что такой город Обловь, если он существовал, был уничтожен ордой в марте 1238 года?

— Обловь, Бловь или Блевь, впервые упоминаемый в летописи за 1147 год, был важнейшим сторожевым пунктом черниговцев в верховьях Болвы, на деснянско-окском водоразделе и у самой границы со смолянами. О том, что он представлял собою именно крепость, говорит сообщение Ипатьевской летописи 1159 года, когда в зимнем походе из Гомия (Гомеля) на северо-восточные владения соседей Изяславу Давыдовичу смоленскому пришлось брать Обловь «на щит». Эта крепость наверняка была восстановлена из-за ее важного стратегического положения и общей тенденции политического, экономического и военного развития тогдашней Чернигово-Северской земли—города там росли, как грибы. Правда, раскопок, которые бы засвидетельствовали гибель Обловя в 1238 году, не велось, но есть результаты других очень обширных и квалифицированных археологических работ, подтверждающие важные для нас даты и события. Вспомним замечательное открытие академика Б. А. Рыбакова, имеющее непосредственное отношение к маршруту Субудая и вообще к нашей теме...

В пятидесяти километрах северо-западнее Брянска на деснянском мысу ученый раскопал приметный холм. Здесь в XII—XIII веках стоял город Вщиж, уничтоженный ордой. С напольной стороны он защищался валом и рвом шириной восемнадцать метров, имел стены с башнями и детинец. В самом раннем слое археоло-

ги обнаружили огромное языческое капище-молельню, а над ним и вокруг затаились в земле, золе и древесном угле бесчисленные свидетельства жизни и смерти небольшого удельного города Черниговской земли — замки, ключи, зеркала, браслеты, пряжки, целехонький золотой перстень, черепки примерно с двумястами различными гончарными клеймами и тому подобные бытовые предметы, красноречиво рассказавшие ученым о быте и образе жизни русских перед приходом степных грабителей.

Традиционно считается, что наши средневековые предки жили в грязи полуземлянок, топили по-черному, жгли лучины. А Б. А. Рыбаков обнаружил печи с дымоходами — развалы высоких труб лежали полосами до семи метров. Меня-то больше всего удивили именно эти печи с дымоходами, потому что с раннего детства по рассказам матери знал, что в нашей ныне исчезнувшей деревне под Пронском, откуда вся родова Чивилихиных и Морозовых, совсем недавно, точнее, еще в начале XX века избы топились по-черному. Во время моих последних наездов в Чернигов, когда она уже не подымалась с постели, мы говорили с ней целыми днями о всяком, в том числе и о прошлом, которое она почему-то охотно вспоминала.

— Изба по-черному — как это? Трубы над крышей совсем не было, что ли?

— Не было, сынок.

— Куда же дым выходил?

— В окна и дверь.

— И зимой? Значит, изба тут же выстужалась?

— Нет, тепло держалось до другой топки. Печь-то горячая... А дети на полатях спали...

— Но ведь сажа садилась на стены и потолок!

— Знамо, садилась.

— И в доме стояла вечная грязь?

— Нет. Подметали, мыли... Грязнее было, когда теленка брали в избу с мороза, однако и за ним убирали.

— И лучину жгли?

— А как же? Пряли при лучине, шили. Лучину зажигали от лучины, потому что спички берегли, даже расщепляли пополам.

— Но почему лучина? Ведь уже столько лет вырабатывался керосин!

— Карасину, сынок, не было у нас.

— А вы что — не могли догадаться выложить трубу, чтоб дым вытягивало? Почему топили по-черному?

— От нехваток, сынок... Дров не было. Стоял лесок недалеко барский, где мою маму, твою бабку, высекли за вязанку хвороста и деревянную чушку к ноге ремнями привязывали. А мы уж туда и не ходили.

— Кизяком, значит, топили?

— Нет, весь навоз шел на нашу делянку, а мы жгли солому...

Нет, не от дикости или глупости топил рязанский мужик свои избы по-черному, не от лености хлебал квасную тюрю, не от жадности бабы слепли у лучин, варили лебеду и подмешивали в хлеб древесную кору,— от безысходной бедности да безземелья.

Вспоминаю, кстати, один недавний разговор со знатоком нашей старины, московским историком Олегом Михайловичем Раповым.

— А чем объяснить,— спросил он,— что на русском Севере, где лесу было хоть отбавляй, крестьяне, жившие в больших просторных домах, тоже топили по-черному?

— Не знаю,— честно ответил я.

— И хозяйки там тщательно скребли и мыли полы и стены... Вроде бы бесполезная работа? Нет, топка по-черному была древним, простым, единственно доступным и эффективным средством против эпидемий. Наши предки, естественно, ничего не знали о вирусах гриппа, дезинтерийной или чумной палочке и микробах, но инстинктивно, опытом нашли метод дезинфекции, что вместе с вымораживанием изб в трескучие морозы создавало более гигиеничную атмосферу в жилищах.

Добавлю, что с очень далеких времен известны попытки приписывать моему народу в целом образ жизни и свойства, унижающие его национальное достоинство. Еще чуток отвлекусь от раскопок Вщижа и маршрута Субудая ради этой темы...

Недавно мне довелось прочесть работу одного молодого московского ученого о философии средневековой Руси. Интересные и свежие есть там положения и мысли, но на вводных страницах приводятся без ком-

ментария летописные, не раз спекулятивно цитировавшиеся строки о первобытной дикости лесостепных и лесных восточнославянских племен: «А древляне живяху звериньскимъ образомъ, живущие скотьски: убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И Радимичи, и Вятичи, и Северъ одинъ обычай имяху: живяху въ лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто...» И у современного неподготовленного читателя может сложиться представление, что у этаких звероподобных существ не только не могло быть никакого любомудрия, философских воззрений, ни поневоле возникает отталкивающее, брезгливое чувство к людям, среди которых все мы, ныне живущие русские, украинцы и белорусы, имеем своих прямых предков. Но если северяне, например, были дикарями, то мог ли на их земле появиться знаменитый турий рог из Черной Могилы с его изумительной серебряной отделкой, вознестись такой шедевр зодчества, как Параскева Пятница, родиться «Слово о полку Игореве», гениальное художественно-публицистическое творение, аналогов которому — по эпической мощи, глубочайшему историзму и патриотизму, национальному духу, выразительности слога, сгустку чувств и бесконечной многооттеночности содержания, переданного с предельной краткостью,— не было и нет в мировой литературе!

Пресловутая летописная фраза, написанная подцензурным полянином, призвана была подчеркнуть политическое и нравственное превосходство великокняжеской метрополии. Археологические раскопки городищ и курганов, сохранившиеся произведения литературы и фольклора, проповеди, законоположения, летописи предоставляют огромный, почти необъятный материал для воссоздания подлинной картины образа жизни, обычаев и народного быта Руси, в том числе и тех времен, когда наши предки жили племенными объединениями. Что касается, скажем, еды, то вятичи, древляне, радимичи, северяне и все другие прарусские народности, как свидетельствует объективная наука, ели примерно то же, что мы с вами едим сейчас — мясо, птицу и рыбу, овощи, фрукты и ягоды, яйца, творог и кашу, сдабривая блюда маслом, анисом, укропом, уксусом и заедая хле-

бом в виде ковриг, калачей, караваев, пирогов. Чая и водки не знали, но умели делать хмельной мед, пиво и квас. Хрустальные фужеры и рюмки им с успехом заменяли кубки, турьи рога и чары. Чтобы хоть в какой-то мере представить себе разнообразие средневековой удороби, то есть хозяйственной и кухонной посуды — металлической, деревянной, глиняной, берестяной и плетеной,— я приведу по алфавиту ее далеко не полный перечень: блюдо, бочка, братина, ведро, викия (сосуд для вина), голважа (мера соли), горшок, гърнъ (глиняный сосуд), дежа, дельва (род бочки), кадь, ковкаль (деревянная чаша), ковш, корьць (деревянный ковш), корыто, котьлъ (котел), кошь (плетеная посуда), кринка, кръчава, куб (большой чан), къбьль (мерный сосуд), латка, ложка, лукно (мерная плетеная емкость), медяница (металлический сосуд), миса, нощва (неглубокое корытце), оковъ (большая мера объема в обручах), плоскы (плошка), почьрпальник, сковорода, скудьль (глиняный сосуд), солило, судъ (судок?), уборъ (мера пшена), уполовникъ, цебръ (мера зерна или деревянное ведро в железных обручах), чара, чаша, чашка, черпало, чьбанъ (жбан)... Существовала специальная церковная посуда — потиры или, скажем, крины, то есть сосуды для елея и мира, и было еще у наших предков немало обиходных емкостей, таких, например, как «гротъ» или «укъня», которые мы знаем лишь по названиям, но не по назначению...

Да о каком «зверином» образе жизни наших средневековых предков может идти речь, если Б. А. Рыбаков, раскапывая лесной город северян Вщиж, по фундаменту и слоям насыпных потолков восстановил облик огромного двухэтажного дома, над которым красовался терем, обитый листовой медью! В доме были печи с дымоходами, рукомойники, бронзовые светильники, а в городке этом жили грамотные люди, о чем поведал кабаний клык с надписью: «Господи помози рабу твоему Фоме». В детинце Вщижа обнаружились мощные опоры многоугольной боевой вежи, найдены мечи, топоры, коловратные самострелы, арбалеты с шестеренчатым натяжным механизмом и даже уникальная «личина» — кованая железная маска, украшенная серебром и золотом.

За несколько лет до нашествия орды Вщиж постра-

дал от пожара во время междоусобицы, зафиксированной летописью, а над тонким черным прослоем лежал последний толстый трагический пласт — прах окончательно погибшего города с предметами тридцатых годов XIII века.

И вот историческая загадка — когда именно он погиб? Ученый предположил, что это произошло в 1238 году. В таком случае гибель Вщижа — еще одно доказательство нашей с читателем концепции о причинах спасения Новгорода. Если 5 марта 1238 года основные силы орды были у Торжка, примерно 10 марта ее авангардный отряд — у Игнача креста, 15—17-го — у Дорогобужа, то раньше 20 марта степняки никак не могли оказаться у Вщижа. Но чтобы попасть к нему, один из отрядов Субудая должен был идти с восточного — главного здешнего водораздела и преодолеть широкие речные заснеженные поймы Болвы и Десны либо спуститься прямо на юг от Обловя, а потом через эти же долины да жиздринские верховья пробираться на восток. *Таким образом, примерно в конце марта 1238 года даже на несколько сот километров южнее Новгорода никакого половодья еще не было.* Добавлю, что после журнальной публикации «Памяти» я получил множество писем читателей,[R] в том числе и таких, где подтверждались мои соображения о причинах поворота орды Бату-Субудая от Новгорода. Бывший фронтовик Л. Б. Кругляшов из Свердловска пишет, например: «Авторитетно подтверждаю, что 25 *марта* 1942 года лично участвовал *на лыжах* в разведке, причем ходили мы под Рудню, что между Смоленском и Витебском, то есть значительно южнее тех мест, где степная конница двигалась к Новгороду. А числа 5—7 апреля началось бурное таяние снега и лыжи стали уже непригодны. Распутица в тех местах, вспоминаю, была такая, что ни прямыми, ни окольными путями невозможно было проехать даже на лошадях. Недаром в ту весну на многих участках нашего фронта, например, в полосе 3 и 4-й ударных дивизий 22-й армии снабжение передовой боеприпасами осуществлялось «по цепочке», из рук в руки, иногда за 20—30 километров»...

В конце одной из своих публикаций о раскопках Б. А. Рыбаков снабдил дату «1238 год» осторожным

вопросительным знаком, допуская, очевидно, что город мог быть уничтожен и во время второго западного похода орды при движении ее на север сквозь горящую Черниговскую землю осенью 1239 года. Нет, Вщиж погиб все-таки на полтора года раньше! Наука точно установила, что такие города Черниговской земли, как Любеч и Брянск, вообще не подверглись нашествию. А к Вщижу можно было пройти с юга лишь через Брянск! В этот уцелевший город, кстати, перешел позже княжить Роман Михайлович, сын Михаила черниговского, потому что древняя богатая столица северян была полностью разрушена и, как установил академик Б. А. Рыбаков, вошла в прежнюю городскую черту только в XVIII веке. И в 1239 году орда не пошла на север, в леса, разорив лишь лесостепные города — она спешила на дальний запад.

Любознательный Читатель. Но почему орде, уничтожившей в конце марта 1238 года Вщиж, не подойти бы к Брянску с севера? До него ведь оставалось один-два конных перехода...

— Знаменитая «облава» в этом месте дала осечку. Штурмовал Вщиж один из отрядов орды численностью, быть может, в две-три тысячи воинов. Этого достаточно, чтобы взять такую небольшую, хотя и сильную крепость, как Вщиж, но потери при ее штурме, знать, были ощутительными, а результат невелик. Ведь крепость имела хорошие по тем временам защитные сооружения, включая мощную боевую башню детинца, и дружину воинов-профессионалов, остатки вооружения которой говорят о том, что оно было на уровне тогдашней военной техники. Мы не знаем, сколько дней длился штурм, после которого Вщиж был уничтожен до основания, но идти на Брянск, а за ним дальше на юг, к Корачеву, в лесостепные густонаселенные места Черниговской земли, значило обречь поредевший отряд на верную гибель. Ему нужно было во что бы то ни стало соединяться с главными силами. Если он возвратился назад, в пределы Смоленского княжества, то я не исключаю, что этот фланговый рейд вообще закончился крахом — отряд грабителей могла подстеречь на пути смоленская рать и полностью уничтожить. Возможно также, что сырые топкие снега в это время уже отрезали путь к Брянску, и в таком случае отряд не-

минуемо должен был погибнуть, потому что в восточном направлении дорогу ему пересекали две широкие речные поймы — Десны и Болвы, непреодолимые для конницы из-за вязких лесных хлябей и бескормицы. Отметим, что налет на Вщиж был внезапным. Жители этого погибшего городка, расположенного в сторонке от больших дорог, в момент нападения занимались мирными делами.

— Но как это можно доказать? И не хватит ли предположений?

— Это не предположение, а истина. Ее установил Б. А. Рыбаков, обнаружив гончарный горн, расположенный поблизости от крепостной стены, который «был раздавлен в тот момент, когда обжиг посуды подходил уже к концу, но еще не был завершен. Большая часть посуды обожжена добела, хорошо звенит, некоторые сосуды не прокалились насквозь и в середине излома дают серую полоску».

Кстати, этот вщижский горн занимает особо важное место в почти необъятном археологическом материале — единственно по нему науке удалось установить способ загрузки средневековых обжигательных гончарных печей... Богатый городок, застигнутый врасплох, все же, очевидно, сражался отчаянно, почему и был полностью уничтожен огнем. Ценности, погибшие в пожаре, были не нужны завоевателям. Им требовалось тогда только зерно, фураж, и они внезапным набегом на далекий от основного маршрута город надеялись захватить запасы фуража и хотя бы семенного, сбереженного до весны зерна. Другими причинами этот побочный дальний бросок на юг, почти до Брянска, нельзя объяснить... И в своей фундаментальной работе «Ремесло Древней Руси» Б. А. Рыбаков, делая примечание к записям о вщижском горне, уже не сомневается, что город погиб весной 1238 года. И у него, как у нас, есть предположения о маршруте основных сил орды от Селигера до Козельска.

— Интересно! Совпадает ли этот маршрут с нашим?

— Полностью приведу это место: «Разгром Вщижа, во время которого погибло и население (частично пытавшееся спастись в церкви) и множество ценностей, оказавшихся погребенными под слоем пожарища, я

связываю с первым походом Батыя. От Селигера, по данным Рашид-ад-Дина, «тьмы шли облавой», т. е. обычным для татар способом — двумя путями с местом встречи в заранее назначенном пункте. Сам Батый шел, как известно, на Козельск, двигаясь, по всей вероятности, по *восточному* краю Брынских лесов. Рашид-ад-Дин, рассказывая о длительной осаде Козельска, говорил, что город был взят только тогда, когда через 2 месяца подошли войска Кидана и Буры (Березин И. Известия о походе Батыя на Русь). Каким путем они шли от Селигера на Козельск? Житие Меркурия Смоленского указывает один промежуточный пункт между Селигером и Козельском, говоря, что татары прошли в 30 поприщах от Смоленска. Если они были близ Смоленска, то дальнейший их путь мог идти только по *западной* опушке непроходимых для конницы Брынских лесов, т. е. по Десне, через Вщиж, Брянск и далее на Карачев и Козельск. Если эти соображения верны, то вщижский горн получает точную дату — весна 1238 г., а его разрушение очень легко связать с осадой города, так как горн стоял у самой крепостной стены» (Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 352).

— Да, но один из отрядов орды все же пошел на Вщиж, хотя он и не был близ Смоленска!

— О судьбе этого отряда мы уже говорили. Огромный крюк через десятки речных заснеженных долин по маршруту Вщиж—Брянск—Карачев—Козельск он не мог ни при каких обстоятельствах совершить в это время года, не говоря уже о сопротивлении попутных городов-крепостей.

— А где шел Субудай с главными силами?

— После взятия Обловя он должен был обогнуть истоки Болвы... По-над Болвой с востока тянулась к полуденному солнцу возвышенность, продолжающая основной водораздел русской долины и распределяющая ее обильные воды на две главные речные системы. В необъятный волжский бассейн несли отсюда свои приточные воды Жиздра, Рессета, Вытебень, Крома, Ока, Неручь, Сосна, Тим, Кмень, Олым, в днепровский — Ревна, Навля, Нерусса, Свапа, Тускорь, Сейм. У истоков Сейма начинались также Псел, Ворскла, Северский Донец, а на восточной стороне с ними

сближались многочисленные притоки Девицы, текущей в Дон. И эти сухие возвышенности уже были степью, зазеленевшей первой травкой, где Субудай с остатками своего войска, добычей и чингизидами мог оказаться примерно на два месяца раньше!

— На целых два месяца! Почему же Субудай не выбрал этого самого разумного в его положении, самого короткого маршрута?

— Это нам предстоит установить. Действительно, от верховьев Болвы он пошел не на юг, к степи, а на юго-восток, и вы замечаете, что маршрут орды снова приобретает форму вопросительного знака, только перевернутого?.. И этот большой вопрос тоже придется снимать, потому что его не заметила историческая наука, не говоря уж о романистах и журналистах.

— Кажется, и у нас нет строгих доказательств, что Субудай выбрал именно это направление...

— Эти-то доказательства есть, и мы к ним скоро придем, а сейчас в меру своих сил попробуем понять Субудая. Он, конечно, знал или догадывался о продолжении главного водораздела в южном направлении, но с угро-деснянского возвышения тропа повела его прямо на восток, а за Обловем отклонилась даже несколько на север, в обход, быть может, уже вскрывшихся ручьев и речек верховьев — это могло его встревожить, потому что на относительно сухих водораздельных петлях пропадало дорогое время. И вот ключевая точка дальнейшего маршрута — возвышенность между истоками Ужати и Деминой. Водораздел здесь незаметно раздвоился. Возможно, юго-восточный отрог возвышенности Субудай принял за коренной хребет и этот путь к степи показался ему прямее и ближе? С большой степенью вероятности мы можем также предположить вынужденный выбор дальнейшего маршрута орды. Пленные и разведка сообщали, что в долгом лесном бездорожье по-над Болвой нечем кормить коней,— на этом прямом южном пути до самой степи нет ни одного селения, где можно было бы хоть чем-то поживиться, зато на юго-восточном водоразделе простирались распаханные земли, стояли села и даже города.

— Откуда известно, что на водоразделе, идущем на юг, не было селений?

— Их и сейчас там немного. На узкой хребтине,

поросшей дремучими лесами, нечем было кормиться ни людям, ни скотине и семь с половиной веков назад. Между прочим, точно по этой хребтине, образующей естественный рубеж, с VIII века проходила западная граница вятичей — большого и сильного славянского племени, об истории которого мы еще вспомним.

— Определить границу тысячу двести лет спустя? Полноте!

— Она точно определена археологом Седовым по распространению вятичского обычая трупосожжения и подтверждена археологом Арциховским по западному ареалу специфических женских украшений вятичей... А сейчас я попытаюсь восстановить еще одну историческую истину, которая на первый взгляд покажется фантастической,— весной 1238 года дорогу Субудаю на юг преградил князь Игорь.

— Какой это князь Игорь?

— Игорь сын Святославля внук Ольгов, князь новгород-северский.

— Простите, но ведь он умер за тридцать шесть лет до этого, в 1202 году!

— И тем не менее я допускаю, что именно князь Игорь заставил Субудая повернуть на юго-восток. Чтобы убедиться в этом, надо вернуться к 1196 году. Это был труднейший год в истории Чернигово-Северской земли. И дело не только в том, что Ольговичи понесли большую и невозвратимую потерю — в мае того года умер Буй-тур-Всеволод, брат Игоря, замечательный воин, надежда этой княжеской династии. Его схоронили в черниговской церкви святой Богородицы, как повествует Ипатьевская летопись, «с великою честью и с плачем великым и рыданием, понеже бо во Ольговичех всех удалее рожаем и воспитаем и возрастом и всею добротою и можьственною доблестью и любовь имяше ко всим...» И этот год едва не закончился уничтожением и разделом княжества. К его началу против Ольговичей составилась мощная коалиция. Сильнейший князь Руси Всеволод Большое Гнездо владимиро-суздальский, Рюрик Ростиславич киевский, Давид Ростиславич смоленский пригласили также на грабеж и пагубу богатого княжества муромо-рязанских князей. Когда Всеволод Большое Гнездо и Давид смоленский вошли со своими войсками в земли Ольговичей, «во-

лость их жьжета и Вятския городы поимале и пожьгле», Ярослав черниговский, Игорь новгород-северский, все остальные северские князья «ста под лесы своими, засекся от Всеволода и от Давыда и по рекам веле мосты подсечи».

Так вот, полоса сплошных дремучих лесов, отделяющая на северо-востоке жизненные центры Ольговичей от их оккупированной волости вятичей, как раз совпадала с будущим маршрутом Субудая, если б он пошел в степь южным путем, основным деснянско-окским водоразделом. Главными водными препятствиями на пути Давида, Всеволода и рязано-муромских князей были те же Десна с Болвой, их левые притоки Ужать, Неручь, Неполоть, Овсорок, Ревна, Навля и впадающие в Десну на подступах к столице Игоря Нерусса, Зноба, Свига, Ивотка, Шостка и Реть с притоками Осотой и Эсманью. Знать, мосты через какие-то из этих рек и подсекли северяне, предварительно завалив водораздельные высоты на северо-восточных рубежах княжества.

Средневековые лесные засеки были, очевидно, надежным защитным средством, если они смогли остановить сильные рати смолян, владимиро-суздальцев и рязанцев, привычных к тяготам лесных походов и умевших, конечно, разбирать или прожигать в засеках проходы. Подсекал мосты и делал засечную полосу над левобережьем Болвы и Десны, вероятно, князь Игорь, потому что густонаселенным районам именно его княжества, расположенного неподалеку от древней границы вятичей, объединенные враги угрожали в том тревожном году прежде всего. Игорь был куда более опытным и мобильным военачальником, чем Ярослав черниговский, обладал богатой, деятельной натурой и не раз за свою бурную жизнь предпринимал дипломатические и военные шаги, зафиксированные и не зафиксированные в летописях, так что логичнее всего решительных и эффективных действий летом 1196 года можно было ждать именно от него. И еще имелись у Игоря особые политические и психологические мотивы, чтобы первым выступить против Всеволода и Давида,— об этом мы вспомним в том месте, где нам потребуется подробнее разобрать междоусобную войну 1196 года.

Естественно, за сорок с лишним лет засеки князя Игоря подгнили, но заросшие мелколесьем эти много-

верстные древесные завалы были еще очень серьезным препятствием для конницы степняков. Вижу могучие поверженные дубы с острыми сухими поторчинами, рыхлые березовые колоды и пни, долго не гниющие смоляные стволы елей и сосен, срубленных ратниками и смердами князя Игоря на уровне конской морды, бесконечный хаотичный древесный завал между ними, высоко ощетинившийся голыми сучьями, поросший уже густым малинником и мхом, под которым таились глубокие предательские провалы,— медведь не пролезет через это берендеево царство, не то что низкорослая степная лошадка! Нужно учесть, что князь Игорь делал водораздельные засеки очень широкими, чтобы преградить путь наступавшим в *поперечном* направлении, а Субудай должен был идти сквозь этот чертолом *вдоль*... Не исключено также, что черниговцы, узнав к весне 1238 года о приближении орды с северо-востока, успели подновить старые Игоревы засеки. Два-три свежих поперечных завала в сотню-другую саженей шириной да топкие снега делали водораздел непреодолимым для конницы. Засеки, это простое и надежное оборонительное средство наших предков, еще много столетий служили им. На сотни верст тянулась засечная черта по южным лесным рубежам набирающей силу Московской Руси, и на нее вплоть до XVII века не тратились бы силы, если б она не защищала возродившееся Русское государство от степняков и крымчаков, имевших многовековой опыт грабительских набегов на север. Что же касается весны 1238 года, повторю, то старые засеки князя Игоря, быть может, стали главной причиной, из-за которой Субудай вынужден был от начала засек свернуть на юго-восток и пойти по свободному от сплошных лесов, там и сям распаханному водоразделу.

— Но как можно знать, что семь с половиной веков назад этот юго-восточный водораздел был распахан?

— Он и сейчас распахан, и на нем живет много людей — в Пронине, Плюскове, Торбееве, Бильдине, Ерлыкове, Покровском, Попелеве, Фроловском, десятках других пунктов. И семь с половиной веков назад население *двух* здешних городов получало хлеб не с лесных же грив, сырых пойм или водных гладей! Есть также археологические данные, только что полученные при научных раскопках, о которых речь впереди...

Возможно также, что разведка орды с проводниками шла все время по свежему следу,— моторные мужички из водораздельных сел, начиная от самого Селигера и Верхневолжья, при первом же известии о надвигающейся беде могли быстро навьючить застоявшихся сытых лошадей и с запасом овсеца тронуться в скорый путь знакомой тропой, увозя на юг детей, жен, драгоценные иконы и книги. Их теплые кострища вели авангард орды единственно удобной дорогой, сулящей спасение и беглецам, и преследующим. Кроме того, местные проводники, заинтересованные в том, чтобы невиданный жестокий ворог поскорей уходил от родных мест, указывали орде выгоднейший путь, быть может, одновременно имея в виду то, что ждало ее впереди. Допускаю также, что на выбор направления последнего броска орды в степь могло повлиять решение осторожного Субудая, проведавшего, что на выходе из лесов прямым конным маршрутом стоят семь черниговских городов-крепостей — Корачев, Кром, Болдыж, Спашь, Мценск, Домагощ и Курск, а в непосредственной близости от этого района — свежие конные дружины сильных русских княжеств — грозная сила в открытой степи для остатков грабительского войска. Нагрянув на Русь из лесу, Субудай решил уйти в степь тоже лесами — в юго-восточном направлении они еще далеко простирались за распаханным водоразделом.

А пока этот водораздел Среднерусской возвышенности по-прежнему хорошо делил здешние воды надвое. Слева оставались истоки Деминой, Вороны, Перекши, Рессы, Серены, справа все ручьи и речки текли в Жиздру. Водораздел становился все суше и ровней. Рейды оперативных передовых отрядов, добывающих корм, становились все короче, потому что с флангов их действия начали ограничивать две сходящиеся долины, забитые сырыми глубокими снегами.

Любознательный Читатель. Реки еще не вскрылись?

— Надо думать. Мы, правда, не знаем в точности, с какой скоростью передвигалась по водоразделу орда. Из-за узкой дороги растянулась она в длинную цепочку, и для нас не столь важно, как быстро шли мобильные, хотя и очень уставшие отряды грабителей, снабжающие караван фуражом, или основные силы, ставка, запасные табуны и прикрытие. Если допустить, что в

караване были ослабевшие вьючные кони с добычей, спешившиеся воины и чингизиды, не пренебрегающие удобствами, то едва ли скорость его превышала пятнадцать километров в сутки.

— Это, как говорится, среднепотолочная цифра?

— Нет. Есть скрупулезные расчеты скорости передвижения войск в средневековье. Для наших условий лучше всего подходит знаменитый марш Владимира Мономаха, начавшийся в последний день февраля 1111 года с обозом на санном ходу, который потом пришлось бросить из-за таяния снегов и переходить на вьюк. Суточную скорость свежей рати Мономаха — двадцать пять километров — мы не можем принять для основного войска Субудая, она была куда меньше, но, повторяю, нам не нужна здесь большая точность. Значительно важнее установить скорость передвижения *разведки* и *авангарда* орды при ее исходе из Руси. Для них был первый корм и лучшие кони, основные и сменные. По степи орда летела со скоростью около ста километров в сутки. Такие же суточные конные переходы делал много позже Суворов, а генерал Плизантон во время американской войны между Севером и Югом совершил однажды рейд даже со скоростью сто тридцать шесть километров в сутки! Не будем приписывать авангарду орды рекордов — лесные и снежные дороги были все же очень тяжелыми. Осторожно допустим среднесуточную скорость Бурундая в тридцать километров — в таком случае он должен был выйти к завершающей точке нашего перевернутого вопросительного знака в последней декаде марта, когда большие реки еще стояли подо льдом и снегом. В XIX веке, располагавшем систематическими научными гидрометеорологическими данными, Ока у Калуги вскрывалась в среднем 6 апреля. Учтя значительную задержку весны в средневековье, о чем достаточно сказано ранее, мы придем к выводу, что авангард орды, двигаясь на юго-восток от верховьев Ужати и Деминой, постепенно входил в сужающийся клин водораздела еще по снегу. Спуски в поймы справа и слева становились все ближе к главной тропе. Под кручей слева еще лежал лед. Он рыхлел и уже, наверное, не держал ни конского копыта, ни ноги воина. За ним ширилась белая долина. Справа, в другую долину, что была еще шире, вел пологий

спуск с топким снегом и тот же непреодолимый лед вдали извивался под солнцем серебряно-матовым змеем.

— Что же это были за реки?

— Слева — Серена с ее широкой поймой, но потом путь к ней пересекла долина другой реки — Клютомы. Справа же — Другусна.

— А что имеется в виду под заключительной точкой нашего второго вопросительного знака?

— Другусна и Клютома сближали да сближали свои долины, и вот при впадении в Жиздру их русла почти сливаются... Посмотрите на карту.

— Козельск!

— Он. *Только этим маршрутом остатки орды могли выйти на Козельск!*

— В самом деле — заключительная точка. Да какая! Но неужели никто из историков не проложил этого основного маршрута?

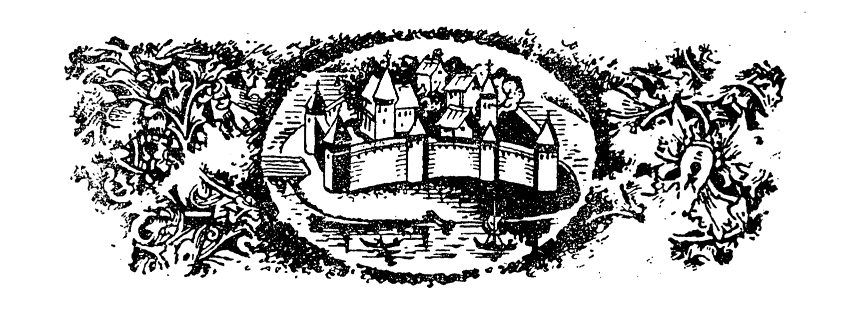
— Мне таких работ найти не удалось... Ипатьевская летопись, пренебрегая подробностями, пишет кратко, обобщенно и правильно о том, что Батый «поплени града Соуждальскиие и приде ко граду Козельскоу». В путеводителе Семенова-Тян-Шанского «Россия» верно указано южное направление, не без подробностей, объясняющих выход орды на Козельск.

Редело войско, если эту медленную и беспорядочную цепочку спешившихся всадников с бредущими за ними костлявыми лошадьми еще можно было назвать войском. Вконец оголодали кони и обессилели люди. Изнывал от нетерпенья и неизвестности внук Темучина сын Джучи. Устал Субудай, чьей главной задачей в этом исходе из урусских лесов стало сохранить чингизидов, коней, добычу, жизнь свою и своих сыновей.

И вот на пути подарок — нетронутый город, где можно отдохнуть, обсушиться-обогреться, подкормить коней. Из последних сил тянули они за своими хозяевами, бредущими по рыхлому, вязкому снегу.

Любознательный Читатель. Снег еще лежал?

— Его защищали от солнечных лучей здешние густые хвойные леса, задерживающие в средней полосе, даже по данным XIX века, окончательное исчезновение снежного покрова иногда до середины мая! Передовой отряд Субудая вышел к Козельску примерно 25 марта.

24 Субудай проснулся на рассвете и вышел из своей маленькой юрты, чтоб в третий раз за эту ночь малым облегченьем нарушить монгольскую ясу. Делал он это украдкой, в густом кустарнике, однако неусыпные охранники ханской ставки все видели, но, жалея его, прощали ему обыкновенную стариковскую слабость.

Хорошее место для ставки! Большой лесной остров тут кончался. В редколесье и дальше, на белой открытой покатости, стояли нетронутые холмики хорошо просушенной пахучей травы, ласкающие глаз своей похожестью на степные юрты. Бурундай, правда, стравил своим коням две такие юрты, зато у других оставил охрану, чтоб отъелись прежде всего кони гвардии и ханской ставки. И тут же с двух сторон взгорка били из-под земли два вечных источника холодной и прозрачной воды, почти такой, какая гложет камни родных гор Субудая. Ручьи, проточившие снег до земли, растекались в разные стороны к этим сходящимся речным долинам, а вдоль них чуть дымились уснувшие ночью костры.

Редкое место! Есть пища для костров и коней, есть вода, и там, где светлеет небо, скоро появится над темной лесной гривой солнце, ослепительно засияет снег на покатости. Первозданную нетронутость ее портил только след Бурундая, у которого, знать, не совсем уж баранья голова, если он неделю назад выбрал такое место для ставки.

Субудай совершил в ручье омовение рук и лица, чему он научился в другой далекой стране, и по возможности делал это время от времени, потому что его ровесник-джурдже, которого он когда-то пощадил за

втирания, умаляющие в спине боль, говорил, будто свежая вода, омывшая кожу, омолаживает человека на день или даже на два. Прежде чем войти в юрту, Субудай еще раз оглядел взгорок, на котором стояла большая юрта внука Темучина сына Джучи, и белую покатость, зовущую на родину, навстречу солнцу, и заметил черную точку вдали — не гонец ли от Бурундая? Пора бы. Субудай вошел в юрту, посреди которой уже была разостлана белая ткань, и слабеющие кривые ноги его сами привычно подогнулись подле.

Субудай не думал, что этот последний город урусов так близко,— обычный разрыв в три дневных перехода его личные гонцы не успели преодолеть на ослабевших конях, их опередил Бурундай. Воины Бурундая заслужили свежую добычу, а их кони — лучшего корма, но случилось, кажется, то, чего так опасался Субудай. Не дождавшись главных сил, Бурундай попытался, вырвавшись из леса, взять город с наскока, чтоб самому преподнести его внуку Темучина сыну Джучи. Не сумел, баранья голова, и потому сейчас сидит перед Субудаем, виновато молчит, ждет, когда его спросят о подробностях, а Субудай, которому подробности были неинтересны, тоже молчит — пусть голодный и усталый Бурундай, добравшись за день и ночь до ханской ставки, сам все расскажет внуку Темучина сыну Джучи, когда тот проснется.

— Сколько сотен пало на стенах? — решил Субудай задать единственный вопрос и тут же уточнил: — Сколько ты загубил воинов?

— Ни одного.

Субудай крикнул, чтоб подавали мясо.

— Урусы оставили город?

— Нет.

— Сдали? — обрадовался Субудай, даже не веря в такое счастье — впереди корм, рабы, нежная пища, бань-я и открытый путь в степь! Главное — корм; он весь в этом городе, потому что жителей и скота в узком междуречье не осталось, селенья были брошены, а весь фураж, кроме этих последних куч сухой травы, вывезен урусами.

— Город богатый?

— Да,— Бурундай совсем помрачнел и наконец решился: — Они его не сдали.

Субудай вперил в него неподвижный зрак, в котором стояло досадливое недоумение:

— В городе черная смерть? — догадался он.

— Нет.

— Бурундай поступил мудро. Урусы сделали вылазку, их было больше, и Бурундай ушел назад?

— Нет, вылазки нам навстречу сделать нельзя, а я не пытался взять город.

Бурундай все еще не осмеливался взглянуть на хозяина юрты, вождя похода и повелителя всех событий этой зимы. Он ожидал яростного вскрика или жеста, означающего конец разговора, последующего часа тревожного неведения и непредусмотримого решения внука Темучина сына Джучи, когда старец-воитель на свой лад преподнесет хану столь дерзкую весть. Бурундай не угадал.

— Это хорошая новость,— сказал вдруг Субудай и, пытаясь выдать весь предыдущий разговор за игру, которую он будто бы вел ради испытания выдержки Бурундая, решил уверить его в своей осведомленности.— Новость хорошая, только протухшая...

Бурундай знал — он первым принес плохую весть в ханскую ставку, но неужели старый воитель так прозорлив, что догадался обо всем, даже не видя этого города?

— Бурундай станет великим воителем,— продолжал хозяин.— Субудай умрет спокойно, а Бурундай поведет войска в нетронутые богатые западные страны.

Впервые услышал такое Бурундай от Субудая-богатура, но это еще больше растревожило его. Он не притронулся к еде и был так же мрачен, потому что ему предстояло сказать то, чего старый воитель никак не мог угадать, но, кажется, уже предчувствовал, обратив неподвижное красное веко на Бурундая и даже выжидательно к нему склонившись.

— И Субудай не будет брать этой крепости урусов,— снова решился Бурундай.

Спокойствие! Неужели эта баранья голова рискнула сказать такое Субудаю, развалившему на своем веку столько стен вокруг каменных, глиняных и деревянных селений, сколько пшенных зернышек в этой урусской чаше?! В наступившей тишине стали слышны крики снаружи — знак, что пробудился внук Темучина сын

Джучи, которого вечно раздражал ранний утренний шум в лагере. Хан мог дремать под ржанье коней и крики черных птиц, но человеческого голоса на рассвете не переносил. Спокойствие... Нет, наверное, Бурундай, прежде чем сказать это, долго и спокойно думал — у него было на это время.

— Худо, — задумчиво произнес Субудай, с отвращением глядя на грязные руки Бурундая, потянувшиеся к мясу.

Может, лучше сам Бурундай придет к внуку Темучина сыну Джучи с такой вестью? Субудай понял, почему этот последний город урусов Бурундай считает нужным обойти стороной. Две дочерние реки, между которыми водораздел идет к степи, стекаются все ближе, падают меж крутых берегов в третью, материнскую реку, что куда сильней этих быстрых сестер. С трех сторон города под кручами лежит на рыхлом льду глубокий снег, покрывающий еще более глубокую воду, а там, куда подойдет через два дня Субудай,— такая же стена, как в злом северном городе, полном зерна, укрепленная непредвиденным урусским способом. Это так, можно даже не уточнять. Худо! Однако Субудай все же показал руками, как сходятся дочерние водные потоки, отсек их впереди ладонью, изобразив кручу главной реки, закруглил у груди воображаемую высокую стену.

— Так?

Бурундай взглянул в спокойный уже и внимательный глаз старого воителя, видевшего в степях, горах и лесах вселенной все и вся.

— Почти так. Но еще хуже,— произнес он. — Так, что хуже не может быть.

Спокойно. Субудай стал слишком стар, чтобы придать значение такой мелочи, как едва заметный оттенок торжества, просквозивший в голосе Бурундая. Это у него от молодости. И от молодости же неверие в себя и даже в Субудая, великого воителя. Нет, сейчас придется отвести гнев внука Темучина сына Джучи от этой пока еще темной головы — ее надо будет осветлить вниманием, когда Субудай начнет подготовку к штурму, и внушить ей спокойствие во время штурма.

— Как Урянктай? — задал Субудай последний вопрос.

— Твой сын, великий воитель, станет великим воителем.

Субудай приказал свертывать юрту и, припадая на обе ноги, пошел на взгорок. Он не стал объяснять подробностей внуку Темучина сыну Джучи об этом селении урусов, потому что еще не видел его стен, и попросил направить обоих полководцев для срочного рейда по окрестностям города, чтобы посмотреть запасы корма и живой силы урусов, нужные для штурма.

— Какой город? — встрепенулся внук Темучина сын Джучи, вначале слушавший воителя равнодушно и сонно. — Откуда город?

— Богатый город, великий хан,— сдержанно промолвил полководец, хорошо зная, что внуку Темучина сыну Джучи нравится, когда Субудай называет его невзначай великим ханом.

— Однако великий воитель сам говорил, что на этом пути скоро степь, потому что лес редеет, — смягчился внук Темучина сын Джучи, выдержал паузу, но, поняв, что Субудай так и промолчит, добавил: — Это хорошо, что после такого перехода и перед степью — богатый нетронутый город.

— Хорошо, — совсем помрачнел Субудай.

— Почему же Бурундай здесь? — отпуская полководца, спросил внук Темучина сын Джучи; это у Субудая научился он задавать последний вопрос, который должен быть первым.

— Война всегда заставляет поворачивать морду коня то вперед, то назад, то в сторону...

Был у внука Темучина сына Джучи еще один вопрос, важней всех других.

— Степь за этим городом?

— Недалеко, — утешил Субудай. — И на пути не встретится врагов.

— Тогда мы будем отдыхать здесь три дня, — сказал напоследок внук Темучина сын Джучи и, подумав, добавил: — Потом один день в городе.

У Субудая оставалось неполных семь дней, чтобы взять последний город урусов, вернее, пять и даже меньше — надо ж доехать до него и хоть как-нибудь подготовиться к штурму. Все равно Субудай поедет рядом со своей юртой на урусском мерине спокойного хода, привычном к снегу и лесной чаще, — можно будет

дремать, думать о родине и сыновьях; пусть его обгоняют запасные табуны и войско, пусть молодой и здоровый Бурундай скачет впереди, а Субудай стал стар.

Он ехал день, полночи и еще день. Завидев впереди большой дым, Субудай мечтательно подумал, что это горит город, уже взятый общим штурмом, но дым клубился в стороне от главного следа, уходил влево и назад. Когда Субудай прибыл в ставку Бурундая, спину совсем разломило, однако он нашел в себе силы принять молодого воителя для доклада, хотя и сам, проехав сквозь лагерь в сумерках, увидел, что все здесь, в небольших лесных островах перед городом, идет привычным чередом.

Как хорошо, что Субудай еще сохранял запасные табуны — надежду и спасенье войска! Кипчаки, перегоняя табуны, сообщали старшему табунщику-монголу, сколько животных осталось лежать, а тот вечерами докладывал Субудаю итог, с каждым днем все сильнее тревоживший, потому что на прокорм войска уходило слишком много коней. Перед ночлегом от каждой сотни прибывали к табуну три воина. Они затягивали на ногах коня аркан, и один из них, взмахнув ножом, погружал руку в разъятую грудь животного, нащупывал сердце и сдавливал его, пока оно не переставало рваться из пальцев. Потом воины свежевали коня и разрубали на части. Двое доставляли мясо к пылающим по лесу кострам, а третий укладывал внутренности в шкуру и сбрасывал с крутого речного обрыва. Подволакивали на арканах и туда же сбрасывали коней, чье сердце нежданно и само остановилось. Недавно Субудай повелел старшему табунщику казнить тех кипчаков, которые позволят коню подохнуть, — они должны были загодя умерщвлять его и оставлять близ тропы войску.

Первую ночь под городом Субудаю не давала заснуть боль в спине, в кривой левой ноге и разговор с Бурундаем. В конце его Бурундай сказал, что все еще не знает, как взять эту крепость, и не мог понятно объяснить системы ее укреплений — разводил руками, закатывал глаза, всегда оставляя, однако, узкую щелочку между веками, чтоб в свете плошки не упустить перемены на лице Субудая.

Старый воитель, не увидев крепости в темноте, надеялся все же, что небо в конце этого похода окажет

ему последнюю милость — поможет найти самое слабое место урусов и быстро поразить его. Не само ли небо расстелило вселенную перед копытами степных коней! Четвероногие сыновья зеленого простора и горячего ветра, прокармливая собою воинов, несут их во все концы света и свозят со всех концов света добычу — так было с той поры, как Субудай это увидел, так будет, пока он жив.

Личные его доносчики доложили в полночь неслыханное — у костров идут на разных языках тихие разговоры об этом плохом походе, после которого осталось столько сотен, сколько осталось волос на голове Субудая, и столько тысяч, сколько зубов у него во рту, и не надо брать этого и еще какого-то города, пора уходить в степь. Субудай тут же повелел в том краю лесной куртины, где горели эти шепчущие костры, взять по человеку от каждого огня, трех десятников и одного сотника, но не ломать им спины и не вырывать сердце, а подарить жизнь, сбросив связанными с речного обрыва, куда сбрасывали внутренности коней.

А утром Субудай, впервые взглянув на город из-под древесных ветвей, подумал, что вместе с шептальщиками надо бы сбросить с обрыва его самого, потому что ему тоже захотелось оставить нетронутым это последнее селение урусов и уйти поскорей в степь...

Он срочно послал Бурундая в ставку, чтобы тот подготовил внука Темучина сына Джучи к известию о том, что в означенный срок города взять нельзя, а сам полдня не слезал с мерина. Он снова и снова, щуря глаз, приглядывался к городу и до конца не мог понять системы его обороны, потому что водораздельный склон, на клин суженный двумя реками, суживал и обзор — вознесенный горой на один уровень с Субудаем, город хорошо был виден лишь с северо-западной стороны. Прямо перед Субудаем водораздел полого спускался к реке, вроде бы полупетлей охватывающей город, хотя под снегом и густым кустарником внизу нельзя было рассмотреть поворотов русла. Город стоял на такой круче, что если поставить друг на друга два больших дерева, то верхнее могло даже не достать своим острием боевых башен, которых тут было, кажется, больше, чем на стенах других городов, взятых этой зимой Субудаем... Может, Бурундай догадается и сам

скажет внуку Темучина сыну Джучи, что лучше бы не брать этого города?

Земляная, местами уже обтаявшая круча, увенчанная многобашенной деревянной стеной, на севере закруглялась с правильной плавностью. Под нею, в самом начале бескрайней низины, близко сходились две реки, так что Субудай ошибался, предположив раньше, что город стоит в междуречье. С северо-востока и востока к городскому холму, должно быть, прижималась большая материнская река, и за просторным белым полем на другом ее берегу чернел лес. Высоко над ним тянулась на юго-восток, к степи, темная грива главного водораздела. Она была в эту пору недосягаемой, и Субудай ясно понял, что попался в ловушку,— обойти город в таком месте ни конному, ни пешему войску невозможно, а как его брать?

Стены и башни с самого рассвета были усыпаны урусами, они что-то кричали, свистели и смеялись, показывали руками на Субудая, на дымы костров, на маленького коня, отбившегося ночью от табуна и увязшего под кручей в глубоком снегу. Субудай решил послать вниз, к реке, трех ослабевших воинов-татар, чтоб они, соблюдая расстояние друг от друга, подошли к стене как можно ближе. Внизу снег был очень глубоким, и воины вязли по пах, но, подчиняясь приказу, поднимались, медленно доставали из снега и переставляли ноги, с ужасом поглядывая снизу вверх, туда, где на стене притихли урусы, и оглядываясь назад в напрасной надежде, что им подадут знак возвращаться.

Субудаю надо было узнать, как далеко полетят урусские стрелы, но со стен почему-то не стреляли, только смотрели во все глаза на трех невиданных пришельцев с луками за спиной, осевших в снегу. Субудай послал верхового охранника вниз по склону, чтоб тот передал новый приказ — стрелять.

На стене послышался дружный смех, когда первая стрела совсем не полетела — воин задел пальцами тетиву. Другая, немного не долетев, воткнулась в бревно под ногами урусов, а третья попала — раздался женский визг. Субудай внимательно смотрел, как густо летят с башен стрелы, исчезая в снегу вокруг двух ползущих от стены воинов. Третий остался на месте со стрелой в плече, не мог вытащить ни ее, ни ног из суг-

роба, вопил как безумный. Вскоре завалился неподалеку другой с торчащей в шее стрелой. Добежал до Субудая только один, принес в спине излетную урусскую стрелу, две в руке, и Субудай, приказав врачевателю-хитаю лечить воина, назначил его десятником взамен вчерашнего шептальщика...

Стрелы урусов редко попадали в цель и летели не очень далеко, но у Субудая не было и таких — основной их запас израсходовался на севере, а в торопливом и трудном броске по водоразделу недоставало ни сил, ни времени, ни материалов, чтобы наладить снабжение войска наконечниками и опереньем, хотя тех обремененных добычей воинов, что в середине похода начали тайком бросать пустые колчаны и тяжелые сильные луки в надежде пройти до близкой степи с копьями да саблями, Субудай в назиданье остальным приказал казнить.

Любознательный Читатель. Все это придумано, конечно?

— Само собой. Я пользуюсь привилегией писателя придумывать мелкие подробности, не имея права сочинять факты, искажающие большую историческую истину. Монголы не умели обрабатывать металлов, и оружие ставилось ими превыше всех других ценностей при необыкновенной дешевизне человеческой жизни. Если, скажем, в бою кто-то подбирал утерянное оружие и не возвращал владельцу, тому вырывали сердце или ломали спину... Вернемся к Субудаю и Козельску?

На следующее утро Субудаю донесли — раненый татарин исчез из-под стены. По следам на снегу было видно, что урусы спустили, наверное, на веревках лестницу и подняли его ночью в крепость. Худо. На вылазку они, должно, не рискнут, но обороняться будут зло! Да и как пойти на вылазку, если Субудай с войском спереди, справа и слева защищен глубокими заснеженными долинами? Урусы тоже пока спокойно сидят за этими же долинами. Ровный подход к городу, отрезанный извилистой рекой, лишь с юга. Субудай дважды спускался в ее долину, делающую большую полупетлю, мерин ложился брюхом на снег, всадник тянул и выворачивал шею, но ничего нельзя было рассмотреть.

Плавное скругление стен вдруг изломисто обрывалось высокой башней. Под ней устрашающе глубоко пронзала землю узкая щель без моста. Она как-то странно перекрывалась углом башни, и ворот с этой точки не было видно.

Проникнуть к южной, напольной части города оказалось не просто — десяток опытнейших воинов, посланных Субудаем, чтобы пересечь долину выше по течению реки, глубоко увязли в сыром снегу и до ночи вытаскивали арканами коней.

Субудай рассвирепел, когда узнал, что большой дым, клубившийся вчера слева и сзади,— это бывшее небольшое селение урусов. Жителей и корма в нем не оказалось, а наткнувшаяся на него передовая тысяча главных сил третью ночь грелась у жарких костров из сухих бревен. Из них легко и быстро можно было сделать стлань через долину и реку, а у ворот пустить на туры, лестницы и тараны. Тысячник клялся, что первые дома сожгла разведка Бурундая, его воины пришли уже к теплому пеплу, и он дожигал остатки. Тысячник униженно попросил Субудая позволить ему завтра сделать деревянный настил через снега. Его отоспавшиеся воины сейчас начнут рубить сырой лес мечами и саблями; пусть они грызут его хоть зубами всю ночь, к завтрашнему вечеру стлань будет.

— К восходу солнца,— возразил Субудай.

— Нет пленных, нет топоров,— сказал тысячник, взглянув Субудаю прямо в глаз.

Это был мужественный воин, умевший смотреть в глаза смерти и правде, а его тысяча заслужила хороший отдых — она первой ворвалась в северный хлебный город урусов. Субудай решил оказать милость, начертав на снегу, подсиненном вечерним светом, дорогу к небольшому пустому и нетронутому селению урусов по другую сторону главного хода, справа. Селение нашла и охраняла разведка Субудая.

— Долина от него рядом,— пояснил Субудай.— Она там не так широка, и места этого не видно с самой высокой башни города...

— Великий воитель,— прошептал тысячник.

— Раскидайте селение по бревну и тащите на арканах сюда,— будто не услышав привычного титула, продолжал Субудай и ткнул палкой в снег.— Тут тебя

будет ждать еще тысяча воинов и сунский строитель мостов.

— Великий воитель! — воскликнул тысячник и бросился к своему коню.

На рассвете Субудаю сказали, что переправа готова, и с первым лучом солнца он подъехал к ней. Она стрелой легла через белую низину к противоположному крутому берегу дочерней реки. Бревна лежали плотно, связанные волосяными арканами, урусской вервью и трофейными тканями, скрученными в жгуты. Стлань пропускала по два всадника в ряд, и Субудай решил как можно скорее перебросить часть запасного табуна и войско на нетронутый соседний водораздел, ведущий к воротам города. Он еще не видел их, но предчувствовал, что не скоро начнет штурм,— создатель этой крепости мог придумать такое, что придумал бы, конечно, сам Субудай, окажись степной полководец на его месте в лесном холодном краю.

Последняя лесная куртинка с южной, напольной стороны города довольно близко подступала и к стене. Сквозь ветви уже были видны четырехскатные верха башен и спуск на берег материнской реки. Худо! Субудай увидел, что пологий спуск к большой реке начинается перед щелью, а не под стеной, на что он так надеялся! Ровная белая долина простиралась за городом глубоко внизу.

Субудай в нетерпенье раздвинул кусты, все еще надеясь увидеть городские ворота, но глаз ослепило, и он прикрыл его, выжимая веками мутную слезу. Да, жители этого города сделали с воротами то же самое, что их северные соотечественники! Простое и мудрое оборонное приспособление урусов, которое Субудай так боялся здесь увидеть, враз ослабило его ноги, голову и сердце, он бессильно сел на пружинящие ветви, под которыми дотаивал снег...

— Он увидел лед?

— Конечно!

Если рязанцы, коломенцы и москвичи не успели наморозить на ворота толстого ледяного щита, на откосном скользком основании которого нельзя было установить осадных орудий, то у новоторов и козельцев

для этого было достаточно времени. Должно быть, все население Козельска в морозные дни и ночи по цепочке поднимало из речных прорубей воду, намораживая ее на самое уязвимое место крепости. Ледяной панцирь, наглухо прикрывающий ворота, делал их неуязвимыми, и такой способ защиты крепостей применялся на Руси еще с языческих времен в тревожные зимы, когда опасность нападения врагов возрастала.

— Как это предположение можно подтвердить?

— Археологически, конечно, нельзя, но мы спокойно можем предположить изобретение такого фортификационного средства. Думать иначе было бы недопустимым неверием в сметку пращуров, умевших блестяще использовать особенности родной природы и климата. Главное же — под ледяной стеной уходила в толщу земли глубокая щель.

Ясное полуденное солнце било из-за спины Субудая прямо в ледяную стену. Субудай щедро бы наградил уруса, придумавшего ее, если он не из тех гордых князей, которым в степи ломали ребра под коврами, а они не просили пощады. Что за князь в этом городе?

Позвать певца! Он про свою страну знает все и болтлив, как все певцы. Урус появился возле палатки Субудая в сопровождении кипчака-толмача и, прежде чем взглянуть на полководца, приостановился перед большим каменным крестом, вкопанным в землю на опушке лесной куртины. Здесь была самая высокая точка местности, от нее шел пологий, уже протаявший спуск к берегу, к двум рядам толстых бревен, вертикально торчащих из снега. На эти бревна урусы, наверное, кладут летом мостовой настил. Судя по длине рядов, материнская эта река была широкой, сильной и древней, если размыла просторную низину за собой и подточила такую крутую гору под восточной стеной города.

Субудай терпеливо наблюдал, как урус машет перед собой рукой и что-то шепчет, не сводя глаз с креста. Утром Субудай подходил к этому кресту, напоминающему толстого уродливого человека с раскинутыми, словно обрубленными, руками и даже поковырял каменный его живот саблей охранника. Крест не поддался нисколько и был вроде бы не каменный, а же-

лезный, потому что на острие сабли осталась коричневая ржавь.

— Это, конечно, из области чистой фантазии? Неправдоподобная подробность?

— Козельский крест — драгоценная историческая реликвия — цел до сего дня.

— Невероятно!

25 — Что означает этот камень? — спросил Субудай певца.

— Это был главный древний бог, которому поклонялись предки здешнего народа,— перевел кипчак.— Великий князь Киваманя именем Ульдемир, тот, что принял южную веру и принес ее сюда, приказал сделать из старого бога этот крест, означающий страдание человека на земле.

— Богатур Или-я служил у этого князя? — перебил Субудай, с гордостью подумав, что память его еще не слабеет.

— Да. А здешнее племя урусов еще долго молилось кресту, как старому богу, и поэтому правнук Ульдемира, тоже великий князь Киваманя и тоже Ульдемир, пришел сюда, победил местного князя и взял город.

— Как звали местного князя? — переспросил Субудай.

— Ходота,— сказал кипчак. Это был великий воин. Он два года сражался с Ульдемиром, который был таким великим воителем, что его именем наши кипчакские матери и сейчас пугают детей.

Субудай взглянул на город, который два года защищал Ходота, и удивился, что почти такое же имя носил Хада, лучший полководец бывшего народа джурдже.

— А сейчас есть князь в этом городе?

— Василий,— сказал урус и добавил:— Вася Козля.

— Басили,— перевел кипчак.— Козел.

— Ба-си-ляо,— пробормотал Субудай, запоминая.— Худого рода?

— Урус говорит, что его так прозвали за нрав, а рода он высокого, от великих древних князей урусов. Его дед — князь Мстислав, которого победил в степи Субудай-багатур пятнадцать лет назад.

— Мстисляб, что убежал тогда от меня в свой западный город? — спросил Субудай, гордясь собой,— нет, память его не гаснет с годами! — Или тот Мстисляб, что после боя умер под моим задом?

— Да. Но это был третий Мстисляб.

— На прямом пути в степь есть еще города, кроме этого?

— Смотря как идти.

Субудай — воин, он взял столько больших городов, сколько ему лет, и последний перед степью город он возьмет, чего бы это ни стоило,— вся земля урусов должна узнать, что города, которого не смог взять Субудай, нет и не может быть во вселенной.

— Когда уйдет в Итиль большая вода? — спросил он.

— Бог знает,— ответил урус.— Наметало много снега... Дней пятьдесят половодью срок.

Пять раз по десять! Субудай этого не ожидал. Он с детства знал, что снега сходят быстро, но здесь нет гор, и снег дальше от солнца, и реки урусов медлительны, как они сами...

— Ока тоже течет впереди?

— Поперек.

— Далеко до нее?

— Два перехода лесом.

В самом начале набега Субудай по свежему льду перешел широкую реку, текущую в Итиль, и его тогда поразило, что называется она точно так, как называется большая бурливая река, что бежит с родных его гор на север. Только эта Ока спокойней.

Субудай махнул рукой, отпуская уруса, но тут же окликнул кипчака, приказав спросить, что за нрав у местного князя.

— Озорной,— сказал певец.— Не приведи господь!.. Безотцовщина.

Сбросить в обрыв надо бы сначала Бурундая; он, наверно, наговорил внуку Темучина сыну Джучи что-то лишнее, от себя,— ничем другим нельзя было объяснить срочный вызов, что привез не ханский гонец и даже не воин охраны, а главный табунщик, старый монгол с воспаленными, часто мигающими веками, из-под которых все время текли мутные слезы. Он, как и Субудай, уже давно не мог натянуть тетиву сильного лука, его держали в войске и делились с ним добычей за прежние заслуги. Монгол этот прошел с Субудаем сквозь все войны, был предан ему, как собака или конь, и полководец не случайно назначил старого ветерана командовать на водоразделе табунщиками-кипчаками — только они, два человека в войске, знали, сколько всего коней остается в запасных табунах, разрозненных расстояниями.

Сбросить бы к шептальщикам еще и всех чингизидов — они не стали ни о чем спрашивать Субудая, все решили без него.

— В степь! — сказал внук Темучина сын Джучи.

— В степь,— подтвердил старший Орда, не имевший, как всегда, своего мнения.

— В степь! — в один голос сказали Шайбан и Тангут, младшие братья Бату.

— В степь,— поддакнул Бурундай.— К стенам лестниц не поставить, таранов не утвердить. Ледяная стена. Нет рабов, нет корма.

— Нет стрел,— в тон ему добавил Субудай.— Надоело тощее мясо полусдохших меринов, а у нас нет ни одного барана.

Чингизиды засмеялись, а Бурундай, делая вид, что не понял намека, пробормотал сквозь зубы:

— Мудрый Субудай знает, что в степи нас ждут окруженный овечьими стадами Монке и Бучек со своими туменами.

— А если вначале нас ждет князь Михаил со своими туменами? — спросил Субудай.

— Это надо наверное узнать,— встрепенулся внук Темучина сын Джучи, и все чингизиды заговорили между собой о том, что полководцы не должны забывать главного — разведку во все концы направить, и, главное, туда, куда пойдет войско. Субудай в душе смеялся над ними, но сохранял непроницаемое лицо. Они забыли, что он великий воин. Своих лучших разведчиков Субудай сразу же определил к последнему стогу сена, который стоял на косогоре вдали от города, и приказал наказывать смертью всякого, кто попытается украсть хотя бы клок драгоценного корма. Это они узнали о нетронутом, полном зерна, городе в стороне. Субудай пока никому не сказал о нем. Взяв город, он снабдит зерном лучших разведчиков и пошлет их кружным и опасным западным путем в степь. Они оторвутся от главных сил, и любое их сообщение через несколько дней станет неверным. Но пусть хоть один из них обойдет древесные завалы и с надежным кипчаком, знающим те места, тихо прокрадется меж южных селений урусов, разыщет в степи Монке. А Субудай не может рисковать остатками войска и добычей! На слабых конях возвращаться назад, огибая вершины всех этих бесчисленных рек, по лесному хламу, снова петлять водоразделами? Нет! Урусы успеют собрать силу, чтоб встретить его на границе степи вблизи своих городов. Идти только лесом, напрямую, навстречу Монке! Но до этого надо переждать большую воду и любой ценой выковырнуть урусов, как улитку, из их деревянной раковины.

Субудай обвел взглядом чингизидов. Сейчас он прыгнет на этих щенков, как барс.

— Воины устали,— гнул свое Бурундай, стараясь не видеть вывернутого красного века Субудая.— Их можно всех казнить за то, что они хотят в степь.

Субудаю тоже хотелось в степь. Он сказал:

— Идти в степь нельзя.

В ханской юрте стало тихо. Внук Темучина сын Джучи приподнялся, готовясь произнести слова, после которых ничего уже не поправить, но Субудай продолжал:

— За городом — река с широкой снежной долиной. Там, где она кончается, деревьев не различишь. Кони увязнут с головой.

Внук Темучина сын Джучи посмотрел на Бурундая, который сказал:

— Снег и воду обойдем сухой тропой на западе.

— До той тропы пять бескормных переходов. А на тропе нет селений, нет открытых мест. Дикий лес не прокормит. Кони поломают ноги в завалах. Головы мы уже почти потеряли. На тропе потеряем коней. Перед степью потеряем добычу.

— Добычу нельзя терять,— возразил внук Темучина сын Джучи.

— Западная сухая тропа поведет через земли сильных урусов. Там очень много городов, и на них надо еще год собирать всю степь,— добавил Субудай.

— Не трогать этот город и ждать, когда уйдет большая вода,— уже робко сказал Бурундай.

Эта баранья голова не понимает, что город придется брать совсем по особой причине, о которой Субудай пока не скажет никому.

— Большая вода здесь идет и стоит пятьдесят дней, потому что в темных лесах толстые снега,— возразил он.— А за холмами на том берегу еще одна большая река — Ока. И на пути великая Итиль, собирающая всю воду с земли урусов, болгар, буртасов и многих северных народов. Если не переждать, могучая Итиль унесет воинов, коней и добычу во внутреннее море, как сор.

— Если потеряем добычу,— сказал внук Темучина сын Джучи,— позор на всю степь.

Субудай нанес решающий удар:

— И вся вселенная узнает, что мы не смогли взять последнего маленького города урусов, сложенного из дерева.

— Потеряем лицо,— задумался внук Темучина сын Джучи.

— Идти в степь нельзя,— подытожил Субудай, выждал паузу и вдруг добавил: — Брать город сейчас тоже нельзя.

— Почему? — округлил глаза внук Темучина сын Джучи.

— Такого города мы еще не встречали... Но его, хотя и не сразу, придется уничтожить совсем, чтобы никто не узнал, какой ценой мы его уничтожили. И есть еще одна важная причина, из-за которой мы

будем брать город. О ней я скажу только одному из вас.

Их оставили вдвоем с Бату-ханом, но Субудай передумал — эта причина должна объявиться позже и о ней не следует говорить, пока не использовано бескровного средства для взятия города.

Любознательный Читатель. А какое это могло быть средство?

— Один из городов чжурчжэней Субудай взял, разрушив над ним плотины и затопив его водой. Какой-нибудь южный город можно было также покорить без боя, лишив его жителей воды, но у козельцев, отделенных от рек стенами, наверняка были вырыты колодцы. В крайнем случае за время осады они могли их вырыть. Мудрая Ольга, по преданию, будто бы зажгла столицу древлян с помощью искоростеньских голубей и воробьев, взятых с города в виде дани, но этого легендарного средства, как и чжурчжэньского огня, не было в распоряжении Субудая. Голодная смерть козельцам тоже, наверное, не грозила — они согнали за стены со всей округи домашний скот и свезли зерно.

— Что же такое придумал Субудай?

В конце марта — начале апреля 1238 года Козельск оказался отрезанным весенним бездорожьем, крепостной стеной и врагами от всего мира. Горожане давно узнали, конечно, что на Русь напали несметные полчища врагов. Такое представление создавалось в восприятии беженцев, потому что сравнительно небольшие селения наших предков не вмещали грабительскую конную орду и, казалось, она была везде — в городах и селах, в полях и лесах, в монастырях и замках, на дорогах, у стогов сена, речных и озерных прорубей. Потом беженцы с водораздела сообщили, что пришельцы коварны, беспощадны и уничтожают все живое на пути.

Когда над лесами показались черные тучи воронья и синие дымы, по лестницам взобрались на стены последние козельские сторожа. И вот ночами стали видны огни в прогалинах ближних лесов, слышался уже вороний гвалт и конское ржанье, дымы забили речные долины, заволокли небо — на притихший городок валила

с северо-запада зловещая темная туча и, казалось, не было ей конца-краю. Сторожа с надвратной башни тревожно вглядывались в лесную опушку на горе, где угадывалось какое-то густое и плотное движение, как если бы гора эта была гигантским муравейником. Напряжение и тревога нарастали, потому что никаких признаков подготовки к штурму не замечалось. Из лесу иногда появлялись небольшие группы неведомых людей, одинокие любопытствующие всадники. Подъезжавших поближе осажденные отгоняли, пристреливаясь к расстоянию и цели, а те лишь подбирали каждую стрелу и устремлялись к лесу. Вслед им свистели и улюлюкали мальчишки, обсевшие стену. Пришельцы пока только рассматривали из-под ладоней город с безопасного расстояния, и над ледяной стеной не пропела еще ни одна вражеская стрела.

Шли дни, полные тревог и ожидания. Снега в жиздринской пойме пропитывались водой, подступающей сверху, с водораздела, и она широко разлилась, заполнив старицы и ямы, затопив ивняк по всей низине и приглубые берега под стенами. И вот через неделю после того, как из далеких лесов потянуло первым дымом, город на восходе солнца был разбужен колокольным набатом.

— Первый штурм?

— Нет. Штурмовать орда пока не могла: звонарь, дежуривший на колокольне, увидел спросонья невиданную картину, от которой у него захватило дух, и бухнул в колокол. Город посыпал на стены, однако там стояли вооруженные воины и отгоняли народ от внутренних лестниц и пологих дощатых подъемов-настилов, которые начали трещать под тяжестью толп. Самые сильные и расторопные счастливчики пробивались наверх, к боевым площадкам, разевали рты и впадали в оцепенение.

В обтаявший склон, что спускался ко рву от ближайшей лесной куртины и креста, напрямую било яркое утреннее солнце, освещая сказочное виденье. У края голого леса стояли круглые, похожие на копны сена или огромные шлемы жилища пришельцев, расшитые разноцветными письменами, клиньями, кольцами, кругляшками, бегучими изломистыми и плавными дорожками, а склон был устлан такими пестрыми и яр-

кими коврами, что глазу было невмочь смотреть, и не смотреть тоже никак не выходило, хотя очи разбегались по сторонам. У входа в самую большую копну, на возвышении, сидел в расшитых цветных одеждах, должно быть, сам царь Бату, о котором козельцы уже слышали от беженцев. Одежды его прошивали золотые и серебряные нити, цветастая шапка остро вспыхивала световыми искрами. Слева застыли нарумяненными куклами семь жен царя, справа три царевича, тоже богато разодетых, и еще какие-то два татарина в таком же простом облачении, как многотысячная плотная масса воинов, что выстроилась на конях красивым полукругом. За спиной восточного царя колыхались на древке волосяные хвосты и цветастая хоругвь, перед ним были разостланы льняные полотнища, на которых стояли плошки с дымящимся мясом, высились кучи тканей и мехов, груды узорочья, золотых и серебряных чаш да кубков, а от середины этого виденья, что не приснится ни в каком сне, тянулась к земляной щели длинная бирюзовая лента.

— Все это, конечно, фантазия?

— Естественно. Каждый может изменить тут что хочет или нарисовать в воображении любую другую картинку...

И вот трое пришельцев отделились от пестрой толпы и, выбирая на снегу путь попротоптанней, пошли вдоль ткани к обрыву. Один был, видно, из половцев, другой — темнолицый, узкоглазый и низкорослый, в богатом и пестром одеянии — неведомо какого племени, а третьего, статного и светлобородого, кто-то из беженцев узнал, шепнув соседям, будто это новоторжский гусляр, что поет не князьям, а народу за хлеб на торжищах. Потом, к общему удивленью, меж конских ног протиснулась на истоптанный снег большая пестрая собака и, лая с подвывом, побежала прямо по бирюзовой полосе, оставляя мокрые следы.

— Никак, главный посол бегит,— ахнул кто-то с башни. — Велика честь!

На стене сдержанно засмеялись. Собака прижалась к ногам гусляра и смолкла, и тут закричал тонким голосом половец:

— Великий хан стран восточных Бату желает оказать уважение князю вашего славного селения, которое

счастливо оказалось на пути его быстрых коней! Мы, послы, несем слово Бату князю Басили.

Со стены послышались веселые голоса:

— Наш Козля токо-токо глазыньки продрал!

— Обувается и ругается, почто с раницы подняли да ненадеванные сапоги жмут!

— Да не как-нибудь тебе ругается, а в Бату-мать!

От взрыва хохота, прокатившегося по стене, испуганно переступили копытами и замотали головами кони у леса. Половец чего-то недопонял, спросил гусляра и прокричал туда, к лесной опушке, до которой не должны бы долетать урусские слова и стрелы, что князь Басили, прежде чем увидеть великого и грозного Бату, творит утреннюю молитву. Внук Темучина сын Джучи гордо распрямился, потом нахмурился и спросил, чему же так смеются урусы. Ответа он не успел дождаться— толпа на стене раздвинулась и открылось высокое узорчатое сиденье, на котором виднелся маленький человечек, окруженный бородатыми мужами. Они были в богатых одеждах, отделанных мехом и черно-красным шитьем, поглядывали то на пришлого царя со свитой и войском, то на малолетнего князя своего, тоже приодетого как следует быть: длинный, ниже колен кафтан малинового цвета, перехваченный золотым поясом с раздвоенными концами, воротник, рукава, полы расшиты золотом и по груди от шеи до пояса тоже шла золотая прошва с тремя поперечными золотыми же полосами; красные востроносые сапоги, синяя шапка с красными наушниками и зеленым подбоем...

— Ну, эти-то подробности могли быть совсем другими — никто же не видел, как одевали малолетних князей!

— Почему же? В знаменитом «Изборнике» Святослава 1073 года изображен прадед князя Игоря Святослав Ярославич со своим семейством, и я привел точное описание одежд малолетнего Ярослава Святославича, будущего основателя династии рязанских князей. Не знаю, как изменились моды за полтора с лишним века, только торжественный наряд Василия козельского мог быть еще богаче и включать, например, золотую цепь на шее да еще в три ряда довольно обычное по тем временам золотое княжеское украшение. Впрочем, детали туалета князя Василия здесь не суть важны...

— Могучий восточный царь Бату, — снова закричал половец, — пришел гостем к богатому и славному князю Басили и оказывает ему великую честь! Он приглашает его и знатных людей города отведать яств и принять щедрые подарки!

— Если царь Бату пришел гостем, — через минуту ответили со стены, — то пусть и пожалует со своей свитой к нам. Мы спустим со стены удобные лестницы и встретим гостей чем богаты.

Бату-хан, когда ему перевели ответ, поежился и хмуро посмотрел на Субудая.

— Великий и могучий восточный царь Бату, — продолжал половец, выслушав спутника-монгола, — пожалует также князя Басили землями и городами с вечной богатой данью! Юный князь Басили станет в этой стране самым сильным, самым великим князем!

— Щагол щаглуя на осиновом дубу! — раздался со стены молодой дерзкий голос, и, показалось, башни дрогнули от хохота, и кони снова замотали головами, а собака гусляра залаяла надрывно, с подвывом.

— Цыц! — утихомирил народ бородач в собольей шубе, стоявший подле князя, и зычным голосом обратился к послам: — Наш князь желает знать, за какие услуги он получит от царя Бату этакое ублаженье?..

Любознательный Читатель. Вся эта сцена придумана?

— Да, но есть основания придумать ее. Предводители орды всегда пытались брать города малой ценой, сначала склоняя жителей к капитуляции лестью, обманом или угрозами. Так было и до Козельска и после него. С. М. Соловьев писал, например, что у одного из городов на Буге Батый поставил двенадцать пороков, то есть стенобитных машин, но не смог разбить стен и «льстивыми словами начал уговаривать граждан к сдаче, те поверили его обещаниям, сдались — и были все истреблены». Что же касается Козельска, то Ипатьевская летопись прямо свидетельствует: враги сначала попытались «град прияти» не каким-то другим способом, а именно «словесы лестьными», то есть лживыми. Не вышло...

— Чем должон платить наш князь за этакие милости? — спросили со стены.

— Великий и щедрый царь Бату желает почтить юного князя богатыми подарками, а всех жителей ми-

лостью своей, когда они откроют этот славный город для нашего недолгого отдыха.

Князь Василий вдруг вскочил с места, шагнул и выбросил вперед руку со странно сложенными пальцами—меж указательным и средним торчал розовый большой. Стена загудела шибче, вокруг ханской юрты возникло шевеленье, послы оживленно заговорили меж собой, собака жутко завыла, а гусляр вдруг закричал, что у безбожных агарян льстивые языки, мало сил, а стрел и корма нет. Его перекричал тонким голосом половец:

— Иначе великие полководцы Субудай и Бурундай разотрут ваш город в пыль, а жителей утопят в крови!

Потом никаких слов не стало слышно, и половец вместе с монголом потащили певца к ханской юрте. Их свирепо хватала за полы собака.

— Ату Бату! Ату Бату! — кричали со стены.

Несколько всадников ринулись навстречу послам. Один из воинов спешился, взмахом сабли разрубил собаку пополам, потом воткнул гусляру нож выше левой ключицы, вспорол грудь и бросил вырванное сердце к стене. Оно трепетало на снегу, замирая. Все онемело и закаменело вокруг на мгновенье.

Вот крики ужаса и боли разорвали тишину, над местом казни гусляра воздух со свистом пронзили стрелы. Длинные, шурша на излете опереньем, они долетели до ханской юрты. Всадники загородили хана и его свиту живой плотью, а вся орда подалась назад, в кусты. Пали с коней насквозь пронзенные воины, завизжали кони. Субудай спокойно и внимательно смотрел из кустов, как далеко летят с башен эти тяжелые урусские стрелы. Человеческая рука не могла натянуть тетиву столь сильного лука, и, должно быть, здешние урусы умели делать воротковые натяжные устройства. Таких луков сейчас не было в распоряжении Субудая, как не было стрел.

Приближаться к стене полководец теперь опасался — караульные на башнях посылали свои сильные стрелы даже в шевелящиеся кусты. Его, окруженного стражей, узнавали со стены и не раз пытались достать дальнобойной стрелой. Маленький князь урусов с утра

до вечера бегал по стене со своими ровесниками. Взрослые воины разрешали ему наводить стрелу и спускать чеку...

Все это было так, не совсем так или совсем не так; бесспорными, подлинно научными подробностями о беспримерной Козельской обороне мы не располагаем и даже не знаем в точности, кто такой был малолетний князь Василий козельский. На Руси несколько князей носили это имя. Василий (Василько) Борисович, например, внук смоленского князя Давыда Ростиславича, в 1218 году княжил в Полоцке и упомянут только В. Н. Татищевым. В том же году, по летописным данным, умер на княжении в Торжке Василий Мстиславич, сын Мстислава Удатного и внук Мстислава Храброго. Уцелел во время нашествия орды Василий Всеволодович, правнук Всеволода Большое Гнездо, умерший в 1249 году князем ярославским. 4 марта 1238 года, как мы знаем, принял мученическую смерть в Ширенском лесу Василько Константинович ростовский...

О происхождении же Василия козельского ничего неизвестно. Екатерина II в своих исторических сочинениях и петербургские геральдисты при учреждении герба Козельска назвали его «Титычем», но никакими документами или ссылками на них это отчество подтверждено не было, и современные историки условно считают малолетнего козельского князя, при котором его удельный городок выдержал феноменальную семинедельную осаду орды, внуком князя козельского и черниговского Мстислава Святославича, что погиб в 1223 году,— над ним и его соратниками, завернутыми в ковры, пировали Субудай и Чжэбе после победы на Калке...

Цепочка прошлого разорвалась, в ней недоставало одного крепкого звенышка, и я все чаще вглядывался в маленький кружочек на карте.

Надо ехать в Козельск!

Многие средневековые города Чернигово-Северской земли, упомянутые в летописях как свидетели боль-

ших исторических событий, исчезли, и ученые давно спорят, где находились, к примеру, Домагощ или Неренск. Но Козельск-то стоит на прежнем месте, и пора нам с читателем побывать в нем, и если даже мы не найдем ни одной достоверной и свежей подробности, связанной с его героической обороной, то просто поклонимся этому святому месту и осветлим нашу память о предках минутой уважительного молчания.

Солнце не показывалось целый день; хмурились, суля дождь, небеса, но под вечер очистились, по-осеннему блекло заголубели. Солнца отсюда не было видно — приверха вошла в тень крутого левобережья, зато щедрым предзакатным светом облило оно по ту сторону реки высокую охвоенную гряду, похожую на гигантскую зеленую стену, желтеющий лиственный лес у ее подножья, и посреди него, как в старой позлащенной раме, виднелись купола, скелеты шпилей, щербатые стены, невзрачные пристройки и еще что-то бесформенное и неразборчивое.

В начале-то я, никогда не бывавший в этих краях, подумал, что Жиздра делает крутую невидимую петлю, тот берег — тоже левый, и, стало быть, это и есть Козельск — такой крохотный. Но вот впереди и как-то вроде бы вверху вдруг проглянул городок, тоже, правда, невеличка, но над ним дымили трубы, с горы грохотали, шипя тормозами, разболтанные грузовики, какой-то лишайный автобус катил будто бы прямо в лоб, и я понял, что Козельск перед нами, вот он, а на другой стороне — Оптина пустынь...

До ночи удалось и в гостинице устроиться, и насчет пропитания договориться, и разыскать знатока всего здешнего — журналиста и краеведа, майора в отставке Василия Николаевича Сорокина; хороший, однако, город Козельск!

Козельск так стоит, что на него отовсюду надо смотреть снизу вверх. В этом месте круто обрывается довольно высокая водораздельная гряда, изрезанная оврагами и долинами приточных речек. Наверное, такая орография и предопределила название города — по узкому водоразделу мигрировало зверье, а дикие козы шастали по безопасным кручам, под которыми

бурлила на перекатах хрустальная вода. Перекаты и сейчас можно углядеть, хотя время утихомирило их. В глубокой же древности здесь пошумливало, знать, довольно шиверистое место, на котором и плот с медовыми туесами добычливый вятич мог посадить, и днище лодки пропороть да подмочить меха. Воображаю, как досадовал этот оборотистый и торопливый вятич; надо б подарок принести каменному богу, что грозно стоял на круче еще с тех времен, когда сплавлялись тут с товаром его дед и прадед, не ленившиеся зачалиться перед каменным перекатом и подняться к священному капищу...

Да, с помощью воображения можно перенестись сюда на тысячу лет назад, но никакое воображение не поможет нам стать вровень с нашим предком, обладавшим сложнейшей системой дохристианских верований и поверий, располагавшим разнообразным ареопагом богов, мифологией, забытым нами ощущением единства человека и природы, связи с предками, своеобразными выразительными средствами в искусстве — всем тем, что мы называем славянским язычеством. Нужно его *знание,* чтобы попытаться понять то время и многое-многое из последующего. Например, объем философских, литературных и политических загадок «Слова о полку Игореве» значительно возрастает ввиду двоеверия автора, написавшего свое гениальное произведение два века спустя после крещения Руси. Храмы и монастыри давным-давно стояли на нашей родине, жизнь каждого русича начиналась, сопровождалась и кончалась христианскими обрядами, книги религиозного содержания были уже два столетия в широком ходу среди грамотных людей и вдруг — являются на свет Даждьбог, Стрибог, Велес, Хорс, дева Обида, Дивъ, Карна и Жля, плач-заклинанье Ярославны, разговор Игоря с Донцом, одушевление ветров, деревьев и рек...

Славянское, как и любое другое, язычество — неотъемлемая составная часть общемировой культуры, и без его изучения наши представления об истории, мире и людях останутся неполными, ограниченными.

...Стою перед тем самым каменным богом, тоже ничего не принес ему в жертву, хотя и у меня впереди опасный перекат, одно из ключевых мест нашего путешествия в прошлое.

Любознательный Читатель. Что за бог имеется в виду?

— Простой языческий бог, вернее, то, что от него осталось. Ржавинки рыжеют на плечах — прожилки железной руды. О нем надо бы рассказать поподробнее, но перед тем — несколько музейных впечатлений, с которых я люблю после первого взгляда на незнакомый город начинать более близкое знакомство с ним и его окрестностями.

Скромный музейчик Козельска добросовестно копирует своих высокопоставленных собратьев — археология, природа, древняя, средневековая, новая и новейшая история, современные трудовые будни в изделиях и портретах. Так и должно быть, но, как и везде, тут должны быть и экспонаты, отличающиеся своей неповторимостью; зная это по опыту, ищу. Среди черепков, костей ржавых мечей и зазубренных стрел висят, прочно прикрепленные к стенду, каменные топорики, каких я раньше нигде не видел. Время совсем не тронуло их, словно мастер только что закончил работу. Особенно хорош самый большой топор — до чего ж красив и симметричен, с какой стороны ни глянь! Щечки сливают к рабочей поверхности так плавно и равномерно, словно делались с помощью точнейших мерительных инструментов. Отверстие сходит на конус, чтоб можно было в нем расклинить палку, но неужто оно сверлилось не на современном станке? Глаз не может заметить малейшего отступления от идеального круга, я долго любуюсь древним изделием, не выдерживаю и выбегаю к машине, чтоб раскопать в багажнике штангенциркуль. Начинаю мерить, надеясь все же найти заоваленность хотя бы в одну-две десятых миллиметра. Не тут-то было! Разрешающие возможности моего прибора подтвердили — отверстие диаметром ровно в двадцать два миллиметра! Снова я залюбовался топориком... Конструктор Туполев однажды сказал, что некрасивый самолет не полетит; древний мастер, несколько тысяч лет назад работавший в глухом лесном уголке Восточно-Европейской равнины, знал, что красивым инструментом легче сделать красивую вещь...

Экспонаты из местного Дешевского кургана, раскопанного в конце 50-х годов, предметно и убедительно

рассказывают, как в первых веках нашей эры стоял здесь *город,* то есть огороженное валами и защитным тыном селение, жители коего почти *за тысячу лет до своей письменной истории* умели не только ловить рыбу, добывать мед, мясо лосей и бобровый мех, но и возделывать злаки, и плавить в сыродутных горнах железную и медную руду, ковать металлические изделия для военных и мирных занятий, делать глиняные горшки, прясть и ткать. К сожалению, эти бренные остатки далекого прошлого, которое было не хуже и не лучше, чем у других племен тогдашней Евразии, не доносят до нас сведений о том, какими верованиями жили эти люди, каким богам поклонялись, что за сказки рассказывали своим детям, как шло формирование их психических черт, отличающих один народ от другого...

А вот изящнейшее женское украшение XII века. Точный химический анализ показал, что сделано оно из... уральской бронзы! Значит, и в те времена расстояния между народами были не столь непреодолимыми, как нам это может казаться сегодня, и конечно же кроме связей с далеким Востоком существовали куда более прочные связи с Западом и Югом, о чем так подробно и живописно сообщают русские летописцы.

И еще несколько уникальных экспонатов из разных экспозиций. Первые два — самое древнее из всего, что тут есть. Это корневище папоротника-многоножки и мох-шестостега, реликтовые растения доледникового периода, каким-то чудом уцелевшие в Чертовом городище — лесном урочище неподалеку от Козельска. Особенно интересен мох. Он растет на скалах и в пещерах Чертова городища, в отличие от всех своих сородичей фантастически светится ночами, и я готов понять древнего вятича, который в этом месте мог поверить черт-те во что...

Дальше — не экспонат, а просто точка на подробной карте района. Чуть выше Козельска значится на Жиздре крохотный кружочек, название которого отдалось почему-то внеочередным толчком в сердце. Через несколько дней мы съездили туда, издали полюбовались старинной церквушкой, оживляющей простор,— кроме нее ничего не осталось от имения, хотя небольшое соседнее сельцо сохранило прежнее

название — Волконское. Вспоминаю Сергея Волконского, его супругу Марию Волконскую, с дневника которой началось мое путешествие в декабристское прошлое... Фамилия одного из знаменитейших в старой России родов, ведущего свое происхождение от Рюрика и черниговских князей, красивая, даже поэтичная, но только тут я узнал, что в ее основе — историко-топонимический прозаизм. В древности здесь были приметные жиздринские пороги, мешающие лодочникам. Суденышки перетаскивали берегом с помощью конной тяги, отчего это место и прозвалось Волоком Конским...

Козельские вышивки. Мельком взглянув на них, я отвел глаза, чтоб остановиться на чем-нибудь другом, потому что такие рукоделия пестрят в любом периферийном музее, а за год до этого мне довелось досыта насмотреться на одну необыкновенную коллекцию. Черниговцы провели наше небольшое семейство в дом Сологуба на Валу, где среди других запасных экспонатов хранится в железном ящичке выписка Томской консистории о бракосочетании нежинского уроженца — декабриста Николая Мозгалевского нарымским летом 1828 года.

А соседние подвальные помещения были заняты своего рода феноменом — вакханалией цвета, сотворенной легионом безвестных рукодельниц. Двенадцать тысяч роскошно расшитых рушников! И не было там ни одного изделия, повторяющего другое в композиции рисунка, орнамента, сочетании величин и цветов. Мы долго не могли уйти оттуда, поражаясь народной фантазии, девичьему и женскому терпению, трудолюбию и душевной щедрости, которым, наверное, никогда не не будет конца, если народ убережет себя от бездушия и торопливого упрощенчества, подравнивания вкусов и снобистского безразличия.

От козельских же вышивок, повторяю, я отвел было взгляд, но его почему-то потянуло назад, да и жена с дочерью застряли у этих скатертей, полотенец, занавесок и накидок. Круги всех размеров — атавистический след древнейшего культа солнца, петухи, символизирующие огонь, волнистые строчки — вода, простые, сложные и даже вычурные орнаменты — крестами, крестиками, линиями крест-накрест, во всем этом

было нечто такое, чего я нигде более не встречал. Ах, вот в чем дело! Везде одна и та же цветовая гамма, оттолкнувшая поначалу своей монотонностью и притянувшая тут же своей цветовой остротой,— *красное и черное.* Почему такое ограниченное и столь принципиальное постоянство? Как это ни странно, цветовой фон вышивок был разнообразнее — небесное от синьки полотно, сизые и серые тканины, тончайшая, словно льющееся легкое серебро, льняная выделка и она же отбеленная до снежного хлада, будто излучающая тихий свет. Но что же выражает на их фоне это резкое сочетание красного и черного, которое поколения козельских рукодельниц донесли до нас, наверное, с языческих времен?

Живописцы, работая над трагедийным сюжетом, не могут обойтись без красного и черного. Только в их распоряжении множество иных красок и оттенков, а тут лишь эти две в контрастном своем единстве, и не может быть, чтоб оно ничего не значило,— наши предки чувствовали эмоциональную силу цвета, остро ощущали его символико-смысловую функцию. Вспоминаю, что в бесподобной словесной живописи «Слова» два главных грозно-трагичных противоцвета — *черный и червленый* на фоне движущихся, трепещущих, сияющих переливов *синего, златого и серебряного, серого и сизого,* просто *красного,* то есть красивого, и просто *света,* идущего от солнца, и *света светлого* — от человека...

А геральдисты в XVIII веке, учреждая герб Козельска, напоминая о беспримерной обороне его жителей в веке XIII, так выбрали цвета: «...в червленом поле, знаменующем кровопролитие, накрест расположенные пять серебяных щитов с черными крестами, изъявляющими храбрость их защищения и несчастную судьбину, и четыре златые креста, показующие их верность». И если даже совпадение всех этих цветовых гамм фантастически случайно, оно замечательно тем, что будит фантазию...

Самого ценного экспоната Козельского музея, однако, я не упомянул, хотя увидел его прежде других и с трудом расстался напоследок. Стоит он почему-то не в здании музея, а посреди крохотного его дворика, варварски забетонированный в квадратную тумбу, с

безжалостно пришурупленной металлической табличкой, поясняющей, что это подлинный — лихолетья 1238 года — памятник нашего средневековья.

Поначалу он, вытесанный из прочнейшего железистого песчаника, был здешним языческим идолом. Когда пришла другая вера, ему оббили и отполировали голову, сильно стесали бока, и получился грубый каменный крест. Козельцы вспоминают, сколько приезжих и проезжих ученых с почтением осматривали эту историческую реликвию, рассказывают о том, как незадолго до своей кончины побывал здесь Сергей Тимофеевич Коненков. Он посетил Оптину пустынь, встретился с местной общественностью, подарил городу одну из своих скульптур, а на музейном дворике долго присматривался к этому кресту, похаживал вокруг, пощупывал его своими чуткими многомудрыми руками...

Никто не знает, когда языческий идол вятичей превратился в христианский крест, но верней всего, что далеко не сразу после киевского крещения Руси. С незапамятных времен по верховьям и притокам Оки жило это восточнославянское племя, быть может, самое отважное, предприимчивое и мобильное среди сородичей, потому что дальше других проникло в лесной северо-восток, пососедившись с финно-уграми. По обряду захоронения и характерным женским украшениям археологи установили его точную западную границу — она шла как раз по водораздельным высотам между бассейнами Десны и Оки — и южную — лесостепную. На северо-востоке пределы земли вятичей расплывались в безбрежных лесах, среди которых позже возникла столица самого большого на земле государства, так что как бы ни перемешивались москвичи с пришлыми и приезжими последнюю тысячу лет, племенной их корень все же вятичский.

Несмотря на сибирское мое рожденье, я тоже могу причислить себя к этому роду-племени, потому что все мои предки с незапамятных времен жили на Рязанщине; вятичи, тесня на восток финно-угорские племена, еще в раннее средневековье проникли до муромских лесов и мещерских болот. И только тут, в Козельске, я вдруг вспомнил, что мама однажды прислала мне в студенческое общежитие посылку из Чернигова, в ко-

торой была небольшая пуховая подушка с наволочкой, вышитой по ранту красным и черным крестом...

Границы расселения вятичей, за исключением западной, менялись с VIII по XIII век, но географическим центром их земли всегда оставался район Козельска. Неизвестно, существовало ли у племени столичное поселение, только жиздринские козьи кручи для него были идеальным местом — опасные границы во все стороны далеки, а на этих обрывах легче обороняться. Кроме того, степь с ее вечной угрозой надежно была отгорожена двумя широкопойменными водными потоками и непроходимой полосой дремучих лесов, сохранивших свое стратегическое значение, между прочим, до XVII века,— через них шла знаменитая засечная черта, тянувшаяся отсюда аж до Нижнего Новгорода. А с северо-запада к району Козельска примыкало малолесное и сухое водораздельное плато с хорошими, пригодными для земледелия почвами. Однако главное достоинство этого места заключалось в другом: козельские крутяки располагались на переломной порожистой точке важного водного пути древности: Днепр — Десна — Рессета — Жиздра — Ока — Волга. О торговом и военном значении этого широтного пути и стратегической важности пункта посреди него история говорит примечательными, хотя и скупыми словами.

Тысячу лет назад, а точнее, в 981 году, киевский князь Владимир — еще не Креститель и не Святой, а Красное Солнышко — после войны с поляками, во время которой захватил «грады их Перемышль, Червень и ины городы, иже суть и до сего дне под Русью», предпринял большой поход в противоположную сторону, на землю вятичей. «И Вятичи победи и възложи на нь дань»...

Из краткого продолжения Несторовой записи мы узнаем, что, во-первых, вятичи, жившие на лесной окраине средневековой Руси, были в основном земледельцами, потому что платили дань не звериными шкурами, например, «по черной куне» с дыма или «по беле» со двора, а «от плуга», и, во-вторых, так было еще во времена Святослава. Вот эта интереснейшая концовка: «...и възложи на нь дань от плуга, яко же отець егоималъ». И третье немаловажное сведение скрыто за

столь лапидарным сообщением первого нашего историка — вятичи перед тем сумели как-то освободиться от дани Киеву, обрести независимость.

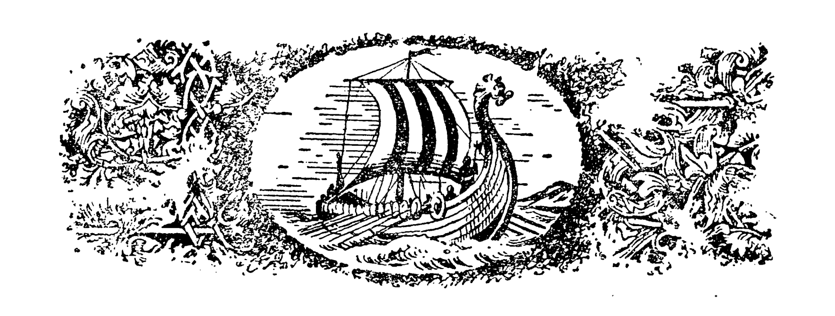
Покорение их Владимиром в 981 году, кстати, было тоже не окончательным — гордые вятичи тут же «заратишася», то есть восстали с оружием в руках, и Владимиру пришлось предпринять еще один поход. Отчаянно сражались вятичи на своих засечных границах, стойко держались в городах, в том числе, конечно, и над жиздринскими кручами, но силы были слишком неравными. Эта кровопролитная победа потребовалась киевскому владыке не только и, наверное, не столько ради дани — походы во все концы давали немало, так сказать, «с меча», а традиционно земледельческая хлебородная южная Русь «с плуга» — неизмеримо больше тогдашнего Нечерноземья; куда важнее было стратегическое и политическое значение события 982 года. Через год «иде Володимиръ на Болъгары с Добрынею оуемъ своимъ в лодьяхъ».

Любознательный Читатель. Что это за Добрыня?

— Былинный Добрыня Никитич, дядя Владимира по материнской линии, сын древлянского князя Мала, побежденного Ольгой. Сестра Добрыни Малуша стала матерью Владимира... Так вот, покорение вятичей открыло водный путь с Днепра на Волгу. Политический смысл этой победы состоял в том, что вятичи, а через два года и радимичи стали последними большими восточнославянскими племенами, с подчинением которых Киеву завершается процесс огромной исторической важности — средневековая Русь окончательно утвердилась как единая и могучая многонациональная европейская держава с централизованной властью, хотя начальные государственные образования в виде княжеств здесь существовали задолго до призвания варягов, которое тешило и тешит норманистов.

— Доныне?!

— Да, что всегда использовалось в политических целях. Все главные события средневековой Руси ставились и до сего дня иногда ставятся в чрезмерную зависимость от деятельности пришельцев, чтобы доказать неспособность наших предков к самостоятельному историческому развитию, к созданию собственной государственности.

26 Начальные «обоснования» норманнского происхождения русского государства навязали русской науке в XVIII веке немецкие ученые, прибывшие на работу в нашу Академию наук, основанную в 1724 году Петром I. Математики, ботаники, физики сделали очень много для становления молодой русской науки, неоспоримы заслуги историка Г. Ф. Миллера, но тот же Г. Ф. Миллер, а также Г. З. Байер и особенно рьяно А. Л. Шлёцер выступили с измышлениями о неполноценности средневековых славян, русских. Шлёцер: «Русская история начинается от пришествия Рюрика... Дикие, грубые, рассеянные славяне начали делаться людьми только благодаря посредству германцев...» А вот что писал исторически недавно один норманист-чудовище: «Организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство». Это Гитлер, «Mein Kampf» («Моя война»). Или, например, такое о наших предках и нас с вами: «Это низкопробный людской сброд, славяне, *сегодня* столь же неспособны поддерживать *порядок,* как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков»— это другой учредитель «нового порядка», Гиммлер... Два слова в этой цитате я выделил, потому что в наши дни публикуются на Западе писания наемных историков и политиканов, мечтающих навести свой новейший *порядок* на европейском Востоке.

Западногерманский историк Ганс фон Римша в своей книге «История России», вышедшей в 1972 году третьим изданием, продолжает выводить ту же мелодию на своей губной гармошке: «Государственной организации восточные славяне не знали... В древней русской летописи, составителем которой, вероятно, был варяг, а редактором, несомненно, варяг, описано «призвание князей»... Русским выпало на долю великое и редкостное счастье... Правящая династия была, вне всякого сомнения, варяжского происхождения... Основатель династии, варяг Рюрик, фигура исторически еще достаточно смутная...» И так далее. А вот что пишет в книге «Восток минус Запад равен нулю» некто Вернер Келлер, бумагомарака, не имеющий ни малейшего отношения к исторической науке: «История о призвании Рюрика, возможно, приукрашена в легендарном духе. Но неоспорим тот факт, что варяжская высшая прослойка приносит восточным славянам *порядок...»* (Курсив здесь и далее мой.—*В. Ч*).

Возвращая читателя в XVIII век, напомню, что против немцев-норманистов сразу же выступил М. В. Ломоносов. В XIX веке норманнскую теорию поддержали Н. М. Карамзин, исходя из монархических тенденций своей «Истории Государства Российского», и М. П. Погодин, дошедший до такой крайности, как высказывание о германском происхождении «Русской правды» Ярослава Мудрого, а также А. Куник, датский филолог В. Томсен и некоторые другие. Всем им возражали в принципе и множестве частностей знаменитый русский историк С. М. Соловьев, М. Т. Каченовский, М. А. Максимович, Ю. И. Венелин, С. А. Гедеонов, Г. В. Васильевский, боролся с норманистами Д. И. Иловайский — и это было тогдашним главным историческим полем научных сражений. Отголоски их проникали в политику, философию, официальную идеологию, педагогику, литературу. А. К. Толстой в стихотворной сатире «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (А. Е. Тимашев — министр внутренних дел, неусыпный запретитель свободомыслия в печати.— *В. Ч.*) иронически писал о «призвании» варягов:

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?

Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.
Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

Последующий текст со многими строчками, написанными по-немецки, не оставляет никакого сомнения, что поэт-патриот выступает против норманистов. А издатель-редактор «Московского наблюдателя» И. Колошин излагал дело уже «на сурьезе»:

Князей Варяжских призывая,
Славянский порешил совет
Сказать им: наша Русь большая,
Но на Руси порядка нет.

Любознательный Читатель. Не причисляя себя к норманистам, замечу, что призвали Рюрика все же для наведения *порядка* на своей земле.

— Разве?

— Это же каждому школьнику известно!.. Наизусть помню: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет».

— Интересно, откуда вы взяли эту фразу?

— Из «Повести временных лет» Нестора. Откроем хотя бы «Изборник» двухсоттомной «Библиотеки всемирной литературы».

— Откроем... Да, здесь тоже переведено именно так, хотя читатель может найти на противоположной странице фразу оригинала, где ни о каком «порядке» речи нет.

— Как?!

— А вот так... Смотрите сами. И заглянем еще в первоисточник, то есть в Ипатьевскую летопись. Второй том «Полного собрания русских летописей», столбец 14: «...вся земля наша велика и обильна, а *наряда* в ней нет». Как видите, ни о каком порядке здесь ничего не говорится. Речь идет о *наряде.*

— Что же означало слово «наряд»?

— Не только праздничную одежду, но и другое — примерно то же, что и сейчас... Бригадир, скажем, дает рабочим наряд, то есть задание, указание, что делать. У Даля «наряд», в частности,— это «повестка, повещенье, приказанье о посылке людей в работу».

И Татищев первым растолковал это летописное слово как «распорядок и справедливость», «руководительство». Переводить же слово «наряд» как «порядок» мы взялись, кажется, со времен Н. М. Карамзина и до сего дня не можем остановиться...

Должен сообщить читателю и нечто особенное. В 1977 году впервые опубликована Холмогорская летопись. В предисловии к изданию говорится, что на обложке подлинника вытиснено: «Из древлехранилища Погодина». Русский историк прошлого века М. П. Погодин, сделавший так много полезного, был, однако, как и Н. М. Карамзин, последовательным норманистом, почему и не придал должного значения соответствующей фразе из принадлежавшего ему рукописного сокровища, и я выделю в ней слово, нужное нам для выяснения важнейшей исторической истины: «И си реша чюдь, словене, кривичи варягом: «Вся земля наша добра есть и велика, изобилна всем, а *нарядника* в ней несть». А в 1978 году в 34-м томе «Полного собрания русских летописей» опубликован так называемый Пискаревский летописец. В нем перечисляется многонациональный состав того своеобразного средневекового полугосударства — словене-новгородцы, чудь, кривичи и меря, вначале изгнавшие варягов, а потом призвавшие себе князя, «иже бы владел нами, *рядил* ны и судил вправду». В Ипатьевской летописи эта мысль выражена так: «...и *рядил по ряду,* по праву».

Есть очень примечательные строки и в Мазуринском летописце, напечатанном за десять лет до Пискаревского: «...вспомянуша наказание Гостомысла всей Русской земли и послы своя послаша в Варяжскую землю». И наконец, согласно Пискаревскому летописцу, послы эти сказали следующее: «Вся наша земля добра есть и велика и изобильна всем, а *рядника* в ней нет». И наконец, давно известная Тверская летопись: «...вся земля наша добра есть и велика и изобилна всемъ, а *нарядникъ* в ней нетъ».

Великоновгородское полугосударственное образование середины IX века было огромным: оно включало земли *словен*-новгородцев, *чуди* — этим словом назывались тогда эсты, живущие в Прибалтике, а также

угро-финские племена Прионежья и Северной Двины, *веси* — угро-финских племен, заселявших крайний север средневековой Руси до побережья Белого моря, *кривичей*-славян, занимавших весьма протяженное широтное пространство от Немана до Волги, а также *мери* — смешанных племен угро-финской языковой группы, обитавших на лесных просторах нынешних Владимирской, Ивановской, Ярославской и Костромской областей...

Когда престарелый новгородский князь Гостомысл, оставивший какое-то «наказание», то есть завещание, умирает, все перечисленные выше народы, ранее как-то объединенные настолько, что «изгнаша Варягы за море», теперь «почаша сами в себе володети» и «вста род на род и быша усобице в них»...

— Приглашают варягов же?

— До сих пор никто в точности не знает, кто такие были варяги. Татищев их считал финнами, хотя этот народ назывался в те времена «емь». Другие полагали их шведами или норвежцами, и это самая живучая версия. В «Краткой истории СССР», вышедшей в 1978 году, варяги названы норманнами, в одной итальянской публикации 1979 года утверждается, что «норманны, они же викинги, они же варяги...» Недавно появилась у нас большая работа о том, что варяги — это не кто иные, как кельты — остатки древнеевропейцев, вытесненные германскими племенами. Судя по многочисленности взаимоисключающих точек зрения, все они недостаточно верны.

Вспоминаю, как много лет назад, вчитываясь в «Слово о полку Игореве», составил я полный список упоминаемых в поэме племен и народов. Поразительно, в «Слове» нет ни полян, ни словен, ни вятичей; образовался уже на Русской земле народ, названный автором-северянином прекрасным гапаксом «русичи»; это был неологизм, образованный от корня «рус» по образу и подобию такого славянского патронима, как «вят-и-чи». А вот по алфавиту еще пятнадцать племен и народов: венедици (последние венеды или венецианцы?), готы (крымские), греки, деремела, касоги, латины, литва, ляхи (поляки), морава (чехи), немцы, овары, половцы (поганые), угры (венгры), хинова, ятвязи (литовцы)... И никакого упоминания о варягах, хотя они,

как полагают норманисты, играли решающую роль в судьбах средневековой Руси!

Кто такие были викинги и норманны, чем занимались? В их цели никоим образом не входило создание где-либо государственности или «порядка»! Они плавали по морям, отыскивая на островах и побережьях богатые мирные поселения. «Викинги убивали местных жителей, даже если они не оказывали им сопротивления, которое обычно было малоуспешным, так как нападавшие отличались необычайной воинственностью и отвагой... Среди викингов особенно выделялись берсерки, могучие и свирепые воины, приходившие во время битвы в такое исступление, что они выли, кусали свои щиты и сбрасывали с себя одежду; они считались неуязвимыми, пребывание их в дружине конунга служило признаком его силы и славы... Захваченный скот они гнали к берегу моря, где закалывали его, все награбленные ценности вывозились, строения разрушались и поджигались. Пленников продавали в рабство» (История Норвегии. М., 1980, с. 101).

А недавно во взглядах на норманнскую «проблему» явилось мне новое и благотворное просветленье. Пришло оно, правду сказать, сложным и дальним путем, через судьбу и труды одного замечательного человека, чьи очень важные для нашей темы строки были написаны и спасены для нас при чрезвычайных, трагических обстоятельствах, и я обязан рассказать о них, прежде чем отправиться по основному маршруту в даль сего, как говорится, свободного романа.

IV век до н. э. Греческий мореход Пифей, плававший далеко за Геркулесовы столпы, поведал, будто он открыл в океане большой остров Туле (Фуле), холодный, негостеприимный и неплодородный, где полгода стоит день и полгода — ночь, и в своей книге «Об океане» искусно переплел реальности с небылицами.

III век до н. э. Греческий звездочет, математик и географ Эратосфен, заведовавший знаменитой Александрийской библиотекой, своим авторитетом подтверждает существование Туле.

II век до н. э. Никейский астроном Гиппарх, составивший первый звездный каталог и вычисливший про-

должительность солнечного года, тоже заявляет о своей поддержке открытия Пифея.

I век нашей эры. Великий греческий географ и сухопутный путешественник Страбон, написавший в своей семнадцатитомной «Географии» даже об Индии и серах (китайцах), называет Пифея лжецом, считая, что предел человеческого обитания на севере — параллель Церны (Инвернии, Гибернии), то есть Ирландии.

III—IV—V века н. э. Великое переселение народов. Вытеснение из многих районов Европы ее древних обитателей кельтов, часть племен которых — гаеллы — заселяют Ирландию, где сливаются с остатками первых иберийских насельников.

VIII век. На крайнем севере Европы усиливаются потомки прагерманских пришельцев — норманны — с их грабительскими бросками во все стороны, от которых потом почти четыре века не было покоя ни ближним, ни дальним соседям. Их набеги на Ирландию начались с 795 года. Около этого времени часть ирландцев уплывает от берегов, давно ставших родными, и открывает для себя большой остров среди океана.

Новоселы и их далекие предки даже не предполагали, что может быть на свете такая земля! К ней иногда величаво подплывали гигантские льдины, но сама она никогда не обмерзала. Высокие горы были покрыты вечными льдами, но во многих из них жил огонь, выбрасывающий на мхи, кустарники, озера и пенные реки пепел и грязь. Землю иногда трясло, но вокруг нее плавали несметные косяки рыбы, которой можно было жить. И обнаружилось на острове еще чудо чудесное — из-под земли вечно била горячая вода! Появились на этой земле и норманны, но, так как грабить здесь было некого, кроме друг друга, они теряли свой боевой пыл, мирно селились, становились рыбаками, овцеводами, учеными, монахами, бардами, исполняющими длинные песни-саги, начиная с древнейших преданий о Саге, супруге великого бога Одина, с которым она ежедневно пьет из золотого сосуда, и ее волшебный лик отражается от солнца в воде, и кончая восхвалением воинских подвигов и успешных грабежей усопших и живущих соплеменников, которые ходили и ходят даже в таинственную необъятную землю на далеком востоке, называемую Гардарики, Страну Городов...

А в Страну Льдов, то есть Исландию, потянулись бедные мирные норвежцы, потому что в ней все были свободны и важные дела земли решало общее собрание жителей — альтинг, собрат средневекового русского веча; *это были первые в социальной истории средневековья народные парламенты.*

1190 год. На севере Исландии метет теплая вьюга, опутывает белой пряжей одинокий Тингейрарский монастырь, в темной громаде коего едва светится маленькое окошко, за которым некий монах Одд сын Снорри, перебирая-вспоминая древние предания и записи, пишет при свете плошки на латинском: «(972—983 гг.) В то время правил в Гардарики (на Руси) Вальдамар конунг (Владимир I) с великой славой... Этот Вальдамар был отцом Ярицлейва (Ярослава Мудрого) конунга».

Зародились исландские саги — интереснейшее явление мировой литературы и истории! Новые и новые бесценные манускрипты являлись в Исландии, переводились, исчезали, вновь зарождались, переплетали недостоверное и явь; чаще, впрочем, было последнее — правда истинная.

«Хакон (сын Сигурда Хладаярла) потерял отца в юности, и когда он узнал о смерти отца своего, он достал себе корабль и людей и хорошо вооружил свою дружину и поплыл на восток в Вик, а оттуда в Восточное море. Принялся он грабить и стал разбойником-викингом. Он грабил в Швеции и у гаутов, виндов и куров и на востоке до самой Сюслы (о. Сааремаа)...»

«Так говорит... Глум, сын Гейри, в своей песне, что Эйрик грабил... в Халланде и в Сконе и во многих местах в Дании, и всюду ходил он в Курланде и в Эстланде, и во многих других странах, грабил он на Востоке, также во многих местах в Швеции и в Гаутланде. Он ходил на север в Финнмарк и до самого Бьярмаланда войной... И после того как Эйрик пришел в Англию, он грабил повсюду в западных странах. Поэтому его прозвали Эйрик Кровавая Секира».

Вчитываюсь в новые и новые исландские саги, как когда-то вчитывался в монгольское «Сокровенное сказание»; в них много общего: война, грабеж, сражения, грабеж, битвы, грабеж, захват драгоценностей. Эйрик «грабил во многих местах на Востоке...», Олав

«поплыл назад в Финнланд и грабил там...», Сигизмунд с товарищами «грабил на островах и мысах». Харальд «убил много народу, грабил повсюду в стране той и добыл огромное богатство»... Гамли и Гудорм «отправились в поход сначала на восток, а потом в Норвегию и делали столько зла, сколько могли»...

Простой стиль, голая фактура, обнаженность мысли тут и там — все это соответствует младенческой поре в культуре этих народов. Еще одно место: «Олаву было тогда 9 лет. И замахнулся Олав топором, и ударил по шее, и отрубил голову, и говорили, что это — славный удар для такого юного человека». Поразительное, ужасное совпадение! Олав Трюггвасон (норвежский король 995—1000 гг.), как и Темучин, когда ему было тоже девять лет, становится убийцей! Лишь иногда в сагах сквозь описания убийств и войн прорывается иное, истинно человеческое. Вот интересное мировоззренческое суждение Олава конунга, еще язычника, которое он высказывает князю Гардарики Владимиру Крестителю: «Я никогда не боюсь богов, у которых нет ни слуха, ни зрения, ни разума; я понимаю, что они не смыслят, и вижу, господин, каковы они по природе; из того, что вижу тебя каждый раз с ласковым обычаем, кроме того времени, когда ты там и приносишь им жертвы, и всегда мне кажется, что не на счастье ты там. И поэтому я понимаю, что те боги, которых ты чтишь, правят мраком».

А вот сдержанно-интимное чувство человека, видно, оставившего свое сердце на далекой Руси: «Корабль прошел мимо обширной Сицилии; быстро шел корабль, на котором были храбрые мужи; мы были горды, как и можно было ожидать; меньше всего жду я, чтобы трус достиг того же; но все-таки девушка в Гардах словно и не хочет меня знать...»

Или другое, более важное для нашей темы — об отношениях русских и наемных скандинавов, о торге Ярослава с Эймундом насчет условий, на коих соглашался служить русскому князю отряд норманнов. Одна эта глава почти документального стиля говорит о многом...

«Спрашивает конунг, куда они думают держать путь, и они говорят так: «Мы узнали, господин, что у вас могут уменьшиться владения из-за ваших братьев,

а мы позорно изгнаны из (нашей) страны и пришли сюда на восток в Гардарики к вам, трем братьям. Собираемся мы служить тому из вас, кто окажет нам больше почета и уважения, потому что мы хотим добыть себе богатства и славы и получить честь от вас. Пришло нам на мысль, что вы, может быть, захотите иметь у себя храбрых мужей, если чести вашей угрожают ваши родичи, те самые, что стали теперь вашими врагами. Мы теперь предлагаем стать защитниками этого княжества и пойти к вам на службу и получать от вас золото и серебро и хорошую одежду. Если вам это не нравится и вы не решите это дело скоро, то мы пойдем на то же с другими конунгами, если вы отошлете нас от себя». Ярицлейв конунг отвечает: «Нам очень нужна от вас помощь и совет, потому что вы, норманны — мудрые мужи и храбрые. Но я не знаю, сколько вы просите наших денег за вашу службу». Эймунд отвечает: «Прежде всего ты должен дать нам дом и всей нашей дружине и сделать так, чтобы у нас не было недостатка ни в каких ваших лучших припасах, какие нам нужны».—«На это условие я согласен»,— говорит конунг. Эймунд сказал: «Тогда ты будешь иметь право на эту дружину, чтобы быть вождем ее и чтобы она была впереди в твоем войске и княжестве. С этим ты должен платить каждому нашему воину эйрир серебра (одна восьмая часть марки.—*В. Ч.*), а каждому рулевому на корабле — еще, кроме того, полэйрира». Конунг отвечает: «Этого мы не можем». Эймунд сказал: «Можете, господин, потому что мы будем брать это бобрами и соболями и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране, и будем мерить это мы, а не наши воины, и если будет какая-нибудь военная добыча, вы нам выплатите эти деньги, а если мы будем сидеть спокойно, то наша доля станет меньше». И тогда соглашается конунг на это, и такой договор должен стоять 12 месяцев».

Возможность познакомиться с исландскими сагами, бесценным историческим памятником, причем с теми из них, в которых речь идет именно о средневековой Руси, мы получили благодаря великим трудам одного замечательного русского человека, для краткого рассказа о коем нам надо бы вернуться еще к одной исторической дате.

1941 год. Ленинград. Зима, блокада. Бомбежки, обстрелы, голод, холод. Несчетные тысячи смертей. Мрут ученые, рабочие, учителя, инженеры, домохозяйки, дворники, артисты. Умирают дети. Как вспомню записи Танечки Савичевой, комок подкатывает к горлу, и я ничего не могу с этим поделать... О ленинградской блокаде написаны тысячи страниц, но тем, кто пережил ее, все кажется, что рассказано неполно и мало...

По одной из ленинградских квартир, затемненной, с намерзшим льдом на батареях, вдоль полок и шкафов бродит тень человека. На полках и в шкафах книги на исландском, норвежском, шведском, датском, ирландском, финском, латинском, греческом, немецком, английском, французском и других языках, словари, рукописи.

Елена Александровна Рыдзевская (1890—1941) признана ныне классиком советской исторической науки. В предисловии к ее книге пишется: «Рыдзевская была ученым-энтузиастом, была настоящим подвижником науки. Она не имела семьи, вела аскетический образ жизни; она мужественно преодолевала житейские трудности и невзгоды, стремилась свести до минимума хозяйственные заботы, чтобы как можно больше времени отдавать любимому делу — науке. Таким ученым-подвижником она осталась в памяти своих коллег и друзей.

Рыдзевская была убежденным патриотом своей страны. Осенью 1941 г. в суровых условиях осажденного города она старалась помочь фронту, последние недели своей жизни проводила за изготовлением теплых вещей для советских воинов — защитников Ленинграда. В самые трудные дни блокады она не теряла веры в грядущую победу... Ее коллеги, сотрудники Института истории материальной культуры, больные и ослабевшие от голода, перевезли в институтский архив оставшиеся после ее смерти рукописи, отлично понимая их ценность».

Е. А. Рыдзевская первой в нашей науке перевела полные тексты исландских саг, касающиеся Руси. Многие ее работы остались незавершенными. Только папки с подготовительными материалами составляют более 80 единиц хранения фонда. Лишь в 1978 году вышла ее книга, и я для завершения этого нашего разговора

приведу отдельные высказывания, фразы и строчки лучшего знатока темы, чтобы читатель смог самостоятельно разобраться во взглядах автора и сути вопроса.

«Походы викингов на Западную и Восточную Европу с конца VIII в. были разультатом не каких-нибудь внешних обстоятельств или особых свойств характера северных германцев, т. е. скандинавов, а внутреннего процесса разложения родо-племенного строя, выдвижения знати и вождей, перехода от территориальной общины и военной демократии к феодализму».

«Никаких «государственных начал» и сложившегося государственного строя скандинавские пришельцы с собой на Русь не приносили и не могли принести по той простой причине, что и у них самих все это находилось лишь в периоде становления».

«...Скандинавы рано и быстро слились с местным населением и как этнический элемент растворились в нем».

«Варяги — это прежде всего скандинавские разбойничьи дружины, приходившие на Русь за данью; далее это наемные воины из той же среды в составе русской княжеской дружины».

«В языке самих скандинавов термин (означающий варягов.—*В. Ч.*) имеет весьма ограниченное распространение и применяется только к воину-наемнику, главным образом в Византии, реже на Руси».

«Термин «Русь» — во всяком случае не скандинавский. Эпоха викингов его не знает; в руднических надписях наша страна называется Гардар, в древнесеверной литературе — то же или Гардарики...»

«Варяги, несомненно, были весьма видной и активной составной частью княжеской дружины, но наряду с ними в нее входили и представители местной, славянской, знати и верхов городского населения». (В одной из статей автор ссылается на обычай, описанный в сагах, когда на смотр перед походом собираются *все варяги,* чтобы показать свое оружие, здесь «франки и фламандцы, а также воины из Киевской Руси, присоединившиеся к ним на византийской службе, в том числе и не разгаданные до сих пор колбяги».— *В.Ч.*)

«...Саги, будучи более или менее знакомы с генеалогией русских князей (правда, не раньше Владимира) и неоднократно указывая на наличие у них много-

численных дружинников-скандинавов и на другие связи с севером, нигде не обмолвились ни одним словом о варяжском происхождении самих князей».

«Исследования В. В. Гинзбурга (Гинзбург В. В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. КСИИМК, 1940, № 7, с. 62, 66) показали, что по расовому типу Ярослав (прямой потомок Рюрика.— *В. Ч.*) — не пришелец с Севера, а человек местного происхождения; в его черепе нордические элементы не могут быть совершенно исключены, но в общем он ближе всего подходит к славянскому типу».

Первый советский ученый-скандинавист Е. А. Рыдзевская с честью выполнила свой долг перед наукой. Мир праху Вашему, Елена Александровна! Вечная Вам память...

Название «норманны», между прочим, означает «северные люди», «викинги»—«люди заливов». И «варяги» тоже не народ, не племя, не этническая группа; «варяжество» — род занятий, способ существования, профессия. Это были, повторимся, балтийские пираты, не знавшие других средств прокорма, кроме грабежа и продажи своего воинского умения. Разноплеменные отряды наемников и разбойников состояли главным образом из норвежцев, а также, наверное, из шведов, финнов и датчан, кельтов и карел, славян и литовцев, пруссов и эстов. А позже в княжеском королевском или императорском окружении они — наемные военачальники, дружинники, переводчики, средневековые платные адъютанты, осведомители, телохранители и курьеры, разных чинов родственники по династическим и иным смешанным бракам — составляли что-то вроде социального слоя, очень долго существовавшего даже в столице самой Византии.

И есть одно важное и неоспоримое историческое обстоятельство, касающееся этого вопроса. В составе миссии великого киевского князя Игоря Старого, прибывшей в 945 году в Византию,— согласно Ипатьевской летописи и В. Н. Татищеву — был некто Ятвяг (то есть литовец) Гунарев, а среди имен, кличек и, так сказать, типично скандинавских фамилий мы видим Володиславля Улеба, Сынка Борича, Игорева слугу Нетия, купца Утина, Кола Кенова, Студкова, Пересла-

вина, Курдина, Шабрина и многих других, чьи имена отнюдь не скандинавские! Кто они, эти «варяги», из коих, как считается, состояла миссия?

Существует стародавняя версия, идущая от начальных летописей, отождествляющая первых пришельцев-варягов с «Русью». Нестор прямо называет Рюрика и его спутников «Русью»: «Сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свее (шведы), друзии же Оурмани (норманны, норвежцы), Аньгляне (англичане), инии и Готе (готы, предки прагерманцев, немцев)».

И если Ипатьевская и другие наши летописи отличают варягов-русь от шведов, норманнов, англичан и немцев, значит, этнически они и в самом деле не были шведами, норманнами, англичанами или немцами! Кем же они могли быть? Безусловно, славянами!

27 Славянские племена издревле жили по южному Балтийскому побережью и на островах. В древних средиземноморских источниках есть смутные свидетельства, что янтарь отыскивается в некоей стране *Венетов* (венедов); Балтийское море тогда называлось Венедским, позже Варяжским... А русский исследователь Александр Федорович Гильфердинг писал: «Западные и северные соседи Балтийских славян, народы Германские, обозначали их теми же именами, какими и всех вообще Славян, т. е. Вендами или Виндами». Один саксонский монах в X веке свидетельствовал: «Эти славяне народ крепкий и сносливый на труд, привыкший к самому скудному образу жизни, и что нашим приходится в тягость, то славянам кажется еще роскошью».

История зафиксировала их племенную пестроту в эпоху европейского средневековья. Вагры, полабцы, глиньяне и смольняне составляли племенной союз бодричей, ободритов или, как они сами себя называли, *рарогов*. Кичане, черезпеняне, доленчане, ратаре, моричане, укряне и речане образовывали союз велетов или *лютичей*. Были также племена вагров, брежан, поморян, и особое славянское племя ранов или *руян* жило на острове Руген (Рюген, Ругин, Руян, он же Буян русских сказок).

В эпоху раннего средневековья у балтийских славян была своеобразная государственность — объединения племен, князья, чьи имена сохранила история, города Ратибор, Полабцев, Зверин, Добино, Малахово, приморские крепости Бодрицкая, Радигощ, Щетин, Волын, Камен, Колобрег... Из Гильфердинга: «В начале IX в., а вероятно гораздо раньше, у Висмарского залива процветала торговля в Тароге (у датчан он назывался Рерик), главном городе Бодричей, которые сами назывались рарогами». Балтийские славяне успешно воевали с датчанами, их поселения были в Нидерландах, Англии, есть предположения, что они доплывали до Исландии...

Имели свою религию, храмы, жрецов. Византийский историк Прокопий писал в VI веке о славянских верованиях: «Они признают одного Бога, создателя молний, единым господом всего и приносят ему в жертву быков и всякие дары... Они поклоняются также рекам и нимфам и некоторым другим божествам...» В сложном ареопаге богов балтийских славян значились Сварог, Даждьбог — сын Сварогов, Стрибог, Жива, Радигост, Яровит, Тряс, Руевит, Морена, Рановит, Прано-Перун, Чернобог, Белбог, однако верховным божеством всех племен считался Световит (Святовит — «Святой Свет» или «Святой Светлый»). Великолепный храм его находился на острове Руяне (Рюгене) в городе Арконе. Он представлял из себя изваяние больше человеческого роста с четырьмя головами. На побережье, в Щетине и Волыне, стояли Триглавы — идолы о трех головах; был и пятиглавый бог.

Божества балтийских славян олицетворяли поначалу мирные верования, которые изменились под влиянием исторических обстоятельств. Световит стал глав-

ным богом войны, мифологическим символом сопротивления — с кубком и охотничьим луком в руках, и более поздним седлом, уздою и боевым мечом подле...

В начале IX века Готфрид датский овладел Рарогом, повесил князя бодричей Годослава. Другой их князь Дражко вынужден был уйти в изгнание, а через два года его убили подосланные датчанами люди. С той поры датчане и немцы взялись методично теснить славян, уничтожать их огнем и мечом, разрушать города и храмы, разлагая аристократическую верхушку племенных союзов, натравливая одно племя на другое и ассимилируя остатки коренных насельников края. В середине XII века, незадолго до немецкой агрессии на земле пруссов и прибалтийских народов, западнославянские аборигены еще кое-где автономно существовали, сохранялась устойчивая славянская топонимика. Вот выписка из грамоты 1159 года о доходах князя Поморского Ратибора и его супруги Прибыславы: «В области Ванцлавской деревня Гробно, крепость Узноима, крепость Щетина; на Одре деревня Челехова, крепость Выдухов, реки Текменица и Кременица, деревня Дожбьягора; область Сливинская: крепость Камена, деревня Пустихова; Колобрежская область: деревни Поблота и Свелюба, город Радов, река Персанта, крепость Белград».

В 1168 году датский король Вальдемар I, получивший имя в честь своего прадеда Владимира Мономаха и свершивший около двадцати походов на славян-вентов, то есть балтийских, ворвался в ругинскую крепость Аркону, разрушил храм Святовита, уничтожил его статую.

Позже на остров пришли шведы, за ними немцы. Балтийское славянское Поморье постепенно становилось немецким, вера славян католической, исконные названия — иноязычными, хотя и донесшими до нового времени славянские корни и даже следы древних верований, обожествлявших природу. На острове Рюген, например, у мыса Герген (Горный) стоит огромный гранитный утес Buskahm (Божий Камень), есть урочище Swantegara (Святая Гора), в устье реки Дивеновы деревня Swantust (Святое Устье); и сегодня на Рюгене в названиях местечек звучат славянские понятия — Позериц (Поозериц), Густов, Медов...

Вспомним Пушкина:

И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна...

Он не маленький, этот Рюген, Руян, Буян — почти тысяча квадратных километров. Связан с континентом автодорожной магистралью, меловые скалы глядят в море, встречают пароходы, как некогда они встречали-провожали купеческие и пиратские ладьи. Все побережье острова изрезано глубокими и укромными заливами и бухточками, в которых так удобно было прятаться норманнам, викингам, варягам. На просторах Рюгена — буковые леса, ржаные поля, светлые дюны, зеленые луга, пресные озера, минеральные источники. Здесь зимуют тысячи лебедей, живут орлы и соколы, в глубинах тихих заливов водятся гигантские черепахи и жирные нерпы. Остров сохранил сотни видов животных, птиц, насекомых и растений, исчезнувших на континенте...

Живут на сегодняшнем Рюгене немецкие рыбаки, животноводы, овощеводы, в жилах которых тонкой струей течет славянская кровь. На прибрежных землях, в Померании (Поморье) стоят Ольденбург и Бранденбург — бывшие славянские города Старгород и Бранибор (Сгорелец)...

А теперь обратимся к В. Н. Татищеву и так называемой Иоакимовской летописи. Василий Никитич Татищев, великий собиратель русских летописных манускриптов, полагал святым долгом написать свой гигантский сводный труд так, чтобы в нем ничего не было «мешано» с нелетописным материалом, перелагая из всех, в том числе и утраченных позже списков, «полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они писали, не переменяя, не убавляя из них ничего». И вот, получив от своего свойственника Мелхисидека Борсчова летопись первого новгородского епископа Иоакима, скопированную в одном из сибирских монастырей, историк «зачал писать то, чего у Нестора нет» или «иначе положено, как следует».

Иоаким — лицо историческое. Согласно В. Н. Татищеву, он был утвержден на епископство в Новгороде

в 991 году. Главное в Иоакимовской летописи — новгородская предыстория и призвание Рюрика. Что в ней правда и что легенды — наука не разобралась, но некоторые факты, пусть и в полулегендарном антураже, полнятся характерными и убедительными подробностями, не противоречащими логике истории... С. М. Соловьев об Иоакимовской летописи: «Нет сомнения, что составитель ее пользовался начальною Новгородскою летописью».

Современная наука, используя Нестерову летопись, разноязычные раннесредневековые источники и богатый археологический материал, уже не сомневается, что в конце V — начале VI века на среднем Поднепровье образовалось Киевское государство — княжество полян. Князь Кий поставил также Киевец, городок на Дунае, плавал в Константинополь. А на севере примерно в это же время создалось другое княжество, где, согласно Иоакимовской летописи, первокнязем был некто Славен, потом княжили три его сына — Избор, Владимир и Столпосвет, а потомок Владимира Древнего в девятом поколении Буривой был отцом новгородского князя Гостомысла, на котором прервалась эта династия. «Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем любим, расправы ради правосудиа. Сего ради вси окольни чтяху его и дары и дани даюсче, купуя мир от него. Многи же князи от далеких стран прихожаху морем и землею послушать мудрости, и видите суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися всюду». Замечательно, что, в отличие от киевской истории, где между Кием и его потомками Аскольдом и Диром — темный провал в несколько веков, новгородцы сохранили в памяти не только несколько дорюриковых имен князей, но и кое-какие подробности старины.

Было у Гостомысла четыре сына, которые все погибли в войнах, а три «дочери выданы быша суседним князем в жены». И вот Гостомысл на склоне лет остается без наследника и однажды якобы видит сон, будто «из чрева средние дочери его Умилы» вырастает чудесное дерево — «от плод же его насысчасуся людие всея земли». Видел Гостомысл такой сон на самом деле или просто по разумению своему выбрал достойного наследника? «Вещуны же реша: «От сынов

ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его».

Вскоре Гостомысл, «видя конец живота своего, созва вся старейшены от славян (словен), *руси,* чуди, веси, мери, кривич и древович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя». Интереснейшее место! В отличие от остальных летописей, Иоакимовская называет среди местных племен еще дреговичей и главное — на втором месте — какую-то таинственную «русь»! Не была ли эта «русь» местным племенем, как считал Д. Иловайский, или влиятельной эмигрантской группой балтийских славян, переселившихся с запада в Новгородскую землю под военным давлением немцев и датчан? А может, в летописи следует читать «славян-руси»? И еще одно — варяги здесь не названы по национальной принадлежности, но из всего, что мы знаем по этому вопросу, можно смело предположить, что Умила была замужем за одним из западнославянских князей,— быть может, на острове Ругин, где искони жили варяги-славяне, или в земле бодричей-рарогов, или, наконец, за князем «рутов» или «ругов», чье постоянное присутствие в раннесредневековой Европе много раз зафиксировано источниками. Кстати, княгиня Ольга, явившаяся в Константинополь через десять лет после посольства Игоря, была представлена во дворе императора как «княгиня ругов». Не исключено, что это обобщающее имя славян и оно образовало позднелатинское наименование средневековой Руси — Ruthenia, зафиксированное даже в названии элемента рутений Периодической системы элементов Д. И. Менделеева...

Пойдем далее? В Ипатьевской летописи говорится, что посланцы Новгорода «идоша за море к Варягом, к Руси», в Холмогорской сообщается, что Рюрик «убрашася от немец», а В. Н. Татищев итожит: «Прежде пришествия Рурикова колено словенских князей бывшее Гостомыслом пресеклось. Нестор преподобный сказует, что по смерти Гостомысла, словенского князя, по повелению или завещанию его призвали из варяг руссов князя себе Рюрика з братиею. Всем от истории ясно видимо, что оные варяги жили над морем Балтийским, отчего и море оное у русских Варяжское имяновано...»

И еще один не вполне ясный вопрос стоит перед нами: куда именно явился Рюрик? Лаврентьевская летопись называет Новгород без каких-либо промежуточных пунктов, а в Ипатьевской, Радзивилловской, Московском Академическом списке, в летописцах Хлебниковском и Переяславль-Суздальском значится Ладога. И, зная, что наши предки, как и другие североевропейские народы, нанимали платные варяжские дружины для защиты от других — разбойничьих! — варяжских отрядов, можно предположить, что внук Гостомысла Рюрик действительно «утвердиша город старый Ладогу», то есть крепость, основанную словенами еще в VI веке, и поначалу защищал с севера водный прямоток по Волхову, ведущий к Новгороду.

Любознательный Читатель. Между прочим, во многих публикациях пишется, что и сам Рюрик — не более как миф, легенда.

— Хотел бы я увидеть сверхгения, доказавшего, что в результате супружества Мифа и Легенды родился человек во плоти, подлинная историческая личность — Игорь Рюрикович! Игорь Старый княжил на Руси дольше всех князей и царей — с 879 года, когда по смерти Рюрика за малолетнего Игоря начал править его опекун и — согласно утраченной Раскольничьей летописи — дядя по матери Олег, по 945-й, когда древляне, как пишет византийский историк Лев Диакон, привязали Игоря, приехавшего из Киева на полюдье, к двум наклоненным деревьям и разорвали...

— Даже в имени Рюрика слышится что-то скандинавское, вроде видоизмененного Рёриха и Эрика...

— А ничего славянского не слышится?

Рассматриваю свою огромную любительскую генеалогическую схему, которую по разным источникам составляю много лет. Правящие династии издревле пересекались, связывались друг с другом династическими браками, и это было почти законом истории европейского средневековья. Ефанда, жена Рюрика, из рода норвежских королей. Иоакимовская летопись: «Имел Рюрик несколько жен, но паче всех любяше Ефанду, дочерь князя урманского, и егда та роди Игоря, даде ей обесчаный при море град с Ижорою в вено». А Ярослав Мудрый породнился чуть ли не со всеми европейскими августейшими домами, поставив

своего рода мировой рекорд по количеству семейных династических связей. Сам он женился на шведской принцессе Ингигерде, его сестра Доброгнева (Мария) была замужем за Казимиром Польским, дочь Елизавета — за норвежским королем Харальдом Суровым Правителем, другая — Анастасия — за Андреем Венгерским; сын Всеволод «поял», как писали в летописях, дочь византийского императора Константина Мономаха, другой сын Ярослава Святослав женился на Оде, дочери графа Штадского, Изяслав — на Гертруде, дочери маркграфа Саксонского. Вспомним также Анну, жену Владимира Святого, сестру византийских императоров Василия и Константина, английскую Гиду, супругу Владимира Мономаха, и его сестру Евпраксию, выданную замуж за императора Римской империи Генриха IV.

— Вы забыли еще Анну Ярославну, отданную в 1044 году замуж за Генриха I Французского.

— Как же... Это она, любимая дочь Ярослава Мудрого, приехав из великолепного златоглавого Киева в Париж, удивилась, в какую деревню попала, это ей посвятил прекрасные, пленительно-грустные свои стихи ныне покойный Николай Семенович Тихонов:

Над Днепром и над Софией славной
Тонкий звук проносится легко,
Как же, Анна, Анна Ярославна,
Ты живешь от дома далеко!

До тебя не так легко добраться,
Не вернуть тебя уже домой,
И тебе уж не княжною зваться —
Королевой Франции самой.

Небо низко, сумрачно и бледно,
В прорези окна еще бледней,
Виден город — маленький и бедный,—
И река — она еще бедней.

На рассвете дивами вставали
Облака и отступала мгла,
Будто там на облаках пылали
Золотой Софии купола.

Неуютно, холодно и голо,
Серых крыш унылая гряда,
Что тебя с красой твоей веселой,
Ярославна, привело сюда?

Из блестящих киевских покоев,
От друзей, с какими говоришь
Обо всем высоком мирострое,
В эту глушь, в неведомый Париж?

Может, эти улицы кривые
Лишь затем сожгли твою мечту,
Чтоб узнала Франция впервые
Всей души славянской красоту!

— Но все это XI—XII века — средостение русского средневековья,— продолжаю я разговор с любознательным читателем.— Династические браки, между прочим, уходят в глубь еще более давних времен, и вам в имени Рюрика, повторяю, не слышится ничего славянского?

— Что-то вроде есть, но что?..

Снова разглядываю свою разветвленную генеалогическую схему. Она не имеет научного значения — связи не полны, датировка во многих случаях условна. Харальд Суровый Правитель, Гудрод Великолепный, Эрик Кровавая Секира — скандинавы. А вот княжеская династия бодричей, западных славян, поклонявшихся ругенскому Световиту и героически сражавшаяся с датчанами и самим Карлом Великим... Годослав, Дражко, его преемник Славомир, Мстива, Ратибор, Крутой, Нилота, Прибыслав и Вартислав... А по линии славянских князей — через отца Рюрика, бодрического князя Годлава; то есть Годослава,— предок Рюрика в пятом или шестом поколении носил имя Рарог Сокол.

Что значит «рарог»? Есть такая птица «рара», живет очень далеко, в Чили, срезает клювом молодые побеги плодовых деревьев, но она тут ни при чем. Других подобий в нашем языке нет. Множество словарей славянских языков в библиотеке дочери. Захожу в ее комнату, беру «Большой польско-русский словарь». Есть! «Rar||óg. Балобан». Первое слово произносится по-польски «рару́г», второе русское: «бало̀бан». Балобан или балаба́н — вид крупного сокола, легко поддающегося дрессировке для охотничьих целей. «Рюрик» же по-польски звучит как «Рурык»; и есть летописный вариант имени Рюрика — «Рурик», есть чешское имя Ререк, польскоеРирик, а если еще вспомнить, что западнославянский союз племен бодричей или ободритов

называл себя «рарогами» или «рериками», то скорее всего «рюрик»— есть видоизмененное веками и разноязычием западнославянское слово «рарог», означающее сокола... Убежден, что слово «сокол» *неслучайно* в «Слове о полку Игореве» встречается в разных смысловых, грамматических и метафорических вариантах шестнадцать раз, в том числе пять раз непосредственно применительно к Игорю, потомку Рарога и Рюрика, два раза — тоже к Игорю, как «сокольцу» и «соколичу», то есть «сыну сокола», четырежды — к Игорю и другим князьям, участникам его похода, и один раз — к Святославу Всеволодичу, великому князю киевскому.

А недавно я разыскал в одной специальной публикации статью московского историка О. М. Рапова. Он доказал, что княжеские знаки на сохранившихся плинфах древнейшей киевской Десятинной церкви вовсе не трезубцы, как считалось, а символическое изображение сокола. На монетах рюриковичей X — XI вв., в том числе и на знаменитых серебряных деньгах Ярослава Мудрого — тоже условносимволические контуры сокола в атакующем полете (Рапов О. М. Знаки рюриковичей и символ сокола.—«Советская археология», 1968, № 3)... Рассматриваю снимки монет с круговой надписью «Ярославово сребро». Да, конечно, это пикирующий сокол: укороченный по сравнению с крыльями хвост, обводы точек на условной голове — вокруг соколиных глаз перья не растут. Но сокол никогда не был божеством ни у словен, ни у скандинавских народов, ни у одного континентального германского племени! Сокол, очевидно,— древнейший тотем славянского рода, из которого происходил Рюрик и рюриковичи, превратившийся на Руси в эмблему, символ княжеской власти...

— Все это довольно убедительно, логически неопровержимо, но меня особо заинтересовало слово «русь» в перечислении племен, со старейшинами которых Гостомысл согласовал призвание Рюрика. Конечно, это могла быть новгородская колония западных славян, согнанных датчанами и немцами с родных мест в первой половине IX века. Только откуда все же могло взяться это слово, которым назвалась впоследствии наша великая страна с ее великой историей?

28 До сего дня почти все исследователи выводят слово «русь» из иностранных источников. О близкозвучных этнонимах «руты» или «руги» мы уже говорили. Уточню — во II—III вв. н. э. меж балтами, славянами и германцами жили какие-то руги. В V веке они зафиксированы на Среднем Дунае. Еще Тацит называл их «Reudignii». Ученые возводят это племенное имя к термину, означающему «корчеватели леса»,— значит, руги занимались земледелием. Один автор предлагает взять за исходное понятие, образовавшее этноним «русь», слово «медведь», ибо оно во многих западноевропейских языках имеет общий корень «urs». Финны и карелы, далее, словом «руотси» называли дружинников у варягов. В смысловой основе этого термина лежали понятия «весельные люди», «гребные воины», но он в равной степени относился к славянам и шведам! Есть в то же время исследования, выводящие имя нашей родины от днепровского притока Рось, и вся эта пестрота мнений дает повод новым и новым дискуссиям. Истина же, быть может, находится посредине,— *Русь, Россия, исходное имя нашей родины, возможно, исторически сложилось из многих источников.* В таком случае упрекать кого-то, в частности великого Нестора, в непатриотизме, норманизме и прочее — дело несерьезное, тем паче, что все эти гипотезы научно не подтверждены до сего дня, и, возможно, это вообще пустой спор. Решаюсь высказать свою точку зрения на происхождение слова «русь», которая мне представляется достаточно конкурентоспособной.

Любознательный Читатель. Интересно!

— На нее натолкнул меня замечательный ученый, великий словак Павел Шафарик — лингвист, диалек-

толог, этнограф, историк, знаток славянских древностей и языков. Родился он в 1795 году, окончил университет в Иене, учительствовал в Сербии, редактировал первый чешский иллюстрированный журнал, много занимался научными изысканиями в Праге в условиях противодействия австро-венгерских властей, был цензором и хранителем библиотеки, терпел всю жизнь материальную нужду, нравственные утеснения, тяжело болел и незадолго до смерти, весной 1860 года, даже в отчаянии бросился во Влтаву.

Павел Шафарик первым доказал, что славяне вместе с романскими и германскими народами внесли равноценный вклад в формирование европейской цивилизации, его работы сыграли исключительную роль в подъеме национального самосознания всех славянских народов. Он оставил большое научное наследие по славянскому языкознанию и истории, среди которых главное место по праву занимает его многолетний труд «Славянские Древности», в котором, как писали тогда, «под пеплом древности» автору «удалось найти столько света, что не только история славян, но и их старых соседей — скифов, кельтов, германцев, сарматов, финнов и др.— получила нежданную ясность и достоверность»... На его надгробии надпись: «Въ красных міра воспитал ся отъ юности своея...»

Строго говоря, слова «реудигнии», «руги», «руты», «руотси» или «роксоланы», например, от которых производил имя наших предков Д. И. Иловайский, фонетически все же довольно далеки от слова «Русь», и в английских, например, средневековых источниках, начиная с XII века, вначале упоминалась Русия, Руссия, Руссы (Rusia, Ruissie, Russi), потом появилась Рутения (Ruthenia), которую, как писал в своей «Хронике» XII в. Роджер из Ховента, «мы предпочитаем называть Руссией»... А «рос» греческих и арабских авторов или «рус» латинских? От речки Роси или латинского слова «rus», означающего сельскую местность? Но ведь сельских местностей было множество в Европе, а наша родина издревле славилась городами. И уже в глубокой древности большое племя наших предков, если какая-то часть его действительно некогда обитала в крохотном бассейне Роси, скорее обрело бы этноним, связанный с магистральными причерноморскими реками —

Доном, Донцом, Днепром, Днестром, Дунаем. В названиях этих рек настойчиво повторяется звукосочетание «дн»; все они даны каким-то одним древним народом, и мы скоро обратимся к нему, жившему на берегах северочерноморских рек пять тысяч лет назад, среди которого обнаруживаются явные следы и наших далеких предков...

— Даже?!

— Но вначале, пожалуйста, закончим тему о происхождении слова «Русь»... Люди Земли издревле жили в горах и пустынях, в тундре и джунглях, у морей или в степях, живут и сейчас. Русские же деревни чаще всего лепятся к рекам. Так же располагались и наши древнейшие поселения, из которых образовались позже первые русские города, *все без единого исключения обосновавшиеся на реках.* Река снабжала наших предков рыбой, пернатой дичью, самым лучшим бобровым мехом, обеспечивала добычливую охоту на диких копытных у бродов, звериных водопоев, речных обрывов, давала воду для приготовления пищи, омовений, полива садов и огородов, корм домашней водоплавающей птице и луговую траву для скота. И еще одно, очень важное — никаких дорог через леса в те времена не было, и река предоставляла легкий, идеально гладкий путь: летом по воде, зимой по льду. Река образовывала также естественную защиту на крутых, изрезанных притоками берегах...

На реках и речных водоразделах издревна обменивались товарами соседи, по рекам шла и международная торговля, которая приносила доходы от пошлин, взимаемых с иноземных купцов, и давала выход к морям, на дальние внешние рынки. И наконец, особый разговор — о значении рек в военном деле. Имею в виду не только речные обрывы, на которых стояли феодальные замки и укрепленные города. У водных преград возводились системы Киевско-Переяславских крепостей, позже — феноменальные каменные Новгородско-Псковские крепостные линии. Наши предки умели также великолепно использовать привычную для них природную среду — реки, озера и болота — в открытых сражениях. Очевидно, это подсобное тактическое средство русы знали с незапамятных времен, когда конных кочевников, прискакавших за добычей на зем-

ли наших предков-пахарей, встречали на бродах и переправах отчаянно сражавшиеся пешие воины. Далеко не всегда и по разным причинам река становилась помощником и другом, и мы, не забывая горьких уроков на Стугне, «Каяле», Калке, Сити, Пьяне, свято помним победоносные битвы на Днепре, той же Стугне, Западной Двине, Эмайыге, Неве, Чудском озере, Воже, Непрядве, Ворскле, Угре, Ведроше, Березине, Волге...

Наши далекие предки обожествляли реку, и первое свидетельство о почитании славянами рек и водяных божеств (нимф) зафиксировано у византийца Прокопия в VI веке н. э. Нестор тоже писал, что в языческую эпоху мы вместо богов почитали реки, озера, источники. В другом средневековом русском сочинении сказано: «наша язычники клали требы озерам и рекам, ради немощи очныя умывались в кладезях и повергали сребреники». После крещения Руси долго еще свершались у рек языческие народные празднества. Из Стоглава: «сходились мужи и жены и девицы на *ночное плещеванье* и безчинный говоръ и на бесовские песни и на плясанье и скаканье»; «тогда *к реце* идутъ съ великим кричанием, аки беси и *умываются водою*». В житии преподобного Нифонта есть некоторые подробности праздника: «бесы в виде человеческомъ, ови бьяху в бубны, друзии же в козице и в сопели сопяху, инии же возложиша на лица своя скураты и идяху на глумление человеком и, мнози, оставивше церковь, течаху на позоры», то есть на это зрелище...

Так вот, Павел Шафарик поразил меня одной своей фразой, которой предшествовало утверждение, что в праславянском языке река называлась «руса» («rusa»). Он писал: «Это коренное славянское слово, как общее существительное имя, уже осталось в употреблении только у одних русских в слове *русло,* означающем ложбину, русло реки, глубь, вир; но как собственное имя рек, городов и селений, более или менее близ них лежащих, употребляется почти у всех славян». И далее словацкий ученый привел *двадцать* топонимов, производных от корня «рус», в землях «русских, русняков (украинцев), поляков, чехов, словянов (словаков), босняков, сербов и болгаров».

Попутно ищу в своих заготовках карточку с интересной выпиской из трудов знаменитого русского историка прошлого века: «Народное имя Рось или Русь, как и многие другие имена, находится в непосредственной связи с названиями рек. Восточная Европа изобилует реками, которые носят или когда-то носили именно это название. Так Неман в старину назывался Рось; один из его рукавов сохранил название Русь; а залив, в который он впадает, имел название Русна. Далее следуют: Рось или Руса, река в Новгородской губернии, Русь, приток Нарева; Рось, знаменитый приток Днепра на Украине; Руса, приток Семи; Рось-Эмбах; Рось-Оскол; Порусье, приток Полиста и прочие. Но главное, имя Рось или Рас принадлежало нашей Волге». (Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. М., 1882, с. 70—71).

Стоп! Ведь от того же праславянского корня «рус» образовано слово *русалка,* «нимфа» Прокопия! С древним культом ее связано множество языческих поверий. Русалки, шаловливые, прекрасные в своей наготе девы, могут соблазнить любопытного мужчину, защекотать до смерти или увлечь в реку и погубить. Они живут в речной глуби или мельничных омутах, в троицу качаются на ветвях деревьев, куда, задабривая их, женщины вешают пряжу и платки. Стоит девушке тайно сплести венок в лесу и бросить его на воду для русалки, та сразу же даст любимого. Поверья эти полны поэтического очарования и дожили кое-где до нашего времени.

А вот и новые слова того же гнезда. *Русалкино* заговенье. Во времена В. И. Даля в первый день после христианского праздника — апостольского поста или петровок в селениях Нижней Волги «девки идут все толпою с песнями на Волгу, бросают венки, провожая *русалку,* чудовище, представляемое несколькими парнями, покрытыми одним парусом; впереди несут на шесте занузданный конский череп, позади идет дико наряженный погонщик». «...На *Русалку* или Семик девки крестят в лесу кукушку, кумятся, завивают венки, а на *русальнице, русальной* или *русальской* неделе, следующей за Троицкой, с Духова дня (перед праздником Пятидесятницы) более в лес не ходят порознь, тут гуляют русалки». Привожу это просторное гнездо

русских слов и понятий, чтобы показать, насколько прочно укоренились языческие верования и обряды, связанные с русалками, в нашем народе — они переплелись с церковными праздниками и живут на Руси почти тысячу лет после принятия христианства! Продолжим?

«Русальничать, праздновать обрядами Русалку и Семик, Троицу и Духов день; гулять на все лады и пить всю всесвятскую неделю». Троицкая, седмицкая или *русальная* неделя до сего дня так называется и на Украине. В эту неделю, особенно в четверг, нельзя ни купаться, ни плескаться водой; от реки в эту неделю, когда на небе появляется светлый месяц, слышится нежный женский смех, переплеск воды и тихие песни...

Языческий обряд — весенние песни и пляски у реки, которые осуждали церковники, о чем мы говорили выше, назывались *русалии.* В житии святого Нифонта: «...нарекоша игру ту русалья».

Русалий я никогда не видел, но вспомнил вдруг свое детство на станции Тайга, закончившееся с войной. На нашей улице жили «чалдоны»— потомки сибирских первопоселенцев, частично сохранившие в окрестных деревнях удивительный русский разговорный язык XVII века, и я всю жизнь тужу, что мало тогда вслушивался в их речь, не записывал слов-самородков. Жили «полещуки»— белорусские приезжие; вятские и рязанские, переселившиеся в Сибирь от безземелья, жили прижимистые и справные хозяева — бывшие куряне, отбывшие ссылку в Нарыме, стояли на постое в разных домах вербованные, кавэжединцы и недавние «сиблаговцы»— уголовники, иссиненные блатной татуировкой. Жили украинцы, поляки, сибирские татары и даже один китаец; разный и пестрый народ, но его объединяла и подравнивала тяжелая деповская работа, которой не было конца, как не было конца грузам и пассажирам, следующим туда-сюда через эту сердцевину Сибири. Будни бытовые и рабочие прерывались время от времени свадьбами и похоронами, складчинами и массовками, осенним шишкобоем или мальчишескими драками улица на улицу...

И вот осталось у меня от всего детства единственное красочное, радостное, светлое, почти сказочное воспоминание. Лето в Сибири бывает таким жарким, что будто это и не Сибирь. И вот начинался длинный июньский день, ближе к концу месяца. Мама, ласково улыбаясь, ходила с кружкой холодной воды по домишку и будила всех нас, поплескивая из нее под одеяло или на лица. Отцу, если он не был в поездке, доставалось прежде всех, и он притворно ворчал, смеялся, наблюдая, как встрепанно мы вскакиваем один за другим.

Иван Купала! На улице все начиналось примерно с полудня, когда знойное солнце поднималось ввысь и будто приостанавливалось. У колодцев стояли парни, на пересменку беспрерывно крутили воро́та, сливали воду в снесенные сюда корыта и ванны, где она долго не застаивалась, потом вычерпывали до дна нашу маленькую речонку Бур. Мы начинали обливать друг друга, бегать с кувшинами за девчонками, потом парни за девками, в игралище вступали взрослые и даже старики. С полными ведрами врывались в дома тех, кто надумал отсидеться, из-за углов обливали прохожих, а больше всех доставалось первой деповской смене, которая шла с работы по переулкам на нашу окраину — их промазученные спецовки много раз проливали до нитки, а впереди была еще родная улица, где их ждали-караулили соседи, сыновья, дочери, жены и снова оплескивали водой. Крики, веселая ругань, визг, смех, плеск воды, блеск солнца, полная отдача всех общему глупому веселью — прекрасному, подравнивавшему всех народному веселью, дошедшему до нас с незапамятных языческих времен, когда наши предки поклонялись воде — источникам, колодцам и реке, русе.

В. И. Даль собрал еще немало диалектных русских слов, производных от того же исходного корня «рус». Это *руслень* — «приполок за бортом, за который крепятся ванты», руси — «обруч, обогнутый сетью», *ру́с-*

леный, то есть цеженый квас, *руслина* — быстрина, стрежень, *русленик* — цедилка, *руст;* когда говорят, что вода идет ру́стом, это значит, она идет потоком, струей. А к слову русый, означающему цвет волос. Даль прилагает русскую присказку: «Руский народ русый народ». И еще В. И. Даль зафиксировал в своем словаре собственное имя *Рус,* объяснив его как «сказочное чудовище днепровских порогов»; величайший знаток русского языка, быта и верований не мог внести в свой словарь этого слова, не услышав его в народе! И от древнейших языческих времен осталось у русских мужское имя Руслан, памятное по пушкинской поэме; это звучное древнерусское имя входит в современные словари личных имен, и я сегодня знаю в Москве нескольких Русланов. Главным же путеводным словом для нас остается «русло», присущее только русскому языку и образованное от корня «рус» с конечной русской флексией, очень распространенной в нашем языке; сравните: вес-ло, ветр-и-ло, корм-и-ло, тяг-ло, сус-ло, мы-ло, ора-ло, Яр-и-ло, мас-ло, точи-ло, коромыс-ло и так далее.

Приступим к главному. Великое множество племен и народов на земле назывались по месту их преимущественного обитания, многие отставшие в общественном развитии в зависимости от этого обстоятельства называют себя и до сего дня. Самоназвание приморских чукчей — ан калын («морские жители»), эвенков — оленеводов и охотников — дункан («жители сопок»), бедуины — значит «степные», «жители пустынь», селькупы — шёш куль, («таежный человек»), африканские тервины —«лесные», индейцы сенека — нунда-вэ-о-но («великий народ холмов»), индонезийские батаки —«живущие на воде». А восточнославянские раннесредневековые поляне — это «жители полей», дреговичи —«жители болот», древляне —«жители дебрей, лесов», однако различия существовали только для них самих, и все они с незапамятных времен селились вдоль рек... А вот я решаюсь высказать предположение, которое, как мне кажется, выдерживает требования исторической лингвистики, топонимики, истории, логики. *Если «руса»— это «река»— извечное место поселений наших предков, с которой всегда был так тесно связан их образ жизни и верования, «рус»— праславянский корень, образо-*

вавший такое большое гнездо слов только в русском языке, Рус — уже полузабытое мифическое днепровское божество, то обобщенный этноним «русы» или «руссы»— издревле значило «живущие на реках», «жители рек», «речной народ»...

— Но когда это —«издревле»? Ведь на Днепре славяне появились в V веке нашей эры, во главе с князем Кием!

— Это одно из глубочайших заблуждений, идущее от первого русского историка Нестора, очевидца возвеличения Киевской Руси, но ограниченного в своих знаниях о древности. К тому же у него нет дат. И гипотеза о том, что все славяне будто бы расселились с Балкан — не более как гипотеза.

Полностью согласен с выводом современного украинского исследователя А. П. Знойко: «Могучая Киевская держава IX — XIII вв. была только одним из *позднейших фактов истории Руси* (курсив мой.— *В. Ч.*), стародавняя же история и культура ее еще ждут широких исследований...» Наши отдаленные предки *всегда* жили на Днепре, они были *автохтонами*, то есть коренными жителями приволжских и причерноморских степей и прилегающих районов Европы.

На Киевских холмах археологи находят целые клады римских монет I—III вв. нашей эры —видимо, предки полян производили излишки собственных товаров для международной торговли. А Геродот, посетивший южнорусскую степь еще в V в. до нашей эры, писал о северных районах, где у «множества огромных рек» жили так называемые скифы-пахари, «которые сеют хлеб не для собственных нужд, а на продажу». Милоградская культура Среднего Поднепровья (VII—II вв. до н. э.), более поздние зарубинецкая и черняховская (II—V вв. н. э.) несли в себе немало элементов, доказывающих их славянскую принадлежность. И на протяжении тысяч лет здесь сохранялась непрерывная земледельческая традиция. Знать, и в самом деле «глубоки омоты дрепровския»!

— Но не станете же вы уверять, что пять тысяч лет назад в причерноморских степях жили далекие предки славян, русских! Для этого очень смелого предположения нужны доказательства.

— Они есть, и смелость ни при чем, если речь идет о подлинно *научном,* объективном знании... Предыдущие страницы, кстати, были уже написаны, когда мне посчастливилось найти один старый сборник статей русских историков, археологов, ученых, любителей старины. В публикации профессора Ф. И. Кнауэра «О происхождении имени народа Русь» высказана интереснейшая гипотеза, ссылок на которую я не встречал. Автор пишет, что в древнеиндийских гимнах «Ригведы» упоминается мифическая река Rasa, «великая матерь», текущая на дальнем северо-западе, на старой родине. А в «Авесте», священной книге древних персов, приписываемой самому Заратустре, говорится о реке Ranha, где живут люди без главарей, где господствует зима и земля покрыта снегом; позже у персов это река Raha, отделяющая Европу от Азии. Скрупулезным филологическим анализом исследователь доказывает этимологическое тождество этих названий с древним именем Волги — Ра, которое обрело впоследствии такие формы, как Рос у греков и арабов, Рось, Русь, Роса, Руса у славян. Последними топонимами были названы многочисленные северо-западные реки на новых местах расселения народа, вышедшего в глубокой древности на свои исторические пути с Волги, так же как другие древнеиндоевропейцы, переселившиеся с нее на дальний юго-восток, назвали один из притоков Инда именем той же реки-прародительницы Rasa. Таким образом, автор считает, что «...имя народа «русь» чисто славяно-русского происхождения» и «в точной передаче слова означает не что иное, как «приволжский народ» (Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве, 1899. М., 1902, названная статья, с. 1—19).

Снова вспомним также компоненты главных гидронимов Причерноморья «дн», «дън». Реки Дон, Донец (Северский — большая, длиной более тысячи километров река), Днепр, Днестр, Дунай. Ученые недавно пришли к выводу, что названия всех этих рек образовались от одного понятия, принадлежавшего древнейшему народу, что жил в этих местах с незапамятных времен.

— Неизвестно какому?

— Это были предки ариев, то есть индоевропейцев,

чья прародина локализуется наукой в степном Поволжье и Причерноморье.

— Что значит арии?

— «Этноним *арии,*— пишет современный исследователь Я. В. Чеснов в сборнике «Этнографы рассказывают», выпущенном Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (М., 1978., с. 26),— многие тысячелетия назад означал «пахари», а затем стал названием господствующего народа в древней Индии»... Возможно, добавлю, что между словом «арии» и общим в своей коренной основе для всех балтославянских народов словом, означающим это исходное понятие, есть связь. Литовская, например, форма слова «пахать»— árti, ariú, в народном говоре «пахарь»— arijas, латышская — art, ar'u, сербскохорватская — орати, польская — orač, чешская — orati, старорусская — орати и т. д. В Индии же слово aryia приобрело значение «благородный», «верный»... Так вот, если возвратиться к названиям северочерноморских рек, то в древнейшем памятнике арийской культуры «Ригведе» слово «дану» обозначает реку вообще. В поздних произведениях санскритской священной литературы, появившихся в Индии, это слово-реликт не встречается... Но вернемся к арьям и «Ригведе».

— Сразу множество вопросов! Что такое «Ригведа»? Когда и где она написана? Какое отношение имела древнейшая индийская литература к Причерноморью? Какая вообще может быть связь между народами, столь отдаленными исторически, и районами, столь отдаленными географически?

— Ве́ды — памятники древнеиндийской литературы, написанные еще до возникновения буддизма. Переводится слово «веды» как «знание», и мы вспомним к месту русские слова, образованные от того же древнейшего первокорня,—«ведать», «ведомости», «ведун», «ведьма», «ведомство». «Ригведа», «веда гимнов»— колоссальный, по объему превосходящий Илиаду и Одиссею, вместе взятые, сборник лирико-мифологических священных песен, созданный в районе Афганистана — Пенджаба в последней четверти II тысячелетия до нашей эры арьями-скотоводами, которые переселялись в Индию на протяжении примерно пяти столетий.

— Откуда?

— Из степной и лесостепной зоны Восточной Европы, с междуречий Волги — Дона — Днепра — Днестра, где в III тысячелетии до нашей эры сложилась индоиранская или арийская (индоевропейская) языковая и культурная общность. *Арьи тесно соседствовали или даже составляли близкородственную общность с протобалтославянскими племенами.* Одно из главных научных подтверждений этого факта — поразительное сходство санскрита ведических арьев со славянскими, *особенно восточнославянскими* языками — по основному лексическому фонду, грамматическому строю, роли формантов и множеству других частностей. Об этом написана тьма исследований, но мы вынуждены ограничиться несколькими наиболее показательными примерами.

Санскритское nabha, nabhaca — это место обитания богов, пространство, несущее солнце и облака, рождающее зной и дождь, имеет соответствия во многих индоевропейских языках, но наиболее близко этому понятию русское «небо, небеса», выраженному в удивительно сходной лексической форме. Ученые давно также сопоставляют санскритсковедическое «bhaga» (милостивый бог, покровитель, добрая судьба) со славянским словом и понятием «бог». Архаичные верования, мировоззренческие понятия и слова, их выражавшие, держались, очевидно, прочнее других, поэтому мы продолжаем. Персонифицированная божественная надмирная сила в санскрите обозначается словом «дева» — от ведического «div», что сопоставимо со славянским «диво», и вполне может быть, что полуторастолетние споры филологов о том, кто такой «дивь» в «Слове о полку Игореве» («Дивъ» Екатерининской копии), который «връжеся на землю» после поражения князя Игоря, когда-нибудь завершатся этим сопоставлением...

А вот еще два очень интересных примера из той же, как говорится, «оперы». «Агни — бог огня»... Неисчислимое множество гимнов вед посвящено Агни и его ипостаси... Все жертвенные ритуалы, начиная с ведических времен, проводятся перед огнем... В русском язычестве были широко распространены «моления огневи» под овином, возжигание купальских костров

и другие обрядовые действия, связанные с культом огня. Запреты осквернять огонь разными «нечистыми» предметами традиционно соблюдаются многими старыми людьми и в наши дни... Почти без изменений остается, например, в Югославии тот метод добывания «живого огня», о котором рассказывается в «Ригведе»: «Агни породила счастливая древесина дня трения», «добывайте трением, о мужи, провидца недвуличного...» В Югославии же в мае проводят праздник «живого огня», называемый «прогоница». По древнему обычаю, в этот день скот для защиты от болезней прогоняют между двумя кострами, зажженными от «живого огня»... В обряде добывания огня имеют право участвовать только мужчины, которые вручную трут один брусок дерева о другой до появления искры, от которой зажигают солому, а от нее обрядовые костры. (Гусева Н. Р. Индуизм. М., 1977, с. 79). Добавлю, что литовцы и уничтоженные немцами пруссы, чьи далекие предки, близкородственные древнейшим балтославянам, по основному своему языческому верованию были *огнепоклонниками*.

А в русском «Слове Христолюбца» засвидетельствовано следующее языческое моление: «Огневе молять, зовуще его Сварожичемъ». Сварог почитался и западными славянами, как одно из верховных божеств, а многозначное санскритское svarga — идущий (пребывающий) в свете, сияние, небо, небесный свет. Сын Сварога Дажьбог, упоминаемый, как известно, в «Слове о полку Игореве»,— это Daḥ-бог, «сияющий» бог; по словам русского летописца, «Солнце-царь, сын Сварогов еже есть Дажьбог».

Напомню также, что в Индии одним из древнейших культов, перешедших в индуизм от арьев, был и остается культ рек и воды, что у арьев и славян существовал одинаковый обычай захоронения погибшего воина с его конем, что славянский культ рода, настолько древний, что его истоки невозможно датировать, имел параллели в арийско-индуистских культах, а на Дону и Днепре найдено много статуэток, изображающих богинь-матерей, относящихся к эпохе энеолита. Скульптурные же изображения многоглавых индуистских богов, в частности пятиглавого или — позже — четырехглавого Вишну, имели поразительные соответствия в

культовой скульптуре славян. Кроме каменного четырехликого Збругского идола, были, как мы уже знаем, многоглавые боги у славян, живших на острове Рюген (Руян) и балтийском побережье. По свидетельствам Титмара Мерзебургского, Саксона Грамматика, Адама Бременского и других очевидцев, живших в XI — XII вв., Световит в Арконе — это «большой, превосходивший рост человеческий, кумир, с четырьмя головами». Саксон: «В другом городе острова Руяны — Коренице было три храма, из которых в одном стоял громадных размеров истукан бога Руневита, о семи лицах, семь мечей в ножнах было привязано к его боку на одном поясе... В другом храме находился идол Поревита о пяти головах, и в третьем — идол Поренута о четырех лицах, а пятое лицо было на груди». «Важнейшим в Поморском крае был Триглав, истуканы которого находились в Штетине, Волыни и других местах». В Браниборе (Бранденбурге) тоже был трехглавый идол... И ученые не сомневаются, что именно арьи принесли в Индию основу верований, из которых развился индуизм.

— Но ведь Индия — страна древнейшей земледельческой культуры, и, может быть, пришельцы усвоили то, что уже было?

— Нет. Индийские историки и археологи Д. Д. Касамби, С. К. Дикшит и другие пришли к выводу, что именно арьи привнесли в Индию коневодство и железную металлургию, а советская исследовательница Н. Р. Гусева, на книгу которой мы ссылались, прожившая в Индии несколько лет, изучая индуизм, утверждает, что «арьи принесли с собой свои религиозные представления, нормы обычного права и социально-этические установления... распространяли в Индии ведизм и воспринимали многие элементы культуры и религии местного населения», хотя «наука пока не располагает точными сведениями о религии доведического населения Индии, так как до сих пор не прочтены письмена на печатях цивилизации долины Инда (или цивилизации Хараппы)».

— Хорошо, но подойдем к теме с другой, так сказать, стороны — можем ли мы говорить о славянах III тысячелетия до нашей эры?

— Можем! Советская исследовательница Т. И. Алек-

сеева долгие годы изучала антропологический материал и первой в истории науки пришла к выводу, что «формирование черт, присущих древним славянам, относится к глубокой древности, во всяком случае к III — II тысячелетиям до нашей эры» (Алексеева Т. И. «Славяне и германцы в свете антропологических данных.—«Вопросы истории», 1974, № 4, с. 60). Может быть, арьи, то есть «пахари», а позже, несомненно, «скифы-пахари», были земледельческим праславянским населением лесостепной и степной зон Причерноморья.

— А что в этой работе говорится об антропологических данных славян и германцев?

— Т. И. Алексеева, комплексно рассматривая многочисленные антропологические данные, сближает ряд славянских племен с балтийскими, находя одновременно большие разграничения с германскими: «В ряду колебаний этих соотношений германцы и восточные славяне занимают диаметрально противоположное положение».

— Минутку! Если арьи, ушедшие в Индию, были степными скотоводами, то оставшиеся арьи-земледельцы — частично, может быть, предки балтославян, у которых оказалось с арьями столько языковой и культовой общности, это мы, а вовсе не немцы, вроде как бы арийцы!

— Только нельзя на этих или каких-либо других научных разысканиях строить какие бы то ни было расистские концепции. Немецкие фашисты пытались создать свою националистическую расовую теорию, согласно которой только немцы были якобы прямыми потомками ариев, настаивали на своей «чистоте расы», особой «избранности» немецкого народа, считали все другие народы умственно и физически неполноценными и этой антинаучной демагогией попробовали оправдать захватнические войны, бредовые планы уничтожения других народов, генетического «улучшения» человеческой породы. Мы знаем, чем все это кончилось... Подытожим: последние достижения науки говорят, что индоевропейская общность формировалась в степях юго-восточной Европы, и данные археологии, которая относит это время к периоду так называемой срубной культуры, а также данные сравнительной

лингвистики, этнографии, антропологии, истории позволяют сделать вывод о несомненной общности того большого этнического массива, в котором будущие ведические арьи-скотоводы теснее других соседствовали с праславянами-пахарями. Только никаких, повторяю, расовых концепций строить на этой базе нельзя...

Кажется, давно пришла пора отбросить гипотезу о норманнском происхождении русских князей и русской государственности, но издавна были и до сего дня находятся у нас авторы, неспособные расстаться с ней. Один походя напишет, что шведский король Карл XII был «последним варягом», хотя он никогда никому не служил, однако этот «красивый» эпитет заставляет нас думать, что варяги были все-таки шведами. Другой назовет Ольгу Хельгой, хотя она была русской девушкой из-под Пскова и носила поначалу прекрасное славянское имя Прекраса, а при крещении наречена Еленой. Третий окрестит валдайские волока «варяжскими», хотя русские люди пользовались ими тысячу лет...

На Западе же постоянно появляются псевдоисторические, политически спекулятивные публикации норманистов. Западногерманский журнал «Штерн», например, в полутора десятках номеров за 1980 год поместил пространное сочинение некоего Лео Сиверса «Тысяча лет совместной истории». Талдычит в самом начале: «С походов норманнских судов на юг начинается русская история». «До этого русская история имела размытые контуры»... «Варяги приплывали на своих быстрых лодках в 8 и 9 веках из Швеции»... «Они объединяли разобщенно живущие славянские племена, придавая им свою строгую организацию»... «Дали им имя Rus»... «Рюрик был первым князем в стране». И так далее, в духе давно протухшего норманизма, хотя еще лет двадцать назад один из ведущих западных норманистов, работающий в Швеции, официально заявил, что *все* их аргументы оказались несостоятельными и... надо создавать неонорманизм! Только как его теперь создавать, если установлены совершенно объективные и неоспоримые научные истины: 1. Начальные государственные образования в виде союзов племен и княжеств существовали на Руси задолго до

варягов. 2. Среди скандинавского и германского континентального населения никогда не было племени или этнической группы под названием «русь». 3. Скандинавы не могли оказать никакого заметного положительного влияния на жизнь средневековой Руси, потому что отставали от нее в общественном развитии; у них почти не было городов, *на сто лет позже* к ним пришло христианство, письменность, чеканка монеты; первый свод законов также появился на сто лет позже «Русской Правды». 4. Варяги-иноплеменники не оставили на Руси никаких следов в языке, обычаях, верованиях, архитектуре, судостроении, быте, ремеслах. 5. Рюрик не упоминается ни в одном скандинавском или немецком средневековом памятнике. Он был славянином из племени бодричей (рарогов), внуком Гостомысла, сыном его дочери Умилы и бодрического князя Годослава (Годлава). Добавлю, что еще М. В. Ломоносов считал Рюрика выходцем из западных славян, а В. Н. Татищев, близко подойдя к истине, писал: «...Годелайб, которого дети неизвестны, то оному Рюрика Трувора и Синава причли» («История Российская», т. 1, с. 293).

Занятие монархического трона иноплеменником было делом довольно обычным для средневековой и новой истории Европы. На английском престоле, начиная с норманнского завоевания, постоянно сиживали не британцы. Литовец Ягайло полвека был королем польским, Филипп V из французских Бурбонов — испанским, наполеоновский маршал Жан Батист Жюль Бернадот основал нынешнюю династию шведских монархов... Рюрик, однако, не был монархом — такого способа правления на Руси в его времена еще не существовало, и я вспоминаю, как декабрист Никита Муравьев после прочтения антиисторической книги одного французского автора возмутился: «Рюрик, Олег, Игорь, Святослав — абсолютные владыки! Невежда!»

Главное, как мы знаем, в другом. Политические спекулянты разных мастей толковали и толкуют факт призвания Рюрика как цивилизаторскую и даже расовую миссию германца в «неполноценных» прарусских и других восточноевропейских племенах, якобы неспособных создать своей государственности; здесь про-

ходил водораздел между норманистами и антинорманистами, о чем достаточно сказано выше. Кроме всего прочего, Рюрик не был, повторимся, скандинавом или северогерманцем; это обстоятельство при всей его исторической второстепенности подрезает, однако, норманистам становую жилу...

— Нет ли каких-нибудь европейских источников, хотя бы косвенно подтверждающих славянское происхождение Рюрика и более объективно освещающих вопрос о призвании варягов?

— Косвенных источников немало, и хотя они довольно поздние, их полезно знать. Австриец Сигизмунд Герберштейн, например, дважды побывавший в XVI веке в России, выпустил свои «Rerum moscoviticarum commentarii» (Вена, 1549), где подробно писал о призвании варягов, заключив: «На основании всего этого, мне кажется, что русы скорее всего призвали себе князей из вагров или варягов, чем передали власть чужестранцам, которые были чужды и их религии, обычаям и языку». А в начале следующего века вышла в Кельне книга об истории всех языков, написанная Клодом Дюре. На нее ссылается знаменитый швед Филипп-Иоанн Страленберг, что был взят в плен под Полтавой, много лет пробыл в Сибири, где составил хорошую ее карту, понравившуюся Петру I, а по возвращении на родину писал немало о России. Вот цитата из него: «Клод Дюре говорит не без основания, что варяги, от которых происходил Рюрик, были вандалами, называемыми другими «вендами».

А в 30-х годах прошлого века в Северной Германии была записана интереснейшая древняя легенда о Рюрике и его братьях. Узнал я о ней недавно из одной книги, вышедшей в Канаде в 1964 году. Автор ее, рассказывая о начале Руси, приводит сведения, изложенные в предыдущем абзаце, досадует, что не располагает книгой, в которой напечатана эта любопытная легенда, но публикует ее выходные данные — X. Marmier «Les lettres sur le Nord» (Мармье К. Письма о Севере).

Ксавье Мармье, французский путешественник и писатель, побывал в Северной Европе, в Африке, Америке, на Ближнем Востоке, отовсюду писал путевые очерки, потом романы, позже стал членом Француз-

ской академии. Посетил он и Россию, где познакомился с Н. Гоголем, П. Чаадаевым, В. Одоевским, П. Вяземским, И. Тургеневым, Л. Толстым и стал первым западноевропейцем, представившим русскую литературу тамошнему читателю — переводил Пушкина, Гоголя, Бестужева-Марлинского, Жуковского и других, а его перевод «Героя нашего времени» Лермонтова до сих пор считается во Франции лучшим. Писал: «...Ни одна литература, кроме русской, не проявила такого сильного стремления сохранить свой самобытный тон, свои местные формы, одним словом, свои отличительные черты национальной литературы; подобный факт воспринимается первое время с удивлением; но он становится понятным, если вспомнить, что эта литература была единственным убежищем для чувств национальной независимости и индивидуальной свободы, у которых не было иных способов для своего проявления...»

Но все это было позже, много позже первого путешествия Ксавье Мармье по Северной Германии, бывшей земле бодричей. И нет ли в московских библиотеках его книги?

В Историчке, которой я пользуюсь годами, ценя ее выше других за редкости и редкостную оперативность сотрудников, этой книги Мармье не оказалось, но выручила меня Горьковка МГУ, первая в моей жизни большая библиотека, которой я стольким обязан,— можно сказать, почти что началом жизни...

Позвонил давнему своему знакомому Виктору Васильевичу Сорокину, главному библиографу Горьковки и одному из лучших знатоков старой Москвы, в которой он помнит в лицо чуть ли не каждый дом. Интересней всего с ним общаться, как это вам, дорогой читатель, ни покажется странным, на московских... кладбищах. Виктор Васильевич знает тысячи надгробий на Ваганьковском, Введенском, Пятницком кладбищах, наизусть некрополи бывших Донского и Новодевичьего монастырей; это он мне первым показал *все* московские декабристские могилы; в его неторопливых тихих рассказах будто оживают давно ушедшие москвичи с их страстями, привычками, родственными и дружескими связями, добрыми делами, грехами, преступлениями и подвижениями...

— «Les lettres sur le Nord»? — переспросил он. — Marmier? Поищу! Выходные данные?

— Первое издание 1840 года, Париж, второе — 1841-го, Брюссель. Тоже, естественно, на французском.

Назавтра он позвонил мне и огорчил:

— Названных вами изданий и с точно таким названием, к сожалению, нет.

— Жалко!— подосадовал я.— Придется мне обращаться в Национальную библиотеку Франции по международному книгообмену.

— Может, вас устроит парижское издание 1857 года?

— Да мне любое! А что — неужто есть?

— Есть... Я полистал ее — путешествия по Норвегии, Швеции, то есть Европейскому Северу.

— А по немецким землям?

— Да заезжайте, сами посмотрите! Книгу я выписал на себя. Лежит, дожидается.

— Можно я сейчас буду, минут через двадцать?

— Пожалуйста.

И вот она передо мной —«Северные письма» К. Мармье. Открыл, и, сразу за титульным листом, первая же глава «Le Mecklembourg», Северная Германия — два герцогства, примыкавшие к Балтийскому морю. Как раз на этой территории обитали в средневековье славянские племена. В центре земли бодричей стоял город Зверин (позже Шверин), на побережье — Росток, сохранивший свое название до наших дней, а также Рарог, называвшийся уничтожившими его датчанами Рериком. Кстати, Т. И. Алексеева установила, что славяне впервые вступили в контакты с германцами не ранее начала нашей эры, а бодричи и новгородские словене принадлежали к одному антропологическому славянскому типу.

К. Мармье был слишком далек от затянувшегося диспута норманистов и антинорманистов, он скорее всего вообще ничего не знал о нем. Просто юный автор-путешественник довольно подробно записал легенду, которую услышал в бывшей земле бодричей, и так как она публикуется на русском языке впервые, то я приведу ее подстрочный дословный перевод, максимально приближенный к подлиннику. Перед этим большим абзацем — переложения древнейших мекленбургских мифов, не имеющих отношения к нашей теме, а

далее следует нужный нам текст, перелагающий средневековую легенду, сохранившуюся в памяти далеких потомков балтийских славян до XIX века.

Вот это место, слово в слово:

«Другая традиция Мекленбурга заслуживает упоминания, поскольку она связана с историей великой державы. В VIII веке нашей эры племенем оботритов (в подлиннике Obotrites, то есть ободритов, бодричей, рарогов.— *В. Ч.*) управлял король по имени Годлав (Godlav), отец трех юношей, одинаково сильных, смелых и жаждущих славы. Первый звался Рюриком (Rurik-paisible, то есть «тихим», «мирным», «кротким», «смирным», «безмятежным»), второй Сиваром (Siwar-victoricux — «победоносным»), третий Труваром (Truwar-fidéle — «верным»). Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли. Они направились на восток и прославились в тех странах, через которые проходили. Всюду, где братья встречали угнетенного, они приходили ему на помощь, всюду, где вспыхивала война между двумя правителями, братья пытались понять («разобраться»), какой из них прав, и принимали его сторону. После многих благих деяний и страшных боев братья, которыми восхищались и благословляли, пришли в Руссию (в подлиннике en Russie.— *В. Ч.*). Народ этой страны страдал (буквально gémissai, «стонал».—*В. Ч.*) под бременем долгой тирании, против которой больше не осмеливался восстать. Три брата, тронутые его несчастьем, разбудили в нем усыпленное мужество, собрали войско, возглавили его и свергли власть угнетателей. Восстановив мир и порядок в стране, братья решили вернуться к своему старому отцу, но благодарный народ упросил их не уходить и занять место прежних королей. Тогда Рюрик получил Новгородское княжество (в подлиннике la principauté Nowoghorod), Сивар — Псковское (de Pleskow), Трувар — Белозерское (de Bile — Jezoro). Спустя некоторое время, поскольку младшие братья умерли, не оставив детей, Рюрик присоединил их княжества к своему и стал главой династии, которая царствовала до 1598 года» (Marmier X. Lettres sur le Nord. Paris, 1857, p. 25—26;

Мармье К. Северные письма. Париж, 1857, с. 25—26).

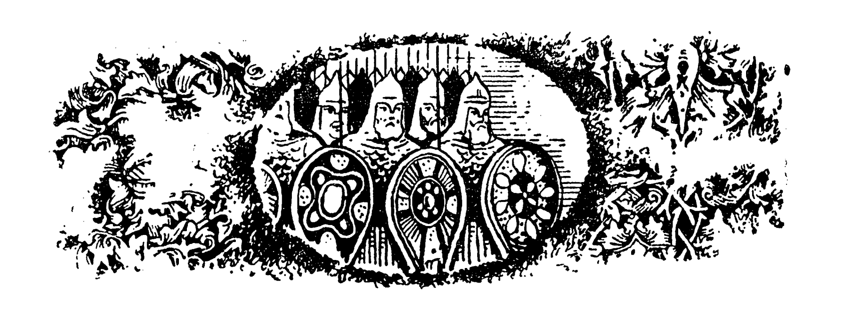
Легенда необыкновенно любопытна, хотя исторические даты не подтверждают молодого возраста трех братьев. Годослав (Годлав) погиб в 808 году, а призвание его сыновей русские летописи относят к 862 году. И «королевство» казненного отца не было мирным! У рано осиротевших братьев вообще не было уже никакого королевства, то есть княжества. Воспитанные, очевидно, матерью и ближайшими родственниками, они с юности познали ратный труд — сопротивление родственных славянских племен продолжалось. Имея, очевидно, огромный боевой опыт в борьбе с немецко-датскими захватчиками и придя на Русь значительно раньше 862 года, они действительно защищали поначалу рубежи Новгородской земли от повсеместной тогда экспансии норманнов и викингов. Все трое были уже в солидном возрасте, когда получили княжеские столы, что в какой-то степени объясняет скорую и почти одновременную смерть Трувора и Синеуса. Дольше их прожил Рюрик, умерев, как и его дед Гостомысл, уже в глубокой старости...

Не было, кажется, в мировой исторической науке течения более вредного и спекулятивного, чем норманизм,— своего рода многовекового наукообразного террора, унижавшего русский народ, искажавшего его историю! И пришла пора окончательно похоронить норманизм, так как за бесконечными спорами на эту тему исчезало куда более важное — историческая суть, подлинные задачи науки.

— А в чем она, эта суть, какие задачи?

— В том, чтобы, используя старый, новый и новейший археологический материал, индийские, греческие, римские, византийские, ватиканские, армянские, еврейские, английские, немецкие, болгарские, русские, скандинавские, арабские источники, мифы и литературу разных широт и меридианов, богатейшую символику и конкретику дошедшего до наших дней прикладного народного искусства, данные общеславянской истории в связи с историей сопредельных народов, геральдику, верования и сказания, *восстановить подлин-*

ную историческую картину средневековой, древней и древнейшей жизни наших предков, с достоинством ввести ее в русло мировой истории, в просветленье!

29 Вятичи еще долго не могли примириться с поражением. Поклонялись своим языческим богам; христианство сюда проникало с трудом. Есть летописное известие, что вятичи убили миссионера Киево-Печерского монастыря Кукшу — это произошло в 1113 году, то есть через сто двадцать пять лет после киевского крещения Руси! И Владимиру Мономаху, как и его прадеду и тезке, пришлось дважды собирать войско, чтоб снова привести в покорность это мужественное и сильное племя, о чем он сам пишет в «Поучении»: «А въ вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его».

В 1154 году сам Юрий Долгорукий протянул было сюда руки, однако не вышло: «Пришедшю же ему в Вятиче и ста, не дошед Козельска»,— должно быть, крепость эта была действительно серьезным препятствием, если он решил не штурмовать ее и вернулся назад. Козельск рос, богател со временем, а его крепость становилась все неприступнее. В 1223 году Мстислава, казненного на Калке Субудаем, летопись именует князем Козельским и Черниговским — видать, среди множества городов Северской земли княжеский домен Козельск числился тогда не последним, а вскоре этот город стал центром удельного княжества Козельского.

Потом 1238 год с его великой бедой, пришедшей из Великой Степи, но с противоположной от этой степи стороны...

Снова стою у Козельского креста. Интересно, какое имя носил бог, из коего сделан этот крест,— Даждьбога, Перуна, Хорса, Стрибога, Смарьгла, Ярилы, Купалы, Велеса, Мокоши, Чура, Морены, а быть может, самого Рода или самой Берегыни? Ах, как мало мы знаем *о своем* древнейшем прошлом, словно бы стесняемся его, хотя учим школьников разбираться в сложнейшей иерархии языческих средиземноморских богов...

Этот грубый крест, в который превратилось козельское ритуальное изваяние, долго выполнял, наверное, роль лоцманского знака над порожистым участком Жиздры. Такими крестами, установленными на видных местах, наши предки издревле столбили приметные точки рельефа, сухопутных или водных путей. Снова вспоминаю летописный Игнач крест, до которого доскакала орда Селигерским путем, вспоминаю Лопастицкий с княжеским знаком, Стерженский с надписью, Нерльский, многочисленные более поздние кресты на сибирских реках, горах и перевалах.

Кстати, крепость на жиздринских бродах была экономически и стратегически важной еще и потому, что через нее по водоразделу наверняка проходила в средневековье летняя дорога, связывающая восточные районы северных княжеств с югом, со степью, а также торный зимник по хлебородным местам к Козельску и далее на Корачев — столицу большого северского удела, от коего отпочковался козельский.

Крест многое мог бы рассказать, только камни, к сожалению, говорить не умеют...

Не перед камнем стою, а перед глубокой многовековой тайной!

Победоносное степное войско было сковано железной цепью организации и послушания, умело применяло новейшую осадную технику, обладало огромным опытом штурма самых неприступных твердынь того времени, руководилось поседевшим в жестоких боях главнокомандующим и — сорок девять дней штурмовало деревянный лесной городок, *семь недель не могло взять Козельска!* По справедливости Козельск должен бы войти в анналы мировой военной истории наравне с такими ратоборческими гигантами, как Троя и Верден, Смоленск и Севастополь, Брест и Сталинград.

В годы Великой Отечественной войны героически сражалась с фашистами и древняя земля вятичей. Прифронтовые белые снега и черные пепелища поливались алой солдатской кровью, а в немецких тылах поднимался на врага народ-богатырь. Страна вскоре услышала о маленьком городке Путивле и председателе его горсовета Сидоре Ковпаке, который со своим партизанским отрядом свершил беспримерный рейд по фашистским тылам протяженностью в десять тысяч километров, уничтожив сорок вражеских гарнизонов. В верховьях Жиздры людиновские парни и девчата создали диверсионную группу мстителей, трагически погибшую вместе со своим вожаком Алексеем Шумавцовым, который посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза, а четверо его сподвижников — Анатолий Апатьев, Александр Лясоцкий, Антонина и Александра Хотеевы — награждены орденом Ленина.

А недавно под стекло моего письменного стола ненадолго легла необыкновенная историческая реликвия с того самого деснянско-окского водораздела, который в древности делил не только воды, но и северян с вятичами. В этом районе ближайшего немецкого тыла сохранялась Советская власть, работали окружком и райком ВКП(б), действовало много партизанских отрядов. Одним из соединений командовал Виктор Алексеевич Серебряков, отец московского поэта и моего друга Геннадия Серебрякова. В отрочестве крестьянский парнишка из-под Палеха Виктор Серебряков воевал в дивизии Чапаева, позже стал кадровым военным и войну встретил на границе. Раненный в обе ноги, он долго отлеживался в крестьянском чулане, а потом на самодельных костылях два месяца шел по тылам к фронту. В окрестностях Дятькова нашел партизан, и они, несмотря на предъявленные документы и сохраненную нашивку со шпалой, посадили Серебрякова для пробы за пулемет. Позже Серебряков стал командиром одного из отрядов, потом начальником штаба партизанской бригады. Погиб он в мае 1943 года в тяжелом бою с карателями...

В лесу выходила газета «Народный мститель», о которой стоит рассказать. Один из ее номеров — за 20 августа 1943 года — лежит под стеклом моего письменного стола. В четырехполоске небольшого формата

все, как положено: передовая, сводки с фронтов, клишированная рубрика «По родной стране». А вот сообщение об уничтожении фашистами города Жиздры: «Бесформенные груды кирпича да кучи пепла — это все, что осталось от красивого, хорошо знакомого многим из нас города Жиздры. Фашистские изверги, отступая под могучими ударами советских войск, полностью разрушили город — все деревянные дома сожгли, а каменные здания взорвали. Варвары разорили и уничтожили школы, библиотеки, больницы, кино, разрушили и взорвали все водоемы и колодцы... Многих жителей Жиздры и окрестных деревень фашистские работорговцы угнали на каторгу в Германию, а их имущество разграбили».

Третья полоса — партизанская. Рассказывается об уничтожении автоколонны врага, взрыве моста, диверсии на перегоне железной дороги, смелом разведчике П.— все фамилии тут зашифрованы. На последней страничке карикатура, краткая информация о действиях партизан Югославии, Греции, Бельгии и Франции, заметка о разоблачении шпионки, подосланной фашистами в партизанский район, и «Письмо с фашистской каторги» семнадцатилетней девушки к матери, которая, очевидно, передала его в партизанскую редакцию: «Здравствуйте, милая мамочка! От вас нет писем. Не знаю, что и подумать. Вы, конечно, живете плохо. Мама! Продай все мои вещи и купи себе хлеба. Не береги ничего для меня. Долго я едва ли выдержу. Очень ослабела. Работаем мы у барона Ф. Работаем кошмарно. Болят все суставы. Иногда с работы меня ведут под руки мои подруги. Мы стонем, как старухи, от боли в пояснице. В дождь, холод и жару работаем целый день с раннего утра и до захода солнца. Живем в барском сарае, под замком, с решетками на окнах. У нашего барона Ф. работает 70 человек — девушки из Чернигова, из Вязьмы, из Петергофа. Много среди них студенток и 10-классниц. Все мы тоскуем по родине. Мама! Помнишь, как я мечтала быть врачом или артисткой? Я об этом не могу вспомнить без слез...»

Все это было, дорогой читатель, если учесть глубину нашего путешествия в прошлое, совсем недавно...

Конечно, газете этой место в музее, и когда я, по-

лучив ее, позвонил директору Государственного Исторического музея Левыкину, он помолчал и произнес с заметным волнением в голосе:

— Что-то не верится.

— Да нет, Константин Григорьевич, вот она, передо мной, и я вам ее, конечно, передам.

— Будем очень благодарны. И немедленно в основную экспозицию! А знаете, я ведь освобождал те места и был там ранен... Только, пожалуйста, сберегите эту драгоценность!..

И я снова почувствовал, что Левыкин волнуется. Еще бы! Сохранились, наверное, тысячи экземпляров партизанских газет времен второй Отечественной войны, но *такой* нет даже в главном Историческом музее страны, хранящем миллионы бесценных экспонатов, в том числе, скажем, знаменитый турий рог из черниговской Черной Могилы и только что обретенный музеем номер партизанской газеты...

Дело в том, дорогой читатель, что этот экземпляр «Народного мстителя» был *напечатан на бересте!* Размер небольшой — примерно сорок на тридцать сантиметров в развороте, но все же вместилось на четырех полосочках тринадцать заметок. Береста сохранила свою белизну, и на ней прекрасно отпечатались не только буквы, но и клише, и лишь в тех местах, где были зачернения от старых сучков да пленочные отслоения, часть слов не читается. Зато изумительная по качеству печать на желтоватой заболонной стороне! Каждая буковка вдавилась, как в древних новгородских, смоленских и витебских берестяных грамотах, и заполнилась навеки типографской краской...

Сохранил эту необыкновенную, быть может, в своем роде единственную за всю историю печатного дела газету партизанский печатник Петр Федорович Кирюшин, адрес которого мне дал Геннадий Серебряков. Я написал ему и вскоре получил ответ: «Уважаемый В. А.! Коротко отвечаю на Ваши вопросы. Родился я в 1921 году, работаю в Дятьковской типографии с 1937 года и по настоящее время. В начале Отечественной войны я, как опытный печатник, был забронирован для дальнейшей работы по выпуску районной газеты, а после оккупации нашего района зачислен в партизанский отряд для организации подпольной ти-

пографии, где и работал до освобождения наших мест от гитлеровцев. В лесной партизанской типографии мне пришлось налаживать полиграфическое оборудование, обучать новые кадры, освоиться в тяжелых условиях землянки, приладиться набирать, верстать и печатать газету с оружием в руках, таскать ее тираж на плечах под обстрелом, бомбежкой — всего не перескажешь.

Весной 1943 года после ожесточенных боев — а враг оттянул от фронта большие силы на уничтожение партизан — у нас кончилась бумага, самолеты с Большой земли не могли ее доставить, хотя газета была в тот момент нужна, как воздух. Я, молодой коммунист, понимал, какая сила заложена в печатном слове, но выпустить газету не мог. И вот вышел из землянки, закурил и задумался — что же предпринять? А вокруг стоят и белеют березы, чистенькие такие! Подошел я к первой из них, посмотрел на нежную, белую, как бумага первый сорт, кору, и вдруг меня осенило — не попробовать ли? Осторожно сделал надрез, и молодая кора хорошо сошла. Я прибежал с нею, свеженькой и сыроватой, в землянку, примерил к сверстанному ранее набору, положил на печатный станок и тиснул. Вышло отлично! Тут же понес газету секретарю окружкома ВКП(б) Туркину С. Г., тот, конечно, одобрил и сразу повеселел. Все, кто был в то время свободен, пошли с ножами и топорами в березняк, и мы тут же напечатали этот номер. За ним другой.

Тираж их был небольшой, до 50 экземпляров. Распределялась газета по отрядам и среди населения разведчиками Сизневым В., Панковым Т., Лукашевой Т. и другими. Шла газета в пять районов, оккупированных немцами, которые были вокруг нас. Один из первых номеров «Народного мстителя» на березовой коре самолетом переправили в Москву и показали Сталину. И. В. Сталин сказал, это хорошо, что нашли выход из положения и не сорвали выпуск партизанской газеты, но враг может подумать, будто у нас нет бумаги. Бумагу прислали. Газета малым форматом выходила три раза в неделю, большим — один раз.

Конечно, не я один выпускал «Народный мститель», у нас был целый коллектив. Первый наш редактор Кустов Е. А. погиб в 1942 году, секретарем был Лу-

гин П. А. Дальше — наборщик-печатник Новиков И. С., радиотехник Пискунович В. С., художник Скрипник, инициалы не помню, и я, старший по типографии,— наборщик, метранпаж и печатник...

Высылаю Вам подлинник газеты «Народный мститель» на бересте № 75' (237) за пятницу 20 августа 1943 года. П. Ф. Кирюшин. 20 июня 1979 года».

Наверное, боевые отличия у Петра Федоровича Кирюшина есть, а я рассказал моим читателям о его газете и о нем, чтоб скромный человек этот к выходу на пенсию получил еще одну награду — общую нашу признательность, кстати, каждый может сейчас посмотреть эту газету в Государственном Историческом музее.

...Из прошлого разных эпох наплывают имена и события, беспокоят память; так и должно быть, потому что память, связующая все со всем, помогает жизни находить ее главный вектор.

Поднимаюсь рано, до восхода солнца. В одиночестве брожу по остаткам козельских валов, стою над глубоким рвом, по дну которого медленно перетекает из долины Другусны к Жиздре слоистый туман.

Удивительное зрелище являет собою Козельск ранним туманным утром! Долины Жиздры, Другусны, Клютомы и Орденки запечатала белая пелена, сокрыла и Оптину пустынь, и Нижние Прыски, а поверх нее, словно из древнего туманного небытия, подымается легендарный город на мысу. Воздадут ли далекие забывчивые потомки должное героизму его, вспомнят ли великие муки этого обыкновенного русского городка, пережившего, как и достославный Торжок, множество междоусобных войн и опустошительных нашествий иноземцев? После уничтожения весной 1238 года Козельск возродился, а потом враги всегда приходили сюда на кровавую грабительскую жатву осенью.

«Объятый странным ужасом», как писал Карамзин, бежал от рубежей московской земли осенью 1480 года крымский хан Ахмет. Сражение на Угре навсегда покончило с многовековой угрозой нашествий с юга, и хан Ахмет в бессильной ярости разграбил и дотла сжег первый попавшийся на обратном пути русский город —

Козельск. А 7 сентября 1610 года, по словам старорусской хроники, «пришли из стана Сигизмунда вольные люди, в два часа овладели Козельском; погибло семь тысяч жителей; увели в плен воевод, бояр... Разграбили добро и ушли, предав пламени город». Тревожные дни пережил Козельск в октябре 1812 года, когда полчища Наполеона, покинув Москву, потянулись по Старой Калужской дороге. Городок этот вместе со всем югом России спасли тогда полководческий гений Кутузова, беззаветная храбрость его солдат и офицеров. Знаменитым фланговым маневром русские войска перерезали врагу путь на Калугу и Козельск, разбили корпус Мюрата под Тарутином, много раз брали и сдавали Малоярославец, но все же повернули разноязычную европейскую орду через Боровск, Верею и Можайск на Вязьму и Дорогобуж — по Старой Смоленской дороге к заснеженным берегам Березины.

8 октября 1941 года в Козельск ворвалась с запада неистовая бронированная орда гитлеровских убийц, разрушителей и грабителей. За восемьдесят один день оккупации города и района фашисты расстреляли и увезли в рабство множество людей, разрушили стратегически важную железнодорожную станцию, все мосты, заводы, склады, школы, библиотеки, клубы, церкви. Приведу только реестр их сельскохозяйственной «добычи». Гитлеровцы отобрали у окрестных колхозов и населения 8550 лошадей, 5249 коров, 2129 свиней, 4637 овец, 19 860 домашних птиц, вывезли 19 750 центнеров зерна, 11 530 центнеров картофеля, 21 150 центнеров фуража. Документы хранят с тех дней и один микроскопический факт, достойный, однако, презрительного внимания Истории: доблестные воины богатой и сильной европейской страны, умножая свои военные трофеи, «изъяли из детских яслей пятнадцать детских рубашек и двенадцать метров мануфактуры».

Все можно нажить и построить, все восстановить и приумножить соединенными усилиями природы и человеческих рук, но никогда и ничем не искупятся слезы матерей, вдов и сирот, *ничем не заполнятся в человеческом роду пустые, расширяющиеся с каждым поколением клинья, идущие в вечность от каждого безвременно погибшего*!..

И память снова и снова возвращает меня в Козельск средневековый, к часам, дням и неделям его беспримерной обороны весной 1238 года.

Сегодняшний Козельск — обычный райцентр с одно- и двухэтажными старыми и новыми домами и домишками, деревянными и каменными. От домонгольских времен, конечно, ничего не сохранилось. Культовые сооружения обычно крепче других построек стоят против времени, и было когда-то в Козельске ни много ни мало, а сорок церквей, из которых уже к началу XVIII века осталось только три. Осмотрел я мощные своды самой старой (1620 года) церкви Воскресения, под которыми сейчас городская хлебопекарня, а снаружи даже не признать, что тут такое было или есть; полюбовался отличной сохранностью и статью Никольской, с грустью взглянул на руины церкви «Сошествия святого духа в виде голубя» — и меня целиком захватил тот воображаемый Козельск, что стоял здесь весной 1238 года...

Конечно, это была крепость, и крепость по тем временам первоклассная, не только не уступающая крепостям стольных городов, но и превосходящая их по своей обороноспособности, если даже судить по ее останкам... Третий день хожу по крепости, пересекаю из конца в конец, меряю шагами, спускаюсь и поднимаюсь, в двух местах грузик на нитке опустил в пустоту и завязал узелки, чтоб дома поточней промерить вертикали.

Ночами плохо спалось — мерещилась необыкновенная эта цитадель, яростная битва у ее главной стены, вспоминалась туманная наша древность и не такое уж давнее средневековье с их особыми способами защиты родных земель, не уступающими друг другу по своей эффективности, инженерной изобретательности, титаническим трудовым вложениям и непомерным расходам, говоря по-современному, на военные нужды...

Давно, между прочим, спрашиваю себя — зачем древний период развития нашей государственности,

экономики, литературы, архитектуры, языка, военного искусства продлевается вплоть до XVII века, хотя в истории других народов мы обычно числим целое тысячелетие средневековья? Уверенно пишем, например: «Авиценна, великий ученый-энциклопедист *средневекового* Востока, родился тысячу лет назад». Для Западной Европы средние века начинаются с краха Западной Римской империи (476 г. н. э.), кончаются открытием Америки (1492 г.). Почему же для нас открыт другой счет? Рука многих ученых авторов ныне почти автоматически выводит слова: «в древнюю, допетровскую эпоху...», «с реформами Петра закончилась наша древность», «древнерусский князь Ярослав Мудрый» и так далее.

Стало, так сказать, модным выносить слова «Древняя Русь» применительно к русскому средневековью в заголовки книг и статей. Сборник Е. А. Рыдзевской, например, назван составителями «Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.», а ее замечательную статью, написанную в 1939 году и условно названную автором «Русь и варяги», безусловно переименовали так: «О роли варягов в Древней Руси», и я оставляю на совести человека, проделавшего этакое, вопрос о его научной корректности...

Время на земле для всех ее обитателей текло одинаково, и мы, будто бы вступившие из древности сразу в новое время, по чьей-то недоброй воле вдруг попадаем в число народов отсталых и второстепенных, хотя, бесспорно, имели, как и все другие, свое средневековье и свою подлинную древность. Не отношу к нашей древности ни черниговский Спас, ни княжение Ярослава Мудрого, ни «Слово о полку Игореве», ни Козельскую оборону, ни Куликовскую битву, ни храм Василия Блаженного, потому что все это принадлежит, если исходить из общей-то мерки, к средним векам общечеловеческой и русской истории.

Не знаю, какими событиями отграничивают этот период в странах Востока; если же необходимо подчеркнуть своеобразие русского средневековья — своеобычность исторического пути всегда отличала один народ от другого!— то можно было бы условно принять нам свои великие вехи, отмечающие такое календарное понятие, как «средние века».

Средневековье наше завершилось, очевидно, приращением к могуществу Русского государства Сибири, древность же не началась, а, наоборот, закончилась основанием Киева в V веке! Мы, правда, пока не располагаем собственными письменными свидетельствами о древнем, докиевском, периоде своей истории, но это совсем не значит, что его не было; если б не было его, то не было бы ни нашего средневековья, ни нового времени...

Век от века вытесняли друг друга на южных рубежах древнеславянских расселений скифы, сарматы, готы, гунны, авары. Это были многочисленные и воинственные народы, сметавшие на своем пути все. Скифов, которых не могли победить даже могущественные персидские цари, разгромили сарматы, что стали в свою очередь жертвой свирепых готов, не раз запускавших острия мечей в нутро самой Римской империи. Готы долго казались непобедимыми, но вот из глубин Азии ворвались в северное Причерноморье гунны. Гоголь писал о тактике гуннского воинства: «Многочисленная масса их летела так густо и с такою силою на лошадях бешеных, почти диких, как будто бы была сброшена с крутого утеса, и не в состоянии была сама удержать бега... в одно мгновенье они давали столько изменений ходу битвы, так быстро могли рассыпаться и исчезнуть из виду, так скоро собраться в кучи, так метко высылать летящий лес стрел, даже убегая так ловко они умели отстреливаться, и все это сопровождали таким диким, оглушительным криком, что вряд ли мог сыскаться предводитель, чей глаз не разбежался бы, и голова не закружилась в битве с ними». Гунны пронзили всю Евразию, подошли к Константинополю и Риму, потерпев первое серьезное поражение в 451 году далеко на западе — до Лютеции, Прапарижа, Атилле оставалось сделать всего два конных броска...

И вот перед нами во всем своем величии тайна *нашей* глубокой древности — почему ни сарматы, ни готы, ни гунны не тронули богатого, земледельческого и ремесленного Поднепровья?.. Что за сказочные богатыри там жили, каким богам поклонялись, на каком языке говорили?

Жили там тогда примерно такие же люди, как мы с вами, даже в среднем пожиже комплекцией, поклонялись, подобно древним грекам, властелинам неба, богам земли, воды и плодородия, покровителям ремесел, домашних и диких животных, верили в домовых и русалок, как другие верили в гномов, эльфов и сирен.

Итак, *каким образом* смогли уцелеть наши далекие предки в той древности, когда бесчисленные орды завоевателей уничтожали без следа целые народы и растворяли в дыму истории даже память о них?

Н. В. Гоголь, размышляя о гуннском, самом страшном из нашествий, писал: «Великий аванпост Европы занят был, как мы уже видели, владычеством Готов. Их многочисленныя племена и покоренные ими народы были передовыми ея стражами... И Готы, те Готы, которые считались непобедимым ея оплотом и силою, уступили перед ними. Это так и долженствовало быть. Тайна азиятского многочисленнаго набега была совершенно неизвестна Готам. Если б они знали, что азиятское нападение более всего страшно силою первого порыва, что уменье долее противостать ему и продлить битву одни только могут выиграть... Впрочем, надобно сказать и то, что нужно было иметь нечеловеческую храбрость и крепость духа, чтобы выдержать первый напор Гуннов».

Истинным аванпостом Европы, однако, были в те древние времена не готы, а наши предки, которые не только знали тайну «азиятского многочисленного набега», но и сумели противопоставить ему, кроме храбрости и крепости духа, свою *тайну,* особую в ратной истории народов земли препону. И давайте прервем на секунду нашу всеобщую спешку сегодняшней разнообразной жизни, в которую далеко не всегда входит помогающая нам история, да поклонимся киевскому математику Аркадию Сильвестровичу Бугаю за его двадцатилетние труды, не имеющие, правда, никакого отношения к основной специальности этого человека.

Сокровенная тайна впервые было приоткрылась около века назад, потом ею почему-то перестали интересоваться, и только в наши дни А. С. Бугай со своими добровольными друзьями-помощниками занялся доскональным изучением необыкновенной системы обороны, созданной «скифами»-пахарями, которые, как доказы-

вают крупные современные ученые, были предками восточных славян, живщих на пограничье Великой Степи в эпоху подлинной нашей *древности.*

В основе этой системы был мощный земляной вал, обращенный фронтом к степи, с глубоким рвом у подножия. Остатки таких сооружений доныне сохранились во многих областях Украины, и народ издревле зовет их Змиевыми валами. То едва заметное, извивающееся среди полей возвышение, то протянувшаяся на многие километры гряда с ярко выраженным рвом у южной подошвы, то внушительные даже сейчас двенадцатиметровой высоты искусственные земляные поднятия. Один из валов, обследованный А. С. Бугаем, расположен на юге Киевской области. Поперечник основания— двадцать метров, теперешняя высота — до девяти, а гребень его скрывается по обе стороны за горизонтом. В толщу вала древние фортификаторы закладывали обожженные бревна, и современные методы радиокарбонного анализа древесного угля позволили определить точную дату сооружения — 370 год нашей эры. Именно в этом году гунны ворвались в Крым и стерли с лица земли Боспорское царство вместе с его столицей Пантикапеей.

В иных местах валы тянутся параллельно друг другу, смыкаются с соседними системами, образуя неприступные, гениально простые, хотя и очень трудоемкие в строительстве защитные линии. Степная конница была бессильна прорвать их! Наездник не мог с ходу преодолеть рва и крутяка над ним, а спешившийся степной воин терял все свои преимущества перед защитниками, которые не боялись и длительной осады. Степняки, впрочем, тогда вести ее не умели да и не могли — нужны были подсобные орудия, постоянный корм и вода для основных и запасных коней. Если же подножный корм в округе мгновенно стравлялся-вытаптывался и не текли речки, на суходоле не росло леса и неоткуда было пригнать рабов, которые могли бы соорудить осадные лестницы, то не лучше ли было повернуть морды коней туда, где таких неодолимых препятствий не встретится и не будет этих яростных бородатых воинов, ощетинившихся на гребне вала копьями, длинными крючьями, поднявших мечи, увесистые дубины и натянувших сильные луки с меткими стрела-

ми на тетиве? Когда же, загромоздив ров трупами лошадей и людей, степняки все-таки прорывались на вал, за ним нежданно возникала другая оборонительная полоса, взять которую было еще трудней из стесненного, простреливаемого врагом пространства.

А. С. Бугай обследовал около семисот километров валов, обнаружил в одном месте фортификационную систему, по крайней мере, из шести параллельных земляных преград, определил тем же радиокарбонным методом дату сооружения самого древнего вала длиною в тридцать километров и прикрывавшего когда-то большое пресное озеро... Как вам, дорогой читатель, это ни покажется удивительным, вал тот, входящий в четырехрядную их систему, был насыпан в 150 году *до нашей эры!*

Историки помогают установить, что древнейшим из датированных к настоящему времени валов поднепровские славяне защитились от сарматов, только что покончивших тогда с многовековыми хозяевами Великой Степи — скифами. Найдены также валы, предотвратившие вторжение готов, и самые последние, направленные против агрессии аваров. Это уже VII век нашей эры, в который строительство гигантских земляных крепостей прекратилось, наверное, потому, что позже оказалось более выгодным с военной и экономической точек зрения сооружать крепости-города и содержать на беспокойных южных рубежах опорно-сигнальные форпосты, а в распоряжении князей — мобильные дружины конных профессиональных воинов, включавших наемных кочевников и способных не только противостоять в открытой степи новым пришельцам печенегам и половцам, но и совершать быстрые ответные рейды по их тылам и районам концентрации. Впрочем, старая добрая защита служила и позже, когда Киев возводил южную оборонительную систему крепостей против печенегов и половцев. Украинские археологи, обследовавшие недавно Змиевы валы в бассейне реки Стугны, утверждают, «что эти валы не только использовались, но строились или по крайней мере перестраивались в конце X—начале XI в.» («Славяно-русская археология», Краткие сообщения; № 155. М., 1978, с. 11).

А исследования Змиевых валов, будоражащих воображение, продолжаются. Подсчитано, например, что

кубатура одного из них так велика, что на его сооружении работало не менее ста тысяч человек, в том числе, очевидно, рабы и военнопленные. Под защитой земляных твердынь располагались среди возделанных просторов города оптимально круглой планировки с населением примерно по тридцать — сорок тысяч жителей. Самая прочная, глубоко эшелонированная оборонительная система Древлянской земли создавалась девятьсот лет! Различные системы соседствующих земель смыкались, образуя сложный и единый фортификационный уникум, охватывающий полукольцом огромную территорию древнеславянской государственной федерации. Действительно, малочисленные племена или разрозненные роды не могли создать хотя бы один из сохранившихся валов — от Фастова до Житомира протяженностью в сто двадцать километров; такое под силу было только своего рода государственному образованию, объединенному *рядниками и нарядниками*—верховной властью князей, племенных вождей, языческих жрецов и народного веча, общими верованиями и целями, аппаратом управления, *порядком.*

И еще раз вспомним пресловутых норманистов, вспомним, как в 1862 году с помпой, но исторически спекулятивно и ошибочно, было отмечено *тысячелетие* России. Воздвигнутый к этой дате в Новгороде прекрасный памятник был разобран немецкими фашистами, но недавно возрожден для новой жизни. Хорошо, пусть стоит, только им отметили всего лишь эпизодическое, так называемое «призвание варягов», хотя первое устойчивое государственное образование сложилось на Русской равнине к 882 году, а в середине прошлого века можно было бы, наверное, со спокойным достоинством отметить *2000-летний* юбилей нашей своеобычной древней государственности, двадцативековой исторический путь великой и обильной, возделанной трудом наших предков-пахарей земли, защитившейся от степной Скифии-Сарматии первым оборонительным валом за полтора века до нашей эры, а может быть, и раньше...

А полтора тысячелетия спустя, в средние века, русский народ возвел на дальнем северо-западе своей прародины еще одну оборонительную систему, равных которой человечество тоже не знало ни до нее, ни позже.

Первой крепостью этого района была, очевидно, Ла-

дога, основанная на заре средневековья. Наши предки пришли сюда еще в VI веке и поселились неподалеку от побережья Ладожского озера на речном мысу, омываемом водами Волхова и Ладожки. Традиционный земляной вал и ров перед ним защищали первопоселенцев с напольной стороны. В XII веке сильная каменная Ладожская цитадель надежно охраняла от шведской экспансии Новгород, запирая доступ к волховскому водному прямотоку, а через тысячу лет после ее основания Борис Годунов послал в город-крепость колокол с надписью «Ладоге, оплоту государства моего».

Несколько позже Ладоги возник Изборск, упомянутый летописью как город еще в связи с приключением 862 года; он на долгие века прикрыл собою с немецкой стороны другой важнейший торговый, ремесленный и культурный центр русского средневековья — Псков.

Новгородско-Псковская земля, избежавшая нашествия орды с востока, в XIII—XV веках героически сражалась на три смыкающихся фронта, защищая возрождающуюся Московскую Русь. Псковичи и новгородцы не смогли бы устоять, не сумели бы сохранить последний островок русской национальной независимости, если б не бросили тогда все силы на сооружение эффективной системы первоклассных крепостей!

Любознательный Читатель. И еще у них был такой великий полководец, как Александр Невский.

— Да, поначалу... А через три года после смерти Александра появился у псковичей свой полководец, не уступавший ему по воинскому умению, авторитету в народе и сделавший, пожалуй, не меньше для защиты русских земель от вражеской экспансии.

— Ну, знаете, сравнивать с кем-то Александра Невского!

— Конечно, хотя он никогда не был великим князем, а поначалу всего лишь удельным князьком маленького литовского уезда.

— Не русский?

— Литовец. Великий литовец! Историческая фигура, гордиться которой счел бы за честь любой народ!

В лихую годину русского средневековья образовалось на западных границах Руси сильное Литовское государство, в связи с чем заварилась кровавая внутренняя и международная каша. Она сопровождалась

потрясающими человеческими трагедиями... Постараюсь быть предельно фактографичным, потому что у нас идет другая тема, которую мне не терпится продолжить.

Помните, мы упоминали литовского князя Миндовга, наголову разбившего немецких псов-рыцарей при Шауляе в 1236 году? Это было доброй подмогой Александру Ярославичу и его отцу Ярославу Всеволодовичу в те времена, когда русский и прибалтийские народы выступили против общего врага. При Миндовге сложилось своеобычное Литовско-русское государство, использующее для борьбы с немцами эстов, ливов, земгалов, куршей, латгалов, русских воинов из полоцких, турово-пинских и смоленских земель, которые Миндовг не преминул прихватить, когда наш народ сражался на два тяжких фронта. В 1239 году великий князь Ярослав Всеволодович вынужден был потеснить литовцев и турнуть их из Смоленска, а после громкой победы Александра Невского на Чудском озере Миндовг снова подсобил общему делу, предприняв победоносный поход против Ливонского ордена.

Вскоре ливонцы, однако, сделали навстречу Миндовгу тонкие дипломатические шаги, обратили князя-язычника в католика, возложили на его голову царскую корону, присланную самим римским папой Иннокентием V, а в обмен начали получать от Миндовга грамоту за грамотой, отчуждавшие одну за другой в пользу ордена исконно литовские земли. История числит восемь таких отступнических грамот. Литовский и другие народы, входившие в государство Миндовга, отреагировали на это по-своему, как должно,— в 1260 году вспыхнуло всеобщее восстание. Миндовг, подчинившись его силе, возглавил войска и народные ополчения, разбил объединенную армию ливонских и датских крестоносцев на реке Дурба, отрекся от христианства. Вскоре начались переговоры с Александром Невским о новом походе против захватчиков, направляемых на восток ватиканской курией, но тот уехал в Орду, из которой не вернулся, умерев по дороге домой в 1263 году, а с Миндовгом приключилась личная трагическая история, редкая даже для тех трагических времен и множеством нитей связанная с большими историческими событиями XIII века.

В Литве шла борьба князей за власть и влияние, за ту или иную международную и религиозную ориентацию. Наиболее прозорливые считали главной опасностью для народа и веры предков Ливонский орден с его последовательной и почти неудержимой крестоносной экспансией — перед глазами у литовцев стоял пример балтийских славян и родственных пруссов, уничтоженных немцами, а также прусских литовцев, чьи земли Миндовг отдал ордену, гасившему в лесах и болотах последние священные огни его единоверцев-язычников. И вот умирает великая княгиня литовская...

— Не излишние ли подробности? При чем тут Псков и какой-то литовский князек, якобы равновеликий Александру Невскому?

— Минуточку терпения. Драма начинается, но перед нею вспомним слова Белинского о драматизме русской истории. Он писал: «Русская история есть неистощимый источник для романиста и драматика... Какие эпохи, какие лица! Да их стало бы нескольким Шекспирам и Вальтерам Скоттам... А характеры!..»

И литовская история тех далеких времен тоже представляет собою неисчерпаемый источник трагедий. Дело будущих Шекспиров и Скоттов развязать или разрубить политические и психологические узлы, завязавшиеся вокруг первого великого князя литовского Миндовга к концу его княжения. Мы же берем только факты, предоставляя читателю право оживить их собственными эмоциями...

Миндовг, лишившись жены, обратил свой взор на ее младшую сестру, которая была замужем за молодым князем его Нельщанского уезда неким Довмонтом. Миндовг приехал к ней и, как повествует наша старая помощница Ипатьевская летопись, «нача еи молвити: «сестра твоя, умираючи, велела мь тя пояти за ся»... Короче, Миндовг отобрал у Довмонта жену и вскоре собрался в большой поход, нет, не на Ливонский орден, а на восток, на русские смоленские и черниговские земли, нацеливаясь аж на Брянск, где княжил в те годы Роман, сын Михаила Черниговского, казненного в Орде, правнук великого князя киевского Святослава Всеволодовича, одного из героев «Слова о полку Игореве»...

После нашествия орды и смерти отца Роман Михайлович оставил сожженный дотла и разоренный Чернигов, обосновался в верховьях Десны, на брянских кручах, укрепил город, до которого орда не добралась в 1238—1240 гг., укрылся за лесами. Его крепнущее, ни от кого не зависящее княжество являлось тогда ближайшим исконно русским тылом псковско-новгородских и галицких земель, главных западных форпостов Руси. Снова обратимся к Ипатьевской летописи: «Лета 6771 (1263 год). Послалъ бяшетъ Миндовгъ всю свою силоу за Днепр, на Романа на Брянского князя. Довмонт же бяшетъ с ними же пошелъ на воиноу и оусмотри время подобьно собе и воротися назад, тако река, кобь ми не дасть с вами поити, воротивъ же ся назад и почна вборзе, изогна Миндовга, тоу же оуби его и оба сына его с нимъ оуби Роукля же Репекия». Третий сын Миндовга Войшелк бежал в Пинск, а в Литве продолжалась борьба двух партий — русской, которую возглавил обрусевший князь Товтивил полоцкий, и литовской во главе со Стройнатом жмудским. Вскоре Товтивил был убит, Войшелк же свалил Стройната и «нача княжити во всеи земли Литовсьскои и поча вороги свое избивати, изби их бещисленое множество, а дроузии разбегошася камо кто видя». Была казнена и великая княгиня, бывшая жена Довмонта, который ушел на Русь, в Псков. Войшелк же продолжил прервавшееся дело отца — пошел на Брянск, на Романа, связавшегося к тому времени с Данилом Галицким и закрепившего союз с ним династическим браком. «Бысть свадьба оу Романа князя у Бряньского и нача отдавати милоую дочерь именемъ Олгу за Володимера князя сына Василкова внука великого князя Романа Галичкаго, и в то время рать приде Литовьская на Романа. Он же бися с ними и победи я, сам же ранен бысть, и не мало бо показа моужьство свое, и приеха в Брянеск с победою и честью великою и не мня раненъ на телеси своемь за радость...»

— Опять отклонились...

— Сейчас «мы же на преднее возвратишася», как пишется в Ипатьевской летописи... Литовский князь Довмонт пришел на Русь, навсегда попрощавшись с родиной, с землей предков, и обрел в Пскове вторую родину, которой он беззаветно отдал последующие

тридцать три года своей бурной жизни, поставившей его в ряд крупнейших исторических личностей европейского средневековья.

— Не слишком ли?

— Нет! И вот я ищу в летописях и старинных справочных изданиях сведения о Довмонте. Этот человек, безусловно, заслуживает особого нашего внимания! В Пскове Довмонт принял православие, получил русское имя Тимофея и был избран псковичами своим князем. В том же 1266 году Довмонт во главе псковитян предпринял поход против литовских феодалов, разбил их войска на берегу Двины. На следующий год он снова возглавил большое новгородско-псковское войско, и этот победоносный поход надолго отвадил литовских князей от дальнейших посягательств на северо-западные русские земли. Однако еще спустя год двинулась на Новгород старая вражина — ливонская крестоносная армия, и новгородцы попросили помощи у Довмонта, который вместе с дружинами великого князя Ярослава Ярославича и сына Александра Невского Дмитрия сражался при Везенберге... Позвольте далее просто привести справку из знаменитого дореволюционного словаря Брокгауза и Ефрона, уже мало доступного широкому читателю. И пусть простят меня коллеги, учтут, что многие места «Памяти» носят суховатый справочно-информационный характер — я тороплюсь сообщить читателю как можно больше фактических сведений из родной истории, чтоб пробудить в нем самостоятельный интерес, натолкнуть на раздумья.

Итак, продолжение справки о Довмонте-Тимофее, князе псковском; она лучше иного рыхлого жизнеописания расскажет любознательному читателю об этом человеке, которому наши предки стольким обязаны, а воображение поможет современнику самостоятельно воссоздать облик его и оценить деяния. «В 1269 г. великий магистр ордена, набрав значительные силы, осадил Псков. Д. храбро отстоял город; на помощь подоспели новгородцы, и вел. магистр, раненный самим Д., должен был заключить мир. В 1270 г. Ярослав, не любивший Д., посадил на его место в Пскове какого-то Айгуста, но псковитяне снова возвели в князья Д. В 1282 г. Д., женившийся между тем на Марии, дочери Вел. кн. Димитрия Александровича, помогал своему

тестю, прогнанному с великокняжеского престола младшим братом Андреем; с горстью воинов вторгнулся Д. в Ладогу, вывез оттуда казну Димитрия и вернулся к нему в Копорье, но, осажденный новгородцами, должен был оставить крепость. После этого летописи целых 17 лет не упоминают о Д. В 1299 г. ливонские рыцари неожиданно вторглись в Псковскую область и, опустошив ее, осадили город, но были разбиты Д. Вскоре после этого он заболел и умер. Ни один князь не был так любим псковичами, как Д. Он был очень религиозен, судил народ право, не давал в обиду слабых, помогал бедным. Церковь причислила его к лику святых. Тело его погребено в Троицком соборе в Пскове, в котором до сих пор хранятся его меч и одежда. Для защиты от нечаянных нападений Д. укрепил Псков новой каменной стеной, которая до XVI века называлась Довмонтовой».

Любознательный Читатель. А я вдруг вспомнил, что где-то недавно читал, будто остатки ее псковичи и сейчас так называют.

— Хорошо! Значит, живет в народе эта великая его сила — историческая память. Хорошо бы еще в Пскове монумент поставить Довмонту, а в Тарту — Вячко...

— А если кто-то возразит: «Памятники? Князьям?»

— Этому человеку следует пояснить, что в центре Москвы поставлен памятник Юрию Долгорукому, в Переяславе-Залесском — Александру Невскому, на Куликовом поле — Дмитрию Донскому, а они тоже были князьями. Александр Суворов именовался князем Италийским, а также графом Рымникским и Священной Римской империи, Михаил Кутузов — светлейшим князем Смоленским. Первые наши историки Василий Никитич Татищев и Михаил Михайлович Щербатов были рюриковичами. Князьями-рюриковичами, потомками черниговских Ольговичей, то есть очень дальними родственниками, например, князя Игоря, являлись декабристы Сергей Волконский, Сергей Трубецкой, Евгений Оболенский, Александр Одоевский, Александр Барятинский... Великие полководцы нашего прошлого, первые русские ученые и революционеры не могли иметь в те времена пролетарского происхождения...

— А если засомневаются — Довмонт, мол, был к тому же святым православной церкви?..

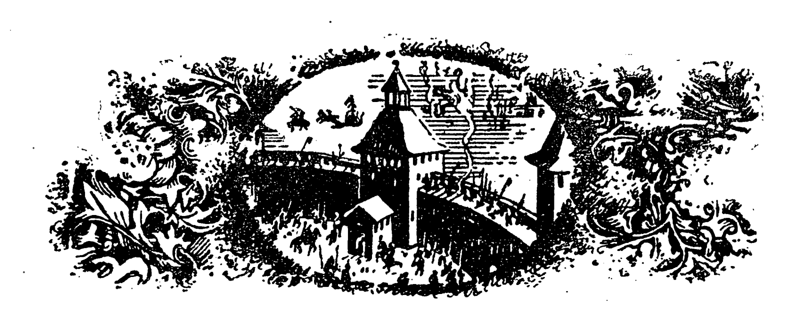
— За всю историю церкви только два человека были кононизированы за свои ратные подвиги и созидательную деятельность — Александр Невский и Довмонт Псковский. И память о них свята для русских людей не потому, что они были религиозными людьми, а потому, что оказались на вершине исторической волны и смогли больше других сделать для народа в самое тяжкое лихолетье его бытия...

Продолжим, однако, прерванный разговор о системе Новгородско-Псковских средневековых крепостей. На далеких от Новгорода северных рубежах Карельского перешейка возникли Корела и Тиверск, в истоке Невы знаменитый Орешек, на северо-западном фронте — Копорье, принявшее на себя удары вначале датских крестоносцев (1224 год), затем немцев (1338 год), а вслед за ними пришел было под стены этой крепости сам шведский король Магнус, да только вернулся восвояси.

Через сто лет, когда объединил с Ливонским орденом свои войска король Дании, Швеции и Норвегии Кристиан III, до Копорья пришлось ему две недели безрезультатно осаждать соседнюю крепость Ям на Луге, возведенную новгородцами вскоре после Куликовской битвы, и откуда он, потеряв множество воинов, «отъидоша в свою землю». В конце же XV века вознесся над Нарвой знаменитый Иван-город — в подкрепление Гдову и Кобыле, старинным северным псковским форпостам на Чудском озере. Однако самая мощная концентрация крепостей возникла на юго-западных сухопутных подступах к Пскову и Новгороду — Вышегород, Опочка, Опока, Вышгород, Остров, Красный, Порхов, Владимирец, Дубков, Воронич, Колож, Выбор, Врев, Высокий, Котельно, Велье, Кошкин... И если какая-то из этих крепостей бралась длительной осадой или яростным штурмом, что, кстати, случалось не раз и не два, то за нею высились бастионы следующей, а затем целая гроздь неприступных твердынь, нанизанных на крутые речные берега рек, взять которую уже ослабленными силами было невозможно, и со дня на день могла подойти свежая новгородская или псковская рать, а то и обе вместе, да еще не дай бог с войсками далекой залесной Московии, как это случилось зимой 1349 года, когда шведы вместе с датскими и не-

мецкими наемниками были выбиты из первой же захваченной ими Орешковской крепости на Неве.

Вспомним, между прочим, что тогда уже наступило время «бога войны», пороховой артиллерии, появившейся вначале на вооружении захватчиков, но новгородцы и псковичи быстро противопоставили ей крепостные пушки да мощнейшие каменные бастионы, в которые закладывали огромные валуны, раскалывавшие, как орехи, чугунные ядра врагов. В 1428 году литовский князь Витовт так и не смог взять Порхова, хотя долго бомбардировал эту крепость из «Галки», крупнокалиберной тяжелой пушки, которую едва тащили цугом сорок лошадей... Сохранившиеся стены и башни Ивангорода, Порхова, Орешка до сего дня поражают нас своей толщиной и высотой, инженерной планировкой и тайниками, искусством и трудолюбием строителей, сделавших возможным патриотический ратный подвиг нашего народа в самую опасную и жестокую годину средневековья.

30 И вот передо мной Козельская крепость с ее неотступной загадкой. Если в глубокой древности славянский юго-восток оборонялся землей, северо-запад в средневековье — камнем, то чем держалась почти два месяца эта срединная цитадель? При царе Алексее Михайловиче жил в Тобольске образованный и наблюдательный серб Юрий Крыжанич, кстати, первым в истории высказавший мечту о грядущем единении всех славян. Заметив, что русский народ умеет замечательно использовать для обороны от врагов реки, озера, овраги, болота и есте-

ственные возвышения, он назвал такие места очень выразительно — «твердостями самородными». Но что были бы это за твердости, если б и древние и средневековые наши предки не приложили к ним рук и смекалки?..

По продольным и поперечным очертаниям эта огромная земляная гора напоминает солдатскую флягу, лежащую плашмя и чуть в наклон по меридиональному направлению, с горлышком, обращенным к югу. Достаю блокнот и рисую, как умею, эту флягу, а рядом — примерный профиль козельского мыса. Горлышко фляги — мост, жизнь и смерть древнего города. В поперечном сечении гора — та же «фляга», омываемая водой.

Река слева — Жиздра, равнина левее — пойма, за которой основалась Оптина пустынь. А что за вода справа под крутым обрывом? Это Другусна, приток Жиздры. В районе Козельска в Жиздру впадают три речки — Другусна, Клютома и Орденка. Покатый мыс, завершающий водораздельный склон, круто вздымается между первой из них и Жиздрой.

И вот вам, дорогой читатель, первая догадка и, быть может, отгадка Козельской крепости... Все реки, текущие в северном полушарии по меридиональному направлению, воздействуют на *правый* берег частицами воды, что обусловлено влиянием вращения Земли,— об этом свидетельствует как натура любой речной долины, так и теоретические обоснования Бэра и Кориолиса. Другусна, довольно сильная река длиною в сотню километров с двумя десятками притоков, текущая с крутяков водораздела, в глубокой древности подточила козельскую гору и образовала неприступный обрыв. С веками, однако, гора осыпалась, застраивалась, теснила речку, и на ее правой приверхе для усиления защиты крепости был насыпан вал, о котором речь впереди.

Что же касается противоположной, восточной склоны козельской горы, то она... тоже крутая, и вдоль нее течет Жиздра! Я поставил восклицательный знак потому, что не вполне понимаю, как здесь оказалась река, да еще такая большая. За ней просторная, шириной в несколько километров пойма, на противоположном поднятии — лес и Оптина пустынь. И недоумение мое связано с тем, что инерционные и гидродинамические законы, по которым наши реки всегда подмывают *пра-*

вый берег, должны бы расположить пойму *слева* от русла реки, если смотреть по ее течению, а у козельской горы жиздринская пойма простирается почему-то за правым берегом. Она покрыта кустарником, густой травой и многочисленными озерками, продолговатыми изгибистыми вымоинами, так называемыми «старицами», и, быть может, в этом отгадка? Река, разработав в геологически давние эпохи довольно широкую долину, наносила сюда, к последним перекатам, так много взвесей — глины, камушков, песка, что начала менять русло. Такой же вид имеет, например, пойма Десны у Чернигова, вся покрытая тихими рыбными старицами, едва уже различимыми с Вала. Но Десна в том месте, где в нее впадает Стрижень, все же льнет к городу, и это законный крутой *правый* берег, а у Козельска, повторяю, Жиздра течет под крутым *левым* берегом! Что это — следствие естественного так называемого *меандрирования*, извилистости, характерной для равнинных рек, воздействия изгиба русла, из-за которого может подмываться и левый берег, или что-то другое? «Другим» может быть только одно — когда-то вятичи, дабы усилить оборонные качества своей главной крепости, помогли ослабевшей в широкой ровной пойме Жиздре, подсыпали, где надо, и направили ее к мысу, обеспечив надежной водной преградой всю восточную сторону крепости! Как бы то ни было, с двух продольных сторон козельского мыса, под обрывными берегами бежала и до сего дня бежит вода.

А над обрывом высились стены, у которых нельзя было без опорной площадки утвердить стенобитные машины. На забралах и в башнях сидели меткие стрелки и поражали врага на крутяках, воде или на открытой плоской местности, если речь шла о жиздринской пойме, и на склоне, обращенном к стене, если осаждавшие пошли бы на приступ через Другусну. От вершины горы до уровня воды по вертикали — около тридцати метров. И если прибавить пять-десять метров стены и боевых башен, то бессмысленным занятием было устанавливать внизу камнеметательные машины — большой, сметающий забрала и башни камень на такую высоту не бросить ни противовесом, ни натяжным устройством. Защитники же посылали вниз стрелы, бросали бревна и камни, набирающие в падении убойную силу,

Таким образом, две самые протяженные стороны Козельской крепости — западная и восточная — были в средневековье совершенно неприступными. Причем вдоль восточной, жиздринской стороны тянулся понизу самый мощный из сохранившихся валов. Он и сегодня производит внушительное впечатление, хотя расплылся и на нем стоят деревянные и каменные строения. У хлебопекарни я разговорился с рабочими, вылезшими из канализационного люка.

— Вы не работали тут, когда делали канализацию?

— Нет,— ответил пожилой сантехник.— Но я пробивал новые колодцы.

— Попадалось ли что-нибудь в земле?

— Черепа, кости, железки какие-то ржавые. Недавно тут одна хозяйка в огородной грядке сережку нашла серебряную, совсем не похожую на нынешние...

Позже я с удивлением и горечью узнал, что Козельск даже не включен в число городов, где при любых земляных работах должен присутствовать археолог.

Северная оконечность мыса сейчас срыта, и по ней въезжают в город со стороны Калуги через мост, соединяющий берега Другусны, а в древности тут был, по всей видимости, тот же неприступный крутяк со второй загадкой и отгадкой крепости, которую легче понять, если посмотреть на Козельскую крепость в плане. Снова раскрываю свой дорожный блокнот.

В плане гора на первый взгляд не напоминает флягу. Жиздра течет более или менее прямо, зато Другусна делает несколько поворотов. У меня, к сожалению, нет горизонталей. Если же их квалифицированно нанести, то древняя городская черта пойдет над обрывными местами по довольно правильному овалу, почти идеально повторяющему в плане контуры солдатской фляги...

Пунктирные линии в северной части мыса. С удивлением и восторогом я узнал, что так текла Другусна до 1936 года! Сейчас у нее за северным мостом спрямленное русло, которое было изначальным, древнейшим. Быть может, еще вятичи прокопали ей новый путь, продлив водную петлю почти до середины восточной подошвы козельской горы. Они, можно сказать, повернули реку вспять, заставив ее работать в помощь

Жиздре и себе, — Другусна взялась подмывать свой *правый* берег, над которым высился крепостной крутяк, и заболачивать левый... Едва ли много на свете рек, повернутых навстречу своему основному течению! Древние козельские гидротехники или с гениальной простотой использовали минимальный местный меридиональный уклон, или... создали его своими руками в том месте, где материнская река с перекатных шивер бросалась вниз.

И — удивительные совпадения! Маршрут основных сил орды от верховьев Воронежа до Торжка имел форму гигантского вопросительного знака. Обратный путь Бату-Субудая по водоразделам — перевернутый вопросительный знак размером поменьше. Искусственное русло Другусны, полукольцом охватывавшее козельскую гору, — тоже вопросительный знак, только в зеркальном отражении! Правда, в 1936 году он потерял свое завершающее скругление — когда протянули железную дорогу по верху горы и новому направлению, инженеры сочли, что береговые опоры путепроводного пойменного сооружения ослабят эта подмывающая склон струя и болото, поэтому Другусну вернули в древнее русло.

Пробираясь по тальниковым зарослям прежнего, теперь уже старого русла, поднимаюсь на вал, который тянется над ним все еще мощной искусственной грядой, где я, оглядевшись, понял, что *землю для этого вала взять было неоткуда, кроме как снизу, от подножия горы и русла Другусны.* Таким образом, с запада и севера, где болотистая пойма Другусны соединялась с поймой Клютомы, с северо-востока, где искусственное устье Другусны примыкало к Жиздре, и с востока были надежные преграды под крутыми обрывами. Удивительно! Крепость великолепно защитилась с трех сторон, и это были стороны, откуда издревле ожидались враги. Единственная доступная ее сторона, так называемая напольная, располагалась с юга, где исторически сложившиеся обстоятельства образовали метрополию Козельска — Чернигово-Северское княжество.

Пунктиры же через «горлышко фляги» — это третья загадка Козельской крепости, которую тоже не вдруг отгадаешь. Сейчас в этом месте, под мостом, — глубокая прямая выемка. По дну ее шла старая железная

дорога. Только не строители в прошлом веке перекопали это самое узкое место горы; ров существовал задолго до них, и мост через него издревле связывал город-крепость с водоразделом. Шагаю по буграм над «горлышком» и опять прихожу к выводу, что землю для них можно было тут взять только снизу, из рва, который со временем, потеряв свое оборонительное значение, заилился, осыпался и зарос. Железнодорожники снова углубили его, выравнивая подъем из поймы, а землю переместили в пойменную насыпь.

Пытаюсь представить себе это место, каким оно было в XIII веке. Конечно же ров опускался до уровня речной воды и Другусна соединялась с Жиздрой рукавом! Такое решение древних или средневековых фортификаторов, умевших замечательно приспосабливать к своим целям природу, было бы естественным и даже единственно правильным. Здесь самое узкое — каких-то двести сажен — место перешейка, тут же единственный вход-выход, связывающий город с «большой землей», и наиболее уязвимое его «горлышко». Течение Другусны бьет в гору с плавного поворота, будто река сама просится скорей к Жиздре. И здесь же обитало деятельное и воинственное племя, которое имело замечательных инженеров, вытворявших с реками все, что захотят, и располагало достаточным запасом времени, чтоб догадаться о пользе и даже необходимости пропустить воду этой реки через ров. Впрочем, заполненная водою канава никогда, в сущности, не была оборонительной новинкой, ее простота и надежность использовались разными народами с глубочайшей древности до нового времени. Вдоль московской Красной площади, например, исторически недавно тянулся заполненный водой ров, соединявший Неглинку с Москвой-рекой и защищавший Кремль с напольной стороны.

Ученые насчитали немало типов средневековых русских крепостей, группируя их по способу использования особенностей рельефа и водных препятствий. П. А. Раппопорт пишет: «Известен на верхнеокской территории пример городища, расположенного на перешейке речной петли, — это древний Козельск. Расположение его вполне аналогично расположению некоторых тверских городищ». Специалисту, конечно, виднее, но если в Ко-

зельске Другусна была соединена с Жиздрой боковым рукавом, то эта крепость уже приближалась к типу *островных,* самых надежных в те времена. Правда, принятая типология основывается прежде всего на природных признаках, и островными считаются крепости, которые защищались естественными водными препятствиями, главным образом болотами в северных районах Руси. Известен ли был этот тип крепости в верховьях Оки? «Городища островного типа на рассматриваемой территории почти совершенно не встречаются,— пишет тот же автор. — Единственный пример — Городец на Жиздре, расположенный на овальном в плане холме посреди топкого болота на левом берегу Жиздры». Так вот, неужто жители столичного поселения на овальном высоком холме и на левом же берегу Жиздры не знали защитных особенностей соседней крепости? «Во время половодья городище бывает полностью окружено водой и превращается в подлинный остров»,— утверждает ученый П. А. Раппопорт, а в Козельске снимали мост через ров и превращали свою гору в подлинный остров не только в половодье, но когда пожелают. И она стала таким островом героической и трагической весной 1238 года, в самое половодье...

Не претендуя на терминологическое новаторство в области военно-исторической науки, я бы назвал древний и средневековый Козельск *искусственно-островной крепостью.* Бесспорно, она была на Руси одной из самых надежных цитаделей, включавшей в себя *весь город.* Чтоб разобрать эту и другие ее особенности, я снова раскрываю одну из страничек моего козельского блокнота, на которой попытался восстановить план и облик этой оригинальнейшей крепости.

Прежде всего о размерах укрепленной части города — они воистину необыкновенны и могут быть оценены только в сравнении с укреплениями других городов, например, того же Чернигово-Северского княжества. Путивль, обладавший примерно такой же системой обороны, как Козельск, имел защищенную площадь всего в 1—3 га, Вщиж — 6, Любеч — 5—10, Новгород-Северский — от 20 до 40, Чернигов — более сорока гектаров. Козельская гора была вся обстроена по овалу крепостной стеной. Длинная ось овала — чуть

меньше километра, короткая — примерно четыреста метров, то есть козельская система защиты окружала около 45 гектаров городской площади. Благо не было у козельцев недостатка в строительных материалах — по Жиздре стояли прекрасные леса с могучими стволами, и их можно было приплавить к городу в любом количестве. Из отборных дубовых лесин возводились стены и башни, которые не являются ни загадкой, ни предположением, — они, бесспорно, существовали, играя роль сторожевых вышек, поднятых над стеной для лучшего обзора местности и, конечно, оборонительных точек, откуда легче и безопасней было выцелить врага через узкие бойницы.

Любознательный Читатель. Откуда уверенность, что башни в Козельске были?

— Эти боевые башни ясно видны на старинной миниатюре, изображающей Козельскую оборону. Бесценный для истории рисунок, правда, относится к XVII веку, но ученые не сомневаются, что это копия с более раннего оригинала. Есть и косвенные доказательства. Во Вщиже академик Рыбаков раскопал остатки фундамента огромной многоугольной башни, опиравшейся на мощные стояки. И если в маленьком городке на севере Черниговского княжества возводились этакие сооружения, то очень трудно допустить, чтобы Козельск, столь важная стратегически крепость, их не имел.

— Но в Козельске-то не найдено таких фундаментов!

Мне нравится этот *мой* читатель. Ему подавай точные, исторически бесспорные сведения. И я отвечу ему, что, к сожалению, в Козельске фундаментов древних башен пока не обнаружено, и чуть позже объясню, по какой, в частности, но, быть может, главной причине... Сооружения средневековой фортификации в этом районе Руси еще несколько веков служили свою службу. Козельская гора после разорения снова постепенно заселилась, и на ней опять возникла крепость, которую в 1566 году приезжал инспектировать сам Иван Грозный. Стена имела две проезжие и шесть глухих башен. В домонгольское время их могло быть до двенадцати — по дистанциям перестрела.

С веками цельность козельской горы нарушалась промоинами, тропками-дорожками, огородными терра-

сами; холм расползался, застраивался по склонам. Обороняемая площадь перестраивалась, уменьшалась, охватывая лишь вершину горы. Появились пригороды, и с северной стороны к одному из них, «острогу», сделали пологий спуск, открыли подбашенные ворота и мост через Другусну. Через полтора века после ревизии Ивана Грозного появился еще один документ об этой крепости. Его нам оставил выходец из низов, замечательный деятель Петровской эпохи, секретарь Сената Иван Кирилов, человек широко образованный, занимавшийся географией и картографией, астрономией и физикой, экономикой и статистикой. Его работы давно признаны мировой наукой, и я рад, что могу здесь два слова вставить об Иване Кирилове для тех, кто о нем никогда не слыхал. В прошлом веке историк М. П. Погодин впервые выпустил фундаментальный труд Ивана Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», прекрасно переизданный в 1977 году с дополнениями под редакцией академика Б. А. Рыбакова. Это статистическое описание России первой четверти XVIII века, которое я листаю как старинный увлекательный роман. В нем множество сведений о том, что ушло навсегда с лица нашей земли, и о том, что могло бы, пусть и фрагментарно, вернуться. Мечтательно имею в виду, например, московский Белый город Федора Коня, о башнях и мерах коего сообщает Иван Кирилов, или лобовую стену Козельской крепости — драгоценнейшие памятники нашей истории, архитектуры и фортификации... Итак, Иван Кирилов: «Козельск, город деревянной, рубленой, в нем 2 башни проезжие, 6 глухих, по мере около города и башен 389 сажен...»

— Но ведь это менее восьмисот метров по периметру. Крохотная крепостенка!

— Козельск после полного уничтожения в 1238 году возродился не сразу, и пригородная Оптина пустынь, я считаю, возникла тогда, когда на горе еще не появились новопоселенцы, потому что слово «пустынь» означает уединенный монастырь или монашескую келью, расположенную в безлюдных, отдаленных и труднодоступных лесных, горных или степных местах. И может быть, только в XIV или даже XV веке козельский мыс снова заселился и защитился новой крепостной стеной, правда, «по мере около города» вдвое меньшей...

— И все же не слишком ли смело предполагать, что к приходу орды стена тянулась по овалу с продольной осью чуть ли не в километр и поперечной почти в полкилометра?

— В сведениях XVI века есть неопровержимые доказательства. Один только продольный восточный вал вдоль Жиздры, искусственного русла и устья Другусны, оказывается, тянулся на 450 саженей, и его остатки почти на всем протяжении сохраняются доныне, хотя в целом козельская гора давно потеряла изначальную форму и от вершинного выгиба до подошвы сейчас усеяна домишками, садочками, сарайчиками-курятниками. Тот же документ дает основание для новых загадок, отгадок и просто догадок, связанных с фортификацией этой необыкновенной крепости.

Козельский мыс был надежно защищен водой, болотами, крутыми обрывами, стеной, и городская цитадель — детинец — располагалась не в крайней точке мыса, как в других средневековых русских городах, а сразу же за «горлышком» и главной, то есть воротной, стеной, что увеличивало обороноспособность крепости.

— На каком основании сделан вывод о нетрадиционном расположении детинца?

— Археологических и летописных данных на этот счет нет, но, кроме смекалки древних козельцев, в какую я безоговорочно уверовал, в описании Козельской крепости XVI века есть одна простая фраза, содержащая, однако, множество информации. После упоминания о восточном вале длиною в 450 саженей говорится о другом вале, более, надо понимать, длинном. В переложении на русский язык XX века, эта фраза, взятая мною из дореволюционного калужского путеводителя, выглядит так: «Был и другой вал, который шел от «острога», по берегу реки Другуски и, перейдя ее, охватывал южную, более других открытую часть города». Во-первых, «острог» — это древнее название самой удаленной от детинца пригородной окраины. Вспомним, что хан Кза в 1185 году после победы над Игорем Святославичем сделал набег на Посемье и Путивль, «пожже волости многии и острог у Путивля, а града не взя». Таким образом, «острогом» считалось поселение вне града, то есть крепости. Вал, во-вторых, тянулся над Другусной от северной части крепости к южной.

Это подтверждает мои догадки о том, что русло ее было зарегулировано, а земля поднята для образования продольного западного вала, следы коего сейчас тоже еще заметны.

Но вот третье удивительное и загадочное сообщение — вал этот будто бы *переходил* Другусну и *охватывал* южную, действительно самую открытую, напольную часть города! Здесь я развожу руками и приглашаю читателя сделать это вместе со мной. Где, в каком месте вал мог переходить Другусну? Только через ров, речной проран, но тогда бы он перекрывал рукав! А за рвом, выходит, с юга, позже примыкал к крепости какой-то пригород? Это могло быть, и в таком случае он стоял тоже *вне города*. И не слишком ли фантастичным покажется предположение, что рукав Другусны пропускался под валом через каменный арочный водовод? Снова и снова прихожу к выводу, что о подробностях прошлого мы знаем примерно столько же, сколько о подробностях будущего...

Интересно все же течет Другусна! Стремительно сбегая с водораздела более или менее прямым путем к городу, она вдруг образует плавную дугу, а это значит, что воды ее успокоились и тихо текут по слабым грунтам, пропитывая берега. Возможно, что древние козельцы, пропустив сильную струю Другусны в Жиздру через рукав и тем ослабив реку, не только создали островную водную защиту, но и намеренно заболотили западные и северные подступы к чудо-крепости! Потом, повернув течение реки навстречу жиздринскому, не только подвели воду вплотную под северо-восточный крутяк, но и заболотили низинный уголок искусственного междуречья, хорошо зная, что даже небольшое, но глубокое и топкое болото преодолеть труднее, чем любую реку.

А стрежневой прямоток Другусны мог вызвать в проране исключительно счастливые последствия! Стоит вглядеться в сохранившуюся натурную реальность, чтобы живо представить себе, как Другусна, ударяя течением в южную подошву горы и быстро, коротким рукавом сбегая к Жиздре, подмывает глинистый грунт рва *полукружьем*. И лобовая крепостная стена могла быть построена по обрыву с *прогибом*. Это был бы оригинальнейший, не имеющий аналогов в средневеко-

вой русской фортификации *случай*. Существовали круглые, округлые, овальные, позже квадратные, правильно и неправильно многоугольные контуры крепостей, изучены всевозможные зоны обстрела вдоль стен, но идеальными защитными качествами обладала бы стена вогнутая, сферическая — враг, подступающий к любой ее точке, мог быть поражен с любой точки и со всех сразу, а особенно эффективно с надвратной и угловых башен!

— Было бы само собой разумеющимся построить такую стену! Неужели козельцы, веками улучшая оборонные качества своей крепости, не додумались до этой еще одной гениально простой вещи?

— Не знаю. Были средневековые русские крепости, строители которых с исключительным остроумием создавали для врага искусственные препятствия. Проход к воротам, например, делался кое-где таким образом, чтоб нападающий не мог свободно пользоваться мечом, саблей или копьем с правой руки... На миниатюре, изображающей Козельскую оборону, вогнутость южной, лобовой стены, если она была, рассмотреть не удается, но ведь средневековая русская живопись не знала изображений в глубину, любая перспектива выглядела плоскостной, и, кроме того, миниатюра вместила лишь небольшой участок стены, да еще с условной масштабностью, несоблюдением реальных величин при изображении башен, камней, людей, оружия. Правда, есть косвенное, но неоспоримое доказательство, что воротная стена Козельской крепости высилась непосредственно на краю рва — перед ней не было вала, как во всех других крепостях средневековой Руси.

— Но я так понял из предыдущего, что остатки этого вала у «горлышка» можно и сейчас посмотреть — на него вроде бы пошла земля из рва?

— Правильно поняли, и я сам ходил там по гребням, еще не исчезнувшим. Однако древний вал этот, насыпанный довольно близко к южному обрыву, располагался необычно — не перед стеною, а за ней, перед детинцем.

— Как это можно установить?

— В Ипатьевской летописи сказано предельно ясно, что «разбившимъ градоу стеноу и возиидоша на валъ Татаре».

— И верно — убедительная подробность.

— От этого вала совсем немного места до края обрыва, и козельцы, естественно, соорудили стену на самом этом краю, чтоб не было свободных площадок для осадных лестниц и туров. А если край обрыва шел дугой, обращенной к городу, то стена должна была повторить эту дугу! Некоторая кривизна рва могла сохраниться даже до прошлого века, но железнодорожная выемка, конечно, спрямила ее. Найти бы в архивах отчеты о тогдашних земляных работах в Козельском перешейке или старинный план города!

— А что же говорят археологи?

— Ничего не говорят...

Это может показаться странным, дорогой читатель, но пока *ни один ученый досконально не изучал крепости, ее гидротехнических и земляных сооружений, никогда лопатка археолога не касалась козельской горы.* Неужто, еще и еще раз спрошу, мы и в самом деле так ленивы и нелюбопытны?

31 С урусом, придумавшим эту крепость, Субудай говорил бы как с равным, потому что тот был равным ему воителем, хотя и оборонным, не способным выиграть хорошую войну, дающую большую добычу.

Первое тяжелое препятствие на пути к воротной стене — вал. Он был пологим с внешней стороны, открытым для стрел — со стены и башен можно без опаски поражать цель и с расстояния добивать раненых, если они поползут к лесу. Крутой внутренний скат вала — простая и хитрая ловушка, из нее уж не вы-

браться ни одному воину, потому что толстый слой льда обрывался у края рва. Лед урусы успели наморозить и с внешней стороны вала, но скоро он растает, потому что начал уже таять на стене и воротах.

Главное, ров был очень глубок — высокое урусское дерево скрылось бы в нем с вершиной, хотя за зиму на дне его скопилось много снега, покрытого толстым слоем льда, потому что не вся вода успевала схватываться морозом на воротной стене, сбегала вниз и там застывала. Субудай знал лишь одно средство овладеть крепостью, чтобы примерно наказать последних непокорных урсусов, взять фураж для коней и подкормить оголодавшее войско. К этому простому и верному средству, теперь единственному из всех, он прибегал повсюду во вселенной, теряя много рабов и воинов. Сейчас у него было мало рабов, если сравнить с прежними временами и другими странами, но у него будет слишком много воинов, если штурм по всем правилам войны окажется длительным и войско сделается подобным змее, пожирающей себя с хвоста. Самую сейчас важную тайну он не раскрыл пока никому, и даже внук Темучина сын Джучи оставался в неведении насчет общего количества запасных коней, слишком быстро исчезающих в утробах воинов.

Делить войско на отряды, дробить запасной табун и надежно его охранять Субудай начал еще с большого озера, но к концу этого тяжелого пути пришлось урезать дневную норму для основных сил до одного коня на сотню, и воины давно уже поедали кое-как отмытые внутренности, обгладывали, как собаки, каждый мосол да тупили о кости сабли, добывая мозг. У костров начали возникать дикие побоища из-за мяса, и Субудай казнил правых и виноватых за нарушение священной ясы Темучина, несколько уменьшая число желудков и увеличивая конечную добычу великого каана.

Зерно нужно, зерно! Субудай приставил к своему личному запасу, о котором не знал даже внук Темучина сын Джучи, особо верную охрану во главе с младшим сыном Кокэчу и каждый день спускался в глубокую сухую яму при урусской избе, развязывал мешки, убирал толстую красную ткань сверху и пересыпал зерна с ладони на ладонь. Тяжестью и цветом

зерно напоминало золото в крупе, но было сейчас дороже золота. С этим запасом, сыновьями, чингизидами да верными воинами он уйдет в степь при любых обстоятельствах. Пусть все думают, что в этих мешках законная добыча воителя — блестящие камешки да тяжелые урусские ткани, пусть. Крупяное и хлебное зерно войска, всю сухую траву Субудай приказал собрать в одно место — фураж предназначался для ставки, охраны и воинов, оставшихся при городе. На главном же водоразделе рыщут по сторонам Гуюк с Каданом и Бури с Байдаром, отыскивая нетронутые селения. Кормят коней, кормятся сами и не мешают Субудаю делать его дело.

А дело его сейчас состояло в безделье. Внук Темучина сын Джучи торопил, а Субудай отмалчивался, кряхтел, сгибал спину перед ханом, повторяя одно и то же: самый резвый скакун не может опередить время. Он так и не отдал приказа штурмовать город. Сделал, правда, необходимые распоряжения, без исполнения которых крепости взять было нельзя, и два особых отряда скрыто занялись под командой хитроумного сунца работой, непривычной для степняков, но все войско бездеятельно стояло по окрестным лесам. Субудай ждал, когда потеряет терпение внук Темучина сын Джучи, а воины охотно пойдут на бессмысленный приступ и верную смерть под командой Бурундая. Наконец старый воитель сказался тяжелобольным, лежал целыми днями у теплой урусской печи и выходил, скрючившись, только вечерами, чтобы распарить спину в маленьком черном строении, называемом бань-я, где было жарко, как в песках далекого Хорезма.

Дождался. Внуку Темучина сыну Джучи передали, что верный пес его великого деда заканчивает свой последний поход, смотрит в землю и неспособен руководить войском. Хан сделал огорченное лицо, спрятав мимолетный испуг от навалившейся вдруг на него ответственности, и одновременно испытал некое подобие радости, потому что впервые за этот длинный год почувствовал себя свободным от воли старого воителя. Он сам возьмет город, так оскорбивший его, внука и главного продолжателя дела великого Чингиза! И надо показать сейчас всем, что истинный победитель в этой войне тот, кто закончит ее славным последним деяни-

ем. Он обвел глазами чингизидов и тысячников, приподнялся.

— На штурм! — вскричал Бату, напрягшись так, что красные пятна проступили на его лице.— И чтобы каждый воин узнал мою волю — нетронутый этот город будет в их полном владении три дня и три ночи. В нем для самых храбрых добрая урусская еда и драгоценности, зерно, женщины и малолетние девственницы. На штурм!

На рассвете следующего дня в лесочках, примыкающих к южным подходам города, объявилось некое шевеление. Сторожа на башнях вылезали из-под теплых овчин, будили друг друга, с любопытством вглядывались в кишащую черноту, вслушивались в глухой перестук топоров и далекий невнятный шум, пронзаемый яростными выкриками. Чернота на полянах и в кустарниках быстро густела, в ней росло тревожное напряжение, однако городские сторожа, зная, что безбожной орде уходить некуда, не понимали, к чему этакие ранние всполошные сборы. Ожиданье сменилось недоумением, когда обозначилась в голой древесной поросли черно-зеленая змея, а на белом снегу показалась ее серая голова. Плотная толпа мужиков в сермягах несла на плечах сухие бревна — знать, раскатали свои бани да сараи.

С козельцами подгородние не ладили издревле, с прадедов, из-за ближних удобей, пойменных покосов и речных тоней. Меж собой их тоже мир не брал. От погоста отстали, к городу не пристали запасливые и хлопотливые, как бобры, меняльщики местного товара на привозной — всяк все себе да себе на уме, рыбаки, ловцы зверя, поставщики овощной и мясной снеди, плетеной посуды, а больше блаженные, голые, но веселые недотепы, наемные косцы и лесогоны, живущие от отца к сыну по наряду хитрованов...

Сейчас их всех подравняла беда, потому что не послушались беженцев, понадеялись на откуп... Они шли навстречу смерти, подгоняемые смертью же. За ними сплошной плотной толпой тянулась нескончаемая череда пришельцев, волокущих по снегу к спящему пока городу, к валу, рву и воротной стене тяжелые бревна, неудобные сучья да ветки, хвойные вершинки да око-

мелки, жесткие дубовые рогачи да гибкие березовые хлысты. Шорох зловещий, похожий на стократно усиленный змеиный шип, прервался внезапно набатным буханьем большого колокола — проснулся страж на храме, враз побудил город, а на внешнем пологом скате вала первые редкие стрелы попали в цель и раздались крики раненых.

Подойти к гребню вала по узкому перешейку сразу все не могли, уйти с него было тоже делом нелегким. Фронт наступавших смешался. Освободившиеся от груза воины старались добить рабов да поскорей убраться с вала, проникнуть назад сквозь плотную шевелящуюся массу живых и полуживых, через обрубки сучьев и тонких деревьев, но шли, скользили, падали и ползли другие. Напиравшие от лесной крутины черные толпы спихивали в ров нерасторопных, туда же летели раздавленные, раненые и убитые на гребне вала.

Пленные, проламывая дорогу кулаками, рванулись к левому флангу вала, под которым ров был мельче, дружно покатились вниз, и со стены было видно, как те из них, кто угодил в снежную толщу, торопливо выбирались из нее. Хватали ползущих сюда же, где было безопасней, степняков, душили их и били головами об лед, но на каждого раба навалилось по нескольку уцелевших врагов, размахивающих ножами. Их поражали меткими стрелами со стены, а мужики побойчей да посильней, увертываясь от летящих сверху тел и бревен, добыли из завала по жердине и пошли на ножи. Но вскоре и сюда, в устье рва, перехваченное заледенелым нижним валом, полетели сучья, ветки, бревна, мертвые и живые люди.

— К стене!—закричали сверху.—Мужики, по-над Другуской к стене!

По крутому, местами уже обтаявшему обрыву остатки полона карабкались к западной стене крепости, где узкие лестницы на длинных веревках принимали спасенных. Люди свешивались с забрал, вытягивали шеи, пытаясь увидеть ад, разверстый пред южной стеной.

Стену и ее башни наконец-то сплошь усыпали городские лучники. Им не было нужды прятаться или целиться — каждый пускал стрелу за стрелой, и почти каждая попадала. Не по-божески, не по-людски было убивать с безопасной позиции безоружных и незащи-

щенных, но каждый из этих незащищенных и безоружных нес под стену самое сейчас опасное осадное средство — ров постепенно мельчал, а на гребне вала уже образовался заслон из веток, бревен и людей, истекающих кровью и холодеющих, за которыми штурмующие спасались от прямой стрельбы, пробирались в сторонку, к большой реке и приточной, где излетные стрелы урусов можно уже ловить руками. Однако рои стрел на подступах к заслону становились все гуще, образуя в толпе врагов сплошные недвижимые прогалины, но их тут же заполняли другие, беспорядочно бегущие к валу с легким грузом из двух-трех еловых веток и круглыми непробиваемыми щитами, которые словно притягивали к себе стрелы, и с бойниц начали выцеливать тех, кто не был защищен, а они все тянулись черной змеей из леса, шли к невообразимой мешанине тел на пологий внешний скат вала, ползли на его гребень, падали, визжали и кричали, пытаясь выдрать из себя зазубренные стрелы. Все это можно было бы счесть дурным сном, если б не было жуткой явью; и любое сновидение быстро кончается, а этой яви, казалось, не будет конца, хотя все на свете должно чем-то кончаться...

Всадники вдали вдруг все враз перестали посверкивать саблями, лента прервалась, и толпы воинов, побросав ношу, стреканули по кустам, унося на щитах, в руках и спинах урусские стрелы.

Горожане с изумлением и ужасом разглядывали это ристалище дьявола — пораженных стрелами на подступах к гребню вала и зарубленных там, куда стрелы не долетали, кровавые пятна на снегу и льду, мучительные корчи умирающих и неподвижные напряженные тела тех, кто еще надеялся выжить, дождавшись темноты за кучами брошенных древесных веток и сучьев. Перед безмолвной стеной звучал извечный глас войны — предсмертные стоны и хрипы, злобный и бессильный зубовный скрежет, страшный мужской плач и последние проклятья на неведомых языках... Оцепеневшие вятичи не видывали и не слыхивали такого со времен Ходоты!

Жуткие приглушенные крики доносились со дна рва, где под лесным хламом еще шевелились живые и невредимые, упавшие на мягкие ветки. То в одном, то в другом месте они, почуя, что сверху ничего не ва-

лится, пытались использовать последнюю возможность спастись — с ужасом и мольбой поглядывая на стену, карабкались по завалу к большой заснеженной реке, над которой стояло ясное весеннее солнце, но меткие стрелы с башен настигали их, опрокидывали, гнали изо рта кровавую пену. Со стены слышались жалостливые и гневные женские голоса:

— Изверги!

— У них, поди, тоже где-то матери и дети есть...

— Робят-то, робят уберите, бабы!

— Молодцы супротив овец подневольных! Пожалели бы...

С башен отвечали:

— Они тя ох и пожалеют, как на стену-то взойдут! Спроси у дешевских, как они тя пожалеют.

— Цыть, сороки! Чтоб и духу вашего не было!

— А робята пусть глядят, кому-нито после расскажут...

Солнце встало напротив южной стены, ударило в нее прямыми лучами, и с высокого ледяного скоса потекла вниз вода. Стоны и душераздирающие крики во рву затихали, перед гребью тоже, но по другой, знать, причине — полумертвых тепло умертвило, а полуживых оживило, и они, затаившись, ждали наступления темноты.

Город тревожно прислушивался к отдаленному гуду в задымленном лесу, гадал, что принесет завтрашний день, и готовился к нему, еще не зная, чем грозит грядущая ночь. В кузнях наспех ковали наконечники стрел, потому что расход их оказался нежданно велик, чинили истершиеся натяжные устройства, вострили и удлиняли пики на тот случай, если ворог завалит собою ров и полезет по телам, как по лестницам, на лобовую стену. Подгородние, поутру вернувшиеся, можно сказать, с того света, надумали спуститься ночью к завалу и сколь можно разобрать его. В сумерках самые нетерпеливые сбросили с забрал веревки, соскользнули по льду в глубину рва, принялись оттаскивать ветки, бревна и трупы к Жиздре, где их должна была вот-вот подхватить полая вода. Слабые предсмертные стоны снова послышались из глубины рва и туда гроздьями полезли доброхоты, чтобы ускорить дело, только оно обернулось нежданной бедой — из лесного

хлама на валу полетели не частые, но сильные и меткие стрелы. Они пронзили тех, кто еще висел на веревках и лестницах, смели со стены всех, кто там был, а защитники крепости ничем не могли ответить, потому как не ждали такого, да и стрелять besприцельно по черной полосе на гребне вала было бессмысленно. За ней в сумятице дневного штурма затаились, должно, отборные воины, вооруженные сильными луками и запасом окровавленных стрел, перелетевших через ров со стен и башен, и сейчас эти стрелы в полутьме возвращались назад. Осаждавшие получали явное преимущество — они целили в быстрые тени, мятущиеся по стенам на фоне звездного неба, в темные глазницы башен, в проемы на забралах, а сами были в полной безопасности, защищенные наступившей ночью и грядой лесного завала, в котором нельзя было заметить даже одной шевельнувшейся ветки, хотя невидимые стрелы, шурша опереньем, летели оттуда кучно и друг за дружкой.

Однако самое страшное было впереди. Из дальнего лесного окоема снова показалась голова огромной черной змеи. Извиваясь по светлому снегу и огибая куртинки, черное чудовище медленно и беззвучно поползло к валу. Но вот стал слышен его грозный шип, черная голова раздулась перед валом, и через лесной завал опять полетели бревна, тесины, сучья, ветки, кусты, деревца, подрубленные под корень, хвойные лапы и мертвецы — осаждавшие убирали их из-под ног и перекидывали в ненасытный зев земного прорана. Уцелевшие доброхоты едва успели убраться со дна рва к Другусне и подняться на западную стену, чтобы в сгрудившейся вокруг детинца толпе дождаться, что решит городской совет...

Любознательный Читатель. «Городской совет»? Звучит слишком, знаете, современно.

— В Ипатьевской летописи черным по белому написано: «Козляне же светъ створише».

— И что же он решил?

— Он еще раньше решил сражаться до последней возможности, а теперь надо было, наверное, сообща подумать, как защититься от неожиданного тактического приема Бурундая, от неуязвимых стрелков, поражающих всякого, кто рискнул высунуться из-за бревен,

чтоб натянуть тетиву. Ведь козельский роз был очень узким — скорее всего, его ширина вверху определялась длиной бревен перекидного безопорного моста, всего-то метров пятнадцать или двадцать, чтоб могли надежно лечь стволы крепких мачтовых сосен. Кстати, он и сейчас примерно такой же ширины, и легко представить, какой меткостью и убойной силой обладали дневные козельские стрелы и ночные — Бурундая...

— Для сильной стрелы, конечно, это не расстояние...

— Однако перескочить через такой ров невозможно, а засыпать, сровнять его с поверхностью земли даже с помощью современных мощных самосвалов и бульдозеров — дело не шуточное. Тем более что он имел огромную глубину, и это — одно из главных обстоятельств, объясняющих феномен Козельской обороны.

— Простите, но ведь мы не знаем подлинной глубины козельского рва...

— Верно, все крепостные рвы средневековой Руси позасыпаны-позамыты; до полуисчезновения помельчавшие, они давным-давно поросли в сегодняшних глухоманях дикими травами, лесом и кустарником, а во Владимире, Торжке, Киеве, Чернигове и многих иных местах совершенно заровнены, застроены, и никакие археологические изыскания, наверное, уже не обнаружат их подлинного облика. Козельск же — счастливейшее исключение. В конце прошлого века козельский ров был подновлен — по нему, под мостом, прошла железная дорога, о которой мы уже вспоминали. Правда, в тридцатые годы она была снята, но проран в перешейке Козельского мыса остался.

— Значит, глубину его можно измерить!

— Можно. Только я попытался прикинуть в другом месте, более удобном — с железнодорожного путепровода через Другусну. На глаз от головки рельса до воды было примерно тридцать пять метров. Зная, однако, что для моего глаза любая глубина всегда почему-то кажется глубже истинной, я позже написал козельскому краеведу В. Н. Сорокину, попросив его точно измерить заветную вертикаль. Вскоре он прислал мне ответ: «От рельса до уровня Другусны 28 метров. Но прошу Вас учесть, что в древности Другусна была полноводнее». Я это учел, так же как примерную толщину

снега и льда на дне козельского рва весной 1238 года, и естественный подъем поверхности мыса к перешейку, перерезанному рвом, и так называемый культурный городской слой, накопившийся за семь с половиной веков. Выходило, что *глубина козельского рва была около двадцати пяти метров.*

— Мы оставили этот ров среди апрельской ночи 1238 года, когда его беспрепятственно засыпала орда, стены оказались без защиты, а козельский городской совет заседал...

— Предполагаю, что козельцы быстро нашли эффективную защиту от смертельных стрел, посылаемых из древесного завала.

— Что имеется в виду? Как можно защититься стрелку на стене от профессионально метких и сильных стрел противника в темноте и засевшего совсем рядом за надежным укрытием?

— Достаточно толстая плаха с узкой прорезью или небольшим, неразличимым в той самой ночной темноте отверстием для ответной стрелы — надежная гарантия безопасности. Такими простыми и надежными щитами козельцы быстро прикрыли все бойницы башен и проемы забрал, их стрелы снова начали разить врага на подступах к валу. Падали пораженные насмерть, корчились в муках раненые, пока их случайно не находила другая стрела или торопливые руки живых не перекидывали судорожное тело в ров, где через несколько мгновений раненого встречала смерть. Со стен было видно, как черная толпа начала редеть, откатываться назад, растекаться по сторонам. На забралах появились защитники крепости, отбросившие щиты. Они, не прячась, тщательно выцеливали суетливые темные фигуры и расстреливали их.

— И сами падали под меткими стрелами, выпущенными из древесного завала?

— Нет. Стрелы их не брали! Степные стрелки, чьи глаза поприВыкли к темноте, метили точно в проемы забрал и с ужасом видели, что стрелы попадают в грудь, живот, шею, голову, но эти бессмертные урусы не исчезают за бревнами, а продолжают сеять смерть по сю сторону вала.

— Такому предположению соответствует какая-нибудь легенда?

— Это — реальность, какой *не могло не быть* при защите Козельска.

— Ну, знаете!..

— Знаю... Бурундай, не понимая, что происходит у вала, откуда слышались такие же, как днем, стоны и крики, гнал и гнал из лесу толпы воинов, надеясь за эту ночь заполнить ненасытный ров хотя бы до половины. Когда ему донесли, что на стенах крепости появились железные урусы, от которых отскакивают стрелы, он не посмел нарушить волю Батыя и приказал продолжать дело, несмотря ни на какие потери. В его положении это было единственно правильное решение. Оно опиралось к тому же на опыт умирающего Субудая, взявшего столько городов во вселенной, сколько Бурундаю не взять, проживи он еще пять раз по десять лет. Великий воитель учил, что любой город надо брать, наращивая напор и ярость, только непрерывным — из ночи в день, изо дня в ночь — штурмом. Так пали города джурдже, хорезмийцев, индийцев, персов, урусов, так падет и этот жалкий, но злой городок, последняя урусская крепостенка на пути к степи. Бурундай уничтожил бы ее еще передовыми отрядами, если б не эти кручи и не топкие сырые снега под ними, не этот ров, который мелеет настолько медленно и так глубок, что способен, кажется, поглотить чуть ли не все окрестные леса и все войско без остатка...

Пока жив еще старый воитель, пока спят чингизиды в теплых урусских жилищах, Бурундаю надо сделать все возможное и даже невозможное, чтобы сохранить свое лицо достойного преемника Субудая. Нет, он, Бурундай, может взять даже больше богатых городов, чем великий старец, если сохранит лицо и возглавит потом главный поход к бескрайнему синему морю, что сливается на дальнем западе с бескрайним синим небом, чего никто не видел, кроме великого Чингиза. Только покоритель вселенной увидел это в своих вещих снах, а Бурундай не только увидит наяву, но и спустится к соленым пенным волнам, и разожжет жертвенный костер, и какой-нибудь преданный блюститель жизни полководца, урянхаец или кипчак, смоет теплой водой соленую пену с крупа его коня...

За ночь Бурундай побывал у костров тех десятков и сотен, что ожидали своей очереди бежать с ношей ко рву, прикрываясь легкими круглыми щитами, и в густых куртинах, где воины, неумело махая урусскими топорами, валили охвоенный лес и ловко обсекали сучья саблями, посновал вдоль длинной ленты подносчиков сучьев и веток. Приблизившись к валу, молодой воитель долго рассматривал в рассветной полумгле черные фигуры неуязвимых урусов, что посылали со стены и башен стрелу за стрелой в головную толщу его войска, занятого простым, но тяжелым и опасным делом, на какое должно бы гнать рабов, а не хозяев Великой Степи.

Ответные стрелы из лесного завала были редкими. Отборные лучники Бурундая, умеющие сбивать лебедей на лету, целили в прорези деревянных щитов в самое уязвимое место железных урусов — в горло. Стрелы вонзались в доски, отскакивали от людей, и полководец так и не дождался сладостного зрелища, ни разу не увидел, как вражеский воин внезапно вздымает над стеной руки, будто порывается взлететь, и падает, захлебнувшись кровью. Было другое — урусы, зорко высматривая, откуда вылетают стрелы, посылали в это место древесного завала сразу несколько ответных, и Бурундай видел, что лучшие его воины опрокидываются назад со стрелами, торчащими из глазниц, становятся материалом для заполнения рва. Самые тяжелые потери, однако, были по-прежнему на подступах к гребню вала, только больше стало легко раненных, чем убитых, потому что воины сделались расторопнее, осторожнее, не валили гурьбой, как вчера, а подходили к валу врассыпную, прикрывались досками, щитами, твердыми кожаными и войлочными накладками, наспех сделанными из потников и седел, прежним владельцам которых уже никогда и ничего не потребуется.

Бурундай, щурясь от света утренней зари, зацветающей над городом, еще долго следил за прочерками урусских стрел. Они были сильными, быстрыми, это так, но стрела летит для того, чтобы вонзиться в живую плоть врага, разорвать ее зазубринами, а сегодня очень много стрел втыкалось в землю, щиты, лесной хлам.

Сам-то Бурундай считался в молодости лучшим лучником рода и знал, как такими становятся. Он не помнил, когда отец дал ему первый маленький лук, как не помнил и того часа, когда его впервые оставили одного у гривы коня. Хорошо только запомнился день, в какой Бурундай убил зазевавшегося у норы детеныша тарбагана, изжарил в костре и съел его нежное жирное мясо, посверкивая глазами на голодных неудачливых ровесников. И день, когда он победил всех в стрельбе из лука на ежегодном родовом празднике, и другой великий праздник в том же памятном году, когда стрела Бурундая догнала всадника-кераита, вошла ему в спину и пронзила сердце. Он оценил радости степной охоты, новых побед в соперничестве и, посылая в пылу сражений стремительную легкую смерть впереди себя, познал высшее счастье стрелка из лука — глаз и стрела, рука и тетива становятся одним страстным, до предела напряженным центром вселенной, властителем расстояния, ветра, времени, цели; сей вожделенный миг он ценил дороже всего на свете и, казалось в ту пору, никогда б не променял его, подобно иным, на доброе вино или власть над людьми, на самого лучшего сокола или коня, на горсти прозрачных камней или забавы с юной наложницей. Однако небо распорядилось так, что он получил все это взамен уходящей воинской молодости, а сверх того мудрую, ревнивую и строгую опеку Субудая, чему вот-вот, кажется, должен наступить печальный конец, и капризную волю Бату, конца которой не предвидится, и неизвестность, скоро преходящую мелкую сегодняшнюю и великую завтрашнюю, когда он поведет степные войска к далекому западному морю!

Последний раз Бурундай держал в руках лук год назад. Это было на земле болеров, сражавшихся с яростью обреченных. В далекие славные времена, когда великий Чингиз еще был жив, Субудай и Чжебе, повергнув хорезмийцев, персов, армян, гурджиев, ясов, кипчаков, урусов и множество других промежуточных народов, бросились, как барсы, к последней богатой нетронутой земле, что лежала на средней Итили, к северу от прямого пути в родные степи. Молодой Бурундай, начавший тот великий поход во главе десятка, помнил, как быстрые болеры собрали нежданно боль-

шое конное войско, хитро заманили степных пришельцев, привыкших к легким победам, в лесную ловушку, перестреляли и посекли саблями множество богатуров. Бурундаю удалось тогда во время бешеного прорыва к степи сохранить почти половину своей сотни, всю добычу и впервые удостоиться благосклонного внимания Субудая. Почти пятнадцать лет и зим Субудай и Бурундай жаждали отмщения, и час тот грянул — земля болеров насквозь пропиталась кровью, пропахла дымом, а остатки ее войска старый воитель и Бурундай загнали в излучину реки, за которой вздымалась крутая гора. Бурундай сошел с коня, чтоб не ходил перед глазом наконечник стрелы, и вспомнил молодые годы. Однако изящные невесомые башгирдские стрелы с белоснежным гусиным опереньем находили живую цель только поначалу. Рука, что так давно не натягивала тетивы, скоро устала, начала дрожать, неметь, и Бурундай, поощрительно улыбаясь и отирая со лба обильный пот, передал слишком тугой лук его хозяину, молодому широкоплечему найману...

Сейчас он, замечая мельчайшие подробности подготовки к штурму, ясно видел, что железные урусы на стене двигаются после этой бессонной ночи с замедленьем, плохо целятся, тяжелые излетные их стрелы то и дело минуют его воинов, и Бурундай еще раз вспомнил завет великого воителя о необходимости непрерывного нарастающего приступа, если он начат...

Любознательный Читатель. Но все-таки что это за «железные» воины на стене, от которых будто бы отскакивают стрелы?

— Воины, одетые в железо, предназначенное для рукопашного боя. Кольчуги, пластинчатые латы и кованые шлемы защищали от сабель, мечей, копий и, конечно, стрел.

— Но откуда известно, что козельцы имели такие железные одежды?

— В летописях, правда, об этом нет сведений, но посудите сами — в знаменитой черниговской Черной Могиле были обнаружены щиты, шлемы и кольчуги. Захоронение это довольно точно датировано по византийским монетам. И совершенно невозможно допустить, чтобы таких доспехов не было в распоряжении воинов важнейшей стратегической крепости Черниговской зем-

ли спустя *двести пятьдесят лет!* Добавлю: кроме обычных, ординарных доспехов, что были на вооружении наших предков, кажется, во все времена, козельский воин тех лет имел еще одно уникальное защитное приспособление, обнаруженное археологами в этом районе Руси... Мы вспомним о нем скоро и к месту, а сейчас вернемся к первому штурму города.

Штурм еще не начинался, потому что не была закончена подготовка к нему, эта изнурительная и долгая рабская страда, уже отнявшая у Бурундая, должно быть, не меньше воинов, чем возьмет их сам штурм,— последний яростный бросок через ров, доверху заполненный поверженным лесом урусов и поверженными людьми степей. Бурундай в точности знал, почти видел, как это будет — бесчисленные подобия стояли перед глазами. К этому ночному часу, венчающему все дело обильной кровью и славной победой, он прикажет собрать и приберечь как можно больше стрел, пошлет к валу сотни новых зорких и умелых лучников, что уберут со стены всех урусов, которым не хватило железных одежд. Легкие прочные лестницы уже готовы. При каждой из них десяток отважных воинов ждет в кустах сигнала, и таких десятков — десятки, вооруженных длинными палками с острыми наконечниками, которые пронзят этой ночью кишки неуязвимых железных урусов. А короткие тяжелые копья густо полетят снизу в стенные проемы и башенные окна, чтоб стало некому отталкивать лестницы и рубить арканы. Степные богатуры могут издалека захлестнуть волосяной петлей не только железного уруса или неподвижный выступ на стене, но и голову дикого коня, чтоб подарить ему табун домашних кобылиц и получить зверооких жеребят, что унаследуют от своего отца способность скакать от утренней до вечерней зари, хватая на скаку траву желтыми зубами...

Бурундай не станет смотреть три последние череды. Урусы, теряя лучших своих воинов, истычут пиками первых, развалят топорами черепа вторых и уже на стене порежут ножами третьих. Бурундай уйдет спать, чтоб уцелевшие прониклись еще большим уважением к нему, покорителю последней крепости урусов, не желающему оскорблять глаза скучным зрелищем, уши —

воем и стонами победивших и побежденных. Бурундай — степной полководец: он почитает травяной простор, вековую воинскую хитрость степных сражений, доброго коня, а превыше всех звуков вселенной ставит шорох стрелы, пронзающей воздух и тело врага, свист сабли, мерный перестук четырех копыт и двух сердец. И воины знают, что Бурундай три дня не войдет в этот жалкий город, который три дня будет принадлежать только им...

К сумеркам ров почти заполнился, и самые длинные лестницы уже, пожалуй, можно было утвердить на лесном хламе, который скоро уплотнится трупами первых штурмующих и станет совсем пригодным для опоры. И еще Бурундай заметил, что защитники города с замедленностью смертельно уставших и безволием обреченных стреляют реже, чем утром и днем, хотя их стрелы сделались будто бы точнее и сильнее — может, потому, что в сумерках его воины начали терять осторожность, снова взялись сбиваться на валу в толпы и шарахаться, как баранье стадо, а тысяцкие и все помельче никак не могут наладить правильный подход ко рву и отход своих людей со стрелами, подобранными на валу и вырванными из тел убитых и раненых? Или каждый воин, приблизившийся сейчас к валу, страшится приближения смерти? Если вдруг по воле Бурундая из лесу хлынут к ледяной стене тысячи неудержимых, то подносчики ветвей будут растоптаны и сметены в ров, сделавшись последней жертвой перед решающим штурмом...

Не пора ль? Солнце давно ушло за край земли, к западному морю, а тут, над лесами, даже след его, похожий на свежую кровь, уже стерла ночь и низкие черные тучи. Пора.

Бурундай махнул рукой и при трепетном свете костра понаблюдал, как уменьшается большая куча урусских стрел, накопленная за три дня и ночи. К ней чередой подходят самые знаменитые стрелки войска с особо сильными составными луками, посылающими стрелу на тысячу шагов. Каждый берет в левую руку столько стрел, сколько она может удержать. Стрелы быстро кончились, их не хватило на всех, и череда отборных воинов с луками прервалась, рассыпалась по своим сотням. Темная пасть ночи сомкнулась вокруг

города и поглотила его, а оттуда, куда ушло солнце, медленно надвигалась, дыша могильным холодом, совсем густая чернота. Она опускалась к земле, заволакивала лес и воинов, начала тянуть сюда горькие дымы дальних костров.

Пора! Бурундай еще раз взмахнул рукой. Верховые, окружавшие полководца, ускакали в темноту. Все ожило вокруг. Плотная черная масса двинулась к городу. Скорым шагом мимо Бурундая и каменного урусского изваяния, похожего на человека с раскинутыми руками, пронесли длинные лестницы, потом потянулись копейщики. Многие, кроме пик, достающих остриями вершины белоствольных деревьев, несли и метательные дротики, на поясах кривые звонкие сабли, сделанные мастерами Хорезма, Персии, Кавказа и народа джурдже. Оружие это досталось воинам по праву победителей в боях, по наследству от старших братьев, отцов или давних соратников, чьи кости легли в белые снега урусов. И еще у каждого воина висел на поясе острейший нож в кожаном чехле. За один взблеск он раздваивает, обнажая сердце, грудь коня, до позвонков протыкает горло врага. На рукояти его даже во сне покоится рука воина, который сейчас рвется к стене, чтобы с помощью своего надежного и безотказного друга расчистить путь к первой женщине последнего урусского города.

Бурундай знал, что урусы сейчас отбросят свои луки, стрелы и щиты, схватятся за топоры на длинных рукоятях, за палки с крючьями, за длинные пики, мечи, железные дубины. Нет, Бурундай не изменит своего решения и не станет смотреть, как образуется под стеной пропитанное кровью черное месиво из бывших степняков и как по нему взойдут на стену те, кому это назначено небом. Бурундай, истинно степной полководец, будет наблюдать за обыкновенной этой минутой войны отсюда, с возвышенья, как учил великий Чингиз и как всегда делал великий Субудай. Свою верную тысячу, с которой он первым пришел сюда, Бурундай берег до этого главного ночного часа и позволил воинам самим выбрать момент, когда они ринутся в город. Пусть не торопятся, пожалеют себя, но и не запаздывают, чтобы не остаться без последней добычи и нетронутых урусских красавиц.

Внук Темучина сын Джучи выпил свое вечернее вино и в сладких волнах воображения перебирал различные достоинства жен, уже хорошо отдохнувших, как и сам хан, от дальнего и тяжелого перехода по чужим заснеженным лесам. Весь день он тосковал по родным зеленым степям и бездонному синему небу над ними, по соколиной охоте и свежему кумысу... А может, взять нетронутую русскую пленницу? Юную, упругую, с шелковистой и прохладной, как шелк, кожей и синими, под цвет неба, глазами, дрожащую от ужаса...

Вечернее вино просилось наружу, но внуку Темучина сыну Джучи не хотелось выходить из теплого урусского жилища, под ветер, завывающий в дымоходе очага, под снег, что принес этот ветер. О нем сказал охранник в последнем вечернем докладе. Слава небу! Бурундай под защитой снега и темноты доверху заполнит ров, барсом прыгнет на стену жалкого урусского городка, что лепился на круче за покатой горой. Отсюда его не видно, и башен тоже не разглядеть из этого селеньица, сохраненного Бурундаем. Утром воитель успокоил его, доложил, что за день подготовка к штурму закончится, лес урусов хорошо послужит монголам, что лестницы готовы, древки копий удлинены, сабли отточены. Завтра утром Бату навестит больного Субудая — это пора сделать не только потому, что верный старый мерин достоин внимания за великие прошлые заслуги,— надо, чтобы он услышал весть о взятии города от самого внука Темучина сына Джучи, давно ждущего, когда он сможет гордо посмотреть в глаз Субудая.

Внук Темучина сын Джучи запахнул халат, утепленный мастерицами бывшего народа джурдже, торопливо выбежал наружу, побудив дремлющих охранников, и вернулся.

— Чингизиды?

— Спят, саин-хан,— ответил охранник.— Выпили много вина.

— Гуюк?

— Как и днем, никаких вестей.

— Бури?

— Тоже.

— Субудай?

— Стал совсем похож на старого одногорбого верблюда.

— Ха, ха! Стонет?

— Нет, саин-хан. Но лекарь говорит, болезнь у него внутри.

— Бурундай?

— Прислал гонца. Пошел на приступ, пожелал легких снов.

— Жены?

— Успокоились.

Наступила пауза, и охранник не знал, уходить ему или дожидаться вопроса. Внук Темучина сын Джучи сопел, раздувая ноздри, к лицу его прилила горячая кровь. Охранник попятился к выходу, боясь беспричинного гнева повелителя, но тот лишь коротко бросил:

— Пленницу!

Небо несло колючий снег к городу. Меж редких кустов его подхватывал ветер, рвущийся из долины дочерней реки. Сквозь снежную кисею мимо Бурундая, тяжело дыша, бежали и бежали сквозь кусты воины с копьями, а эти совсем глупые урусы ничего не чуют. Спустились со стен и сидят у костров — за белой мерцающей пеленой иногда тускло проступали очертания башен, подсвеченных неверным красным пламенем. Само небо помогает Бурундаю! Город уснул, а сторожа греют у огня свои железные одежды, леденеющие наверху от холодного ночного ветра и снега. Пока глаза Бурундая не закроются в последний раз, он будет благодарить небо за эту ночь — войско молча, неостановимо и беззвучно, как туча, движется на спящий город урусов, а сильный боковой ветер из долины дочерней реки уносит его грозные шорохи в широкую сырую снежную пустыню и там растворяет. Пусть эти беспечные урусы греются за стенами у своих костров, скоро их никакие костры уже не отогреют! И лишь бы его воины не превратили в большой костер весь этот город — погибнет золотое зерно, главная добыча Бурундая, за какую он завтра должен удостоиться благосклонного внимания Бату и одобрительного взгляда

Субудая, если глаз старого воителя совсем не потускнеет до утра.

Передние воины должны уже пересечь открытое пространство, хлынуть через вал и ров к стене. Бурундай вглядывался в тревожную темноту, но сквозь мятущийся снег ничего нельзя было разглядеть, кроме кровавых отсветов урусских огней за крепостной стеной. Но вот на ней осветились и замелькали неясные фигуры. Их тени, огромные и уродливые, будто это были чудовища иного мира, простерлись к лесу и даже в небо, а красные отсветы колдовски высвечивали вокруг них пляшущую снежную сумятицу.

— Ур-р-ра-а-а-гх!

Конь Бурундая прянул на высокий голый куст. Больно хлестнуло по глазам веткой. Полководец прикрыл их, отжимая слезу пальцами свободной руки, а другой так осадил коня, что тот взвизгнул от боли и недвижимо застыл в мучительном оскале. А Бурундай, наконец, услышал музыку боя — лязг железа и предсмертные крики, но все покрыл всполошной набат. Урусы поздно хватились — во вселенной нет сил, что могли бы сейчас остановить воинов Бурундая. Их будут насквозь пронзать острыми пиками, опрокидывать вместе с лестницами в ров, засыпанный лесным хламом и мертвыми телами, разваливать им головы надвое мечами и топорами, но подымутся по другим лестницам другие, и урусов не хватит, чтобы умертвить всех. Увязив копья и дротики в телах врагов, отбросив сломанные сабли, они взойдут сейчас по человеческому мясу на стену, где вырвут из кожаных чехлов ножи, тут же падут от урусских железных дубин да мечей, и в этот момент прыгнет на город тысяча барсов Бурундая.

— Ур-рр-ра-гх!

Древний клич вырвался из тысячи глоток совсем рядом, и Бурундай открыл еще слезящиеся глаза.

— Ур-рр-ра-а-а-гх!

Грозный рев удалялся в метель и темноту, но стал слышней, потому что урусский колокол внезапно смолк, будто вдруг вырвали его железный язык. Вскочили уже на башню храма, опередив барсов Бурундая? Срывают одежды с юных дев, роются в княжьем доме, а этого маленького белозадого волчонка за волосы

сюда, чтобы утром Бурундай бросил его к ногам Бату?

Среди ночи Субудай неожиданно позвал к себе Кокэчу, и охранник понял, что старый воитель хочет попрощаться с сыном, потому что вот уже два дня он гнал от себя лекаря, желая поскорей встретиться с предками.

Отец, к удивленью Кокэчу, сидел у очага и грелся.

— Ты растешь, сын, — сказал Субудай, и тебе пора знать то, что ты должен знать, если служишь потомкам Темучина.

— Слушаю, отец.

— Это был страшный поход. Темучин учил меня, что множество — страшно. Для урусов не было страшно множество моих воинов — я привел их сюда столько, сколько было нужно. *Мне* было страшно множества чингизидов... Знаешь, почему курултай назначил главой похода не старшего Орду, а второго сына Джучи Бату?

— Не знаю, отец.

— Джучи отказался завоевывать эти страны, и Темучин, шепчут, его умертвил. Орда покорил только слабые народы, что жили на север от родины твоего отца и деда. Бату никого не покорил. Курултаю надо было, чтоб между ними жила неприязнь, но чтобы каждый из них слушался меня, покорившего столько народов, сколько тебе лет... Младшие сыновья Джучи Шайбан и Тангут — не в счет. Ты заметил, как они смотрят мне в рот, когда я говорю?.. А почему я послал на южных кипчаков Монке с братом Бучеком?

— Не знаю, отец.

— Монке и Бучек, сыновья Толуя, — воины, как и их отец. У них отросли крылья, но пока они только степные воины, и здесь бы мне мешали... А Гуюк, сын великого хана Угедея, ненавидит Бату, потому что тот глава похода, хотя сам Гуюк никогда не станет воителем в отличие от младшего своего брата Кадана, которого Гуюк ревнует к его уже родившейся воинской славе. Курултаю надо было, чтоб я стоял и над этими братьями да гасил их склоки с Ордой и Бату... А почему я держу правнука Темучина Бури с его дядей

Байдаром, сыном Чагатая, подальше от всех остальных?

— Не знаю, отец.

— Бури — самый безродный среди чингизидов. Его погибший от хорезмской стрелы отец Мутуген, внук Темучина сын Чагатая однажды увидел в ставке красивую жену домашнего слуги, увел ее в уголок и соединился с нею. Ее разлучили с мужем и оберегали, предполагая, что она понесла, а когда родился Бури, отдали назад мужу. Бури дерзок не по годам, пьет много вина, в пьяном виде всегда клянет Бату, и пожилой рассудительный Байдар при нем исполняет роль дядьки-опекуна... Курултаю надо было, чтоб я держал над ними руку и отводил их от Бату. Теперь ты понимаешь, сын, что за любую неудачу в походе отвечает перед курултаем и великим ханом твой отец?

— Понимаю... И я не хочу служить чингизидам!

— Никому больше не говори таких слов! За них тебе, Урянктаю и мне забьют камнями рот.

— И ты, отец, поэтому служил Темучину, его сыновьям, а теперь внукам?..

— Да, сын. Другой причины у меня не было и нет.

Невидимая туча надвинулась на город своим разверстым чревом. Косые снежные пряди погустели, за ними зачернело совсем непроглядно, только метались и пухли в той черноте красные отсветы, будто дышал огненной пастью дракон из древних сказаний. Вдруг, пробив тьму и пургу, по глазам Бурундая остро полоснуло открытое пламя.

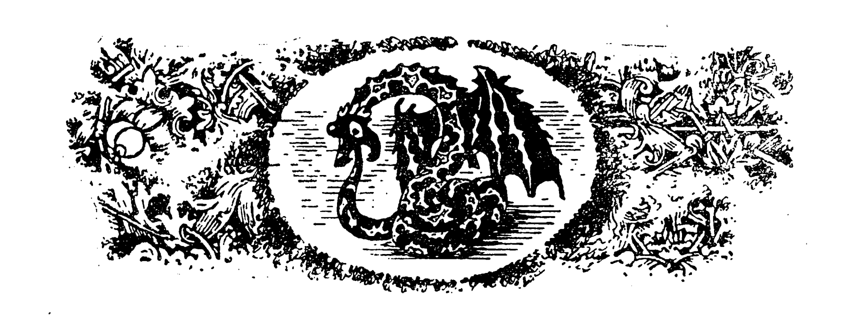
Зажгли город, бараньи головы! Пропадет в огне зерно, сгорит надежда Бурундая. Он свирепо взмахнул плетью, и конь одним прыжком вынес его на открытое место, где дуло сильней. Телохранители ринулись за полководцем навстречу многоголосому вою, что нарастал впереди, пронзая ветер и сердце Бурундая. Перед мордами коней шарахались, топча раненых, воины, убегающие от этого дикого предсмертного воя. Огонь впереди прожигал черный дым кривыми всполохами и осе-

дал, будто вправду высовывал и прятал пламенные свои языки многоглавый дракон.

Огненные брызги из страшного зева летели навстречу всадникам. В беспорядочной толпе бегущих воинов появился первый, кто вырвался из пасти дракона. Он горел и дымился. Бурундай мельком узрел, как его толкнули, а он пытается подняться, запрокидывает к небу лицо в черных пузырях и с белыми мертвыми глазами. Полководец содрогнулся, как пугливая женщина, но тут же забыл об этом, потому что впереди было много живых факелов, бегущих и ползущих, куда больше догоравших, уже недвижимых головешек, а еще дальше такое, чего бы он не хотел увидеть даже в кошмарном пьяном сне.

За валом ярился огонь. Полыхал весь ров. На стене бегали урусы в железных одеждах и швыряли белые легкие сосуды, которые вспыхивали внизу новыми и новыми негасимыми очагами. Перекинули через забрала большие деревянные бочки. Первая тяжело ударилась о ледяной уступ под стеной, развалилась и растеклась-разбрызгалась густой черной жидкостью. Огонь бросался на нее красными языками, задыхался от черного дыма и снова вспыхивал, чтоб уже не остановиться, а воспламенить все вокруг и даже под собой, внизу, в сердце рыхлого лесного хлама, куда стекали быстрые огненные струи. Запахи горящей смолы, березового дегтя, душистого урусского масла смешивались с тяжелым и сладким трупным духом. К горлу Бурундая подступила тошнота. Полководец с мрачной отрешенностью вглядывался сквозь дым в этот всепожирающий огонь, что жаром своим, набирающим силу, начал словно бы оживлять во рву его бывших воинов — пытаясь встать, они приподнимали головы, медленно шевелились, тянули к нему горящие руки, выгибали спины, вздувались и лопались.

Ров на глазах мельчал, в него из долины дочерней реки врывалось все больше ветра, который над огнем становился бесснежным, сухим и горячим, рвал пламя и дым прочь, обнажая городскую стену. Из башенных бойниц урусы уже лили воду, чтобы остудить бревна, и даже начали наугад постреливать за вал, в темноту, где вокруг Бурундая немо толпилось его полуживое опаленное войско.

32 Внук Темучина сын Джучи проснулся от криков за дверью и тупой боли в затылке. К нему рвались разъяренные братья: они приволокли Бурундая, бросили его к ложу внука Темучина сына Джучи, и тот, пнув полководца босой ногой в лицо, приказал подать коня.

Бату безрадостно посмотрел на ясное солнце, поднявшееся над косогором, за которым прятался город, и по свежему, еще не растоптанному снегу подъехал к избе Субудая. Охранник полководца, подобострастно кланяясь, сказал, что великий воитель разогнул спину и не хватается за грудь, как это было все минувшие дни и ночи. Бату, лениво завалившись на шею коня, сполз с седла, благодарно глянул на синее небо. Он успеет попрощаться со старым полководцем и, быть может, услышать последние советы. Войдя, он глазами показал Кокэчу, сыну Субудая, на дверь.

Субудай встретил хана прежним сверлящим взглядом, приподнялся.

— Лежи, Субудай,— сказал внук Темучина сын Джучи.— Урусы ночью сожгли во рву много воинов.

— Знаю,— проговорил Субудай таким свежим голосом, что Бату обрадовался и удивился.— Я про это узнал три дня назад.

— Великому воителю боги обо всем сообщают наперед?

— Не обо всем. Иначе я бы потерял желание жить. Сегодня они, убрав с неба тучу, которая меня давила, приказали подняться...

— Хвала вечному синему небу!

— И еще боги просили, чтобы пришел ко мне Бурундай.

— Я выбил пяткой кровь из его ноздрей.

— Не осмеливаюсь судить великого хана... Бурундай такого не заслужил.

— Оказывается, у тебя сердце всепрощающего бога, Субудай, но ты сам говорил мне, что на земле все происходит по соединенной воле всех богов.

— Бурундай достоин награды, великий хан.

— Не понимаю.

— Когда последний властитель бывшего народа джурдже принял змеиный яд и предал себя огню, мы с дядей твоим Толуем вошли в его дворец. На стене увидели золотую змею, пожирающую собственный хвост, и сын великого Чингиза сказал, что человек, сделавший ее, — великий мастер. А я подумал, что мастер был великим мудрецом.

— Говори, Субудай.

— Твое войско, великий хан, давно заглатывает себя. Бурундай обрубил хвост. Он заживет, а змея спасется, уползет из этих лесов в степь... Бурундай уменьшил число пустых желудков, которые нечем стало наполнять, увеличил кормовую долю для тех, кому небо пока сохраняет жизнь.

— Великий воитель! — воскликнул внук Темучина сын Джучи. — Бурундай исполнял твою волю?

— Нет. Волю богов.

— Спрошу, Субудай. Мне донесли, что ты спас своего сына от этого штурма. Где Урянктай?

— Он делает главное дело. Без него ты города не возьмешь, великий хан.

— А почему не подошли на штурм Гуюк с Каданом?

— Пусть кормятся на водоразделе. Бури с Байдаром тоже пока не нужны. Я не хочу обременять тебя, великий хан, лишними заботами.

— Понимаю и ценю. Спрашиваю же затем, что предвижу у костров шепоты на разных языках насчет меня и Бурундая. Остальные чисты, а ты, как всегда, надо всеми.

— У каждого костра сидит мой человек, понимающий остальных. Язык змеи безвреден. И его можно легко вырвать.

Субудай приказал взнуздать коня. Встал на спину охраннику, сам перекинул ногу через седло. Высокое солнце уже растопило слой свежей пороши и снова взялось за плотные лежалые снега. С поляны, на которой стоял каменный урусский бог, Субудай долго смотрел на город. На башнях сидели урусские сторожа да любопытные мальчишки бегали по стене, показывая Субудаю языки. Он соберет всех уцелевших мальчишек города, прикажет вырвать им языки и отпустить, чтобы шли по этой земле и рассказывали безъязыкими ртами о том, как милостив он, Субудай, подаривший им жизнь.

А уруса, создавшего эту крепость, он сразу же наградит за будущую службу! Ни у бывшего народа джурдже, ни в Хорезме, ни у одного горного племени, живущего вокруг внутреннего моря, он не видел такой главной стены. Если б Субудай оказался здесь на месяц раньше, он прошел бы мимо, сделав вид, что жалкий городок этот ему совсем не нужен. Но Субудаю очень нужен был хлебный город на севере, а внуку Темучина сыну Джучи снилась богатая древняя столица урусов, которую Субудай уже, наверное, тоже увидит только во сне. Потеряно золотое время, и вот он здесь, у этой маленькой крепостенки, которую надо штурмовать через такой глубокий ров. На дне его лежит пепел степных воинов, окрасивший снег и воду в грязный цвет, а черная нетронутая стена так и стоит. Ребенок бы догадался убрать мост через ров и наморозить на ворота и стену лед, который уничтожился огнем, превратился в эту грязную воду, что расплылась по обе стороны прорана и уже соединила дочернюю реку с материнской. Глупый урус! Лед должно было быстро растопить всемогущее солнце...

Мудрый урус! Главную эту стену он, оказывается, сделал не прямой или выпуклой, как везде во вселенной, а с отступом в воротной части. Самый толстый лед посредине сейчас уничтожился и стало видно, что стена плавно изгибается внутрь наподобие осколка глиняной чаши. Надвратная башня стоит глубже, чем боковые, и в любое место, куда б штурмующие ни подступили, стрелы полетят отовсюду.

Нет, этому проклятому урусу он вынул бы глаза и отрубил руки! Под солнцем ближние строения города

показали свои верха, и Субудай, прищурив глаз, ясно увидел, что за главной внешней стеной поднимается еще одна, очень крепкая с виду, окружающая самые высокие постройки города. Те в свою очередь обступали высокий храм с башней для колоколов вверху. Умен урус! Он расположил внутреннюю крепость не в дальнем конце селения, на мысу, как во всех других городах этой земли, а сразу за воротами, чтобы усилить оборону. Глупый урус! Субудаю же надо проломить ворота, взять внешнюю стену, и город будет в его руках. Внутреннюю свою крепость, где главная добыча, урусы сами возьмут или она сама сгорит. Добыча Субудаю, впрочем, не нужна. Худо, если в огне погибнут запасы зерна да этот сын змеи, маленький князь, из которого надо бы по капле выпустить кровь на глазах живых урусов, чтоб они узнали, как может быть благодарен степной воитель богу Сульбэ за победу над непокорными.

В тот день Субудай успел доехать до маленького селения урусов, что стояло в густом лесу на север от города. Его нашел сын Субудая Урянктай для себя, не тронул там никого и спокойно, вдали от ставки и отца, отдыхал первые дни на хороших кормах. Субудай, узнав об этом, сразу же послал туда хитроумного мужа из империи Сун, ведавшего камнеметательными машинами, что были брошены под северным хлебным городом, и наказал сыну, чтоб тот со своей сотней делал все, что скажет хитай.

Сын преподнес дорогой подарок! Субудай издали услышал звонкий перестук железа. На краю селения стояла маленькая кузница, и Субудай, заглянув в ее прокопченное чрево, увидел жаркое дыхание горна и рабов, махавших большими молотками, — Урянктай, наверно, дал им степной образец самого простого наконечника стрелы, груда «срезней» у порога кузницы росла.

И главное дело шло так, как задумал Субудай, — поднадзорные урусские мастера уже отесывали тяжелые рамы, собирали лотки, закругляли барабаны. Урусы, по словам Урянктая, были понятливыми, только пока не догадывались, зачем все это обработанное дерево и в таком количестве. Одно было плохо — рабам, чтобы исправно махать топорами и молотками, нужен был

пусть не хлеб, а хотя бы здешний земляной плод, называемый ре-па. Но корм тут, наверное, кончался. Остатки зерна сын тайно переправил отцу, а скотину, судя по всему, сотня Урянктая съела и взялась уже за урусских коней, которые будут нужны, чтобы тянуть отсюда камнеметательные машины.

Субудай перед сном поведал сыну новости. Из личной тысячи Бурундая погибла почти половина. Много, очень много воинов сгорело во рву вместе с надеждами внука Темучина сына Джучи. Гвардейская тысяча Субудая вся цела, несет охрану ставки. Кокэчу, младший брат Урянктая, караулит запасное зерно, которое может их спасти в крайних обстоятельствах. Крепость на большой реке быстро не взять, а дорогу к степи совсем отрезали широкие долины, забитые снегом, насквозь пропитанным водой. Она уже взялась разливаться над снегом, и теперь ни конный, ни пеший воин не сможет преодолеть ее, пока она не уйдет в Итиль и внутреннее море.

— Пришлю тебе, сын, свою тысячу для прокорма.

— Не делай этого, отец. У меня нет ни зерна, ни мяса.

— Степного воина кормят ноги его коня. Весь этот север нетронут.

— На севере непроходимые леса, отец. Водораздел слева доедают Бури и Байдар. Справа две реки, одна за другой. Их долины конь уже не перейдет.

— Не надо переходить. Иди вдоль первой реки. Встретишь безлесье — ищи кучи сухой травы и селение. Обойдешь исток, иди на вторую реку. Она больше первой, и значит, на ней гуще живут урусы. Селятся они на крутых правых берегах, и тебе не надо в долины.

— Хорошо, отец.

— Еще пришлю тебе свою тысячу и Аргасуна с опаленным злым войском.

— Почему Аргасуна?

— Он ненавидит Бату, потому что не чингизид. Его дед Качиун был братом Темучина. А отец Аргасуна Элчжигитай-нойон ждет, чтоб сын отличился в этом походе и прибавил вес всему роду. Но Аргасун не управляется умом — он говорит против Бату.

— Что именно, отец?

— Аргасун болтал, что надо опалить бороду Бату.

Пусть и дальше болтает. Сам ничего не говори. Скажешь худое — земля передаст. Так меня учил твой дед.

— Мир его праху!

— Людей не жалей, береги только коней. Чтобы выбрать лучший путь к селениям, пытай урусов. Мать на глазах детей, детей на глазах матери.

— Знаю, отец.

— У седла каждого воина должен быть аркан.

— Зачем?

— Брать стену.

— Какую стену?

— В той стороне стоит первое твое счастье воителя — богатый город урусов. Тихо, как змея, оползи ночью вал и ров, по арканам посылай воинов на стены.

— Где этот город, отец? — оживился Урянктай.

— За северными лесами. На второй, большой реке. О нем пока никто не знает, кроме тебя и меня.

— Спасибо, отец.

— И поспеши! Опереди Бури с Гуюком.

— Быстрей посылай свою тысячу и Аргасуна с палеными сотнями.

— Они голодны и свирепы, как полосатые звери страны бывшего народа джурдже... Жду от тебя гонца с главной новостью. Дальше в глубину земли урусов не ходи!..

— А если дальше будет большая и легкая добыча?

— Не ходи! У большого озера, ледяные берега которого вы с Бурундаем легко опустошили, я сказал Бату: «Глубже идти нельзя!» Его дед великий Чингизхан учил меня, что глубина несет смерть...

Разлились, наконец, урусские воды. Они досыта напоили глубокие снега, лежащие в долинах и на речных льдах, потом вместе с солнцем растопили и смыли его, взялись точить и рыхлить ровные ледяные поля между островами на поймах, белые извилистые полосы в руслах. Вода прибывала да прибывала с верховьев, залила все окрестности этой хитроумной крепости урусов и встала, набирая постепенно уровень, будто ниже по течению ее держали высокие плотины, как на реках бывшего народа джурдже.

Урусская вода — проклятие Субудая! Он не успел

вывести остатки войска с добычей и чингизидами в сухую степь — топкие снега по-над поймами и в долинах, надледные хляби да водяные просторы стали совсем непреодолимыми. Он дважды покорял с большим войском самое Итиль, но тогда люди и кони были откормленными, сильными, великая спокойная река не сжимала холодом внутренностей, а при каждом воине — большой кожаный мешок, который не давал утонуть. Сейчас не переправить добычу и чингизидов даже через эту воду, если за ней не различаются отдельные деревья, а как же тогда разлилась Ока, что пересекла дорогу к степи в двух дневных переходах отсюда?

Урусская вода — воинское счастье Субудая! Он теперь может не опасаться, что урусы из каких-то нетронутых улусов соберутся и придут сюда, чтобы добить его малочисленное и ослабевшее войско, захватить добычу и самое дорогое — чингизидов, за жизни которых они могут затеять великий торг с великим ханом Угедеем. Субудай задолго до такого позора на всю вселенную вынужден будет перерезать себе глотку и умереть, как баран. Ему совсем не жаль себя, старого, он лишь боится степной хулы, что враз перебьет полувековую хвалу, да дрожит бессонными ночами за судьбу Урянктая и Кокэчу, сыновей своих.

Чтоб урусы не смогли подпустить соглядатаев, Субудай приказал Бурундаю выставить заслоны — дозоры на всех дальних подступах к богатым распаханным водоразделам и этой замечательной урусской крепости, что оказалась куда крепче, чем это можно было предположить. Строитель-урус, которого Субудай все же превознес бы и взял на службу, подчинил себе все воды вокруг крепости. С востока, в широкой долине они больше месяца будут стоять, прежде чем слиться в Оку, Итиль и внутреннее море. С севера и запада крепостные стены обегает длинный кривой вал, и к нему подступила стоячая вода дочерней реки, через которую Субудай вовремя проложил бревна из разобранного селения.

Где-то в лесах рыщут по склонам главного водораздела Гуюк с Каданом и Бури с Байдаром. Еще близ большого озера Субудай и внук Темучина сын Джучи подобрали им самые ослабленные и ненадежные сотни. Запас зерна, взятый в хлебном городе, ушел на прокорм коней Субудая и Бурундая, устремившихся ос-

новным маршрутом. Гуюк, по расчетам Субудая, должен был кормить свой отряд грабежом городов и селений, расположенных по правому склону. Так и было поначалу. Вскоре, однако, головные тысячи, истощившие хлебный фураж, начали бросаться по сторонам и опустошать ближайшие селения. Гуюк вынужден был посылать разрозненные отряды все дальше и дальше от водораздела, где бедные и мелкие селения урусов стояли реже, прятались в густых лесах, жались к заснеженным речным долинам, в которых увязали кони. Потом начались хлебные места другого улуса, где на одной из приречных круч стоял богатый город. Но Дорогобуж с налета взял Бурундай и, оставив запас зерна Субудаю и ставке, быстро ушел прямо на юг. Голодные воины Гуюка застали пепел. Однако они хорошо подкормились в окрестностях и, забыв осторожность, ринулись к богатой столице западного улуса. Сын великого хана, освободившийся из-под опеки Бату и Субудая, мечтал взять город на скаку, чтоб затмить славу и посоперничать в добыче с безродным Бурундаем и сыном простолюдинки Бури, но храбрая и многочисленная дружина урусов встретила Гуюка в двух переходах от своего древнего города, и сыну Угедея долго еще мерещились в густых кустарниках стены железных бородачей. Не удалось их ни расклинить бешеным налетом, ни рассыпать по снежным полянам, а когда из-за леса появилась грозная тяжелая конница урусов, Гуюк первым повернул морду коня на восток и даже не оглянулся, чтобы посмотреть, как конные урусы отсекли на излучине реки половину отряда, засыпают его тучей стрел, достают воинов пиками, полосуют саблями, коням подсекают мечами ноги, железными крючьями выдергивают степняков из седел, добивают топорами и дубинами.

Субудаю донесли обо всем этом уже давно, а потом из отряда Гуюка пошли сообщения, которые полководец предвидел. Корма совсем мало даже в дальних селениях — все съедено к весне самими урусами, их коровами, птицами, овцами и лошадьми. Появились там неуловимые урусы на сильных конях. Не только сжигают на лесных и приречных полянах последние кучи сухой травы, но и заманивают разведку и мелкие группы Гуюка в непроходимые дебри, откуда возврата нет.

Воины были недовольны Гуюком еще в начале похода, когда он ставил во главе сотен только своих людей, не считаясь с родовыми обычаями разных племен. Слишком многих казнил, а после разгрома у излучины реки совсем перемешал в отрядах роды и племена, считая, что так, через своих людей и беспрерывные казни, легче будет внушить всем беспрекословное повиновение. На такое не рискнул даже сам Темучин, создавая великую степную армию. Субудай тогда решительно пошел за ним, потому что человек, ставший Чингиз-ханом, уважал достоинство родов и благоволил вчерашним врагам даже больше, чем своему роду, если они верно служили ему. Половина вселенной легла под копыта степных коней, и народы, ее населяющие, истаяли наполовину, как этот урусский снег.

От войска Субудая тоже осталось меньше половины, однако и остаток придется половинить. Гуюк уже взялся за это по-своему, — по последним донесениям — от его отряда отделился умный и храбрый Кадан, потому что ночами в сотнях старшего брата начали исчезать раненые и больные воины. Потом Гуюк приказал выбирать владельцев самых слабых коней среди кипчаков и найманов. Их кони шли в пищу оставшимся. В поисках корма отряды рыскали по водоразделу, жгли селения, убивали все живущее, но сами таяли на глазах. Кони — главная ценность степняков — слабели от бескормья и тяжелых бездорожных переходов через сырые снега и бурные ручьи. Наконец воины Гуюка начали гибнуть безразборно, навек оставаясь в урусских лесах с перерезанным горлом из-за торбы овса, куска мяса, хорошего оружия, давней племенной вражды, неотмщенной крови предков, пустых ссор.

Настал день, когда поредевшие отряды Гуюка начали выходить на главный маршрут. Они потянулись к ставке, но Субудай, оповещенный заранее, выставил надежные заслоны, которые направляли бывшее войско на юг, по кручам главной реки. Инстинкт старого воителя подсказывал Субудаю, что там, как и на севере, куда ушел Урянктай с Аргасуном, должны быть нетронутые селения. И путь по весеннему бездорожью легчал — ручьи утихали, снега оседали, утончаясь с каждым днем и обнажая на взгорках землю с прошло-

годней жухлой травой, сквозь которую скоро проступит свежая, молодая, зеленая — спасение войска!

На подступах к ставке озверевшие кони Гуюка прорвали заслон, смели охрану, прочную изгородь и разметали по клочку, съели вмиг большую запасную кучу прошлогодней соломы, собранной для гвардейской конницы и охраны. Гуюк, сын великого каана, не появился в ставке, только попросил передать Бату, что по возвращении с юга выдернет высокородному его жидкую бороденку.

Давно не было вестей от Бури с Байдаром. Субудай знал, что через несколько переходов от большого озера они взяли круто влево и пошли вдоль верхней Итили, где оказалось много богатых селений. Байдар медленно продвигался с основным отрядом этим дочерним водоразделом, а отряды Бури выискивали жилища урусов по обе его стороны. Они объедались у костров свежатиной, хорошо отсыпались, собрали запасной табун урусских коней. Байдар в походе спит меньше других, всегда спокоен и умеет ладить не только с воинами или неистовым Бури, но и самим Бату. А в правнуке Темучина внуке Чагатая сыне Мутугена гуляет чья-то дикая кровь. В каждом новом селении он ищет прежде всего какой-нибудь хмельной напиток, а потом всю ночь меняет пленниц.

Когда Субудай со ставкой пошел по главному водоразделу на юго-восток, гонец сообщил, что Байдар узнал о богатом городе на большом изгибе Итили, собрал все войско и вместе с Бури бросился к нему. Больше никаких вестей от них не приходило, и Субудай начал тревожиться. Уже от города послал туда, глубоко в тыл, небольшой отряд надежных гвардейцев, который, однако, вначале бесследно исчез, но потом появился с караваном урусского зерна. Гонцы, оказывается, наткнулись на отделившийся отряд Кадана, который и себя подкормил и позаботился о ставке; Кадан станет великим воителем!

Не было пока вестей и от Урянктая с Аргасуном, хотя эти-то ушли совсем недалеко и пока продираются, наверно, сквозь густые северные леса, чтоб добраться до истоков двух дочерних рек и найти тот богатый нетронутый урусский город. Субудай даже отдал сыну своего кипчака-толмача, который лучше всех в войске

знает эту землю, обычаи ее жителей и каким-то особым нюхом чует, где может еще оставаться зерно и сухая трава.

Нет, создателю этой крепости Субудай все же сломал бы спину! Урус придумал, оказывается, такое, от чего Субудаю не спится вторую ночь. Прибывающая вода в дочерней реке, что омывала разливом западный и северный валы, вдруг пошла к материнской реке по тенистому глубокому рву сильной струей, прорвавшись под западным валом, потащила лесной сор, шкуры, гнилые внутренности коней, трупы казненных воинов. Теперь вокруг города была сплошная вода — широко разлилась и стояла с трех сторон света, но ревела и бурлила на дне рва, защищая южную воротную стену крепости, самую доступную, как вначале подумал Субудай, а теперь он даже и не знал, можно ли снова начинать работы, если быстрый и сильный водный поток будет выносить из рва не только бревна и связанные кусты, но и большие камни, окажись они у Субудая под рукой.

Камни! Субудай вздрогнул, и сон совсем отшибло. Крепость не взять, если нет в этой местности камня! Надо ловить на южном и северном водоразделах пленных мастеров по железу и дереву, возить сюда со всей округи сырой и сухой лес, железо, снова заваливать проран, щипать и строгать стрелы, ковать и калить наконечники, строить непробиваемые щиты и, главное, камнеметательные машины... Но где взять камень? Из-под снега вытаивала черная земля, под ней на всю глубину рва плотно лежала желтая и почти такая же мягкая глина, как та, на которой жил бывший народ джурдже. Но Субудай пока не увидел здесь ни одного камня, а без него нельзя снести башен и защитных верхов на стенах, уменьшить число стреляющих. Камень может лежать на дне большой реки, под водой, и его не достать. Придется месить глину и калить ее в огне большими тяжелыми кусками да разбирать все прокаленные огнем очаги ближайших селений. Но откуда взят крепкий камень на изваяние, напоминающее человека, которому кланялся урусский певец? И водовод под западным валом не может быть из глины или дерева — его бы размыло или быстро сгноило. Камень

тут где-то должен быть! Надо пытать пленников, срезать на них мясо до костей, пока не покажут место, в котором они ломают камень...

Субудай постепенно успокоился и забылся, но вскоре проснулся, разбуженный предутренними протяжными криками урусских домашних птиц. Потом из крепости донеслось далекое знакомое блеянье баранов, пронзительный визг свиней и предсмертное хлёбанье быков, слышное даже сквозь ржанье голодных степных лошадей, выгрызающих до корней прошлогоднюю траву на обтаявших взгорках.

Субудай понял, что урусы закончили свой долгий пост и начали резать скотину на мясо, счастливцы.

А всю следующую ночь трещала и ухала материнская река. Солнечным утром напряглись вешние воды, взломали наконец лед, и сплошное белое поле величаво двинулось вниз, опахивая прохладой речные кручи. Через день-два гулкие шорохи на реке начали стихать, меж льдин появилась открытая вода. Она все прибывала да прибывала, заливала снега в широкой пойме, подступала к далекому лесному окоему на той стороне долины. Лед забил петли дочерней реки, окружил зыбким белым крошевом город с запада и севера, и только в проране перешейка вода ревела по-звериному, и степные кони, прядая ушами, тревожно прислушивались к грозному реву. Нет, этому проклятому урусу старый воитель вынул бы глаза и отрубил руки!

Люди, посланные Субудаем вслед Гуюку, доносили, что войско его хорошо кормится на крутых берегах материнской реки, где стоят хлебные селения и небольшой городок, взять который, однако, невозможно — он тоже со всех сторон окружен водой. А вскоре пришли долгожданные новости от Байдара и Бури. К ним присоединился отряд Кадана, и они взяли, правда, с большими потерями, город на берегу Итили. В нем полно сухой травы, овса и того темного зерна, из какого урусы пекут душистый черный хлеб и варят пенный хмельной напиток. Лед там весь ушел по Итили во внутреннее море, но вода в долине еще прибывает. Субудай послал гонца в обратный путь, наказав трогаться всем к ставке, когда Итиль пойдет на убыль.

Теперь старый воитель спокойно займется подготовкой к последнему штурму злого города. Путь в степи отрезан надолго, и на такой же срок рассредоточенные остатки войск Субудая надежно укрылись за половодьем, разделившим на сиротливые острова всю эту многоводную землю урусов...

Субудай, с нетерпением ожидавший вестей от Урянктая и Аргасуна, дождался наконец гонца. Спросил о главном:

— Нашли они город?

— Да. Поймали у лесного ручья двух соглядатаев из него, отца и сына.

— Так,— засверлил глазом старый воитель.

— Отец молчал, как земля, и ему забили рот камнями.

— Камнями? — оживился Субудай.

— Потом пытали сына, который ожил ночью и ускакал на коне к городу, оставляя след.

Любознательный читатель. Не слишком ли жестокие казни придумывает автор?

— Нет. Это были жестокие времена... Внук Темучина сын Толуя Монке-хан, взяв позже власть в ставке деда, арестовал влиятельных эмиров, нойонов, темников и других войсковых начальников. Перечисление их «надолго бы затянулось,— пишет Рашид-ад-Дин, и каждый воображал себя таким высоким, что даже горнему небу до него не достать». Были тогда казнены многие родственники великого хана, а всю военную оппозицию, насчитывавшую семьдесят семь человек, «умертвили вбиванием в рот камней»...

— А что это за хлебный город, который — по нашему предположению — могли взять в глубоком тылу Кадан, Байдар или Бури, овладев запасами ржи?

— Ржев. Летопись впервые упоминает его в 1216 году. Стоял Ржев довольно далеко от основного маршрута орды и взят был позже первых городов водораздела. Вернемся, однако, к Козельску.

— Понимаю, что наше свободное путешествие в прошлое позволяет предполагать кое-какие второстепенные подробности, но нам все же следует придерживаться более или менее достоверных фактов в главном. Откуда известно о бескормице в войске Субудая, дислокации его отрядов, месте расположения ставки Ба-

тыя или, скажем, о каком-то богатом городе по соседству с Козельском? В летописях-то об этом ничего нет!

— В летописях нет много из того, что тогда происходило. И мы с вами пытаемся восстановить события, используя отрывочные летописные строки разноязычных авторов, народные предания, топонимику, фольклорные и литературные произведения, археологию, исторические аналоги, работы знатоков средневековых войн... И все же открытая нами страница родной истории так темна, что никак не обойтись без предположений, допущений, логических выводов... Однако очень многое становится практически неоспоримым.

Экономическое развитие глухих пограничных мест Новгородской, Смоленской, Черниговской и Владимирской земель не было тогда настолько высоким, чтобы после долгой зимы в них могли досыта кормиться в течение почти трех месяцев десятки тысяч лошадей и всадников, занявших всю эту водораздельную местность между истоками Волги, Днепра, Десны, Болвы, Москвы-реки, Угры и Жиздры. Самому недоверчивому скептику, не способному расстаться с традиционными представлениями, предлагаю *сегодня* разместить в этом районе даже не полумиллионную армию с миллионом коней, а поставить на трехмесячный весенний постой всего-навсего пятнадцать тысяч людей да двадцать тысяч лошадей и понаблюдать, что из этого мероприятия получится...

Присмотримся и прислушаемся к местной топонимике. На водоразделе стоят и сейчас старые села Булатово, Татарка и Попелево, превращенное ордой, по местному говору, в «попел». Есть под Козельском и Батыево поле, на котором мы позже обязаны будем приостановиться. Ставка же Бату, согласно преданиям, полтора месяца находилась в уцелевшем от огня пригородном селе у Козельска. Оно до сего дня именуется Дешевками, а речка, впадающая здесь в Жиздру, Орденкой.

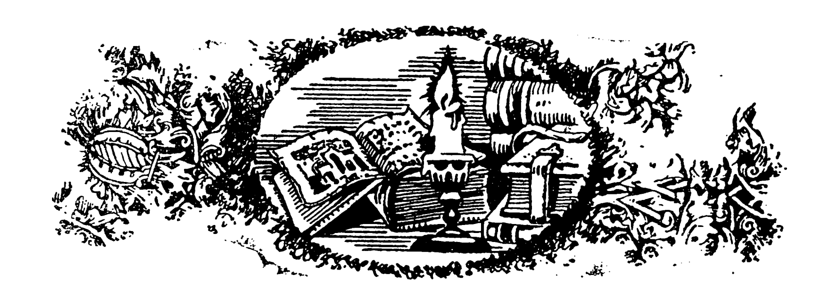
— Ну, речка наверняка тогда текла, но село-то могло появиться позже.

— На месте этого села с глубокой древности и постоянно жили люди, что доказано раскопками Дешевского городища...

Отправляясь в обратный путь к степи, военачальники пришельцев-грабителей решили идти, как пишет Рашид-ад-Дин, «облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся, брать и разрушать», однако орда застряла на два месяца, дожидаясь конца половодья и весенней травы. И войско не могло все это время стоять под Козельском — передохли бы с голоду кони. Поэтому оно должно было разбиться на отряды, чтобы искать новые и новые нетронутые села, деревни и выселки, стога сена, овины и скирды. По Рязанской и Владимирской земле, а позднее по Переяславской, Черниговской, Киевской, Галицко-Волынской орда двигалась безостановочно и стремительно, не успевая уничтожать все города и села. А в районе между Торжком и Козельском она бесчинствовала со второй половины февраля до середины мая 1238 года, около трех месяцев. Таким образом, главный водораздел Русской равнины *подвергся самому страшному опустошению за всю историю нашествий, настолько страшному, что свидетелей ему не осталось*. Этим объясняется и скудость сведений об исходе войск Субудая в степь, и многовековая разноголосица о направлении, которым шла орда, и всеобщее огорчительное незнание подробностей обороны Козельска и трагической гибели других городов района. Должно быть, именно весной 1238 года были разорены попутные Дорогобуж, Ржев и Обловь, Долгомостье, Вщиж и Голяд, а также Ельня и Вязьма, если они или какие-то поселения под другими именами на их месте уже существовали. Небольшой островной город-крепость Городец на Жиздре, о котором сообщает П. А. Раппопорт, едва ли был взят в пору разлива вешних вод, но погибли, наверное, другие города, не успевшие попасть в летописи до нашествия орды, которое окончательно стерло память о них с этой земли, испепеленной и надолго омертвленной...

Должен поведать вам, дорогой читатель, и еще нечто необычное. До решающего штурма Козельска произошло неподалеку одно важное и достоверное историческое событие, которое лишь совсем недавно стало известно узкому кругу специалистов. Рассказать о нем впервые широкому читателю — высокая честь и тяжкая обязанность, потому что это событие, в коем проявилось необыкновенное мужество и сила духа наших

предков, было страшным, кровавым, испепеляющим душу ненавистью к захватнической, грабительской войне, когда бы и где бы она ни приключилась.

33 Рассвело совсем, но туман вокруг Козельска не рассеивался, ждал солнца. Мы поехали на север. Проселочная дорога, как в глубокой древности, змеилась по увалистым взгоркам, где было повыше и посуше. Моя добрая старая «Волга», видавшая всякие виды, нет-нет да буксовала на подъемах и юзила на спусках, потому что дорогу досыта напоили дожди и туманы, разъездили-расшлепали тяжелые машины с урожаем. Водораздел сплошь распахан, по окрестным далям синеют леса, и впереди та же манящая синева, за которой наша необычная цель.

— Не проедем, — сказал мой козельский поводырь Василий Николаевич Сорокин. — Как пить дать не проедем.

— Попробуем!

— Сядем — не вылезем.

— А цепи на колеса?

— Бесполезно. На кардан сядем. У меня же не только местный, но и фронтовой опыт...

Извилистая полоса тумана потянулась в глубокой низине.

— Река, — обронил Сорокин, — Серéна.

— Это значит «туманная»? — спросил я наудачу о том, чего, кажется, не знает в точности никто.

Несомненно, название реки вятичское, но что оно воистину означает? Князь Игорь не принял участия в

зимнем походе 1185 года, потому что «бяше серен велик, яко же вои не можахут зреима переити днем до вечера». В. Н. Татищев пояснял это неясное слово другим неясным словом «въялица», В. И. Даль называл «сереном» наст, наледь на снегу, Б. А. Рыбаков считает серен «туманом», О. В. Творогов переводит это слово как «распутица»; поди разберись...

— Приличная река, — говорит Василий Николаевич. — Еще сейчас больше ста верст от истока, и в старину по ней, наверное, ходили к Жиздре и Оке большие торговые ладьи. Но нет, не проедем к тому месту, откуда они ходили...

В самом деле не проехали. Даже двухдифферный «козел-вездеход» едва ли прободался бы через эти леса такой дорогой. Досадно, конечно, что не добрались до святого места, о котором надлежит всем нам знать, ну да ладно, в другой раз. И Сорокин, взглянув на меня сбоку, будто услышал мои мысли.

— Ну да ладно, — сказал он. — В другой раз. Среди лета. А в Козельске я вам один московский телефон дам, не пожалеете...

По рекомендации Сорокина разыскал я в Москве Татьяну Николаевну Никольскую, чтобы вместе с ней хотя бы мысленно побывать там, куда мы не смогли добраться из-за осенней распутицы.

— Даже летом не проехать! — решительно заявила она.— Легче со стороны Калуги — оттуда ближе подходят сносные дороги...

Т. Н. Никольская — представительница одной из самых «тихих» на земле профессий. Песен не поют о ее коллегах, к перевыполнению планов не призывают, отчеты об их трудах публикуются мизерными тиражами в узкоспециальных изданиях, а материально ощутимые результаты скромно ложатся на полки музеев или в запасники. Однако без усилий этих подвижников науки все человечество легко бы превратилось, по русской присказке, в Иванов, не помнящих родства. Т. Н. Никольская — археолог.

Археология восстанавливает, возрождает, оживляет *память* земли, то скупо, сухо и невнятно, то подробно, живописно и ясно рассказывая о том, как начинался

на ней человек, как перемещались по лику планеты, добывая себе пропитание, племена ее и народы, где возникали ремесла, искусства, города и государства, какая и когда развивалась этика, философия, религия, политика, дипломатия. Наконец, археология сотворила величайшее чудо — через надписи на камнях, глиняных табличках, папирусе, пергаменте, бересте и бумаге предоставила слово давно ушедшим в небытие поколениям; слава археологии, вечной спутнице и верной помощнице Истории!..

Татьяна Николаевна Никольская много лет занимается раскопками на бывшей земле вятичей. Это подвижное и большое племя, некогда заселявшее крайний северо-восток Русской земли, как известно, дольше других восточных славян держалось язычества и сохраняло свое племенное имя. Но что оно означает? Откуда они пришли сюда? Где бы это узнать?

Река Вятка, текущая так далеко от земли вятичей, никак не могла дать свое имя этому племени, однако и топонимическая случайность маловероятна. Можно предположить другое. Вятичи, это сильное и мобильное племя, в котором вначале мирно растворилась, полностью ассимилировалась балтоязычная голядь, что обитала в бассейне Угры, пошли дальше на северо-восток, в леса, слабо заселенные угро-финскими племенами. Новоселы, продвигаясь по рекам от русл к истокам, прочно оседали на пустых землях и давали окружающему свои названия. Наверное, это северяне, поднимаясь вверх по Днепру, назвали *левый* его приток Десной, то есть «Правой», бужичане, они же дулебы и волыняне, дали имя Десны тоже левому притоку Южного Буга и уж несомненно вятичи, заселяя и распахивая свободные земли в бассейне Москвы-реки, поименовали точно так же один из *левых* притоков Пахры. Первый москвич, чье имя нам известно — Степан Кучка, жил на крутяке над речкой Неглинкой, наверное, задолго до Кучки получившей свое новое имя вместе с бесчисленными Серебрянками да Березовками среднерусской полосы.

В районе теперешней Москвы вятичи встретились с крайними восточными поселениями другого большого славянского племени — кривичей, западный ареал расселения коего подходил аж к Неману, а на востоке ох-

ватывал Верхнюю Волгу. Уверен, что речка Сетунь, текущая ныне в черте столицы, названа именно кривичами — это они оставили на древней своей родине коренные славянские топонимы: Стырь, Птичь, Свислочь, Случь, Горынь, Струмень. Так что Сетунь, как, наверное, и Вятка, — не топонимическая случайность или фонетическое совпадение. И еще раз — слава археологии! Недавно у истоков Сетуни, в районе Одинцова, московские археологи обнаружили рядом типично кривичские и типично вятические захоронения...

Десять лет я прожил в Кунцеве, можно сказать, на берегу Сетуни, небольшой петлястой речонки, в которой текла черная, всегда теплая и дурно пахнущая — от промышленных стоков — вода, точнее, химический раствор, который в последние годы стал вроде бы немного попрохладней и почище. Что означает слово «Сетунь»? Еще в XVII веке, при Алексее Тишайшем, в Москве-реке и ее притоках водились стерлядь, судак, налим и так много иной рыбы, что ниже русла Сетуни стояла государева деревня Мневники, где жили мневники, то есть рыбаки, поставлявшие рыбу для царской «мнёвой» (налимьей) ухи. Так что «Сетунь» — это, наверное, от слова «сеть», а что может значить «Вятка» и, главное, «вятичи»?

В 907 году вятичи приняли участие в походе Олега на Царьград. Позже, как мы уже знаем, их два года покорял сам Владимир Красное Солнышко, потом дважды ходил на вятичского Ходоту и его сына Владимир Мономах. При Мономахе же вятичи-язычники убили киевского миссионера Кукшу, о чем мы тоже упоминали. Не исключено, что вятичские первопроходцы, не желавшие принимать христианства, некогда ушли подальше от киевских князей, ориентируясь по летнему, восходящему на северо-востоке солнцу, где-то переправились через Волгу и первую большую реку за ней — на крайнем пределе проникновения — назвали в честь своего древнего племенного имени: Вятка.

Впрочем, топонимисты давно установили, что местное население, соседи новопоселенцев, называют реки, урочища, долины по имени поселившегося народа или, наоборот — пришельцы дают географические названия, связанные с этнонимами старожилов. В Сибири, например, целых три Тунгуски, названных русскими, са-

ми же тунгусы именовали их Катанга. Река Кача, впадающая в Енисей в черте Красноярска, сохранила имя некогда обитавшей там народности качинцев, называвших эту речку Изир-су. В то же время есть по сибирскому северу на путях первопроходцев и первопоселенцев речки Русские, поименованные так местными народностями.

Новгородские ушкуйники впервые появились на реке Вятке в 1174 году, застали там укрепленные городки, в том числе и самый большой, названный ими Болванским, где было главное капище местного населения, быть может, полностью растворившего в себе вятичей, первых русских пришельцев, чьи верования в божественные силы природы и олицетворявших эти силы идолов были им все-таки ближе...

Во всяком случае, в этом очень далеком от столичного вятичского Козельска краю течет множество рек и речек с непонятными русскому человеку названиями — Пижма, Нылга, Какмаш, Идык, Кильмез, Унвай, Шуда, Кемда, Уржум и так далее, и лишь одна материнская, в имени которой зафиксирован явно славянский корень и русская флексия!

Корень? «Вят»? Но что он может значить? И нельзя ли добраться через него до родового корня, происхождения вятичей? Мне это было бы очень интересно, потому как отношу себя к потомкам вятичей, несмотря на то что родился в Сибири. Мои предки по отцовской и материнской линии жили на Рязанщине в бассейне реки Прони, охваченной в средневековье вятичским расселением, что неопровержимо доказали в наши дни археологи, а задолго до них недвусмысленно засвидетельствовал летописец: «...и прозвашася вятичи, иже есть рязанци».

Летописи пытаются также объяснить, откуда пошло название этого племени. Вятичей будто бы привел в незапамятные времена откуда-то с запада, «от ляхов», их вождь по имени Вятко, что может быть, однако, просто удобной легендой и к тому же совсем не проясняет смысла племенного персонима. Радимичей ведь тоже якобы привел Радим... Однако постойте-ка — уже на исторической памяти Руси геройски погиб в Юрьеве князь Вячко, защищая этот русско-эстонский город от немецких псов-рыцарей! Как емкую краткую повесть о

славном и тяжком прошлом перечитываю татищевские строки, описывающие события того года, когда с юго-востока на русскую землю впервые пришел Субудай, а на северо-западе лилась кровь латышей, эстов, литовцев и русских, отражавших натиск европейской орды: «6731 (1223). Того же году немцы, пришед к Юрьеву, облегли и крепко добывали. Но князь Вячек, яко мудрый и на рати смелый, храбре охраня град, часто выпадая, многий вред немцом причини. С ним же бяху добрии бояре новгородци и псковичи, помогаху ему храбре...»

Между прочим, когда были напечатаны первые главы «Памяти», ко мне пошло много писем, и я с радостью отмечал в них жгучий интерес к родной истории. И вот в одном из писем — несколько нежданное для меня: «Вы часто ссылаетесь на Татищева. А кто это такой?»

Василий Никитич Татищев (1686—1750) — достойный сподвижник Петра и Ломоносова, великий труженик, исполинская историческая личность, о котором давно бы пора выпустить хорошую книгу в серии «Жизнь замечательных людей»; я же вынужден ограничиться беглами штрихами. Экономист, математик, историк, горный инженер, географ, лингвист, естествоиспытатель, этнограф, страстный собиратель старинных русских рукописных сокровищ, археолог, публицист, землеустроитель, философ, политик, просветитель, общественный и государственный деятель, дипломат, администратор, ученый-юрист и реформатор — автор примечательного проекта изменений в правлении Россией...

«*Практичность* во всем, — писала «Русская старина» почти сто лет назад, — и в делах, и в воззрениях, полное отсутствие идеализма, мечтательности и глубокое понимание сущности вещей, находчивость, умение всегда ко всему приноровиться, необыкновенно здравое и меткое суждение обо всем и тонкая здравая логика — вот отличительные черты интеллектуального и нравственного облика Татищева». Чтобы порельефней представить эту могучую фигуру, приведу некоторые факты, связанные с его деятельностью, обстоятельствами жизни и смерти. Знаток трудов Бэкона, Декарта, Лейбница, Гоббса, Локка, он участвовал как воин-ар-

тиллерист в штурме Нарвы, Полтавской битве и прутской кампании; этот специалист горнорудного дела открыл и по достоинству оценил немало редких манускриптов и в их числе ценнейшую «Русскую правду» Ярослава Мудрого — первый законодательный сборник нашего средневековья; побывал с различными важными государственными поручениями в Германии, Польше, Дании, Швеции, вывез оттуда множество книг; основал теперешний Свердловск, открыл уникальную железную гору, назвав ее Благодатью, — она два с половиной века снабжала сырьем уральские заводы; этот бывший астраханский губернатор *тридцать* лет трудился над своей «Историей Российской», беловой экземпляр которой погиб в пожаре, а часть уцелевших черновиков впервые увидела свет спустя восемнадцать лет после смерти автора; варианты этого феноменального труда с обширными комментариями были напечатаны еще через сто лет, и только революция сделала общим достоянием частные архивы, где хранилось немало рукописей В. Н. Татищева; после войны вышло первое подлинно научное издание его «Истории Российской». Отдав все силы служению родине, В. Н. Татищев, преследуемый всесильным Бироном и прочими недоброжелателями, значительную часть жизни прожил подследственным, подсудным и опальным, даже сидел в Петропавловской крепости, а последние двадцать пять лет, отстраненный от всех должностей, провел в деревне под Москвой... И вот настал час, когда он заказал себе гроб, поприсутствовал при рытье могилы и попросил священника, чтоб завтра тот приехал приобщить его. Курьеру, прискакавшему в тот день из Петербурга с указом о прощении и орденом Александра Невского, вернул орден за ненадобностью. Назавтра он дал последние наставления детям и внукам, принял священника и скончался...

Ежемесячный исторический журнал «Русская старина» летом 1887 года с горечью писал, что могила столь достойного сына отечества находится в крайне запущенном состоянии. Об этом же сообщил еженедельник «Литературная Россия» летом 1980 года... Стыдоба-то какая на весь белый свет! А ведь там, в десятке километров от Солнечногорска, и не требуется многого. Неужто всем за последнее столетие стало так уж неког-

да? Только я не верю, что среди нынешних московских студентов-историков, например, совсем не осталось настоящих русских парней...

Снова к вятичам, эпониму Вятко и подлинному историческому лицу Вячко. Полное имя Вячко или Вячека — Вячеслав. Однако что оно значит? Понятны современные, скажем, сербские имена Мирослав и Драгослав или русские Святослав, Владислав, Ярослав, Станислав; Ростислав и Всеслав из «Слова о полку Игореве» и даже прозвище, хотя и спорное по смыслу, «Гориславлич». Но что означает русское имя Вячеслав и его корень «вяч» или, например, чешское Václav и его корень «vác»?

А корни «вят» и «вяч», несомненно, близкие, но по каким законам они изменяют окончание и как это влияет на смысл при словообразованиях? Вопросы совсем любительские, почти праздные, и я подосадовал, что необходимость и даже возможность создания словаря корней отрицал величайший любитель и знаток русского слова Владимир Даль. Заглянув в его словарь, я нашел «вятку» — этим словом называли лошадь местной породы, выведенную в бассейне реки Вятки. А как этот замечательный знаток и толкователь русских слов, собравший их в своем бесценном словаре более 280 тысяч, в том числе и малоупотребительных, диалектных, местных, забыл слово «вятичи»?

Поразительно, даже не верится! «Вятичей» в «Толковом словаре живаго великорускаго языка» действительно нет, хотя Даль его употреблял в своих художественных произведениях, например, в «Оборотне»: «Вятичи нередко сильно тоскуют по своей родине...» И совсем уж огорчило и почти обезнадежило меня высказывание В. И. Даля насчет словаря корней: «Корнеслов... это труд неблагодарный и часто бесполезный, выводы таких розысканий бывают более плодом увлечения, чем открытых истин; каким образом одно слово вырастало из другого, а тем более на первоначальном корне своем, этого никто не покажет».

Ладно, и я не покажу, но корни эти почему-то застряли в моей памяти и прорастали воспоминаниями. Однажды вспомнилось, как в детстве подселились к

нам на Тайгинскую улицу вятские — здоровые мастеровые мужики, быстро поставившие на задах наших огородов крепкие дома. С ребятишками-новоселами мы сразу подружились, охотно играли в новые игры, привезенные ими, целыми днями вместе пропадали в лесу и на речке Березовке. В детских ссорах мы дразнили их «вятскими», они нас «чалдонами», и я еще вспоминаю, как древний старик, разнимая драчунов, добродушно приговаривал:

— Мы, вячкие, робята хвачкие — семеро одного не боимся!

Но, может, я за давностью лет забыл, что именно так в народной речи звучало это слово — «вятские»? Звоню московскому писателю Андрею Блинову, зная, что родом он из вятских краев.

— Да, да! Именно так,— подтвердил он.— Только в нашей деревне говорили по-другому: «Мы, вячкие, робята хвачкие: семеро на одного — не боимся никого, а один на один — все котомки отдадим!»

— Крепкий народ, если умеет так шутить над собой.

— И еще. Плывут на плотах, а с берега им кричат: «Эй, что за люди на плотах?»—«Мы не люди, мы — вячкие!»

— Вот это хватанули... А какая река течет у твоей деревни?

— Лудяна, и в нее тут же впадает Березовица. А что?

— Да так, знаешь, любопытствую... Спасибо.

Потом звонил всем знакомым Вячеславам, в том числе трем писателям. К сожалению, никто из них не знал смысла первого корня этого составного имени. Один предположил, что, может, он идет от «веча» или «вещать», потому что по словарю имен значится и «Веческав», другой — от «вещий», «ведать», третий, сославшись на свой разговор с покойным Алексеем Юговым, уверял, что зовут его «Вечнославным», только все это было слишком приблизительно и фонетически малооправданно, однако счастливо-случайно дало толчок новому любительскому поиску! Мне вдруг припомнилось, что существовало в старорусском языке слово «вящий», употребляемое иногда и сейчас. Беру того же Даля и смотрю подробное толкование. «Вящий... больЬ

ший, величайший, наибольший, высший, по силе, величине, власти... *Вящие люди...* большие, передние, знатные, сановитые, богатые, с весом».

Стоп. Ведь у меня на полке стоит еще «Успенский сборник», ценнейший ранний памятник старорусского языка и литературы! Этот, как сообщается в предисловии, «самый древний памятник восточнославянской письменности», состоящий из оригинальных произведений средневековой русской и южнославянской художественной литературы, единственный рукописный экземпляр которого был обнаружен в книгохранилище кремлевского Успенского собора в середине прошлого века, представлял собою тяжелый фолиант, взятый в переплет из досок, обтянутых кожей. Полное типографическое его воплощение, содержащее более *восьмидесяти* печатных листов — почти восемьсот страниц убористого шрифта!— вышло в 1971 году, и я сразу же схватил его в «Академкниге». «Успенский сборник» интересен для меня особенно тем, что он ровесник «Слова о полку Игореве», то есть составлен и написан, как это определил скрупулезный научный палеографический, исторический и филологический анализ, на рубеже XII—XIII веков, и он помогает мне кое-что понять в волшебной словесной вязи «Слова»...

На первых же страницах «Успенского сборника» значится имя Вячеслава, а по всей книге множество «вящих» слов, таких, как «вящьши», «вящии», «вящьшаго» и т. д., только на месте «я» во всех этих словах значится давным-давно исчезнувшая тридцать шестая буква старославянского алфавита — так называемый «юс малый», означающий тоже давно утраченный в русском языке, но сохранившийся в польском, гласный звук «е» носовое...

Вспомнилось вдруг, что в какой-то летописи читал я о возмущении непосильным золотоордынским гнетом новгородских «черных» людей, а *вятшии* люди во главе с князем усмирили их. Отсюда уже стало совсем недалеко до вятичей, некогда, как мне вдруг подумалось, превосходивших родственные племена «по силе, величине, власти»!

Наверное, все это слишком неинтересно далекому от филологии читателю? И я в попутных своих поисках натолкнулся на огорчительное для меня высказывание

Н. Г. Чернышевского: «Человеку, который не намерен делаться филологом, санскритский язык не принесет ни малейшей пользы. Еще менее пользы приобретает он, научившись различать большой юс от малого». Однако мы скоро увидим, что наш малый юс принесет нам большую пользу, поможет вскрыть одну изумительную, великую историческую истину!

В этимологическом словаре русского языка, выпущенном перед революцией другим замечательным словолюбом А. Преображенским, преподавателем 4-й Московской гимназии, не только приведены соответствия слову «вящий» в старославянском, словенском, болгарском, сербском, чешском, польском, верхне- и нижнелужицком, исчезнувшем полабском языках, но и нашлось совсем нежданное—этот общеславянский корень, оказывается, полуобразует старославянское имя Вяштеславъ, где вместо «я» тоже значится «юс малый», и русское Вячеслав, что значит, очевидно, «великославный», «многославный», «достославный», «славнейший», современным книжным словам «вящий» и «вяще» (больший, больше) в старорусском соответствовали, в частности, «вятшии», «вячьшии» и «вяче». А сходному чешскому имени Váceslav соответствует польское Vaclav и латинское Venceslaus с его первокорнем «Venc»... Сюда же в моей памяти подстроился ряд слов, означающий главного славянского бога — Святовида-Световита-Свантевита, которому поклонялись руяны и другие племена славян, жившие на острове Руян (Рюген) и Балтийском побережье.

Однако все это было, по Далю же, всего лишь «плодом увлечения», а мне хотелось найти авторитетное научное объяснение, «каким образом одно слово вырастало из другого, а тем более на первоначальном корне своем». Не нашел даже подтверждения догадке, но почему-то никогда не забывал о ней, досадливо сетуя при бессоннице на свою филологическую беспомощность, но вдруг один счастливый случай нежданно вернул меня к этим корням-мучителям «вят», «вяч» и «вящ».

И главная, вящая находка пришла, как это ни странно, через мой давнишний интерес к «Слову о полку Игореве»! В бессмертной этой поэме я, как и многие другие любители, помню чуть ли не каждое слово

и разные значения многих одинаковых; слово «старый», например, употребляется четырежды, и всякий раз в новом смысле! В тексте нет «вятичей», зато есть замечательное словообразование «русичи», нет слова «вящий», есть «вещий», только мне помогли не эти и вообще даже не исходнославянские слова поэмы. Первопричиной находки стали заимствованные слова восточного происхождения.

Много лет я собираю издания «Слова», какие могу найти, ищу любую книгу и публикацию о нем — покупаю, выменииваю, с сердечной дрожью принимаю в подарок, досаждаю авторам, выпрашиваю редкости во временное пользование и не дошел еще разве только до воровства и сквалыжного зажиливания. Когда я взял в руки книгу Менгеса «Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» (М., 1979), то никак не предполагал найти в ней то, что так давно искал. Немецкий филолог Карл Генрих Менгес, родившийся в 1908 году, — большой знаток «Слова о полку Игореве», русского и превеликого множества других языков. Он учился в трех немецких университетах и МГУ, жил в Чехословакии, Турции, Америке, много раз бывал в нашей стране, изучая средневековые русские рукописи, культуру и языки восточных народов. В его книге использованы лексические пласты языков, в сущности, всей Евразии — от ирландского до японского, от нганасанского до тамильского. Почти невообразимый языковой космос величайшего из материков открывается в его работе! Предполагаю, что многие читатели даже никогда не слышали о самом существовании некоторых языков, которыми оперирует ученый. Перечислю, к примеру, только языки, которые привлекает Менгес в своем сравнительном филологическом анализе, чтобы разобраться в происхождении такого обыкновенного слова, как «телега»: протомонгольский, древнемонгольский, письменно-монгольский, современный монгольский, халхасский, ордосский, монгорский, китайский, древнерусский, сербохорватский, словацкий, древневолгобулгарский, арабский, венгерский, румынский, туркменский, якутский, орхоно-енисейский, древнеуйгурский, кашгарский диалект уйгурского, чувашский, восточноболгарский, чагатайский, куманский, аккадский, шумерский, караимский, бурятский, турецкий, болгарский, чешский,

армянский, персидский, сибирскотюркский, тувинский, маньчжурский, тунгусский, эвенкийский, эвенский, нанайский, ульчский, негидальский, аварский, орочский, тамильский, общесемитский, корейский, алтайский, русский, малаям и каннада...

И вот в авторском очерке ранней истории славян, открывающем книгу, я впервые увидел рядом корни «вѧтъ» и «вѧщ», напечатанные старославянским шрифтом. Близкие по своему древнему происхождению, принадлежности к одной языковой европейской семье и географическому району, написанию и звучанию, они сближались авторитетнейшим филологом-этимологом и по смыслу. Давно я так не радовался! Однако в этом же большом абзаце специального историко-филологического текста со ссылками на древнегреческие, санскритские, осетинские, арабские, персидские и т. д. слова содержалось еще нечто совершенно сенсационное, чем я спешу поделиться с читателем, если он не устал от путешествия по дебрям корнесловия.

Заглянем перед этим на минутку в Древнюю Грецию и Рим, где образовалась начальная европейская письменность и наука. Знаменитый древнегреческий историк и путешественник Геродот, живший в V веке до н. э., первым из ученых мужей Средиземноморья побывал на юге нашей страны и писал о скифах, в том числе и оседлых, земледельческих. «Скифы-пахари Геродота, — считает К. Г. Менгес, — могли быть славянами, поскольку скифы в согласии с типичными чертами, какие им приписываются, были настоящие кочевники степей, а не оседлые земледельцы». Обширной и убедительной аргументацией недавно подкрепил этот вывод ведущий советский археолог и историк Б. А. Рыбаков в своей работе «Геродотова Скифия» (М., 1979).

Прошло пятьсот лет. Естествоиспытатель-энциклопедист Плиний Старший, задохнувшийся в 79 году новой эры ядовитым дымом Везувия, оставил людям феноменальный тридцатисемитомный труд «Historia naturalis», где впервые упоминается о *венедах,* бесспорных предках славян. Через двадцать лет после смерти Плиния написал о *венетах* другой великий римский ученый Публий-Корнелий Тацит, а в следующем, II веке —

александрийский астроном, географ и математик Клавдий Птолемей в своем трактате «География».

И еще мы вправе попутно вспомнить римского императора и философа Марка Аврелия, который вел затяжные войны с разными народами на северных границах империи — квадами, маркоманами, сарматами и, как сказано в БСЭ, «др.». Среди других были, очевидно, и предки славян. И тут я должен вернуть читателя к уже известному нам Гржиму. Дело в том, что у меня в руках оказалось интересное письмо ленинградского ученого-ботаника Алексея Григорьевича Грумм-Гржимайло, сына знаменитого путешественника, отправленное 30 января 1966 года своему двоюродному брату московскому ученому-металлургу Николаю Владимировичу Грум-Гржимайло и возвратившее меня к истории их рода... А. Г. Грумм-Гржимайло был человеком точного, достоверного знания, и я, прочитав все его книги, снабженные, как правило, солидным справочно-научным аппаратом, убедился, что ему можно верить на слово.

«Впервые Гржимали вышли на историческую сцену во II веке нашей эры. К северу от границ огромной Римской империи на территории Средне-Дунайской низменности находилась древняя Паннония, населенная тогда в основном вендами, т. е. славянами, относившимися к западной славянской ветви. В Паннонии на берегу Дуная стояла крепость Виндебож или Виндебон, как ее называли римляне. Под защитой толстых каменных стен этой крепости были сооружены древние храмы с идолами, которым поклонялись славяне этой области. Виндебож (впоследствии Вена) занимал господствующее положение на Дунае. Кто владел этой твердыней, тот и мог пользоваться бассейном Дуная для торговых и другого рода сношений. Римляне всячески старались завладеть этой крепостью и в 167—180 гг. н. э. вели упорные бои за Паннонию и ее главную цитадель. Командовал римской армией сам император Марк Аврелий. Ему удалось сдержать натиск «северных варваров», но овладеть Виндебожем он не смог и в 180 году умер под его стенами.

Защищал эту крепость вендский вождь или рыцарь, получивший прозвище «Гржимала». Гржим — это древнейший славянский корень, выражающий понятие

«гром», а в переносном смысле — «сила», «победа». «Гржимала» — прилагательное от слова «гржим» и было употреблено в смысле «победивший» и «разящий». На гербе, которым ты интересуешься, изображена крепость Виндебож, а не «гроб господень», как ты пишешь, и рыцарь, стоящий в воротах в шлеме, со щитом и мечом на ударе, — это и есть наш родоначальник Гржим или Гржимала»...

А жившие среди других народов на Днепре, быть может, будущие поляне на заре нашей эры торговали с далекими народами и государствами, о чем предметно свидетельствуют многочисленные клады римских монет I—IV веков, найденные при археологических раскопках киевских холмов. Приближался час основания средневековой столицы полян ее легендарными летописными героями — братьями Кием, Щеком и Хоривом, их сестрой Лыбедью, по имени которой будто бы названа речка Лыбедь, текущая в черте Киева, 1500-летие коего отмечается в 1982 году одновременно с 1100-летием образования первого многонационального средневекового русского государства...

Оставим пока легенды, мифы, археологические находки, топонимику, юбилеи; обратимся снова к науке, к венедам и вятичам.

Сижу, пишу подряд слова: венеды-венеты-венды-винды-Виндебож-Вена-Венеция-Венцеслаус-Вацлав-Вечеслав-Вячеслав-Вячко-Вятко-вятичи... Безусловно, между этими этнонимами, географическими названиями и именами есть семантическая общность, связующий смысл! И если в корневой основе всех перечисленных слов лежит понятие «большой», «великий», то венеды и вятичи точно вписываются в общую этнонимическую и общественную историю народов Земли! У многих народов, отставших в общественном развитии, как считают этнографы, сегодняшние самоназвания означают поначалу, например, «женщина» (группа австралийских аборигенов «галинья»), затем «мужчина», «человек» (кеты, ненцы, нивхи), потом «люди» (саами), и, кстати, подобные понятия-этнонимы лежат в основе самоназвания немцев Deutsche (от древнего diot, diota) или тюрков. А союзы племен на границе перехода к классовому обществу и государству образуют новые этнонимические слова-понятия — «франки» («свободные»), «саксы» («то-

варищи по оружию»), алеманы (южные германцы, «все люди»), венеды, венеты, вятичи («большие люди», «великое племя»)... Следовательно, и у славян, как у других племен Европы, в позднеантичные времена шел процесс становления военной демократии, новой эпохи социального развития, и ни тогда, ни позже, в средневековье, они по своей общественной организации не стояли ниже или выше соседей. И как же я радовался, когда к моим любительским предположениям прибавилось точное знание, научное подтверждение догадки! Замечательный немецкий ученый К. Г. Менгес доказывает, что племенное название венеды (венеты) есть искусственная латинизация патронима, образованного от корня «вѧт» (читаемого, повторюсь, как «вэнт», только с носовой, гнусливой «н».— *В. Ч.*) и соответствующего латинскому vent, что означает «большой» в сравнительной степени! Наверное, стоило нам с вами, дорогой читатель, свершить это попутное филологическое путешествие, в котором мы узнали, что средневековые вятичи — потомки древних славян-венедов?

И еще у нас есть «Слово о полку Игореве»!.. В бездонной глубине его смысла таится важное звенышко цепи времен, поражающее фантастической прочностью народной *исторической памяти.* После поражения князя Игоря, когда «на реке на Каяле тьма свет покрыла», «по Русской земле простерлись половцы, точно выводок гепардов» и «снесеся хула на хвалу», то есть «пал позор на славу», — «готские красные девы на берегу синего моря, звоня русским золотом, *поют время Бусово...*». Бус, по-гречески «бык», он же Бооз и Бож — царь и военачальник племенных объединений славян (антов), казненный готами в IV веке вместе с семьюдесятью другими вождями родственных племен. *Восемьсот* лет жило воспоминание об этом трагическом событии у незлопамятных наших предков, полторы тысячи лет назад имевших какие-то зачатки государственного единения, созданного, очевидно, в связи с агрессией сильного врага. Автор «Слова», участник битвы на Каяле, не видел и не слышал, конечно, летом 1185 года крымских готских девушек, *это он напомнил* о гибели Буса!..

Правда, есть ученые, которые крепко сомневаются в столь глубокой памяти наших предков и, несмотря на очевидность факта, соответствующим образом комментируют это место в «Слове о полку Игореве». Но ведь существует аналогичный бесспорный факт! Еще сегодня живут на Земле народности и племена, пребывающие на родо-племенной стадии развития, которые помнят имена своих предков в двадцатом-тридцатом поколениях, даже не связывая их с громкими событиями, подобными казни Буса...

А около 550 года нашей эры раннесредневековый хронист Иордан Мезогот довольно подробно рассказывает о славянских племенах, которые «...исходя из одного корня... произвели три имени, то есть венетов, антов, склавен», живущих на главных междуречьях юго-восточной Европы. «Внутри них (то есть между рек) находится Дакия, огражденная крутизною Альп наподобие венца, вдоль левой стороны которых, там, где они поворачивают на север, от истока Вистулы на безмерном пространстве расселился многолюдный народ венетов. Имена их могут ныне меняться в зависимости от родов и мест, однако в основном они называются склавены и анты. Склавены обитают от города Новиетунум и озера, которое называется Мурсиан, вплоть до Данастра (то есть Днестра) и на север до Вислы: там имеются болота и леса вместо городов. Но там, где изгибается Понтийское море, анты — самые могучие среди них — распространяются от Данастра до Данапра (то есть Днепра); эти реки отстоят друг от друга на много привалов (пути)».

Итак, в подлинном историческом сочинении середины VI века н. э. снова упоминаются венеты в связи с их северо-западными соседями — готами, прагерманцами. Известно также, что славяне — *венды* (винды) жили в средневековье на Балтийском побережье и, согласно исландским сагам, на них ходил викинг Хакон...

Еще одна важная для нашей темы работа! Опираясь на филологический анализ и труды средневековых авторов, советский исследователь Г. А. Хабургаев подбирает к этнониму «венеты» новые, так сказать, северные языковые ключики и... приходит к результату, идентичному выводам Менгеса! В своем научном труде «Этнонимия «Повести временных лет» (М., 1979) он

пишет: «Venetae Иордана, Wenden и Winden немцев, Venät диалектное финское позволяет реконструировать для этого наименования исходный корень vent>·vet-, который у восточных славян мог дать только «вѧт», что и лежит в основе сближения позднеантичного и средневекового этнонима *венеты* с восточнославянским этнонимом *вятичи*».

Миновало после Иордана Мезогота еще почти пять веков, и потомков древних венедов, вятичей, то есть «великих», «людей большого племени», христианизация догнала в бассейне Оки.

Предыдущие страницы были уже напечатаны в журнале, когда я из очередной беседы с археологом Татьяной Николаевной Никольской узнал, что до нее, посвятившей всю свою жизнь раскопкам вятчских городов, на этом огромном археологическом поле работали многие, причем первые научные раскопки произвел еще в 1838 году А. Д. Чертков. Снова закопавшись в кучу старых и новых книг по истории и археологии, я обнаружил один совершенно нежданный факт, обливший душу давним теплом... Декабристы! Кажется, нельзя шага ступить без их присутствия, если направляешься в прошлое своего народа...

Юный Никита Муравьев, будущий автор проекта декабристской конституции, оказывается, интересовался «сынами славы»— древними славянами, и у него, основывавшемся на «Древней российской истории» Михаила Ломоносова, были самостоятельные поиски следов наших предков в истории Европы, об их демократическом строе и военном могуществе. В 1815 году он выписывает из Прокопия фразу: «анты и славяне не имеют царя, но имеют народное правление». Когда же вышел из печати первый том «Истории государства Российского» Карамзина, Н. Муравьев легко обнаружил, что официальный государственный историограф использовал далеко не все древние источники. Будущий декабрист свободно владел греческим и латинским языками и нашел немало работ античных авторов, совершенно не замеченных Карамзиным. Основываясь на «Сатур-

налиях» Макробия, «Всеобщей истории» Полибия и других, Никита Муравьев писал, что галлы, германцы и прочие европейские соседи славян в те времена тоже были варварами. Современный исследователь С. С. Волк нашел в архивах эти неопубликованные записи будущего виднейшего декабриста. Историк, в частности, пишет: *«Особенно ценны для того времени собранные Н. Муравьевым известия о венетах»,* которые «трижды оказывали услуги республиканскому Риму в моменты опасности» (Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.— Л., 1958, с. 310).

А несколько позже я убедился, что мое любительское корнесловное путешествие от имен Вятко, Вячко, Вячеслав, Venceslaus к венетам и вятичам, независимые друг от друга филологические изыскания К. Г. Менгеса и Г. А. Хабургаева о связи между венетами и вятичами — в какой-то мере повтор пройденного, и я непременно должен вспомнить здесь одного из самых славных подвижников русской науки — Алексея Александровича Шахматова, человека исключительных дарований и работоспособности. Ему было всего *двенадцать* лет, когда он попал с дядей в библиотеки Мюнхенского и Лейпцигского университетов, где зачитывается сочинениями Страбона, Помпония, Мэлы, Птолемея, написав родным: «Я теперь не буду ссылаться на Карамзина и Соловьева, которые сами ссылаются на Страбона. Я теперь могу собственным трудом достигнуть имени историка, не трудами Карамзина и Соловьева». Интерес к истории, преимущественно к древней истории своего народа, сменился всепоглощающим интересом к языкам и русскому слову. Подросток изучает санскритский, персидский, арабский и многие другие восточные языки, видя в них добрых помощников для историка. Когда ему минуло пятнадцать лет, пишет: «Филология — это наша жизнь, жизнь древнего нашего предка Ария, жизнь и наша»...

Выдающийся языковед и историк А. А. Шахматов (1864 — 1920) создал капитальные работы по истории средневекового и современного русского языка, народным говорам, провел глубокие исследования русского летописания, открыл для науки Ермолинскую, Симеоновскую и другие летописи, руководил изданием «Полного собрания русских летописей», создал Диа-

лектологическую комиссию, в течение нескольких десятилетий достойно руководя русской филологической наукой. Так вот, в работе «Древнейшие судьбы русского племени», изданной в Петрограде в 1919 году, которая мне, к сожалению, стала известна позже свежих книг Менгеса и Хабургаева, А. А. Шахматов, основываясь на *арабских и хазарских* источниках, а также на летописном сведении о том, что вятичи пришли «от ляхов», пишет в основном тексте: «Остановлюсь... на самом имени вятичей: у арабско-персидского писателя Гардизи оно звучит... Вантит (Vantit). Появление ан, т. е. естественной передачи носового е в этом имени, объясняю себе тем, что вятичи, как ляшское племя, называли сами себя Wetic,— между тем как соседние с ними славяне произносили Wjetič: носовой звук воспринят как ан (или ен?) хазарами, откуда Vantit Джейхани и Vuntit хазарского царя Иосифа». А в примечании говорит об Артании из арабских источников IX в., называвших Артанией одно из трех главных русских племен с их городом Арта, и сближении этих названий чешским ученым Л. Нидерле с античными антами, хотя имя антов ко времени путешествий арабов в раннесредневековую Русь исчезло из истории. «Я тоже думаю, что между Арта, Артания, с одной стороны, Vantit, с другой, есть связь; но связь эта совсем иная, чем думал Нидерле: Vantit — это вятичи, а Артания это Эрдзянь, откуда Рязань; Рязань, как мы видели, стал городом вятичей (ср. комментарий позднейших летописцев: вятичи, т. е. рязанцы)».

Но ведь Рязань основана в конце XI века, и где же *здесь* венеды (венеты) как предки вятичей? Несколько раньше ученый упоминает о них в связи с трудами известного нам Иордана: «Венеты (Venetarum natio) обитают на левом, обращенном к северу склоне гор, окаймляющих Дакию (т. е. Карпаты), и простираются на огромные пространства, начиная с истоков Вислы». Упоминается также рассказ Иордана о походе в страну антов Винитара, имя коего известный немецкий археолог И. Марквардт сближал с племенным названием венетов, но сам А. А. Шахматов в этой своей работе сделал следующий вывод: «Все, что мы знаем об антах, с совершенной ясностью ведет нас к признанию их восточными славянами, следовательно, предками

русских». Однако венеты предками вятичей в работе не назывались! И это была последняя опубликованная книга великого русского ученого — через несколько месяцев он скончался в голодном и холодном Петрограде, напрягавшем силы для защиты революции...

Только еще позже, углубляясь в историю вятичей, напал я на новый след. Вспоминаю еще один разговор с археологом Никольской.

— Археологический материал, связанный с вятичами, огромен,— сказала она.— Ведь десятки ученых раскапывали их курганы и городища.

— А какая ваша работа была наиболее разультативной?

— Каждая раскопка дает что-то новое или подкрепляет старое... Об одной из них могу кратко рассказать. Работала я там с 1959 по1967 годы.

— Десяток лет на одном объекте!

— Нет, всего девять,— уточняет Татьяна Николаевна.

— Где это место?

— На западе Орловской области, недалеко от ее границы с Брянской, в Шаблыкинском районе. Городище расположено на берегу реки Навля, по соседству с деревней Слободка.

— Что за город был?

— Он еще точно не определен. Высказала я предположение, что это Болдыж, но со мной соглашаются не все...

В 1146 году великий князь киевский Изяслав Мстиславич во время междоусобной войны начал преследовать отца князя Игоря Святослава, который «побежа из Новгорода (Северского) к Корачеву», в глубь вятичской земли. И вот Изяслав, согласно Ипатьевской летописи, «поеха на Севско и на Болдыжь, просте бе бо ему поуть Корачевоу».

У меня есть самодельная карта вятичских городов, составленная по летописям, и в том районе на пути из Новгород-Северского на Карачев значатся три летописных города — Севск, Кром и Болдыж.

Севск до сего дня значится на карте Брянской области, Кром не упоминается на пути основного маршрута Изяслава и стоял в стороне — это современные

Кромы на Орловщине. А вот Болдыж не возобновился, исчез с лика земли.

— Мы сразу же обнаружили, что город погиб окончательно — поверху пожарища нет никакого культурного слоя. Население издавна находило там разное оружие, дети однажды подняли со дна реки Навли кольчугу...

— Когда город погиб?

— Не позже середины XIII века — это мы датировали точно.

— Большой?

— Для тех времен приличный — гектаров сорок. Детинец я весь раскопала — около пяти тысяч квадратных метров...

Скорее всего, этот неизвестный пока город погиб во время второго набега орды вместе с Черниговом, Новгород-Северским и Глуховом — он находился в легкодоступной для конницы лесостепной зоне по пути Субудая и Бурундая на запад.

— Раскопала я остатки башен и стен, причем хорошо сохранилось до семи венцов обгоревших бревен десятиметровой длины. Выявились крепостные сооружения, хозяйственные постройки. Очень важная находка была — большой клад серебряных изделий, свидетельствующих о высоком мастерстве вятичских ювелиров. Два полукруглых котла с чернью, два браслета, серебряная шейная гривна, а также иконка с надписью, бронзовая лампада, писало, книжные застежки... А под слоем пожарища — сплошные скелеты защитников города! Двое погибли рядом с оружием в руках и в шпорах.

— Кто еще до вас раскапывал вятичские города и курганы?

— Многие. Булычев, Спицын, Арциховский, до которого было раскопано уже около тысячи вятичских курганов.

— Вы знали Артемия Владимировича?

— Он мой учитель.

Это был великий археолог! Именно А. В. Арциховский нашел 26 июля 1951 года первую новгородскую берестяную грамоту. Его экспедиция начала работать в Новгороде в 1932 году, и вот через двадцать лет раскопок, находок важного и второстепенного, радо-

стей, разочарований, едва теплящихся надежд — великое открытие! В тот сезон было найдено еще девять грамот, и А. В. Арциховский вскоре написал: «Чем больше будут раскопки, тем больше они дадут драгоценных свитков березовой коры, которые, смею думать, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы». Ученый оказался прав...

— Скажите, Татьяна Николаевна,— задал я важный для меня вопрос.— Не слышали ли вы от покойного Артемия Владимировича, что вятичи — потомки венетов?

— Он ничуть не сомневался в этом. И даже писал на эту тему. Посмотрите его «Курганы вятичей»...

Книжка эта напечатана в 1930 году в Вологодской типографии тиражом всего в тысячу экземпляров, ни разу с тех пор не переиздавалась. Но в Историчке она есть, и вот эта библиографическая редкость у меня в руках. Двести с небольшим малоформатных страничек. На скромной обложке изображено семилопастное височное кольцо — ювелирное украшение, которое носили только вятичские женщины. Количество использованных в книге научных работ предшественников — девятьсот двадцать две, проанализирован археологический материал из сотен раскопанных курганов. Чтобы читатель в какой-то мере представил себе объем проделанной А. В. Арциховским работы и попутно познакомился с находками в курганах, с богатством и разнообразием, в частности, вятичских женских украшений, приведу неполный их классификационный список.

Браслеты медные витые: тройные, четвертные, 2×3, 3×3, 2×4, 4×3, завязанные; ложновитые: тройные, ложнозавязанные; круглопроволочные: разомкнутые, сплошные, загнутоконечные, толстоконечные, точеноконечные, квадратнопроволочные; плосковыпуклые: разомкнутые, сплошные, ложнозавязанные; пластинчатые: загнутоконечные, эсконечные, тупоконечные, завязанные, зубчатоконечные, овальноконечные, клиноконечные, ушастоконечные... А кроме того медные четырехгранные, плетеные и кольчужные различных типов; стеклянные, биллоновые и серебряные разных

способов изготовления, форм, сечений. Бусы всевозможных форм из вятичских и примыкающих к их земле кривичских городов и курганов — стеклянные, сердоликовые, хрустальные, аметистовые, биллоновые, серебряные, шиферные золотостеклянные, серебростеклянные, черно-белые мозаичные, лепестковомозаичные, зеленостеклянные, желтостеклянные, черностеклянные. Далее идут разнообразнейшие височные кольца и под конец — перстни шестидесяти разных групп, видов и типов!

Кроме известных ранее, А. В. Арциховский перечисляет двадцать вятичских городов, упомянутых только в летописных известиях XII века: Блове, Воротынск, Девягорск, Дедославль, Домагощ, Карачев, Козельск, Коломна, Колтеск, Кромы, Любыньск, Москва, Мценск, Новосиль, Пронск, Свирельск, Серенск, Тешилов, Трубеч, Ярышев... И вот оно то, что я искал!

«Самое имя «вятичи», как блестяще доказано А. А. Шахматовым, происходит от древнего названия славян «Венто». Римляне сделали из этого названия, как известно, венедов, и Тацит так называет славян. Отсюда же происходит племенное имя вендов. Из «венто» приставкой обычного для славянских племен суффикса получается «вентичи». Носовый звук «ен» обозначается, как известно, в славянской транскрипции через юс малый и переходит с сохранением этой транскрипции в «я». Так «вентичи» превратились в «вятичей». А. А. Шахматов не сомневается, что «Vantit» у Гардизи, «Vaji» у Ибн-Руста, «Wuntit» у царя Иосифа, «Vabnit» у персидского анонима — все это соответствует вятичам».

Очень хорошо, но где все же А. А. Шахматов связывает венедов и вятичей одной цепочкой? У Арциховского есть ссылка не только на упомянутую выше последнюю работу замечательного русского филолога, где, как мы убедились, не утверждается прямой связи между этнонимами «венеды — вятичи», но и на более раннюю, опубликованную в малоизвестных и малодоступных Известиях Академии наук — VI серия, № 16 за 1907 год. Надо искать!

В основном тексте тоже ничего нет о венетах-вя-

тичах, но вот примечание, набранное микроскопическим шрифтом: «Имя вятичей сопоставляется с Vento — основною формой, к которой восходят названия Венеты, Vindir и т. д.». Далее следует ссылка на работу русского профессора-германиста Ф. А. Брауна, у которого я нашел ссылку на известного словацкого славяноведа Павла Шафарика... Дальше я не пошел, и без того лишний раз убедившись, что новое — это хорошо забытое старое...

Стою пред Козельским крестом, вытесанным из каменного языческого бога, и пытаюсь вообразить себе далекого предка, некогда так же стоявшего над этой жиздринской кручей...

Вятичи дольше всех восточных славян сохраняли свое племенное имя. Поляне последний раз упоминаются в 944 году, древляне в 990, словене в 1018, кривичи в 1127, дреговичи в 1149, радимичи в 1169, северяне — за два года до знаменитого похода князя Игоря, в 1183-м, но в Игоревом Слове они, как и другие племена-сородичи, уже не значатся. Вятичи, жившие без князей и дольше других самоуправлявшиеся древним народовластием и старейшинами, в последний раз названы летописцем по своему племенному имени в 1197 году.

Заглянем на минуту в историю середины XII века. В 1146 году разразилась большая междоусобная война — князья черниговские, смоленские и киевские пошли на отца Игоря, северского князя Святослава Ольговича, которому в XII веке принадлежала земля вятичей. Черниговские Владимир и Изяслав Давыдовичи, придя с войском сюда, как пишет В. Н. Татищев, «созвали старейшин и говорили о Святославе, что он Вятич не любит и разоряет, яко не свою область, чтоб его они поимали или убили, а имение его все себе разделили. На что им старейшины Вятич отвечали: «Вы наши все государи и нам равны. Кто нами владеет, тому мы верны и покорны, не взирая на милость и немилость, рассуждая, что бог вас над нами определяет. И не без ума, по апостолу, меч в наказание винным, а отмсчение злым носите. А руку на господина своего поднять не можем, и никогда того в нас и в праотцех наших не бывало». На полях своего сочинения замечательный историк отмечал конспективно самые важ-

ные летописные события. Против этого места значится: «Вятич умный ответ».

А летом 1147 года отец князя Игоря приехал с сыном Олегом в гости к своему союзнику Юрию Долгорукому. Кровавое и страшное даже по нравам тех времен событие предшествовало этому гостеванию — Юрий убил своего тысяцкого Кучку в его селе, завладел вдовой-красавицей, а дочь убитого выдал за сына Андрея. Святослав погулял на свадьбе и отбыл домой под перестук топоров — тем летом Юрий на берегу Москвы-реки, «полюбя же вельми место то», начал строить город, которому суждено было сыграть особую роль в русской и мировой истории.

Следующая половина тысячелетия была наполнена огромными событиями на всей планете, и соразмерно этому масштабу жила Москва. Нашествия с востока, севера, запада и юга на весь славянский мир породили великий многовековой подвиг потомков венедов и вятичей — москвичи, калужане, рязанцы, туляки, орловцы, тверяки, смоляне, владимирцы, костромичи, нижегородцы, ярославцы, вологодцы образовали этническое ядро великорусской нации, создавшей вокруг Москвы вместе с потомками других восточнославянских племен могучее государство. Они сбросили чужеземный гнет, неудержимо устремились на восток, к Великому океану, вышли к морям изумленной Европы...

34 Вернемся, однако, к лету 1147 года, когда Святослав Ольгович возвращался через землю вятичей на свою отчину, и вспомним некоторые подробности. Святослав, «перешед

Оку, ста», потому что умер его «добрый старец Петр Ильин, иж был муж отца его, уже от старости на коне не може идти, бе бо лет за 90». Не от этого ли Петра Ильина — через отца, мать, старших братьев или такого же доброго старца — перешли к Игорю Святославичу «преданья старины глубокой» и бывальщины о деде его Олеге Святославиче? Зачем было Святославу брать с собою в столь дальний и тяжкий путь человека, родившегося, быть может, еще при Ярославе Мудром, сыне Владимира Крестителя и Рогнеды, умудренного свидетеля стародавних событий и хранителя родовых тайн? Не для того ли, чтоб он пел на свадьбе славу князьям «старым» и новым?

А между Москвой и Окой, как сообщает В. Н. Татищев, Святослав Ольгович прошел через два города вятичей — Любск и Сыренск, во второй редакции «Истории Российской» названный почему-то Серенском...

В. Н. Татищеву можно доверять, но иногда не мешает и проверять его по летописным подлинникам. Любск в Ипатьевской летописи назван Лобыньском, и такой город историки действительно числят на Протве, а Сыренском и Серенском ошибочно поименован, кажется, летописный Неренск.

— Татьяна Николаевна! — говорю я археологу Никольской, раскопавшей древнее Дешевское городище и несколько средневековых вятических городов.— Неренск — это не...

— Нет, нет! Этот город пока не найден. И его не стоит искать на Серене, где стоял Серенск, называемый летописцами также Шеренском. *Наш город* определен еще до революции, село рядом с городищем и сейчас называется этим именем, ну а раскопки окончательно все подтвердили...

«Наш город»... Это сказано, наверное, потому, что мы с Татьяной Николаевной много о нем говорили. Но как археологические раскопки могут подтвердить название города, если не найдено на этот счет записи на камне или бересте? Современной науке известен археологический уникум — Райковецкое городище. Этот пока *единственный* полностью раскопанный средневековый русский город, погибший от нашествия орды, условно назван учеными, работавшими там с 1929 го-

да, по имени ближайшего села, что в Житомирской области, однако никто не знает, как он на самом деле назывался в XI — XIII вв.— ни летописи, ни былины, ни народная память, ни топонимика не сберегли его подлинного имени...

— А наш город?— спрашиваю я о поселении, до останков которого не смог доехать осенним бездорожьем.

— Он замечательно сохранился, конечно, с точки зрения археолога. Помню, как впервые мы пришли на этот речной мыс. Серена обтекает его, а с напольной стороны — представьте себе — до сего дня глубокий ров и вал...

И я представляю, как археологи, оглядевшись, ставят палатки, заваривают чай, достают лопаты, ножи, пинцеты, щеточки-кисточки, геодезические приборы, фотокамеры, планшеты, миллиметровку, намечают, с какого конца приступать, срезают первый двадцатисантиметровый слой и с волнением начинают перебирать его осторожными и чуткими пальцами. Это нелегкий, кропотливый и очень ответственный труд, потому что культурный слой, переработанный археологами, погибает навсегда, и никто в будущем его уже не восстановит, если даже придет сюда с самыми благими намерениями, совершеннейшими методами, орудиями и приборами, неограниченным запасом времени и средств.

Археология возникла одновременно с другими науками — впервые это слово употребил еще Платон в IV веке до н. э., обозначив им вообще науку о древностях. Даже очень краткое эссе о мировой или отечественной археологии заняло бы множество страниц, поэтому приостановлюсь лишь на том, что в ней ближе всего мне лично, или, верней сказать, поделюсь с читателем тем, что при моем многолетнем интересе к родной старине связалось в памяти и моих записных книжках-тетрадях с одним археологическим эпизодом, приключившимся больше ста лет назад на древней земле северян в Чернигове.

В России археологическое дело началось в XV веке с собирания старинного оружия, ювелирных и других ценностей в Оружейной палате Кремля; ныне это

крупнейшая и ценнейшая в мире систематизированная коллекция. А Петр I, которому мы стольким обязаны за новизну во всех сферах русской жизни, двумя своими указами узаконил археологическое дело и возвел его в ранг государственного. Этот работник на троне в 1718 году распорядился, в частности, собирать «в земле или воде... старые надписи... старое оружие, посуду и все, что зело старо и необыкновенно», а также «всему делать чертежи, как что найдут». А в 1739 году В. Н. Татищев составил и издал специальную археологическую инструкцию, кое в чем до сего дня не устаревшую. Общие сведения об археологии и ее развитии, множество подробностей любознательный читатель найдет в энциклопедиях, специальных и научно-популярных изданиях, я же поделюсь своим юношеским впечатлением о первом в жизни встреченном мною интереснейшем археологическом объекте.

В Чернигов я впервые попал в 1946 году, приехав к старшей сестре Марии, вернувшейся сюда с детьми из сибирской эвакуации. Муж ее погиб в первый год войны, а она жила, работая в военном госпитале медсестрой, в крайней бедности, как все мы тогда. Дети собирали дикий лук за Десной, а я все в эти летние каникулы работал на разборке черниговских руин, получая в конце каждого дня талон на право занять очередь за килограммом ячневой муки. И вот в одном из разрушенных районов города, неподалеку от Елецкого монастыря, основанного в XII веке, я увидел огромное земляное возвышение. Оно казалось еще большим оттого, что дома вокруг были снесены злодейской рукой врага — фашисты, отступая из Чернигова, планомерно взрывали квартал за кварталом, и на уцелевших стенах и руинированных останках домов, окружавших земляной холм, значилась белилами надпись: «Мин нет! Инструктор Стрелец»...

Черная Могила. В диаметре она была куда больше ста метров, в высоту показалась мне метров около пятнадцати, но потом я узнал, что она чуть пониже. Местные сказали, что в ней был похоронен в незапамятные времена основатель города князь Черный или Чермный, то есть «красный», «красивый». И не знаю уж, рыжеволосым он был или просто красивым, видным, если он вообще был. Кстати, Черное или — в ан-

тичности — Понтийское, а в раннем средневековье — Русское море получило основное, сегодняшнее свое название вовсе не из-за цвета его вод, как Белое, Желтое или Красное,— оно нашими предками, понимающими толк в красоте не меньше нынешних пляжников, прозывалось поначалу Чермным, то есть Прекрасным...

А теперь несколько слов об одном интересном человеке прошлого века, сведений о котором не найти в последних наших энциклопедиях, а в старых ему дана сдержанная, местами даже очернительная характеристика. Варшавский юрист Дмитрий Самоквасов был смолоду, наверное, и вправду слабым в своей основной специальности. Да и было ли время ею заниматься, если его снедала другая страсть! К тридцатилетнему возрасту только в Черниговской, Курской и южных губерниях Новороссии он раскопал более трехсот курганов и других средневековых захоронений! Пятьдесят восемь курганов вскрыл лишь у черниговского Троицкого монастыря и семьдесят три — в районе Белогорской пу́стыни.

Значение этой огромной работы было чрезвычайно велико. В общественной жизни России шла борьба патриотов и антипатриотов, не затухала ожесточенная полемика между норманистами и их противниками, которые с помощью бесспорных материальных доказательств пытались развеять мертвый дух норманизма. Витал тогда над головами ученых дух незабвенного Шлёцера, который еще в середине XVIII века промямлил в печати на своем немецко-русском научном жаргоне по поводу одной из археологических находок на Украине: «Новоруссия есть та земля, через которую все народы, переселявшиеся из Азии в Европу, не только проходили, но и останавливались в ней. Чего еще впереди не выроют из здешних курганов. Но все эти редкости не принадлежат туда, где говорится только о первых столетиях России».

И свою главную задачу Дмитрий Самоквасов видел в том, чтобы доказать или опровергнуть предположения, что в курганах и других захоронениях лежат свидетельства нашей, как он писал, «национальной древности». Каждый летний сезон он бросал службу, нанимал за свой счет рабочих, транспорт, покупал тару, сам копал слежавшуюся за тысячелетие землю,

безвозмездно передавая находки в государственные и частные хранилища. В 1873 году, когда его «частные средства были почти истощены», он приступил к главным работам на черниговской Черной Могиле.

Вспоминаю этот огромный искусственный древний холм, вокруг которого не раз я бродил за последние тридцать лет. Не очень представляю, как можно было без экскаваторов и буров, только лопатами и ломами добраться за лето до центрального подножия его, поднимая землю из глубоких стволов в плетеных корзинах с помощью примитивных блоков. За год до этого на Гульбище, приметном деснянском мысу, археолог раскапывал большой курган Болдиных гор между Елецким и Троицким монастырями. Копать приходилось наудачу, не зная, лежит что-нибудь внизу или все это пустая затея. И никакого открытия бы на Гульбище не состоялось, если б Московское археологическое общество и черниговское земство не дали тогда археологу по 300 рублей. Эти деньги, однако, были за сезон истрачены и, как вспоминал позже Дмитрий Самоквасов, «в1873, в 1874 и в 1875 годах раскопки были ведены мною на собственные средства». Подвиг! Однако ни в старых, ни в новых справочниках, рассказывающих о необыкновенных находках на Гульбище и в Черной Могиле, не воздается должного замечательному русскому археологу Дмитрию Самоквасову, о коем сегодня почти все забыли. Да разве ж только о нем одном? Как «не счесть алмазов в каменных пещерах», так не счесть в тысячелетней толще нашего народа истинных патриотов своей родины, «влюбленных,— по словам М. М. Пришвина,— в ту сторону прошлого, где открыты ворота для будущего», и за это дело готовых «зябнуть, голодать и даже вовсе погибнуть», не думая о признании своих заслуг современниками или потомками.

В звездном для Дмитрия Самоквасова 1872 году он сделал в Московском археологическом обществе доклад о том, что многочисленные городища на нашей земле — это останки городов раннесредневековой Руси. Он ссылался на многочисленные раскопки, собственные и своих единомышленников, на свидетельства летописей. Ведь в V веке князь Кий, согласно «Повести временных лет», закладывал города. И не только

на Днепре! «Идущю же ему опять, приде к Дунаеви, възлюби место и *сруби* градокъ малъ, хотяше сести съ родомъ своимъ и не даша ему близь живущии, еже и доныне наречють Дунаицы *городище* Киевець». Археолог со скрытой горечью вспоминал о том ученом заседании: «Из присутствующих на заседаниях ученых только граф Уваров (председатель археологического общества.— *В. Ч.*) высказался в пользу моего воззрения; г. г. Погодин, Срезневский, Бычков, Калачов, Савваитов и Богословский высказались против него...» Да, не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть, правда что, русских людей, плативших дорогую цену за любовь к своему народу!..

Приступая к работам в Чернигове, Дмитрий Самоквасов, наверное, предчувствовал открытие. Еще в начале века близ Черной Могилы был срыт для расширения ремесленного училища первый большой курган города. В нем нашли груды человеческих костей, железные кольца панциря, остатки кольчуги, медный сосуд, серебряные монеты и, главное, «серебяную тщательной чеканки (чистого серебра) отделку большого рога с резьбою и чернью гладкой и тонкой работы; узкий конец его был отделан в виде орлиной головки». А может быть, сокола? Ничего определенного нельзя сказать — попечитель училища сообщил в 1852 году в «Черниговских губернских ведомостях» о том, что у него «взял их в то время барон Сердобин; он умер, не известив меня о судьбе наших находок. В кургане на Гульбище в 1872 году были обнаружены медный щит, железный шлем, кольчуга, меч, копье, стремена, чугунный сосуд, костяные, медные, серебряные и золотые пуговицы, бляшки, пряжки, кольца, бусы, множество других предметов и слитков неизвестных вещей...

И вот — Черная Могила! Чтобы разрыть ее, вспоминал Д. Самоквасов, «потребовалось около трех месяцев времени, причем ежедневно работало от 15 до 20 человек», которым археолог, повторяю, платил из последних своих средств. Первая же находка превзошла все ожидания. На четырехметровой глубине лежали шлемы, кольчуги, железный котел, жертвенные ножи, бронзовый идол, стоящий на коленях, но все это отступало перед двумя другими находками. В земле вспыхнула золотая искорка, и Дмитрий Самоквасов

дрожащими пальцами положил на ладонь золотую византийскую монету с двумя портретами и надписями. Тут же была найдена идентичная монета. Ученые установили, что они относились к середине X века.

Однако еще более ценные находки были впереди. Вот они — два турьих рога, отделанные изумительной по совершенству серебряной чеканкой, которая до сего дня вызывает пристальный интерес искусствоведов, археологов, мифологов, историков. На очень небольшое изобразительное пространство нанесены поразительно ясные орнаменты из древ, цветов, чудовищ, среди коих в строгом композиционном ритме разместились реалистичные фигуры-силуэты драконов, двух орлов, двух маленьких собак, волка, петуха, и академик Б. А. Рыбаков пришел к твердому выводу, что вся эта чекань-живопись отражает «какие-то местные русские орнаментальные мотивы».

И еще — две человеческие фигурки близ изображения орла. Мне довелось не раз видеть этот турий рог из черниговской Черной Могилы в Государственном Историческом музее, вглядываться в бесподобную его серебряную чеканку — изящную, тонкую, динамичную,— но все же лучше будет, если о последней композиции расскажет специалист.

«Левая фигура изображает человека в какой-то малопонятной одежде, вроде длинной рубахи, босого, без шапки. Его левая рука протянута вперед и как бы что-то ловит; в правой руке — большой лук сложной системы и с ясно обозначенным способом прицепления тетивы. Около охотника, за его спиной, в воздухе две целых стрелы и одна разломленная пополам. Одна стрела ромбовидная, другая — двурогий «срезень», предназначенный для стрельбы по птицам; оба типа стрел хорошо известны по русским древностям X в. и найдены в той же Черной Могиле.

Правая фигура — в длинных штанах, с колчаном у пояса, держит лук в левой руке; правая рука у него согнута таким образом, как будто охотник только что пустил тетиву. Эта фигура отличается разделкой волос и длинными косами, спускающимися от правого виска к бедру. Можно даже разглядеть нечто вроде двух височных колец в том месте, где прическа переходит в косу.

...Охотники стреляют в хищную птицу, но ни в птице, ни около нее стрел нет; стрелы как бы возвращаются обратно к охотникам и изображены за их спинами летящими в беспорядке, оперением вперед и частично поломанными... Очень близкой фольклорной параллелью является былина об Иване Годиновиче, где действуют мужчина, женщина, птица и заколдованные стрелы. Место действия — Чернигов» (Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 286—287).

Дмитрий Самоквасов не удовлетворился находкой и продолжал копать далее, еще на семь метров в глубину. У основания захоронения, в центре ее, обнаружились останки двух сожженных трупов воинов и, вероятно, рабов и рабынь, пострадавшие от огня и ржави мечи, кольчуги, сабля, наконечники копий и стрел, топоры, железные серпы, скобели, долота, бляхи от щитов, набор для игры в «бабки», глиняные горшки, замки, ключи, игральные кости, остатки глиняных пряслиц, деревянных ведер...

Ничего подобного по богатству, разнообразию и важности находок не дала пока ни одна археологическая экспедиция! Это славянское захоронение неоспоримо свидетельствовало о состоятельности дружинников или феодалов земли северян, о высоком уровне ремесла тех давних времен, о художественном вкусе и мастерстве безвестных оружейников и ювелиров, о сложной мировоззренческой мифологии наших предков... Дмитрий Самоквасов предметно доказал, что северяне, что числились норманистами полузверьми, были духовно и материально богатыми людьми, имели международные связи, в частности, с Византией... Слава археологии!

Филологическое путешествие в прошлое можно повторить, археологическое — никогда, но есть в этих науках и кое-что общее, например, почти безграничный объем информации об истории и культуре навсегда ушедших в небытие эпох. В самом деле, если взять, скажем, русский язык XII века, то кроме сведений, что он нес, это целый мир! И как он различен в летописях, литературных произведениях, церковных книгах, проповедях, переводах, берестяных грамотах, оставаясь совершенно неизвестным в разговорной речи и диалек-

тах! А насколько отличаются по языку великие памятники нашей средневековой словесности —«Слово о полку Игореве», «Поучение» Мономаха и «Слово» Даниила Заточника! И археологический материал, добытый в различных местах, всякий раз по-новому рассказывает о быте, искусстве, образе жизни, верованиях, орудиях труда, жилищах, военной технике, ремеслах, торговых связях, событиях далеких времен и о многом-многом ином, имеющем, как и в литературе, свои трудные тайны...

— Как глубок серенский ров?— продолжаю я расспрашивать Татьяну Николаевну Никольскую.

— Еще сейчас от заплывшего дна до гребня вала метров десять будет.

Ничего. Хотя козельский был много глубже.

— А о стенах ничего не скажете?

— Стояли. В нескольких местах раскопали фундаменты. И вообще орешек этот был маленьким, но довольно крепким, с ядром.

— Вы имеете в виду детинец?

— Да. С преградьем и селищами. И вообще, там столько неожиданностей!

— Например?

— Даже не знаю, с чего и начать... В слоях — вся история средневекового Серенска. Сняли плотный слежавшийся слой, потом пошел рыхлый, серовато-бурый с включениями сожженной глины, мелких камней, золы, извести; мертвый прах над погибшим городом. А под ним главное — мощный черный сухой слой: уголь, зола, известь, обожженная глина, уголь и снова сплошной уголь. Город сгорел сразу весь и дотла! Ниже были кое-где еще следы пожара, которые можно связать с междоусобной войной 1232 года, отмеченной в Воскресенской летописи. Город, кстати, назван там Сереньском. А вскоре он был уничтожен полностью. Главное открытие при раскопках —-тот самый сплошной слой всепожирающего пожара...

Да, трагедия небольшого вятичского города обернулась подлинным археологическим открытием! Нежданное бедствие застало Серенск в пору его расцвета, и слой смерти, так же как, скажем, в Помпее или Старой Рязани, рассказал о нем и его жителях больше, чем может рассказать культурный слой какого-либо другого человеческого поселения, пришедшего в упадок постепен-

но. Татьяна Николаевна перечисляет находки. Предметы быта и орудия труда: ножи, топоры, ключи от цилиндрических замков, обломок косы-горбуши, спиральное сверло, гончарная керамика, дужки от ведер, сланцевое пряслице, обломки бронзовой чаши, пинцет, двусторонние костяные гребни, стремена, шпоры, удила, подковы, скребницы, замок от лошадиных пут... Женские украшения: бронзовые и серебряное колечки, подвески и браслеты, стеклянные, хрустальные и сердоликовые бусины, изделия из золота — два перстня, серьга, трехбусинное ажурное кольцо...

— Золотые украшения вы числите на последнем месте?

— В археологии раздробленная кость или обломок сосуда бывает куда дороже золота. Вы слышали, конечно, о глиняной корчаге из Гнездовского городища с надписью X века «гороухша» или «горушна»?

Да, горшку этому, предназначенному для горчицы, воистину нет цены. Он свидетельствует, что за сто лет до первой дошедшей до нас русской книги, великолепно исполненной каким-то дьяконом Григорием для известного новгородского посадника Остромира, и *за два с половиной века* до «Слова о полку Игореве» среди простых людей на Руси бытовала письменность! Значит, было и обученье письму и чтению, значит, были и книги, бесследно канувшие в Лету...

— Серенские раскопки не дали ничего подобного старорязанским кладам или глубинной полноте Райковецкого городища,— продолжает Никольская,— но мы добыли свое, не менее ценное, позволяющее сделать очень важные выводы. Найдено около четырнадцати тысяч предметов! Правда, из них более половины — стеклянные браслеты, а также металлические — пластинчатые, витые, плетеные.

— Сколько же могло быть жителей в этом городке?

— Общая площадь городища шесть гектаров, детинца — менее полугектара. Жителей в Козельске было четыре-пять тысяч, в Серенске от пятисот до тысячи человек, но за стенами и в детинце могли укрыться от врага подгородные.

— И все равно, Татьяна Николаевна, в Серенске не могло собраться несколько тысяч женщин, украшенных браслетами.

— Вот-вот. И с этим обстоятельством связано первое наше важное открытие!

Археологи, оказывается, раскопали следы производства стеклянных украшений, браслетов и перстней, дом ювелира, гончарную печь, сыродутный горн, нашли шлаки цветных металлов, отходы и полуфабрикаты, медные матрицы, около пятидесяти литейных форм для браслетов, перстней, колец, крестиков... Это был город металлургов, гончаров, ювелиров!

— Вперемежку — мастерские и жилища, жилища-мастерские, снова мастерские и жилища...

Да, за лесами, в безопасной сторонке от больших водных и сухих путей стоял этот замечательный городок средневековых русских мастеров, вырабатывавший на сбыт разнообразную промышленную продукцию! По Серене она сплавлялась к Жиздре и Оке, расходилась во все концы земли вятичей. Значит, это был также город торговцев?

— Да, и с обширными связями,— подтверждает Татьяна Николаевна.— Одна из самых интереснейших находок — особые известняковые формочки для отливки браслетов. Я даже не поверила своим глазам, когда увидела на половинке первой из них едва различимые буквы. А в другой полевой сезон — обломок той же формы и тоже с буквами. Сложила в целое. Это было почти невероятно! Не знаю, поймете ли вы мое состояние?

Еще бы не понять! В 1936 году недалеко от древнейшей киевской Десятинной церкви, погибшей при штурме города ордой, была найдена литейная форма с несколькими непонятными буквами. В 1948 году обнаружилась в земле парная форма, и надпись прочли — это было литейное приспособление некоего мастера Максима. И вот археолог Никольская находит в вятичском городе ремесленников Серенске три литейные формочки с буквами, которые при совмещении дали то же имя! Кто это был — киевлянин или вятич? Работал он постоянно в древней столице Руси или Серенске? Изготовлял ли формы, так сказать, серийно, для продажи, или ездил туда-сюда ставить литейное дело? Где и когда он погиб? Мы ничего этого не знаем, но три редчайшие археологические находки дали нам имя средневекового русского мастера и засвидетельствовали связи между маленьким

городком Серенском, затерянным в вятичских лесах, и самим стольным Киевом!

— Серенские литейные формы дали еще несколько археологических сенсаций,— продолжает Татьяна Николаевна.

Да, это так. Найдена форма с изображением человеческого лица — значит, серенские мастера отливали барельефы-портреты! Интересно, что на оборотной стороне каменной формы изображен княжеский знак — трезубец, сокол. Точно такой, как на плинфах знаменитого черниговского храма Параскевы Пятницы, о трагической и счастливой судьбе которого мы еще вспомним, чтобы сделать одно чрезвычайно важное для конца нашего путешествия предположение, связанное со «Словом о полку Игореве» и его автором.

И еще несколько слов об одной исключительно важной серенской находке, своеобразно, неоспоримо, материально подкрепляющей некоторые особенности «Слова» и, в частности, в какой-то мере его подлинность. Боже, сколько было истрачено слов, чтобы объяснить и оправдать языческое мировидение автора! Да одно это отличительное свойство, говорящее, по выражению Пушкина, «о духе древности» великого произведения, исключает позднейшую подделку! И вот для тех последних скептиков, кто еще стоит-качается на том, будто на переломе XII — XIII веков на Руси уже не должно бы вроде быть рецидивов язычества и, следовательно, явления самого «Слова», я с удовольствием и удовлетворением сообщу о серенском открытии: Т. Н. Никольской в прахе погибшего города найдена литейная форма, изображающая сцену языческих русалий. Вспоминая, что в 1113 году именно у Серенска был убит язычниками киевский миссионер Кукша, рассматриваю снимок этого изделия XIII века. Динамичные контуры трех женщин, вырезанные уверенной рукой. Одна, запрокинув голову, пьет из кубка, другая играет на музыкальном инструменте, третья зашлась в бесовской пляске. Драгоценнейшая, редчайшая находка! Если у нас нет абсолютно никаких доказательств, что «Слово о полку Игореве» исполнялось или читалось при жизни его героев и автора, отчаянно смело и кощунственно возродившего в тогдашней литературе, а значит, в сознании современников, память о языческих богах и ве-

рованиях, то сцена русалии, отлитая по этой серенской форме, тайно или явно распространялась по Руси уже после создания поэмы. Слава археологии!

— Татьяна Николаевна,— продолжаю я разговор, до сути коего, чрезвычайно интересной и нужной мне, мы пока не добрались; подхожу со стороны и вроде бы издалека:— При том, говоря по-современному, промышленном потенциале, что имел Серенск, и навыках его мастеров не делали ли там оружия?

— По количеству, характеру, расположению и сочетанию находок можно с уверенностью утверждать, что Серенск — также и город оружейников. Знаете, сбыт этого товара во все времена был гарантирован...

— А что за находки?

— Ну, прежде всего кузнечные горны, специальный инструмент — кувалды, наковальни, а также отходы и полуфабрикаты изделий. Во-вторых, огромное количество археологически сохранившегося, легко опознаваемого оружия и средств защиты воинов...

При *неполном* раскопе Серенска найдено сто двадцать три каленых наконечника стрел, шесть наконечников копий, сабля, сабельные ножны, мечи, железные кистени, бронзовая булава, восемь обрывков кольчуг, пятьдесят девять пластин от брони.

— Есть и вполне сенсационная находка,— говорит мне Татьяна Николаевна.

— Что вы имеете в виду?— спрашиваю.

— Железная *личина*, — торжественно произносит Никольская, и я вздрагиваю.— Кованая защитная маска, почти точно повторяющая черты лица воина.

Вздрагиваю потому, что до этого разговора успел уже написать о «железных воинах» на козельских стенах, допустив, что если в далеком залесном Вщиже, раскопанном академиком Б. А. Рыбаковым, обнаружилась «личина», то в такой стратегически важной крепости, как Козельск, они тоже должны бы быть на вооружении! И вот оно, подтверждение,— в Серенске, ремесленной и оружейной мастерской Козельского удельного княжества, найдена железная маска! Их пока всего несколько экземпляров в распоряжении ученых, но надо учесть, какая еще лежит перед нами археологическая целина. Между прочим, на вооружении западных рыцарей «личин» в то время не было, они надевали на

головы цилиндрические ведра с прорезями для глаз. «Ведра» эти были тяжелы, громоздки, сужали обзор...

Подвожу разговор к наиболее важному для меня:

— В вашей краткой специальной публикации о раскопках Серенска гибель города не датирована...

— Это время нашествия орды, чему в археологическом материале нашлось бесспорное доказательство. Десятая часть наконечников стрел — по классификации знатоков средневекового оружия — монгольские так называемые «срезни». Они откованы грубо, наспех и даже несколько напоминают каракорумские.

— Необыкновенно интересно!— продолжил я тему.— Конечно, радиокарбонный метод не может уловить разницу в год-два, но нет ли других способов определить, когда погиб Серенск — в 1238 или 1239—1240 годах?

— В летописях о взятии Серенска нет ничего — ни в наших, ни у Рашид-ад-Дина, ни в монгольских или китайских источниках. А для вас эта разница в один-два года имеет значение?

— Да!— откликнулся я.— Очень важное.

— Не знаю, как вам помочь. У меня были другие задачи.

— Ну, а если представить общую картину гибели Серенска? Ров там не был слишком трудным препятствием, это не Козельск. И осадных орудий для низких стен, очевидно, не потребовалось. Да и тащить их через лесное бездорожье — дело нереальное. И налет был достаточно внезапным, хотя вполне возможно, что сторожа и предупредили город за несколько часов до штурма. Профессиональные воины, взявшие до этого столько сильно укрепленных городов, очевидно, по арканам и лестницам, сделанным на скорую руку, пошли на общий яростный штурм и, овладев в нескольких местах стеной, ворвались в город. Может, даже среди ночи...

— Возможно, они подожгли его соломенные и деревянные крыши с помощью стрел, несущих огонь,— это кочевники умели делать для усиления паники и ослабления сопротивления,— поддерживает мои рассуждения Татьяна Николаевна.— Детинец тоже... При раскопках детинца мы, между прочим, обнаружили одну археологическую загадку.

— Что именно?

— Невероятное количество горелого зерна.

Я онемел.

— Понимаете, ну просто — сплошное зерно!— восклицает Татьяна Николаевна.— Толстый слой. Везде! Давали на исследование специалистам. Рожь, мягкая пшеница. Конечно, город ремесленников обменивал свои изделия на сельскохозяйственные продукты, выращенные на примыкающем распаханном водоразделе, но не ясно, почему перед гибелью Серенска столько зерна оказалось в его детинце,— аналогов этому нигде нет! Один найденный в детинце нож, облепленный горелыми зернами, я так и оставила...

Она продолжала говорить, а я слушал и не мог произнести ни слова... Будто из-за стены голос:

— Быть может, это был свежий осенний урожай, но почему он оказался в детинце в таком количестве?

— Нет,— прихожу я в себя.— Дело было весной.

— Вы так думаете?

— В апреле 1238 года,— уточняю я.— Когда часть орды стояла у Козельска.

Степным воинам, прошедшим с боями тысячу километров по зимним дорогам, ничего не стоило в любое время года преодолеть водоразделом каких-то сорок верст — это два-три дневных перехода на истощенных конях, если выбирать сухие и малолесные места. Остаткам орды в тот момент позарез нужно было зерно! И еще три обстоятельства исключают гибель Серенска во время второго набега на Русь: 1. В 1239—1240 годах орда шла хлебородными и густонаселенными южными землями, не нуждаясь в фураже. 2. Даже Переяславль, Киев и Чернигов были попутными пунктами в далеком западном походе, не говоря о других небольших попутных городах. Было бы абсурдным отклоняться далеко на лесной север ради какого-то крохотного ремесленного Серенска, если полководцев орды не соблазнил ни Брянск, ни Любеч, ни даже древний богатый Смоленск, где только каменных церквей, наполненных драгоценной утварью, стояло к тому времени около двадцати. 3. Субудай и Бурундай, Бату и Кадан, некоторые сотники, тысяцкие и рядовые участники второго западного похода прекрасно помнили, что весь водораздел за Жиздрой с его двумя городами — Козельском и Серенском — они превратили в мертвую пустыню; там не было ни жилищ, ни скота, ни зерна, ни людей.

— Да, вы знаете,— задумчиво произносит Никольская,— при раскопках Серенска мы на каждом шагу обнаруживали человеческие скелеты. Поврежденные огнем и совсем целые, женские и детские в том числе. Ох, много! В бывших погребах и подвалах жилищ, в мастерских, постройках детинца... Наверное, задохнулись дымом, погибли в пламени...

Может, жители этого средневекового рабочего городка защищались до последней возможности и, поняв, что гибель неизбежна, сожгли себя вместе с зерном?

Любознательный Читатель. Ну, знаете, это уж, наверное, из области чистой фантастики!

— Почему же? Те времена доподлинно знают такое... Стоял в Азербайджане богатейший город Гандджа. Прорвавшаяся из Персии орда обложила в 1235 году этот город и взяла приступом. Армянский летописец Киракос пишет: «Тогда жители, видя город во власти неприятеля, частью сожгли себя вместе со своими жилищами, чтобы не попасть в руки неприятелей, частью сожгли все, что можно было сжечь, и остались только сами», но враги «перерезали всех жителей, не различая ни мужчин, ни женщин, ни детей». Наверное, так было и в Серенске.

С нетерпением ждал я окончания летнего археологического сезона 1980 года: что нового найдет Т. Н. Никольская, продолжающая раскоп Серенска? Быть может, новые «срезни», меч или целую сохранившуюся в золе кольчугу, наполненную костями безвестного русского воина? Не каждый читатель, верно, знает, что это простое защитное средство было чудом средневекового мастерства. Полная кольчуга делалась примерно из *трехсот тысяч* мелких колечек, и подобное стальное одеяние было найдено однажды на Куликовом поле. А для тех, кто пока совсем лишен уважительного интереса к родной старине, я кратко сообщу об одном ювелирном чуде — тверских колтах, сработанных на Руси задолго до нашествия восточных орд. Слово «колты»— старинное, и его трудно сыскать в современных словарях; означает оно ушные подвески, женские серьги. Представьте себе кольцо с полукружьем внизу, к которому припаяно шесть миниатюрных серебряных конусов. На

каждый конус напаяны колечки диаметром чуть поболе полумиллиметра из проволоки толщиной в две десятые миллиметра. На каждом конусе таких колечек ни много ни мало, а *пять тысяч!* И вот в каждом из *тридцати тысяч* этих кольцевых гнездышек сидит крохотное зернышко серебра диаметром в четыре сотых сантиметра! Размеры эти установлены специальной современной микрофотосъемкой, и я не понимаю, попросту отказываюсь понимать, каким образом мастер почти тысячу лет назад мог без микроскопа или хотя бы сильнейшей линзы проделать такую тончайшую, поражающую воображение работу!.. Звездчатые эти колты дивно искрили, переливались, сияли, играли при легчайшем повороте головы тверской модницы. Волшебное творение средневекового русского ювелира чудом дошло до наших дней — его сохранила земля, и им сегодня можно полюбоваться в ленинградском Русском музее. И другие изделия средневековых ювелиров поражают воображение — серебряные, например, так называемые лунницы с резнью. Представьте себе миниатюрную вещицу, на которую плотно, рядочками напаяно 2250 мельчайших серебряных зерен, каждое из которых в 5—6 раз меньше булавочной головки. А в Государственном Историческом музее в Москве хранится оправа с крестовидной прорезью, которую специалисты считают верхом совершенства средневековой русской ювелирной техники. Вот что о ней пишет Б. А. Рыбаков: «Между двенадцатью камнями, оправленными в золото, мастер устроил целый цветник из миниатюрных золотых цветов, посаженных на спиральные пружинки в 4—5 витков, припаянных только одним концом к пластинке. Спиральные стебельки были сделаны из рубчатой золотой проволоки. Цветы имеют по пять тщательно сделанных лепестков, фигурно вырезанных и припаянных к пестику. На пространстве в 0,25 кв. см рязанский мастер ухитрился посадить от 7 до 10 золотых цветов, которые колыхались на своих спиральных стеблях на уровне лиловых самоцветов». Нет, не могу себе представить, как *такое* можно сделать без микроскопа!

Не знаю, делали ли серенские мастера нечто подобное,— пока такого не найдено, но вполне возможно, что, кроме товаров, так сказать, широкого потребления,

вятические ювелиры мастерили изделия и высшего запроса.

— В этом сезоне я ничего сверхнеобычного не нашла,— говорит мне Татьяна Николаевна.— Однако есть кое-что новенькое, помогающее подсветить историю...

— Что именно?

— Бронзовый замочек так называемого херсонесского типа в виде лошадки, рукоять меча, три креста-энколпиона, то есть сделанные из двух половинок миниатюрные складни с полостью. А в глубоком подвале на краю детинца обнаружена серенская архаичная керамика, но вам это, наверное, неинтересно.

— Каким временем определена?

— Началом одиннадцатого.

— Так это же для меня самое важное!— обрадовался я.— Ведь если в Серенске производилась гончарная керамика в начале XI века, то это дочернее поселение образовалось, вероятно, позже своей «метрополии», то есть Козельска.

— Вполне возможно. Подтверждения, однако, надо искать в Козельске... И в подвале том, знаете, опять останки людей. И всюду — зерно! Скелеты буквально засыпаны зерном! Пшеница и рожь...

Под конец беседы с Татьяной Николаевной Никольской попросил я подарить мне одно горелое зернышко из Серенска.

— Зачем?

— Положу в прозрачную коробочку и поставлю на стол.

Через некоторое время я получил небольшую бандероль; в ней были обгоревшие зерна ржи из серенского раскопа № 6, пласт 2, кв. 18, произведенного летом 1980 года. Склеил я из этих зерен что-то отдаленно напоминающее семипастные вятические колты, положил в овальную коробочку с эмалевой крышкой, на которой изображен Дмитрий Донской. Зерна видны сквозь решетчатый орнамент этого изделия, выпущенного к 600-летию Куликовской битвы.

35 Снова брожу над речными кручами Жиздры, по гребням оплывших валов, над глубоким, заросшим бурьяном рвом. С высшей точки мыса видна Оптина пустынь в золотом осеннем обрамлении, колоколенка Нижних Прысков, дорога на Серенск... Вглядываюсь мысленно в далекие дали времен, ратных и мирных.

Возносится надо всем и все освящает семинедельная оборона города, слава и гордость русского средневековья! И совсем будто недавно побывали здесь Жуковский и Гоголь, Апухтин и Алексей Толстой, братья Киреевские и Тургенев, Аполлон Майков и Афанасий Фет, Федор Достоевский и Лев Толстой, а в наши, можно сказать, дни — воин и писатель Дмитрий Фурманов, поэт и воин Семен Гудзенко, писатель-поэт Михаил Пришвин, великий ваятель Сергей Коненков... Каждый из них жил своими страстями, служа своей эпохе, но, наверное, каждый думал в Козельске об истории, о тайне маленького великого городка, затаившейся в глуби веков. Может, частично именно потому, что время надежно сокрыло эту тайну, никто из них ни слова, ни строки не написал о давнем подвиге предков?

И все-таки в необъятной русской литературе, если хорошо поискать, можно найти поэтические и прозаические интерпретации необыкновенного ратного события 1238 года. Жил на свете такой поэт и прозаик Александр Степанов, отец знаменитого карикатуриста «Искры» Николая Степанова. Выпускник Благородного пансиона при Московском университете, офицер штаба Суворова и участник альпийского похода, позже написавший огромную — в двести с лишним

страниц — патриотическую поэму «Суворов». Был первым красноярским губернатором, покровительствовал декабристам. Выпустил двухтомный научный труд о своей губернии, романы «Постоялый двор» и «Тайна», посвященный, однако, не тайне Козельской обороны.

Доживал свои дни Александр Степанов неподалеку от Козельска, в селе Троицком, куда я тоже не смог проехать, хотя так хотелось побывать у его могилы, пока она не исчезла совсем. Храню много лет снимок ее, дошедший до меня кружным путем, из Сибири,— обитый со всех сторон кусок черного мрамора с буквами, по которым уже не узнать, кто упокоился под этим донельзя изуродованным надгробьем...

Так вот, есть у Александра Степанова поэма, где описывается вече козельцев и их последнее сражение:

Но ежели Батый набросит
На нас аркан, как на врагов,
И дев и злато в дань попросит,
Где радость мы найдем, покой?
Где изувеченный герой
Найдет пристанище,
Старик главу приклонит?
Младенца ко добру настроит?
Где? Как? В каких странах?
— В гробах! В гробах!—
Народны крики раздаются.—
В гробах близ праотцев своих.—
Ручьем у князя слезы льются...
— С мечом в руках, друзья, умрем! —
Народу верному вещает.—
С мечом! И на гробах отцов!

Стихи эти, написанные в младенческую пору нашей поэзии, я все же считаю нужным привести здесь, потому что других на эту тему не было.

Природа думает спокойно
Под черным пологом уснуть.
Лишь осажденные сомкнуть
Не думают очей, и стройно
Из града на врагов пошли;
Оставили тихонько гору,
Приблизились без шума к бору,
Батыя сонным обрели
И ринулись к врагам,
Как брошены каменья
В покрыто поле саранчи.
Ударил час сраженья!

Все было, однако, не так в реальности, но мужество и порыв земляков поэта угаданы верно. Много позже другой малоизвестный русский поэт Александр Навроцкий, умерший незадолго до революции, написал поэму «Злой город». Седой старик говорит на вече:

Докажем, что взять нас в неволю нельзя,
Пока у нас жизнь не отнимут.
Припомним завет Святослава, друзья,
Что мертвые срама не имут...

Затем поэт вообразил штурм города ордой:

Полдня нападали на город они
И лезли на крепкую стену.
Когда уставали иль гибли одни,
Другие являлись на смену.
Но, стойко врага отражая удар,
Как львы, осажденные бились,
И многие сотни погибших татар,
Как мусор, со стен их валились.

Романист В. Ян тоже очень приблизительно описал события в соответствующем месте своей исторической трилогии. У него слишком ошибочный маршрут основных сил орды от Игнача креста, нет подробностей подхода к Козельску и штурма города, если не считать множества условно-литературных и совершенно неправдоподобных деталей.

Осаду города будто бы начал со своим отрядом Гуюк-хан. Увидев, однако, что «татарские отряды проходили мимо», отправляясь в Кипчакские степи неведомо каким путем, решил было «снять осаду».

«Об этом узнал Бату-хан и сейчас же примчался», также неизвестно откуда, но если судить по предыдущим страницам романа «Батый», то примчался он через нехоженые леса и разлившиеся воды за триста верст из... Рязани! И вот «бешеные» Субудай-багатура «загородили отступление отряду Гуюка и погнали его обратно к стенам Козельска».

Рашид-ад-Дин, коротко сказав о безуспешной *двухмесячной* осаде Козельска Батыем, совсем не упоминает Гуюка, зато будто бы Кадан и Бури, подойдя со своими отрядами, в «три дня» взяли город. Не будем судить о достоверности этого сведения, однако примем его в качестве подспорной гипотезы — не всё же писцы Рашид-ад-Дина, в самом деле, выдумывали, а через

два поколения пересказчиков именно такая мелкая подробность могла дойти до них и сохраниться хотя бы потому, что она подтверждает сомнения в полководческих способностях Батыя, которому персидский историк, служивший чингизидам, отпустил по разным поводам немало комплиментов.

Декабрист Никита Муравьев писал: «Мы признаем одну только преграду завоевателям — дух народа». Русский летописец объясняет феномен Козельской обороны «крепкодушием» его защитников. Но неужто они были более крепкодушными, чем, скажем, владимирцы, которые, после того как орда на пятый день пробила во многих местах стены и прошла на них по переметам, целый день до вечера сражались в проранах и на забралах! Или новоторы, выдержавшие двухнедельный штурм? Насмерть стояли рязанцы, коломенцы, москвичи, тверяки, но почему именно козельцы держались более полутора месяцев? Чудес на свете не бывает, и неоспоримая реальность этого необычайного исторического факта давно требует реалистического объяснения.

Любознательный Читатель. Неужто никто из историков никогда над этим не задумывался?!

— Задумывались они или нет — не знаю, только их размышлений или даже предположений на сей предмет мне найти не удалось...

В 1776 году высочайше утвержденный герб Козельска геральдисты сопроводили такой «исторической» справкой: «Во время нахождения Батыя на Россию, сей град, быв уделом малолетнего князя Василия Титыча, был осажден татарскими войсками, и хотя малолетство князя являлось бы долженствовать ослабить его жителей, но верность их Государю превозмогла в них все другие чувствия; они разсудили сделать вылазку и общие с князем своим малолетним погибнуть или спастися. Сие ими исполнено было, но от превосходящего числа татар были все побиты и с князем засвидетельствовали свою верность. В напоминание сего приключения герб им полагается, в червленом поле, знаменующем кровопролитие, накрест расположенные пять серебряных щитов с черными крестами, изъявляющими храбрость их защищения и несчастную судьбину, и четыре златые креста, показующие их верность».

Позже и до наших дней историки даже не пытались проникнуть в тайну столь длительной обороны Козельска, и я для экономии читательского времени не стану цитировать их, лишь констатирующих общеизвестный летописный факт его беспримерной стойкости. Ничего не проясняют и военные историки, и специалисты по средневековой фортификации. Крупнейший современный знаток старорусских крепостей П. А. Раппопорт, написавший о них солидные работы, ограничивается сообщением о том, что «г. Козельск Батый осаждал два месяца и огромными потерями смог взять его после подхода крупных сил». Срок осады в «два месяца», а также сведение о подходе «крупных сил» взяты у Рашид-ад-Дина, но этот персидский историк, повторяю, слабо и лишь по позднейшим разноречивым рассказам представлял обстоятельства набега орды 1237—1238 гг., сообщая, например, о его начале, что «булгары были многочисленный народ христианского вероисповедания» (!) и «границы их области соприкасаются с франками» (!), а о конце, ознаменованном взятием Козельска с помощью подкреплений «в три дня», говорится, что после этого победители «расположились в домах (?) и отдохнули». Сдается, что Рашид-ад-Дин, заполнивший свою летопись родословными чингизидов и событиями в Азии, вообще не знал подробностей западных походов орды — не упоминает после Козельска ни Переяславля, ни Чернигова, ни Киева, не говоря уже о Владимире-Волынском, Сандомире, Кракове, Буде или Дубровнике, и в справке о Бату называет кровавую бойню в Восточной Европе до предела общо и кратко — «завоеванием северных стран».

Предельно кратко и общо, к сожалению, говорится о финальном сражении 1238 года и в самом солидном труде по истории СССР: «Таким образом, героический Козельск почти на два месяца задержал татаро-монгольскую армию». Однако в этом двадцатитомном академическом сочинении нет ни слова о том, *каким образом* произошло сие задержание, и меня не оставляет подозрение, что ни один историк никогда не побывал в Козельске и не прикинул на месте, как вообще такое могло свершиться.

— Известный русский историк Михаил Погодин побывал в Оптиной пустыни, а значит, и в Козельске...

— Он ничего не оставил о Козельской обороне, хотя немало сделал доброго в тот период повышенного интереса к русской старине... В самом деле удивительно! Есть подробные исследования о Невской победе Александра Ярославича над шведами, о Ледовом побоище, тщательно вычерчены маршруты войск перед этими сражениями 1240 и 1242 года, схемы боевых действий публикуются даже в энциклопедиях, а вот о козельской эпопее 1238 года нет ни одной научной работы или хотя бы отдельной справочной статьи!

— Наверное, все в недоумении останавливались, не зная, как объяснить факт, который считали аксиомой,— маленькая деревянная крепостенка почти два месяца сражалась с несметным войском.

— Да, миф этот слишком живуч... Краевед Василий Николаевич Сорокин, великолепно знающий местную старину, водит по Козельску бесчисленные экскурсии, рассказывая *о полумиллионной армии* врага, семь недель беспрерывно штурмовавшей город. Когда я его спросил, откуда эта цифра, он показал мне историческое сочинение, в котором она действительно названа. Пригласив его на мост, я попросил взглянуть и вообразить, как могли тут стоять в течение почти двух месяцев полмиллиона людей и не менее миллиона лошадей. За этот срок каждый воин должен был съесть минимум одного коня, оставшись без приводного, обязательного в степном войске. Но чем мог питаться бестравной весенней порой этот постоянно уменьшавшийся, но все равно гигантский табун?.. Сорокин развел руками.

— Мы уже подробно говорили о начальной численности орды Субудая — на границах Руси в ноябре 1237 года появилось около ста пятидесяти тысяч степных воинов.

— Да! И после Торжка — повторимся — их осталось, быть может, два-три тумена. Потому-то ослабленные отряды орды отступили от Новгорода, не смогли прорваться к Смоленску, а после уничтожения Вщижа не пошли даже на соседний Дебрянск. Нехватка фуража, пищи, стрел, разложение войска, половодье, преградившее путь в степь, необходимость до-

ждаться весенней травы, ссоры чингизидов, в чем мы документально скоро удостоверимся, и, наконец, крепость необычайных защитных качеств, способная сопротивляться даже и полумиллионной средневековой армии, потому что была условно доступна лишь с узкого перешейка, перерезанного очень глубоким рвом с бурлящей внизу водой,— всю эту реальность необходимо учесть, чтобы приблизиться к разгадке тайны семинедельной обороны «крепкодушных козлян», как их именует летопись. Они были крепкодушными без всяких кавычек, но не были исключением в нашей военной истории; за истекшую тысячу лет любая война с внешним врагом становилась всенародной, а когда русский народ защищался, он не сдавал своих крепостей...

Никакого, однако, пятидесятидневного беспрерывного штурма Козельска не могло быть—этого не выдержала бы ни деревянная крепость с немногочисленным и непрофессиональным гарнизоном, ни осаждавшие. Врагу нужно было время, чтобы более или менее безопасно преодолеть глубокий ров, приблизиться к стене, проломить ее тараном. Козельск невозможно было взять без достаточных запасов камня и камнеметательных машин, которые следовало построить на месте,—абсолютно нереально, чтобы тяжелые и громоздкие сооружения орда тащила по лесному весеннему бездорожью сотни километров от Торжка. Но даже и после того, как баллисты и таран сделали свое дело, не все для козельцев было потеряно. Убежден, что город пал из-за одной роковой ошибки, допущенной осажденными, или последнего, крайнего способа осады, примененного под конец ордой.

— Что имеется в виду?

— Сначала установим примерные даты Козельской обороны. Расчеты, которые я опускаю, показывают, что передовые отряды орды вышли к Козельску примерно 25 марта 1238 года. В таком случае последний штурм начался 9 мая и продолжался три дня и три ночи непрерывно — это был проверенный и надежный способ изматывания осажденных. Под прикрытием камнепада и прицельной стрельбы из-за щитов был преодолен ров. Возможно, он даже не засыпался лесным хламом, который легко было сжечь. Перемет — несколько десятисаженных бревен, перекинутых с по-

мощью треног и арканов к городским воротам, образовывали мост и опору для стенобитного устройства. Осажденные не могли помешать — стрелы поражали их на разрушенных башнях и венцах стены, камни убивали и калечили даже за стеной, на внутренних подступах к ней.

— Камнеметательные машины — предположение?

— Нет, реальность. Они изображены на старинном рисунке, отображающем штурм Козельска, о них идет речь в летописях, и коренная ошибка осажденных, я считаю, связана именно с ними...

Внимательно прочтем соответствующие строки Ипатьевской летописи. Каждое слово — чистое золото, потому что это единственное место во всем необъятном русском летописании, сообщающее некоторые, очевидно, достоверные подробности штурма: «Разбившимъ градоу стеноу и возиидоша на вал Татаре». Таким образом, за стеной необыкновенной этой цитадели действительно был еще один, внутренний вал, а значит, и ров, очевидно, перед детинцем, внутренней крепостью, расположенной необычно — сразу за главной стеной. На валу началась рукопашная схватка: «Козляне же ножи резахоуся с ними». Это было традиционное оружие пеших воинов средневековой Руси — ножами воины народных ратей подрезали жилы степным коням, доставали всадников, и в «Слове о полку Игореве» засапожные ножи упоминаются дважды... Жуткая резня на внутреннем валу Козельска разрешилась в пользу осажденных — враги отступили через пролом, в панике очистили перемет через ров.

— Откуда это сведение?

— Если б все было не так, не произошло бы последующего... Наступила, очевидно, какая-то пауза в битве, потому что горожане еще один «светъ же створиша». И вот осажденные «исшедше изъ града, исекоша праща их»... Навсегда останется тайной, чья была эта глупая голова, первой предложившая «изиити на полки Тотарьскые». Самое было бы разумное, конечно, после уничтожения диковинных камнебросов, от которых не было защиты, разрушения или сожжения перемета вернуться всем в крепость и завалить пролом! Субудай не стал бы терять время на трудоемкую и долгую организацию второго штурма, пост-

ройку новых катапульт, заготовку камня, изготовление стрел.

Впрочем, возможно, что никакого решения идти на вражеские полки вовсе не было. Скорее всего, Субудай разыграл обычную свою карту. Он задолго до решающего штурма спрятал основное войско в лесу или за косогором, близ ставки Батыя, а остатки штурмующего отряда умело изобразили паническое отступление в поле. Горожане, увлеченные битвой, погоней и, как им казалось, полупобедой, все дальше удалялись от города, чтобы добить последних врагов — уставших, израненных, слабых в пешем бою, разбегавшихся мелкими группами и поодиночке от этих яростных урусов. Ведь козельцы, донельзя изнуренные двухмесячной осадой, ничего не знали о подлинной численности вражеских войск, военной тактике, хитрости, таланте и опыте главного военачальника неведомых пришельцев. Совершенным безумием, отсутствием всякого здравого смысла можно объяснить поступок осажденных, вдруг бросивших *такую* крепость, оставивших без защиты жен и детей для того лишь, чтобы погибнуть всем в неравном бою. И вот орда, появившаяся из-за косогора, отрезала им путь к городу. Летописец кратко сообщает о последней битве козельцев с татарскими полками, не уточняя подробностей. Он ничего не говорит о коннице, и враги могли быть пешими в том случае, если успели съесть значительную часть коней. Остаткам орды надо было уходить в степь, потому что появилась свежая трава и реки входили в берега, а без коней это стало бы невозможным делом. Для сохранения конницы Субудай мог пойти и на преднамеренное уменьшение людей, выставив только безлошадных воинов...

— И это последнее сражение той давней страшной войны было очень значительным, если козельцы, согласно летописи, уничтожили четыре тысячи врагов.

— Что не может быть правдой. Четыре тысячи убитых степняков — слишком много, потому что в таком случае и противников должно бы быть примерно столько же, а это маловероятно: в средневековом русском городе такого значения и площади все население едва достигало этой численности. Скорее всего, летописец допустил традиционное преувеличение ровно в десять

раз, как это делал он и его коллеги во многих других случаях.

— Но ведь эта цифра — четыре тысячи врагов, убитых в последнем сражении у Козельска,— во всей исторической литературе проходит как неоспоримая!

— И тем не менее она ошибочна. Есть, между прочим, серьезное основание говорить об этом с большой долей уверенности. Когда в конце XIX века тянули через Козельск железную дорогу на Тулу, то при земляных работах посреди Батыева поля тронули груду человеческих черепов. Очевидно, задолго до Тамерлана, увенчивавшего свои победы пирамидами из голов побежденных, такая пирамида была сооружена близ стен Козельской крепости в мае 1238 года. Рабочие, десятники, инженеры тщательно собрали все трагические свидетельства события и с честью перезахоронили. Это были, несомненно, останки героической козельской дружины, потому что орда сжигала тела своих павших воинов в больших кострах. Так вот, черепов было по тщательному счету *двести шестьдесят семь*. Выходит, в последнем своем бою защитники Козельска, вышедшие из города на вылазку, могли убить около четырехсот врагов, но и сами сложили головы.

«Батыи же взя городъ», сообщает летописец, но мы так ничего и не знаем о том, *каким образом* Козельск был все-таки взят.

Любознательный Читатель. Однако автор упомянул о каком-то последнем, крайнем средстве Субудая.

— Это — лишь мое предположение, которое нельзя исключать из той давней реальности. Если на вылазку, вслед за убегающими врагами, ринулось триста самых горячих и сильных воинов, скорее всего, это была княжеская дружина, то оставшиеся горожане, увидев их окруженными и гибнущими, могли сбросить перекидные бревна в ров, завалить пролом и продолжать борьбу. Они снова были в относительной безопасности, потому что единственная доступная стена крепости опять защищалась непреодолимым, почти тридцатиметровой глубины земным провалом.

— И что же дальше?

— У Субудая уже не было камней и камнемета-

тельных машин, чтобы без потерь перекинуть бревна к стене. Пращи были изрублены мечами и топорами козельских дружинников, а камни израсходованы. Козельцы втаскивали их на стены, сооружали надежные прикрытия от стрел, нагромождали в месте пролома, собирали в кучи, чтобы швырять в осаждавших; орудие нападения превратилось в орудие защиты... Возможно, что Кадан и Бури действительно подошли со своими отрядами уже после вылазки горожан и, не считаясь с потерями, погнали воинов на общий штурм стен с козельских круч. Не исключаю и последний, единственный способ штурма, который оставался в распоряжении Субудая,— он срочно восстановил несколько катапульт и зажег город, который стал ему не нужен, потому что пищевые и фуражные запасы в нем кончились, а уцелевшие кони орды уже паслись на молодой траве.

— Зажечь? Каким образом? Чем? У него же не было чжурчжэньского огня.

— Предупреждаю — это горючее и сырье, из коего оно изготовлялось, может вызвать у современного читателя шок.

— Говорите, вытерплю...

— Горожане со стен видели большие костры, на которых орда сжигала своих павших воинов. Потом на виду козельцев зажглись небольшие бездымные костры, к которым враги подтаскивали безголовые тела их отцов, братьев, мужей и женихов. Оцепенев от ужаса, смотрели, как пришельцы разрубают трупы на части и погружают в железные котлы, подвешенные над огнем.

— *Зачем*?!

— Я предупреждал... Желтый человеческий жир переливали в глиняные горшки, собранные со всей округи. Под прикрытием ночи и щитов орда подтащила к валу несколько срочно восстановленных баллист, и в стену, постройки детинца, в крыши ближайших изб воткнулись первые стрелы с зажженной ветошью, пропитанной жиром. Потом полетели через ров горячие горшки, разбрызгивающие при ударе легкую липкую жидкость, которая тут же вся вспыхивала жарким огнем.

— Какая, однако, бесчеловечная фантазия!

— Прошу *за такую* подробность прощения, но

она — не фантазия. Итальянский путешественник, точнее, разведчик папы римского Плано Карпини, побывавший через восемь лет после падения Козельска в Монголии, рассказывая о способах осады ордой укреплений, писал: «...они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома, и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо»...

«Батыи же взя городъ, изби вси и не пощаде от отрочатъ до сосоущихъ млеко. О князи Васильи неведомо есть, и инии глаголяхоу, яко в крови оутоноулъ есть, понеже оубо младъ бяше есть»... Автор одной из русских летописей, Новгородской 5-й, ставит в этом месте запятую и уточняет: «младъ бяше есть, 12 летъ».

А вот поэтические строки о дальнейшей судьбе Козельска:

Батый повелел, чтоб свой гнев показать
И страх по Руси всем навеять,
Разрушить Козельск и с землею сровнять,
То место, где был он, сохой запахать
И сорной травою засеять.
Исполнили волю владыки рабы,
С землей бедный город сровняли,
И городом злым за упорство борьбы
Козельск с той поры называли.

Александр Навроцкий, автор множества исторических драм, повестей и стихотворений, от которых в народной памяти навечно осталась лишь песня об утесе Стеньки Разина, поэтически домыслил, конечно, будто Батый приказал распахать козельский мыс и засеять сорной травой. Не до этого было хану. Но истинная правда, что победители назвали Козельск «городом злым». Свидетельство тому есть и у Рашид-ад-Дина, и монгольское прозванье Козельска известно со времен средневековья — Могу-Болгусун, «Злой Город», но нашего особого внимания заслуживает сообщение об этом в Ипатьевской летописи, где имеется краткая мотивировка такого переименования: «воу Татарехъ не смеють его нарещи градъ Козлескъ, но градъ злыи, понеже бишася по семь недель, убиша бо от Татаръ сыны темничи три».

Если сообщение о сыновьях погибших темников не легенда, то имеющиеся в исторической литературе условные подсчеты, основанные на предположении, будто каждый из девяти чингизидов командовал в этом набеге «тьмой», туменом — ошибочны и несколько преуменьшают начальную численность войска Бату-Субудая. Никаких исторических подтверждений, что чингизиды были темниками и под Козельском трое из них потеряли сыновей, то есть самых младших чингизидов, не существует. Темниками служили в том набеге неизвестные нам лица, и сообщение летописи о трех их погибших сыновьях свидетельствует о тяжелых боях за Козельск и в какой-то мере, хотя и очень косвенно, подкрепляет аргументацию о подлинной численности степняков, которая к концу набега состояла из тридцати тысяч человек, организованных в три тьмы, раздробившихся на мелкие банды.

Не берусь утверждать, что ясным майским днем 1238 года победители устроили пир именно вокруг пирамиды из голов побежденных, хотя это вполне бы соответствовало тем временам и нравам,— после победы на Калке Субудай устроил пир на телах двенадцати живых русских князей. Но именно на последнем пиру участников первого набега на Русь — скорее всего, под Козельском — приключилось такое, что пересказывать не стоит, лучше процитировать надежный средневековый источник.

«*Бури* сказал: *Бату* равен мне: зачем он пьет раньше меня? Он не больше, как баба с бородой, и я, пятой толкнув, свалю его и растопчу». *Гуюк* сказал: «Он баба со стрелами и луком, я велю бить поленом его по груди». Сын Элчжигитая Хархасунь сказал: «Вот я приделаю ему сзади деревянный хвост».

Эти слова взяты не из позднейшей легенды, не из степного предания, а из «Юань-чао би-ши»—«Сокровенного сказания», или «Тайной истории монголов», замечательного памятника монгольской литературы, написанного по горячим следам событий и законченного «в год мыши, в седьмой луне», то есть летом 1240 года, «во время пребывания на реке Кэрулянь», в самом сердце империи...

Неслыханные оскорбления! При всех чингизидах, военачальниках и женах! И от кого? От младшего сородича Гуюка, никудышного вояки! От щенка Бури, сына простолюдинки, которому не старый еще Бату в отцы годился! И этот сучий сын Бури мнил себя равным внуку Темучина сыну Джучи, покорившему непокорных урусов! И туда же Аргасун!

Была, знать, в этих кратких характеристиках правда о воинской беспомощности Бату, называемого, однако, доныне в энциклопедиях «выдающимся полководцем», если его сообщники по разбойничьему набегу открыто и в один голос, будто сговорившись, посмели высказать такое. Подобные оскорбления и угрозы в адрес официального командующего походом возможны были только в том случае, если он действительно не обладал ни характером, ни реальной властью, чтобы тут же наказать противников. Он обязан был это сделать хотя бы ради укрепления дисциплины в распадающемся войске и соблюдения принципов ясы, требующей беспрекословного подчинения старшему по роду и чину...

Однако Бату вынужден был все стерпеть! Во главе своего уже очень немногочисленного войска он «поиде в землю Пополовецькоую», где откололись отряды, верные Гуюку, Бури и Хархасуню (Аргасуну). Шел тихо, как тать, тайно пробираясь балками и лесами. На пути в степь стояли русские города-крепости Корачев, Кром, Спашь, Мценск, Домагощ, Девягорск, Дедославль, Курск. Почему Бату их не тронул? Сейчас-то мне все это стало ясно и понятно — не было ни отваги, ни времени, ни, главное, сил, а вспоминаю, как поразило когда-то одно средневековое сведение о численности войск, оставшихся верными Бату. Думаю, что и Г. Е. Грумм-Гржимайло, у которого я его впервые встретил, тоже немало удивился. Всего четыре тысячи воинов добрались с Бату до безопасного района Великой Степи. Впрочем, вполне возможно, что и эта цифра традиционно преувеличена средневековыми летописцами в десять раз...

Бату не забыл, однако, о последнем победном пире. Он затаил злобу, отложив месть до удобного случая, а пока лишь пожаловался Угедею. Великий хан, очевидно, увидел в этом эпизоде зародыш будущих рас-

прей между потомками Чингиза и, быть может, почуял первый тревожный признак неминуемого распадения необъятной империи. Он страшно разгневался и не пожелал видеть даже родного сына своего Гуюка, послав его «брать крепкие города и переносить тяжкие труды». Хархасуню же передали слова Угедея: «У кого Хархасунь научился поносить так нашего родственника? За такие преступления его надо бы казнить, но я пошлю его с Гуюком».

Следовало бы привести слова Угедея, соизволившего, по совету нойонов, все-таки допустить сына к себе для отеческого внушения: «Когда ты отправился в поход, то по дороге перебил всех ратников и охладил их рвение. Не думаешь ли ты, что народ *Орусы,* устрашившись одного тебя, покорился, и потому ты осмелился оскорбить старшего твоего брата, как врага?.. Субеэтай, напереди, заслонял и защищал тебя, и ты, с большой ратью, взял эти несколько родов *Орусы*; сам же по себе ты не показал доблести ни на копытце козленка. Хорош молодец!»

Так перевел это важное место «Юань-чао би-ши» П. И. Кафаров в середине прошлого века, несколько упрощая, адаптируя подлинник. А вот перевод С. А. Козина 1941 года, в котором назидание Угедея полнится любопытными деталями: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этой своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингиз-хана, что множество — страшно, а глубина — смертоносна? То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком Субеэтая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл. Благодари ближних друзей моих Мангая да Алчидай-Хонхотай-цзанчина с товарищами за то, что они уняли трепетав-

шее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котел. Довольно! Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасуном судит Батый!»

Бучжек — это сын Толуя, младший брат Монке, отличившийся, очевидно, при разгроме половецких становищ, Аргасун — Хархасунь, внучатый племянник Чингиза, а Субеэтай, естественно, главный полководец орды Субудай, «под крылышком» которого чингизиды «всем своим множеством» ходили в первый поход на Русь...

И последняя цитата из «Сокровенного сказания»: «Потом (Угедей) *приказал храброму Субеэтаю* (курсив мой.— *В. Ч.*) идти войной на север... переплыть две реки Идиль и Чжаях (Итиль и Яик, то есть Волгу и Урал), и прямо идти на народ Кивамань (Киев)...» Как читатель знает со школьной скамьи, снова было собрано свежее степное войско. Старший из чингизидов Орда, владевший самым бедным и малонаселенным сибирским улусом, считался, очевидно, совсем не годным к воинскому делу, и поэтому снова официальным главой похода стал Бату — следующий по старшинству племянник Угедея. Русский же летописец отлично знал, кто фактически руководил ордой, подступившей к Киеву в 1240 году: «не от роду же его, но бе воевода его перьвый Себедяй богатоуръ и Боуроунъдаии багатырь, иже взя Болгарьскоую землю и Соуждальскоую». Однако Батыю и тогда приписывались доблести тех, кто ему служил. Вспомним слова средневекового нашего историка, исполненные трагико-эпической простоты: «Приде Батыи Кыевоу в силе тяжце, многомъ множьствомъ силы своеи и окроужи градъ... И не бе слышати от гласа скрипения телегъ его, множество ревения вельблюдъ его, рьжания от гласа стадъ конь его». О штурме древней столицы Руси всего несколько слов: «пороком же, бесъпрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стены». Есть и еще некоторые подробности, но настолько скупые, что мы, кажется, больше знаем об осаде Трои и Карфагена, чем о штурме Киева поздней осенью 1240 года...

Любознательный Читатель. И все-таки, нельзя ли хоть что-нибудь прояснить? Киев же! В одном месте орда била стены или во многих? Сколько дней и но-

чей? Кто руководил обороной? Что говорит археология?

— Прежде всего хотя бы в общих чертах обрисовать, что собою представлял средневековый Киев. Его недаром сравнивали с Царь-градом! Уже в начале XI века Титмар Марзебургский писал, что в Киеве восемь рынков и более четырехсот церквей.

— Но это же невероятно!

— Почему? В Киеве было плотное и многочисленное население — посадские люди, бояре, дружинники, священники, княжеская челядь, ремесленники, купцы, иностранцы-гости и постоянно живущие в городе иноплеменники. Тот же путешественник отмечал, например, что в Киеве много «весьма быстрых датчан». Жили в нем греки, армяне, евреи, верхушка «черных клобуков»... Конечно, большинство церквей было деревянными и домовыми, боярскими; они сгорали в пожарах и снова строились. Современная наука считает, что в Киеве перед нашествием орды численность населения приближалась к ста тысячам человек. Средневековый Киев делился на несколько частей. Был «город Ярослава», «город Владимира», «Замковая гора», Посад... И если точного количества населения Киева мы не знаем, то площадь его наиболее плотно заселенной и *защищенной* части известна — 360—380 гектаров.

— С чем-нибудь бы сравнить...

— Нагляднее всего с Московским Кремлем, площадь которого чуть более 28 гектаров. Протяженность только одного киевского «города Ярослава» по периметру была три с половиной километра — эта мера взята по стенам, которые стояли на вершинах валов. Толщина киевских валов в основании — до двадцати метров. Внешний их скат делался с уклоном примерно сорок пять градусов. Стены, стоящие на валах, были дубовыми, с земляной засыпкой. Стояли в стенах мощные оборонительные каменные башни с воротными проемами. Киево-Печерский монастырь был защищен каменными стенами. Вдоль валов тянулись рвы, заполненные водой. Ширина их была до восемнадцати метров.

— Как можно было легко и быстро взять такую крепость?

— Вот видите — у вас каким-то образом сложилось мнение, что Киев был взят «легко и быстро»! Это

очень ошибочное представление, и оно идет, наверное, от учебников, оставляющих в нашей памяти будто бы главное, но почему-то замалчивающих подробности героической Киевской обороны 1240 года. Да и специалисты по военной истории пишут о ней походя, вскользь, как о чем-то не стоящем внимания... О причинах такого положения вещей пусть любознательный читатель подумает на досуге сам, а сейчас мы с ним перейдем к наиболее достоверным подробностям падения столицы средневековой Руси...

Огромная орда Бату-Субудая-Бурундая окружила город, стоявший на правом, крутом берегу Днепра, 5 сентября. Эта дата точно указана в Псковской Первой и Супрасльской летописях, а также в летописи Авраамки —«татаре пришед Киевоу 5 сентября». Приступ начался со штурма, как говорится в Ипатьевской летописи, «вратъ Лядских», то есть «Ляшских» («Польских»), расположенных с напольной, наиболее доступной стороны. Сколько дней и ночей метали камнебросы со стен и башен защитников города, сколько ночей и дней «бес престани» били пороки в главные ворота — неизвестно, только первое и самое тяжкое сражение разыгралось именно здесь, на наружных валах, стенах и башнях Ярославова города, которые, как подтверждает советский исследователь М. К. Каргер, «по своей мощи не имели равных в истории древнерусской фортификации». Та же Ипатьевская летопись позволяет представить нам «ломъ копеины и щетъ скепание, стрелы омрачиша светъ побеженымъ». Однако киевляне побеждены еще не были!

— Минуточку. А кто руководил обороной? Какой князь?

— Князя в городе не было. Незадолго до прихода орды Киев захватил Даниил Романович Галицкий, который ушел на запад готовиться к защите своих исконных земель, а оборону Киева поручил тысяцкому Дмитру. Сильной профессиональной дружиной Дмитр не располагал, город защищали ремесленники, торговцы, крестьяне пригородных селищ, поэтому Киевскую оборону, как и Козельскую, мы можем с полным правом считать *народной.*

— Что произошло дальше?

— Город брался по частям. Оборонялась каждая

улица, храм, дом. Дмитр был ранен, но сумел организовать оборону следующего укрепления —«города Владимира». Никаких подробностей нет, но, очевидно, он тоже был взят беспрерывным штурмом и за его стенами разыгралась новая кровавая сеча. Раскопки 1946 года на Б. Житомирской улице обнаружили огромное количество беспорядочно лежащих человеческих костей. В хорошо сохранившейся печи найдены два маленьких скелетика — дети пытались спастись там...

— Сколько же времени сопротивлялся Киев?

— Сразу в трех летописях — Псковской Первой, Авраамки и Супрасльской сообщается, что враги взяли город 19 ноября 1240 года, в понедельник. Именно это уточнение —«понедельник»— позволило ученым убедиться в достоверности сообщений этих летописей; день 19 ноября 1240 года приходится, по точным календарным расчетам, как раз на этот день недели.

— Значит, Киев оборонялся два с половиной месяца!

— Да. Летописи уточняют «10 недель и 4 дня», а если считать день окружения и падения города, то выходит, что киевляне сражались семьдесят шесть дней. Добавлю, что в 4-й Новгородской, Воскресенской, Никоновской, Тверской, Софийской и Густынской летописях названа другая дата падения Киева — 6 декабря 1240 года.

— Чему же верить?

— Последней дате тоже надо верить. Киевская оборона 1240 года — Брест нашего средневековья! В Ипатьевской летописи называется самая последняя оборонительная цитадель после падения первых укрепленных «градов»: «гражане же создаша пакы дроугии градъ около пресвятое Богородице», к которой приступили враги и где «бысть брань меж ими велика». Первая каменная киевская церковь — так называемая Десятинная — стала последним оплотом Дмитра и последних защитников города. Сражение за эту церковь было настолько упорным и длительным, что осажденные начали рыть из нее тайный подкоп — археологи нашли глубоко в земле вертикальный ствол, поржавевшие заступы и дужки от ведер, в которых поднимали землю... Но произошло непредвиденное и непопра-

вимое, как бы символизирующее трагический конец блестящей средневековой русской цивилизации.

— Что именно?

— Видно, немало последних киевлян «оузбегшимъ и на церковь и на комаръ церковныя и с товары своими». Мы не знаем, какие были верха у Десятинной церкви — имелись, очевидно, и колокольня, и купола, и закомары, из-за которых можно было отстреливаться и бросать камни; «товарами» же, видно, летописец назвал драгоценности, а также, может быть, фамильные иконы и книги — не могли же в самом деле гибнущие люди тащить на церковь ткани или кожи... И вот своды храма, которому было уже примерно двести пятьдесят лет, не выдержали и рухнули, «от тягости провалишася». Случилось это, наверное, как раз 6 декабря 1240 года. Таким образом, *Киев сражался около трех месяцев,* а точнее, *девяносто три дня.* Это одно из самых примечательных в мировой истории оборонительных сражений пришлось как раз на календарную середину полуторатысячелетней жизни великого русского города... «Взяша Киев татары, и святую Софию разграбили, и монастыри все, и взяли иконы и кресты и узорочье церковное, а людей, от мала до велика, всех убили мечом».

Смерть и разрушение пришли в юго-западную Русь, охватив все ее города и веси. После уничтожения десятка муромо-рязанских городов, двух десятков владимиро-суздальских, новгородского Торжка, нескольких смоленских городских поселений, Вщижа, Обловя, Серенска и Козельска черниговских, погибло двадцать шесть киевских, четырнадцать переяславских, восемнадцать галицких, тридцать два волынских города. Самой густонаселенной к тому времени была Чернигово-Северская земля. По летописным сведениям, уже ко времени похода князя Игоря на половцев в ней числилось более пятидесяти городов, и от большинства их остался, по словам средневекового русского историка, «только дым, и земля, и пепел»...

После этого большого похода, подробности которого — совсем другая тема, Бату, как известно, обосновался за Волгой и до самой смерти под всяческими предлогами уклонялся от поездок в столицу империи. Однажды его послам в метрополии даже остригли бо-

роды, он и это снес, будучи человеком трусливым и осторожным. Будучи же мстительным, зорко следил издалека за теми, кто ему когда-то нанес тяжкие оскорбления. Гуюк, ставший в 1246 году великим ханом, недолго наслаждался верховной властью. Выйдя в военный поход против Бату, о чем тому донесли заранее, он дошел только до Самарканда, где, как пишет Рашид-ад-Дин, его «настиг предопределенный смертный час и не дал ему времени ступить шагу дальше того места, и он скончался». Есть предположения, что Гуюк был отравлен людьми, подосланными Бату. Описанию дальнейших кровавых событий Рашид-ад-Дин предпосылает средневековый персидский стих:

На то место, где тебе надо что-либо выжечь,
Бесполезно класть целебный пластырь.

Настал черед Хархасуня. Согласно летописи Рашид-ад-Дина, сын Толуя Монке, взошедший на престол с согласия Бату, казнил вдову Гуюка и многих родственников, «вбиванием в рот камней» умертвил почти сотню военачальников, в том числе двух сыновей Илчжитая, включая, конечно, «старшего эмира» Хоркасуна (Хархасуня, Аргасуна). Отец казненных, племянник Чингиза Илжитай-нойон (Элчжигатай «Сокровенного сказания»), сумел бежать на запад, но его поймали в Афганистане и привели к Бату, где он соединился со своими сыновьями...» Змея заглатывала собственный хвост.

Удовольствие расправиться с Бури, активным участником династического и военного заговора, Монке тоже предоставил Бату, который и «предал его смерти». Французский путешественник Гильом де Робрук пишет, что Бату будто бы приказал отрубить Бури голову за то, что тот, будучи во хмелю, говорил о владыке Итилии оскорбительные слова и вздумал пригнать в Золотую Орду свои стада на пастьбу. Только едва ли Бури был обезглавлен; монгольские ханы не проливали кровь родственников, а топили, травили ядами, душили, закатывали в ковры и забивали до смерти.

В кровавом ристалище 1251 года уцелели только самые верные военные служаки. Среди событий того времени персидские летописи сообщают о посылке Бу-

рундая-нойона во главе десяти туменов «из храбрых тюрков» к берегам Отрара для подавления какого-то большого восстания, вспыхнувшего вблизи метрополии. И Бурундай, очевидно, стал воистину «великим воителем», если в 1258 году он был послан на дальний запад, чтоб привести в покорность Даниила Галицкого,— орда разрушила тогда последние крепости Руси, и у нашего народа остались нетронутыми только Смоленск, Новгород и Псков... В те же 60-е годы XIII века была начата Монке-ханом новая большая война в Китае. Захватническое войско возглавил сын Субудая Урянктай, командовавший тоже десятью туменами, только неизвестно, состояли ли они «из храбрых тюрков» или каких-либо других «татаро-монгол»...

Что же касается знаменитого отца Урянктая, то Плано Карпини, прибывший летом 1246 года в ставку Гуюка, еще застал Субудая в живых, назвав его в своих записках «старцем» и «воином». Главный воитель XIII века, всю жизнь прослуживший Чингизу и его потомкам, проливший от Приморья до Венгрии реки человеческой крови, бесследно исчез в тумане истории — сведений о месте, времени и обстоятельствах его смерти нет. Рашид-ад-Дин только сообщает, что личную отцовскую тысячу принял его младший сын Кокэчу.

А Бату, внук Темучина, сын Джучи? Вспоминаю рисунок из школьного учебника сорокалетней давности. Китайский художник-миниатюрист изображает юного безбородого Батыя: свободная восточная одежда, мягкие чувяки с загнутыми носками, вальяжный шаг и красивое, изнеженное, капризное лицо, похожее на девичье. Он и в самом деле, очевидно, не был сильной и мужественной личностью, если в истории нет ни одного упоминания о его участии в боях, если в жестокой борьбе чингизидов за богатства и земли он получил наихудший удел на дальней бесплодной северо-западной окраине империи. Руками военнопленных и рабов построил свою столицу далеко в стороне от метрополии и важнейших торговых дорог, избегал бывать даже на курултаях, так и не решился вступить в борьбу за великоханский престол, который после смерти спившегося Угедея пустовал пять лет, по-

том был занят врагом Бату Гуюком, а через два года уступлен Монке.

За последние пятнадцать лет жизни Бату ни разу ни с кем не воевал, жил безмятежно, наслаждаясь в роскошном дворце восточными сластями, разноплеменным гаремом, безграничной властью над покоренными народами, куражась над их послами с неуравновешенностью алкоголика и расправляясь с их князьями с жестокостью сатрапа, потягивая винцо не только на досуге, но и, кажется, перед официальными приемами далеких гостей. Гильом де Робрук, побывавший в Бату-Сарае в 1253 году, писал: «Лицо Батыя было тогда покрыто красными пятнами». Через три года Бату-хан бесславно окончил свою жизнь и, в отличие от других потомков Чингиза, похороненных на родине, был зарыт в прикаспийской степи вместе с многочисленными, как пишет Большая Советская Энциклопедия, «женами, слугами, конями и баранами».

Любознательный Читатель. Вернемся, однако, к первому набегу орды... Вопрос о начальной численности степного войска остается спорным, не так ли?

— Так. Точного числа воинов Бату-Субудая, появившихся на границах Рязанского княжества осенью 1237 года, никто не знает и, наверное, не узнает никогда — нет достаточно достоверных источников. Многие историки явно преувеличивали, когда писали о 300—500 тысячах всадников, которым нужно было прокормить в этом зимнем походе сквозь русские леса около миллиона лошадей, что абсолютно нереально! Надо учитывать, что размер фуража, заготовляемого на Руси в зиму, определялся собственными потребностями — излишки в те времена не производились за ненадобностью, сбыта не было. А русские сказители так описывают военное столкновение в верховьях реки Воронежа: «Батыева сила была велика, один рязанец бился с тысячью, а два с тьмою», то есть с десятью тысячами! Однако это всего лишь обычный фольклорный прием гиперболизации. Подсчет соотношения сил осложняет и то, что мы в точности не знаем, сколько на самом деле воинов выставило каждое отдельное княжество — Рязанское и Владимирское, сколько русских участвовало в сражениях на Воронеже, под Ко-

ломной, на Сити, сколько врагов погибло при взятии Рязани, Владимира и других городов, сколько осталось после двухнедельного штурма Торжка... Предположение о 150-тысячном начальном войске степняков наиболее приемлемо.

— Доктор исторических наук В. В. Каргалов пишет: «По существу, это были объединенные силы Монгольской империи. Численность войск Батыя достигала 150 тысяч».

— Силы Монгольской империи сражались тогда еще на четырех фронтах — китайском, половецком, персидском и корейском, часть воинов исполняла полицейские функции в покоренных странах. Но численность войск Бату-Субудая в 150 тысяч можно принять в качестве гипотезы, хотя не существует данных, чтобы говорить о ней с полнейшей уверенностью. Здравый смысл подсказывает, что в таком случае фуража крестьянской Руси хватило для зимнего прокорма своего скота и примерно 450 тысяч пришлых лошадей, хотя и постоянно уменьшавшихся в числе, что в открытых сражениях и при штурмах крепостей погибло значительно больше, чем сто тысяч степных воинов, что к Торжку орда пригнала зимней стужей десятки тысяч пленных, организовав для них ежедневное питание, или, наконец, что после взятия городов, большинство которых были небольшими, по 500 — 1000 жителей, не имели профессиональных дружин и надежных крепостных сооружений, значительная часть войска и коней ушла с богатой добычей в степь, о чем, правда, нет сведений. В любом случае, при любом начальном числе степного войска финал похода оказался плачевным — располагая поначалу подавляющим превосходством в численности, а позже достаточным временем до разлива рек и вскрытия озер, у орды Бату-Субудая в марте 1238 года уже не было сил, чтобы взять Новгород и Смоленск, а остаткам войска пришлось почти на два месяца задержаться у Козельска...

Но моя цель состояла не в том, чтобы сделать какие-то научные открытия; мне хотелось навести читателя на раздумья, пробудить у него интерес к прошлому — о нем мы знаем совершенно недостаточно, и все наши надежды возлагаются сегодня на историческую науку.

36 Задача историка заключается в том, чтобы объективно раскрыть, что, как и почему все происходило в прошлом; литератор же обязан опереться на достижения исторической науки и, рассмотрев минувшее сквозь призму своего мировидения, по-своему проиллюстрировать давние годы и события. Но что ему делать, если тема, какую он избрал, в *новейших* трудах историка поворачивается нежданными сторонами, видится в парадоксальных отдельных ракурсах, постепенно и полностью подменяющих твои знания о той эпохе совершенно другими, противоположными? Следовать этой научной новизне, чтобы, как говорится, не отстать от века, или самому попытаться, опираясь на исторические источники и сопоставляя точки зрения специалистов, самостоятельно увидеть прошлое?

XII—XIII века, нашествие кочевников... Арабский историк Ибн ал-Асир, современник событий: «Не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества и не будет ничего подобного до скончания веков и до страшного суда».

Два главных фронта — восточный и западный да два дополнительных — северный и южный; враги «со всех сторон русские полки обступили». Почему это произошло? Были ли какие-нибудь глубинные причины, вызвавшие, в частности, неслыханное нашествие степняков на Восточную Европу?

«...Я как историк вижу свою задачу в том, чтобы внести необходимую ясность» (Гумилев Л. Н. С точки зрения Клио.— «Дружба народов», 1977, № 2). Нуждаясь в ясности, ищу в работах современного специа-

листа-историка конкретные и точные данные о предыстории нашествия XIII века.

Первая и главная причина передвижений конных орд из азиатских степей в европейские, по мнению доктора исторических наук Л. Н. Гумилева,— изменения климата. «...Засуха X века подорвала хозяйство кочевников в южных, более засушливых местах, кипчаки (половцы) оказались в более выгодном положении: окраины сибирской тайги и многоводные реки спасли их от засухи. Благодаря этим природным условиям кипчаки одержали в X веке победу над канглами (печенегами) и гузами (узами, торками, туркменами) и, преследуя врага, вступили в причерноморские степи».

Несколько ранее была высказана иная точка зрения, тоже принадлежащая специалисту-историку и этнологу. Только печенегов он называет кенгересами, канглами же — совсем другой степной народ и верно указывает, что печенеги были первыми кочевниками, появившимися в причерноморских степях еще в IX веке, и ни половцы, ни, естественно, засуха X века были тут ни при чем, так как «во второй половине IX века хазары и гузы заключили союз и так стеснили печенегов, что часть их, обитавшая в Устьюрте, покорностью купила себе покой, а другая часть прорвалась в причерноморские степи и около 890 г. достигла нижнего Дуная...» (Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 95).

Итак, печенеги появились в Причерноморье из-за военно-политической ситуации IX века в центре Великой Степи, а половцы — все же по причине засухи X века? Однако существует мнение, что в X веке никакой засухи в Великой Степи не было и с IV века нашей эры она буйно и непрерывно цвела, хорошо увлажняясь атлантическими циклонами. «Так продолжалось до XIII в. с небольшим периодом усыхания в IX в.» Интересно, что и эта точка зрения высказана тем же автором и в той же упомянутой выше книге! И еще оттуда же опять совершенно противоположное: «...в X веке Великая Степь превратилась в пустыню»! Книга эта вышла в издательстве «Наука» и рассчитана, как сказано в предисловии, «на широкий круг читателей», но в ней есть немало страниц, при чтении коих читатель только широко разведет руками...

Любознательный Читатель. А чем все же объясняются в книге завоевательные походы степняков в XIII веке?

— Монголы-де пересидели засуху во влажном ононском бору, а «в XII веке происходило интенсивное увлажнение степной зоны Евразии и количество пастбищ увеличилось за счет изменения природных условий». Больше пастбищ — значит, больше скота и больше людей. Отсюда — внезапное усиление монгольских племен, экспансия орд Чингиза и его потомков.

— Но почему не усилились в XII веке племена, пересидевшие засуху, если она была, на тех же окраинах сибирской тайги, в Бузулукском лесном острове, Кулундинских ленточных борах или в обширнейшем и влажном алтайско-саянском горно-лесном районе?..

— На это ответа нет.

— Когда-то и что-то я слышал о детерминистах прошлого, вульгарно-материалистически объяснявших историю географией...

— В частности, профессора Брюкнер и Тутковский задолго до Гумилева связывали нашествия кочевых народов с засухами в Великой Степи. Они считали, что не увлажнения степи, а периодические усыхания заставляли кочевников в поисках корма для скота и, значит, собственного благополучия устремляться из Центральной Азии в Европу. Сухие периоды, полагали они, приходились на III, VIII и XII века нашей эры. Л. Н. Гумилев не вспоминает об этом, зато ссылается на Г. Е. Грумм-Гржимайло, который «рассматривал двухтысячелетнюю историю Азии целиком, т. е. синтетически».

— Грумм-Гржимайло был сторонником географического детерминизма?

— Посмотрим. У него есть высказывание о тенденции к усыханию сравнительно небольшой Алашанской степи в новое время, но его действительно синтетический подход к двухтысячелетней истории Азии потребовал трезвой оценки взглядов Тутковского и Брюкнера, которые пытались, как он пишет, «установить связь между массовыми передвижениями среднеазиатских народов и сухими периодами в III, VIII и XII веках. И, якобы как следствие, в III веке — нашествие гуннов, в VIII — венгров, в XII — татар». Следом

Г. Е. Грумм-Гржимайло уточняет исторические факты: «1. Гунны появляются в России (теснят вестготов) во второй половине IV века, поход же Аттилы через Германию, закончившийся битвой народов в долине Труа (в 451 г.), был совершен в конце первой половины V века. 2. Мадьяры только в конце IX столетия прикочевывают на берега Дуная из южно-русских степей, куда проникают из-за Волги в начале этого века. 3. Нашествие Батыя на Россию произошло в 1236 году, очевидно, что и *выводы, построенные на столь ошибочных данных, не могут быть верными».*

Будучи рыцарем точного, неподкупного знания, Грумм-Гржимайло отвергает умозрительные построения детерминистов не только из-за перечисленных выше несовпадений, но и ввиду полной их недоказуемости, из-за отсутствия основополагающих данных: «Как ни завлекательна эта гипотеза, как ни пытался профессор Тутковский обосновать ее ссылками на работы авторитетнейших ученых, все же главным ее недостатком остается ее совершенная необоснованность... Она лишена необходимой ей базы, которую могла бы дать ей только история, но именно история и опрокидывает ее».

— Выходит, и Л. Н. Гумилев тоже отвергает предположения Тутковского и Брюкнера?

— В том-то и дело, что нет! Не ссылаясь на предшественников, пишет, что за 2000-летний период «мы отметили три периода усыхания степей, каждый раз сопровождавшиеся выселением кочевников к окраинам Великой Степи и даже за ее пределы» (Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников. — «Природа», 1972, № 4, с. 50).

— А как эти периоды усыхания были определены?

— В другой публикации есть ответ, если его можно счесть ответом. «Путем сопоставления исторических событий с явлениями природы удалось подметить причины усиления и ослабления кочевых держав Центральной Азии и *обратным ходом мысли* (курсив мой.— *В. Ч.*) датировать периоды усыхания и повышенного увлажнения аридной зоны Евразии (Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт. — Известия Всесоюзного географического общества, 1968, т. 100, вып. 3, с. 199).

— То есть исторические события (как бы следствия)

датируются природными явлениями (как бы причинами), хотя причинно-следственная связь между ними научно не установлена?

— Выходит, так... К чести старой русской науки, Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло принципиально утверждал, что попытки найти физико-географические объяснения массовых передвижений народов или, добавим, больших межконтинентальных войн-нашествий «заслуживают того, чтобы на них остановиться, но не с тем, чтоб оттенить их положительное значение, а для того, чтобы отметить любопытный образчик разъяснения космическими причинами народных явлений огромной важности, выхваченных из истории и трактуемых независимо от данных этой истории».

— Но полностью отрицать влияние географических, природных факторов на историю народов, наверное, нельзя?

— Безусловно. В частности, климат Великой Степи с веками действительно менялся — в течение веков и тысячелетий... Установить циклы вековых колебаний ветров и увлажнений, увидеть их истинное влияние на жизнь людей — задача интересная и, наверное, очень сложная, не терпящая упрощенчества. «...Целесообразно рассматривать человечество как вид Homo sapiens,— пишет, между прочим, Л. Н. Гумилев.— Но тогда все закономерности развития *всех видов млекопитающих* (курсив мой.— *В. Ч.*) применимы к людям». Нет, человеческие сообщества все же не скопища леммингов, а их перемещения по лику земли, создание там или сям сильной государственности, большие завоевательные походы зависели не столько от засух или сочности травостоев, сколько от социально-экономических, политических и иных общественно-исторических причин.

— В самом деле, разве можно какими-то климатическими изменениями объяснить завоевательные походы Александра Македонского, Тамерлана или Наполеона, отсутствие больших перемещений народов Великой Степи за последние восемь веков или переселение в Сибирь части русского европейского населения, начатое казаками в XVI веке?

— У Л. Н. Гумилева, кроме неодетерминистской гипотезы, есть новейшая теория «пассионарности» от латин-

ского «passio», «страсть». Из-за природных факторов, каких-то неясных биологических и космических причин будто бы образуются в определенных районах планеты очаги человеческой активности, рождающие «пассионариев». «...Пассионарность не только передается от родителей к детям, но и возникает в определенные эпохи на строго очерченных регионах с размытыми границами». Среди «пассионариев» ученый числит, например, Александра Македонского и Наполеона, Магомета и Яна Гуса, а к неполноценным, не удостоенным благосклонности природы, относит обширные ареалы и «неполноценные народы Сибири, Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока, Прибалтики, бенгальцев, тамилов и многие другие народы Индостана, а также Африки, Америки, Западной Европы...

— Это в той же популярной книге?

— Нет, в многочисленных статьях, напечатанных за последние годы в специальных периодических изданиях. Но один лишь пример из реальной истории средневековой Руси полностью опрокидывает искусственные неодетерминистские и «пассионарные» построения. Если в X веке Великая Степь «превратилась в пустыню» из-за смещения влагонесущих циклонов на север, то на обширных просторах всегда достаточно увлажненной Русской равнины должно было наступить переувлажнение, что сопровождалось бы расширением болот, подтоплением сел и городов, малым медовым сбором, плохим опылением культурных растений, уменьшением вегетационного периода, вымоканием урожаев, сокращением сенокосных и пахотных угодий, сухопутных и зимних транспортных путей и, как следствие, замиранием политической, хозяйственной и военной деятельности народа, живущего в этом районе Евразии, потерей им той самой пассионарности, какая, согласно той же гипотезе, идет, как говорится, от бога, если счесть «богом» невыясненные природные причины подсознательных психодинамических реакций «вождей», ведущих за собой «толпу».

Допустим все же, что переувлажнение Русской равнины в X веке имело место, однако социально-общественные последствия его были прямо противоположными. В том веке — совершенно исключительном в русской истории! — окончательно сформировалось и вышло на

мировую арену огромное раннефеодальное многонациональное государство, первое на этой территории. Вокруг Киева были объединены поляне, словене, древляне, радимичи, северяне, дреговичи, кривичи, вятичи, чудь, меря, весь. Киевская Русь приобщилась к христианству, письменности, международной жизни, нацелилась на усвоение и творческую переработку высочайшей византийской культуры. Формировался этнос, народ — у него была единая территория, центральная власть, общий язык, понятный всем от Карпат до Волги, от Ладоги до Азова. Строились города и погосты, содержались сильные дружины, то и дело снаряжались большие армии для ведения внешних войн. В 907-м, 941-м и 944-м были предприняты походы на самое Византию, в 981-м — на поляков, в 985-м — на волжских болгар, а в начале века и в 993 году — на белых хорватов. Между беспрестанных сражений с печенегами, в 968 году едва не взявшими приступом Киев, было разгромлено паразитическое Хазарское царство, обращены в данников дулебы, тиверцы, ятвяги, состоялся военный поход в Крым и — по скандинавским источникам — к Норвегии, а также два похода на дунайских болгар. Ни одно столетие русской истории не выдвинуло столько выдающихся государственных и военных деятелей первой руки, как X век,— Олега Вещего, Игоря Старого, Ольгу Мудрую, Святослава Воителя, Владимира Красное Солнышко, Крестителя, Святого. Каждая из этих очень даже «пассионарных» личностей и события, связанные с ними, могли бы стать темами отдельных исторических романов, не идеализирующих ни личности, ни времена, ни нравы... Это было сильное захватническое феодальное государство, сравнимое по всем статьям с западноевропейской империей Карла Великого, и другим оно в те времена не могло быть. Взрыв политической и военной активности, наблюдавшийся на Русской равнине в X веке, объясняется, однако, не личными качествами киевских князей, климатическим циклом или «пассионарностью» региона, а глубокими экономическими, социальными и иными объективными историческими процессами...

Кстати, космическо-климатическая гипотеза и теория «пассионарности» Л. Н. Гумилева — своего рода элементы его «этнической истории», суть которой сво-

дится к тому, что соседствующие так называемые «суперэтносы» должны непременно вступить между собой в вооруженный конфликт и что процесс этногенеза и, в частности, усиления-ослабления степных кочевых держав «происходит не по линиям общественного развития, а по этническому заполнению регионов. Таким образом подтверждается, что этнос не спекулятивная категория, а явление природы, т. е. разновидность биосферы земли» (Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт.— Известия Всесоюзного географического общества, 1968, т. 100, вып. 3, с. 201).

Любознательный Читатель. Может быть, я чего-нибудь недопонимаю, но мне кажется, что умозрительными построениями Л. Н. Гумилева очень легко объяснить причины любой войны или агрессии.

— Вы отлично все поняли... И не столько объяснить, сколько, как это ни покажется чудовищным, *оправдать!* В глубокой, всесторонне аргументированной статье наш ведущий исторический журнал, в частности, пишет: «Своей концепцией этнической истории Л. Н. Гумилев, по существу, оправдывает жестокие завоевания и кровопролитные межэтнические конфликты. В чем же виноваты Чингиз-хан, Наполеон или Гитлер и, главное, при чем тут феодальный или капиталистический строй, если «пассионарная» активность таких «героев» была вызвана биологическими мутациями, а сами они и поддерживавшие их группы, проводя завоевательные войны, следовали лишь биогеографическим законам развития монгольского, французского или германского этносов?» (Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории.—«Вопросы истории», 1974, № 12, с. 83).

Однажды, выступив одновременно с Л. Н. Гумилевым (в журнале «Природа», 1970, № 2), академик Ю. В. Бромлей напомнил слова Гегеля о недопустимости «...указывать на климат Ионии как на причину творений Гомера или на честолюбие Цезаря как на причину падения республиканского Рима».

В соответствии с основными взглядами Л. Н. Гумилева в его работах немало конкретных спорных высказываний, в частности по истории русского средневековья, и на них следует непременно остановиться,

как на «любопытном образчике» объяснения второстепенными, часто надуманными причинами «явлений огромной важности».

«Для решения поставленного вопроса о столкновении монголов с Русью мы должны сделать экскурс в южнорусские степи, где в то время обитали «куманы, иже рекомые половцы». Когда монголы вытеснили меркитов в долину Иргиза, «обитавшие там куманы (половцы) приняли беглецов, тем самым став врагами монголов». И этот, так сказать, проступок половцев называется главной причиной войны с большим воинственным народом, пасшим свои стада от Иргиза до Днестра! Ну хорошо, а какова была причина разорительного нашествия на богатейшие города, на цветущие долины Средней Азии? Очень, оказывается, простая! Хорезм-шах Мухаммед не пропустил караван купцов-разведчиков и казнил монгольских послов. «С этого эпизода начинается кровавая лавина, которой монголы прошли по Средней Азии»,— пишет автор.

Первопричину же гибели русской средневековой цивилизации, оказывается, следует искать на Калке, где были убиты «послы» Орды...

Вернемся на Калку, чтобы разобрать очень непростую дипломатическую ситуацию, сложившуюся перед битвой, и военно-тактическую — во время нее. Тумены орды, ведомые Субудаем и Чжебе, обошли дербентским проходом Кавказский хребет, опустошив перед этим земли афганцев, персов, азербайджанцев, армян, грузин. Обогащенные драгоценной и транспортабельной добычей — сокровищами древних народов, воинственные пришельцы, быть может, уже грезили о далеких родных юртах, путь к которым лежал теперь через всю Великую Степь. Однако на подступах к этой степи они натолкнулись на отчаянное сопротивление аланов, или ясов, предков нынешних осетин, рядом с которыми встали воины других северокавказских народов и многочисленное половецкое войско во главе с ханом Котяком, отлично понимавшим, что его народ обречен, если орда из этих тесных гор вырвется на травяные просторы. В ущельях и распадках она лишалась маневренности, не могла использовать своей массированной мощи, и дело, говоря по-современному, запахло керосином. Тогда Субудай и Чжебе предложили полов-

цам вроде бы обоюдовыгодное соглашение — мы-де, татары, и вы, кипчаки, одного степного рода, а ваши союзники ясы — чужие и вам, и нам по крови; договоримся не трогать друг друга, и вы за это получите множество лошадей, нагруженных золотом и парчой.

Коварный замысел полностью осуществился — половцы, получив обещанное, кипчаки предали ясов, покинули кавказские предгорья и рассыпались по своим становищам, а орда прошла с мечом и огнем по Северному Кавказу, причем часть ясов примкнула к победителям и вместе с ними устремилась на север, чтоб отомстить половцам за измену.

«Монголы вели войну корректно»,— пишет Л. Н. Гумилев, замалчивая, однако, правду о подлом обмане в 1223 году половцев, дружить с коими пришельцы договорились! Орда с лихвой вернула подаренную добычу, дочиста разграбив половецкие становища, столь корректно «отблагодарив» за доверие, победу над ясами и их северокавказскими соседями. Половцы в поисках спасения и защиты устремились на Русь, во главе с тем же Котяком, сообщившим, что «сей род неведомо откуду приде, днесь землю нашу поплениша, а вашу заутро пришед, возьмут».

Русские князья немедленно «начаша воинство велие совокупляти», отложив традиционные распри: «Аще мы сим не поможем, и предадутся половцы татарам, то тяжчае ны будет». Поднял рать великий князь киевский Мстислав Романович, пришли с войсками Мстислав козельский и черниговский. Мстислав Мстиславович галицкий, Владимир Рюрикович смоленский, Олег курский «и друзи мнози князи». Короче, собралась, словно по давнему призыву автора «Слова о полку Игореве», почти вся русская земля. «Тогда татарове, уведавше, прислаша послы своя, рекуще: «почто хощете на ны итти кровь пролияти? Мы же не приидохом на вы, ниже на землю вашу и ничто вамо заяхом, а имамы рать с половцы. И аще хощете покой имети, устроиве мир, половец же к себе не приемлите». Это был тот же, только что успешно использованный на Кавказе, «ход конем»! Конечно, половцы, у которых тоже было рыльце в пушку, рассказали русским о «корректности» полководцев орды, поэтому «князи же рустии прияша сие зло, яко татаре сольстити хощут, не по-

слушаху» послов, разгадали коварный замысел пришельцев, намеревавшихся разбить врагов поодиночке. И вот послы-разведчики были убиты. Не раз и не два, что становится даже навязчивым. Л. Н. Гумилев утверждает, будто войны, что вела орда, вызывались убийствами ее послов, и этим простым логическим перевертышем все жертвы страшной агрессии превращаются в виновных.

Издревле предполагается, что посол — выравниватель, успокоитель международных отношений, посредник добрососедства, а «послы» орды были не кем и не чем иным, как последними разведчиками и провокаторами, предъявляющими оскорбительные и непомерные требования грабительского войска, готового в любом случае броситься на очередную жертву. Ничего не стоит выбрать из подробностей бесчисленных военных походов орды несколько примеров убийства ее лазутчиков или ультимативных провокаторов, но правильно ли, не разобрав ни одного конкретного случая, строить на этих единичных фактах целую концепцию? Конечно, то время было жестоким для всех, и где-то, возможно, посланцы орды были убиты по случайности, всегда и везде непредусмотренно нарушавшей любую закономерность мирного человеческого общежития или военной обстановки, где-то из-за их безмерно наглых, оскорбительных требований, предусматривающих, скажем, выдачу княжеских жен и дочерей полководцам орды, где-то — из-за военно-тактических соображений момента, дабы, например, уничтожить соглядатаев-врагов, увидевших крепостные сооружения и силы осажденных, отрезать себе путь к отступлению или капитуляции, ожесточить обороняющихся, чтоб они защищались, не рассчитывая на пощаду. Люди средневековья, конечно, куда лучше, предметнее нас представляли себе организованную беспощадность и аморальность орды...

Да, послов орды, впервые появившихся в 1223 году у границ Руси, как свидетельствует русская летопись, действительно убили, и якобы в ответ на это победители «так жестоко расправились» с русскими князьями, «настелив на них, связанных, доски и под стоны, хруст ребер и грудных клеток устроив пир над полководцами врага, задыхающимися от унижения и ярости, один за другим умирающими от ран».

Однако *кем* были убиты эти «послы», история в точности не знает. В. Ян в свое время писал, что *послы-сольстители были на обратном пути перебиты половцами.* В таком случае казнь русских князей после битвы — не отмщение за убийство послов, а убийство послов — отмщение половцами за коварное нарушение северокавказского договора, разгром их становищ и вернейший способ исключить любые дипломатические варианты как для орды, так и для русских.

Было, однако, некое историческое обстоятельство, важное для прояснения ситуации. Когда русские войска «сташа на Днепре», «татарове прислаша другие послы, рекуще: «почто послушали есте половец конюхов и послы наша избиша? И оже мира не хощете, идите к нам, а мы готовы. *Князь же велики отпусти послы тыя»* (курсив мой.— *В. Ч.*). Если русские по своей этической недоразвитости не понимали общепринятых еще с доисторических времен деликатностей в обращении с послами, то почему они их отпустили на этот раз, когда терять стало нечего и вопрос о скорой битве не на жизнь, а на смерть был предрешен?..

Субудаю пришлось хорошо подумать, как выманить их отряды в степь, рассыпать и лишить объединенной, ударной силы, а потом свершить привычное и простое дело, да так, чтобы надолго запомнили эти наивные урусы каменный мешок Калки-реки, которую, как говорили в Степи, вечное синее небо послало Субудаю, он-то знал, что сам нашел ее на половецкой земле и выбрал местом беспроигрышного сражения; противники за *восемь* суток беспорядочного преследования мелких конных отрядов истощили свои силы в безводной степи, а его воинство хорошо отдохнуло за эту неделю у прохладной, с высокотравными берегами реки.

В недавней своей массовой публикации («С точки зрения Клио». Журнал «Дружба народов», 1977, № 2) Л. Н. Гумилев снова утверждает, будто монголы вообще «объясняли войну против Руси как месть за убийство их послов»! Но «каков же был первый камешек *этой* лавины?» — спрашивает автор и отвечает с прежней последовательностью, выставляя попутно совершенно другую причину, вызвавшую «войну против Руси», и «подкрепляя» свою концепцию очередной подменой

понятий, возвращающей нас на Калку: «Убийство послов русскими князьями, среди которых был Мстислав Козельский и Черниговский, монголы восприняли как предательство гостей, что, как известно, в Степи считалось худшим из преступлений. Нападение на свое отступавшее войско они сочли вызовом, на который ответили кровавым набегом в 1237—1241 годах...»

Да, довелось дожить до таких времен, когда недоказанное убийство «послов» орды русскими князьями выдается за непреложный факт, сам этот сомнительный факт — за главную причину неслыханного нашествия, когда организованные степные грабители именуются *гостями*, а беспорядочное преследование разрозненными отрядами русских арьергарда быстрой конницы, без риска и потерь заманивающей врага в смертельную ловушку, *нападением на отступающее войско,* даже *вызовом*; удивительно, что все это печатается огромным тиражом в современном периодическом журнале!..

Но если первый «камешек» завоевательной лавины — бегство меркитов под защиту половцев, за что монголы должны были непременно отомстить, «ради чего и появились в 1223 году в донских степях», то ради чего они появились в степях и горах, принадлежавших киданям, меркитам, найманам, в государствах чжурчжэней и тангутов, в Корее, Индии, Афганистане, Иране, Азербайджане, Багдадском халифате, Грузии, Сирии, Армении, Китае, в Крыму, Польше, Моравии, Далмации, в Поднестровье, Тибете, Бирме, Вьетнаме и даже на острове Ява? Ради чего они на обширных просторах Евразии творили неслыханные жестокости?

Монголы, как сообщает Л. Н. Гумилев, своих убивали «охотно, но просто» — ломали спину или вырывали сердце; чужих еще более охотно и не так «просто» — снимали скальпы, расчленяли по суставам, живьем сжигали в кострах. В кафедральном соборе польского города Сандомира я видел тридцать три огромные картины, изображающие исторические подробности нашествия орды. На каждом из полотен — новые изощренные способы умерщвления, которым подверглись здешние священники и монахи в 1240 году. Однако самые, должно быть, чудовищные казни придумывал, как свидетельствует история, Хулагу, брат великого хана Мон-

ке, посланный завоевывать Переднюю Азию. Разгромив Багдадский халифат и казнив последнего аббасида, он направил угрожающее ультимативное письмо владетелю Сирии Насиру, правнуку знаменитого Саладина, главного врага крестоносцев. Насир с достоинством ответил: «Ваше высочество, мне пишете, что считаете себя орудием божьей кары, обращенным на тех, кто заслуживает его справедливый гнев, что вы нечувствительны к людской скорби, что вас не трогают человеческие слезы и что бог исторг из вашего сердца всякое чувство жалости. В этом вы правы: это величайшие из ваших пороков, и в то же время это черты характера, которые свойственны дьяволу, а не должны быть присущи государю. Это добровольное признание вас позорит». Защитника Мосула князя Салиха Хулагу приказал зашить в бараньи шкуры и обрек на медленную смерть от зноя и червей. Другому арабскому князю, одному из потомков Саладина, он вырывал клещами куски мяса из тела и забивал ими рот жертвы...

Нет, нашествия орды объяснялись вовсе не местью за укрытие беглецов, уничтожение «послов» или преследование «отступавших»! Причинами нашествия было: добывание в походе прокорма для воинов и лошадей, захват драгоценностей, дорогих мехов и тканей, скота, наложниц и рабов для паразитической степной олигархии, обращение народов и государств в бесправных данников; жестокости же орды стали проверенным способом деморализации жертв страхом.

Тему о мифических посольско-дипломатических деликатностях, якобы морально возвышавших степных завоевателей XIII века над прочими народами, хорошо иллюстрирует один пример. Открывая кровавую эпоху внешне-военной экспансии, Чингиз-хан в 1210 году грязно оскорбляет посла соседнего государства чжурчжэней, как бы завещая своим потомкам, если они сильны, презирать любые правила международных отношений. Г. Е. Грумм-Гржимайло: «История показывает, что монголы не придавали большого значения договорам и вообще не стеснялись нарушать свое слово, данное врагу даже при самой торжественной обстановке».

А Л. Н. Гумилев настойчиво продолжает поиск оправдательных причин военной степной агрессии XIII ве-

ка. Пишет: «Влекомые по степи необходимостью закрепиться на каком-то рубеже,— а это было непросто,— монголы дошли до самой Палестины, где только и были отбиты». Не повальный разбойничий грабеж, не обращение в рабов и данников всех встречных народов ради обогащения олигархической степной верхушки, удовлетворения ее непомерного властолюбия, а, оказывается, необходимость «закрепиться на каком-то рубеже» влекла по Евразии орду, трудностям закрепления которой «на каком-то рубеже» современный историк и этнолог даже вроде бы сочувствует!

Итак, «объективные» природные факторы и несколько донельзя субъективных и частных причин якобы вызвали невиданные в истории человечества захватнические войны! Конкретно обвиняются солнце, циклоны и дожди, а также недалекие и недогадливые жертвы агрессии с их, получается, незаконными правами на самозащиту, претензиями на человеческое достоинство и свободу, стремлениями помочь в беде соседям; такого, кажется, еще никогда не бывало в исторической науке... Самое, пожалуй, удивительное в концепции Л. Н. Гумилева то, что он категорически отрицает основную исходную причину, из-за которой «монголы оказались в Восточной Европе». Он пишет: «Распространенное мнение заключается в том, что они стремились «завоевать мир». В 30-е годы эта идея была настолько распространена, что даже известный романист В. Ян озаглавил финальную часть своей трилогии о монголах «К последнему морю», имея в виду Адриатику. Для наших современников, к счастью, этот вопрос не столь ясен, и они значительно менее категоричны». Подумать только — «к счастью»!

Но ведь это «распространенное мнение» считалось аксиомой не только в 30-е годы XX века, но даже в 30-е годы XIII века! Решение о нашествии на Европу было принято в 1229 и 1235 гг. общемонгольскими курултаями, исполнявшими наказы умершего Чингиза. Снова раскрываю «Юань-чао би-ши» («Сокровенное сказание», или «Тайную историю монголов»), в которой есть некоторые подробности, важные для нашей темы. «Огэдай (Угедей), вступивши на престол, так совещался с братом своим Чаадаем (Чагатаем): «Отец наш, царь Чингиз, оставил народы еще не завоеванные...»

(Здесь первый переводчик памятника П. И. Кафаров считает не лишним сделать примечание, уточняющее значение китайских иероглифов: «вэй вань ди» — собственно «недоконченные»)... В перечислении этих «недоконченных» народов некоторые их названия вполне понятны современному читателю: Кэшмир (северо-индийская провинция), Кича (Кипчаки), Булгар (государство волжских болгар), Асу (ясы, осетины), Олусу (урусы, русские), а в китайской «Юань-ши» («Истории монголов») упоминаются еще и не-ми-сы (немцы)...

С эпохи средневековья об этой химерической идее знала и Европа. Венгерский монах Юлиан, побывавший осенью 1237 года в южнорусских степях, первым донес до западных стран весть, что татары собираются, как он писал, «подчинить себе весь мир». Несколько позже Плано Карпини подтвердил: «Замысел татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир».

Л. Н. Гумилев, оказывается, все же осведомлен неплохо, если через несколько страниц, забыв, очевидно, о том, что утверждал ранее, пишет: «...в пролитой крови утонула идея *всемирной* (курсив мой. — *В. Ч.*) монгольской монархии». Значит, она, идея эта, все же существовала?

Для наших современников это совершенно ясно еще и потому, что найден подлинный манускрипт середины XIII века, редчайший и ценнейший политический документ, из первых рук свидетельствующий об идее всемирной монгольской империи. Это письмо самого Гуюк-хана, привезенное Плано Карпини осенью 1247 года папе римскому Иннокентию IV в ответ на его буллу.

История письма драматична и несколько таинственна. О нем узнали еще в XIII веке из многочисленных рукописных копий записок Плано Карпини, а позже — из печатных изданий и переводов его книги. Папский посол поведал, что перед отъездом на родину ему вручили это письмо, которое он перевел на латынь. Ханские писцы заставили переводить ее обратно отдельными фразами, «желая знать, не ошибаемся ли мы в каком-нибудь слове, и приговаривая: «смотрите, чтобы все хорошенько понять, так как нет пользы от того, что вы не поймете всего...» Затем они вручили подлинник письма, дважды скрепив его ханской печатью. Он был написан «по-сарацински», «чтобы можно было найти

кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы ее, если пожелает Господин Папа».

И вот случилось так, что письмо потерялось,— ни латинского, ни «сарацинского» текстов! Либо «Господин Папа» и его преемники не пожелали, чтоб кто-то прочел наглое и унизительное ханское послание, либо необъятные ватиканские архивы были в таком состоянии, что найти ценнейший исторический документ не удавалось почти семь веков. Историки не только не знали содержания письма, но долго и безуспешно гадали, что вообще это значит — «по-сарацински»...

Представляю волнение и радость польского ученого монаха Кирилла Каралевского, который обнаружил в архивах Ватикана узкий и длинный, более метра, свиток, склеенный из двух кусков ветхой бумаги. Большие красные печати, персидские письмена... Это случилось лишь в... 1920 году!

Виднейшие тюркологи, иранисты и монголоведы перевели текст ханского послания к главе европейского христианского мира. За угрожающей вводной строкой, написанной по-тюркски: «Силою вечного неба (мы) Далай-хан всего великого народа; наш приказ»,— следовало предостерегающее, приказное, презрительное, хотя местами и не совсем внятное письмо, в котором явные и скрытые угрозы перемежаются-сменяются покровительственной иронией, оправданиями кровавых агрессий... убийствами послов (!), принципиальным провозглашением права грабить и уничтожать народы, наглейшими ультимативными требованиями и, наконец, — именем бога! — прямой угрозой войны. Вот это интереснейшее письмо-приказ слово в слово: «Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял.

После того как держали совет в... области Kärä! (Керулен), вы нам отправили просьбу о покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий папа, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать в это самое время.

И еще. Вы сказали, что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли.

И еще. Вы послали мне такие слова: «Вы взяли всю область Majar (Венгров) и Kiristan (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?» И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингиз-хан и Каан послали к обоим выслушать приказ бога. Но приказу бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. (Так вот, оказывается, как монголы объясняли войны и жестокости убийствами их «послов»! — *В. Ч.*) В этих землях силою вечного бога люди были убиты и уничтожены. Некоторые по приказу бога спаслись, по его единой силе. Как человек может взять и убить, как он может хватать (и заточать в темницу)?

Разве так ты говоришь: «Я христианин, я люблю бога, я презираю и...» Каким образом ты знаешь, что бог отпускает грехи и по своей благости жалует милосердие, как можешь ты знать его, потому что произносишь такие слова?

Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно «мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами.

Вот что вам следует знать. А если вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному богу это известно.

В последние дни джамада-оль-ахар года 644 (3—11 ноября 1246 г.)».

На печатях же переводчики прочли следующий текст: «Силою вечного неба народа великих Монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть боятся».

Удивительное совпадение: Чингиз-хан, Угедей-хан, Бату-хан и Гуюк-хан — первые враги и губители монгольского народа — вместе со своими раздувшимися от человеческой крови военными советниками цинично оп-

равдывали собственные преступления именем бога; спустя семь веков ворвалась на нашу землю бронированная западная орда, солдаты которой носили ременные пряжки с надписью «Gott mit Uns», то есть «Бог с нами»...

Заключительная тирада статьи Л. Н. Гумилева звучит так:

«Найдены развалины Трои, раскопана Вавилонская башня, спасены сокровища Тутанхамона, прочтены иероглифы майя, раскрыта подделка летописи, совершенная Иваном Грозным, оспорен односторонний взгляд на монголов...

Хвала Клио!»

Удивительно не то, что Л. Н. Гумилев полагает, будто им руководительствует божество, — удивляет и, правду сказать, поражает скромность ученого.

Свято верю в науку, это единственное средство проникнуть в тайны природы, понять закономерности развития общества, познать человеку самого себя. Допускаю в числе научных методов познания сущего гипотезы, анализ более или менее достоверного и более или менее спорные выводы и предположительные обобщения. Однако нет, кажется, в сегодняшнем научном арсенале способов, которые помогли бы раскрыть причины заведомо ненаучного подбора фактов и тенденциозного истолкования бесспорных истин.

Не стоило бы, пожалуй, уделять построениям Л. Н. Гумилева такое внимание, если б он не был столь настойчив и последователен, а его возможные оппоненты столь молчаливы. И вот я, русский писатель, интересующийся родной историей и отнюдь не претендующий ни на какие открытия в ней, снова раскрываю его книгу: «Две кампании, выигранные монголами в 1237—1238 и 1240 гг., ненамного уменьшили русский военный потенциал. Например, в Великой Руси пострадали города Рязань, Владимир и маленькие Суздаль, Торжок и Козельск».

Две короткие фразы, но сколько в них пренебрежения очевидными данными истории, сколько сознательно передернутых фактов, сколько оскорбительного для наших предков, а значит, и для нас! Неожиданные гра-

бительские набеги орды уважительно именуются «кампаниями», которые так называемые монголы «выиграли». «Военный потенциал» и «города» — не одно и то же, так что пример в данном случае логически неоправдан, ненаучен, и «широкий круг читателей» в этом месте, надеюсь, еще раз недоуменно и широко разведет руками, расширив круг *понимающих*. Называя далее «Великой Русью», должно быть, Рязанское и Владимиро-Суздальское княжества XIII века, автор числит в них Козельск, принадлежавший Черниговской земле в качестве центра его дальнего удельного княжества, и Торжок, что, не будучи княжеским уделом, вел большую и самостоятельную торговлю, являясь фактически торговым филиалом и новгородцев, и владимирцев, и тверян, административно-пограничным пунктом и военной крепостью общерусского значения, состоявший в 1237 году под протекторатом Новгорода. Впрочем, это мелочь, и куда важнее здесь общий список городов и будто бы мимолетное словцо «пострадали»...

Что бы вы подумали, дорогой читатель, если б вдруг узнали, что в 2700 году, то есть также через семьсот с лишним лет после событий, некий ученый напечатает на нашей с вами родине книгу, в которой сделает следующее сенсационное открытие: за несколько кампаний, «выигранных» немецкими фашистами в 1941—1942 гг., *пострадали* города Минск, Сталинград и маленькие Торжок, Жиздра и Козельск? Такое сравнение при всей его полемичности хорошо иллюстрирует методику Л. Н. Гумилева. Ведь почти во всех русских городах орда *полностью уничтожала* жилища и население, включая, как сообщается в летописях, младенцев, «сосущих млеко», а если уж затевать разговор об истинных масштабах разорения Руси в 1239—1240 гг., то как можно делать вид, что за эти годы не были превращены в руины Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород-Северский, Владимир-Волынский, Галич и превеликое множество других русских городов?! Что же касается территории еще не существовавшей тогда «Великой Руси», то я приведу здесь примерный список городов, разграбленных и сожженных ордой только за зиму 1237/38 г. в Рязанском и Владимирском княжествах: Пронск, Бель, Ижеславец, Исады, Новый Ольгов, Борисов-Глебов, Старая Рязань, Рославль, Коломна, Москва, Стародуб-на-

Клязьме, Владимир, Суздаль, Ростов, Боголюбов, Юрьев-Польской, Переяславль-Залесский, Городец, Константинов, Кострома, Дмитров, Мышкин, Кснятин, Кашин, Бежецк, Углич, Ярославль, Красный Холм, Волок Ламский, Тверь — тридцать городов!

Вы заметили, конечно, дорогой читатель, что я не упоминаю в этом длинном списке, отдельно числя, героически сражавшиеся Торжок и Козельск,— они были взяты весной 1238 года и не входили в состав Рязанского или Владимирского княжеств. Не называю я также больших городов «Великой Руси» Мурома и Нижнего Новгорода, разоренных ордой в 1239 году, Вологды, тоже павшей, согласно Воскресенской летописи, зимой 1238 года, смоленских и черниговских Ржева и Дорогобужа, Ельни, Вязьмы и Обловя, Вщижа и Серенска. Учтем также, что не все тогдашние города успели попасть в летописи, судьба многих известных — неизвестна, и я вспоминаю заметки Александра Грибоедова, который живо интересовался историей и топонимикой средневековой Руси. Называются эти записи «Desiderata», то есть «Пожелания», и вот одно место из них: «Между именами городов великого княжества Рязанского в исчислении русских городов (...) иные нам знакомы, другие вовсе исчезли. Наша историческая география много бы свету приобрела, кабы кто потрудился определить их местоположение. Например, где полагать должно *Торческ, Тешилов, Крылатеск, Неринск (Нерильск?), Кулатеск* и тот *Рославль* или лучше *Ярославль-Польский*» (курсив А. С. Грибоедова.— *В. Ч.*).

Как мог ученый-источниковед пренебречь общеизвестным свидетельством летописца, который с пунктуальной точностью сообщает об успехах первой, так сказать, кампании орды на Владимирской земле: «В един февраль месяц взяша четырнадцать градов»? И пусть большинство из них были действительно маленькими, но почему из общего количества разрушенных русских городов называется ничтожная их доля? Неужто с целью искусственно, хотя и в неясных целях, приуменьшить тяжкую напасть, что обрушилась на Русь лютой зимой 1237/38 года?

Это по меньшей мере грешно: наши далекие предки, подарившие нам величайшее счастье — жизнь на земле, пустыми глазницами смотрят нам вослед, а их уце-

левшие современники уже тогда точно и кратко назвали то, что произошло, *погибелью Русской земли.*

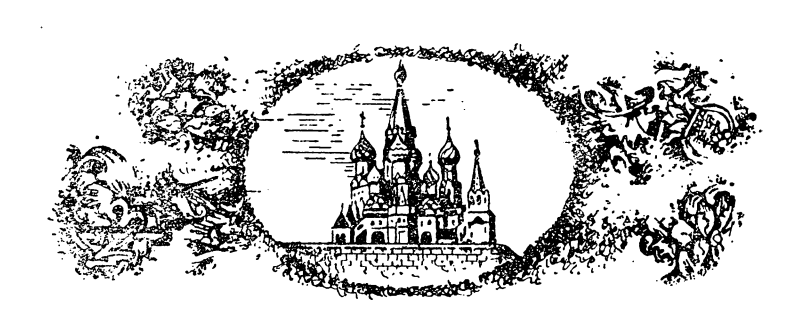
«Поищем причину «погибели»?» — попутно спрашивает Л. Н. Гумилев и тут же ответствует: «Только ослепление непомерным эгоизмом лишило князей Рюрикова дома воли к сопротивлению. Только их полная неспособность объединиться...» Ах, как все, оказывается, просто!..

Исторически сложившаяся феодальная раздробленность, малочисленность дружин и ратей, большие труднопреодолимые расстояния для оповещения и сборов войск у русских, и в то же время прекрасно поставленная разведка, внезапность нападения, огромный боевой опыт и гибкая военная тактика степняков, наличие у них новейшего оружия — китайских баллист и чжурчжэньского огня, жестокость как средство деморализации противника, умение заинтересовать и обеспечить разбойничьей добычей, собрать и дисциплинировать беспрерывными казнями большое разноплеменное и разноязычное войско — вот некоторые подлинные и достаточно важные причины побед орды.

Назвав лишь пять «пострадавших» городов «Великой Руси», автор тут же делает очередное сногсшибательное открытие: «Прочие города сдались на капитуляцию и были пощажены». Ни больше ни меньше! Но разве ж не было сражения под Коломной, во время которого погиб воевода Еремей Глебович, а из осаждавших — сын самого Чингиза Кулькан? Разве не сражались с мужеством и яростью герои-москвичи? Они хорошо понимали, что обречены — «зане не успеша утвердити» крепостных стен. И вот внезапно напавшее многотысячное войско врага только *пятидневным* штурмом овладело будущей великой русской столицей, захватив в плен дорогую добычу — Владимира Юрьевича, сына великого князя, руководившего обороной. Рязань, Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Боголюбов да и все другие большие и маленькие русские города, о которых с таким пренебрежением пишет Л. Н. Гумилев, стояли в те трагические дни насмерть, бились до последнего человека, способного держать в руках топор и меч, варить и лить со стен смолу, ковать багры и наконечники стрел, метать камни. Несчетные тысячи дружинников, воевод, ополченцев, мирных жителей и не

меньше пятнадцати русских князей погибли в зиму 1237/38 года; и нельзя выбросить из истории это общенародное и повсеместное сопротивление врагу, нельзя допустить попыток опорочить наших предков!

Напомню: знаменитый русский историк XIX века А. И. Костомаров писал, что при нашествии орды на Русь «не сдался ни один город, ни один князь». Советский академик М. Н. Тихомиров: «Мы не знаем русского города, который сдался бы на милость победителя».

37 Камушки, небрежно брошенные в прошлое, рождают лавину новых противоречивых и спорных положений. Намереваясь и в последующую историю средневековой Руси внести необходимую ясность, Л. Н. Гумилев утверждает, что после нашествия Батыя «Золотая Орда превратилась в восточноевропейское государство, где большинство населения было русским. Разумеется, порядок, установленный таким образом на Руси во второй половине XIII века, был далек от идеала, но любое другое решение было бы худшим». И далее: «Осуществлялся симбиоз Великороссии с Золотой Ордой», «тесный союз Орды и Руси».

Прежде всего Золотая Орда не была восточноевропейским государством, и русские в ней не составляли большинства хотя бы потому, что их княжества не входили в состав Орды. Золотая Орда, которая, кстати, так стала называться значительно позже, включала земли волжских болгар, мордвы, буртасов и черемисов (мари), башкирские и половецкие степи из конца в конец, северный и восточный Кавказ, Крым, значительную

часть Средней Азии, где в одном только бывшем Хорезмском султанате сам автор числит двадцать миллионов человек. В это непрочное феодальное образование были включены также Поднестровье, вся Западная Сибирь, и на карте Евразии оно выглядело неправильным гигантским ромбом, по углам коего располагались дельта Дуная, бассейн сибирской реки Чулыма, понизовья Оби, Сырдарьи и Амударьи.

Что же представлял собою этот «симбиоз» и «тесный союз», не «с точки зрения Клио», а на самом деле, с точки зрения очевидцев и хроникеров, и насколько «порядок, установленный таким образом на Руси во второй половине XIII века», был «далек от идеала»?

Замечательный русский писатель Серапион Владимирский, очевидец «нового порядка» на Руси XIII века, писал эпически просто и трагично: «Кровь и отець и братья нашея, аки вода многа, землю напои... множайша же братья и чада наша в плен ведени быша; села наши лядиною проросташа, и величество наше смирися; красота наша погыбе; богатство наша... труд нашь погании наследоваше... земля наша иноплеменником в достояние бысть».

А вот еще один документ. Через лупу рассматриваю узкую полоску бумаги, факсимильно воспроизведенную в прошлом веке с подлинника; ветхую, исписанную неведомым средневековым писцом старославянскими ломаными буквами. Этому документу нет цены! Найден он в Любече, на родине преподобного Антония, основавшего в XI веке Киево-Печерскую обитель.

Дважды бывал я в Любече, месте ссылки последнего древлянского князя Мала (Малко Любечанина), на родине одного из самых заметных раннехристианских деятелей преподобного Антония. Отсюда в 1074 году Святослав Ярославич «поя Онтония к Чернигову, и возлюби Болдины горы и, ископав пещеру, ту ся всели». Вскоре Антоний основал Киево-Печерскую обитель, и я вспоминаю о ней потому, что она стала первым центром культуры средневековой Руси, давшим, например, такое явление нашей начальной литературы и науки, как Нестора, автора бесценной «Повести временных лет», «Жития Феодосия», «Чтения о князьях Борисе и Глебе»... Подолгу любовался я днепровскими далями с холма, на котором когда-то красовался замок

Владимира Мономаха и где в 1096 году состоялся знаменитый Любечский съезд князей. Любеч уцелел от нашествия орды, но ничего в нем с той поры не осталось, кроме памяти, закрепленной в списке, лежащем передо мной. Хранился документ в монастыре, после упразднения которого он в 1786 году был передан в любечскую церковь Воскресения Господня, где его и обнаружили в середине прошлого века.

Поминальный список черниговских князей — тоненький лучик в далекое прошлое. Ученые и любители старины не раз обращались к Любечскому синоднику, чтоб найти в нем ответы на давние загадки.

Выписываю для себя имена тех, кого много веков здесь поминали при церковных службах: «Князя Дмитрия Черниговского, убиенного от татар за православную веру», «Князя Иоанна Путивльского, страстотерпца и чудотворца, убиенного от татар за христианы», «Князя Димитрия Курского, княгиню его Феодору и сына их Василия, убиенного от татар», «Князя Александра Новосильского, убиенного от татар за православную веру, и князя Сергея Александровича, убиенного от татар». Летописцы не заметили ни одного из этих князей! Но вот и знакомое всем нам имя: «Князя Василия Козельского, убиенного от татар за православную веру». За ним — Михаил черниговский. Этот внук Святослава Всеволодича, героя «Слова о полку Игореве», открывает новую трагическую страницу нашего путешествия в XIII век. Венгерский монах Юлиан писал о жестокости восточных властителей: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление». Плано Карпини: «Они посылают также за государями земель, чтобы те явились к ним без промедления, а когда они придут, то не получают никакого должного почета, а считаются, наряду с другими, презренными личностями. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же позволяют вернуться, чтобы привлечь других, некоторых они губят также напитком или ядом».

Михаил черниговский, казненный в Орде по приказу Батыя в 1246 году, — его, 67-летнего старика, долго били пяткой против сердца, — был не первой жертвой

нового «порядка», установленного на Руси после нашествия, и далеко не последней. Почти одновременно с ним, как известно, погиб отец Александра Невского великий князь Ярослав Всеволодович, отравленный Туракиней, матерью Гуюка. В разное время погибли в Орде рязанские князья Роман Ольгович, Иван Ярославич, Василий Константинович и еще один Василий, чье отчество неизвестно, тверские Михаил Ярославич, Дмитрий Михайлович Грозные Очи, Александр Михайлович и Федор Александрович, а также Андрей Мстиславич черниговский, Ярослав Ярославич суздальский и другие, и все эти жертвы приходятся на первые сто лет владычества Орды над Русью — таким-то был на деле «симбиоз» между ними!

Этот погостный список можно бы дополнить длинным перечнем князей и княжичей, которых Орда держала в качестве заложников, открыв его Олегом Игоревичем Красным. «Повесть о разорении Рязани Батыем» рассказывает, как погибли близ пределов рязанских «полки русские, полки храбрые» и вместе с великим князем рязанским Георгием Игоревичем (Юрием Ингоричем) «единую испили чашу смертную» его братья Давид муромский и Глеб коломенский. К концу битвы оставался в живых только Олег Игоревич.

Видел царь Батый Олега Игоревича,
Изнемогающего от великих ран,
И видел в бою его мужество,
И велел излечить от великих ран,
И для славы своей ему жизнь даровал.
Князь же Олег Игоревич
Гневно укорял царя Батыя,
Называл его безбожником
И врагом народа крестьянского.
Окаянный же Батый дохнул
Огнем мерзкого сердца своего
И повелел князя Игоревича
На части дробить ножами острыми.
И принял он венец своего страдания...

Давид и Глеб Игоревичи известны только по этой героико-трагической повести, летописи о них молчат. Что же касается Олега Красного, то В. Н. Татищев, основываясь на каком-то утраченном источнике, впервые упоминает его под 1235 годом, а Воскресенская летопись отрицает фольклорную версию — Олег не погиб

под Пронском, но был раненым уведен в Орду, где провел целых четырнадцать лет, и возвратился в Рязань, по сообщению Лаврентьевской летописи, только в 1252 году. С него начался список княжичей-аманатов, которых в Орде удерживали годами, чтобы обеспечить повиновение их отцов-князей. В разные годы там жили под постоянной угрозой смерти сыновья великого князя Дмитрия Константиновича суздальского Василий Кирдяпа и Семен, сын великого князя Михаила Александровича тверского Александр, сын Бориса Константиновича нижегородского Иван, сын Олега Дмитриевича рязанского Родослав и другие.

А сколько князей вынуждено было приезжать в Орду на поклон, подвергаясь унизительным процедурам шаманского «бешения и кудейства»! «О, злее зла честь татарская!» — горестно воскликнул летописец после явки к хану самого Даниила Галицкого. Александр Невский, кстати, был первым русским князем, который в 1242 году побывал в Орде. Потом ездил туда еще трижды. Из последней поездки он не вернулся, умерев по дороге домой от неведомого недуга в возрасте сорока трех лет. У нас нет доказательств, что он, как и его отец, был отравлен, но это отнюдь не исключено...

Навсегда останутся неизвестными погостные списки простых людей — русских, болгар, половцев, мари, мордвы, буртасов, адыге, черкесов, осетин, азербайджанцев, погибших по дороге в рабство от голода и холода, болезней и при попытках к бегству. Плано Карпини свидетельствовал, что в стране русских, «а также в Комании (то есть в половецких степях) мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу».

Л. Н. Гумилев пишет, будто «русские мастера ездили в Кара-Корум на заработки», только этого не подтверждают ни документы, ни очевидцы, ни умозаключения по каким-либо аналогам. На заработки в Кара-Корум! Русский человек не очень-то охотно едет и за семь верст, как говорится, киселя хлебать, а до Кара-Корума было семь тысяч верст тяжелой и опасной дороги. Да и было ли кому ездить-то на заработки? Плано Карпини писал, что в Орду из Руси насильно

уводили каменщиков, плотников, вообще всех ремесленников и всех холостых мужчин и женщин. Кроме того, забирали каждого из трех сыновей из больших семейств, а также нищих, чтоб, наверное, уничтожать их как непроизводящую часть населения. Оставшиеся облагались данью. «Когда Русские не могут дать больше золота или серебра, — свидетельствует Гильом де Робрук через десять лет после Плано Карпини, — татары уводят их и их малюток, как стада, чтобы караулить их животных».

По различным малотиражным специальным изданиям рассыпаны старые и новые документальные и археологические сведения о положении городских рабов, которые строили завоевателям города, храмы, дворцы, ковали оружие, обрабатывали драгоценности. Квалифицированные ремесленники вроде ювелира Кузьмы, сделавшего Гуюку золотой трон и квадратную печать, оттиски которой можно увидеть на письме хана римскому папе, жили семьями, а молодые рабы строили себе большие землянки, где они содержались под стражей. Рацион: хлеб на вес, «но очень немного» и «ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю». Одежда: «ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое», «иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках». Режим: «бьют как ослов». И это — симбиоз?!

Далекое — горькое и страшное! — время.

Никто и никогда не подсчитает, сколько людей было продано тогда в дальние страны. Из западноевропейского средневекового источника: «никакая другая торговля на Черном море в XIV—XV вв. не могла сравниться по важности с поставкой рабов в Египет». В работорговле Золотой Орды с Египтом, Сирией, Италией и Францией основным товаром были женщины. Итальянцы, например, закупали их в XIII веке на черноморских рынках в два раза больше, чем мужчин, а позже на одного раба брали четыре рабыни, причем неизменно по более высокой цене. В одном западноевропейском документе той поры названа самая большая цена, которая была заплачена за семнадцатилетнюю русскую девушку, — 2 093 лиры, а самый ходовой разноплеменный живой товар сбывался по цене 136—139 лир «за штуку». Тамошние законодатели, кстати, в том же

XIII веке разработали для рабов юридические нормы. В Руссильоне дети «белых татарок» Марф, Марий, Катерин и других, чьи имена не сохранились в документах, считались рабами, если даже они рождались от брака со свободным человеком, в Венеции провинившийся раб мог подвергнуться любой казни и пытке...

Много воды утекло, много страшного и горького приключилось за семь веков на родной земле, но почему-то не забывается и то, что пережили наши пращуры в десятом — пятнадцатом поколениях!

Не работается, нестерпимо хочется курить, и я выхожу на Ордынский тупик, в котором стоит наш дом. К нему примыкает небольшой сквер, где красуется оригинальнейший памятник архитектуры, охраняемый государством. Стройная трехъярусная колокольня совершенных пропорций и форм — Василий Баженов! С ней соединена трапезная классического стиля, расширенная двумя приделами. Небольшие изящные портики с колоннами ионического ордера глядят на обе стороны. И уж совсем полное отступление от канонов старого московского зодчества — так сказать, фасад, выходящий на Большую Ордынку. Это круглый храм без традиционных трех апсид.

Сколько ни смотрю на памятник, восстановленный после пожара 1812 года другим великим русским зодчим Осипом Бове, меня не покидает ощущение, что кроме смелых и нестандартных классических форм, пришедших с запада, есть в его облике и нечто восточное. Богатые и пестрые орнаментальные опояски, огромный сферический купол над закруглением алтарной части — ни дать ни взять завершение мечети или даже просто юрта! Храм, должно быть, не случайно стоит именно здесь, на углу Ордынки и Ордынского тупика, и не случайно называется Всех Скорбящих Радости...

Смотрю налево, пропуская машины, идущие с Красной площади. Как хорошо поставлен на ней Покровский собор — архитектурное чудо XVI—XVII—XVIII—XIX—XX и так далее веков! Когда идешь с той стороны, от Исторического музея, он вырастает перед тобой, величественно подымается в небо и будто парит над пустотой Замоскворечья, как что-то неземное, ска-

зочное, и только нелепый кирпич гостиницы, появившейся недавно, потеснил его слева своим серым углом.

Отсюда, с Большой Ордынки, гостиницы, к счастью, не видать. Иду к обводному каналу, «Канаве». От храма почти незаметно улица входит в изгиб. Левый ряд старинных домов ползет по неподвижным фасадам правого, и вот в небесном клинышке появляется шатровый придел Василия Блаженного, а за ним — купол за куполом — является каменная фантазия, целиком заполняя просвет Ордынки и... заслоненная какими-то каменными сараями сравнительно недавней кладки! По Черниговскому переулку, в котором стоит только что отреставрированный храм во имя Михаила Черниговского и его боярина Федора, убиенных в Орде, перехожу на Пятницкую. Улица изгибается уже за Канавой, и опять весь просвет ее заполняет сказочный храм Бармы Постника, олицетворяющий великий народный праздник давней победы. Памятник тоже частично заслонен рядовой постройкой прошлого века, сводящей на нет великолепное пространственное решение гениального зодчего...

В табачном киоске беру папиросы и спички, разменивая рубль, и вдруг вздрагиваю, вспомнив, что наша основная сегодняшняя денежная единица пошла от самых горьких и страшных времен в истории нашего народа.

В сущности, каждый предмет, на какой ни бросишь взгляд, имеет свою сложную и долгую биографию — будь то книга или часы, паспорт или компас, лампочка или монета; мир вещей нерасторжимыми узами связан с историей природы и людей... Вспоминаю, что в XIV веке великий московский князь платил Золотой Орде ежегодную «тягость» в 5 000 рублей, новгородский — 1 500; много это или мало?

Рубль. Кто не знает, что слово это образовано от глагола «рубить» и что-то когда-то и зачем-то разрубали, чтоб получить денежную единицу. Что, когда и зачем, вернее, почему?

Основной денежной единицей в домонгольской Руси была гривна, различная по весу и форме в разных княжествах, но я беру ее как среднюю денежную

единицу, о коей есть подробные сведения в трудах историков. Это не монета, а золотой или серебряный брусок, и не маленький, не легонький — весил он чуть ли не полфунта, точнее, 195 граммов! Реальную ценность серебряной гривны можно представить по ее покупной способности — за гривну можно было купить двести беличьих шкурок, за пять гривен раба. Серебро было в средневековой Руси привычным обиходным металлом, и цвет его издавна вошел в народную и литературную поэтическую речь. Кроме «сребряна стружия», то есть древка копья, в «Слове о полку Игореве» упоминаются серебряная седина Святослава Всеволодовича, серебряные струи Сулы и серебряные берега Донца. А выкуп за попавшего в половецкий плен князя Игоря был назначен в 2 000 серебряных гривен, за других князей — по 1 000, за воевод — по 100—200 гривен. Если учесть, что в походе 1185 года участвовало, кроме Игоря, еще четыре князя да несколько воевод, то простым сложением-умножением мы получим сумму, говорящую об огромных платежных возможностях Ольговичей.

В летописях то и дело встречаются сведения о золотых и серебряных княжеских подарках, выкупах и вкладах, и я приведу некоторые из них. Владимир Святой приказал выковать серебряные ложки для всей дружины, а в 996 году раздал нищим и убогим 300 гривен, очевидно, тоже серебра. В 1097 году Давыд Игоревич дал польскому королю Владиславу 50 гривен золота. Владимир Мономах, крупнейший землевладелец средневековой Руси, подарил отцу 300 гривен, то есть полцентнера золота. В 1123 году Василько выкупил у поляков Володаря перемышльского за 1200 гривен серебра. В 1130 году Всеволод пожертвовал новгородскому Юрьеву монастырю «блюдо серебряно в 30 гривнъ серебра». В 1146 году отец Игоря Святослав дал Ивану Берладику в земле вятичей «отступного» — 200 гривен серебра и 12 гривен золота. В 1155 году Андрей Боголюбский взял в Суздаль икону Богородицы и «въскова в ню боле 30 гривенъ золота, проче серебра». В 1174 году Ярослав (Остомысл) заплатил полякам за военную помощь 3 000 серебряных гривен. Изделия из драгоценных металлов и гривны были обычными и в торговле. В Смоленском

например, договоре 1219 года записано: «Аже латинскии купитъ суды серебряные, дати ему весцю от гривны серебра по ногате смоленской».

Эти сведения привел я для того, чтобы читатель мог судить о княжеских богатствах домонгольской Руси, о почти невероятном количестве драгоценных металлов, находящихся и в обороте и выключенных из него в виде церковной, монастырской и дворцовой утвари, украшений, посуды, оружейной оснастки, боярских, купеческих и иных накоплений.

Откуда? Марко Поло писал, что у русских «много серебряных руд, добывают они и много серебра». Это неверно — на Руси тогда не было серебряных рудников, как и золотых россыпей. Не выпадали на нее серебряные дожди, да и куры не приносили золотых яиц. Мне, к сожалению не удалось найти ни одного специального научного исследования об источниках драгоценных металлов на Руси, но можно предположить, что торговые пошлины, налагаемые на иноземных купцов, торговля оружием и мехами — этим легким, транспортабельным и дорогим товаром — создала основной золотой и серебряный запас средневековой Руси. Ведь она велась еще в те назапамятные времена, когда княжеская дань собиралась в виде беличьих, лисьих, горностаевых, куньих, соболиных, бобровых шкурок, пользующихся большим спросом в Византии, странах Средиземноморья и Западной Европы. В наиболее отдаленной европейской стране Англии, например, соболиные меха, как исконно русский пушной товар, были известны еще до норманнского завоевания. В англо-норманнских средневековых памятниках, начиная с XII века, во множестве вариантов встречается слово, обозначающее этот товар, с неизменной славянской основой: sibiline, sebeline, sambeline, sanbeline... Существовали также такие термины, как «clesmes» «klesem»— клязьминские меха, «Smolynq», «smoleynwerk» и «smolensgi scheswerk»— смоленские. «Слово «sable» вошло в геральдику с обозначением черного цвета; синонимом прилагательного «черный» является оно и в английском поэтическом языке» (Матузова В. И. Английские средневековые источники. М., 1979, с. 48).

Меха в огромных количествах добывались по всей

лесной Руси, много пушного товара и, кстати, урало-сибирского серебра давала меновая торговля с лесным Востоком. Драгоценную добычу приносили войны, откупы от войн, выкупы и, очевидно, продажа пленных, грабительские набеги на ближних и дальних слабых соседей, что в те времена повсюду считалось самым дешевым и «благородным» способом обретения благ. Половецкий хан Белдюз, например, выкупил себя за серебро и золото в 1103 году. А в 1193-м новгородцы осадили один югорский город и «высылаху къ нимъ лестьбою, рекуще тако: яко копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите смердъ своихъ, а своя дани». Урало-сибирское серебро, видать, и в дальнейшем шло на Русь. Именно из-за него в 1332 году Иван Калита начал войну с Новгородом. «Великий князь Иван приде из Орды, а възверже гневъ на Новгород, прося у них серебра закамьского».

Наконец, какую-то часть княжеских сокровищ, бережно передаваемых из поколения в поколение, образовывали свадебные и дипломатические подарки. Еще Ольга получила от византийского императора золотой подарок в 30 милиарезий, и не без драгоценного приданого брал, наверное, Владимир Святой княжну болгарскую и царевну византийскую, Ярослав Мудрый — принцессу шведскую, Владимир Мономах — английскую королевну, Юрий Долгорукий — дочь половецкого хана...

И все же исходным, главным источником, так сказать, валютной мощи средневековой Руси была ее природа и труд смерда. Князья, челядь, духовенство, боярство, купечество и воинство ничего материального не производили, их кормили, одевали и снаряжали «черные люди» — земледельцы, охотники, рыбаки, ремесленники, чей кабальный труд через даннические, торговые и военные опосредствования концентрировался в двухсотграммовых серебряных и золотых гривнах.

Нашествие 1237—1240 годов, кроме прочих неисчислимых бед, сопровождалось захватом и вывозом из Руси основных запасов благородных металлов. Их везли в слитках, гривнах, ювелирных изделиях. Вышаривали каждый храм и терем, грузили на верблюжьи горбы серебряные блюда, ложки, кубки, коль-

ца, подвески, чаши, оклады икон и книг. Драгоценности не испаряются, не усыхают, и я думаю иногда — где сейчас, в каких континентальных подземельях, на каких островах сокровищ хранятся свезенные когда-то в центр Азии пуды индийских, бирманских и персидских алмазов, тонны хорезмского, багдадского и сирийского золота, русского, польского и венгерского серебра?

После нашествий победители обложили огромной податью русских князей, а на пахарей назначили годовую дань «по полугривне с сохи». И как ни велики были вековые накопления, они в течение второй половины XIII века истощились, что попутно с подрывом всей экономики страны привело, как бы мы сейчас сказали, к девальвации — гривну начали рубить пополам, каждый серебряный «рубль» весил уже 97,5 грамма, а данники оказались не в силах платить больше, чем «по рублю с двух сох».

И если бы дань взималась единовременно и только, как говорится, чистой монетой! Доктор исторических наук В. В. Каргалов учел все «тяготы», что брала паразитическая верхушка Золотой Орды во второй половине XIII века. Кроме «поплужного», были еще «ям», «тамга» и «мыт», разного рода «дары», «почестья» и «пошлины», «поминки», «выходное» и «памятное», «поклонное», «кормное», «становое», «выездное», «мимоезжее», «ловитва» и просто ничем не мотивированное вымогательство ценностей, а общим числом *четырнадцать* разновидностей поборов! Отдельно собирались пошлины для хана, ханши, родственников хана и ханши, послов, баскаков и назначались внеочередные поборы — так называемые «запросы» на войну или на содержание чиновников. Эти «запросы» были нежданными и часто нежданно большими. Есть исторически достоверное сведение, что волжские болгары, чтобы выплатить один из таких «запросов», продавали своих детей...

Нет, не было во второй половине XIII века никакого единого «восточноевропейского государства», не было «симбиоза» и «тесного союза» Золотой Орды и Руси! Была у ордынских ханов обширнейшая средневековая колония с жестоким режимом грабежа и геноцида, управляемая через посредство русских феодалов, а также в какой-то мере через духовных лиц,

кстати, с самого начала освобожденных от каких бы то ни было податей. Чиновники Орды разработали гибкую и коварную систему двойной эксплуатации тружеников Руси. Князей убивали, держали в страхе за детей-заложников, умело натравливали друг на друга, не давали ни одному из них усилиться и в обмен на беспрекословное послушание и щедрую дань вручали им власть; эта треклятая политическая и экономическая система существовала за счет непомерной эксплуатации народа-великомученика.

И еще несколько слов, дорогой читатель, об одной чрезвычайной особенности русской жизни второй половины XIII века. У большинства из нас со школьной скамьи сложилось представление, будто нашествие Батыя враз разрушило средневековую русскую цивилизацию, подорвало ее экономику и культуру, а после него начался медленный, но неуклонный процесс возрождения производительных сил и национального самосознания. Это было не так, и Л. Н. Гумилев, выдвинув тезис о «тесном союзе» Руси и Золотой Орды во второй половине XIII века, волей-неволей, но все же скорее волей, чем неволей, поддерживает у массового читателя ложные представления о самом, быть может, тяжком полустолетии в истории русского народа.

Посмотрим, какой она была, вторая половина XIII века, для северо-восточной Руси, например, ставшей жертвой первого похода орды. Разрушенные города, сожженные села, уполовиненное население; подростки, бабы и старики строят жилища, пашут и жнут, вытягивая из себя все жилы, чтобы выжить и наработать на дань князю и Орде. Правда, вернулись из лесов беженцы, переселились из опасных степных мест уцелевшие семьи. Великий князь владимирский Андрей Ярославич, человек гордый и отважный, заявив, что «лутчи ми есть бежати в чюжюю землю, неж дружитися и служити Татаромъ», пытается заключить антиордынский союз с Даниилом Галицким. И вот началось!

1252 год. Большой отряд ордынской конницы под командой Неврюя разбивает княжескую дружину, разрушает Переяславль-Залесский и Суздаль, грабит и сжигает села, уводит скот и большой полон. «Тата-

рове же рассунушася по земли... и люди бещисла поведоша до конь и скота, и много зла створиша».

Из Бату-Сарая зорко следили за усилением того или иного княжества, за народными волнениями, немедленно предупреждая и пресекая попытки ослабить иго.

1254 год. Сражение Даниила Галицкого с ратью Куремсы.

1258 год. На границах Галицкого княжества появляется огромное войско во главе с самим Бурундаем, который вынуждает Даниила разрушить крепости и делает его постоянным данником Орды. Потом война с иранскими хулагидами несколько отвлекла Золотую Орду, но большие походы в Галицкое княжество и на Литву сопровождались попутным грабежом уже не единожды разоренных районов Руси. Были, очевидно, и нападения отдельных мелких отрядов, не зафиксированные летописцами.

1273 год. Войска Золотой Орды дважды нападают на новгородские земли. Разорение Вологды, Бежицы и их окрестностей.

1275 год. Разгром юго-восточной окраины Руси, района Курска. «Татарове велико зло и велику пакость и досаду створиша христианомъ, по волостемъ, по селамъ дворы грабише, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, и облупившие нагого пустять».

Поразительное историческое «откровение» высказывает Л. Н. Гумилев насчет этих лет: «Смоленск присоединился к Золотой Орде в 1274 году добровольно. В эти годы Орда, раздираемая мятежом Ногая, не вела завоеваний». Но ведь именно в эти годы степные грабители дважды прошли насквозь северо-восточную Русь — до Вологды, а разорение курских земель произошло по возвращении огромного золотоордынского войска из нашествия на Литву через Смоленское княжество, в котором новейшие археологические раскопки обнаружили страшное запустение сел и уменьшение населения.

1278 год. «Того же лета приходша Татарове на Рязань, и много зла сътвориша, и отъидоша въ свояси».

1281 год. Календарная середина «симбиоза», «тесного союза», конец коего наш историк определяет 1312 годом, — об этой дате мы еще вспомним... Жут-

кая середина! «Татарове рассыпашася по всей земле... и опустошиша вся». Враждующие меж собой сыновья Александра Ярославича навели на Русь многочисленную золотоордынскую рать под командой Ковгадыя и Алчидая. Были разрушены Муром и Переяславль, разграблены окрестности Суздаля, Ростова, Владимира, Юрьева-Польского, Твери, Торжка, часть новгородских сел.

1282 год. Новый опустошительный набег на владимирские и переяславские земли. «Пришедше, много зла створиша в Суздальской земли, якоже и преже сотвориша въ мимошедшее лето».

1283 год. Разорены и разграблены ордынским войском Воргольское, Рыльское и Липецкое княжества, города Курск и Воргол.

1284 год. Новая междоусобная война, быть может, инспирированная Ордой и проведенная при непосредственном участии ее войск. Великий князь Дмитрий Александрович пришел «ратию к Новугороду, и съ Татары и съ всею Низовьскою землею, и много зла учиниша, и волости пожгоша».

1285 год. «Князь Елторай Ординский, Темиревъ сынъ, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муром, Мордву, и много зла сътвориша».

1293 год. Самый страшный год второй половины XIII века. За краткой летописной строкой «в лето 6801 Дюдень приходилъ на Русь и плени градов 14 и пожьже» кроется, по сути, новое нашествие, что не уступало, пожалуй, разору при нашествии Бату-Субудая, потому что Дюдень никуда не спешил, и летописец смело делает это сравнение, ибо враги «села и волости и монастыри» и «всю землю пустую сотвориша», людей не только из городов и сел, но даже «из лесов изведоша» в полон. Были разорены Муром, Москва, Коломна, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Можайск, Волок, Дмитров, Угличе-Поле.

1293 год. «Того же лета царевичь Татарский Тахтамиръ приеде изъ Орды на Тферь, и многу тягость учини людемъ». По пути сквозь владимирские земли этот отряд «овехъ посече, а овехъ в полон поведе».

1293 год. Местный князь приглашал ордынскую рать под Ярославль для подавления народного восстания...

Три набега за один год! В ближайших к орде районах Руси грабить стало нечего — от Мурома до Твери золотоордынское воинство «положиша всю землю пусту».

1297 год. «В лето 6805 бысть рать Татарская, прииде Олекса Неврюи».

Такой-то вот «порядок» был установлен на Руси во второй половине XIII века! Пять нападений золотоордынцев — 1252, 1258, 1281, 1282, 1293 гг. — носили характер настоящих нашествий. В. В. Каргалов: «Владимирские и Суздальские земли опустошались за это время пять раз... Четыре раза громили татары «новгородские волости», семь раз — княжества на южной окраине (Курск, Рязань, Муром), два раза — Тверские земли... Переяславль-Залесский татары разрушали четыре раза (в 1252, 1281, 1282, 1293 гг.), Муром — три раза, Суздаль — три раза, Рязань — три раза, Владимир — по меньшей мере два раза (да еще трижды татары опустошали его окрестности)»...

Замечу, что труд В. В. Каргалова (Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967) вышел из печати за десять лет до публикации Л. Н. Гумилева, в которой утверждается, что установленная во второй половине XIII века «система взаимоотношений» между Русью и Ордой «может рассматриваться как симбиоз, союз»... Нельзя, кстати, отказать Л. Н. Гумилеву в последовательности — рассматривая в книге «Поиски вымышленного царства» период, предшествующий нашествию степняков на Русь в XIII веке, он в контрастном противоречии с данными истории утверждает, будто никогда не существовало и... половецкой опасности! Академик А. Б. Рыбаков писал в связи с этим: «Полное отрицание половецкой опасности в XII в. и старание преуменьшить результаты татаро-монгольского вторжения в XIII в. резко расходятся с данными науки и могут быть объяснены не привлечением новых источников, не эрудицией востоковеда, а предвзятой мыслью автора, его излюбленной дедукцией» (Рыбаков А. Б. О преодолении самообмана.— «Вопросы истории», 1971, № 3, с. 154).

Указывая, что Л. Н. Гумилев «защищает право на бездоказательность», А. Б. Рыбаков подробно разбирает главу его книги, где утверждается, что «Слово о

полку Игореве» написано в ...середине XIII века! Крупный ученый, знаток русского средневековья, так сказать, «от земли», то есть археологии, виднейший источниковед научно устанавливает, что в книге А. Н. Гумилева огромное количество фактических неточностей, небрежностей и нелепостей, нагромождений искусственных построений и есть даже «подтасовка исторических источников». Изложение событий на Руси автором книги «Поиски вымышленного царства»,— считает А. Б. Рыбаков,— это «сумбурный экскурс в чуждый для него древнерусский мир», «попытка обмануть всех тех, кто не имеет возможности углубиться в проверку фактической основы «озарений» Л. Н. Гумилева».

Да, сила во второй половине XIII века была на стороне Орды; на смену одному убитому врагу являлась сотня, а разгром сотни вызывал новое грабительское и карательное нашествие. Все мыслимое и немыслимое вытерпел тогда от поработителей наш народ, только было бы ошибкой представлять его и в тот период пассивным страстотерпцем, покорным и послушным данником.

То там, то тут вспыхивали вооруженные выступления, начатые еще в 1252 году гордым Андреем Ярославичем владимирским. Когда первое карательное войско Неврюя подошло к Переяславлю-Залесскому, то, «собрав воинство свое, встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились полки, и была сеча велика». Андрей Ярославич был разбит, но этой битвой открылась эпоха сопротивления, бунтов, восстаний, чаще стихийных, чем организованных, ведущих иногда к победам, но, как правило, к поражениям. Однако именно эта эпоха не допустила превращения Руси в один из улусов Орды и предопределила будущее. Перелистываю летописи...

1257 год. «Приехали численники, изочли всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую». Но восстали новгородцы, где «чернь» отказались дать врагам «тамгу» и десятину от Новгорода, и «послы» ордынские получили от ворот поворот.

1259 год. Снова прибыли «послы» из Орды — «Бер-

кан и Касачик и иныа многиа», и опять «был мятеж великий в Новгороде, чернь не хотела дать число». Последовал сговор бояр с пришлецами, и «перемогли бояре чернь и явились под число, делали себе бояре легко, а меньшим людям зло».

1262 год. «Люди ростовские, не вытерпев насилий поганых, собрали вече и выгнали их из городов из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля, потому что откупали те бусурмены дани и оттого великую пагубу творили людям».

Конец 60 и 70-х гг. Стояла относительная «тишина» с обеих сторон, только иногда ордынцы нападали на окраинные районы Руси (Вологда, Курск, Рязань, Смоленск — попутный большому золотоордынскому походу на Литву).

1281 год. «Князь великий Дмитрий Александрович пришел в город Переяславль, и начал рать собирать, и град крепить, и отовсюду начали к нему собираться люди многие». Орда послала на него «рать многую, Тураитемира и Алтына и многих татар». Князь временно отказался от борьбы.

1283 год. Князья Олег Рыльский и Святослав Липецкий громят «слободы» ордынского баскака Ахмата. Тот бежал, но вскоре вернулся с большим войском карателей, опустошившим все русское пограничье.

1285 год. Пришел на Владимирскую землю «царевич из Орды», пустил свое войско в вольный грабеж, но «князь великий Дмитрий Александрович, собрав рать многую, пошел на них, и побежал царевич в Орду».

Но сила ордынская пока все же ломила... А начало XIV, переломного века полнилось исторической символикой грядущих времен.

1301 год. В Рязань пришел большой ордынский отряд, чтобы выступить против княжества Московского. «Осенью князь Данило Московский ходил на Рязань ратью, и бился у города Переяславля (Рязанского), и одолел князь Данило и много татар избил».

1310 год. Пришла рать татарская под Брянск. Князь Святослав Брянский «ратью великой, в силе многой, за полдень вышел против рати татарской, и сошлись на бой, и помрачи стрелы татарские воздух, и были, как дождь, и была сеча злая, но враги зада-

вили числом, и князь Святослав пал «последним в полку»...

Нет, никаким «союзом» или тем более «симбиозом» с захватчиками не пахло на Руси во второй половине XIII — начале XIV вв.! И только антинаучный словесный курбет, внеисторичное раздувание частного в ущерб общему позволяют кой-кому говорить о некоем «союзе» и «симбиозе» Руси с Золотой Ордой в этот период, который мы *вынуждены* были рассмотреть в некоторых документальных исторических подробностях.

Исторический процесс, как и всегда, в те годы был диалектичным, многооттеночным, и в недрах русской жизни зарождался новый определяющий вектор. Отдельные районы Руси, расширяясь, оживали; народ, примеряясь к обстоятельствам тех лет, когда ордынские набеги ослабевали, снова брался за плуг, вставал к кузнечным горнам и мехам; стучали топоры на Руси... Доктор исторических наук В. В. Каргалов: «С начала XIV века начался быстрый подъем сельскохозяйственного производства, расширялись земельные площади, занятые под пашни. В документах того времени постоянно упоминаются «чистки» и «росчисти», отвоеванные у леса и кустарника. Вокруг деревень появлялись новые поселения — «починки», «слободы». Малоурожайная «подсека» вытеснялась трехпольем. Совершенствовались орудия труда. Массовым стало применение двухзубой сохи — «косули» с железными сошниками, плуга с железным лемехом. Начали восстанавливаться и русские города, особенно сильно пострадавшие от нашествия завоевателей. Росло торгово-ремесленное население вокруг деревянных «градов», появлялись и расширялись новые «посады». Русь постепенно набирала силы...»

Исторически символичным было и одно важное тверское событие начала века:

1317 год. Кавдыгай во главе большого ордынского войска напал на Тверское княжество. И вот князь Михаил, «собрав своих мужей, тверичей и кашинцев, пошел против татар, и сошлись оба, и была сеча великая». Тверяки «многих татар поимали и привели в Тверь», а Кавдыгай «повелел дружине своей стяги повернуть и неволей сам побежал в станы»...

Но что же это за переломный 1312 год, якобы ознаменованный разрывом «союза» Руси с Ордой? Что примечательного произошло в том году на Руси? Да ничего такого, что выделило бы его из череды тяжких предыдущих и последующих лет. Вымирали в те лета города, исчезали села, нивы зарастали бурьяном и кустарником, забывались ремесла. Не прекращались набеги золотоордынских конных банд на уцелевшие города и села, междоусобные войны, разбой ушкуйников. Часть населения северо-восточной Руси уходила на Вятку, Устюг, Тотьму, а те, кто оставался верным земле своих предков, нечеловеческими трудами и терпением закладывали будущее, копили ярость, которой со временем ничто на свете уж не могло противостоять.

Посмотрим, однако, как наш автор интерпретирует события XIV века на Востоке, в мире, менее для него, востоковеда, чуждом. Что приключилось в Орде в 1312 году, превратившем, как черным по белому пишет Л. Н. Гумилев, «симбиоз в действительное иго»? Оказывается, в том году ханом Узбеком был принят ислам, что летопись отметила единственной спокойной фразой: «Озьбяк вступил на царство и обесерменился».

Хан Узбек рьяно взялся за укрепление своей личной власти в Орде, вступил в борьбу с чингизидами, обезглавив семьдесят дальных и ближних родственников, занялся другой массовой, хотя и куда более безобидной операцией, обязательной для каждого мусульманина. А Русь во время его долгого царствования истекала кровью в жестоких усобицах, в борьбе князей за власть и первенство. То Москва брала верх, то Тверь, причем сильный и деятельный Михаил Ярославич тверской много лет удерживал великокняжеский ярлык, а хан Узбек, выдавший свою сестру Кончаку за московского князя Юрия Даниловича и казнивший нескольких тверских князей, кажется, так и не разгадал многоплановой и хитроумной политической игры Ивана Калиты, не успел заметить подспудного и подъяремного усиления Москвы, которой уже с тех самых смутных времен были уготованы особые исторические судьбы.

И никаких тебе признаков прежнего систематического, повально-грабительского «действительного ига»! Единственный за всю первую половину XIV века боль-

шой и, так сказать, специализированный поход золотоордынских войск, при участии, кстати, войска Ивана Калиты, состоялся лишь на Смоленск в 1340 году, когда хан Узбек был уже при смерти. Характерен мотив этого похода — совсем в духе грядущих времен: смоленский князь отказался платить Орде дань.

Не наблюдалось и особого обострения религиозных отношений между христианами и «бусурманами». Хан Узбек, как сообщается в одной исторической справке, «не только не преследовал православное духовенство, но сохранил за ним все льготы, данные первыми ханами», а какая-то часть степных вельмож, воинов и населения Золотой Орды, не желая расставаться с прежними верованиями, бежала от насильственной исламизации на Русь, где многие язычники и христиане-несториане принимали более знакомое им православие. Другими словами, никакого разрыва «тесного союза» Руси и Золотой Орды в 1312 году не последовало, хотя бы потому, что его никогда не существовало! Между прочим, Л. Н. Гумилев, лишний раз демонстрируя искусственность и бездоказательность своих «исторических» построений, в другой работе противоречит сам себе, как это у него нередко случается, отодвигая дату разрыва этого «союза» ровно на полвека. Цитирую: «1362. Переворот Мамая и разрыв традиционного союза Руси и Золотой Орды» (Поиски вымышленного царства, с. 380). Так на какой все же дате останавливается ученый, где «необходимая ясность»?

После смерти хана Узбека и его сына-преемника Джанибека, удавленного родным сыном Бердибеком, проханствовавшим всего два года, началась в Золотой Орде невероятная, по выражению летописца, «замятня» — за двадцать лет в ней сменился двадцать один хан. На этой кровавой волне всплыл интриган, авантюрист и пройдоха темник Мамай...

Золотая Орда слабела и распадалась, как распадалась вся некогда великая монгольская империя — освободился Иран, за ним Китай. Наступало время Руси.

Внук Ивана Калиты великий князь московский Дмитрий Иванович блистательно продолжил многотрудное дело деда. У него были сложнейшие отношения с Ордой и Литвой, с князьями тверскими и рязанскими, у него были мудрые советники, в том числе и

Сергий Радонежский, у него был Кремль, обнесенный каменной стеной, обширные и постоянно расширяющиеся земли, населенные народом, постепенно осознававшим свое единение и силу. И еще одно было, наверно, самое важное. Вспоминая возвращение Ивана Калиты в 1328 году из Орды, летописец времен Дмитрия констатирует: «бысть оттоле тишине велика по всей Русской земле на сорок лет и пересташа татарове воевати землю Русскую» — имелись в виду Московское и Владимирское княжества, ядро будущей Великороссии. До первого нападения Ольгерда на северо-восточную Русь в 1368 году здесь укрепилась-устоялась хозяйственная и политическая жизнь, развились производительные силы и, как писал В. О. Ключевский, «успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином: они и вышли на Куликово поле». У Дмитрия был, наконец, боевой опыт, накапливаемый с одиннадцатилетнего возраста, полководческий талант, осознание историчности момента и объективное совпадение интересов с интересами своего народа. «С народом все можно, без народа ничего нельзя!» — восклицал декабрист Николай Крюков, обладавший, как многие его товарищи, историческим мышлением...

Движение истории уже ничто не могло остановить.

38 В последний раз вернемся к неодетерминистской гипотезе, потому что есть попытка климатическими причинами объяснить и крупнейшие международные события XIV века,

когда изменились «пути атлантических циклонов, от которых *прямо и непосредственно* зависит жизнь Великой Степи»... Выделяю курсивом два слова и цитирую далее: «В конце XIII в. зона максимального увлажнения перемещается с Тянь-Шаня на Верхнюю Волгу, что, в частности, вызывает колоссальный подъем уровня Каспийского моря до абсолютной отметки минус 19 м. В аридной зоне оптимальные климатические условия сменяются пассимальными. Это приводит к кризису кочевого хозяйства в начале XIV века»... И вот вроде бы следствие: «В результате уже к 70-м годам XIV века у монгольских ханов нет сил и средств для противодействия китайцам, которые сбрасывают монгольское иго».

Непонятно, какое отношение могла иметь засуха в Великой Степи и «кризис кочевого хозяйства» к историческому событию в Китае, если еще в 1264 году столица монгольской империи была перенесена из Кара-Корума в Пекин и захватническая династия Юань, начиная с императора Хубилая, уже сто лет — через посредничество продажных китайских чиновников и генералов — паразитировала на труде многомиллионного земледельческого и ремесленного оседлого населения!

Но постулат выдвинут, и сама собой напрашивается параллель: если причиной освобождения китайцев из-под монгольского ига была засуха в Великой Степи, то она же вызвала ослабление и Золотой Орды, у которой к 70-м годам XIV века тоже не стало сил и средств для противодействия русским! Но когда климатическими причинами объясняется ослабление Золотой Орды, то логично было бы этими же причинами объяснять и одновременное усиление Руси. «Колоссальный подъем уровня Каспийского моря», если он действительно имел место, мог быть вызван, согласно данным того же автора, только колоссальным переувлажнением Русской равнины, дающей Каспию через обширную водосборную систему Волжского бассейна более четырех пятых годового поступления воды. «В Волго-Окском междуречье заболачиваются леса, зимой выпадают обильные снега и часты оттепели, летом постоянно сеет мелкий дождик, несущий неурожаи и болезни» (Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников.— «Природа», 1972, № 4, с. 52).

Еще раз, как и относительно X века, вообразим себе многоснежные мягкие зимы, затяжные весны, долгие половодья, прохладные и дождливые летние месяцы, холодные и дождливые осенние, заболачивание лугов, подтопы пашен, городских деревянных настилов и гатей, недозревание хлебов, крах бортничества. Метеосводок за XIV век у нас нет, и единственный источник сведений о природных явлениях тех времен — летописи. Роюсь в них, начиная со второй половины XIV века, и особенно внимательно смотрю записи о годах, непосредственно предшествующих Куликовской битве.

Нет, никогда, наверно, не было полной тиши на земле Русской! Междоусобные войны, нападения ушкуйников, мордовских князьков, походы литовцев 1368, 1370, 1372 годов и — в конце семидесятых годов — нашествие войск Синей Орды под командой Араб-шаха, поражение русских князей на реке Пьяне, разграбление нижегородских волостей, набег того же Арапши на рязанские земли, и вот, наконец, первая большая победа Дмитрия в 1378 году на реке Воже — за два года до Куликовской битвы...

И еще пришел на Русь повальный, невиданный-неслыханный мор.

1352 год. Мор в Пскове, Новгороде, Смоленске, Киеве, Чернигове, Суздале. «Во всей земле Рустей смерть люта, и напрасна, и скора; и бысть страх и трепет велий на всех человецех». «В Глухове же тогда ни един человек не остался, все изомроша, сице же и на Белоозере». «Глаголаша же неции яко той мор поиде из-Ындейской страны»... Страшная эпидемия! «Аще бо кто что у кого возьмет, в той же час неисцельно умрет». Что это было — оспа, холера, тиф? Вот и подробное клиническое описание этой болезни, снова нагрянувшей на Русь.

1364 год. «Того же лета мор бысть в Переславли, болезнь же бысть сицева: прежде яко рогатиною ударит за лопатку, или под груди противу сердца, или меж крил, и тако разболевся, начнет кровию харкати, и огонь зажжет и разворит, и потом пот велий поидет, таже потом дрожь имет, и пролежав день един, или два, а ретко три, кто бы пролежал три дня, и тако умираху; а еще железою боляху, не единако: иному

убо на вии, иному же на стогне; иному же под пазухою, иному же под скулою, иному же за лопаткою; и умираху на день человек иногда по седмидесять, а иногда по сту, а иногда с полутораста...»

Это была «черная смерть», чума. Еще в 1351 году она проникла в Россию из Западной Европы через Польшу, позже пошла с юга. Летописец рассказывает о размерах бедствия и его распространении. «Не токмо же в граде Переяславли было сие, но по всем властем и селам и монастырем Переславским. А прежде того был мор в Новегороде в Нижнем, а пришел от низу, от Бездежа, в Новгород в Нижний, а оттуда на Рязань и на Коломну, а оттуда в Переславль, а оттуда в Москву, и тако разыдеся во все грады, и во Тверь, и в Володимер, и в Суздаль, и в Дмитров, и в Можаеск, и на Волок, и во все грады разыдеся мор силен и страшен...» А «на Белеозере тогда ни един жив обретеся».

Эти подробности, изложенные великолепным русским языком, нам, дорогой читатель, нужны, чтоб яснее представить масштабы эпидемии, поразившей Русь, которая всего через несколько лет после бедствия вышла на Куликово поле. Напасть по числу жертв не уступала большому вражескому нашествию, только нашествие невидимой чумной палочки было ужаснее — нельзя было ни сразиться с нею, ни убежать от нее; люди мерли, ничего не зная о причинах смерти, способах лечения болезни, о карантинах, прививках и прочем. Летописец не проводит прямой параллели, но заканчивает описание эпидемии знакомыми печально-трагическими словами: «Увы, увы! кто взможет таковую сказати страшную и умиленную повесть?.. И бысть скорбь велиа по всей земли, опусте земля вся и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимыя»...

Старинные описания народного бедствия нам нужны еще и для того, чтобы дополнить подлинную картину русской жизни накануне Куликовской битвы сопутствующими заметками о погоде, климатических явлениях. Нет, никаких сведений о проливных дождях, вымокании урожаев, заболачивании лесов и вообще переувлажнений Русской равнины в XIV веке не существует, и мору всегда сопутствовала... засуха!

Засуха в XIV веке? Как про нее узнать что-либо достоверное? Конечно, кое-что могут сказать на эту

тему климатологи, астрономы, археологи, дандрологи, изучавшие годовые кольца древнейших живых деревьев, а также мертвых, сохранившихся в потонувших настилах средневековых городов, но все же главный источник сведений — русские летописи. Беру то самое пятнадцатилетие, предшествовавшее Куликовской битве. Вот выдержки из Патриаршей (Никоновской) летописи, начиная со страшной эпидемии, охватившей Русь от Нижнего Новгорода до Белоозера и Волока Ламского.

1364 год. «Того же лета бысть сухмень велиа по всей земле и воздух куряшеся и земля горяше».

1365 год. «Мгла стояла с пол-лета, и зной и жары бяху велицы, лесы, болота и земля горяше, и реки перезхоша, иные же места воденыа до конца исхоша; и бысть страх и ужас на всех человецех и скорбь велиа». «Того же лета пожар бысть в Москве, бе же тогда схмень и жары велицы, возста же тогда и буря со вихром силна зело, и размета огнь повсюду и много людии поби и пожже, и вся погоре и без вести бысть, и той зовется великий пожар, аще от Всех Святых начася и разыдеся ветром и вихром повсюду...» И попутно: «Того же лета во Твери и в Ростове мор бысть», «Того же лета мор бысть в Пскове», «Того же лета мор бысть в Торжку велик зело».

1366 год. «Того же лета бысть сухмень и зной велик, и въздух курящеся и земля горяше, и бысть хлебнаа дороговь повсюду и глад великий по всей земле, и с того люди мряху...» И попутно же: «Того же лета бысть мор на Волоце велик зело».

1371 год. «Сухмень же бысть тогда велика, и зной и жар мног,яко устрашитися и встрепетати людем; реки многи пересхоша, и езера, и болота, а лесы и боры горяху, и болота, высохши, горяху, и земля горяша, и бысть страх и трепет во всех человецех. И бысть тогда дороговь хлебьнаа велика и глад велии по всеи земле».

1372 год. Совершенно исключительный год вообще в климатической истории Земли! Вот что рассказал о нем 14 августа 1980 года в «Советской России» член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Н. Р. Деряна: «Теперь-то мы знаем, что названный год венчает целую серию жестоких засух, охвативших

русскую землю во второй половине XIV века. Если мы обратимся к сводке данных о колебании солнечной активности, составленных астрономом Д. Шове, то обнаружим, что именно в 1372 году мощность солнечных явлений оценена им десятибалльной оценкой. Причем мы увидим, что астроном рискнул поставить ее всего один раз за весь двухтысячелетний период».

1374 год. «Того же лета быша зной велицы и жары, и на всяк скот был мор велик. Потом же прииде и на люди мор велик по всей земле Русской».

Приближалась Куликовская битва, и в год первой победы Дмитрия над золотоордынским войском на Воже летописец зафиксировал и зимнюю погоду, которая отнюдь не была «многоснежной, мягкой, с частыми оттепелями», какими вроде бы должны быть наши зимы в XIV веке по гипотезе Л. Н. Гумилева (Поиски вымышленного царства, с. 30).

1378 год. «Тое же зимы быша мрази велицы и студень беспрестанна, и измроша мнози человеци и скоты, и в малех местех вода обреташася, изсякла бо вода от многих мразов и в болотех, и езерах, и в реках».

И логично было бы в этом месте поставить вопрос: если передвижения народов Великой Степи связывать не с экономическими, политическими и другими общественно-историческими причинами, а с космическими и климатическими, то почему в XVI веке, когда засуха в степях была, очевидно, куда злее, чем в Русской равнине, никакого перемещения кочевников к окраинам Великой Степи и за ее пределы не последовало?

«...Отражение реальной истории в исторической литературе нельзя назвать зеркальным!» — восклицает Л. Н. Гумилев, убедительно подтверждая это бесспорное положение собственными работами, продолжает пользоваться любым случаем, чтобы тиражировать свои «открытия» о причинах грабительских войн, «пассионарности, политическом союзе и даже — внимание, читатель, сверхновая идефикс! — *«этническом* симбиозе» Руси с Золотой Ордой в XIII веке и прочем-прочем, внеисторическом и внесоциальном.

Попутно напомню любознательному читателю, что после Великой Октябрьской революции группа белоэмигрантов образовала за рубежом так называемую

школу «евразийцев», которые не признавали объективных законов развития общества, преувеличивали роль религиозных, психологических, природных, этических и этнических факторов в истории, отрывали домонгольскую Русь от последующего процесса становления нашей государственности, полностью игнорировали самостоятельный экономический, социальный, политический и культурный опыт Киевской Руси, пытаясь лишить русский народ его исторических и национальных корней.

Глубокими и мощными были эти корни! Так считали передовые русские ученые старой школы, так считают современные объективные исследователи. «Элемент политический, государственный представлял единственную живую сторону отечественной истории, а развитие государства составляло ее национальное своеобразие» (Фроянов И. Киевская Русь. М., 1980, с. 8). Становление средневековой русской государственности было, однако, далеко не единственной живой явью нашей истории, а национальное своеобразие выразилось не только в нем.

За несколько веков до нашествия Бату-Субудая наши предки, еще носившие племенные имена, выработали общий *русский* язык. Нет смысла уводить читателя в терминологические дебри современных филологов, различающих в становлении нашего языка много этапов, периодов, исторических оттенков, но почему-то ставящих под сомнение существование именно русского языка в Киевской Руси. Приведу свидетельство грамотного очевидца, жившего в те далекие времена, когда словене (новгородцы) и поляне (киевляне) вместе с кривичами, северянами, древлянами, вятичами объединились в государство: «...а словенеск язык и руськый один... аще и поляне звахуся, но словенская речь бе». Термин «руськый» по отношению к языку впервые зафиксирован в летописных известиях XI века, но отражал понятия X — к такому выводу пришел замечательный советский историк академик М. Н. Тихомиров. И еще *до создания* своего алфавита — вместе с братом Мефодием — Константин Философ видел в Корсуне у какого-то русина книгу, написанную «руськыми» письменами, которые Константин (Кирилл), однако, понял...

И вот что интересно: для наших образованных предков, письменно выражавших уже тогда общерусское самосознание и толк русского ума, понятия «народ» и «язык» были идентичными. В первом дошедшем до нас произведении русской литературы — «Слове о законе и благодати» Илариона, излагающем в форме речи, обращенной к Владимиру Святому, историю с позиций тогдашней теологической философии, говорится: «вера бо благодатьнаа по всей земли простреся и до нашего языка рускаго доиде». Связывая времена, наш язык донес до нас это слово-понятие из пророческого и совсем близкого пушкинского далека:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Одним из доказательств того, что наш язык в домонгольское время стал общерусским, служат двухсотлетние споры самых крупных ученых-филологов, приписывающих авторство Игорева «Слова» то галичанину, то киевлянину, то северянину. Специалисты разбирают старославянские, церковнокнижные и иные слагаемые средневекового русского языка, стилевые или диалектные его различия, как разбирают слагаемые и различия языка современного, но самым убедительным и неоспоримым доказательством его тысячелетней национальной принадлежности служит то, что почти все мы, сегодняшние, даже без специальной подготовки более или менее *свободно понимаем почти все тексты, написанные на этом языке за тысячу лет до нас.* «Почти», потому как не все сегодняшние читатели свободно понимают все сегодняшние тексты, однако я уверен, что все они без исключения поняли фразы о русском языке из летописи и сочинения Илариона, которым без малого тысяча лет, и подробные описания бедствий, когда шла «по всей земле Рустей смерть люта, и напрасна, и скора» и «бысть сухмень велиа по всей земле» — этим текстам шесть столетий с лишком...

Национальное своеобразие русского средневековья заключалось и в том, что на огромной территории от Ладоги до Азовского моря и от Карпат до Волги су-

ществовал единый язык, на котором люди разговаривали и писали понятные всем грамотным слова и фразы; у этого языка была в основном общая лексика, грамматический строй, правописание. Замечу, что в XIII веке французский, например, язык был понятен только населению Иль-де-Франса, а обширные окраины говорили на провансальском, каталонском, баскском, бретонском и фламандском языках, что северные и южные немцы не понимали друг друга в более поздние времена, и когда Бисмарк в конце XIX века создал общегерманскую армию, то не все солдаты, набранные из разных районов страны, могли исполнять команды офицеров.

Своеобразие нашего средневековья, включая его домонгольский период, состояло и в том, что письменный язык прекрасно обслуживал широкие народные массы русского народа в те времена, когда не только восточные ханы, но и некоторые западноевропейские короли были неграмотными. Какая стихия средневекового народного языка хлынула вдруг в мир после открытия первой новгородской берестяной грамоты! А ведь это великое чудо истории и культуры дошло до нас в высшей степени случайно. Не было никогда библиотек или хранилищ берестяных грамот; исписанные простолюдинами обрывки бересты просто выбрасывались за ненадобностью. И сколько же их в русских городах и селах пошло на растопку печей, сгорело при пожарах, уничтожилось нашествием Бату-Субудая и прочих, потерялось и сгнило, если только при локальных новгородских раскопках найдено около шестисот бесценных документов, просто и живописно рассказывающих о быте, нравах, культуре, образовании, экономике, социальных отношениях в эпоху нашего средневековья! И это лишь начало. В сырой новгородской — и не только новгородской! — земле лежат еще многие тысячи манускриптов на бересте. Десять грамот уже найдено в Смоленске, одна в Витебске, три в Пскове, тринадцать в Старой Руссе, а лето 1980 года принесло археологам новое открытие, с радостью встреченное всеми культурными людьми, — в Могилевской области при раскопках Замковой горы средневекового Мстиславля найдена первая берестяная грамота. Слава археологии! Береста, между прочим, кора так зна-

комого всем нам, близкого русской душе дерева, единственного на свете, имеющего белую кожу, удивительно связует отдаленнейшие времена. Вы помните, дорогой читатель, номер партизанской газеты, напечатанной на бересте 20 августа 1943 года в немецком тылу? А сейчас я хочу вам *поведать* нечто необычное. Оказывается, арьи, жившие на территории нашей страны в III тысячелетии до н. э., тоже пользовались берестой! Они принесли ее в Индию вместе с памятью о прежней родине. «Небезынтересен тот факт, что арьи, придя в Индию, использовали бересту, очевидно, сначала как материал для изображения магических знаков или, возможно, изображений богов, а в более поздние века береста была использована в Кашмире для записи «веды ведовства», т. е. «Атхарваведы» (Гусева Н. Р. Индуизм. М., 1977, с. 58).

Великое историческое счастье выпало на долю русского народа — его государственный, богослужебный, письменный и разговорный язык был в своей основе и множестве частностей одним и единым. «Счастье»? А может быть, великое подвижение славянских просветителей Кирилла и Мефодия, тогдашней интеллигенции нашего народа, в борьбе с греческим (византийским) влиянием отстоявших на заре своей средневековой христианизируемой культуры святая святых национальной самобытности.

В Западной Европе католическая церковь повсеместно насаждала чуждую всем народам классическую латынь, искусственно затормаживая развитие культуры, в частности, литературы на родных языках. На примере нашего ближайшего западного соседа Польши, издревле населенной коренными славянами, мы увидим, насколько сильным и пагубным был этот тормоз. Если у нас в качестве особой государственной ценности хранится украшенная великолепными миниатюрами пергаментная книга, написанная на старославянском языке, близком народному, — так называемое «Остромирово евангелие», *переписанное* в 1056—1057 гг. (значит, и до него на Руси уже были книги!), то польский народ, к сожалению, не располагает чем-либо даже отдаленно подобным. Когда у нас в конце XII — начале XIII века явилось миру «Слово о полку Игореве» — гениальное литературное произведение, созданное на

русском языке и занявшее в своем роде единственное, только ему принадлежащее место в культуре всех времен и народов, то в Польше тех времен еще ни строчки не было написано по-польски! Зачином национальной польской литературы был не светский по содержанию, *переводной* к тому же с латинского «Псалтырь Королевы Ядвиги», относящийся лишь примерно к... 1400 году! На Руси уже почти *пять веков* развивалась самостоятельная национальная литература на родном языке, а первый польский историк и литератор Ян Длугош (1415—1480) изложил свою многотомную «Historia Polonica» на латыни. Лишь в XVI веке зародилась польская национальная литература и появился первый крупный автор, писавший на родном языке; это был поэт Я. Кохановский (1530—1584).

Исполнены драматизма начала национальной культуры и языка в Моравии, где с 863 года Кирилл и Мефодий вели героическую борьбу за право проповедовать христианство на местном славянском языке, сумели подготовить там много учеников, однако вскоре край попал в вассальную зависимость от немцев. В 869 году Константин-Кирилл скончался в Риме, а Мефодий продолжил его дело в Великоморавии. Но вот по приказу зальцбургского епископа его бросили в тюрьму, где он просидел два с половиной года. В 873 году римский папа освободил просветителя, и через год он стал архиепископом Паннонии, испытывая постоянные гонения от немецкого духовенства. В 885 году Мефодий умер, и начались жестокие преследования его учеников, большая часть которых прибыла в Болгарию, где открыли они славянские школы, причем только один Климент обучил славянскому чтению и письму 3 500 человек. И в первой же болгарской книге, созданной в 90-х годах IX века, была прекрасно сформулирована коренная просветительская идея: «Возлюбите книги, ибо им суждена вечная жизнь!..»

Великие славянские просветители Кирилл и Мефодий были выдающимися историческими личностями своего времени. Старший Мефодий долгое время занимал высшие административные должности в Византии, младший вначале заведовал библиотекой главного храма православного мира — церкви святой Софии в

Константинополе. Кирилл ездил в Багдадский халифат на религиозный диспут с мусульманскими священнослужителями, побывал, как мы знаем, в Крыму и Хазарии; в Риме оба брата вели дискуссии с самим папой относительно языка, на котором следует проповедовать христианство среди славянских народов. Главная же их заслуга, конечно, заключается в создании гениально простой, чрезвычайно удобной общеславянской письменности, которая оказалась так близка русскому языку, с самого начала формируя и образовывая его... И не следует ли праздник Кирилла и Мефодия, который ежегодно 24 мая отмечается в Болгарии, распространить и на нашу страну?

Кирилл и Мефодий были, как бы мы сейчас сказали, великими гуманистами и интернационалистами. В «Пространном житии Константина-Кирилла Философа», принадлежащем перу неизвестного болгарского автора IX века, мы читаем поразительный его спор с католическими духовными лицами:

«Когда философ был в *Венеции,* епископы, попы и монахи налетели на него, как вороны на сокола, и возбудили триязычную ересь, глаголяще:

— Скажи нам, человек: как это ты создал ныне книги для славян и поучаешь их? Прежде их не открыл никто другой: ни апостолы, ни папа римский, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин! Нам известны только три языка, на которых достойно славить бога в книгах: еврейский, греческий и латинский.

Философ им ответствовал:

— Не посылает ли бог дождя одинаково для всех? А также и солнце не светит ли для всех? И не вдыхаем ли все одинаково воздух? И как вы не стыдитесь, признавая только три языка и повелевая, чтобы все другие народы и племена были слепы и глухи? Поясните мне, считаете ли вы бога бессильным, не могущим дать все это, или завистливым и потому не хотящим (дать все это)? Нам ведь известны многие народы, которые разбираются в книгах и славят бога каждый на своем языке. Нам известны следующие: армяне, персы, авазги, иверы, сугды, готы, авары, тирсы, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие...»

На базе общерусского языка основывалось — вместе с архитектурой, живописью, ювелирным и оружейным искусством — высшее достижение средневековой Руси — ее замечательная литература. От нее, многострадальной, дошла до нас малая часть, и я назову лишь семь воистину *классических* произведений, созданных за период феодального раздробления страны, — «Слово о законе и благодати» Илариона, «Повесть временных лет» и «Житие Феодосия» Нестора, «Поучение чадом» Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника, «Слово о полку Игореве» Игоря сына Святославля внука Ольгова, «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о погибели Русскыя земли»... Жанровое, тематическое, стилевое разнообразие, художественные высоты, языковые сокровища, глубокие мысли, предельное эмоциональное напряжение! Обо всем этом написано множество книг. И любой свежий читатель, познакомившийся хотя бы с перечисленными произведениями, а потом с классической литературой позднего русского средневековья — «Задонщиной» Софония-рязанца, «Сказанием о Мамаевом побоище», «Хождением за три моря» Афанасия Никитина, сочинениями Ивана Грозного, Ивана Пересветова, Аввакума Петрова, «Повестью о Горе-Злосчастии», — скажет, что по неисчислимым признакам, включая даже прямые текстовые заимствования, это — единый литературный процесс, лишь временно прерванный-заторможенный нашествием завоевателей.

А ведь были и есть люди, считающие себя учеными, которые хотели бы отсепарировать литературу домонгольской Руси, якобы не вписывающуюся в общий процесс становления нашей национальной культуры! Они по сей день пишут о том, что только Куликовская битва якобы явилась начальной точкой всего национального и лишь с того времени вошли в мир невесть откуда под названием «русского» такие понятия, как государственность, военная слава, политическая и философская мысль, культура, литература, изобразительное искусство... Эти ученые делают вид, будто не знают, что понятие и слово «русский» вошли в обиход за много столетий до Куликовской битвы, известны еще с языческих времен. «...Мужи его по *Русскому* закону кляшася оружьемъ свои, и Перуном; богомъ

своим» («Повесть временных лет» по Радзивиловской летописи). «Тако и си святая (Бориса и Глеба) постави святити въ мире премногыми чюдесы, сияти в *русьскеи* стороне велицеи» («Житие Бориса и Глеба»). Первый свод законов (XI в.) назывался «Правдой Русьской». А в «Слове о полку Игореве» (конец XII в.), где нет ни одного племенного названия наших предков, упоминаются «Руския сыны», «жены Руския», два раза «руское злато», два раза «русичи», два раза «русици» (сравнимо с «венедици» и «тоемици»), но чаще всего, как известно, «Русская земля» — двадцать раз!

Несколько слов об одной очень важной и, быть может, самой характерной особенности русской средневековой литературы, составляющей ее национальное своеобразие. В старину авторы прекрасно понимали, насколько серьезное это дело — литература, и поэтому не разменивались на тематические мелочи, а размышляли и писали с патриотических и гражданских позиций о главном — об исторических судьбах родины и народа. Несчетное число раз встречается на страницах наших средневековых книг выражение «Русская земля», необыкновенно многооттеночное по смыслу. Это и географическое понятие — то есть пространства, занятые русским народом, и политическое, зовущее соотечественников к единению, и конкретно-историческое, и этническое; это и земля-кормилица, дающая жизнь ее народу-пахарю, со всем, что на ней есть — живой природой, городами, селами, людьми, и святая родина, почти всегда нуждавшаяся в защите от внешних врагов и внутренних распрей. Вчитайтесь в хватающие за душу строки: «Светло светлая и украсно украшенная земля Русская! И многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными»...

Один современный зарубежный исследователь пишет: «Вдохновенный гимн «светло светлой и украсно украшенной земле Русской» не имеет себе равного во всей европейской литературе того времени и даже позднейших веков. Это единственное в своем роде

поэтическое произведение, предметом которого является не личность богатыря, не подвиги героев, а сама родина, как целое... Нигде — ни у французских трубадуров, ни у немецких миннезингеров, ни в рыцарских романах, ни у Данте — мы не найдем такого сжатого и сильного, ослепительного видения родины... Только сто лет спустя, в 1353 г., мы найдем у Петрарки гимн, обращенный к Италии как родине».

В средневековой русской литературе сегодняшний любознательный читатель найдет неизведанные высоты, глубины и связи времен. Из сочинений Кирилла Туровского, исполненных символики, драматизма, философских раздумий, я приведу лишь две строки, расположив их друг под другом, как стихи:

Неизмерьнаа небесная высота,
Не испытана преисподняя глубина...

Слова эти написаны в середине XII века. А вот колдовские строчки, которые не грех лишний раз напомнить:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския...

Это записано в XVIII веке замечательным русским поэтом Кириллом Даниловым; символическо-симфонический зачин его знаменитого сборника Белинский счел образной характеристикой национальных качеств русского народа и его исторического пути...

К сожалению, за четыре века отечественного книгопечатания мы, выпустив миллиарды книг, *ни разу* не удосужились издать более или менее полное собрание произведений средневековой нашей литературы; по приблизительным подсчетам, она для начала могла быть представлена тридцатью авторами и сотней сочинений.

Не сказал я еще о двух великих явлениях стародавней нашей жизни, во многом разных, но и очень сходных. В два могучих молота ковалась неразрывная цепь времен из того же, самого драгоценного на свете материала: талантов и умов, знаний, мыслей и пережи-

ваний, дошедших до нас через посредство языка. Оба эти явления были порождены русским средневековьем и, сделав свое святое дело, вместе с ним ушли в прошлое, но навсегда остались неповторимым подвигом национального духа, щедрым вкладом земли Русской в общечеловеческую культуру.

Ста́рины... Так называл народ свой героический эпос. К сожалению, не осталось уже на земле ни одного человека, который мог бы не с книги, а по памяти, со слов прадеда, по-старинному нараспев, от «зачина» до «исхода» исполнить, скажем, старину о крестьянском сыне-богатыре, прискакавшем из далекого залесного, знать вятичского, села Карачарова на помощь осажденному татарами Чернигову... Были такой никак не могло статься — в старине отражалась великая народная мечта, позволившая продлить жизнь русского богатыря от X века, когда он, победив Соловья-разбойника, пьет зелено вино на пиру самого Владимира Красное Солнышко, до XVII, когда «старой ли казак Илья Муромец» едет по чистому полю через ковыль-траву и ему встречаются «станишники, по-нашему, русскому, разбойники».

Не стану повторять общеизвестного об исторической ценности ратных и мирных сцен, о художественных качествах старин, их музыкальности, языковом богатстве и своеобразии — для нашей темы важно то, что в течение всего средневековья народная память хранила имена и деяния богатырей, олицетворявших сопротивление грабителям и захватчикам, которые слились в собирательный образ «татар», главных врагов того времени, а центром единения и борьбы сделался Киев, древняя столица Руси.

Народное творчество, связуя поколения памятью, воспитывало не только патриотические чувства, но и классовое сознание, исподволь, из глуби жизни подготавливая народ к роли подлинного творца истории. Князей церкви, кстати, в старинах совсем нет, бояре и князья светские, кроме Владимира — эпизодические и довольно пассивные фигуры. Все они не только далеки от забот и дел богатырей, но и относятся к ним с откровенным презрением — сам «ласковый» Владимир назовет однажды Илью Муромца «деревенщиной засельщиной».

Безыменные гусляры, скоморохи, калики перехожие, песнопевцы создали всесословную галерею народных героев. Среди них Святогор, Микула Селянинович, Вольга Святославович, или Волх Всеславич, Дунай Иванович, Василий Буслаев и его строгая матушка Амелфа Тимофевна, богатый гость Садко, вожак перехожих калик Косьян Михайлович, Михаил Поток, Иван Гостиный сын, Суровец Суздалец и так далее — такого многообразия народных типов не знала даже великая средневековая русская литература!

Отметим также, что герои нашего былинного эпоса, кроме физической силы, обладают прекрасными нравственными качествами, наиболее полно отразившимися в образе Ильи Муромца, — он прост, сдержан, спокоен, смел, уверен в себе, независим в суждениях, бескорыстен, добродушен, скромен, умеет пахать, воевать и от души веселиться. И еще одно, очень важное. Среди сотен былинных сюжетов нет ни единого, в котором изображались бы феодальные распри, междоусобицы князей и, сообразно народным идеалам, русские богатыри не путешествуют с обнаженным мечом за тридевять земель. Они уничтожают лесных разбойников, держат заставы и, оберегая родную землю от внешнего врага, ведут только *оборонительные* сражения, что было главной заботой и великой исторической миссией русского народа в эпоху средневековья. Центр тяжести этой эпохи пришелся на период со второй трети XIII века до середины XV. Историк В. О. Ключевский подсчитал, *что с 1228 по 1462 год только северо-восточная и северная Русь вынесли 160 внешних войн и грабительских набегов!* Русский героический эпос, как высокое гуманистическое достижение общечеловеческой культуры, был активной силой этого самого тяжкого лихолетья в жизни нашего народа, подготовившего коренной поворот всемирной истории.

Напомню еще об одном неповторимом явлении средневековой русской культуры, которое смело и без малейшего преувеличения можно назвать *грандиозным*, что сделал в свое время академик Д. С. Лихачев. Зародившись в XI веке, оно развивалось, зрело, обогащалось семьсот лет и закончилось в XVII веке, связуя наше средневековье своим единством, непрерывностью, самостоятельностью и своеобразием. По концентрации,

глубине, объему и богатству политических, экономических, социальных, географических, дипломатических, военных, этнографических и иных важнейших сведений, содержащихся в нем, это наследие наших предков не знает себе равных в мире, является своего рода феноменом мировой культуры и науки, национальной гордостью русского народа. Читатель, конечно, понял, что речь идет о русском летописании.

Летописание было прежде всего делом государственной политики и идеологии, но от начала своего до затухания вбирало в себя мощные пласты самых разнообразных знаний, уникальные первоисточники, средневековые рукописные шедевры, и сегодня к летописям, кроме историков, обращаются астрономы, литературоведы, живописцы, искусствоведы, лингвисты, сценаристы и режиссеры кино и телевидения, топонимисты, фольклористы, философы, климатологи, архитекторы, археологи, писатели, работающие во всех жанрах, и просто любители старины. В составе летописей дошли до нас такие исторические и литературные сокровища, как «Повесть временных лет» Нестора — этот, по выражению А. А. Шахматова, «величественный и самый дорогой памятник старины», «Русская правда» Ярослава, «Поучение чадом» Владимира Мономаха, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, исторические повествования об ослеплении Василька теребовльского, походе Игоря, убиении Андрея Боголюбского и Михаила черниговского...

Общеизвестно, что летописи служили источником знаний и литературных вдохновений для многих декабристов. Ими интересовались, их изучали Александр Корнилович, Александр Бестужев, Никита Муравьев, Федор Глинка, Михаил Лунин, Сергей Трубецкой, Кондратий Рылеев. Вильгельм Кюхельбекер считал их «лучшими, чистейшими, вернейшими источниками для нашей словесности». В тягостные дни сибирской ссылки летописи были постоянным чтением Александра Одоевского, написавшего однажды оттуда: «С очень давних пор история России служит источником моих обычных вдохновений — древняя история, столь простая и иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев».

Трудно даже представить себе подлинный размах и

объем русского летописания! Оно велось в великокняжеских городах, в отдельных княжествах, уделах, епархиях, монастырях. Множество летописей погибло при феодальных войнах, бесконечных пожарах, нападениях внешних врагов, и можно только гадать, сколько и каких письменных реликвий было навсегда потеряно в период нашествия в XIII веке и последовавшего за ним ига. Немало рукописей, наверное, специально уничтожалось политическими антагонистами в междоусобной борьбе; и мне, например, больше всего жаль летописей черниговских Ольговичей, в частности времен князя Игоря, потому что эти тексты открыли бы многие загадки «Слова о полку Игореве», включая, быть может, даже автора бессмертной поэмы.

Судьба великого исторического и культурного наследия складывалась трагично и позже. Современная наука установила, что только в имении первого собирателя и перелагателя средневековых исторических трудов В. Н. Татищева сгорело в XVIII веке пять летописей, в том числе ценнейшие Раскольничья и Голицынская. В пожаре 1812 года погибла уникальная Троицкая летопись — первый московский свод — одновременно с богатейшим собранием старинных рукописей Мусина-Пушкина и единственным подлинным экземпляром «Слова о полку Игореве»...

Камень долговечнее пергамента, но я попутно и для сравнения скажу о судьбе каменной летописи одного из древнейших русских городов — Смоленска, в котором совсем недавно было сделано сенсационное археологическое открытие. В XII — первой трети XIII века этот богатый цветущий город не только не отставал по всем статьям от центров других княжеств, но и, как вдруг выяснилось, опережал их по размаху каменного строительства. Достоверно стало известно, что за это время в Смоленске было возведено не менее *тридцати* зданий — больше, чем, например, во всех гогодах великокняжеской северо-восточной Руси, если даже считать тамошние памятники, известные только по письменным источникам! Причем основная часть смоленских архитектурных сооружений поднялась в течение сорока лет до нашествия орды, которая так и не вошла в этот город, но тем не менее до наших дней дожили только *три* каменных памятника, во многом к

тому же утративших свой первоначальный облик. Остальные архитектурные сокровища этот город потерял еще в средневековье, от них сохранились только остатки фундаментов, раскопанные археологами в самые последние годы.

Культура русских городов, особенно княжеских столиц, развивалась не однобоко, а всесторонне, и были в Смоленске, конечно, своя литература и свое летописание. *Все уничтожилось без следа,* если не считать каких-то обрывков смоленских известий в общерусских летописных сводах! Безвозвратно погибли также собственно переяславские, рязанские, галицко-волынские, турово-пинские, полоцкие летописи, не говоря уже о манускриптах из второстепенных центров культуры. Что же осталось? Для любознательного читателя я приведу поалфавитный перечень русских летописей, сводов и списков разной редакции и сохранности, которыми на сей день располагает отечественная и мировая историческая наука; это лишь остаток, так сказать, фундамент, по которому едва ли можно судить обо всем некогда величественном, почти фантастическом здании...

Прежде всего это так называемые Академические списки — XII список Воскресенской летописи, список Новгородской первой летописи младшего извода, Новгородских четвертой и пятой летописи, Алатырский список Воскресенской летописи, XIV и XVI списки Никоновской летописи, Александро-Невская летопись; Архивные списки — II список Никоновской летописи, II список Псковской, Софийской второй, Воскресенской...

Далее идут Бальзеровский список Софийской первой летописи, Великопермская летопись, Виленский список, Летописи Авраамки, «Владимирский Полихрон» начала XIV века, «Владимирский Полихрон» Фотия, пять Владимирских сводов — 1177, 1193, 1212, 1228 и 1263 годов, Вологодско-Пермская летопись, Воронцовский сборник, Воронцовский список Софийской первой летописи, Воскресенская летопись, Временник дьяка Тимофеева, Голицынский список Новгородской четвертой летописи, Голицынский том Лицевого свода, Горюшкинский список Софийской первой летописи, Древнейший свод, Ермолаевский список Ипатьевской лето-

писи, Ермолинская и Есиповская летописи, Иное Сказание, драгоценнейшая Ипатьевская летопись, «Иудейский» хронограф, Казанская история, карамзинские списки Воскресенской и Софийской первой летописи, Киевский свод, Кириллобелозерские списки Великопермской и Ермолинской летописей, Комиссионный список Новгородской первой летописи, Краковский список Ипатьевской летописи, «Краткие извлечения» из Новгородско-Софийского свода, Кунгурская летопись, фундаментальнейшая Лаврентьевская, Лаптевский том лицевого свода XVI в., Латухинская Степенная книга, Лебедевская летопись, «Летописный отрывок 1276 г.», Летопись Авраамки, «Летопись великих князей литовских», «Летопись о многих мятежах», Лицевой свод XVI в., Львовская летопись, Московские своды 1379, 1463, 1472, 1479 годов, Московско-академический список Суздальской летописи, Начальный свод, обширнейшая Никоновская и Никаноровская летописи.

Это далеко-далеко не все. В тяжкую средневековую пору лучше всего сохранились новгородские летописи, списки и своды — шестнадцать манускриптов, псковские — двенадцать, шесть ростовских, три тверских, а по разным другим местам нашлось в свое время все же немало других хронографов и хроник — восемь так называемых Синодальных списков разных летописей, шесть Толстовских, несколько сводов церковных деятелей, летописи — Радзиловская, Ремезовская, Семеоновская, Строгановская, Типографская, Черепановская, Якимовская...

С нашествием Бату-Субудая русское летописание почти повсюду прервалось, возобновившись усилиями Марии Ростовской после народного восстания против захватчиков в 1262 году, когда «избави Бог от лютого томленья бусурменьского люди Ростовьския земля: вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилия поганых, изволиша вече, и выгнаша из городов, из Ростова, из Суждаля, из Ярославля».

Позже взялись за перо московские летописцы, а в начале XVIII века русское летописание навсегда замерло, сменившись газетной хроникой, документальными свидетельствами событий, научными и литературными сочинениями. Петр Первый оказался первым

поборником исторического просвещения, высказав мысль о необходимости издания русских летописей. Дело это оказалось нелегким и осталось таким же до наших дней. Только с 1841 года началось издание Полного собрания русских летописей. До революции было выпущено всего двадцать три тома, в советское время напечатано еще двенадцать, и конца этому предприятию пока не видно. Летописи начали переиздавать, но они выходят мизерными тиражами при огромном спросе на них...

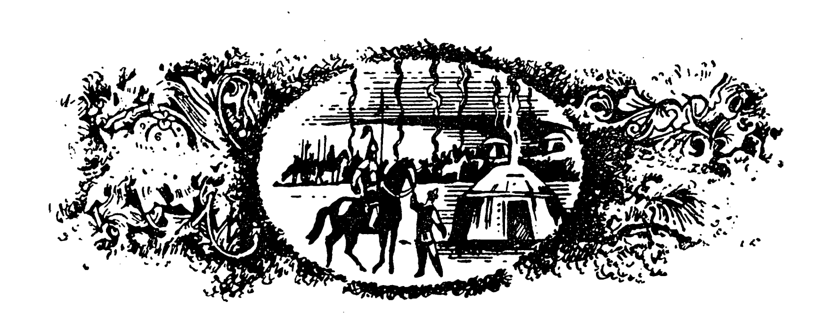
Кстати, в последних трех томах Полного собрания русских летописей напечатаны хроники, которых я раньше не упоминал. Это Литовская и Жмойская, Быховца, Баркулабовская, Аверки и Панцырного, а также Холмогорская летопись, Мазуринский, Двинский, Постниковский, Пискаревский и Бельский летописцы — новые и новые стволовые срезы с цветущего древа жизни, ее красноречивые годовые кольца, то сжатые, плотные, то рыхлые, с широкими просветами, то ровные и правильные, то искаженные следами сучков и порубов... Сколько же всего сохранилось этих бесценных свидетельств? — спросит любознательный читатель. Отвечу: все они, сохранившиеся, конечно, пока не найдены, но в *нашей национальной сокровищнице числится на сегодняшний день около тысячи русских летописных манускриптов!*

Летописи — главный политический документ русского средневековья — были самым заметным и важным проявлением тогдашней общественной жизни. Последовательно и непрерывно фиксируя события, летописи как бы сводили их воедино, создавая обширнейшую панораму государственного и народного бытия X—XVII веков, без которой нельзя было бы ничего понять в истории России нового времени. Представьте на секунду, что нет у нас наших летописей,— и огромное мутно-серое пятно было бы на месте сложной, яркой, динамичной жизни, полной человеческих страстей, эпохальных идеологических, политических, военных и культурных событий средневековой Руси!

На неоспоримые исторические факты из начальных летописей ссылались позже объединители русских земель, неразрывно связуя этой государственной политикой времена, возрождая и формируя на новом

этапе национальное сознание русского народа. Летописи настойчиво подчеркивали преемственность власти, политическую и династическую непрерывность ее в течение всего средневековья. Вот как именовался, например, Дмитрий Донской, личность которого стала символом возрождающейся Руси: «Князь великий Дмитрей Иванович, внук Иванов, правнук Данилов, праправнук Александров, прапраправнук Ярославль, пращур Всеволожь, прапращур Юрьев, прапрапращур Владимиров Всеволодовичя Ярославичя Володимеричя, великого нового Константина, крестившего Русскую землю, сродник новых чюдотворцев Бориса и Глеба».

На основании летописей присоединялись вновь к общерусскому государству Смоленск, Чернигов, Полоцк, Новгород. По летописным данным — повести об убиении в Орде Михаила Черниговского — Иван Грозный решил потревожить его останки в черниговском Спасо-Преображенском соборе и, символически связуя времена, нашел им подобающее место в Москве. Позже Петр Первый, еще больше углубляя историческую память, перенес прах Александра Невского из Владимира в Петербург...

39 И еще несколько слов о *связующем* в нашей средневековой истории. Она проявлялась буквально во всем. Разве не полнится конкретно-историческим смыслом и одновременно высшей символикой теснейшее идейное и художественное единство между двумя выдающимися литературными произведениями той эпохи —«Словом о полку Игореве»

и «Задонщиной»? И разве не народ как главная сила истории, освоивший Русскую равнину в домонгольские времена, через несколько веков вернул ее себе? Современный архитектор подчеркнет не только национальную самостоятельность и своеобразие начального русского зодчества и огромные достижения, например, черниговской, смоленской, новгородско-псковской или владимиро-суздальской творческих школ, но и найдет их продолжение в веках. Специалист по истории экономики рассмотрит как единое развивающееся целое систему землевладения и хозяйственную жизнь русского средневековья, торговые отношения и денежное обращение, знаток генеалогии проследит родовую преемственность власти, военный человек, интересующийся стариной, тоже скажет свое слово, археолог, дипломат, правовед, искусствовед или социолог — всяк свое...

И ни феодальная раздробленность домонгольской Руси, ни нашествие степных орд не прервало глубинного течения народной жизни! Как это ни покажется парадоксальным, но даже те, кто участвовал в междоусобицах, подчинялись подспудным центростремительным, связующим, объединяющим силам. В частности, «изгойство», волевой захват власти и сложнейшая калейдоскопическая система ее законного наследования — «лествица» делали все русские княжества и уделы не статичными, законсервированными, изолированными друг от друга административно-политическими единицами, а чем-то другим, совершенно оригинальным, чему не найдено ни терминологических определений, ни аналогов в истории средневековой Западной Европы. Наукой давно доказано, что внутри каждого отдельного русского княжества протекала интенсивная экономическая и культурная деятельность, осуществляемая коренным населением разных социальных слоев. Князья же, волей или неволей переходя с одного «стола» на другой, брали с собою дружину, воевод, семью, челядь, «добрых старцев», любимых песнопевцев, мастеров высшей квалификации, утварь, книги.

Эта мобильность была поразительной. Не стану перечислять знаменитых имен или законных — по наследству, «лествице», по «ряду» с вече, смене сюзерена, жалованному дару, то есть безболезненных, легких, как из горницы в горницу, переходов князей из княжества

в княжество, возьму для примера кого-нибудь из малоизвестных князей со сложной трудной судьбой. Ну, хотя бы Безокого. Нет, не Василька Ростиславича теребовльского, героя трагичной летописной повести, которому какой-то служака-торчин по приказу киевского и владимиро-волынского князей вывертел ножом глаза сразу после того, как на знаменитом любечском съезде в конце XI века все они поклялись прекратить междоусобицы и держать свои отчины. В XII веке жил такой Мстислав Ростиславич, внук Юрия Долгорукого. Он вечно изгонялся из своих владений, не раз пытался силой захватить великокняжеский стол в северо-восточной Руси, княжил в Новгороде, в Ростово-Суздальской земле, потом снова владел Ростовом и Переяславлем-Залесским, опять Новгородом и — через две неудачные войны — опять же Новгородом, где и умер незрячим, за год до смерти ослепленный Всеволодом Большое Гнездо...

Не собираюсь доказывать, что междоусобные войны и переходящая все границы мобильность русских князей, называемая современными историками «коловращением», были полезными для страны. Нет, эти неизбежные порождения тогдашнего общественно-экономического строя наносили ей колоссальный вред, подрывали народные силы, ослабляли сопротивление внешним врагам и скрупулезно фиксировались летописцами именно в силу своего вреда. Однако сколько было законных, безболезненных княжеских пересмен, сколько было переходов из княжества в княжество бояр, воевод и священнослужителей, не замеченных летописцами! И эта непрерывная смена «прописок» способствовала общерусскому обмену политическими новостями и страстями, навыками управления, военным искусством, ремеслами, преданиями, литературой, особенностями разговорного языка.

Медленно и мучительно возрождалась идея общенационального политического единения, которое попытался осуществить в начале XII века Владимир Мономах, а во второй его половине Андрей Боголюбский, опиравшийся на свое молодое, обширное, единое, лишенное мелких уделов княжество. В то же время мелкие и слабые уделы постепенно становились благодатным материалом для централизации власти. И нашествие силь-

ных внешних врагов в XII веке отнюдь не ускорило, как считают «евразийцы», этот естественный исторический процесс, тяга к которому обнаруживается уже в XII веке, наоборот — затормозило его, отодвинуло на столетия. Н. Г. Чернышевский: «У нас сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце...»

Кстати, многие из читателей, наверное, полагают, что с так называемой норманистской теорией происхождения нашей государственности давно покончено. Ничуть не бывало! Не только на Западе, но и в отечественных публикациях нет-нет да и проскользнут давние идейки, унижающие русский народ. Иногда это делается походя, как бы между прочим, даже в очень солидных *академических* изданиях.

Двенадцатый том Словаря *современного* русского языка, 1586 столбец: «*Русь...* Наименование восточнославянской народности; сама эта народность...» По словарю получается, что многомиллионный народ средневековой Европы, освоивший за века значительную часть ее территории, создавший свою государственность и самостоятельную культуру, был всего-навсего «народностью». И далее идет цитата из книги Н. Полевого, известного журналиста прошлого века, не получившего систематического образования и лишь начитавшегося сочинений норманистов: «Летописи придают им имя варягов... коим означают они... всех обитателей Скандинавии, отличая в числе других варяжских народов отдельный народ: русь». Как видим, с помощью ссылки на ошибочную и обветшалую цитату солиднейшее современное научное издание исподтишка пропагандирует даже этническую несамостоятельность нашего народа! А ведь, толкуя это слово, можно было процитировать и Пушкина, и Гоголя, и Некрасова, и Есенина или замечательные слова В. И. Ленина из статьи «Главная задача наших дней», в которой он говорит о природных богатствах, запасе человеческих сил и прекрасном размахе, «который дала народному творчеству великая революция»,— реальных предпосылках для того, «чтобы создать действительно могучую и обильную Русь». Можно было бы вспомнить и древнего сирийского писателя,

еще в VI веке употребившего слово «Русь» («Рос») применительно к нашим предкам, и, наконец, начальные строки Гимна Советского Союза...

В свое время Алексей Югов в книге «Думы о русском слове» уже обращал внимание на толкование понятия «Русь» в Академическом словаре, и я вслед за ним повторяю комментарий, вспомнив с добрым чувством покойного литератора-патриота. Хочу также отметить прямую связь между «норманистами» и «евразийцами», установить непосредственную преемственность их антиисторических русофобских взглядов. «Норманисты» числили среди «варяжских народов» скандинавский народ под названием «русь», «евразийцы» считают русских неким «туранским народом», производя этот термин от среднеазиатской Туранской низины. Один из западных «евразийцев», скрывшийся за инициалами, пишет, что «не только из Киевской Руси не возникла современная Россия, но это было даже и исторически невозможно», так как Киевская Русь якобы являлась «группой княжеств, управлявшихся варяжскими князьями». «Норманисты», настаивая на миссионерской роли варягов-скандинавов, отрицали значение домонгольской русской государственности и культуры, «евразийцы» делают то же самое, всячески к тому же превознося опустошительные грабительские завоевания значительной части Евразии разноплеменными ордами кочевников в XIII веке и создание ими на дымящихся развалинах средневековых цивилизаций недолговечных региональных военно-феодальных образований.

Вот две строчки из одной и той же «исторической» песенки. «Государство русское начало существовать только со времени свержения монгольского ига»— это тот же Н. Полевой. «Московское государство возникло благодаря татарскому игу»— это наш современник, «евразиец» Н. Трубецкой. Вынуждая нас вспоминать — по жесткому выражению современного советского историка В. В. Мавродина —«смрадный дух норманизма», «евразийцы» утверждают, будто Чингиз-хан выполнял «самой природой поставленную задачу» и «выступал как осуществитель творческой миссии, как созидатель и организатор исторически ценного здания». Даже, по выражению К. Маркса, «кровавое болото» золотоордынского ига на Руси, затормозившее на несколько веков

ее экономическое, политическое и культурное развитие, «евразийцы» считают полезным для русского народа, завершая свои антиисторические изыски бредовым и спекулятивным тезисом, будто «современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР, есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингиз-ханом»... И я бы, может быть, не стал здесь повторять эти бредни, если б не прочел недавно программной рукописи какого-то молодого кандидата исторических наук, доморощенного «евразийца», в которой он, как попка, повторяет, будто «правители Москвы являлись законными наследниками дела и державы Чингиз-хана»...

Уместно ли на таком фоне называть золотоордынскую систему одностороннего грабежа, убийств и насилий «тесным союзом» и «симбиозом»? В сущности Л. Н. Гумилев пользуется запрещенным приемом, выдавая мучительно трудную двадцатилетнюю международную и внутреннюю политику Александра Невского, одного из русских князей, за надуманный союз «всея Руси» с Ордой, а после его смерти еще более надуманно продлевая этот «союз» то ли на полвека — до 1312 года, когда он вдруг прервался по религиозным причинам, то аж на целый век — до 1362 года, когда этот никогда не существовавший «союз-симбиоз» прекратился в связи с переворотом Мамая или «взрывом этногенеза».

Летят года и десятилетья. На родной моей земле являются миру новые и новые люди, для коих все придет в свой час — первый свет солнца в очи, первое полуосознанно произнесенное слово «мама», так похожее на всех языках, первая написанная буква, первая прочитанная фраза, первая самостоятельная мысль, первая книга, над коей задумается человек. Позже, через жизненный опыт и книги, придут понятия о людях и мире, осознание себя, как частицы общего, осмысление роли родного твоего народа в истории, в семье человеческой, придут раздумья о прошедшем и будущем.

С каждым годом в нашей стране появляются новые и новые *миллионы* читателей и граждан... И для каждого из этих юных соотечественников в свой час придут

знания и размышления о самой тяжкой беде, постигшей русский народ в стародавние времена, когда он был лишен величайшей силы — единения, понес неслыханные жертвы, испытал великие муки, выполнив, однако, свою историческую миссию и оставив национальную совесть незапятнанной. Эти размышления не исчезнут и за далекими горизонтами следующего тысячелетия, как жили они все тысячелетие исходящее... Русский народ сдержал на восточных рубежах Европы печенежские, гузские, половецкие орды, что было лишь драматическим прологом к трагедии XIII века!..

Лежит передо мной большая, тяжелая, захватывающе интересная книга, историческая весомость коей для меня превыше множества романов. Это фундаментальный труд академика Б. А. Рыбакова о ремеслах домонгольской Руси. Ученый издал ее в 1948 году на основании уже тогда почти необъятного археологического материала. Не в силах оторваться, перечитываю отдельные места этой академичной, строго написанной книги, рассматриваю черно-белые и цветные иллюстрации, ищу научное повествование о материальном прошлом мест, в которых я побывал,— Киев, Чернигов, Любеч, Овруч, Канев, Звенигород, Козельск, Брянск, Суздаль, Можайск, Переяславль-Залесский, Коломна, река Рось, Плещеево озеро... Керамика, чернь, перегородчатая эмаль, стеклянные и ювелирные изделия, художественная резьба по дереву, камню, слоновой кости, зернь, инкрустация, великолепное оружие, чеканка монеты, изделия литейщиков, кузнецов, слесарей, скорняков, шевцов — всего около *шестидесяти* ремесел знала средневековая Русь, не только полностью удовлетворяя свои нужды, но и экспортируя промышленную и ремесленную продукцию за рубежи. И вот — нашествие степных конных орд. «Русь была отброшена на несколько столетий,— пишет Б. А. Рыбаков,— и в те века, когда цеховая промышленность запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыя».

А сейчас я для того молодого любознательного читателя, который впервые задумается о роли и месте его народа в истории, приведу раздумья трех великих людей прошлого, его славных соотечественников. Первый

из них, гений с кипучей кровью и солнечным умом, прожил немного, но успел исколесить почти всю Европейскую Россию, дважды ступив в азиатские пределы; он никогда не был в Западной Европе, но увидел и узнал многие народы, черпая бесценные духовные, нравственные сокровища в жизни родного своего народа русского. Второй человек строгого, пытливого и обширного ума, родившийся на великой Волге, не только предрек социальные перемены в жизни русского и всех других народов России, но и прошел за верность своим идеалам тяжкий путь страстотерпца от Петербурга до Вилюйска. Третий, родившийся, как и первый, в сердце России — Москве, философ, стойкий революционер, блестящий публицист, вынужденный большую часть жизни провести в изгнании, оставаясь великим патриотом своего народа, последовательно разрушая в Западной Европе миф о дикости и варварстве его и его собратьев по глубоким этно-историческим корням, сказал больше ста лет назад слова, хорошо звучащие и сегодня: «Мы никогда не были ни националистами, ни панславистами. Ничто не отклоняет революции в такой степени от ее большой дороги, как мания классификаций и зоологических предпочтений рас, но несправедливость к славянам всегда казалась нам возмутительной»...

Итак, прошу, неизвестный и доброжелательный мой читатель, подумать над высказываниями трех этих великих русских людей на тему, в которую мы с тобой вынуждены были вникнуть.

А. С. Пушкин: «Русские необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией...»

Н. Г. Чернышевский: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями, спасителями от ига монгольского, которое они сдержали на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергнувшейся всем выстрелам, стеною, которую вполовину разбили враги». «Жалко или нет бытие подобных народов? Беша и быша, яко же не бывше. Прошли, как буря, все разрушили, сожгли, полонили, разгра-

били и только... Быть всемогущими в политическом и военном смысле и ничтожными по другим, высшим элементам жизни народной?»

А. И. Герцен: «Татары пронеслись над Россией подобно туче саранчи, подобно урагану, сокрушающему все, что встречалось на его пути. Они разоряли города, жгли деревни, грабили друг друга и после всех этих ужасов исчезали за Каспийским морем, время от времени посылая оттуда свои свирепые орды, чтобы напоминать покоренным народам о своем господстве... Материальный ущерб после неоднократных опустошений привел к полному истощению народа, он согнулся под тяжким гнетом нищеты. Люди бежали из деревень, никто из жителей не чувствовал себя в безопасности... Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе».

Однако просвещенная Западная Европа ничего не знала обо всем этом! Британцы, например, накопившие в домонгольские времена много сведений о Руси и даже вобравшие в свой язык некоторые русские слова, попросту *забыли* о нашей родине, два с половиной века истекавшей кровью. Самые образованные англичане даже в первой половине XVI века весьма смутно представляли себе, где вообще эта Руссия или Рутения, с князьями коей некогда почитали за честь породниться их короли. Подробное географическое сочинение Роджера Барлоу, написанное около 1540—1541 гг., помещает Россию где-то «у Сарматских гор» и «гор Гиркании»... А. С. Пушкин: «Европа в отношении России была столь невежественна, как и неблагодарна».

А теперь нам с вами, дорогой читатель, предстоит побывать на поле русской славы, на поле Куликовом...

Отрицать роль личностей, этнических или религиозных процессов в истории было бы нелепо. Только исторические векторы, направившие войска Дмитрия и Мамая на Куликово поле, сложились из множества и иных, куда более глубоких сил, сделавших это великое сражение главным по своему значению событием истории не только XIV века, но и многих предшествующих и последующих веков.

Сражение за Непрядвой одни (в частности, «евразийцы») считали решительным столкновением «леса и

степи», и до наших дней эта тема-схема не только насквозь проходит через публикации главного зарубежного «евразийца» Г. Вернадского, но и, к сожалению, заполняет многие страницы свежих исторических и неисторических романов... Другие видели в Куликовской битве разрешение извечной борьбы между «Западом и Востоком» или рассматривали ее как эпизодическое и чисто военное происшествие. Наконец, самое распространенное, живучее и, быть может, самое неверное представление о Куликовской битве постепенно сложилось под влиянием русских летописцев и первых наших профессиональных историков, рождая и поныне множество спорных по смыслу стихотворений, поэм, речей, статей и глав романов о громкой победе русских над монголо-татарами, христиан над «бусурманами», то есть мусульманами.

Повнимательней присмотримся, что собою представляла к 1380 году Золотая Орда и, в частности, войско Мамая с этнической и религиозной точек зрения. Строго говоря, оно не было «татаро-монгольским» или «монголо-татарским». Оба эти термина настолько условны, что пора бы подумать об отказе от них.

В самом деле, о каких монголах на Волге к концу XIV века может идти речь, если за полтора столетия до этого с Батыем осталась в его отцовском, джучиевом улусе совсем небольшая горстка коренных монголов, к тому же теряющих уже свои национальные признаки из-за многочисленных смешанных браков с иноплеменницами? И, видно, недаром русский летописец среди народов, пришедших на Русь в орде Батыя, ставит на первое место «куманов», то есть кипчаков, половцев, недаром в старых русских исторических трудах и даже справочниках Золотая Орда называлась также «Кипчакской». Арабский же историк Эломари, касаясь основного этнического состава Золотой Орды XIV века, совсем не упоминает монголов: «В древности это государство было страною кипчаков, но когда ими завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (то есть татары) смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (то есть татар), и все они точно стали кипчаками, как будто одного рода с ними». Быстро растворялись в местном населении не только разно-

племенные монголы, для коих время и события уготовили быстрое и окончательное разрушение родового единения, но и довольно стойкие племенные монгольские образования. В фундаментальном труде Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Русь и Золотая Орда» (М.—Л., 1950) рассказывается о двух многочисленных монгольских племенах, этнические судьбы которых были прослежены учеными. Джалаиры и барласы в результате захватнических военных походов степняков первой половины XIII века оказались в Семиречье среди коренного тюркского населения. Оттуда во второй половине XIII в. джалаиры перекочевывали в район Ходжента (Ленинабад), а барласы в долину реки Кашкадарьи. «Два этих больших монгольских племени — джалаиры и барласы — пришли из Семиречья в какой-то мере отюреченными в смысле языка. На новом месте они настолько уже были отюречены, что в XIV в., во всяком случае во второй его половине, *считали своим родным языком тюркский язык»* (курсив мой.— *В. Ч.*).

Для немногочисленных потомков основателей Золотой Орды стала совсем чужой их далекая родина, язык предков, суровый степной уклад жизни, сменившийся паразитическим сибаритством. Их давно уже не объединяли ни жесткие каноны устной Чингизовой ясы, совершенно забытой, ни древние верования, потому что даже среди первых монголов-европейцев были и христиане-несториане, и буддисты, и язычники-шаманисты, а с начала XIV века все больше становилось мусульман. Что же касается культуры, объединяющей тот или иной народ, то ни о какой золотоордынской культуре нельзя даже и заикаться, потому что завоеватели-пришельцы не умели писать на своем забытом языке, не умели ни строить, ни ваять, а первоначальное этническое расовое растворение в различных народах усилилось в тюркоязычных половцах, сменившись последующим и окончательным — в хорезмийцах, из которых несколько поколений чингизидов-джучидов набирали советников, чиновников, евнухов, писцов, сборщиков дани, военачальников. Так что монголов на Волге в конце XIV века нельзя рассмотреть даже в самые сильные исторические микроскопы.

«Татары» как я уже писал в первых главах этой публикации,— собирательное, чрезвычайно условное ле-

тописное название разноплеменного войска, нападавшего на Русь в 1223, 1237, 1239 и 1240 годах,— *никакого этнического отношения к предкам современных поволжских татар не имели.* Центральноазиатские племена татар (та-та, та-тань), как мы знаем, полностью были уничтожены еще ордами Чингиза. Корни же казанских татар уходят в глубь времен — к многочисленному, стойкому народу, создавшему еще в домонгольское свое средневековье богатое и сильное государство Волжскую Болгарию (Булгарию). Вместе со своими родственниками и соседями, свободолюбивыми степными рыцарями башкирами (башгирдами), волжские болгары первыми побили Субудая в 1223 году, потом стали первой жертвой первого похода Бату-Субудая на Запад, первыми отчаянно восстали в глубоком тылу их войск, сделались, как и русские, данниками Орды, и неверно с исторической и нелепо с лингвистической точки зрения повторять сегодня слова о татарском иге, да еще к тому же... над татарами. В эпоху же позднего Средневековья этнически смешанное Казанское ханство действительно стало одним из последних осколков распавшейся Золотой Орды; перед походом Ивана Грозного в нем пребывало в рабстве около ста тысяч русских людей...

Привычные выражения «монголо-татарские завоевания» или «татаро-монгольское иго» недостаточно полно отражают этнический состав степняков, напавших на Русь в XIII веке, и затушевывают социальную, классовую, автократическую природу феодальной империи средневековья, жестоко эксплуатировавшую позже множество народов и регионов Евразии. Пользуясь этими общеупотребительными упростительными терминами, замену которым, очевидно, найти нелегко, мы всегда должны иметь в виду связанные с ними объективные обстоятельства больших исторических событий тех времен.

Эксплуататорская власть Золотой Орды распространялась на огромную территорию Евразии, ее контуры являли собой гигантский многоугольник, по границам которого находились районы сегодняшней Молдавии, Кемеровской области, Крыма, Азербайджана, пермских лесов, Среднего Урала, бассейна Оби, низовьев Сырдарьи и Амударьи. Гнет Золотой Орды, разъедаемой спонтанными противоречиями и внешнеполитическими

факторами, в середине XIV века слабел повсюду, и жалкий авантюрист Мамай лишь сделал попытку приостановить колесо истории. Л. Н. Гумилев настаивает, будто «тесный союз», якобы существовавший между Ордой и Русью, к тому времени «стал тягостным для обеих сторон» из-за изменения на Волге религиозной ориентации и включения золотоордынцев «в чужой и враждебный Руси суперэтнос». По его мнению, на Куликовом поле «бой шел вовсе не с «погаными» (то есть язычниками), а с «бусурманами» (то есть мусульманами)». Посмотрим, так ли это, приняв к сведению, что никакого религиозного, «мусульманского суперэтноса» в Азии никогда не было и не могло вообще быть, как не было, например, «христианского суперэтноса» в Европе.

Сам Мамай был, возможно, исмаилитом, мусульманином-сектантом. Эта особая ветвь шиизма, возникшая еще в раннее средневековье, верила в непогрешимость богочеловека, так называемого имама. Имамы должны быть обязательно из потомков Али, двоюродного брата и зятя Магомета, начиная с Исмаила, предком коего в седьмом поколении был Али. Приобщение к секте состояло из семи или девяти степеней посвящения. На четвертой степени сектанту внушалось, что Магомет выше Иисуса и Моисея, но ниже имама, то есть исмаилит с этого момента переставал быть мусульманином. На следующих ступенях посвященный узнавал, что все религии одинаковы, их предписания обязательны лишь для грубой черни, а не для тех, кто знает их мистический смысл. Исмаилиты-ассасины считали, что великий имам должен оставаться сокрытым для людей, а действовать по воле его обязаны наместники-миссионеры. Исмаилиты высших степеней постепенно сделались людьми с эклектическими религиозно-философскими взглядами, преследовали только властолюбивые политические цели, разбивались на подсекты, вырождались в тайные организации заговорщиков и коварных интриганов, оплетавших своими сетями мусульман, христиан, иудеев, превращались в наемных убийц, готовых ради денег на любое преступление.

Это был своего рода международный орден, базировавшийся в передней Азии, в частности, в Иране и Сирии, но забросивший своих растленных агентов по

всему мусульманскому миру и даже в Европу. Недаром, начиная с XII века, итальянцы называли коварных убийц assasino, а французы assasin; слово это, кстати, сохранилось в современном французском языке (le assasinat — убийство). От религии исмаилитов в конце концов остался только один наглый обман — непосвященным внушалась мистическая вера в отвлеченные символы, якобы заключенные в Коране, и возвращение на землю то седьмого, то двенадцатого имама-богочеловека. Мамай же, будучи, конечно, посвященным исмаилитом самых высших степеней, поклонялся лишь единому двуликому дьяволу — деньгам и власти, и согласно, как пишется у Карамзина, «глупым басенникам» побежал с Красного Холма, призывая на помощь какой-то действительно очень странный набор богов: Перуна, Соловата, Мокоша, Ираклия и Хорса. Думаю, однако, что это был совсем не глупый летописец, просто подменивший именами языческих славянских богов имена неизвестных ему Али, Исмаила и никому не известного имени исмаилитского «живого бога» — Великого Имама.

Какого роду-племени был Мамай — никто не знает. Он мог быть из половцев-кипчаков, составлявших в орде этническое большинство, из хорезмийцев, которые к тому времени забрали в свои руки весь служилый аппарат Бату-Сарая и главных провинций, мог быть и китайцем, и человеком совершенно неопределенного национального происхождения — условно скажем, «татаро-монголом».

Вознесся Мамай при хане Бердибеке, женившись на его дочери. Вместе с тестем умертвил его родного отца и *двенадцать* братьев. Бердибеку аллах не дал наследника, и в двадцатилетней золотоордынской «замятне», перебравшей двадцать одного хана, Мамай, этот придворный интриган и честолюбивый военный служака, чувствовал себя как рыба в воде. Русский летописец отмечал, что у него «гордость бе велиа и чаяние выше меры».

Мамай трижды завоевывал Сарай и трижды изгонялся оттуда, потом закрепился на западе улуса — в понизовых междуречьях Днепра, Дона, Волги, на Кавказе, в Таврии. К походу на Москву Мамай готовился два года и собрал всех, кого мог собрать с помощью

денег, посулов и плетей. Тотальной мобилизацией и скупкой вооруженных орд были охвачены не только подвластные ему земли, но и далекие их окраины, евразийские глубинки. Мамай «даваше обильно всем и посла во многие страны» уговаривателей-эмиссаров с торбами, наполненными данническим и награбленным русским серебром и заемным генуэзским золотом. «И снидошася к нему от многих стран Татарове на ласкание его и даяние»...

Татары? Вовсе нет! Этим условным этнонимом летописец назвал невообразимое по национальной и религиозной пестроте полчище наемников, добровольцев и подневольных, многим из которых суждено было остаться на Куликовом поле и сорокаверстном кладбище, протянувшемся от Непрядвы до Красивой Мечи.

Среди профессиональных степных грабителей и усмирителей, составлявших значительную часть вооруженных сил Золотой Орды и поскакавших на легкую, как им казалось, поживу за авантюристом, наверняка было большинство тайных и явных язычников. «Как бы ни были велики успехи ислама и при Узбек-хане, они не выходили за пределы городской жизни и феодальной верхушки степи». «...Еще в XV в. в Дешт-и-Кыпчак было много язычников, т. е. многие придерживались шаманизма» (упомянутая работа Д. Грекова и А. Якубовского, с. 166, 168). Не исключаю, что в орде Мамая находилось также некоторое число «татаро-монгол», заброшенных судьбой и событиями из бывшей далекой метрополии с ее столицей Пекином. Кто они были по вероисповеданию? Только не мусульманами! Г. Е. Грумм-Гржимайло отмечал, что еще и в XVI веке господствующей религией в Монголии был, наряду с буддизмом, древний шаманизм. Так что эта часть войска состояла из буддистов, язычников-шаманистов и даже конфуцианцев; китайцы-воины, верно служившие монгольской династии Юань, и окитаившиеся разноплеменцы, изгнанные из страны народным восстанием 1368 года, могли доскакать в поисках грабительского прокорма до крайних пределов распадавшейся империи. Среди «татаро-монгол» наверняка были также христиане-несториане; эта вера пришла в монгольские степи еще до Чингиза, сохранялась все средневековье, и ее исповедовали даже некоторые ханы, например, сын Батыя Сартак.

Конечно, мусульман хватало в войске Мамая, и летописец, очевидно не зная их этнической принадлежности, обобщенно пишет о «бесерменах» (басурманах). Предполагают, что «бесермены»— это камские болгары или хорезмийцы, но едва ли избегли этого похода другие «бусурмане», мусульмане-степняки! В XIV веке шла мусульманизация и тюркизация бесчисленных племен и народностей, согнанных в центр Великой Степи двухвековым военным самумом. И несомненно, что в полчище Мамая влились отряды кочевников из Заволжья, с границ Синей Орды — язычники, мусульмане и язычники-мусульмане, в чудовищной и часто спорной этнической пестроте коих не могут разобраться поколения ученых. На основании исследований Березина, Сенковского, Аристова, Бланкенагеля, Григорьева, Разумова, Сосновского, Ханыкова, Радлова, Потанина, Бартольда, Банзарова и многих других Г. Е. Грумм-Гржимайло приводит умопомрачительный список племен и родов, составивших основу, например, «степных узбеков», которые в XVI веке заняли богатые земледельческие районы Средней Азии и слились с коренными жителями древнего Хорезма. В состав степного узбекского союза входили тюркские и отуреченные динлинские роды и племена — канглы, кипчак, киргиз, уйгур, карлык, аргын, алагин, тогус, юс, кучин; монгольские — хорлас, нукуз, кьжот, джалаир, ойрат, дорбет, онгут, татар, хонкират, мангыт, монгол, хатачин; не то тюркские, не то монгольские, не то тунгусские — кераит, найман, ктай (кидань), баргут; совершенно неизвестного этнического происхождения — меркит, минг, кенегес, кынгыт... Всего, как пишет ученый, «до сотни, да и эта цифра не является еще окончательной». Подчеркну, что сведения относятся к XVI веку и трудно даже вообразить, какая этническая пестрота была в центре Великой Степи на два века раньше, во времена Мамая, Тохтамыша и Тимура...

В подвластных Мамаю районах прошла повальная мобилизация. Летописи называют мордовских князьков, а также ясов и черкесов. Можно ли их включать в «мусульманский суперэтнос»? Нет! Ясы, предки осетин, были в то время частью язычниками, частью православными христианами, а собирательным именем «черкесы» тогда и позже называли разноплеменные народности

Северного Кавказа и Прикаспия, среди которых первые русские этнографы различали абадзехов, адиге, бесленеевцев, бжедухов, мехешевцев, егарукаев, убыхов, шепсугов и многих иных. Приняв христианство еще от первых византийских миссионеров, они упорно продолжали исполнять языческие обряды и обычаи даже после прихода сюда через *несколько столетий* ислама шиитского толка. Летопись числит в Мамаевом войске также буртасов — народность мадьярских этнических корней и языческих, как и мордовцы, верований, жившую в Прикавказье и Поволжье, где они полностью позже ассимилировались, хотя еще в XX веке в Поволжье сохранялось несколько деревень далеких потомков буртасов, почти неотличимых от русского населения, которое называло их *курташами*. С большой долей вероятности можно говорить о вовлечении в поход стародавних соседей кавказских буртасов — аланов, которые были христианами. Об этих народах писал великий азербайджанский поэт Низами:

Плечистые аланы позади,
Буртасы слева рвутся напролом...

Почти неизбежно в бешеный круговорот тотальных военных сборов были втянуты и русские «вольные люди», жившие грабежом летописные бродники, будущие казаки, несомненно, православные христиане; еще при Калке они целовали *крест* Мстиславу и тут же во главе со своим атаманом Плоскиней предали киевского князя. Позже они платили дань Золотой Орде, о чем сообщал венгерский король Бела IV в письме римскому папе. Шли с Мамаем, очевидно, и мелкие отряды литовцев, с пограничьем и княжеской резиденцией которых так тесно контактировал горе-завоеватель; было бы противоестественно, если б они не влились в левый фланг Мамаева полчища, когда Ягайло вел из метрополии многочисленную сильную армию к тому же полю Куликову. Кем же были по религиозной принадлежности литовцы? Не мусульманами и не католиками, потому что католичество в Литву пришло лишь после 1386 года, когда Ягайло женился на польской королевне Ядвиге, обменяв на ее красоту и польско-литовский престол древние верования своего народа. Сам он был

в 1380 году не то язычником, не то крещеным язычником, войско же его делилось на православных и приверженцев дохристианской языческой веры.

Кстати, плечом к плечу с Дмитрием Ивановичем, как известно, встали в полдень 8 сентября 1380 года два отважных и умных литовских князя. Андрей и Дмитрий Ольгердовичи привели с собой на Куликово поле не только псковских, полоцких, черниговских и брянских русских воинов, но и верных им витязей-земляков, сородичей и соплеменников. И еще уточню — митрополит литовский (киевский) Киприан, болгарин по происхождению, в 1380 году стал одновременно и митрополитом московским, так что в день Куликовской битвы противостояли друг другу тысячи единоверцев и единоплеменников, имеющих к тому же одного официального духовного пастыря.

А знаменитый русский историк Н. М. Карамзин когда-то разыскал в Синодальной библиотеке старинную книгу, в которой рассказывается, как 2 июля 1380 года прискакал в Москву один из стражей дальней границы Андрей Семенов. С пятьюдесятью конными удальцами он *одиннадцать* дней объезжал степями «силу» Мамая, а на двенадцатый его «имали и поставили пред Царем». Мамай спросил: «Ведомо ль моему слуге Мите Московскому, что аз иду к нему в гости?» Далее Мамай перечисляет «Орды, Царства и Князей», идущих с ним на Москву, и под конец просит передать Дмитрию: «может ли слуга мой всех нас употчивать?» Дмитрий, как мы знаем, *смог употчевать их всех,* но отметим одну подробность того важного разговора: разных князей-военачальников под своим штандартом Мамай числил более тридцати, «опричь *Польских».*

И если участие поляков-католиков в битве на Непрядве не подтверждается другими источниками — Мамай мог просто прихвастнуть, то историки, веря летописям, не сомневаются, что какую-то часть разношерстного войска, пришедшего на Куликово поле, составляли армяне-григориане — наемные или мобилизованные воины, вероятно, не из Великой Армении, на которую власть Мамая не распространялась, а потомки тех армян-изгнанников, что бежали на север в XIII веке, спасаясь за Кавказским хребтом от уничтожения ордой. И еще одно несомненное сведение об этническом и ре-

лигиозном составе орды Мамая. Приплыл морем и прошел сушей на поле Куликово большой полк фряжских рыцарей, нанятый на заемные деньги черноморских и средиземноморских купцов, представители коих в числе десяти человек сопровождали войско Мамая. В наемном полку была та же этническая пестрота, которая характеризовала все это разбойничье-захватническое полчище. В Италии, откуда явилось на Русь закованное в рыцарские латы воинство, их называли *кондотьерами* — от слова condotta —«наемная плата». Отряды хорошо вооруженных авантюристов, нанимаемые в XIV веке итальянскими феодалами и мелкими тиранами, боровшимися за власть, города и земли, состояли в основном из немцев, но были среди них также английские рыцари, например, свирепый Джон Гаквуд, предводитель отряда наемных англичан, французские и итальянские искатели легкой наживы, служившие оружием тому, кто больше платил.

О религиозной их принадлежности едва ли стоит говорить — быть может, только в детстве они были христианами-католиками. Один из самых беспощадных разорителей итальянской земли немецкий предводитель кондотьеров Вернер фон Урслинген, скажем, наводивший на Италию ужас в 1334—1352 гг., выбил серебром на своем панцире такой «религиозный» девиз: «Враг Бога и милосердия». Быть может, был он тайным темплиером, членом некогда могущественного духовно-рыцарского ордена храмовников-крестоносцев, основанного в начале XII века. С потерей своих земель и богатств в Иерусалиме и под влиянием мусульман, скорее всего, исмаилитов, орден разложился, разбрелся по Франции, Италии, Португалии и другим странам Европы, ввел кощунственные обряды, идолопоклонничество и в начале XIV века был обвинен в ереси. Во Франции многих темплиеров, включая магистра ордена, пожгли на кострах, но следы тайного существования этой военизированной секты еще долго прослеживались в Европе — темплиеры, как и мусульманские исмаилиты, выродились в циничных и подлых религиозно-политических авантюристов. И не исключено, что среди продажных европейских кондотьеров было в войске Мамая некоторое число темплиеров — участвовать в столь дальнем, тяжелом и авантюристическом походе согласилось, дол-

жно быть, за щедрую плату наиболее развращенное разбоем и святотатством человеческое отребье.

Летописец, перечислив очевидную часть, так сказать, наличного состава войск Мамая, добавляет: «и иныа с ним». Не будем долго гадать, кто были эти «иныа», но вполне возможно, что национальную и религиозную пестроту огромной орды, поднявшую до неба пыль по всему каспийско-черноморскому югу летом 1380 года, дополняли, например, иудеи, которых русские летописцы числили среди сборщиков золотоордынской дани и ростовщиков; это могли быть и далекие потомки хазарского клана правителей, и крымские караимы,— обособленная иудаистская секта, поселившаяся в Крыму задолго до событий, и персидские, выметенные народным восстанием торговцы, выступавшие в роли средневековых интендантов и маркитантов. Возможно, что освободительная борьба в Иране, покончившая к тому времени с властью Хулагидов, выбросила на север и часть их бывших прислужников, исповедовавших зороастризм, исконную религию персов, из горных районов Азербайджана, подвластного Золотой Орде, были мобилизованы не успевшие «обесермениться» христиане, поклонявшиеся разрушенным храмам древней Албании, а из Крыма, с которым у Мамая было связано столько экономических и политических страстей, вполне могли пойти на дальнюю соблазнительную добычу еще жившие там крымские готы, чью воинственность отмечали средневековые историки; готы были православными христианами, издревле пасомыми Византийской (Константинопольской) метрополией.

Итак, вражеское войско на Куликовом поле не представляло *никакого «мусульманского суперэтноса», в полчищах Мамая были не только представители всех мировых религий, но и последователи множества их разнотолков и ответвлений.*

За два года повсеместных сборов к *такому* предприятию примкнули все, кто, служа или подчиняясь власти, наловчился стрелять, колоть, рубить резать и грабить людей, азиатские и европейские ландскнехты и искатели приключений, степные, лесные и горные разбойники, рыцари наживы, средневековые уголовные преступники и прочее перекати-поле, в том числе и самый низкий человеческий сброд, не верящий ни в

бога, ни в черта, какого во все времена хватало на этой земле.

Меньше всего в полчище Мамая находилось монгол и татар. Это было разноплеменное и разноязычное скопище разноверцев, обманутое, соблазненное, принужденное или купленное международным авантюристом XIV века, движимым непомерным воинским честолюбием, властолюбием и звериным политическим цинизмом, так что *Куликовская битва, широкое празднование любого юбилея которой не может оскорбить ни исторической памяти, ни национального достоинства или религиозного чувства кого бы то ни было из живущих, священна для всего цивилизованного человечества, потому что знаменовала собой особую, исключительную веху в мировой истории.*

Перейдем к этой важной теме.

40 Мамаевы полчища не были, однако, рыхлым или слабым конгломератом разнородных боевых отрядов. Они сорганизовались в тысячеверстном совместном целевом походе, подтянули фланги и тылы, слились, сжались утром 8 сентября 1380 года в единый мощный кулак. Кроме беспрекословного единоначалия их объединяла общая цель — изрубить в крошку, как они предполагали, неповоротливую мужичью рать Дмитрия московского и ринуться на беззащитные города и села русских с повальным грабежом, огнем и насильем. Однако не только это «Мамай мысляше в уме своем, паче же в безумии своем!». В одной из средневековых Синопсисов, «согласно с некоторыми иными списками», как пишет Карамзин, зафиксированы интереснейшие подробности

событий, непосредственно предшествовавших Куликовской битве.

Дмитрий Иванович, узнав о приближении огромного войска Мамая, сделал попытку дипломатическим путем предотвратить сражение. Он «отправил к Мамаю хитрого мужа Захария Тютчева, дав ему множество золота, серебра и двух переводчиков».

Встреча боярина Захария Тютчева с Мамаем — еще одно свидетельство, как на самом деле относились к послам степные завоеватели, если они были уверены в своей силе и безнаказанности. Для начала разговора русский посол, разложив драгоценные дары, именем великого князя справился о здоровье Мамая. Дипломат ничегошеньки не нарушил в посольском ритуале, однако Мамай тут же унизил и оскорбил посла. Он во гневе сбросил башмак с ноги и сказал Тютчеву: «се ти дарую», а своим воинам: «возьмите дары. Московские и купите себе плети: злато бо и сребро князя Дмитрия все будет в руку моею».

Приведу еще несколько важных для нашей темы средневековых свидетельств. С весны 1380 года Мамай разослал по всем подвластным ему улусам повеление: «...ни един из вас не пашите хлеба, да будете готовы на русские хлеба». Это было нужно ему не только для того, чтобы оторвать от сельскохозяйственных работ ради своих чисто военных целей мужское земледельческое население обширных территорий, соблазнив его чужим хлебом, он задумал куда более серьезное. Кроме золота, серебра и хлеба нового урожая Мамай, оказывается, *вознамерился отнять главную ценность любого оседлого народа — землю.* Во время встречи с Захарием Тютчевым он изложил одну из основных целей похода на князя Дмитрия: «землю же его разделю служащим мне, а самого приставлю пасти стада верблюжее».

Однако «чаяние выше меры» состояло и в другом, более опасном для судеб Руси? Да! Мамай знал, конечно, об усилении в степной Синей Орде хана Тохтамыша, законного, по родове, наследника верховной ордынской власти, знал о жестоком и могучем, объявившемся за Каспием, железном Тимуре и понимал, что его узурпаторская власть в Орде недолговечна. И теперь мы должны внимательно вчитаться в новые строки летописания, ясно говорящие о важности того истори-

ческого момента. Мамай пригласил в поход десяток богатейших крымских купцов, в основном генуэзцев, разжиревших на работорговле, не столько для того, чтоб они воочию узрели главный сырьевой источник их сокровищ, часть которых была вложена в новое огромное деловое предприятие, но и «видениа ради: аще бог случит, имут поведати в дальних странах, яко сходници суть с земли на землю и знаеми всеми и в Ордах, и в Фрязех...»

О чем «поведати»?

Нет, Мамай затеял не просто грабительский поход, каких Русь вынесла без числа. Этакую силу он собрал и не для того также, чтобы восстановить прежний размер дани или увеличить ее. Снова прислушаемся к угрозам Мамая: «Баскакы посажаю по *всем* (курсив мой.— *В. Ч.*) градом русским, а князей русских изобью»... Есть и летописное сведение, касающееся планов завоевателя: «Царь Батый пленил всю Русскую землю и всеми странами и всеми ордами владел также и Мамай мысляще во уме своем паче же в безумии своем».

Политический авантюрист задумал одним ударом ликвидировать войско Дмитрия, узурпировать власть не только в Московском княжестве, но и во всей Руси, передать ее землю, как главную ценность, в грабительскую эксплуатацию тем «князьям», что в тот момент служили ему и шли на Русь в его войске. Такой *порядок*, между прочим, существовал незадолго до событий на Руси в Китае, где вся земля была отобрана у земледельцев. Талантливый китайский историк профессор У. Хань, погибший во время «культурной революции», писал: «Бедняки вносили залоговые деньги и подолгу умоляли о милости, прежде чем им сдавали по нескольку му (му — 0,061 га.— *В. Ч.*) земли; целый год надо было вставать до света, работать при луне, проливать пот, трудиться без отдыха, чтобы получить хоть какой-нибудь урожай». Более половины этого урожая шло владельцу земли. «После уничтожения империи Сун население было организовано в двадцатидворки (цзя) во главе с монголом, который пользовался абсолютной властью над семьями, включенными в двадцатидворку». Захватчики-вельможи и их китайские прислужники получали обширные земли вместе с людьми «на кормление». «Максимум был у императрицы Борта-хатун в

Чжэньдине: 80 тыс. дворов». И бесконечные поборы! Чудовищно велики они были при восшествии на престол очередного императора династии Юань, протокольные их описи сохранились в китайских архивах. Например, «по случаю воцарения императора Жэньцзуна общая сумма пожалований составила 39550 лянов золота (лян — монета весом 37,3 г.— *В. Ч.*), 1849050 лянов серебра, бумажных денег на сумму 203279 динов (дин — денежная единица, равная 50 серебряным лянам.— *В. Ч.*) и шелковых тканей 472434 куска» (Хань У. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980). Не этот ли порядок, о котором, безусловно, были наслышаны в Орде хотя бы через среднеазиатских чиновников, служивших там и тут, задумал Мамай перенести на Русскую землю, где основная часть тружеников-земледельцев была еще лично свободна?

Быть может, речь шла даже о создании обширнейшей и сильной новой Орды на Русской земле — во главе с Мамаем, и вездесущие купцы должны были разнести важнейшую политическую новость по европейским и азиатским пределам, хотя эти честолюбивые «чаяния выше меры» представляли серьезную угрозу для сопредельных государств и народов.

Во время встречи с Мамаем Захарий Тютчев держался с достоинством, отвечал смело, и охрана Мамая собралась было его убить, однако золотоордынский темник, уже мнивший себя властелином Руси, остановил их и пригласил русского дипломата к себе на службу. Тот прямо не отказался, попросив прежде отправить ответное посольство в Москву, Мамай отрядил четырех мурз и послал с ними и Тютчевым наглый ультиматум Дмитрию: «Ведомо ли ти, яко улусами нашими обладаешь: еще ли еси млад, то прииди ко мне да помилую тя».

Встретив на Оке первый русский отряд сторожей, Захарий Тютчев повязал мурз, разорвал в клочья грамоту Мамая и отправил одного из сопровождавших посольство вражеских воинов сообщить обо всем в ставку.

Историки не знают точной численности войск Мамая, который, конечно, преувеличил, сказав Андрею Семенову, будто в наличии у него семьсот три тысячи, а всем

войскам числа он не ведает, но существует объективное и твердое мнение — за всю историю Руси *никогда* еще не появлялся на ее рубежах столь многочисленный, технически оснащенный, мобильный и профессионально подготовленный враг! А с севера на Куликово поле пришла «вся сила русская» — и воеводы, и дружинники, и ремесленники, и «сыны крестьянские от мала до велика», и «многие люди и купцы со всех земель и градов». Это была, по Карамзину, «вящшая» сила, когда-либо собранная на Руси, но сколько всего сошлось воинов под стяг Дмитрия, наука окончательно не решила; ближе всего к истине, мне кажется, стоят ученые, числящие в русском войске 50—60 тысяч человек.

Канун битвы имел одну подробность чисто военного характера, о коей следовало бы упомянуть. Военные историки много раз описывали подготовку к этому эпохальному сражению средневековья, восхищаясь полководческим новаторством Дмитрия, который, в частности, решительно и смело перешел Дон, расположив войска перед Непрядвой. Этим он обезопасил тыл, исключил вероятность флангового обхода и какую бы то ни было возможность к отступлению. Известно, что полководцы Западной Европы применили эту стратегическую новинку только через двести лет.

Подчеркивая значение подвига Дмитрия, напомню, как разрешались две сходные военные ситуации прошлого. За триста без малого лет до Куликовской битвы, весной 1093 года, умер великий киевский князь Всеволод Ярославич, и половцы решили немедленно воспользоваться этим обстоятельством, чтобы повоевать Русскую землю. Против них выступил Владимир Мономах с двоюродным братом Святополком и братом Ростиславом. Русские войска остановились перед Стугной, и князья со своими советниками порешили было не переходить весеннюю наводнившуюся реку. «Кияне же мнози не восхотеша совета сего и рекоша: «Хощем ся бити, поступим на ону страну реки». Поразительно звучат в исторической ретроспективе вещие слова Игоря: «Не такова-то река Стугна»... Половцы наголову разбили русских. Многие пали в злой сече, другие утонули в Стугне, в том числе и юный князь Ростислав, о чем с такой пронзительной печалью говорится в «Слове о полку Игореве»: «Уныли цветы от жалости, и дерево с

тоской к земле приклонилось...» (Возвращая читателя к остановке авангарда Субудая у Игнача креста в марте 1238 года и повороту орды от Новгорода, замечу попутно, что сражение на Стугне, что «худу струю имея», произошло 26 мая, и это убедительно говорит о большом запаздывании весен в средневековье; причем Стугна, «бе бо тогда наводнилась вельми», текла по лесостепи и очень далеко от Новгорода, южнее даже Киева.)

А ровно за сто сорок лет до Куликовской битвы прапрадед Дмитрия двадцатилетний князь Александр Ярославич с новгородцами и ладожанами прижал шведов-захватчиков к реке и нанес им сокрушительное поражение, обретя в памяти потомков имя Невского...

Раз на раз, как говорят, не приходится... Незадолго до эпохальной Куликовской битвы состоялось несколько ее, можно сказать, репетиций, в том числе и генеральная. Беру то самое пятнадцатилетие, предшествовавшее Куликовской битве, в начале которого мор еще косил горожан в Твери, Торжке, Ростове, Пскове, Волоке Ламском, а почти в конце его пал «на скот и люди по всей земле Русской», то самое пятнадцатилетие, когда так часто «бысть сухмень велиа по всей земле и воздух куряшеся и земля горяше». От этих бед, а не от сырости, страдала Русь и все же набирала-накапливала силу, готовясь к решительной схватке с Ордой и уже не отступая ни на шаг, терпя иногда и поражения, но чаще одерживая победы. Остановимся на хронологии, уже привычной читательскому глазу.

1365 год. Грабительский поход на рязанские земли «царевича Тагая». Был разграблен и сожжен Переяславль-Рязанский, села и попутные города. Войско Тагая безнаказанно и «со многой тягостью пошло в поле». Однако наступали, видать, иные времена — открытой борьбы, единения, дружного сопротивления врагу. На помощь дружине Олега рязанского, временно, очевидно, отступившей под натиском подавляющих сил степняков, пришли полки Владимира пронского и Тита козельского. Соединенные силы трех князей бросились вслед грабителям и нагнали отряды Тагая у реки Войды, возможно, на переправе, броду. «Былъ им бой крепокъ и брань лютая и сеча зла, и падали мертвые отъ обоихъ сторонъ». Ордынцы были разбиты, а Тагай, «рыдая и

плача и лицо одирая отъ многой скорби, едва с малой дружиной убежалъ».

1367 год. Нападение хана Булат-Темира на нижегородские волости. Нижегородский князь, объединившись с братьями, разбил степняков.

1373 год. Очередная грабительская рать Орды прошла по рязанским землям с огнем и мечом, приблизилась к московским рубежам. Дмитрий, предупреждая нападение на московское княжество, вышел навстречу «со всей силой своей», одновременно послав за помощью в Нижний Новгород. Помощь прибыла незамедлительно. Объединенные русские полки встали на левом берегу Оки «и татар не пустили и все лето там стояли».

1374 год. Дерзейший рейд по Волге новгородской вольницы. Правда, ушкуйники грабили и русские города и ордынские селения, однако это разбойничье предприятие показало Руси, что стало можно пройти с оружием до низовьев Волги и померяться силой с воинством степняков в чреве Орды.

1376 год. Большой предупредительный поход московских войск далеко на юг, за Оку. «Князь великий Дмитрий Иванович Московский ходил ратью за Оку реку, остерегаясь рати татарской».

1377 год. Победоносный марш низовских князей на г. Булгар, подвластный Мамаю, и установление контроля над средним течением Волги.

1378 год. Вожа, генеральная «репетиция». Среди лета сторожа донесли Дмитрию, что идет на него сильное степное войско, посланное Мамаем и возглавляемое мурзой Бегичем. Московский князь выступил навстречу, переправился через Оку. И вот за небольшой рекой рязанской земли замаячили всадники в остроконечных шапках, заблистали на солнце острия их копий. Русские войска не пошли на противоположный берег Вожи, «ста против них крепко». Дмитрий Иванович возглавил центральный полк, а князь Данила Пронский и московский окольничий Тимофей Вельяминов — фланговые. Несколько дней стояли противники на берегах Вожи и 11 августа 1378 года, как писал Н. М. Карамзин, ордынцы наконец «сами начали битву: перешли за реку и с воплем поскакали на Россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы, ехали вперед легкою рысью». И вот по команде Дмитрия русские пол-

ки пришли в движение — одновременно ударили по центру и с флангов. Степная конница смешалась, обратилась в бегство. У переправы их расстреливали из луков, рубили мечами, кололи копьями. В сражении погиб сам Бегич и несколько ордынских «князей»: Хазибей, Коверга, Карагалук, Кострок... Наступили сумерки, за ними туманная ночь. Карамзин: «Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток Мамаевых полков. На другой день Великий Князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степях шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами».

Это была первая большая победа над степняками за полтора века!

Были за то же пятнадцатилетие, кстати, два горьких поучительных урока и еще один, особо приметный, обогативший Дмитрия бесценным военным опытом.

В 1368 году напал на московское княжество Ольгерд литовский. Этого Дмитрий не ожидал, очевидно, оставив без надзора свои западные границы. Патриаршая летопись сообщает не только о нападении Ольгерда, но и дает ему отличную характеристику, как выдающемуся полководцу, побеждавшему военной хитростью: «Никто же не ведаше его, куды мысляше ратью ити или на что събирает воиньства много... да не изыдеть весть в землю, на неяже хощет ити ратью, и, таковою хитростью изкрадываше, многи земли поимал, и многи грады и страны попленил, не толико силою, елико мудростию воеваше». Дмитрий, правда, послал по своей земле грамоты, призывая на военный сбор, но они не успели — Ольгерд разгромил разрозненные отряды Дмитрия, стремительным маршем вышел к Москве. А из-за собственной беспечности на реке Пьяне через десять лет потерпело сокрушительное поражение от ордынцев нижегородское войско: «...доспехи своя на телеги и в сумы скуташа, рогатины, сулицы и копья не приготовлены, а инии еще и не насажени быша, такоже и щиты и шеломы; и ездиша, порты своя с плечь спущающе».

Дороговато обошлось в обоих случаях традиционное упование на «авось» да «небось», что заставило Дмитрия Донского принять летом 1380 года особые предупредительные меры. Отменные воины на лучших лошадях были загодя посланы далеко в степь и не спускали острых глаз с огромного вражеского войска. Были соз-

даны специальные отряды удальцов-«сторожей», постоянно сносившиеся с Дмитрием, который, очевидно своевременно узнав о трехнедельном стоянии Мамая в верховьях реки Воронежа, максимально использовал это время для сбора, концентрации, смотра войск и смелого марша его за Оку, на Куликово поле.

Сбор войск... Кажется поразительной организованность, с какой сошлись в Коломне русские полки, но не все, может быть, знают, что этому предшествовала грандиозная репетиция 1375 года. За несколько лет до этого, когда Дмитрию было всего двадцать один год от роду, он решается на смелый, достойный зрелого мужа поступок — отвергает претензии тверского князя Михаила на Владимирское великое княжение и сам отказывается ехать в Орду за ярлыком. Летописец зафиксировал его слова, исполненные уверенности и силы: «Не еду, а в землю на княжение Владимирское не пущу». И вот, взяв на себя великое бремя объединения Руси и предвидя решительное военное столкновение с Ордой, Дмитрий подвигается на важнейшее государственное дело, отвечающее общерусским целям,— силой обеспечить тылы, окончательно нейтрализовать Тверь, извечную соперницу Москвы, и даже превратить, если удастся, это богатое и мощное княжество в союзника. Среди лета 1375 года Дмитрий объявляет общерусский сбор для похода на Тверь. Гонцам нужно было проскакать огромные расстояния от Москвы во все концы — до Новгорода Великого, Смоленска, Брянска, Белоозера, Тарусы, Ярославля, других ближних и дальних городов, князьям на местах провести спешную мобилизацию войск, срочно и организованно стянуться в одно место и в одно время. В срок пришли к Волоку воины новгородские, ярославские, ростовские, кашинские, серпухово-боровские, суздальские, белозерские, городецкие, стародубские, моложские, новосильские, оболенские — всего двадцать два отряда. В течение месяца осаждал Дмитрий Тверь, сила была явно на его стороне, и тверской князь вынужден был заключить очень важный договор с Дмитрием: «А поидут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с единого всем противу их. Или мы поидем на них, и тобе с нами с единого поити на них».

Так вот, на ту первую общерусскую мобилизацию XIV века ушло всего две недели!

И через три года, как известно, состоялось первое победоносное сражение армии молодого русского государства с ордынским войском на Воже, узнав о котором, Мамай будто бы горестно запричитал: «Увы мне! Что створили русстии князи надо мною? Како мя срамоте и студу предали... како могу избыти сего поношения и безчестиа?»

К. Маркс: «Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже. Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими».

В распоряжении Дмитрия к тем временам действительно уже было войско, которое можно назвать профессиональной общегосударственной федеральной *армией*. Она постепенно создавалась в течение нескольких десятилетий перед Куликовской битвой посредством закрепления вассальной зависимости удельных князей от «старшего брата», то есть великого князя московского, закреплялась обязывающими «докончаниями»: «а кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг, а кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг». «Будеть ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья». И вот мобилизационная грамота-приказ Дмитрия, посланная с гонцами 15 августа 1380 года во все концы Руси: «Вы бы чяса того лезли воедин день и нощь, а других бы есте грамот не дожидалися».

Дисциплинированность, организованность и мобильность армии Дмитрия попросту поражает! Самая трудная военная дорога ждала князя Андрея Кемского — он собирал своих воев на далекой северной реке Кеми, текущей в Белое озеро, и устюжских князей с Сухоны, неблизок был путь псковичей с Чудского озера, новгородцев с Ильменя, дружины Глеба Друцкого с правобережья Днепра, витязей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей с литовского пограничья. Все они через болота и леса «лезли воедин день и нощь», преодолевая в сутки по 60—85 километров, что было рекордной скоростью для тех времен и условий. Причем следует учесть, что псковичи, например, и новгородцы были тяжеловооруженными. «Чюдно быша воинство их, и паче меры чюдно уряжено конми, и партищем, и доспехом...» «Все люди нарядные, пансири, доспехи давали з города», то есть из городских оружейных арсеналов.

В Куликовской битве все необычно — и решительный переход русских через Дон, и поведение Олега рязанского, и однодневное опоздание Ягайлы, и выбор места битвы, и выделение *трети* войска, его конной гвардии, в Засадный полк, и разительное неравенство сил. По средневековой воинской науке и практике массированный удар конницы должен был обеспечить легкую победу над *пешей* ратью. Потому-то Мамай «и поиде на великого князя Дмитрия Ивановича, яко лев ревый, и яко медведь пыхаа, и аки демон гордяся».

Уставы европейских рыцарских орденов, ограничивая роль пехоты вспомогательными функциями, не возбраняли ей спасаться от кавалерии бегством и даже запрещали выставлять пехотинцев против конников.

Конница Мамая значительно превосходила по численности все воинство Дмитрия и особенно Большой полк его, куда был нацелен и бронированный таран фряжских рыцарей. Против русских была и тревожная неизвестность о действиях Олега и Ягайлы, и полное неведение о судьбе князя Дмитрия, который вместе с ними недрогнувшей рукой поднес к губам смертную чашу.

Обычаи средневекового европейского рыцарства требовали, чтобы князь, возглавляющий войско, сражался на виду — под хоругвью и при всех регалиях, увлекая своим примером дружину. Степные же военачальники выбирали удобное место, чтоб можно было наблюдать за битвой и руководить ею, а при неблагоприятном ее исходе спастись на лучшем скакуне. Не знаю, думал ли Дмитрий о внимательных взглядах на него из далекого нашего будущего, но поступил он в свой звездный час так, как никто из полководцев не поступал ни до него, ни после. Облачившись на виду всего войска в доспехи рядового ратника, он растворился в центре Большого полка, в своем народе, чтобы победить вместе с ним или умереть вместе с ним, а каждый воевода, самостоятельно оценивая обстановку, великолепно знал «свой маневр» и не нуждался в главном командовании — это было вершиной воинского искусства всех времен...

Перейдем к чрезвычайно важному! Совсем-совсем не случайно мы, вспоминая наше давнее или сравнительно

недавнее прошлое, говорим о славе русского *оружия*...

Прежде чем приостановиться на этой теме в связи с Куликовской битвой, хочу поделиться с читателем одним своим личным впечатлением. Живу я напротив Третьяковки. Прямо перед окнами — родовая церковь Третьяковых Никола-в-Толмачах, без куполов, служащая пока хранилищем картин, а чуть наискосок — вход в знаменитую на весь свет картинную галерею, ее изумительный васнецовский фасад. Нет-нет да захожу я туда, чтоб вновь и вновь насладиться творениями великих русских мастеров кисти, отдохнуть, укрепиться духом, повспоминать, прикоснуться к истории...

Восприятие произведений искусства у каждого человека индивидуально, и когда я стою перед знаменитым полотном Виктора Михайловича Васнецова, на котором изображены Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, то вижу в нем величественный триединый символ русского, украинского и белорусского родов, охраняющих богатырскую заставу... А вот замечательная картина «Утро на Куликовом поле», которую Александр Бубнов начал писать в 1943 году — переломном в истории Великой Отечественной войны. В полотне этом тоже сквозит образно-художественная символика. Мужик с топором на переднем плане, Дмитрий Донской на коне, а за ним — сермяжно-лапотная Русь чуть ли не с дрекольем... Однако реальное утро 8 сентября 1380 года на поле Куликовом было все же другим!

Какие бы ни были разнотолки среди ученых относительно подлинной численности войск Дмитрия и Мамая, почти все они сходятся на том, что новая орда, нагрянувшая на Русь, значительно превосходила числом русское воинство. Как же оно могло нанести столь сокрушительное поражение Мамаю и его «князьям», его самому многочисленному за всю историю европейского средневековья войску? Чудо?

Любознательный Читатель. Чудес на свете, как известно, не бывает — все имеет реальную основу, материалистическое объяснение... Мамаева орда была втянута в мешок, вынужденные спешиться степняки потеряли маневренные преимущества, сражались только на фронте, занятом войском Дмитрия...

— Все верно, только кроме тактических и стратеги-

ческих причин было еще одно, чрезвычайно важное. Археологи, историки, военные специалисты издавна изучали и изучают боевую *технику* средневековья,— назову А. Н. Кирпичникова, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, Г. А. Федорова-Давыдова, А. А. Строкова, В. Г. Федорова, популяризаторов военно-исторических знаний Д. Зенина, В. Прищепенко; данные о русском оружии средневековья давал и дает разнообразный и богатый археологический материал, былины, летописи, изография, литература, исторические сочинения разноязычных авторов. И я, суммируя их сведения, оставляю любознательного читателя наедине с историком.

Историк. Своего рода символом мощи и совершенства военной техники средневековой Руси можно счесть тяжелые и длинные, до ста семидесяти сантиметров, стальные стрелы середины XII века с металлическим стабилизатором, хранящиеся в Оружейной палате Кремля. По некоторым данным их изобрел и применил сын Андрея Боголюбского Изяслав. Чтобы послать такой снаряд в гущу врагов, нужно было иметь очень сильный самострел. Степной всадник, пусть и великолепно владеющий своим главным оружием, стрелял чаще всего с коня, управляя им и одновременно натягивая тетиву и прицеливаясь — дальность полета стрелы и меткость попаданий снижались. Пеший же русский воин, стоявший на оборонительном валу, крепостной стене или в строю, хорошо защищенный броней, мог спокойно целиться из надежного и сильного, с прицельной рамкой самострела, технически довольно сложного устройства, где «...тетива натягивается крючком, крючок натягивается гребенкой, которая передвигается системой двух шестерен» (Рыбаков Б. А. Русское военное искусство X—XIII вв. М., 1945, с. 19).

Или взять простое и прозаическое русское изобретение, которое часто встречается археологам в погребениях с IX века,— железная обойма нескольких разновидностей с одним, двумя или тремя пирамидальными шипами. Это — ледоходные подковки для обуви воинов и конских копыт — убедительное материальное доказательство того, что зимние военные дороги средневековой Руси проходили по замерзшим рекам и озерам. Приспособление давало преимущество русскому воину в ледовых сражениях зимы 1238 года, если войско на-

падавших степняков в несколько раз не превосходило по численности отряды дружинников, ратников или партизан.

— Мы еще не говорили об основном оружии и доспехах русского воина...

— В самых ранних археологических слоях обнаруживаются шлемы, мечи, щиты, кольчуги, латы, копья длинные и короткие, метательные — сулицы, шпоры, детали конской сбруи и даже стальные боевые маски коней. Русь в эпоху своего средневековья была *вынуждена* производить надежное боевое и защитное вооружение, потому что враги нападали на нее со всех сторон. И уже в черниговской Черной Могиле, ранней и самой богатой находке, Дмитрий Самоквасов обнаружил набор оружия конного воина. Без такого оружия Русь бы не уцелела под напором западных рыцарей и восточных кочевников.

— А каким было вооружение Чингизовых орд?

— Империя Чингиза представляла собою самую отсталую, тупиковую ветвь средневекового феодализма. Стоявшие на очень низкой ступени экономического и общественного развития, кочевники не производили собственного оружия, не изобрели ни одного нового боевого средства. Их разноплеменное легковооруженное и подвижное конное войско брало численным превосходством, жестокой дисциплиной, массированным применением лука и стрел, позже осадной военной техникой, заимствованной, как мы уже знаем, у более развитых народов, в основном, у чжурчжэней и китайцев. Кованые маски степняков, хранящиеся в наших музеях, как показали исследования, были изготовлены в Индии. И только хорошо вооруженный воин Бату-Субудая имел защитный куяк из буйволовой кожи, иногда с нашитыми на него железными пластинами. У Мамая были тяжеловооруженные фряжские рыцари, а мурзы, эмиры, беки, баи, нукеры-телохранители защищались русскими, среднеазиатскими и кавказскими кольчугами и панцирями облегченного типа и устаревших образцов. Военная тактика и стратегия степняков вообще исключала применения тяжелого боевого и защитного снаряжения. Они даже не подковывали коней, чтоб не снижать их быстроходности. Основным вооружением степняков даже на Угре в 1480 году оставался тот же лук, легкое копье,

сабля, нож, колчан со стрелами и волосяной аркан, в то время как у русских воинов были уже «ручницы» — тяжелые пищали огненного боя. А когда в 1921 году Красная Армия очищала Монголию от белогвардейских и белокитайских банд, наши командиры жаловались, что негде подковать коня... Поговорим, однако, подробней о качестве средневекового русского оружия, боевой оснастке профессионального воина, рыцаря.

— Только не стоит, наверное, преувеличивать, называя русского дружинника рыцарем. Рыцари были на Западе...

— Это не так! Анонимный восточный автор составил по материалам VIII века «Книгу пределов мира» и в «Рассуждении о стране Рус» пишет про воинство наших предков: «Одна часть их рыцарство... Там изготавливают очень ценные клинки и булатные мечи. Все руссы вооружены такими мечами, их рыцари всегда носят броню». Слово «рыцари» употреблено без перевода... Самым распространенным доспехом на Руси была кольчуга — замечательное военное изобретение наших предков; название ее происходит от русского слова «кольцо». Восьми-, десятикилограммовая рубашка из многих тысяч стальных колечек равномерно распределялась по всему корпусу, вес ее почти не ощущался. Этим русским доспехом охотно пользовались богатые рыцари Запада. В средневековой французской героической поэме «Рено де Монтобан» упомянута bon haubert qui an Roussie, то есть «добрая кольчуга, что из Руси», благодаря которой знатный рыцарь Рено де Монтобан стал неуязвимым в сражениях...

Русский героический эпос постоянно упоминает булатные кольчуги, латы, шлемы, щиты: «Пеленай меня, матушка, в латы булатные»... «Надевала Настасья Микулишна кольчугу булатную с ожерельем пансырным, опустила на лицо белое личину булатную с дорогими каменьями, убрала косы под наголовник кольчатый и шелом из укладу булатного».

Что же касается меча, то это прямое, длинное, обоюдоострое, колеще-рубящее, часто тяжелое, двуручное оружие было непременной принадлежностью русского воина; на мече клялись, меч посылали врагу как знак объявления войны, юных воинов посвящали в мечники, то есть меч был основным предметом рыцарского ри-

туала и главным оружием в бою. Вспомним еще и еще раз «Слово о полку Игореве»! Ярый тур Всеволод, брат Игоря, «гремит» со своим полком «о шлемы мечами булатными», а враги «головы свои подклонили под те мечи булатные» (харалужные). Значит, наши предки умели в те далекие времена выделывать булатную сталь! И это из Руси распространялись такие понятия, как броня («Brunie» немецкой «Рифмованной хроники»), кольчуга, шелом, перчатки (от русского слова «перст»), доспех, секира, клинок, копье, самострел (арбалет). Воротковый или пружинный русский самострел мог послать трехсотграммовую стальную стрелу даже неопытным в ратном деле отроком, пронзая любую защитную оснастку врага.

Превосходство наших предков в оружии объяснялось нуждами обороны, мастерством русских мастеров и — главное — уровнем развития экономики и промышленности, в частности металлургии и металлообработки средневековой Руси. Археолог А. Н. Кирпичников пишет, что в XII веке на Руси появляется много военных новинок международного класса, и часть их является по находкам древнейшими в Европе. «Таковы шестоперы, наруч, крюк для натягивания арбалета, кольчуги с плоскими кольцами, конская маска, шпоры с пластинчатым козырьком и шпоры с колесиком», а изобретательность русских оружейников «безусловно обогащала развитие военного дела не только в Восточной Европе» (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971, с. 78). Добавлю, что пластинчатая броня и гибкие кольчуги разных видов, надежно защищая русского средневекового рыцаря от стрел, ударов копий, сабель, мечей и боевых топоров, не стесняли свободы его движений, чем выгодно отличались от сплошных металлических западных панцирей, в которых малоподвижный рыцарь не мог без помощи оруженосца сесть на коня, был во многих конкретных ситуациях сражения почти небоеспособен, а выброшенный из седла, становился совершенно беспомощным — его легко глушили, прокалывали пиками, затаптывали копытами, заарканивали. О надежности же русского защитного боевого снаряжения неоспоримо свидетельствует тот факт, что князь Дмитрий, сражавшийся на самом тяжком участке битвы, не получил ни одной раны, а

был лишь контужен от ударов по броне, которая вся оказалась во вмятинах и царапинах...

Очень интересны и мелкие детали-подробности русского вооружения тех времен. Шлем западного рыцаря нельзя было разрубить саблей или мечом, и русские оружейники придумали боевую палицу, булаву — бронзовый шар на рукояти, снабженный пирамидальными выступами. Шлем не пробивался насквозь, но удар булавы мог оглушить врага, *ошеломить* его. Русский шлем — в отличие от плосковерхих или овальных западных и закругленных восточных, основу коих составлял деревянный каркас,— был с незапамятных времен больше как бы коническим, с коего соскальзывала сабля или меч противника, и этот шлем много-много позже взял Васнецов в качестве прообраза красноармейского шлема. Плечи русского воина, если на них со свистом опускалась острейшая сабля степняка или тяжелый меч западного рыцаря, оставались невредимыми, потому что меж латами и кольчугой прикреплялась широкая наплечная стальная пластина, от которой историческая традиция до сего дня сохранила офицерские погоны, самые, кстати, широкие в мире.

— Однако временами на защиту родины вставала и сермяжно-лапотная Русь...

— Лапти в крестьянской Руси носили как легкую, дешевую и гигиеническую обувь, очень удобную при косьбе, жатве, молотьбе и других сельских занятиях, но и крестьяне носили чаще кожаные сапоги и поршни, а лапти никогда не были обувью, надеваемой перед боем. За пятьдесят лет раскопок в новгородских городах и селах, где сырая земля отлично сохранила бы лыко, *не найдено ни одного лаптя, зато ученые обнаружили более двадцати тысяч кожаных сапог и туфель, около тридцати тысяч поржавевших деталей русских самострелов, десятки тысяч фрагментов лат, множество остатков мечей, копий, шлемов, кольчуг.* По данным науки, во всех странах Западной Европы, вместе взятых, найдено в археологических слоях IX—XIII веков значительно меньше кольчуг и шлемов, чем в земле тех же столетий одной лишь Новгородской земли, хотя Европа тогда была заселена несравненно плотнее, а в новое время тщательнее раскопана археологами... И вот в полдень 8 сентября 1380 года встали

стеной на Куликовом поле русские латники, витязи и рыцари...

— А какая разница между ними?

— Латник — средневековый русский воин, защищенный стальными одеждами, броней: шлемом, кольчугой, панцирем. Латником мог быть купец, богатый посадский человек или крестьянин, любой состоятельный ратник, а боярин или рядовой профессиональный воин обязательно вставали в строй в латах. Витязь — по В. И. Далю — «храбрый и удатливый воин, доблестный ратник, герой, воитель, рыцарь, богатырь». Это понятие шире, чем рыцарь — витязь мог быть и пешим. Рыцарь же — в прямом смысле — «конный витязь старины, когда ручной бой, меч и латы решали дело», а также «конный латник дворянского сословия». «Всадник раннего средневековья — это прежде всего дружинник-профессионал. Ему присуща высокая боевая выучка; он разнообразно экипирован. Боевой конь был своеобразным «живым» оружием витязя X—XIII вв., и его снаряжение характеризуется теми же передовыми и мобильными техническими критериями, как и «холодные» средства нападения и защиты» (Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX и XIII вв.—«Археология СССР», вып. EI-36, с. 5).

Интересно, что в славянских языках слово «рыцарь» звучит сходно — на польском «рыцеж», на украинском «лыцарь», на болгарском «рицар», а в западноевропейских это понятие держится на совершенно разных коренных основах — по-английски «рыцарь» — «найт», по-итальянски «кавальери», по-французски «шевалье», и только в немецком оно сходно со славянским звучанием —«риттер». Русское рыцарство, и, кстати, понятия о рыцарской чести, сложилось еще в раннесредневековой Руси, где, согласно *писаному* «Покону витязному», знатный воин-профессионал, приучаемый к управлению конем и воинскому умению с младенческих лет, обязан был не только в совершенстве владеть оружием, но и, в отличие от западных рыцарей, многие из которых были неграмотными, владеть «книгочейством», а кроме того, уметь «речи глаголети» и «посольства правити», играть в шахматы и на гуслях, сочинять песни, «красу женскую и честь

девичью почитати и обороняти», то есть должен быть интеллектуально и нравственно развитым человеком, рыцарем в самом полном значении этого слова...

— Хорошо бы подвести окончательный итог — какое конкретно оружие и какие доспехи имело русское войско на Куликовом поле?

— Профессиональные витязи и рыцари из всех районов мобилизации — это была «кованая рать», «от глав их и до ногу все железно», хотя не все, конечно, воины были так вооружены. Подробные исследования письменных, изографических и археологических материалов, связанных с Куликовской битвой, показали, что наши предки имели совершенное вооружение тех времен — собственного изобретения и изготовления, а также все лучшее, что производили оружейники Запада и Востока. Даже простое перечисление этого оружия дает представление о его универсальном разнообразии: копья харалужные, мечи русские, литовские, булатные, кончары (клинки) фряжские, топоры легкие, кинжалы фряжские, мисюрские (обоюдоострые), самострелы русские, стрелы каленые, сулицы немецкие, шеломы злаченые, черкасские, немецкие, шишаки (боевые наголовья) московские, калантари (безрукавные, со стальными пластинами доспехи) злаченые, щиты червленые, топоры чеканы, копья злаченые, рогатины, сабли и байданы (пластинчатые кольчуги) булатные, палицы железные, корды (однолезвийные, прямые или слегка искривленные клинки) ляцкие, доспехи твердые, шеломы злаченые с личинами, кольчуги сварные и клепаные, шлемы с высоким шпилем для еловца (флажка), крюки серповидные железные на длинных древках для стаскивания всадников с коней (Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980, с. 74—82).

Куликовской битве посвящено множество научных работ, романов и поэм, но я лично предпочитаю летописные повести, сказания и тогдашнюю литературу — свежее, прямо со дерева, яблочко все же лучше сухофруктов, желе и компотов...

«Богатыри русские и хоругви их, аки живы пашутеся, и доспехи их русские, как вода во все ветры колебающиеся. А шеломы на главах их, аки утренняя заря во время вёдра светящееся и яблоцы шеломов их

аки пламя огненное». Добавлю, что перед непосредственным столкновением на Куликовом поле русские воины с помощью заряжающих успели выпустить из самострелов в надвигающуюся и вынужденную спешиться орду — по подсчетам военных историков — около *миллиона* стальных стрел, а перед тем как противники, пишет летописец, «уперлись копье в копье», девять первых русских рядов по сигналу боевых труб опустили перед коническими своими червлеными щитами грозную щетину копий — от трехметровых в первом ряду и до восьмиметровых в последнем; копья второго и последующих рядов лежали на плечах впереди стоящих воинов...

«На том ведь поле сильные полки сошлись в битве. Выступили из них кровавые зори, а в них сверкали сильные молнии от блистания мечей. И был великий треск и шум от ломающихся копий и от ударов мечей...»

«И абие сступишася обои силы велицеи их на долг час вместо, и покрыша полки поле, яко на десяти верст, от множества вои. И бысть сеча зла и велика и брань крепка, трус велик зело, яко же от начала миру сеча не была такова великим княземь руским, яко же сему великому князю всеа Руси. Бьющим же ся им от 6-го часа до 9, прольяша кровь, аки дождева туча, обоих — руских сынов и паганых»...

«И паде татарьское тело на христьанском, а христьанское тело на татарьском, и смесися кровь татарскаа с христианьскою, всюду бо множество мертвых лежаху, и не можаху кони ступати по мертвым не токмо же оружием убивахуся, от великиа тесноты задыхахуся, яко немощно бе вместитися на поле Куликове... множества ради многих сил сошедшеся».

Вчитываешься в летописи, народные сказания, в научные, популярно-публицистические и чисто литературные пересказания величайшего события средневековой истории и никак не можешь отделаться от ощущения, что Дмитрий, разработавший вместе со своими воеводами гениальный стратегический план битвы, предугадывал ее исход и будто бы заранее знал, что конный Сторожевой полк целиком сгинет под саблями, но наведет главные силы Мамая прямо на него — туда, ку-

да надо, что Большой полк, утопая в своей и чужой крови, не дрогнет и, главное, не побежит, не сделается легкой добычей вражеской кавалерии, которая увязнет в нем, как в глине, потом враг сомнет полк Левой руки и Запасный, однако *покажет* наконец тыл изнывающему в нетерпении Засадному полку Владимира Серпуховского и Боброка Волынского, что Олег Рязанский, с которым Дмитрий породнится через несколько лет, в те дни, продолжая вести свою тончайшую и опаснейшую политическую, дипломатическую и военную игру, не нападет со свежей ратью из-за Непрядвы и не позволит ни сегодня, ни завтра этого сделать Ягайле, полудобровольно-нехотя выходившему из безнадежной для него игры, и что Мамай в три часа пополудни, увидев с Красного холма финальную сечу, «с страхом встрепетав и велми стонав», панически вскочит на коня и не оглянется до самой Орды.

Пространная летописная повесть о Куликовской битве: «Тогда же на том побоищи убьени быша на сьступе: князь Федор Романович Белозерьский, сын его Иван, князь Федор Торусский и брат его Мьстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула, сын Васильев тысячкого, Михайло Иванов, сын Анкифовичь, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевичь Акатьевич, наречаеми Волуй, Михайло Бренков, Лев Мозырев, Семен Меликов, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет, бывый преже болярин бряньский, и инии мнози, их же имена не суть писана въ книгах сих. Сии же писана быша князи токмо, и воеводы, и нарочитых и старейших боляр имена, а прочьих боляр и слуг оставих имена и не писах их множества ради имен, яко число превосходить ми: мнози бо на той брани побьени быша».

Выписал я из повестей, сказаний, летописей и других средневековых источников «прочьи» имена, фамилии, прозвища участников Куликовской битвы, творцов великой победы — разведчиков, сторожей, воевод, князей, дружинников, ополченцев... Все они равны перед историей!

Гридя Хрулец, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Юрка-сапожник, Родион Ржевский, Андрей Волосатый, Василий Тупик, Яков Ослябятев — сын Осляби, Климент Полянин, Иван Свеславин, Григорий Судоков,

Петр Горский, Карп Олексин, Тимофей Васильевич Вельяминов, Андрей Ростовский, «нарочитый богатырь» Григорий Капустин, Андрей Стародубский, Василий Ярославский, Федор Моложский, Иван Квашня, Иван Смолянский, Глеб Брянский, Василий Капица, Дмитрий и Владимир Друцкие, Семен Оболенский, Иван Тарусский, Семен Онтонов (Коротонос), Тимофей Волуевич Костромской, Фома Хабычеев, Андрей и Роман Прозоровские, Лев Курбский, Иван Васильевич Посадник и сын его Дмитрий, Фома Крестный, Дмитрий Завережский, Михаил Поновляев, Юрий Хромый, Родион Жидовинов, Сидор Олферьев, Константин Волк, Кузьма Кувыря, Михаил Сораев, Тимофей Весяков, Дмитрий Черный, Иван Ших, Дмитрий Саларев...

Список этот примерный, не полный и не точный, и давно пора составить историкам *научный* список участников Куликовской битвы, известных по именам, да высечь его злачеными буквами в музее на Красном холме. Вечная память всем им, погибшим 8 сентября 1380 года на Куликовом поле или позже от ран и болезней...

«Князь же великий Дмитрий Иванович с прочими князи русскыми и с воеводами, и с бояры, и с велможами, и со остаточными плъки русскыми, став на костех, благодари бога и похвали похвалами дружину свою, иже крепко бишася с иноплеменникы и твердо за нь брашася, и мужски храброваша, и дръзнуша по бозе за веру христианьскую, и возвратися оттуда на Москву, в свою отчину, с победою великого, одоле ратным, победив врагы своя».

Иногда пишут, что Мамай с Куликова поля бежал в Крым, где тут же был убит кафскими генуэзцами. Это не так. Мамай «дерзнул восстать» еще раз; «паки гневашеся и яряшеся зело и, собрав остаточную свою силу, еще восхоте ити изгоном на Русь». Очевидно людские резервы подвластных ему земель и сундуки со златом-серебром не были исчерпаны, если он быстро собрал новое войско. С генуэзцами, чьи великие надежды рухнули, денежки плакали, а четыре тысячи воинов-земляков не вернулись с далекого севера, он рассчитался сполна — отдал им по договору 28 ноября 1380 года золотые земли южного берега Крыма от Судака до Балаклавы и селения готов, надеясь, очевидно, компенсировать потерю за счет земель Руси, уже не

способной, как он, очевидно, полагал, собрать новое воинство прежней численности и силы. «И сице ему умысльшу и се ему весть прииде, что идет на него некый царь со Востока именем Токтамышь ис Синее Орды».

Мамаю пришлось повернуть не на север, а на восток. В районе Калки, севернее теперешнего Жданова, Тохтамыш наголову разбил войско авантюриста, и Мамай, эта, по выражению автора «Сказания о Мамаевом побоище», «неутолимаа ехидна», бежал в Крым. В городе Кафе (ныне Феодосия) — центре работорговли на Черном море, это «имение» было отобрано, проходимец убит и брошен на съедение голодным свиньям...

В последний раз обратимся к новациям современного ученого, к его «этнической истории».

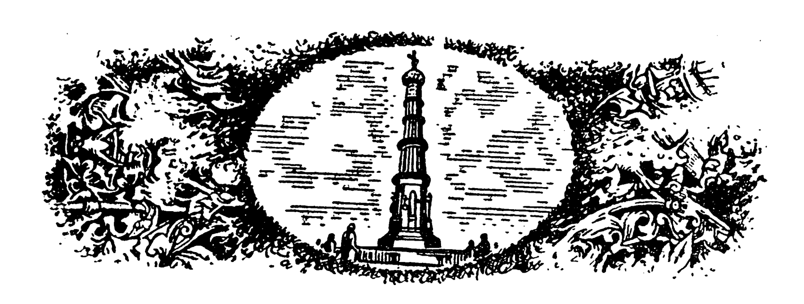
Без антинаучной, ничем не обоснованной сверхновизны доктор исторических наук Л. Н. Гумилев не может. В самой последней статье, напечатанной уже после журнальной публикации «Памяти», он по-прежнему прокламирует «этнически-симбиозные отношения между Золотой Ордой и Русью», продолжает разъяснять, что такое «пассионарность», которая, оказывается, есть некая «присутствующая во Вселенной человеческая энергия», не связанная «зависимостью с этическими нормами».

И еще кой-какая новизна — мир XII—XIV вв. делится теперь уже не на две части, а на три: католический, православный и мусульманский «суперэтносы», якобы внутренне единые, но смертельно враждебные друг другу, хотя общеизвестно, что история не знает религиозных суперэтнических войн, а как раз внутри этих «суперэтносов» в средневековье мира не было никогда — не прекращались военные распри среди русских и литовских князей, шли беспрерывные феодальные, религиозные, межгосударственные и межнациональные войны в Западной Европе, на востоке католического региона произошла грандиозная битва при Грюнвальде, а в третьем мире без конца воевали чингизиды, арабы, турки-сельджуки, к концу же периода значительная часть «мусульманского суперэтноса» была залита кровью, испепелена жестоким человеком, ни разу не улыбнувшимся за тридцать лет, мусульманином Тамерланом, виднейшим носителем, выходит, той

самой «пассионарности» — то есть сконцентрированной в нем человеческой энергии, каким-то образом перелившейся из Вселенной в эту особь, не связанную зависимостью с этическими нормами...

Однако новые «открытия» блекнут перед новейшими! Л. Н. Гумилев утверждает, будто этногенез длится в истории 1200 лет — за этот отрезок времени народ зарождается, достигает зенита и погибает, исчезает с лика Земли. Поразительное откровение! Значит, должно считать уже исчезнувшими такие, например, народы, как армянский или японский? Отжив три срока, согласно этой сверхновой гипотезе, китайский и индийский народы трижды вымерли, хотя на самом деле индийцев скоро будет семьсот миллионов, а китайцев миллиард. Тем же малым аршином пытается мерить Л. Н. Гумилев и русский народ, беря за точки отсчета Куликовскую битву, как начало русского народа, и ее недавний круглый юбилей: «Ход этногенеза идет без остановки,— апокалипсически вещает ученый автор.— 1200 лет этноса отстукивают. И теперь законный вопрос: много это или мало — 600 лет в истории, в жизни народа, победившего врагов? Я отвечу: шестьсот лет — это середина — это время зенита» (Гумилев Лев. Год рождения 1380... Статья подготовлена А. Куркчи.— «Декоративное искусство», 1980, № 12, с. 37).

Таким образом, дорогие соотечественники, как бы мы после сентября 1980 года ни стремились развивать свою экономику и культуру, как бы мы ни крепили дружбу народов и международное добрососедское сотрудничество, третий по численности народ современного мира и самая многочисленная нация Советского Союза, имеющая такие заслуги перед мировой историей, бесследно исчезнет с лика планеты теперь уже меньше, чем через шесть столетий! Правда, исходя из этой супермодерновой гипотезы доктора исторических наук Л. Н. Гумилева, мы не будем одиноки. Намного раньше, едва ли не в ближайшие десятилетия, сами собой исчезнут французы, норвежцы, немцы, поляки, шведы, англичане, болгары, итальянцы, испанцы, то есть практически все народы Европы! Давненько мы не слышали таких «пассионарных» умозаключений, никогда еще великая наука и великое искусство истории не выглядели столь, так сказать, декоративно...

41 Прозрачный весенний день — весь как утро! Он совсем не похож на тот сумрачный и дождливый полудень 1947 года, когда мне впервые довелось увидеть Куликово поле. Той осенью приехал я работать на станцию Узловую, и в одно из воскресений мы с товарищем, обладателем трофейного мотоцикла, собрались на рыбалку в донское верховье. Тихий Дон начинался в десятке верст от Узловой, из Иван-озера, но мы поехали на юг. Помню такие же, как сейчас, черные терриконики в черной распаханной степи, женщин, вручную выбирающих свеклу из холодной сырой земли, искалеченных, безногих фронтовиков у богородицкой чайной, длинную очередь перед крохотным магазинчиком в Епифани... Память о недавней большой и тяжкой войне жила тогда в каждом из нас и в каждом клочке этой земли, заслоняла все остальное...

Ничего мы не поймали на даровой прокорм, зато завернули на Куликово поле. Товарищ мой был постарше, прошел войну, и, когда мы остановились у гигантской чугунной колонны, он сказал:

— Знаешь, местные говорят, что как раз через этот холм проходил фронт. Смотри, окопы и воронки еще не все запаханы!

Величественный чугунный памятник на Красном холме. На барельефах с победоносным Георгием и многоярусной колонне вроде не было ни скола, ни царапины.

— Как могло это получиться?— спросил я.— Колонна уцелела!

— Тоже удивляюсь... Сотни тонн фигурного полого чугуна, высота сажен пятнадцать, диаметр внизу метра три... Местные говорят, будто она во время обстрелов ходила по полю... Красивая сказка! И отсюда он по-

бежал, как Мамай когда-то. Подумать только — более полтыщи лет, а разницы вроде никакой! Даже конец один — что у Мамая, что у Гитлера. И еще, знаешь, какое-то непонятное совпадение — с этого кургана Мамай побежал, а Гитлер в Сталинграде споткнулся о Мамаев курган и, как отсюда, тоже попятился до самого Берлина. Не знаешь, почему тот сталинградский курган так назван?

Полуразрушенный храм с худыми верхами и пустыми оконными проемами стоял неподалеку от колонны, и я не знал тогда, что это была последняя церковь, построенная на Руси. Храм во имя Сергия Радонежского освятили в 1918 году, а проектировал его знаменитый архитектор А. В. Щусев.

И вот через тридцать три года я снова на Куликовом поле. Поездку эту организовал ректор Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева Геннадий Алексеевич Ягодин; и мы, два десятка писателей, художников, композиторов, архитекторов и журналистов, приехали сюда, удивляясь тому, что не наши творческие союзы позвали нас на поле русской славы, а этот умный и деятельный человек, на попечении которого пятнадцать тысяч обучаемых и обучающих, нашел время и силы, чтобы оторвать всех нас от письменных столов, мольбертов, пюпитров и чертежных досок...

О значении Куликовской битвы написано много, о ней вспоминали и думали в прошлом, вспоминают и думают сегодня, так будет и завтра. Напомню о размышлениях замечательного публициста-историка прошлого века Михаила Осиповича Кояловича: «Знаменитым победителям Мамая на Куликовом поле не пришлось пожинать сейчас же законнейших плодов их великого подвига,— сознания и признания, что за этим подвигом последуют благотворнейшие для их родины последствия его,— свержение татарского ига. Их, конечно, встречали при возвращении на родину победные клики; замечали они, без сомнения, в своих гражданах новый подъем народного духа; но все это на значительное время заглушал плач русской земли о множестве погибших на Куликовом поле, а затем на Россию опять налегло хотя разбитое, но снова слаженное татарское иго со всеми ужасами азиатского

ига,— убийствами, пленением, разорением. В сохранившихся сказаниях о Куликовской битве, даже позднейших, нет сознания, что эта победа разрушила татарское иго».

И далее М. О. Коялович приводит поразительный факт — жил, оказывается, и в те времена один человек, обладавший широтой и глубиной исторического мышления; он понял, что на самом деле произошло на Непрядве! «Но в отдаленной от Москвы и Куликова поля русской стране — в белорусских лесах и болотах какой-то книжник усмотрел в Куликовской победе зарю освобождения от татарского ига, и не только усмотрел эту зарю, но и проследил ее от самого возникновения ее на русском горизонте. Мало того: он даже увидел и ощутил миротворные, животворные лучи взошедшего уже солнца русской свободы. Переделывая одно из сказаний о Куликовской битве, он внес в него свое рассуждение, что московские и тверские князья, особенно Симеон Иоаннович и Дмитрий Иоаннович (Донской) сбросили с русских татарское иго и восстановили старую свободу своей государственности».

Не успокоюсь, пока не найду сочинение этого совсем неизвестного мне автора! Только едва ли на Руси он был единственным человеком, оценившим тогда значение Куликовской битвы; скорее всего, значение ее стало столь очевидным для многих, что об этом они не находили нужным говорить или писать. Общий настрой всех исторических и литературных русских памятников — это радостный вздох освобождения, упоение великой победой, а Софоний-рязанец в своей «Задонщине» даже отметил международное значение события: «Помчалась слава к Железным Вратам (на Кавказ), к Риму и Феодосии по морю и к Тырнову (в Болгарию) и оттоле к Царюграду (Константинополю, Стамбулу) на похвалу: Русь великая одолеша Мамая на поле Куликове».

Огромная гора камня и щебня высится близ Красного холма, и хорошо, что мы ее застали еще не рассыпанной по дорожкам и подъездам — такой точки обзора уже никогда здесь не будет!

Глазу и душе просторно перед Куликовым полем, нашей национальной святыней. Поблескивает справа

Дон, впереди, в низине, угадывается Непрядва. Там, перед нею, встала утром 8 сентября 1380 года живая черная стена, и Мамаевой орде нельзя было ни проскакать сквозь нее, ни обойти через речные струи да куликовые болотца стороной. Остатки дубовой рощи справа — из этого заовраженного леса ринулся на врага Засадный полк, решивший все в средневековой русской и мировой истории, сторицей отомстивший за товарищей, погибших на его омертвевших от ужаса и ненависти глазах... И где-то тут в начале XIX века сделал первые свои находки бывший член Союза благоденствия С. Н. Нечаев. Это удивительно — декабрист прежде всех ученых занялся уточнением места Мамаева побоища и сообщил в «Вестнике Европы» в 1821 году о находках на поле Куликовом!..

Колонна в честь Дмитрия Донского обновилась! Она отчищена от патины и вековой затвердевшей пыли, ровно зачернена стойким красителем, позлащен ее верх, восстановлены надписи. Тульские мастера отлили новые граничные тумбы, предусмотренные стародавним проектом Александра Павловича Брюллова. От монумента трудно оторвать взгляд — так этот памятник величествен и гармоничен. Со всей округи, оказывается, приезжают сюда молодые пары перед свадьбами. Хорошо!

И храм Сергия Радонежского не узнать! Ни жутких ребер каркаса куполов, ни провалов, ни пустых глазниц в стенах. Над левым круглым приделом сооружено великолепное новое покрытие в виде шлема русского ратника — так замыслил в свое время сделать Щусев, но тогда власти ему этого не позволили. Прекрасно отреставрирован огромный собор в Монастырщине, где будет музей, приведены в порядок дороги, территория всего Красного холма...

Да стоит все здесь века нескончаемые!

Жаль только, что мы, готовясь к 600-летию Куликовской битвы, не смогли создать панораму великого сражения, снять хороший исторический фильм и даже почему-то не решились освободить от запашки ту святую часть здешней земли, на которой насмерть стояли шесть веков назад наши предки. Это не было бы слишком большой потерей для сельского хозяйства района — пешее войско Дмитрия, стоявшее так плотно, что погибший не мог упасть, размещалось на нескольких —

по нынешней мере — десятках гектаров перед Непрядвой. Их надо навечно заповедать! Пусть растет на них седой ковыль да конский щавель, выбрасывающий к осени красные семенники. А посреди *такого* поля Куликова, быть может, положить груду эпически огромных мечей, шлемов, щитов, секир и копий, сделанных из вороненой и нержавеющей стали, копирующих в десятикратном увеличении оружие подлинное, средневековое, чтоб можно было подойти к этому месту и снять шапку. Больше ничего не надо.

А в Москве хорошо бы проспект или площадь назвать именем Дмитрия Донского, монумент поставить, вернуть Ослябинскому и Пересветскому переулкам их исконные названия, призреть, взять под крышу замечательный барельеф итальянского мрамора, изображающий Дмитрия Донского и других героев эпохи Куликовской битвы; пока он — вот уже почти полвека — пребывает на подворье Донского монастыря, доступный солнцу и влаге, морозам и дымным городским ветрам. И давно пора поставить хотя бы памятный знак в Торжке, посвященный его героическим защитникам, мемориальную доску установить на московском памятнике Всех Святых на Кулишках, а также в Серпухове, Звенигороде, Коломне, Белозерске и других городах, чье воинство приняло участие в Куликовской битве. Следовало бы поставить памятник Вячко в Тарту, Довмонту в Пскове, Василию в Козельске, где также хорошо бы создать живописную диараму обороны и реконструировать, поднять над славным рвом крепостную средневековую стену. Она станет единственной на всю страну. Сейчас там пустое место, и *пятидесяти тысячам* ежегодных экскурсантов, посещающих ныне Козельск, посмотреть, в сущности, нечего...

Память — животворная сила настоящего, она полнится подробностями, влечет нераскрытыми тайнами, глыбится в умах и сердцах великими свершениями предков, зовет быть достойными их!..

За народным войском Дмитрия Донского, победившим *такого* врага на святом жертвенном ристалище, стояла не только Русская земля с ее трудным и величественным прошлым, необозримым и трудным будущим; за ним стояла вся разостлавшаяся вдруг от оке-

ана до океана Земля Знаемая, стояла сама История.

Извините, дорогой читатель, за слова, которые поначалу могут показаться риторическим преувеличением, однако подумаем надо всем этим вместе, раскрылив память «оба полы» того времени...

В непроглядной глуби тысячелетий не удается рассмотреть пути неведомых племен, задолго до ледника покрывших густой сеткой своих передвижений евразийские просторы. И вот на скалах от Сихотэ-Алиня до Пиренеев — охотничьи и военные сюжеты, в раскопах археологов — орудия охоты и войны, в древнейших мифах — война и охота. Отдаленные предки всех сегодняшних людей, быть может, не раз прошли насквозь всю доступную сушу планеты, а праиндоевропейцы, двигаясь на север за тающей кромкой ледника, у которой держались мамонты, образовали первые большие племенные союзы, отграниченные друг от друга гигантскими ледяными языками, и начали общаться с помощью протоязыков, давших, быть может, начала, в частности, праиллирийскому, прапалеоазиатскому, прафинноугорскому, праиндоевропейскому...

Тысячелетиями для древних народов Евразии война, вытеснение иноплеменников с охотничьих территорий, а позже пастбищ и полей, насильственный захват рабов и добычи были естественными способами существования, нормой и образцом поведения. Вот как, например, описывал Гоголь обычаи древних германцев: «Они жили и веселились одною войной. Они трепетали при звуке ея, как молодые, исполненные отваги, тигры. Думали о том, только чтобы померяться силами и повеселиться битвой... Они сражались почти наги, выказывая во всей простоте атлетическую свою силу. Плащ, застегнутый вместо пряжки терновым шипом, кожа дикого зверя на плече — вот их убранство. Они строились густо, кучами, в виде клина; действовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фрамеями; львиная сила мышц их бросала их так далеко, сколько нужно было, чтобы достать неприятеля...»

Тяжелый земледельческий и ремесленный труд, отнимая силы, постепенно охлаждал боевые страсти, прикреплял мужчин к сезонным и регулярным работам, к своим пашням, мастерским и семейным очагам, но из Азии, этого, по выражению Гоголя, «народовержущего

вулкана», через Великую Степь еще много веков накатывали на Европу воинственные неземледельческие, не знающие постоянных городских и сельских поселений народы — скифы, сарматы, авары, гунны, гузы, печенеги, половцы, монголы, имевшие право быть в истории как все прочие. Не тысячи лет проникала в глубь времен историческая память европейских народов, письменно фиксируя бесконечную череду больших грабительских войн, приходящих с востока. Прервать, остановить эту лавину выпало на долю русского народа в XIV веке — так распорядилась История.

Куликовская битва — военно-политическое столкновение огромной исторической значимости, отразившее назревающие социально-экономические процессы. *Уклад и образ жизни, который на протяжении тысячелетий находил разрешение в захватнических набегах и нашествиях, опустошениях огромных территорий, военном грабеже и последующей непомерной эксплуатации покоренных народов, должен был уступить зарождающейся прогрессивной тенденции общественно-хозяйственных отношений, соответствующих качественно новому, более высокому уровню развития производительных сил, торговых сношений, социальной дифференциации и сопутствующим этнопсихологическим процессам, происходящим на Восточно-Европейской равнине; история поставила перед русским и другими народами, населяющими эту равнину, великую задачу по созданию сильного централизованного государства нового времени, и они с этой задачей блестяще справились.*

Старое, однако, никогда легко не уступало новому ни в большом, ни в малом. Через два года после Куликовской битвы золотоордынский хан Тохтамыш нежданно привел на Русь семидесятитысячное войско, обманом взял Москву и уничтожил ее население. У Дмитрия не было ни времени, ни людских ресурсов, чтобы подготовиться и отразить нападение. И — снова тяжелая дань! Дмитрий Донской вынужден был платить в год семь тысяч рублей серебром, добавив однажды к этой огромной сумме десятитысячный взнос за тверского задолжавшего князя; представьте себе кучу серебра, весом куда более чем в полторы тонны, представьте реки соленого пота, пролитые земледельцами и ремесленниками Московской Руси, чтоб нарабо-

тать только один этот взнос... Дмитрий Донской оставил духовную, в которой зорко предрек политическую перспективу: «А переменит бог Орду, дети мои не будут давать выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть». И вот в самом начале XV века наступили эти времена. Сын Дмитрия великий князь владимирский и московский Василий Дмитриевич, тот самый, что в 1395 году спешно собрал войско, чтоб выступить против самого Тамерлана, подошедшего к Ельцу и после двухнедельного стояния повернувшего назад, получает однажды послание Едигея. Документ этот чрезвычайно интересен и не нуждается в особых комментариях — настолько он политически и психологически ясен, в подробностях иллюстрируя новую историческую ситуацию. Вот это письмо, вернее, тоскливая жалоба-просьба: «От Едигея поклон Василью, да и много поклонов. Как те поклоны придут к тебе, царев ярлык: слышанье учинилось таковое, что неправо у тебя чинят в городах, послы царевы и купцы из Орды к вам приезжают, а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините — это недобро. А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды. Как царь Темир-Колгуй сел на царство, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата, ни с каким словом. А потом Шадибек восемь лет царствовал, и у него ты также не бывал и никого не присылал, и Шадибеково царство также минуло. А ныне Булат-Султан сел на царство, и уже третий год царствует. Также ты сам не бывал, ни брата своего не посылал, ни боярина. И мы улуса твоего сами своими очами не видели, только слухом слышали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то все лгал: что собирал в своей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы добро, если бы дань была отдана по старине и по правде...» («Собрание государственных грамот и договоров», М., 1819, ч. 2, с. 16—17.)

Эта «грамота» не возымела действия, и в 1408 году Едигей сам явился на Москву, чтоб не только посмотреть ее «своими очами», но и попытаться силой восстановить старое, невозвратимое. Большое войско Едигея

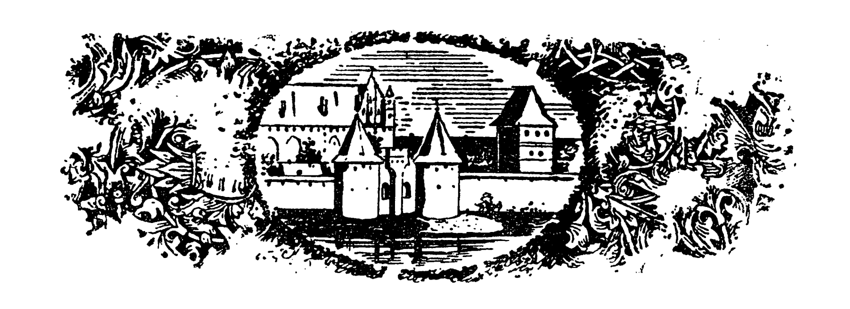
месяц осаждало Кремль, так и не подступив к его каменным твердыням из-за прицельной стрельбы со стен, разграбило окрестности и вернулось в степь фактически ни с чем.

Позже Русь выдержала почти бесчисленные нападения большеордынских, казанских и крымских войск и грабительских отрядов Улуг-Мухаммеда, Мамутека, Седи-Ахмата, Мозовши, Мамутяка, Егупа и прочих. Отражая эти набеги, молодое Московское государство при Василии Втором и Василии Третьем крепло экономически, расширялось территориально, развивало свою национальную культуру, становилось новой политической и государственной явью — Россией, а Золотая Орда, наследственный улус внука Темучина сына Джучи, окончательно распадалась и слабела. При Ахметхане была предпринята последняя попытка вернуть прежнее силой оружия, однако она обернулась исторически неизбежным событием.

...Стою на современном мосту через Угру, неподалеку от Калуги, смотрю на широкую долину, распахнувшуюся по обе стороны быстрой речной струи. Ровно через сто лет после Куликовской битвы пришли сюда и встали на этих равновеликих, зеленых, гладких, как столешницы, пространствах два огромных войска. Вижу нечто символическое в том, что противостояние это сотворилось на старой Киевско-Московской дороге и древняя столица как бы вручала здесь судьбу Руси новому стольному граду. Была символической и тревожная молчаливая недвижимость первого часа, за которой угадывался исторический неизбежный исход, и последующие победоносные сражения на бродах, и гром пищалей с русского берега, символически звучало имя почти никому сегодня не ведомого полководца, пришедшего сюда во главе русского войска, — Иван Младой...

Это было следствие Куликовской битвы — последняя немирная встреча грабительской Орды и молодой России... Освободительная Отечественная война 1612 года, освободительная Отечественная война 1812 года, беспримерная воинская и трудовая дружба народов нашей Родины в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов — все это, как и многое другое из прошлого и настоящего, имеет корни в битве на Непрядве.

Слава полю Куликову!

42 Надобно также обернуться нам на Запад, откуда восемьсот лет назад подобралась к нашим предкам и их ближайшим соседям первая большая война, растянувшаяся на много веков...

Не раз бывал я в Польше; колесил польскими дорогами по газетной командировке и с туристическим вояжем, занимался декабристским поиском и просто гостил у друзей. Варшава, Лодзь, Познань, Белосток, Ченстохов, Освенцим, Катовице, Краков, Нова-Гута, Новы-Тарг, Закопане, Тарнув, Жешув, Ярослав, Сандомеж, Радом, Быгдощ, Щецин, Сопот, Гданьск... Когда был в Польше последний раз, из Гданьска потянуло на восточную окраину воеводства, где я давно мечтал побывать, да все случай не выпадал, а в этот приезд просто не нашел сил миновать места, в которых когда-то вроде бы вдруг и, казалось, намертво завязался тугой узел средневековой европейской истории, но был, к счастью, одним махом разрублен славянским мечом. Концы чужеземных давящих вервей еще много веков сплетались вновь, пока в наши дни не сгорели в огне совсем...

Над Ногатой, быстрым рукавом Вислы, среди современных городских кварталов остроугольным каменным утесом возвышается знаменитая тевтонская крепость. Есть, как говорится, на что посмотреть! Видел я русские, турецкие, французские, шведские, чешские, южно- и средненемецкие, японские и иные крепости времен давно минувших, однако ни одна из них не может в какой-либо мере сравниться с Мальборком. Пять оборонительных каменных рубежей надо было взять штурмом, чтобы добраться до сердцевины цитадели, а еще глубокие рвы, подъемный мост, стенные, башенные и дворцо-

вые бойницы, система циклопических ворот, расположенных таким образом, что исключались прямые прострелы, с хитрой ловушкой в главном надвратном помещении, куда можно было впустить пешего или конного неприятеля, запечатать с двух сторон тяжеленными падающими железными затворами, шутя перебить его сверху через специальные отверстия, и горой свежих трупов окончательно перегородить доступ к внутреннему двору крепости. В течение нескольких веков сгонялись сюда с большой округи каменщики, миллиарды кирпичей крепчайшего старинного обжига было уложено в эту неприступную твердь, которая по современным меркам занимала восемнадцать гектаров площади, а ее помещения — двести двадцать тысяч кубометров пространства!

Высокий замок, Средний замок, Низкий замок, великолепная трапезная, страшенной высоты юго-западная башня типа «гданиско», переходы, колодцы, складские помещения... Не знаю, что говорила другим посетителям крепости архитектура замков, башен, храмов и трапезных — все эти ребристые звездчатые своды, стрельчатые проемы, стройные колоннады, какие ассоциации вызывала у гостей Мальборка роспись золотых ворот или скульптурный декор капителей, не ведаю, о чем думает среднестатистический турист, рассматривающий коллекции старинного оружия, фарфора и монет, изделий из янтаря, археологические черепки да железы, а меня мое едва сдерживаемое воображение — хотя делаю я документальную работу — уносило в давнишние, редко вспоминаемые в обыденности времена, когда северогерманцы и рыцари-крестоносцы методично, век за веком, теснили славян, коренных насельников балтийского побережья, лабовисленского междуречья и прибрежных островов, дойдя к началу XIII века до земли пруссов, на которую нам надо бы на минуту вернуться.

Этот большой и сильный народ, кажется, никому не мешал — мирно и трудно жил в своих лесах и болотах, добывал мед, пушнину и рыбу, торговал с Польшей, Литвой и Русью, молился старым языческим богам и не хотел знать новых, чужеземных. Первые католические миссионеры были перебиты. Позже польские князья, подталкиваемые папой римским, пошли на север с крестом и оружием, однако, встретив стойкое со-

противление и ответные набеги, пригласили в эти места из Средиземноморья безработных рыцарей-тевтонов, не предполагая, какой тяжелый обоюдоострый меч они заносят не только над судьбою несчастных пруссов, но и над собственной головой, над благоденствием и государственностью всех прибалтийских народов и восточных славян. Пруссы, так и не принявшие креста, были именем пречистой девы Марии, покровительницы пришельцев, и тем самым тевтонским мечом с длинной рукоятью да еще всепожирающим огнем полностью уничтожены, навсегда стерты с лица земли — с их дружными поселениями, отлаженным бытом, с их верованиями и своеобразной культурой, впитавшей славянско-литовские элементы, с их архаичным языком и этническим разнообразием, на равных включавшим в этот без следа исчезнувший народ племена бартов, варнов, натангов, помезан и порезан...

Любой народ, где бы он ни жил и каким бы малочисленным ни был, представляет собою стремительно возрастающую с годами и веками общечеловеческую ценность — он несет в будущее земной истории неповторимую свою культуру, язык, предания старины, обычаи, ремесла. В бурях европейской истории текущего тысячелетия счастливо дожили до наших дней так называемые «малые» народы — вепсы, баски, гагаузы, саами, табасаранцы и многие другие. Нет на этом старом цивилизованнейшем материке только бодричей, лютичей, руян и пруссов. Мы не знаем, какие оттенки приобрела бы история Европы, если б остались в ней эти народы, а давнее тяжкое преступление против человечества еще недостаточно квалифицировано по заслугам...

Победоносный Тевтонский орден, соединившись с остатками ливонцев, разбитых Александром Невским, за полтора века создал на этой земле мощное автократическое военное государство, сделавшееся орудием папской курии, немецких феодалов и захватчиков-колонистов. Из Венеции перенес сюда свою резиденцию великий магистр, а Мариенбург превратился в неприступную крепость с роскошными внутренними покоями, притягательным местом не только для западных искателей разбойничьих приключений, но и августейших их земляков — королей и принцев, князей и маркграфов. Крас-

ный зев каменного чудища был оскален острыми башнями-зубьями на солнечный восход, окна-бойницы свирепо взирали на восточные просторы...

Одно важное историческое обстоятельство просветляет международную ситуацию в этом европейском регионе конца XIV — начала XV вв. Христианизировать здесь стало некого, и, таким образом, пропадал смысл существования Тевтоно-Ливонского ордена, если б у пришельцев не оставалось стародавней главной цели — военной захватнической экспансии, устремленной на восток. Польша и только что католицизированная Литва вдруг ясно увидели, как обкусываются кусок за куском их земли. И вот средневековый немецкий милитаризм скли́кал в Мальборк под свои стяги всю свободную ратную силу Запада, и после первых легких побед к середине лета 1410 года скопилось в одном месте более восьмидесяти тысяч до зубов вооруженных воинов; впрочем, есть историки, доказывающие, что их было чуть поболе тридцати тысяч — тенденции к преувеличению ратных сил не избежал тогда, кажется, никто. Они сконцентрировались на пограничье древних поселений пруссов, поляков и литовцев, между деревнями с уже чисто немецкими названиями — Грюнвальд и Танненберг или, по русским летописям, «межи грады Дубровна и Острога», построились в боевой порядок — не традиционной железной «свиньей», а протяженным фронтом, выдвинув вперед не длинные пики из-за тяжелых щитов, а новое для тех времен оружие — затаенные в железных стволах огонь, гром, каменные да свинцовые ядра, что могли пробивать прогалины в строе противника, на лету срывать головы людям, ломать ноги лошадям; около ста бомбард было выдвинуто перед рядами рыцарей.

Сакраментальный «Drang nach Osten» должен был свершиться одним гигантским прыжком. В достоверном средневековом сочинении говорится, что Великий Магистр Ульрих фон Юнгинген «хотел подчинить своей власти многие страны и королевства». Перед ним простирались Литва и Польша, но какие имелись в виду другие «страны и королевства»? Насмерть поразив ближайшую цель, не мечтал ли магистр Ульрих фон Юнгинген выйти на псковско-новгородские рубежи, пос-

ледний оплот русской независимости, чтоб рассчитаться за давние поражения, начиная с Ледового побоища, потом ринуться к границам таинственно возрождавшейся Московии, разбившей ровно за тридцать лет до того орды Мамая, тоже мечтавшего покорить многие страны и королевства? Ведь Москва только что снова подверглась нападению степняков, была разграблена степняками ее земля. Окончательно ослабленная, способна ли она была вынести два таких удара подряд?

Стратегические же тылы крестоносцев были перед этим обеспечены — Ульрих фон Юнгинген сумел заключить союз с чешским королем Вацлавом и венгерским Зигмундом, родственником польского Ягайлы. У войска, что встало 15 июля 1410 года перед фронтом ордена, бомбард не было. Польские войска — пятьдесят одно боевое знамя — под командованием краковского мечника Зындрама из Машковиц заняли левый фланг, литовско-русское войско — сорок хоругвей — правый. В центре русско-литовского войска стояли три смоленских полка, закованные в латы и вооруженные тяжелым боевым оружием, пришли на битву отряды из Киева, Львова, Бреста, Витебска, Гродно, Полоцка, Пинска, Лиды, Новогрудок, Вылковыска, Кременца, Мельницы, Дрогичина, Стародуба, Галича, Перемышля, Холма, Новгорода Великого и Новгорода-Северского... Издалека пришли на битву четыре тысячи чехов-патриотов, в рядах которых находился будущий знаменитый вождь гуситов Ян Жижка, затаилась в сторонке на дороге, ведущей в тыл, к Ульново (Фаулену) летучая татарская конница. Оба крыла огромного войска опирались в болота, речки и озера, что, как и на Куликовом поле, делало невозможным фланговые обходы и удары с тыла.

Предстоящее главное сражение на втором фронте восточноевропейского средневековья должно было решить исторические судьбы многих народов обширного региона.

Поле это напоминает великие русские ратные поля — Куликово, поле под Бородином и Прохоровкой. Простор, селеньица вдалеке, запашки, а ближе к центру

кустарники, перелески, леса; «грюнвальд» по-немецки — «зеленый лес». А в центре поля разнотравье — зеленые проростки жизни из крови павших воинов разных народов. И сама природа на месте Грюнвальдской битвы свершила земное поднятие, будто возвысила над окрестными низинами историческое значение события 1410 года...

Асфальтированная автомобильная стоянка, киоск с открытками, дорожки к памятнику, установленному в 1960 году, к 550-летию битвы — высоченная железобетонная колоннада с гербами наверху, среди коих все больше одноглавые польские орлы, каменный монумент рядом, сделанный в условной современной манере. Поодаль — полукруглое кирпичное здание, в небольшом фойе которого картины давней битвы, копья, мечи, секиры, шлемы, рыцарские доспехи, а из-за шторы, из темного зала доносится громкая боевая музыка, крики, команды, лязг железа; на экране демонстрируются отрывки из современной киноэпопеи о Грюнвальдской битве. Какой она была на самом деле?

В последней поездке по польским городам и весям у меня с собой была тоненькая книжечка, приобретенная случайно по пути. Со мной ездил мой польский друг, свободно владеющий пятью европейскими языками, он меня знает много лет и, значит, знал, что мне надо. В лодзинском магазине букинистической книги, быстро перебирая полку за полкой, он выудил тоненькую брошюрку, изданную в Петербурге в 1885 году. С ходу я взял ее — что в наше время сорок злотых? — это был, как говорится, мал золотник, да дорог: речь Михаила Осиповича Кояловича на торжественном заседании Славянского Благотворительного общества, посвященном 475-летию Грюнвальдской битвы. Раскрываю ее... «Наша Куликовская битва имела великое значение не в одной восточной России. Кроме восточной России и татарского мира нравственное ея влияние простиралось далеко на Запад, в тогдашнее Литовское княжество, и отразилось даже на Грюнвальдской битве, которая походила на Куликовскую даже внешним своим ходом».

Были, однако, и различия в общем ходе великого сражения и множестве частностей... «Перед началом битвы в литовско-русской и польской частях соединен-

ного славянского войска обнаружились резко противоположные особенности. Витовт и его литовско-русское войско скоро устроились и сгорали нетерпением сразиться. Ягайло медлил, и польское войско плохо устраивалось. Ягайло горячо отдавался делам благочестия. Известно, что и наш Димитрий Донской отдавался, перед походом на Дон, великому благочестию. Но у Ягайлы вышло нечто иное, утрированное. Еще до прихода на поле битвы все войско (т. е. христианская его часть) и его вожди исполнили христианские обязанности, исповедались и приобщились. Ягайло счел нужным еще исповедаться и приобщиться и потому отстоял обедню, но затем опять стал слушать вторую обедню, а неприятель уже подходил, был на виду. Витовт понукал Ягайлу выезжать к войску (богослужения шли в ближнем тылу польской армии.— *В. Ч.*), начинать битву и насилу убедил его сесть на лошадь, но и на лошади Ягайло стал еще исповедоваться. Подозревали, впрочем, что он переговаривается с духовником насчет мирных предложений, которых ожидал от рыцарей»...

Все это было похоже на Ягайлу, сына Ольгерда и тверской княжны Ульяны, великого князя литовского и польского короля, того самого, что отвернул в 1380 году от Куликова поля. Основатель польско-литовской династии Ягеллонов около шестидесяти лет пробыл на политической арене Восточной Европы, не оставив, однако, слишком заметной печати своей личности на тогдашних событиях огромного исторического значения. Взгляды историков на Ягайлу противоречивы, и многие считают его человеком небольшого ума и слабого характера, десятилетиями руководимого польскими феодалами и главным образом католическим духовенством. Исторические события, несомненно, зависят от главных личностей эпохи, просветляют в сознании современников и памяти потомков натуры сильные, волевые, интересы и поведение коих объективно совпадали с интересами народных масс, поступательным ходом истории — Александра Невского, Довмонта Псковского, Дмитрия Донского, и негативные, отражавшие регрессивные исторические тенденции — Мамая, Ульриха фон Юнгингена; да и Ягайло, как известно, не был удостоен звания Грюнвальдского...

Ясное июльское солнце с утра било в глаза немецким рыцарям, их оруженосцам и лучникам, раскалило к полудню доспехи, и нельзя было покинуть строй, чтоб напоить коней, уставших под грузом тяжелых вооруженных всадников. Изнывали от зноя литовские, польские, русские, чешские полки. И вот Ульрих фон Юнгинген в нетерпенье прислал Ягайле и Витовту обидный вызов на битву.

Грюнвальдская битва хорошо описана у замечательного польского историка Яна Длугоша, жившего в XV столетии. К сожалению, его двенадцатитомная «История Польши», написанная на латинском, полная ценнейших исторических подробностей и художественных достоинств, на русский язык не переведена, и польские друзья изложили мне кое-что по краковскому изданию 1925 года. Вернувшись домой, я, однако, разыскал единственный русский перевод именно того отрезка польской истории, что был связан с Грюнвальдской битвой... Ульрих фон Юнгинген прислал, оказывается, королю Владиславу (Ягайле) с герольдами «два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дальше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ»... Но и такой «подарок» не побудил Ягайло к действиям.

Общего сигнала так и не последовало, и вот литовская конница отважно и стремительно ринулась в атаку. Быстро смешались ряды сражавшихся, и бомбардиры врага не успели управиться — более или менее эффективным оказались лишь первые два залпа, и тут же главный удар тяжелого конного рыцарства немцы направили на литовско-русское войско. Пение победоносного орденского гимна огласило окрестности, его заглушил лязг стали...

Согласно Я. Длугошу, вступили в сражение и поляки. Войско крестоносцев было жестко и строго организовано. Основу его составляла ударная конница. Начальная боевая единица —«копье»— состояла из тяжеловооруженного рыцаря, легковооруженного оруженосца и лучника. 20—100 копий составляли «знамена», отряды, которые выстраивались в клинья. И вот гигантский клин потянулся по дорогам и полям, нацели-

ваясь острием на центр союзного войска, где стояли русские полки. Замысел Ульриха фон Юнгингена и его командующих — великого контура Фридриха фон Валленрода и великого маршала Конрада фон Лихтенштейна — состоял, очевидно, в том, чтобы, уничтожив центральные русские полки, рассечь союзные войска надвое и бить по частям поляков и литовцев. Ян Длугош: «Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди на расстоянии даже нескольких миль. Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи, и острия копий направлялись в лица врагов; когда же хоругви сошлись, то нельзя было отличить робкого от отважного, мужественного от труса, так как те и другие сгрудились в какой-то клубок и было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного».

Первый ряд русских был изрублен без остатка, смялись второй и третий ряды, потом в сече пал весь передовой полк смолян, уронив свою хоругвь. Возникла опасность для правого фланга польского войска, который стал подаваться под натиском немцев, часть конных уже прорывалась к обозам, а некоторые литовские беглецы понесли в Литву паническую весть о победе немцев, которые в десятки тысяч глоток уже запели над полем: «Христос воскрес!»

В речи М. О. Кояловича меня поразило одно сведение — оказывается, немецкие историки, совсем в духе будущих «евразийцев», приписывали великую грюнвальдскую победу той самой легкой татарской коннице, что стояла на крайнем правом фланге соединенных славянских войск, готовая в любой момент броситься на добивание бегущего противника или... стрекануть по спасительной дороге на Ульново! Тезис не верен и даже спекулятивен хотя бы потому, что серьезные комментаторы битвы считают общую численность легковооруженной татарской конницы всего в 1 000—2 000 всадников.

Нет, как признает объективная история, исход битвы предрешили смоленские полки, что стояли на-

смерть, наваливая копьями, мечами и секирами вал за валом перед собой! Это был центр всего объединенного войска — на стыке сходящихся дорог из Грюнвальда и Танненберга, и когда в ходе боя образовалась движущаяся по этим дорогам знаменитая железная «свинья», она уперлась рылом в булатную стену смолян, не отступивших ни на шаг. Они не только защитили правый фланг польского войска, но даже начали бить, как говорил Коялович, вбок немцам, уносившимся за литовскими беглецами. И далее: «Витовт, изнемогавший в усилиях остановить, собрать и устроить беглецов, имел, однако, достаточно присутствия духа, чтобы понять величие момента и доблести смольнян. Он послал им подкрепление, стал понукать Ягайлу, бывшего сзади войска, выехать в переднюю часть польского войска, чтобы одушевить его; сам, между тем, стал командовать и своим оставшимся войском и польским».

Воображаю кульминационный момент битвы. Безвестный смоленский витязь в русском шлеме, защищенный вместе с конем булатными латами, с блистающим булатным русским мечом прорубает с товарищами просеку в рядах врагов, прорывается к штандарту Великого Магистра, отбрасывает его копье, приподнимается на стременах и через головы охранников направляет каленое острие своего длинного копья в грудь Ульриха фон Юнгингена, поразив его «под сосок».

«Было еще много дела уже больше всего для польского войска», — говорил М. О. Коялович. Большой польский конный отряд ринулся к Грюнвальду, в обход растянувшемуся немецкому войску, и ударил его во фланг. «Этот обход, возможный, как всякому очевидно, только при стойкости центра, т. е. при доблести смольнян, дал значительно иной оборот битве...» За этим обходным отрядом уже, без сомнения по указанию Витовта, понеслось к Грюнвальду татарское войско и показало обычную свою способность побивать неприятеля сбоку и сзади»... «Понеслись и малороссийские конные отряды, казаки и забрались не только к Грюнвальду, но и к Танненбергу и даже оттуда били немцев».

Исход одного из самых исторически значительных на памяти средневековых европейцев сражений стал неизбежен...

Тогда, в Польше, я, ранее не интересовавшийся подробностями Грюнвальдской битвы, грешным делом, подумал, что русский историк белорусского происхождения Михаил Коялович мог преувеличить в юбилейной речи, говоря, что «главное и первое дело, основа всего успеха была в доблести смольнян» и в военном таланте князя Витовта, но мои польские друзья перевели для меня слова Яна Длугоша, которые я позже сверил по печатному русскому источнику: «В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптано в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобает мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками».

Много тысяч крестоносцев погибло и было пленено, захвачен, как пишет Ян Длугош, «вражеский стан, полный разного добра, обоз и все имущество прусского магистра... При этом в крестоносном войске было найдено несколько телег, нагруженных только оковами и цепями, которые крестоносцы везли с собой, чтобы заковывать пленных... а также сосновые лучины, смазанные жиром и смолой и, сверх того, обернутые в пропитанные жиром и смолой тряпки», чтобы с темнотой их зажечь и преследовать побежденных. Все, оказывается, предусмотрела «крестоносная сволочь», как называл их К. Маркс, кроме своего собственного сокрушительного поражения!

К сожалению — по Длугошу — «поляки сочли за лучшее заниматься захватом добычи и пленением врагов, чем завоевывать их крепости... Как величайшую ошибку короля (Ягайлы-Владислава.—*В. Ч.*) оценивали опытные в военном деле люди также и то, что он пренебрежительно отверг совет рыцарей для захвата крепости Мариенбурга».

М. О. Коялович: «Ягайло обнаружил обычную свою медлительность и пристрастие к церемониям, на этот раз не только религиозным, но и победным, и пропустил драгоценное время для уничтожения прусского ордена. Только через несколько дней он двинулся с войсками дальше, но дальше пришлось засесть у Мари-

енбурга, пришлось терпеть и поражения, а в следующем 1411 г. пришлось заключить мир, по которому не только был признан прусский орден, «но и получил назад все свои земли»...

Непрочный этот мир был прерван новой тринадцатилетней войной, в результате которой Мальборк на три с лишним столетия перешел к полякам, потом были новые войны, в том числе тридцатилетняя, семилетняя и прочие. Неустойчивые мирные годы текли век за веком, стены Мальборка нет-нет да сотрясались бурными волнами европейской истории и через все эти события невредимой прошла фанатичная идея «Drang nach Osten». В новое время на древней земле пруссов возникла наследница Тевтонского и Ливонского религиозно-милитаристских орденов немецкая монархическая Пруссия, в новейшее время она усилиями «железного канцлера» Бисмарка расширилась, поглотив почти весь фатерланд, а империалистическая, милитаристическая и националистическая идефикс к концу XIX века отлилась в триединую формулу — король во главе Пруссии, Пруссия во главе Германии, Германия во главе мира.

С 1896 года каменная твердыня Пруссии — Мариенбург — начала укрепляться свежей системой обороны: батареи, форты, люнеты, орудийные и стрелковые бойницы. После первой мировой войны эти укрепления были демонтированы, и по Гаагской конвенции Мальборк стал считаться историко-архитектурным памятником. Но вскоре новые события сотрясли Европу. Гитлеровцы продолжили дело тевтонов, и Мальборк сделался для них символом старых и новых устремлений на восток. Нарушив Гаагскую конвенцию, они вновь превратили памятник истории в современную военную крепость. Напомню, чем это кончилось.

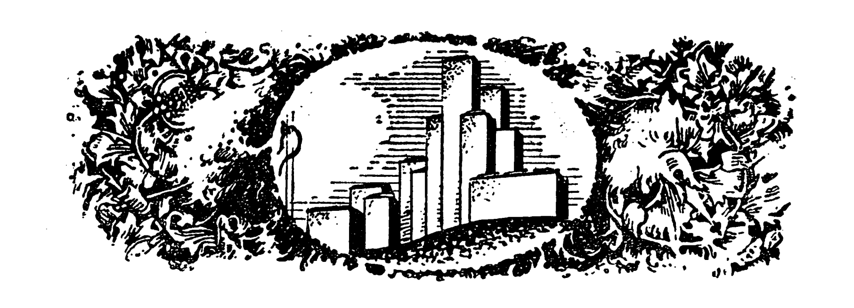
Стою в центре внутреннего двора Мальборка. Незыблемо лежит здесь большой гранитный камень, как заключительная точка летописи, растянувшейся на восемь столетий...

Январским днем 1945 года, когда от мороза липли к рукам автоматы, прорвались к Мальборку солдаты и офицеры Второго Белорусского фронта. Их встретил бешеный огонь с башен, стен и крыш. В крепости засе-

ло несколько тысяч гитлеровцев, вскормленных диким мясом геббельсовской пропаганды. Они изготовились дорого продать свои жизни. Глубокие подземелья замков и храмов были набиты боеприпасами и продовольствием, средневековые, недосягаемые снаружи колодцы давали свежую воду, подступы к цитадели окружали рвы и надолбы, опутывала колючая проволока, а вся окрестная земля являла собою сплошную затаившуюся смерть — мины рвались даже от автоматной пули, пущенной наугад. Однако эту голову подыхающей коричневой гидры надо бы непременно раздавить! Пятьдесят два дня и пятьдесят одну ночь длился беспрерывный и беспримерный штурм крепости, пока она не пала в солнечный мартовский рассвет. Многие тысячи советских воинов остались здесь навек, и у камня, положенного в их память, смолкает сегодня разноязычный говор, молча снимаются с голов береты, шляпы, испанки, шапки, кепи, конфедератки, сомбреро, фески, пилотки и бескозырки...

Ужасающие руины 1945 года остались только на фотоснимках. Более десятка лет польские реставраторы и каменщики восстанавливали замок, где с 1961 года разместился замковый музей с его замечательными коллекциями исторических и культурных ценностей. Рваная двухцветная мозаика; пестрит на внешней кладке стен темный средневековый кирпич и светлый, современный: вечный след последней войны...

И еще существует такая великая сила, как историческая память народов и живая память современников... Это здесь когда-то был учрежден Железный крест, несущий символику, связанную с гербом Тевтонского ордена, сюда автор «Крестоносцев», лауреат Нобелевской премии Генрих Сенкевич обратился с гневным письмом к Вильгельму II, на этих плацах устраивались грандиозные представления и манифестации гитлеровцев, насаждавшие в немецком народе нацистскую идеологию, вокруг этих стен сохранились обширные кладбища военнопленных — советских и британских солдат. Полмиллиона людей со всех концов света входят ежегодно в замок, чтобы оживить память; «народы, теряя память, теряют жизнь».

43 Следы последней чудовищной по разрушениям и по масштабам войны, память о ней, о ее несметных невинных жертвах, никогда не исчезнут с многострадальной земли Европы. Орадур-де-Глан, Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен, Освенцим, Бжезинка, Треблинка, Лидице, Хатынь, Бабий яр, Красуха... Последним, отмеченным особо кровавой печатью фашизма местом, которое мне довелось посетить, был Крагуевац. Это незабываемо.

Группа советских писателей была приглашена югославскими товарищами на празднование очередной годовщины освобождения Белграда. Глава нашей делегации поэт Сергей Викулов, освобождавший город от фашистов, ненасытно вглядывался в него спустя тридцать три года, и мы не мешали ему, бывшему командиру батареи. Наши войска пробивались сюда сквозь горы, укрепленные врагом по дорогам и на узлах дорог, по перевалам и переправам, на господствующих вершинах и фронтальных склонах.

Воины 3-го Украинского фронта форсировали Дунай на юго-востоке от города, разбили оперативную группировку врага «Сербия», двинулись на Белград, перед которым уничтожили еще одну сильную немецкую группировку. Штурм Белграда начался утром 20 октября 1944 года, когда наши танкисты ворвались в город с юго-востока, овладели мостом через Саву, а Дунайская военная флотилия отрезала немцам пути отхода на север. К вечеру Белград был освобожден, и вскоре родилась хорошая песня, докатилась до Сибири, и мне вспомнились ее начальные слова:

Ночь над Белградом тихая
Вышла на смену дня.

Вспомни, как яростно вспыхивал
Яростный шквал огня.

Вспомни годину ужаса,
Черных машин полет.
Сердце сожми, прислушайся,—
Песню ночь поет:

Пламя гнева горит в груди.
Пламя гнева, в поход нас веди!
Час расплаты готовь.
Смерть за смерть, кровь за кровь!
В бой, славяне,— заря впереди...

21 октября 1977 года мы выехали из Белграда на юг. Узкая асфальтированная дорога петляла по горным склонам, спускалась в речные долины, вела сквозь низкие облака от одной покатой вершины к другой. Мы обгоняли, нас обгоняли, а с высоких точек открывалось необычное: по дорогам, перевившим всю горную Шумадию, двигались, придерживаясь нашего направления, бесконечные вереницы автобусов и машин. Сотни, тысячи разноцветных коробочек на колесах, плотно набитых маленькими гражданами республики. Нам пояснили, что со всей Югославии в этот день каждый год съезжаются в Крагуевац около ста тысяч детей на *Большой школьный урок...*

Небольшой этот городок имеет свою славную историю, туго вплетающуюся в историю Сербии, Югославии, Балкан. После сооружения в 1853 году Крагуевацкого плавильного завода здесь образовалось ядро рабочего класса Сербии, где началась революционная деятельность первого на Балканах социалиста Светозара Марковича и проведены в 1878 году первые рабочие демонстрации под красными знаменами. Потом создание ячеек социал-демократической партии, позже коммунистической, участие крагуевацких коммунистов в организации Народного фронта свободы в 1935 году, и вот в апреле 1941 года нападение фашистской Германии, капитуляции югославской армии, призыв коммунистов к народному восстанию — это была тогда единственная политическая и патриотическая сила, способная возглавлять освободительную борьбу. Вскоре после нападения гитлеровцев на Советский Союз на

заседании ЦК КПЮ 4 июля было принято решение о начале вооруженной борьбы. 7 июля восстала Сербия, 13-го—Черногория, 22-го — Словения, в конце июля — Хорватия, Босния и Герцеговина, 11 октября Македония.

Крагуевац гордится тем, что первый отряд сопротивления был создан в нем еще в июне 1941 года и тридцать пять десятков боевых отрядов организовали первый саботаж ночью 27 июня. К середине сентября партизаны Шумадии, число которых достигло пятнадцати тысяч человек, провели около ста вооруженных нападений и диверсий: ликвидировались жандармерии, сжигались немецкие комендатуры, уничтожались отдельные колонны захватчиков, подрывались железнодорожные станции, мосты, переезды, телефонные и телеграфные линии связи. Крагуевац стал городом-героем.

Крагуевац стал городом-мучеником. В середине сентября 1941 года немецкое командование, направившее основную военную мощь на Восточный фронт, на Москву, вынуждено было перебросить одну дивизию с оккупированной территории Советского Союза, по одной из Греции и Франции, чтобы любой ценой ликвидировать народное восстание в Югославии. Начальник немецкого Верховного командования фельдмаршал Вильгельм Кейтель по указанию самого Гитлера издал 16 сентября 1941 года приказ. Вот строчки из этого официального исторического документа, действие коего распространялось на всю оккупированную Европу: «В каждом отдельном случае сопротивления немецким оккупационным властям, каковы бы ни были специфические обстоятельства, нужно считать, что речь идет о коммунистическом движении. Для подавления движения в самом его зародыше, при появлении первых признаков восстания необходимо применять самые строжайшие меры с целью сохранения авторитета оккупационных частей и для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению беспорядка. В связи с этим нужно напомнить, что человеческая жизнь в этих странах ничего не стоит и что только необыкновенной жестокостью можно достичь устрашающего

эффекта. В отмщение за жизнь одного немецкого солдата — что в этих случаях должно быть общим правилом — следует подвергнуть смертной казни 50—100 коммунистов»...

28 сентября 1941 года генерал Франц Боше взял по приказу Гитлера единоличную власть в Сербии и развил положения берлинского приказа, потребовав от подчиненных поступать «со всей бесцеремонной жестокостью, ибо жертвами пали сотни немецких солдат», и пояснил, обратившись к истории: «Вашим заданием является объездить страну, в которой в 1914 году ручьями текла немецкая кровь из-за коварства сербов — мужчин и женщин. Для всей Сербии должен быть дан устрашающий пример, который должен больше всего затронуть все население. Вы — мстители этих мертвых. Каждый, кто поступает мягко, подвергает опасности жизни своих друзей. Невзирая на личность, он будет призван к ответственности и предан военному суду».

В начале октября 1941 года, когда немцы начали общее наступление на партизан Сербии, на части Крагуевацкого и Чачакского отрядов, партизаны захватили роту немцев, сбили разведывательный самолет с начальником связи коменданта Сербии, освободили Горни Миланавец и Чачак. Из приказа генерала Франца Боше от 10 октября 1941 года: «В Сербии из-за балканского склада ума и больших размеров коммунистического и замаскированных под национальные повстанческих движений нужно выполнить приказание Верховного командования вооруженных сил с самой большой строгостью. Быстрое и бесцеремонное подавление сербского восстания является вкладом в окончательную победу немцев...

Если будут потери среди немецких солдат или фольксдойче, то территориальные уполномоченные коменданты вплоть до командующего полка сразу же дадут приказ о расстреле противника по следующему *порядку:*

а) за каждого убитого немецкого солдата или фольксдойче (мужчину, женщину или ребенка) —100 пленных или заложников;

б) за каждого раненого немецкого солдата и фольксдойче — 50 пленных или заложников...»

Вспоминаю попутно, как попал мне в руки подлин-

ный дневник тринадцатилетнего бахмачского парнишки Толика Листопадова — этот потрясающий своей жестокой правдой исторический документ, написанный на оккупированной Черниговщине, пока хранится у меня, но предназначен для музея. Это в нем я прочел строчки, пронизанные чувством маленького патриота: «Скоро ли у нас в городе будут люди, которые и говорят по-нашему и по духу наши?» А вот опубликованные в моей повести «Здравствуйте, мама!» строчки из ночной записи 1 января 1942 года: «За одного убитого немца будут расстреливать 100 человек наших жителей». В Нежине кто-то убил немца с собакой, а они за это расстреляли 140 человек жителей и говорят: «100 человек за немца и 40 человек за немецкую собаку».

В районе Крагуеваца гитлеровцы с педантичной точностью изготовились выполнить приказ. Общие потери немцев здесь на 16 октября 1941 года составили пятьдесят человек убитыми и сорок ранеными. Территориально уполномоченный комендант, опираясь на свежие войсковые батальоны, оттеснил партизанские отряды в горы и приступил к исполнению карательных обязанностей. Людей хватали в домах, на улицах, в церквях, школах. Брали только мальчиков, юношей, мужчин и стариков, уводили и увозили в глубокую низину, где текли два светлых ручья...

К вечеру 21 октября 1941 года у *Красного* города, как называют в народе Крагуевац, лежало 7000 трупов.

В долине этой сегодня мемориальный музей. Со старых фотографий смотрят на тебя все семь тысяч пар глаз, закрывшихся туманным осенним днем. Безгрешные искристые ребячьи глаза — тихие, доверчивые, наивные, задумчивые, грустные, озорные, кроткие, веселые, отчаянные! Траурно-торжественное шествие ста тысяч детей Югославии к святым могилам ровесников — самое возвышенное, что я видел в жизни. Стою у одного из мемориалов, под которым покоятся останки трехсот школьников и восемнадцати учителей, вижу закаменевшее лицо Сергея Викулова, слышу-вспоминаю слова сербского друга:

Мой класс ожидает пули,
И никто никому не подсказывает...

Все, даже самые маленькие, на память знают урок.
В последний раз поблескивают их ребячьи глаза:
Здесь нет двоечников, ибо мы сыны народа,
У которого и самый маленький ребенок,
Лишь только научится ходить,
Уже знает, как нужно умирать.

Разве вы всё еще удивляетесь,
Что добровольно остаюсь с ними?

Чтобы я, их старый учитель, одних их оставил?
А завтра? Чтобы на меня показывали пальцем?
Вы этого не понимаете...
Это мы, «дикари», знаем:
Учитель не только с классным журналом учитель.
Стреляйте! Я веду последний урок!

И еще мне вспоминается последнее посещение Кракова...

Вавель, резиденция польских королей. Торжественно-печальный спуск к саркофагу Адама Мицкевича. Всплывают в памяти белые, нерифмованные стихи Анатолия Чивилихина, столь редкие в его творчестве:

Та армия, в которой я служил,
Освободила Краков в день январский...

19 января 1945 года... Поэт и воин не увидел, однако, Вавеля в тот день — освободители спешили на Одер. И лишь светлой победной весною, возвращаясь домой, он со своими фронтовыми друзьями сделал остановку в Кракове. После ужасающих руин, которые довелось им увидеть за прошедшие четыре года, они надумали поближе познакомиться с сокровищем, спасенным ими, — ведь древний Краков, прекрасный город ученых, революционеров, поэтов, рабочих, служащих, художников, студентов, был обречен фашистами на полное уничтожение, и только молниеносная мера нашего Верховного Главнокомандования спасла это историко-архитектурное сокровище Польши и всей Европы.

В Вавель победителей пригласили хозяева: «осмотреть гробницы тех, кто когда-то властно правил Польшей».

Я объяснил, что русских офицеров
Сюда влекло желание другое —
Здесь погребен друг нашего поэта

И друг свободы — значит, друг наш дважды.
И мы пришли, чтоб возложить венок.

Зримо вижу картину, как наш Анатолий с венком весенних цветов идет в группе друзей-фронтовиков сквозь толпу посетителей, которая уважительно расступается пред их сияющими орденами и медалями, пред этим венком.

Сначала показалось непонятным —
Как, окружая королей заботой,
Здесь умные рабы не рассчитали,
Что королям, должно быть, плохо спится
В соседстве с верным рыцарем свободы,
Однако вскоре объяснилось все...

Русские офицеры весны 1945 года не смотрели на помпезные гробницы королей, на величественные своды, на витражи, резные колонны и решетки художественного литья — они шли, провожаемые любопытными и почтительными взглядами, прямо к простым железным перильцам, что скромно расположились средь каменного пола, огораживая вход в подземелье.

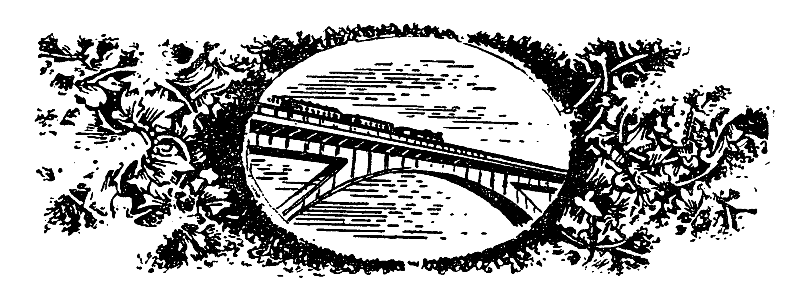
Да, он лежит под мраморным надгробьем
Невдалеке от Яна Казимира,
Совсем невдалеке от Сигизмунда,
Но, чтобы не тревожить сих последних,
Его похоронили в подземелье,
И вход закрыт железною плитой.

Поэт, если он истинный поэт, увидит смысл и символ в обыденном, зорко заметит то, мимо чего бездумно пройдут тысячи нас, обычных смертных.

Изгнанник в жизни и за гробом узник,
Прими поклон хотя бы лишь за то,
Что говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В единую семью соединятся.

Последние две строки я знал с детства и вспоминал их, когда впервые побывал в Вавеле, где было тогда не так людно. Вспомнились они мне и сейчас, в пестрой и густой толпе современных туристов. Снова величественные фигуры Александра Пушкина и Адама Мицкевича встали в памяти рядом, соединенные тем общеизвестным стародавним рукопожатием, о коем в не совсем обыденных, теперь уже далеких обстоятельствах вспоминал незнаменитый русский поэт Ана-

толий Чивилихин, ныне покойный... Пусть живет средь людей и народов вечная добропамять!

44

Открытое письмо Доржийну Дашдаваа,
заведующему кафедрой русского языка и литературы
Высшей партийной школы
при Центральном Комитете
Монгольской народно-революционной партии

Дорогой Доржийн!

Временами вспоминаю наше доброе знакомство, последующие за ним встречи, неспешные долгие разговоры обо всем на свете — о «Сокровенном сказании» и «Слове о полку Игореве», о русской литературе XIX века и монгольском переводе трех с лишним сотен томов «Ганджура» и «Данчжура» в XVIII, о Москве и Улан-Баторе, о науке и народных обычаях, о женах и детях, о космосе и человеческой душе, о зарплате и снабжении, о политике и истории, о Чили и Кампучии, Америке и Китае, прошлом и будущем.

Храню твои письма и открытки, написанные чистейшим русским языком, и мою книгу с твоей дарственной надписью, переведенную тобой на монгольский...

А помнишь заседание ученого совета в Московском университете, где ты защищал свою интересную диссертацию о языке Максима Горького и особенностях перевода его романа «Мать» на твой родной язык? Накануне мы просидели полночи над твоим вступительным докладом, уточняя филологические термины. Ты волновался утром, старательно делал вид невозмути-

мейшего человека, но я-то чувствовал и знал, чего тебе, друг, это стоило! Однако все прошло хорошо, как и должно быть, и я с удовольствием вспоминаю твою отличную защиту, посещение посольства Монгольской Народной Республики и наше скромное застолье с холодной русской водкой, теплыми бурятскими бозами, горячими монгольскими блюдами и замечательным, обжигающим белым пламенем калмыцким чаем...

Однажды мы заговорили о русских путешественниках и ученых, сделавших так много для того, чтобы мир узнал о природе, истории, народе Монголии, вспоминали Бичурина и Кафарова, Пржевальского и Потанина, Ядринцева и Певцова, Козлова и — с особенным почтением — Грумм-Гржимайло. У меня на столе как раз лежали книги этого исследователя Центральной Азии, в их числе и второй том фундаментальнейшего исследования о Западной Монголии и Урянхайском крае, впервые изданный в Улан-Баторе на русском языке по решению Учебного комитета Монгольской Народной Республики вскоре после наших революций. Кажется, я говорил тебе, что замечательный ученый был потомком одного из древнейших родов Европы, а по матери — родственником декабриста-историка А. О. Корниловича и белорусского историка М. О. Без-Корниловича?

Никто из прежних путешественников не пахал столь глубоко на таком обширном поле, как Монголия, и едва ли кому-нибудь удастся повторить научный подвиг Григория Ефимовича! Глубокие исследования по географии, геологии, почвоведению, метеорологии, зоологии, ботанике, экономике, антропологии, этнографии, истории. Сейчас, пожалуй, несколько институтов не справятся за такой срок с работой, которую проделал Г. Е. Грумм-Гржимайло с несколькими спутниками-сотрудниками. За полтора года ученый прошел 7250 километров, из них шесть тысяч — первым, сделал 140 гипсометрических и анероидных измерений, определил географические координаты 30 пунктов, стал первым европейцем, добывшим лошадь Пржевальского. На доске научных соревнований каждого института, снаряжающего экспедиции, можно бы вывесить в качестве образца перечень того, что привез из Центральной Азии в конце прошлого века Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло: 114 экземпляров крупных и средних млекопи-

тающих, более 100 мелких, 1150 экземпляров птиц, 700 яиц с гнездами, около 100 экземпляров рыб, 105 — пресмыкающихся и земноводных, 35 000 экземпляров насекомых, 800 листов гербария, 850 образцов горных пород, множество журналов с монгольскими песнями, преданиями, словниками, статистическими таблицами, ящики с негативами и материалами других заданий; вот какие истинные рыцари науки, Доржийн, закладывали фундамент наших знаний друг о друге!

А второй том «Западной Монголии и Урянхайского края», целиком посвященный истории твоей родины с древнейших времен — монументальное научное сочинение в девятьсот широкоформатных страниц, — даже сравнить, кажется, не с чем, и я его читаю как захватывающий роман, с недоумением и сожалением отмечая, что такого концентрированного и глубокого труда о моей стране и моем народе пока не создано... Близкие Григория Ефимовича рассказывали мне о том, как трудны были его последние дни, омраченные тяжелой болезнью, как он, мужественно борясь со смертью, скончался весной 1936 года. Хоронили его все московские Грумы и ленинградские Груммы, знакомые и незнакомые, сограждане, советские ученые во главе с президентом Академии наук Александром Петровичем Карпинским, бессменно занимавшим этот высокий выборный пост с мая 1917 года и умершим через несколько месяцев после своего друга и коллеги...

И может, ты не знаешь, Доржийн, что на похороны Г. Е. Грумм-Гржимайло срочно вылетела тогда из Улан-Батора большая группа монгольских ученых? Успели, и никому не позволили нести гроб с телом покойного — ни у дома на улице Графтио, ни на Волковом кладбище, попросили предоставить это право им. Выступавший на гражданской панихиде монгольский ученый сказал, что в его народе живет память о седобородом русском, который прошел всю Азию и знал, как растут горы и рождаются моря. Схоронили его по соседству с великим писателем Николаем Лесковым...

Об истории мы много с тобой говорим при наших встречах. В прошлом каждого народа были и темные, и светлые страницы, заполненные описанием деяний героев и злодеяний антигероев. Однажды у нас зашел

разговор о Чингиз-хане. Я сказал, что это был, видно, сильный мужик, если сумел... А ты вдруг перебил, возразив, что этот ужас какой сильный мужик загубил миллионы людей по всем сторонам света и омертвил свой народ, выключив его на много веков из мировой истории.

Да, Доржийн, я знаю это. Современный монгольский историк Ш. Сандаг пишет: «Тотальная мобилизация людских и экономических ресурсов нанесла Монголии серьезный ущерб. Монгольские воины, огнем и мечом покоряя чужие страны и оставаясь там в качестве полицейской силы Монгольской империи, не вернулись, а рассеялись и ассимилировались с более многочисленными народами на местах. Жестоко пострадала и экономика страны, поставленная на службу военным авантюрам».

Чингиз-хан и его потомки алчно грабили всех и вся, ничего не оставив после себя, кроме тяжких воспоминаний о реках пролитой человеческой крови, бесчисленных разрушенных городах Евразии, кроме полуомертвевшей центральноазиатской территории с ее несчастным народом-тружеником. Много на эту тему можно было бы сказать анализирующих и обобщающих слов, но мне лично все сказал неизвестный монгольский поэт XIII века. В замечательном «Сказании об Аргасуне-хуурчи» он поведал о том, как прискакал к Чингиз-хану, задержавшемуся в чужой стране на очередном брачном ложе, народный певец и музыкант Аргасун. Чингиз спросил: «Здоровы ли супруга моя, сыновья и весь народ?» Аргасун-хуурчи ответил:

Супруга твоя и сыновья твои здоровы!
Но не знаешь ты, как живет весь народ твой.
Жена твоя и сыновья твои здоровы,
Но не знаешь ты поведенья великого народа твоего!
Поедает он кожу и кору, что найдет, разорванным ртом своим,
Всего народа твоего поведенья не знаешь ты!
Пьет он воду и снег, как случится, жаждущим ртом своим,
Твоих монголов обычая и поведенья не знаешь ты!

Это сказал великий поэт...

В позднее средневековье монгольский народ стал жертвой ничтожных князьков и родовых старшин, китайских и маньчжурских феодалов. Навалилась на него также страшная темная сила — наркотическое религи-

озное учение с его многовековым опытом духовного порабощения людей и разветвленными институтами. Бесчисленные ламаистские школы собирали со всей Монголии мальчиков, чтобы через тридцать пять лет зубрежки выпускать их в мир знатоками священных книг, содержащих многие тысячи страниц.

Мне довелось однажды, Доржийн, увидеть все эти триста тридцать четыре тома канонического санскритского текста. В этом единственном полном экземпляре, которым располагает моя страна и Европа, хранится, конечно, и древняя восточная мудрость, и сложнейшая философия, и мистическая мифология, и народная медицинская рецептура, ждущая расшифровки, но ведь все на свете должно иметь меру... Семьсот монастырей, тысячи ритуальных капищ, сто тысяч священнослужителей! Эти святые отцы свято обслуживали власть имущих, утешая скотовода-труженика тем, что его душа-де переселится в счастливое новое бытие и забудет краткосрочную земную юдоль... Ламы ничего не производили, даже потомства, что вместе с массовыми убийствами, бедностью и болезнями истощало силы нации, катастрофически сокращало ее численность, и Н. М. Пржевальский сто лет назад с грустью размышлял о возможном исчезновении твоего, Доржийн, народа с лика земли.

А он нужен земле, монгольский народ, как любой другой, до наших дней пронесший сквозь тысячелетия свой язык, любовь к родине, навыки освоения природных богатств, обычаи, особенности национального характера... Жестокость была навязана Чингизом его разноплеменным завоевательным ордам как средство устрашения жертв; жестокими были в те времена и многие власть имущие Англии, Испании, Руси, Китая, и это в средневековой Европе, где уже появились первые парламенты и университеты, заживо сожгли Жанну д'Арк, Джордано Бруно, Яна Гуса... Впрочем, ради исторической справедливости следовало бы отметить, что раннесредневековая земледельческая Русь в силу различных обстоятельств более или менее бескровно вживалась в просторные территории угро-финских племен и при создании своей государственности опиралась на довольно высокую по тем временам морально-этическую основу — в «Русской правде» (XI век!) не преду-

сматривается в качестве карательных мер ни увечий, ни смертных казней; допускалось только убийство ночного вора на месте преступления, если нельзя было его связать и дождаться света; это была, в сущности, средневековая, юридическая формулировка нынешнего так называемого «предела необходимой обороны»...

В одной дореволюционной справочной статье писалось о психическом складе твоего, Доржийн, народа: «Вообще монголы приветливы и широко гостеприимны, словоохотливы, вспыльчивы, но не злопамятны, упрямы, но легко поддаются обаянию лести». В этой давней характеристике все по-человечески симпатично и понятно, в том числе и последняя черта, насчет «лести»,— скажи, Доржийн, есть ли на свете человек, равнодушный к поощрительному доброму слову или комплименту? А без упрямства, которое, кстати, часто путают с упорством, ни один народ не дожил бы до нашего времени, как не дожил бы он без любви к детям и привычки к труду... Тот же автор писал, что монголы «способны трудиться много и долго», и — не прими за лесть или комплимент — я это знаю по твоей диссертации... Труд, зиждитель всего, жизнелюбие и долготерпение позволили монгольскому народу в самые тяжкие годы безвременья сохранить надежды на добрые перемены, и они пришли вместе с большой переменой в судьбе северного соседа, моего народа, с которым после встречи Ленина и Сухэ-Батора побратался твой народ, Доржийн. И на огромной территории, свободно вместившей бы несколько самых крупных европейских государств, зародилась новая современная цивилизация — социалистическая, то бишь общественная, предусматривающая полное раскрытие народного потенциала в трудовой связи с принадлежащими ему природными богатствами, всеобщим обязательным светским образованием, с непременным сбережением всего национального при его приобщении, естественном входе в общечеловеческую культуру, науку, политическую и всякую иную жизнь.

Счастья и мира твоему, Доржийн, доброму, гостеприимному и мирному народу!

Опять я вспоминаю о войнах, Доржийн...

Тридцать три века назад произошла на земле первая война, которая сохранилась в памяти людей бла-

годаря письменам на камне. Египетский фараон Рамзес II сражался с царем хеттов Хетасаром, и между ними был заключен договор, устанавливающий на земле вечный мир. После этого на планете приключилось более пятнадцати тысяч войн, и люди находили для них свои определительные слова — были войны большие и малые, локальные и мировые, междоусобные и религиозные, торговые и колониальные, феодальные и династические, крестьянские и гражданские, внутренние и внешние, повстанческие и партизанские, грязные и священные, семилетние и столетние, чайные и опиумные, расовые и народные, наступательные и оборонительные, химические и танковые, разорительные, захватнические, истощительные, победоносные, беспощадные, истребительные, тотальные, позиционные, окопные, сухопутные, морские, воздушные, экономические, холодные, психологические...

А некоторым войнам земляне пока не смогли придумать односложных названий из-за их чудовищности. Как назвать войну кампучийских наймитов против собственного народа, в которой было уничтожено на глазах всего мира более трех миллионов человек?!

А как назвать войну против народа Внутренней Монголии с целью китаизирования, полного растворения коренного населения обширного района Азии, когда официально было объявлено, будто «судьба монгольского языка и письменности недолговечна»...

Правители сегодняшнего Китая поднимают на щит «покорителя вселенной» Чингиз-хана, Хубилая, маньчжурского императора Канси, подсовывают школьникам карты, включающие в территорию этой страны «периода наибольшего могущества» часть Сибири и Дальнего Востока, всю Монголию, юго-восточную и всю Среднюю Азию, Ближний Восток, Восточную Европу и Северную Африку! Весной 1980 года в Китае было торжественно отмечено 753-летие со дня смерти Чингиза — организовано пышное шествие к специально выстроенной гробнице, состоялось возлияние вина и молока на, так сказать, его копье, произнесены соответствующие речи... А современник трагических событий средневековой истории китайского народа Чжан Чжу писал:

В канавах люди пожирают трупы,
Ребенка мать бросает на дорогу —
Прохожие глаза отводят тупо:
Они помочь уже ничем не могут.
В сплошной войне идут десятилетья...

В сплошной войне идут десятилетья... Сегодня это антиафганская, чилийская, ближневосточная, южноафриканская и иные войны доморощенной и международной реакции против свободы народов и сил социального прогресса. Это и международная война с человеческим в человеке, нравственно разлагающая или усыпляющая большие общественные группы и целые народы, это и война «покорителей» природы, хищнически уничтожающая бесценное наследие землян, единственный источник их благ...

Не могу не вспомнить здесь замечательного русского ученого Николая Николаевича Миклухо-Маклая, естествоиспытателя-материалиста, антимальтузианца и великого гуманиста, патриота России, сына Человеческого. Около ста лет назад он призывал к рациональному использованию богатств земной природы, к освоению пищевых ресурсов мирового океана, верил в неисчерпаемые возможности и силу науки, провозглашал оптимистическое будущее всего человечества. Говорил в своем последнем австралийском интервью: «Если мы, взявшие на себя бремя науки, намерены быть гуманистами в истинном значении слова и заботиться о благе человечества не только в настоящее время, но и в будущем, мы должны, на мой взгляд, помнить об обратной стороне всех наших гуманистических идей, которые с течением времени, несомненно, восторжествуют. Мир освободится от человеконенавистнических предрассудков, от рабства, от будто бы обоснованных претензий одного народа угнетать другой народ, человечество поймет преступность насилия, жестокости, неравноправия, люди всех наций и рас поймут, что между собой они равны и каждый из них наделен от рождения равным правом на жизнь и жизненные блага. Наука избавит человечество от эпидемий, многих пока неизлечимых болезней, облегчит труд людей, обогатит их душу и мозг прекрасными идеалами».

Ты знаешь мои книги, Доржийн, в которых я, как и многие, писал о чрезвычайных сегодняшних опасностях

для человечества, связанных с бездумным, временщическим использованием природного сырья, больше половины которого уходит ныне на производство оружия, а грядущее грозит ядерными, бактериологическими, климатическими, нейтронными, радиологическими, лазерными и неизвестно еще какими войнами, результаты и последствия коих никто не в состоянии предсказать. Кроме циничных политиканов, алчных наживал и продажных писак, объявились «теоретики», пытающиеся навязать людям комплекс политического бессилия или агрессивности, чтобы доказать неизбежность войн, делая свое мерзопакостное дело с такой лихостью, что можно подумать, будто сами эти гомоноиды проживают на летающих тарелках. Может, они успели забыть, что на каждого погибшего во второй мировой войне пришлось в среднем по 1000 килограммов снарядов и бомб, в корейской — по 5600 килограммов, во вьетнамской — по 17800, или не знают, что ныне на каждую душу живу приходится по 400 тонн эквивалентной тротилу одной только ядерной взрывчатки?..

Между тем коллективный разум человечества выработал единственное практическое средство против угрозы войны — ограничение, сокращение, затем всеобщее и полное разоружение; это историческая необходимость, не имеющая альтернативы.

Только как сие сделать? Сегодняшняя трудная реальность и наше будущее тревожили один прозорливый ум еще в конце прошлого века. «К счастью, в то время, когда слепая природа под страхом истребления требует соединения всех разумных сил, а разумные силы, вооруженные истребительнейшими орудиями, невольно приходят к вопросу о необходимости разоружения и вместе с тем к невозможности его, — открывается способ из величайшего зла сделать величайшее благо». Русский философ Николай Федорович Федоров, кстати, первым из мыслителей заговоривший о неизбежности выхода человека в космос, предрек наперекор, как он выражался, «политическим мошенникам» превращение военных армий в трудовые для всеобщего дела людей — рационализации, использования природных богатств земли и освоения космического пространства ради тех же людей... И нет на Земле ни одного «избранного» народа, как нет ни одного «неполно-

ценного», все они без исключения равны между собой, всем им мать-Земля предоставила равное право жить, трудиться, растить детей и никому не дала привилегий силой или хитростью отнимать у других заработанные блага или паразитировать на чужих трудах и талантах. Бездна Космоса, в которой мы, земляне, одни-одинешеньки, необходимость раскрытия тайн природы и человека, чтобы в конце концов сохранить жизнь на Земле — это равняет всех живущих и станет рано или поздно общечеловеческой аксиомой, думать иначе будет невозможной аморальностью для единопланетян, все еще переживающих младенческую пору своей истории.

Во время одной из встреч с тобой, Доржийн, мы заговорили о сегодняшнем и будущем. И в повести, над которой я тогда работал, мне захотелось выразить общие наши мысли в раздумьях одного из ее героев, потомка декабриста, мечтающего написать большой труд о созидательной истории человечества; в этой работе он собирался коротко и точно оценить всяческих ганнибалов и наполеонов, чингизханов и гитлеров, пунические, столетние и прочие войны, сосредоточив главное внимание на истории становления Человека — на развитии гуманистической мысли, наук, на совершенствовании труда человечьего, на борьбе людей с угнетением, нуждой, предрассудками, болезнями и неправдой, на усложнении взаимоотношений между обществом и природой...

Да воцарится мир меж людьми и народами!

Чернигов — Козельск — Куликово поле — Москва.

1973—1980 гг.

Чивилихин
Владимир Алексеевич

ПАМЯТЬ

Роман-эссе

Редактор **В. Петров**
Художник **Б. Лавров**
Художественный редактор **Г. Саленков**
Технический редактор **Л. Анашкина**
Корректор **В. Дробышева**

ИБ № 2376. Сдано в набор 15.05.81. Подписано к печати 08.12.81. А 10127. Формат 84×108[1]/[32]. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 40,32. Усл. кр.-отт. 40,32. Уч.-изд. л. 41,90. Тираж 150 000 (1—100 000) экз. Заказ № 2-21. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Отпечатано с матриц типографии им. Смирнова, г. Смоленск, на книжной фабрике им. М. В. Фрунзе, 310057, г. Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

